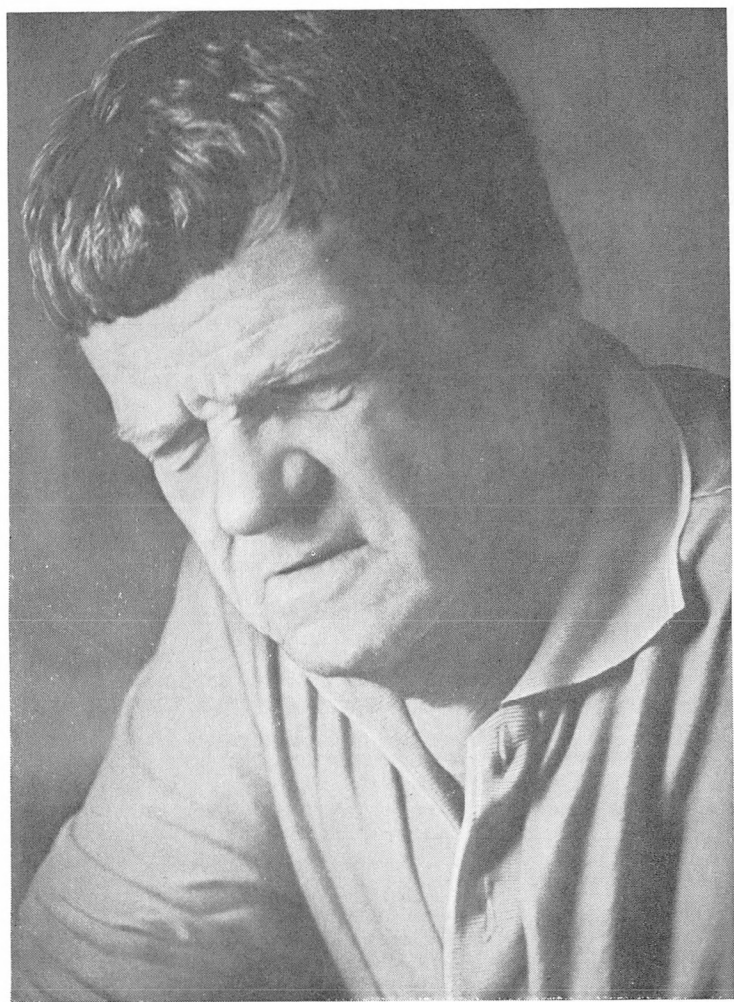

ЛЕОНИД
МАРТЫНОВ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

ЛЕОНИД
МАРТЫНОВ

СОЮЗТЕХНИКА ПУСКА

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1986

ББК 84.Р7
М29

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (*главный редактор*),

И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев, Р. Г. Гамзатов,
Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов, Е. А. Исаев, М. К. Каноат,
Д. С. Лихачев, Э. Б. Межелайтис, А. А. Михайлов, Л. М. Мкртчян,
Д. М. Мулдагалиев, Б. И. Олейник, А. И. Павловский, С. А. Рустам,
Н. Н. Скатов, М. Танк

Вступительная статья

В. В. ДЕМЕНТЬЕВА

Составление, подготовка текста и примечания

**Г. А. СУХОВОЙ-МАРТЫНОВОЙ, Л. В. СУХОВОЙ И
В. Г. УТКОВА**

Редактор В. С. Киселев

М $\frac{4702010200-398}{083(02)-86}$ 430-86

© Издательство «Советский писатель». 1986 г.

ПОЭЗИЯ ЛЕОНИДА МАРТЫНОВА

Художник приходит в мир, чтобы увидеть мир заново, во всей его неповторимости, чтобы поделиться увиденным с великим множеством людей, людей разных судеб, настроений, пристрастий,— так определил Леонид Мартынов призвание художника в наши дни. В этом определении он сам сказался полно и глубоко, как это вообще было свойственно его сложной творческой натуре. Леонид Мартынов отчетливо осознавал, что произведения литературы XX века не смогут оказать влияния на читателей грядущих поколений, если в них уже сегодня не войдет такой духовный заряд, который вполне раскроет свое содержание лишь в будущем.

Уже по одному этому жесткому и непримиримому требованию, которое Леонид Мартынов предъявил прежде всего к самому себе, можно судить о том, насколько мощным и действенным было «силовое поле» его воображения, насколько остро он чувствовал свою связь со временем, насколько продуктивны были его замыслы и планы. Далеко не все из них Леониду Мартынову довелось осуществить, но то, что им создано, поражает страстным и непреходящим желанием «быть в пределах Грядущего».¹

Однако чтобы это вполне понятное человеческое желание не обернулось пустой мечтательностью, поэт не должен терять земли под ногами, утрачивать, как сказал Л. Толстой, «теплоты патриотизма»; напротив, всю жизнь он должен стремиться как можно ближе быть к заботам и чаяниям своих сограждан.

Леониду Мартынову довелось воссоздать в поэзии облик нашей эпохи — от 20-х до 80-х годов XX века, выразить сложнейшую структуру этого времени, передать, говоря словами Маяковского, свою мечту о «еди-

¹ Мартынов Л. Черты сходства. М., 1982. С. 81.

ном человечьем общежитье», о фантастическом рывке в Зазвездье. Вот почему о его сочинениях можно сказать словами, которыми начинается одно из стихотворений поэта:

Есть книги —
В иные из них загляни
И вздрогнешь:
Не нас ли
Читают
Они!

1

Леонид Николаевич Мартынов родился 9 (22) мая 1905 года в городе Омске. По семейному преданию, его прадед, Мартын Лошилин — офеня-коробейник из-под Мурома, — долгие годы провел в странствиях по Сибири, пока наконец не поселился в Семипалатинске и не обзавелся там большой семьей. Одному из его потомков, Николаю, удалось поступить в омское техническое училище и получить редкую по тем временам специальность техника путей сообщения. Об этом стоит сказать хотя бы потому, что образ отца как первооткрывателя подземных «кладов» и «морей», как дерзкого смутьяна, который не чтит древних степных законов, вошел во многие стихотворения поэта, в первую очередь в «Балладу про Великий путь».

Мать, Мария Григорьевна, происходила из такой же разночинной семьи. В молодости она учительствовала в казачьей станице Бишкуль в северо-восточном Казахстане. После замужества она возвратилась в Омск и уже в наше, советское время работала в горздравотделе. Ее отец, военный инженер Григорий Павлович Збарский, во второй половине XIX века получил назначение в Среднюю Азию. Переехав из Петербурга в город Верный (нынешнюю Алма-Ату), он приступил к строительству военного госпиталя и грандиозного деревянного храма, способного выдержать самые сильные землетрясения. Он также замыслил сооружение ирригационных систем, но при весьма неясных обстоятельствах скоропостижно скончался. Эти семейные воспоминания легли в основу поэмы «Рассказ о русском инженере» и ряда других произведений Леонида Мартынова.

Раннее детство поэта прошло в служебном вагоне отца. Вагон подолгу стоял среди степей и полупустынь Зауралья, а детское воображение рисовало саванны и превращало степных псов в царей пустыни львов, отары овец — в стаи диких животных. Кроме этих фантазий, навеянных прочитанными книгами, мальчику на всю жизнь запомнились убогие жилища кочевников-скотоводов, трахоматозные старики; играющие в пыли и песке полуголые дети. Разнообразие впечатлений оказывало бе-

зусловное влияние на формирующееся мировосприятие Леонида Мартынова.

«Из книг я знал, — писал он позднее, — о златоглавой Москве и величественном Петрополе, но вокруг себя видел неблагоустроенные человеческие поселения, тонушие то в снегах, то в грязи. Из книг я знал о том, «как хороши, как свежи были розы», но вокруг меня в полынной степи... щетинились чертополохи, пропахшие паровозным дымом».¹

Перед первой мировой войной отец Леонида Мартынова окончательно поселился в Омске и перешел на службу в Управление железных дорог Сибири. Следует заметить, что в современном Омске, в котором насчитывается более миллиона жителей, многое стало таким, каким оно представлялось в грезах подростка: мириады электрических огней, широкие проспекты, высокие здания, аэропорт, выстроенный по последнему слову техники, иначе говоря, «город-колосс». Однако улица Никольская (ныне — улица Красных Зорь) осталась почти такой же, какой она была прежде: широкая и пыльная летом, заметенная сугробами зимой. Здесь, в бывшем доме ссыльного поселенца Адама Вальса, прошли детские и отроческие годы Леонида Мартынова. В мае 1983 года в торжественной обстановке на этом доме была установлена мемориальная доска — так земляки увековечили память о пребывании поэта в Омске.

В доме Мартыновых книга была полноправным хозяином: много читали родители поэта, его старший брат Николай, бабушка Бадя. А так как книг и иллюстрированных изданий скапливалось все больше, то постепенно их стали складывать и на гардероб. Туда-то и любил забираться маленький Леонид. Он часами рылся в книгах, читал запоем, пригнув голову к коленям. Или, отвлечшись от чтения, рассматривал игру пылинок в солнечном луче, воображая вращающиеся колеса, цилиндры, пирамидки, иначе говоря, всевозможные геометрические фигуры... Может, такое воображение сложилось уже в раннем детстве, проведенном на колесах, а может быть, все эти миражи носились в воздухе времени, и мальчик интуитивно оказался в их власти.

Во всяком случае, размышляя о прочитанных книгах, а еще больше — о самом процессе чтения, Леонид Мартынов — опять-таки в духе ранних впечатлений детства — сравнивал этот процесс с неким загадочным калейдоскопом, в котором непрерывно возникают многокрасочные, фантастически странные фигуры. Но едва книгу откладываешь в сторону, как они исчезают, чтобы возникнуть вновь, когда глаза побегут по печатным строчкам.

Этим неосознанным впечатлениям детства Леонид Мартынов прида-

¹ Мартынов Л. Мой путь // Стихотворения. М., 1961. С. 6.

вал большое значение. Ведь он рос на рубеже двух миров: старого — пыльного, ковыльного, избяного, кошмяно-юртового — и нового — железнодорожного, парходного, телеграфного, велосипедно-аэропланного, — отдавая решительное предпочтение последнему, как он считал важным подчеркнуть в одном из рассказов автобиографической книги «Воздушные фрегаты». ¹ Уже в преклонном возрасте Леонид Мартынов писал, что наиболее остро и объемно бунинскую печаль полей ему дал возможность почувствовать не сам Иван Бунин, а его современник — С. А. Сергеев-Ценский, ибо, перечитывая его «Наклонную Елену», Леонид Мартынов вновь увидел тень террикона на почерневших от угольной пыли посевах пшеницы, увидел провода воздушной электрической дороги, услышал грохот подземных обвалов в шахтах и за всем этим почувствовал, осознал дух революции.

Пути заядлого книгоочия привели его, еще до поступления в гимназию, в городские библиотеки. В мужскую гимназию города Омска он поступил разнообразно и широко начитанным юношей. Гимназисту Мартынову легко давались древние и новые языки, история, география, вообще гуманитарные науки. Однако на его духовное и нравственное формирование в еще большей степени оказывала атмосфера городской жизни, родного дома, семьи. Необходимо добавить, что Никольская и близлежащие улицы, равно как и находившийся неподалеку Казачий базар, позволяли остро почувствовать подростку поразительную смесь языков, обычаев, нравов, одежд обитателей этих городских кварталов, заселенных ремесленниками, мелкими служащими, домовладельцами вроде Адама Вальса. Здесь звучал колокол крохотного костела и слышался звон трамвая, цокали подковы ломовых и на базарной площади мелькали лисьи малахаи киргизов, бархатные шапочки казашек, виднелись казачьи папахи и картузы мастеровых из ссыльнопоселенцев.

Такая многоязычная, пестрая среда и воспитывала в Леониде Мартынове, помимо чтения, жадный интерес к языку и быту других народов, интерес, который в дальнейшем в немалой степени содействовал его обращению к переводам. Венгры Шандор Петефи, Аттила Йожеф, Дюла Ййеш, Антал Гидаш, сербка Десанка Максимович, поляки Констанцы Галчинский и Юлиан Тувим, чехи Иржи Волькер и Витезслав Незвал, итальянец Сальваторе Квазимодо, чилиец Пабло Неруда — вот далеко не полный перечень поэтов, переводя которых Леонид Мартынов видел горизонты современной поэзии и выверял художественно-эстетические основы своего творчества.

Смешение языков и нравов, разнообразие жизненных впечатлений,

¹ Мартынов Л. Семейные предания // Собр. соч. В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 23.

жадное чтение, переносящее из эпохи в эпоху, из страны в страну, может быть, уже тогда в юном Мартынове заронили мысль о близости и чуть ли не одновременности на шкале культуры самых далеких друг от друга понятий, явлений, эпох.

Началась первая мировая война. Через Омск шли эшелоны с военнопленными, дальше, в Сибирь. Леонид Мартынов, как многие его сверстники, бегал к этим эшелонам менять хлеб на иностранные монетки и почтовые марки. Позднее он скажет:

Так вдали, в глуши, в Сибири,
На народ смотрел народ —
В представлениях о мире
Назревал переворот...

(«Сколько ты ни шевелись там...»)

Эти же бесконечные эшелоны, этот мрак первой мировой войны, эта шемящая тоска послужили поводом для необычайно острого восприятия ранних стихов Маяковского. «Мне показалось,— писал Леонид Мартынов,— что Маяковский видит и чувствует то, что вижу и чувствую я, хотя я не вижу того, что видит Маяковский, и он не видит того, что вижу я. И мне захотелось написать стихи. И я как умел начал писать их...»¹

Первые стихи были созданы Леонидом Мартыновым еще на гимназической скамье, когда он вместе со своим приятелем Борисом Жезловым, таким же одержимым поэзией подростком, доставал, где только мог, всевозможные современные поэтические издания. Особым вниманием пользовались выпуски «Чтеца-декламатора», в которых были представлены наиболее известные стихи И. Анненского, В. Брюсова, А. Белого, А. Блока, М. Кузмина, Ю. Балтрушайтиса, И. Северянина и многих других поэтов, а также первые сборники футуристов, вроде «Весеннего контрагентства муз», «Пощечины общественному вкусу», «Садка судей». Близость грядущей революции уже чувствовалась буквально во всем.

2

Великий Октябрь гимназист Мартынов встретил восторженно. Эти незабываемые дни ярко воплотились в целом ряде стихотворений, написанных в 20-е годы, а также спустя многие десятилетия. Особенно выразительно в этом смысле стихотворение «Октябрь» (1960), в котором есть слова о том, что лишь под ветром Октября «Проветрились чертоги муз»

¹ Мартынов Л. Мой путь. С. 7.

и что под сенью революционных знамен «Свободой упивалась всласть Новаторская кисть».

Период гражданской войны в Сибири и период колчаковщины нашли отражение в автобиографической прозе поэта, в которой он воссоздал напряженную обстановку того времени, выразительные портреты и сложные человеческие судьбы, вроде судьбы бывшего студента-пушкиниста и поэта Г. Маслова или местного «короля писательского» Антона Сорокина.

Квартира Антона Сорокина вскоре после освобождения Омска от колчаковцев стала своеобразным клубом для литераторов и художников левого толка. Под его руководством устраивались выставки, проводились поэтические вечера, а также популярные в то время литературные «суды» над писателями-классиками. Вообще молодые озорники под руководством Антона Сорокина, писал Емельян Ярославский, гораздо талантливее и живее иных маститых, пишущих невообразимо тускло и вяло.¹

К 1922 году относятся первые поэтические выступления Леонида Мартынова в печати: сначала в ведомственных газетках «Сибирский водник» и «Сибирский гудок», затем — в газете «Рабочий путь», где опубликованы «Мы — футуристы невольные...», «Поздней ночью город пустынный...», «Между домами старыми...», «Воздушные фрегаты». Стихотворение «Выдвинутые подбородки...», написанное в 1920 году, впоследствии стало открывать двухтомное (1965) и трехтомное (1976) собрания сочинений поэта, знаменуя начало самостоятельного творческого пути. Нет, не ошиблась в своей характеристике газета «Рабочий путь», писавшая: «Наиболее интересным из левой молодежи является Леонид Мартынов, поэт еще очень юный и шаткий, находящийся под сильным влиянием Маяковского и имажинистов, но несомненного дарования...»²

Если определить главное в творческой биографии Леонида Мартынова, то это будет мысль, вероятно, и не новая, но оттого не менее важная: творческая судьба талантливого художника — не в совершенствовании, она — в углублении. И поэтическое искусство интересно прежде всего этим углубленным проникновением в реальность, счастливо обретенными образами-символами, сюжетными ситуациями, новыми тематическими решениями.

«К чему все это привело», — фраза, однажды сказанная Леонидом Мартыновым, характеризует внимательный взгляд художника на события той более чем полувековой давности. Вот как он определил себя,

¹ Подробнее об этом см.: М а р т ы н о в Л. Омские озорники//Собр. соч. Т. 3. С. 109.

² См. «Рабочий путь» (Омск). 1922, 18 июня.

молодого журналиста, в одном из очерков 20-х годов: «Я, сотрудник печати, «корреспондент», человек, который должен в сто двадцать строчек газетной заметки уложить восьмисоттысячное строительство со всеми его достоинствами и недостатками».¹

Действительно, в то время Леонид Мартынов был оперативным корреспондентом-журналистом, очеркистом, а позднее и сотрудником лучших журналов того времени, в том числе горьковских «Наших достижений». В этом качестве он исколесил огромные пространства Сибири. То на лошадях, то пешком пересекал степи по трассе будущего Турксиба, был на торжественной церемонии стыковки рельсов южного и северного отрядов пути. На всю жизнь запомнил он великое множество всадников, которые подняли тучу пыли, застилавшую багряные облака как будто перед грозой или перед затмением солнца. Леонид Мартынов совершил также агитполет над Барабинской степью на самолете под управлением известного летчика Н. М. Иеске. Кроме того, он посылал в редакции критические материалы со строительства Балхашского медеплавильного комбината, изучал быт бергалов, как в старину называли горнорабочих на Риддерских рудниках, в районе современного Лениногорска. И писал в репортерском блокноте вот такие стихи: «О захолустье, чтоб тусклолучинное Рушить обличье твое, Шубу, бушуя, ношу я овчинную, Так распахну хоть ее...»²

В этом лирическом речитативе характерно стремление молодого литератора развеять дремотный быт бергалов, внести в этот быт нечто современное, прекрасное. Характерно, что Леонида Мартынова и в дальние и в ближние поездки нередко увлекали желания и замыслы странные. Например, подобно своему прадеду-книгоноше, он однажды пустился с фанерным чемоданчиком, набитым книгами, в район Семиречья. В другой раз собирал лечебные травы на Алтае, в третий — искал мамонтовые кости по берегам сибирских рек. Но где бы он ни бывал, чувствовал одно и то же: «Прошлое поделено, будущее предreshено!»³

Будущее Западной Сибири да и всей нашей страны Леонид Мартынов видел таким: на берегах Иртыша вместо старинных казацких крепостиц выстроятся линии зернофабрик и элеваторов — этих новых крепостей пролетариата. Но, пожалуй, самый важный вывод из этих юношеских журналистских скитаний Леонид Мартынов сделал позднее в новелле «Лукоморье» (1975). Именно в годы своей беспокойной и скитальческой жизни в его сознании, пусть еще смутно и неясно, стал формироваться лирический образ — образ прохожего, на других непохожего, поющего песню о Лукоморье. Этот взгляд в прошлое, как бы объединивший многие впечатления поэта и разные жанры, к которым обращался

¹ Мартынов Л. Грубый корм: Очерки. М., 1930. С. 49.

² Мартынов Л. Какой-то змий//Собр. соч. Т. 3. С. 217.

³ Мартынов Л. Грубый корм. С. 47.

Леонид Мартынов, становится важной составной его художественно-эстетической системы, очень гибкой, способной включать разные слои и уровни действительности, от непосредственной эмоции до мифа и научной информации.

Вместе с тем творческий облик молодого Мартынова нельзя представить лишенным противоречий. Теперь их, конечно же, можно объяснить преходящими воздействиями времени, но вряд ли имеет смысл обходить их молчанием. Поэтический идеал молодого поэта в 20—30-е годы определялся своеобразным «коэффициентом деформации» реальной жизни, что и было ощутимо в таких его стихотворениях, как «Голый странник», «Зеваки», «Река Тишина». Умственную пищу ему давали те замыслы и сюжеты, которые были прямо противоположны вялой описательности, иллюстративности, банальности. Его не привлекали изображения в «прямой перспективе», описания того, как «в море корабли боролись с бурей», как на земле «цветы цвели». Как бы оправдывая «деформацию» реальных, Мартынов находил силу поэзии в новизне и необычности видения мира, а стало быть, и лирического переживания, в ее способности передать то, что могло быть, могло бы случиться. Вот почему с такой жадностью поэт улавливал в частности «черты будущего, желаемого, еще небывалого въявь». ¹

«Обратная» перспектива и факт, условно говоря, поставленный с ног на голову, парадоксально осмысленный,— еще один способ создания сложноассоциативной метафоры, новаторской по существу, которую осваивал молодой Леонид Мартынов.

Однажды в начале 20-х годов, на Сретенке, рассказывал поэт, он взглянул с трамвайной площадки на Сухареву башню так, что явственно почувствовал: нет, не трамвай бежит к Сухаревке, а некий фокусник, скрытый за циферблатом башни, «рельсы тянет из пасти трамвая». ² Более яркой метафоры с обратной перспективой трудно было найти. Леонид Мартынов, приехавший из Сибири в Москву, как будто въявь почувствовал эту обратную перспективу Сретенской улицы и вновь ощутил все новаторство поэзии Владимира Маяковского.

Так обреталась, может быть, с известной долей экстравагантности, творческая позиция, которая и позволяла Леониду Мартынову сказать о себе: «Мое это право! Я строю свою Державу, Где заново всё создаю!» («Вот лес...»). Эта творческая позиция свойственна многим поэтам сложноассоциативного мышления. Здесь следует вспомнить не только В. Маяковского и В. Хлебникова, но и Н. Асеева, М. Цветаеву, Б. Пастернака, Н. Заболоцкого. Леонид Мартынов, как и его современники-поэты, стремился к самому главному: он хотел, чтобы искусство поэтического слова

¹ Мартынов Л. Черты сходства. С. 154.

² Мартынов Л. Брюсов календарь//Собр. соч. Т. 3. С. 301.

открывало новые горизонты духовного бытия и тем самым обогащало сознание читателей.

Позднее, в период создания цикла исторических поэм и книги «Лукоморье», главную сферу приложения творческих сил Леонид Мартынов трактовал несколько иначе: он определил ее как область, где действительность смешалась с вымыслом. Категория действительности теперь была поставлена на первое место, а не так, как, скажем, в стихотворении «Голый странник». В этой перестановке была своя закономерность: в эстетических воззрениях Леонида Мартынова появилось новое качество — историзм художественного мышления. Принципу историзма, равно как и принципу детерминизма, он остался верен до конца дней своих.

Возвращаясь к лирике Леонида Мартынова 30-х годов, надо заметить, что своеобразное истолкование им общих проблем искусства сразу прояснится, если вспомнить, как нередко в те годы между искусством и жизнью ставился знак равенства, либо искусство отождествлялось с фотографически точным изображением быта, так что «отлет фантазии» вовсе не предусматривался. В этом смысле весьма характерно признание А. Т. Твардовского, что в период создания «Страны Муравии» закономерное существование условности в поэзии было для него открытием первостепенной важности.

Для Леонида Мартынова как стихотворца, как художника важным было осознать до конца, что поэтический образ может порождать многие и непохожие друг на друга ассоциации. В формуле «действительность — вымысел — искусство» все внимание Леонид Мартынов, автор «Лукоморья», акцентировал скорее на слове «вымысел», чем «действительность». А в таких случаях, как точно отметил А. В. Луначарский, художник несколько топит объективный мир в своих субъективных впечатлениях. Что это именно так, можно убедиться, прочитав прежде всего мартыновскую «Реку Тишину».

«Ты хотел бы вернуться на реку Тишину?»
— «Я хотел бы. В ночь ледостава».
— «Но отыщешь ли лодку хотя бы одну
И возможна ли переправа
Через темную Тишину?» —

так начинается это стихотворение, одно из наиболее признанных и загадочных в лирике Леонида Мартынова. Некоторые критики делают попытки установить точные координаты этой фантастически прекрасной реки Тишины. Однако кроме упоминания предместья Волчий хвост, реально существовавшего под Омском, ничто не говорит о том, что действие стихотворения происходит на берегах реки Оми, впадающей в Иртыш.

Насколько документально точным был любой очерк Леонида Мартынова, напечатанный в газетах и журналах, настолько поэтически условна, даже фантастична обстановка, в которой пребывает лирический герой «Реки Тишины». Чувство тревожной напряженности, близкой утраты чего-то призрачно прекрасного — вот что составляет эмоциональную сердцевину этого стихотворения. Наше духовное обогащение идет путем сопереживания, путем познания чувственно-поэтического, интуитивного. Леонид Мартынов может быть назван художником реализма в том значении этого слова, которое дал ему Ф. М. Достоевский в записной книжке. «Меня зовут психологом: неправда,— писал он.— Я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой». ¹

3

Леонид Мартынов верил в предчувствия — творческие, житейские, душевные. Во всяком случае, именно о них, о своих предчувствиях, он много говорил в новелле «Явление птицы Ундервуд», посвященной жене и близкому другу Нине Анатольевне Мартыновой-Поповой. Правда, не только и не столько предчувствия их встречи, сколько сложные жизненные обстоятельства привели Леонида Мартынова в 1932 году в древний северный город Вологду, где и начался новый этап его жизни и творчества.

На заре розовела от холода
Крутобокая белая Вологда.
Гулом колокола веселого
Уверяла белая Вологда:
Сладок запах ржаных краях!

(«Вологда»)

Начался он встречей с Ниной Анатольевной, работавшей в то время секретарем-машинисткой в редакции местной газеты «Красный Север». Как и в дни туманной юности, Леонид Мартынов вновь стал печатать — теперь уже в этой газете — небольшие заметки и информации, которые были подписаны «Мартын Леонидов», «Леонидов», «М. Л.», «Л.». И, как раньше, его энергия оказалась неистощимой, работоспособность — удивительной, быстрота отклика — мгновенной. Высокий, голенастый, медноволосый, одетый в свитер и галифе, похожий то ли на отставного

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т., Л., 1984. Т. 27. С. 65.

военного, то ли на авиатора из Осоавиахима, он появлялся в разных концах города, чтобы исчезнуть и снова возникнуть в пригородном совхозе или в цехах завода «Северный коммунар».

Не случайно поэт скажет, что именно в этот период он глубоко погрузился в стихию современности. Однако благодаря знакомству с историческим обликом русского Севера, с его архитектурой и его народными промыслами (вроде знаменитых вологодских кружев), с его природой и его людьми, хранившими в своем характере и своем обличье что-то от новгородских ушкуйников, Леонид Мартынов воочью увидел и «предысторию» своей родины — страны Холодырь.

Поэт обратил на это внимание в одном из номеров газеты «Красный Север» 1934 года, где он спрашивал: не предки ли вологжан и архангелогородцев направляли свои кочи «встречь солнца» или проходили великий Пермский камень — Урал «чрескаменным путем»? Не они ли открыли ледяные ворота Лукоморья, основали вольный город Мангазею, а затем устремились дальше в Сибирь — к устьям великих сибирских рек и к самому Океану? Ведь после них тем же путем прошли летописцы и ученые-«географусы», в сочинениях которых стерлись границы реальности и вымысла.

Так заново родилось сказочное Лукоморье, а карта Сибири обрела большую историческую глубину и большую масштабность. Открытая поэтом «связь земель» позволила ему открыть и соответствующую «связь времен». Вот почему в автобиографических заметках «Мой путь» Леонид Мартынов отметит, что, очутившись на русском Севере, в частности в Вологде, он как-то особенно остро ощутил эту связь прошлого с настоящим и настоящего с будущим. Чрезвычайно важное для него признание!

В горниле душевных и нравственных потрясений, в горниле поисков и открытий, разочарований и надежд выкристаллизовывалась мысль о взаимосвязи и взаимозависимости всего сущего в природе, в общественной жизни, в судьбе отдельного человека. И не случайно Антал Гидаш, ближайший друг поэта, определил его девиз следующими словами: «Все влияет на нас, но и мы на все влияем». И добавил, что этот девиз можно смело начертать на челе нового искусства XX века.¹

Стихотворение «Подсолнух», написанное в 1932 году в Вологде, безусловно относится к одному из лучших в творчестве Леонида Мартынова, никогда не оставлявшего «вечную» тему — тему вдохновенного служения искусству, служения красоте.

Конфликт между живописцем-ремесленником и лирическим героем стихотворения перерастает в конфликт между искусством описательным,

¹ Г и д а ш А. Сейсмограф и двигатель душ//«Юность». 1967, № 6. С. 74.

обветшалым, омертвевшим и искусством нетрадиционным, искусством, способным своим «заманчивым дыханием» заморозить людей, вырвать их из тенет обыденной жизни и обыденного сознания.

Измена такому искусству есть измена человеческому в человеке. И напротив, служение ему есть вочеловечивание человека. Любовь — вот чувство, которое вызывает к жизни необыкновенный творческий порыв. Следует заметить, что в стихотворении есть автобиографический момент. Леонид Мартынов одно время увлекался живописью и даже получил направление для поступления во ВХУТЕМАС. Болезнь помешала ему осуществить эту мечту. В «Подсолнухе» необычайно выразительно изображены и маковое масло в бутылки, и краски, и кисти, и главное — тот момент душевного подъема, даже некоторой экзальтации, которой был охвачен «судьбой дарованный гость»:

Тебя я рисовал,
Но вместо тела
Изобразил я полнокровный стебель,
А вместо плеч нарисовал я листья,
Подобные опущенным крылам.

Почему же поэт вывел в стихотворении этот необычный, даже странный образ женщины-подсолнуха? А потому что он полнее и глубже передал сущность той, что всем своим обликом и своим характером мгновенно его покорила:

Я закричал:
«Я видел вас когда-то,
Хотя я вас и никогда не видел,
Но тем не менее видел вас сегодня,
Хотя сегодня я не видел вас!»

И поскольку лирический герой «Подсолнуха» — личность, «выломившаяся» из типических обстоятельств, противостоящая обывательскому укладу городка, то естественно, что и образ женщины, поразивший воображение, не мог не быть столь же необыкновенным, неожиданным, неповторимым. И Леонид Мартынов нашел такой обобщенный образ-символ — подсолнух, который, как известно, всегда поворачивается к солнцу. Позже он написал в одной из своих новелл: «...так явилась мне моя судьба в образе моего солнечного Подсолнуха». ¹

Духовный взлет, пережитый Леонидом Мартыновым в момент создания «Подсолнуха», не прошел для него бесследно. Ведь по словам Ле

¹ Мартынов Л. Лермонтовская улица // Собр. соч. Т. 3. С. 137.

Корбюзье, художник рождается в те минуты, когда он чувствует себя большим, чем человек. И для его возлюбленной, для этого «Прекрасного, но пленного растенья, Ушедшего корнями в огород», также не прошла бесследно встреча с «судьбой дарованным гостем». Их встреча на перекрестке дорог, ведущих в «будущие годы», в такой же степени была случайной, как и предопределенной их жизнью, их судьбой.

Социально-этический, социально-эстетический момент чаще всего у Леонида Мартынова выступает в форме внутренней борьбы человека. Так еще раз подтверждается старая истина, что от богатства внутренней жизни личности, от разнообразия ее нравственно-психологических состояний зависит обновление искусства.

В «Голом страннике» поэт сталкивает почти арктический холод мироздания с незащищенностью и одновременно неподвластностью этому холоду искусства: оно живет вопреки «бедне снеговой». Со временем взаимозависимость всего сущего как отчетливо детерминистская идея получила еще более яркое выражение у Мартынова. Это видно из такого высказывания поэта: «Авторы создают стихи, а стихи — судьбу авторов!»¹

Собственной судьбой Леонид Мартынов подтвердил верность этого афоризма. Однако с такой же исторической или, иначе сказать, временной обусловленностью, закономерностью в его взглядах происходила и перестановка акцентов. В стихотворении «Что-то новое в мире...» (1948, 1954) обновление в сфере искусства Леонид Мартынов выводит уже не только из духовного роста художника, но и из благотворных перемен, происходящих в жизни общества. Причем оздоровление общественной атмосферы неизбежно ведет к расцвету искусства — такова главная его мысль:

На деревьях рождаются листья,
Из щетины рождаются кисти,
Холст растрескивается с хрустом,
И смывается всякая плесень...

Поэт, переводя дыхание, заканчивает с торжеством:

Дело пахнет искусством,
Человечеству хочется песен.

Еще уверенней и непосредственнее Леонид Мартынов провозгласил примат действительности над художественным вымыслом в 60-е годы: «Да будет так! Мое сознание Есть отраженье Бытия!» («Отраженье»).

¹ Мартынов Л. Черты сходства. С. 74.

Движущей силой в его поэзии было все более глубокое понимание социально-общественной роли искусства, верность пушкинской традиции — традиции подлинно передовых идей, которые должны в человеке и человечестве пробуждать «чувства добрые», вызывать «прекрасные порывы».

4

Под стихотворением «Замечали — по городу ходит прохожий?..» стоят даты: 1935—1945. Период чрезвычайно важный и в жизни и в творчестве Леонида Мартынова, период, который безусловно прошел под знаком Лукоморья — реальной и столь же легендарной земли, расположенной на обском Севере. Лукоморье было открытием поэта; он жаждал найти именно такой — эпический и одновременно лирический образ, образ-символ, позволяющий воплотить все многообразие его интеллектуально-художественных устремлений.

В понятие Лукоморья Леонид Мартынов включал не только легенды о «златокипящей» Мангазее, в которой свободно живется разному люду, бежавшему от тяжелой государевой десницы, о Златой деве, охранявшей эту сказочную страну, о бабе-яге, кудеснице, одетой в ягушку, меховую одежду, о превеликом Эрцинском лесе, «Чьи корни до сердец, Вершины до небес», воспетом ученым монахом Николой Спафарием... В образе Лукоморья Леонид Мартынов запечатлел и момент встречи прошлого с будущим. Его нередко называют певцом Лукоморья, и не только потому, что так была названа книга лирики, вышедшая в 1945 году. Образ Лукоморья вобрал в себя все наиболее существенное в нем как в художнике и мыслителе. Это был образ страны, где все необычно, где все будничное превращается в фантастически прекрасное, где «шары янтаря» тяжелеют у моря и далекие предгорья пламенеют в лучах заходящего солнца. Легенда о Лукоморье и помогла Леониду Мартынову сформировать подлинно эпический взгляд на события и явления современного мира, обрести чувство внутренней свободы, раскрепощенности, раскованности, которые столь необходимы для истинного творчества.

Немало тому способствовали и события его личной биографии: в конце 1935 года он вместе с женой Ниной Анатольевной вернулся в Омск, где ему было предложено место редактора в только что созданном областном книгоиздательстве. Возвращение не могло не всколыхнуть в нем целый рой воспоминаний. Но что более всего вдохновляло его, так это то, что северное Лукоморье и места исторических битв и встреч народов — все это было рядом, поблизости от родного города Омска. И еще один важный момент был отмечен поэтом в его новом творческом состоянии: «Я ощущал прошлое на вкус, цвет и запах, я чувствовал, что надо выразить все эти ощущения, осознать их творчески и в конце концов

таким образом освободиться от них, чтобы вернуться к современности... И тогда я решительно взялся за поэмы». ¹

Жили Мартыновы, как и прежде, в том же домике, некогда принадлежавшем Адаму Вальсу, в комнате, переоборудованной из бывшей передней. Здесь-то, в этом закутке, как называл комнатку Леонид Мартынов, где умещались кровать да стол для работы, освещенный даже днем электрической лампой, и была написана «Правдивая история об Увенькае».

Возникла поэма из острого желания написать о людях, которые были современниками Пушкина и которые по-разному восприняли смерть великого поэта на дуэли. Вместе с тем Леонид Мартынов этой первой большой исторической вещью хотел показать Пушкина как поэта будущего. Его не столько занимал Пушкин своего времени, сколько «Пушкин, уходящий в Грядущее!». ² Подобное художественное претворение исторического прошлого через будущее и стало для него ключом к новому жанру — жанру исторических поэм.

Местом действия поэмы «Правдивая история об Увенькае» Леонид Мартынов выбрал отдаленный угол Российской империи — Омскую крепость, а ее героем — воспитанника школы толмачей, «инородца» Увенькая.

История Увенькая изложена в полном соответствии с документами. В 1808 году царское правительство разрешило военным служащим и людям дворянского сословия покупать казахских детей, с тем, однако, условием, что по достижении двадцатипятилетнего возраста они будут отпускаться на волю. Само собой разумеется, что последнее условие выполнялось редко. Увенькая купил полковник Шварц, старый служака, не лишенный отзывчивости и трезвости суждений. Определив мальчика в школу толмачей, которая готовила лазутчиков царского правительства в порубежных землях, полковник приблизил к себе смышленного «азиатца». Увенькай стал его слугой и одновременно чем-то вроде воспитанника. Время действия «Правдивой истории об Увенькае», как и большинства поэм Леонида Мартынова, обозначено точно: 1836—1837 годы.

Случайная встреча с декабристом, подарившим Увенькаю «Кавказского пленника» Пушкина, перевернула многое в его душе. Увенькай знал свою участь, предвидел ее — он обречен на гибель, ибо в Кокандском ханстве существуют жестокие законы и лазутчикам белого царя там нет снисхождения. Потому-то «Кавказский пленник» и явился для него настоящим откровением.

Крепость, школа толмачей, дом полковника, молодая госпожа, подвергающая Увенькая унижительным истязаниям, — все ненавистно

¹ Мартынов Л. Мой путь. С. 10.

² Мартынов Л. Пути поэзии//Собр. соч. Т. 3. С. 347.

ему, все вызывает озлобление. Однако он не может, не смеет вырваться из крепостных стен. Только пушкинская лира приносит Увенькаю утешение, поддерживает вольнолюбивые мечты.

Центральное событие поэмы — известие о смерти Пушкина. Повинуясь внезапному решению, Увенькай бежит в степь. Беглец получил свободу: крепость Омбы, школа толмачей, хозяйка с ее жестокостью и цинизмом — все кажется ему тягостным сном. Но счастлив ли Увенькай? Почему он думает: «Увы! Не побороть тоски, не залечить сердечной раны»?

Художественная прозорливость Леонида Мартынова сказалась в этом непредвиденном повороте темы. Увенькай не может быть счастлив, ибо светоч поэзии, светоч духовных богатств и ценностей русского народа теперь — после бегства в орду — стал для него недосягаем. Внутренняя борьба закончилась вновь принятым решением: нести в Большую и Малую орду вольнолюбивые песни русского поэта.

В работе над «Правдивой историей об Увенькае» Леонид Мартынов познал могучие творческие импульсы. «Достаточно сказать, — вспоминал он позже, — что я в течение нескольких месяцев написал начерно и «Тобольского летописца», и «Русского инженера», и «Рассказ о Василии Тюменце». Это был дикий взрыв творческой деятельности. Я уходил с головой в творчество. Я работал день и ночь...»¹

За короткий срок он по существу создал книгу поэм, которая сначала вышла в Омске (1940), а затем и в Москве (1940). Это были крупномасштабные вещи, которые, во всяком случае в предвоенные годы, на время заслонили Леонида Мартынова-лирика, вызвали широкий отклик в печати.

В ряду лучших исторических поэм Леонида Мартынова следует назвать «Тобольского летописца» и «Домотканую Венеру». Не только губернатор Соймонов, Илья и Кузьма Черепановы, военачальник Фрауэндорф, но даже непутевый малый Игнашка Шпаг, персонаж эпизодический, но не случайный, представляют собой полнокровные образы и характеры первой поэмы. То же самое можно сказать и о «Домотканой Венере». Героиня поэмы девушка-тоболячка, ее отец — ратман магистрата, художник и фабрикант Антон, ученый аббат Дотерош — все они предстают как персонажи, наделенные ярко индивидуальными психологическими и речевыми чертами.

Центральные герои поэм Леонида Мартынова — правдоискатели, готовые во имя истины и справедливости пойти на любые жертвы и лишения. Им приходится претерпевать многие мытарства и беды из-за того, что

¹ Мартынов Л. Возникновение поэм//«Лит Россия». 1985, 31 мая.

они — личности, и личности незаурядные, особенные, в некотором роде исключительные в окружающей их среде.

Следует отметить, что Леонид Мартынов писал стихотворные повести не только о действительных исторических событиях или, в большинстве своем, действительных исторических персонажах, но и о тонких переменах в их мышлении, в их мироощущении. Он стремился придать каждому строй мыслей, который был показателен, типичен для людей данной эпохи.

Странно выглядит дружба губернатора Федора Ивановича Соймонова с братьями Ильей и Кузьмой Черепановыми («Тобольский летописец»). Странна она не только для тобольских обывателей. Не иначе как «блажью» называет ее губернаторский кучер. Да и сам адмирал Соймонов вроде бы стесняется своих дружеских чувств, не хочет предавать их огласке.

Кто такой адмирал Соймонов? Птенец гнезда Петрова. Мореход. Составитель карт Хвалынского (то есть Каспийского) и Белого морей. Сочинитель навигаций. При императрице Анне он был сечен кнутом и сослан в Охотск. Но, освобожденный при Елизавете, он вновь — всесильный губернатор. Рваная ноздря у бывшего каторжника залечена лекарями и теперь почти незаметна.

А кто такой Кузьма Черепанов? Или его брат Илья? Мужики. Содержатели яма. Жителям Тобольска да и самого Омска известно, что пишет Илья сибирскую летопись, что у Кузьмы собраны книги по математике, фортификации, горному делу. Но идет ли эта блажь простому ямщику? Доведет ли его до добра?

Эти досужие разговоры волнуют Соймонова мало. Он знает истинное значение хроники Ильи Черепанова — первой попытки собрать разрозненные сведения по истории Сибири, по горным и пушным промыслам, сведения о погоде и уровне воды в Иртыше на протяжении многих лет.

Они близки друг другу вопреки сословным предрассудкам того же Соймонова. Спокойствие и процветание родного края дорого им обоим — и губернатору, и простому мужику. Обоим ненавистен Фрауэндорф, с безрассудной жестокостью проводящий политику царизма на окраинах Российской империи, сеющий рознь между соседними народами. Отсюда становится понятным, почему Соймонов видит в тобольском ямщике сподвижника и советника. Их отношения определяются взаимным уважением, общей заботой о благе народа и государственных интересах.

В каждой поэме Леонид Мартынов искал и находил те речевые родники, которые позволяли бы мгновенно угадать и социальное положение, и характер действующего лица. Этими достоинствами отличается в особенности «Домотканая Венера».

В астрономии 1761 год известен как год прохождения Венеры через зону солнечного диска. Событие, имеющее малое касательство к заботам горожан, всполошило славный город Тобольск по причине приезда туда

знаменитого путешественника и астронома Шаппа Дотероша. Ученый аббат прибыл из Парижа по приказу короля наблюдать небесное явление, а затем описать его. Последствия приезда Дотероша оказались трагическими для дочери ратмана, прозванной за свою необыкновенную красоту тобольской Венерой. От имени девушки-тоболянки и написана поэма. По форме поэма представляет собой письма или записки героини, сохранившиеся среди старых бумаг.

Лукавый, простодушный, взволнованный, всегда доверительный тон героини, тонкий аромат старины — все доставляет изысканное наслаждение читателю, подобное тому, которое мы испытываем, слушая игру на клавишине или рассматривая картины Рокотова, Левицкого, Боровиковского и других художников XVIII века, во многом наивных для нашего времени и все-таки прелестных в своей непосредственности и неподдельной свежести чувств.

Многослойна символика поэмы.

День астрономических наблюдений собрал людские толпы на городском валу, где был установлен телескоп аббата Дотероша. По случаю астрономических обсерваций заморский гость устроил великое торжество, пригласив городскую знать Тобольска.

Необыкновенность происходящего в небесных сферах как бы дополняет необыкновенность внутреннего состояния героини. Правда, на городском валу да и позднее она одинока в этих своих видениях и грезах. Если для нее планета Венера принимает фантастический облик прекрасной девы, то живописец Антон в оптическую трубу видит всего-навсего «какую-то красную блошку». Если Дотерош, вернувшись с парадного обеда в честь «оних обсерваций», легкомысленно каламбурит, говорит банальности о красоте сибирской девы, то сама тоболячка полна тревожного предощущения любви. Она с жаром восклицает:

Виденья своего я необыкновенность
Навеки сохраню. Я лицезрела Венус!

Но жажда прибылей и жажда сенсаций, объединившись, губят ее любовь. Мир алчности, мир тщеславия, мир эгоистического расчета не оставляют места для искренних чувств, для возвышенных устремлений. В этом мире героиня с богоподобной красотой Венеры превращается в предмет спекуляций, продажи, наживы. «Где Венус? Где звезда?» — в отчаянии восклицает жертва корысти и расчета, превратившаяся в модель ковровой живописи. Ее красоту «ткачихи ткут на рынок для продажи».

Сложность анализа поэмы Леонида Мартынова заключается в том, что их нельзя рассматривать с точки зрения житейского правдоподобия — эта мерка не подходит к его поэмам, как она не подходила и к его лирике. Особенность поэмы Леонида Мартынова заключается в том, что

если в лирике критерием истинности служил реализм переживаний поэта, то теперь этим критерием стала истинность переживаний героев. Исторические хроники Сибири дали ему полную возможность для совмещения, точнее — взаимообогащения действительности и вымысла. Но в эпических произведениях он добивается уже не деформации реалий, а высокой степени их обобщения: исторические детали и подробности поэт как бы сгущает до символа, в такой же степени он синтезирует и душевные качества своих героев.

Сергей Залыгин, который еще с довоенных лет внимательно следил за творчеством Леонида Мартынова, писал: «История — этап в творческом пути Мартынова, но такой, который в немалой степени способствовал выходу его поэзии далеко за рамки повседневности, скоротечной злободневности, который по-своему научил его заглядывать далеко вперед».¹

Долгое время, едва ли не до 1955 года — выхода в издательстве «Молодая гвардия» книги лирики Леонида Мартынова, — всесоюзному читателю он был известен преимущественно как автор крупных и оригинальных исторических поэм.

5

Через два дня после начала войны, 24 июня 1941 года, Леонид Мартынов в «Омской правде» публикует стихотворение «Мы встали за Отечество», а через несколько дней — стихотворение «За Родину», которое сопровождал рефрен: «Пора! Настал тревожный час!» И в дальнейшем, какой бы срочной ни была работа, Леонид Мартынов сверхоперативно справлялся с ней: его стихотворные подписи под карикатурами появляются в «Окнах ТАСС», его стихотворения регулярно печатаются на страницах омских газет. В первые и самые напряженные месяцы войны Леонид Мартынов писал много, писал вдохновенно, писал с твердой уверенностью в нашей окончательной победе над врагом. Его стихотворения были собраны в две небольшие книжки — «За Родину!» (1941) и «Мы придем!» (1942).

Однако самым ярким выступлением военных лет был его очерк «Вперед, за наше Лукоморье!». Под другим названием он был опубликован в газете «Красная звезда» (16 сентября 1942 года), а затем вышел отдельным изданием (Омск, 1942). К тому времени сибирские дивизии и корпуса, прославившие себя в боях под Москвой, вели затяжные бои на многих участках тысячекилометрового фронта от Мурманска до Моздока.

¹ З а л ы г и н С. Поэтическая история Сибири / М а р т ы н о в Л. Поэмы. Новосибирск, 1964. С. 17.

«Сибирь пришла, чтобы победить. Она победит!»¹ — так четко определил значение очерка в своем письме поэт Георгий Суворов, которое было приложено к отдельному изданию очерка. И действительно, вся масштабность мышления и чувствования, вся сила убежденности, все доскональное знание истории родной страны — были использованы Леонидом Мартыновым для того, чтобы довести до массового читателя это победоносное чувство. Поэт по-прежнему варьировал некоторые свои мотивы и образы, искал и находил соотношение между реальностью и вымыслом, иногда ошибался, срываясь в эстетизм. Но в конце концов пришел к принципиально важной книге «Лукоморье», которая и была издана под редакцией П. Антокольского в 1945 году.

К сожалению, и «Лукоморье», и, в еще большей степени, «Эрцинский лес», вышедший в Омске в 1946 году, были подвергнуты журнально-газетной проработке, как об этом с немалым чувством горечи писал позднее Леонид Мартынов.²

Чтобы как-то прийти в себя после этой проработки, поэт на целое десятилетие с головой уходит в переводы. Этому немало способствовали два обстоятельства. Во-первых, он становится жителем Москвы. Вместе с женой он поселяется в районе старых Сокольников в ветхом, еще конца прошлого века, деревянном доме. Но о том, что значило для него само по себе это событие, можно судить хотя бы по такому вот признанию: в Москву «я устремился в первый раз еще пятнадцатилетним подростком, чтоб тосковать, ее покидая, и ликовать, возвращаясь в нее».³

Во-вторых, необычайно важно было для него посещение Антала Гидаша и Агнессы Кун в его крохотной комнатке, где, как и прежде, все было заставлено стопками, пачками, полками книг. Новые венгерские друзья предложили Мартынову принять участие в переводе произведений Шандора Петефи для однотомника венгерского классика, а затем и для «Антологии венгерской поэзии». Леонид Мартынов принял это предложение с воодушевлением. Сама атмосфера тех послевоенных лет была такова, что интерес к литературам народов нашей страны, к литературам стран народной демократии и прогрессивной литературе всего мира возрастал с каждым днем и становился повсеместным. Когда Гидаш просмотрел первый перевод из Петефи своего друга, то сказал убежденно: «Дело пойдет!» И Леонид Мартынов действительно уверовал в свои силы как переводчик: только из одного Петефи он перевел более десяти тысяч строк. За эту огромную работу по сближению наших народов правительство ВНР наградило его орденом Золотой Звезды первой степени и орденом Серебряной Звезды.

¹ Цит. по: Поляков Ю. «Моя сереброокая Сибирь»//«Лит Россия». 1981, 8 мая.

² Мартынов Л. Книжная премудрость//Собр. соч. Т. 3. С. 335.

³ Мартынов Л. Курган среди асфальта//Собр. соч. Т. 3. С. 393.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что и в этот не самый плодотворный период своей творческой биографии Леонид Мартынов не переставал писать оригинальные стихи. Так, например, он замыслил создать большое лироэпическое произведение, которое условно называл «Времена года». Оно должно было дать новое осмысление одной из «вечных» тем — темы природы. Правда, следует сделать важное уточнение — не природы вообще, а природы миллионного города. В городском «безбрежье» он на равных правах хотел изобразить и булыжные мостовые, и глухие переулки старых Сокольников, и недра метро, из которых, «как будто из вулканов, людских дыханий вырывались клочья («Мороз»), и своды картинных галерей. От этого замысла сохранились лишь отдельные фрагменты: «Июнь», «Июль», «Август», «Сентябрь», «Октябрь», «Ноябрь», «Декабрь». Творческое воодушевление, которое испытывал Леонид Мартынов, обдумывая новый цикл, было таким же, как и тогда, когда он, молодой поэт, проходил по улицам старого Омска и в лицо ему мел снег пополам с песком; в то время едва ли не каждая пылинка и снежинка дышали для него поэзией и едва ли не на каждом перекрестке можно было обнаружить таких же влюбленных, каким был и он сам.

«Кто вы, ночные странники, по тротуарам шатались?
Шапки на лоб надвинуты, руки в карманы спрятаны...»
Сада ограда черная тянется, тянется, тянется.
Вдоль я иду, и следует
Рядом
Ночная странница.

(«Ночные странники»)

Здесь, в Москве, Леонида Мартынова в неизмеримо большей степени, чем в молодости, стали занимать общие мировоззренческие вопросы. Для него городской «космос», который открывался с Ленинских гор, был единым диалектически сложным целым:

Я семь громоздящихся к небу холмов,
Я семьдесят семь колдовских теремов,
Где скрыто бывшее от взоров нескромных,
Я — семь миллионов блестящих и темных,
Стремящихся к некоей цели умов.

(«Город»)

Облик гигантского города привлекал Леонида Мартынова и своим космизмом, и своим особым — ускоренным — ходом времени, и своими чудесами и превращениями: здесь, на магистралях, люди «стремятся разлететься кто куда, как будто им Вселенная тесна...». И повсеместно «зреет на земле Очередное чудо» («Ночь»). Следует добавить, что наряду

с этим «Очередным чудом» поэт различал и его противоположность — «неподвижности громаду», которая, в свою очередь, была подчинена все тем же законам хода времени и могла мгновенно рассыпаться, не повредив даже «колос Молодого урожая» («Неподвижность»).

Дело в том, что дух и плоть города не были для Леонида Мартынова лишь «сырьем» чувственных впечатлений. Все реально существующее обретало в его стихах характер стенографического «кода», становилось «знаковой» системой городской жизни, ее убыстренного ритма и требовало немедленной расшифровки. Только после этого можно было осознать всю глубину и масштабность городского «космоса». Показательны в этом смысле стихотворения, написанные в 50-х годах: «Ночь становилась холодна...», «Что-то новое в мире...», «Вот корабли прошли под парусами...», «Закрывались магазины...», «Событие свершилось...», «Я помню: целый день...». Особенно характерно для мировосприятия Леонида Мартынова последнее стихотворение, написанное в 1953 году. Оно передает резко контрастные состояния, которые поэт находит в своей душе и в самой городской природе. Они словно спроецированы на экран бегущего времени, ибо «Время Мчалось так, Как будто целый век Прошел за этот день...». Отсюда — ощущение близких, желаемых и неизбежных перемен и в мире городской природы, и в человеческом общежитии. Эти перемены, как говорится, не заставили себя ждать. Поэт видит, что в отношениях людей стал таять «сдержанности глетчер», он замечает, как закатный луч «Перестал на всё коситься» и «Наконец-то научился К людям лучше относиться» («Вечерело...»).

А вот и наиболее известное стихотворение Леонида Мартынова — «Итоги дня». В нем вновь воссоздается тот самый городской «космос», в котором странно и неожиданно, «будто бы фата-моргана — Всплывают морды лошадей». Это огромные фуры на каучуковом ходу везут на Центральный склад утиля все, «что за день, только за день Отжить успело, устареть»:

Везут, как трухлые поленья,
Как барахло, как ржавый лом,
Ошибочные представленья
И кучи мнимых аксиом.

Жизненные реалии, которые призрачно мерцали во многих стихотворениях поэта, неожиданно обретают резкость «дневного» существования. И теперь, после прочтения «Итогов дня», становится очевидным, что не только это стихотворение, но и вся поэзия Леонида Мартынова в целом утверждает поступательный ход истории. Он всегда жаждал глубоких и благотворных перемен в нашем общественном бытии, и его личной движущей творческой силой была удесятенная любовь к своим современникам.

Если делать главный вывод из мартыновских «Итогов дня», то можно сказать, что непреходящие духовные и эстетические ценности, по его мнению, определяются их одним коренным свойством: осознанием человека в истории, вочеловечиванием его в истории, сотворчеством человека и истории.

Момент, переживаемый Леонидом Мартыновым, был моментом значимым для всей страны и для всего народа. И не потому ли его тоненький сборничек «Стихи» (1955) сразу же получил огромный общественный резонанс? Читателей больше не смущала ни «странность» лирического героя Леонида Мартынова, ни сложность смысловых ассоциаций, ни многозначность его метафорического языка.

Удивительно мощное эхо!
Очевидно, такая эпоха,—

размышлял по этому поводу поэт в стихотворении «Эхо». С той поры Леонид Мартынов начинает широко печататься в центральных и республиканских журналах, обретая, можно сказать, всенародную известность.

6

По всем параметрам многообразного и многосложного своего творчества Леонид Мартынов был далек от поэтов, которые в той или иной степени противопоставляют техническую оснащенность современного мира чистоте первозданной природы. Он не считал, что техника XX века пагубно влияет и на искусство поэтического слова. Современная техника не может погубить поэзию, если общество не направлено против человека, если оно не преследует узкокорыстные классовые интересы и не ставит их превыше всего. Наконец, поэт полагал, что художник не сумеет выразить хода времени, если он не ощутит, не переживет, не прочувствует этот убыстренный темп времени внутри себя.

Его предтеча — Александр Блок — запечатлел текучесть и двойственность лирического переживания для того, чтобы еще глубже и острее передать диалектическую переменчивость бытия. Как раз это «внутри себя», «через себя» и есть повышенно личностное отношение поэта к окружающему миру, которое и позволяло Леониду Мартынову видеть реальность в новом ракурсе, то есть не так, как все, не так, как ее воспринимает обыденное сознание.

Держайте, чтоб на ваши грезы
Стремилось небо быть похоже,—

вот требование, которое должно соответствовать самосознанию современного человека.

Но почему же именно так ставил этот вопрос Леонид Мартынов? Да потому, что универсальным средством эстетического освоения мира для

него был домысел, то есть элемент желаемого, ожидаемого, фантастического и в мире, и в каждодневном существовании человека. Об этом Леонид Мартынов, в частности, упоминает в новелле «Как мы пишем», когда речь заходит о его отношении к реальности, суровой, грубой, обыденной, но меняющейся прямо на глазах. Причем, сказав о некоем «элементе фантастического», который он произвольно вносил в свои стихи, Леонид Мартынов счел необходимым подчеркнуть, что далеко не всегда его ожидали здесь подлинные удачи.

Да, поэт шел трудным путем — путем поисков того чудесного звена, которое позволило бы сковать и жизненное наблюдение и фантазию в одну конкретную поэтическую данность. Ибо, как уже говорилось, для Мартынова поэзия — средство формирования собственной личности, а стало быть, и метафорического преобразования реалий. Здесь иногда шли полосой неудачи и риторические срывы. Но в конце концов его грандиозное городское «безбрежье» обрело черты обновленного Лукоморья, совмещало вымысел с действительностью. Здесь посреди каждодневных людских забот зрело «Очередное чудо».

Создать это чудо, чтобы оно было по-настоящему новым и прекрасным, помогала такая поразительная способность Леонида Мартынова, как удивительная чуткость к скрытым возможностям языка и необычайно активное, действенное, я бы сказал, властное отношение к слову. Леонид Мартынов мог к одному словесному корню присоединить самые неожиданные флексии — и тогда возникало чудо стиха:

Жухни,
Черт Багряныч,
И одно пророчь:
«Будет луночь, саночь! Всё иное прочь!»

(«Черт Багряныч»)

Увлечение В. Хлебниковым, В. Маяковским, чтение футуристических сборников не прошло даром.

А вот другой не менее выразительный пример мартыновских неологизмов: в стихотворении «Замечали — по городу ходит прохожий?..» сказочное Лукоморье последовательно перевоплощается в «рукомойню», «мукомолье» и даже в некое «Мухоморье», которые больше соответствовали обыденному сознанию обитателей коммунальных квартир.

Как здесь не вспомнить ставшее классическим четверостишие Леонида Мартынова:

И своевольничает речь,
Ломается порядок в гамме,
И ходят ноты вверх ногами,
Чтоб голос яви подстеречь.

(«Такие звуки есть вокруг...»)

Дело, конечно, не в своеволии родной речи, а в ее поистине неисчерпаемых возможностях для самовыражения поэта, в тончайших оттенках смысла и значения, которые всегда так обостренно чувствовал Леонид Мартынов.

Поэт был убежден, что более глубокое представление о вещи, о явлении, о душе человеческой, как уже говорилось, может дать именно это «волшебство» слова, эта «магия слова», к которым он столь охотно прибегал на всех этапах творческого пути.

7

Примечательная особенность Мартынова — мыслителя и поэта — заключается в том, что современная техника ни в коем случае не является для него идолом. Она важна ему лишь как повод для глубоких социально-общественных наблюдений, важна для раскрытия психологии и самочувствия современного человека. И здесь, действительно, поэта ждут многие удивительные открытия. Известное стихотворение «Будьте любезны...» содержит в себе поразительные строчки о том, как в наши дни, в наше время стало уже мукой неподвижности — «Мчатся куда-то со скоростью звука», ибо мы знаем, что существует некто, «Летающий Со скоростью Света!». Эти строчки намекают на быстрое привыкание человека к ошеломляющим откровениям научно-технической мысли и конструкторской дерзости, раскрывающим горизонты все новых и новых достижений человека в обживании Вселенной.

Однако внутреннее сочувствие поэта ко всему тому, «Что делается В механике, И в химии, И в биологии», ни в коей степени нельзя назвать благодушием. Напротив, социальное сознание Леонида Мартынова становится еще более обостренным. Он понимает, что результаты научно-технической революции могут быть использованы во вред человечеству, что угроза термоядерной катастрофы — реальная угроза. Он помнит про тот «Электронно-напалмовый холм, Где подземные взрывы как эхо шаманского бубна звучат» («Голый король»). Он помнит и про тот огненный поток лавы на склонах Везувия, который когда-то заживо сжигал людей. Будучи на раскопках Помпеи, во время своей поездки в Италию, поэт прежде всего и главным образом видит здесь во всем напоминание о беде: «А какова причина катастрофы?» Этот вопрос звучит как предупреждение человечеству: не надо пустых слов и пустых деклараций, необходимо вовремя остановить современных факельщиков термоядерной войны.

Изучая вслед за поэтом взаимообусловленность различных — «далековатых» — явлений нашей современной жизни, нельзя оставить без внимания вполне закономерный вопрос: а не означает ли это, что Леонид Мартынов отказался от своего Лукоморья?

Нет, не только не отказался, но, напротив, в 60—70-е годы поэт

намечает новый подход к теме Лукоморья. Он обращается к таким областям современной науки, в которых особенно большую роль играет творческое предвидение, пространственное воображение и умение предвосхитить то, чего «еще никогда не бывало». Речь идет прежде всего о космогонии и физике элементарных частиц, также о генной инженерии и компьютерной технике, то есть о тех областях современной науки, в которых действительность неизбежно переплетается с гипотезами, в которых микромир соотносится с макромиром. Стремление не упрощать концептуальной структуры поэзии обратило внутренний взор Леонида Мартынова именно к лирико-философскому осмыслению и самых малых и самых больших величин мироздания.

Не приходится сомневаться, что поиски темы Лукоморья в новых достижениях и открытиях метанауки были во всех смыслах благотворными для Леонида Мартынова. Концептуальность мышления сказывалась даже на некоторых личных его привычках. В кругу литераторов была широко известна любовь Леонида Мартынова к собиранию камней странной конфигурации. Ему казалось, что под грубой оболочкой естества в камнях кроется что-то изначальное, мощное, первобытное, такое, что жаждет вырваться из глубины материи. Кстати сказать, и в изделиях древних мастеров из камня, кости и дерева его интересовали приметы все того же «прасознания», которое крылось где-то в глубине, но которое художник сумел освободить и явить духовному взору человека.

Сознание есть во всей Вселенной:
Есть смысл и в стуже, и в огне,
В небесной молнии, и в пенной,
О скалы бьющейся волне.
Осмысленность есть даже в птицах —

так начинается одно из самых значительных философских стихотворений поэта, «Разум бескрылых», в котором он вслед за Тютчевым утверждал не только прямую — «человек — природа», но и обратную — «природа — человек» — взаимосвязь.

Концептуальность мышления Леонида Мартынова основывалась на всепроникающем универсальном детерминизме. Причем он полагал, что если есть взаимозависимость явлений и предметов бытия, то она должна распространяться и на «хаос родимый», как когда-то обозначил другое вселенское начало Тютчев. Эта попытка установить гармонию на новом современном уровне понимания взаимообусловленности вещей и явлений и противостоящего им хаоса ярко проявилась в стихотворениях, которые позже составили основу книг «Узел бурь» (1979) и «Золотой запас» (1981).

В этих книгах приметно расширились мифологические, исторические ассоциации и сюжеты. Однако увеличился и драматизм внутреннего разлада, который коренился все в тех же тютчевских глубинах в их совре-

менном преломлении, в мучительных размышлениях «про древний хаос, про родимый». Усилилось чувство зависимости личности от космических сил и связей, что так характерно было еще для лирики Блока.

Ни в творчестве, ни в личной жизни Леонид Мартынов не был однолинеен, однозначен. Вот почему во многих его стихах закодировано неизмеримо больше, чем это можно уловить при самом пристальном чтении. Ведь он не чуждался ничего таинственного, странного, не познанного человеком в окружающем мире. Напротив, именно к этим непознанным факторам нашего бытия он испытывал жгучий и в чем-то подетски непосредственный интерес. При всем том следует подчеркнуть, что и в начале 30-х годов, и позже, в период критических проработок за «Лукоморье» и «Эрцинский лес», он неизменно черпал запас новых сил и нового творческого воодушевления именно в своей концепции разумного мироустройства и в разумных, то есть взаимообусловленных, связях и соотношениях явлений.

В последний период жизни Леонида Мартынова влияние этой лирико-философской концепции на его художественное творчество оставалось неколебимым.

Словно бы разрешая какой-то давний спор с самим собой, что важнее для истинного художника — «признание мира» или «отказ от него», Леонид Мартынов в книге «Узел бурь» заметил, что самые лучшие стихи те, которые написаны «несмотря ни на что». Это «несмотря ни на что» было и оставалось его пафосом и его душевной опорой до последних дней жизни, когда невзгоды одна за другой обрушивались на него: не стало жены и верного друга Н. А. Мартыновой-Поповой, болезнь и одиночество, казалось бы, совсем одолели поэта. Правда, близкие друзья помогали Леониду Мартынову всем, чем могли, но несравненно большую помощь он оказывал себе сам, продолжая писать «несмотря ни на что»! Его жизнь была жизнью подвижника, а его вера была верой огнепоклонника, если понимать под огнем — вечный огонь поэзии.

Ход времени, который для Леонида Мартынова всегда являлся мировоззренческой доминантой творчества, теперь, в 70-х годах, обретал большую личностную окраску. Поэт чувствовал ускорение времени, как говорится, всеми фибрами души. Он готов был сравнить его с песочными часами, чья струйка неумолимо, неостановимо стекает вниз. Но есть у Леонида Мартынова и другие решения этой темы. В стихотворении «Когда блистательный художник Время...» он пишет, что «художник Время» должен нести ответственность за все земное бытие — будь это упадок нравов в Древнем Риме или современное обожествление «персоны в золоченой раме». Бремя личной ответственности и есть одно из проявлений свободы. А поскольку «отказ от мира» — это по существу отказ от свободы, от творческого самовыражения, то художник никогда не пойдет на добровольную творческую смерть. Он может смягчить краски, притушить тона, но он не может и не захочет исказить облик своего века.

Леонид Мартынов как и прежде познавал его сквозь призму личных переживаний, которые теперь обретали новую глубину и новую масштабность. Время-пространство уже целиком подчинилось власти поэта; конкретная хронология его занимала мало, ибо лирическое переживание образовывало единый поток, в котором парадоксально сочетались цветные осколки «звезд», мерцающие игрой разнообразных значений. Жизненный порыв художника не ослабевал до последней строки. Внутренний его мир был способен включить все значения и метаморфозы мира внешнего:

Внешний мир изменился
Не настолько еще за полвека,
Чтобы в нем поместился
Весь внутренний мир человека.

(«Внутренний мир»)

Обращая свой внутренний взор то во времена Кирилла и Мефодия, то во времена Колумба, то в иные исторические времена, Леонид Мартынов никогда не терял чувства современности и ответственности за все бытие земное. Его понимание творческой свободы вполне совпадает с классической формулировкой: свобода — это познанная необходимость. Его социально-нравственная позиция столь же классична. «Силовое поле» воображения позволяло ему включать в стихотворение различные исторические и временные пласты, органически сплавлять их в поэтический текст высокой пробы с помощью все той же «магии слова», о которой шла речь и которая, пожалуй, является зримой приметой творческой индивидуальности Леонида Мартынова. Именно здесь хотелось бы вспомнить Гёте, который в одном из разговоров с И.-П. Эккерманом заметил, что если бы фантазия не могла создавать вещи, которые навсегда останутся загадкой для рассудка, то фантазия вообще немного бы стояла.¹

8

«Я грежу древними преданьями», — заметил Леонид Мартынов в книге «Гиперболы» (1972). И это была правда, если вспомнить Лукморье или его исторические поэмы. К древним преданьям, конечно же, относятся и мифы, и библейские сказания, и летописные своды, и апокрифы. Короче говоря, это историческая память человечества. Но если для некоторых современных прозаиков и поэтов, особенно в 70-е годы, увлечение мифопоэтической стихией было в какой-то степени скоропреходящей модой, то в творчестве Леонида Мартынова миф нашел философски глубокое и личностное выражение.

¹ Эккерман И. П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1934. С. 369.

Поэт безусловно верил, что миф — вечный источник вдохновения, знал, что его невозможно реконструировать или повторить, но не сомневался, что из мифа можно высечь огонь Прометеева озарения.

Энциклопедизм познаний Мартынова в разных областях искусства и литературы — общеизвестен. Поэт исходил из личного опыта, когда писал, что «через мрак средневековья с его античными обломками До мраморного Возрождения добраться было нелегко» («Млечный Путь»). Но коль скоро прошел этот путь, то уж в своем творчестве, в своей родной стихии он свободно перемещался из эпохи в эпоху и по-своему, по-мартыновски, организовывал художественное время и пространство. Следует подчеркнуть, что именно эти мировоззренческие категории для Леонида Мартынова были основой его безудержных и непредсказуемых «отлетов фантазии».

Ведь шаги «Истории самой», по мысли Леонида Мартынова, не удаляли от нас те или иные события, наоборот, они все время словно бы приближали их к нам. Ибо, писал Мартынов, идут «эпохи за эпохами, и все моложе древность кажется». Здесь — главное зерно его мироощущения. Особенно притягательной для него была универсальность мифа, его человеческая всеобщность. Обращаясь к атлантам Труда и титанам Созидания, поэт говорил:

Закутанные
В дымы избяные
И копоть фабрик с ног до головы,
В пыли космической шары земные
Упорно перекатывали вы.

(«Огромные, неповоротливые люди...»)

Хронос (сын Урана), Аполлон, Афродита, Геракл, Дедал, Харон (перевозчик душ через Стикс), а также исторические личности, ставшие легендарными, такие, как Геродот, Демокрит, Эмпедокл, Овидий, Кирилл и Мефодий и множество других, — вот персонажи лирико-философских стихотворений Леонида Мартынова, но это персонажи опять-таки по-мартыновски приближенные к нам, созвучные нашей современности, благодаря своим исполинским фигурам.

Существенно, что поэт смело использовал и смысловую емкость, которая заложена в самом понятии мифа (в его древнеклассических вариантах). Вот стихотворение «Мифология». Уже само это слово вызывало в Леониде Мартынове жизненный порыв, который освобождал его от правил так называемого «хорошего» поэтического тона. Поэт охотно пользовался этой свободой — «открытость» мифа для современного прочтения позволяла ему создавать своих современных «мифорогих» и «мифоруко-мифоногих» исполинов, которые, встав во весь свой колоссальный рост, «Уплывают в свете звезд До своих прекрасных гнезд...» («Мифология»).

Классический миф в творчестве Леонида Мартынова был кладезем неисчерпаемого обновления «вечных» сюжетов, он был источником и «словесной магии», и нового осмысления внутренних состояний. В городском «космосе», который открывался поэту в ночные и дневные часы, тоже было что-то непредсказуемое, как и в его мифологических исполинах. Причем обыденное, повседневное у Леонида Мартынова не просто соседствует со звездными исполинами, но и является естественным их окружением: «В городе — не забывай! — даже гром и тот ночами громыхает, как трамвай!» («Зеленый хлыст»). В другом стихотворении поэт отмечает, что люди тычутся в подземных переходах, и никак не может рассеяться вечерняя мгла даже тогда, когда электрический свет заливают городские кварталы. И вдруг — внезапно, словно по мановению руки — все преобразуется: ведь с этими переходами, крышами домов, башнями домен граничит «звездная бездна сама!» Такое преобразование обыденного во вселенское, естественно для сегодняшнего мировосприятия, ибо житель новых микрорайонов в какой-то степени сам является «микрокосмосом»; в нем в течение дня происходят разнообразные метаморфозы и радость сменяется безотчетной тревогой, душевный покой — внезапным стрессом.

И немисливо
Вдруг позабыть все волненья и все опасенья
Потому, что — подумай, представь себе это сама —
Так свершаются, может быть, землетрясения:
Вдруг толчок —
И молчок!
И крошечная тьма!

(«Даже Тихий океан...»)

Очевидно, что идея взаимозависимости всего сущего получала в творчестве Леонида Мартынова все более емкое и сложное выражение. Как уже говорилось, эта идея всегда помогала поэту в весьма болезненных перепадах его творческой биографии. Причем причина этих явлений была одна и та же — непонимание своеобразного мира, созданного поэтом, непонимание самих основ его художественного бытия. Но в конце концов, именно монизм мышления Леонида Мартынова позволил ему оставаться тем «беспощадным оптимистом»,¹ которым он, по словам Антала Гидаша, всегда был. Этот же монизм мышления способствовал тому, что его главная мысль, его главная идея никогда не терялась в частности, в отступлениях. Он в своей стихотворной практике сознательно шел на нарушения внешнего правдоподобия или фактографизма. Мир видимостей, мир «кажимости» был для него не менее значительным и важным, чем повседневность, данная в конкретном факте. Например,

¹ Г и д а ш А. Сейсмограф и двигатель душ. С. 72.

городской закат, явление в общем-то обычное, ассоциируется у него со странными, апокалипсическими видениями. Ему, охваченному неясной тревогой, кажется, что солнце, которое каждый раз садится за Каменный мост, тараща свой скошенный глаз, возвещает о неминуемом конце мира. Но, заключает поэт, это древнебиблейское светопреставление, «Как и в прошлый раз, отодвигается»:

И косится Солнце, и за Каменным
Беспрепятственно садится мостом.

(«Каждый раз»)

Стихотворение, написанное в духе художественных видений Гойи, разрешается деловой и слегка иронической концовкой.

Вот почему те или иные мистификации Леонида Мартынова всегда как бы опровергаются, как бы возвращают нас на нашу землю. И мы, его читатели, вновь слышим гудки заводов, шум пролетающих самолетов, видим иной вечерний закат, который «сквозь ясное окно проемы лестниц озаряет...». И это обратное превращение фантазии в реальность неизбежно, ибо, как говорит поэт:

А жизнь идет, а жизнь идет,
Дела по-своему решая!

(«Хронос, сын Урана»)

В новелле «Исповедь читателя», как это вообще характерно для Леонида Мартынова, рядовое сопрягается с исключительным, обычное с необыкновенным, земное со вселенским. Правда, здесь самым обычным и вроде бы рядовым читателем предстает перед нами лирический герой новеллы. Впрочем, нет надобности пересказывать ее содержание. Но вот что мы узнаем на последних страницах мартыновской прозы. Вся соль, по мнению лирического героя, заключается в том, что жизнь на Земле — не случайность, она не занесена из космоса с метеоритной пылью, а наша земная собственная закономерность! А с другой стороны, это сложный, длительный, высокодраматический процесс формирования жизни, развивающейся на Земле, должен, по мысли героя, обязательно должен привести к победе порядка над беспорядком, гармонии над хаосом, разума над безумием. И это должно осуществиться, добавляет Леонид Мартынов, пусть не сразу, но везде, всюду и в конце концов — в глобальных масштабах.

До последних дней жизни — Мартынов неожиданно скончался от инсульта 21 июня 1980 года — думы о судьбе европейской культуры глубоко волновали поэта. Он считал себя — и не без оснований — причастным к ней, он верил в ее будущее и завещал свою веру нам. Этот завет звучит тем более значительно и весомо, если вспомнить, что длительное время Леонида Мартынова считали человеком «не от мира сего». Нет, он был именно «от мира сего». Это Леонид Мартынов спасал книжные сокро-

вища Омска, был оперативным журналистом, землепроходцем, ученым-филологом, видным переводчиком, выдающимся мастером художественного слова. За свои заслуги в области литературы Леонид Мартынов был удостоен высокого звания лауреата Государственных премий СССР и РСФСР, за книги стихов «Гиперболы» (1972) и «Первородство» (1965) награжден орденами и медалями. Но прежде всего и главным образом он был человеком, ощутившим себя Словом, если вспомнить здесь изречение Андрея Белого.

Потребность в поэтическом самовыражении доходила у Леонида Мартынова до одержимости. Он любил жизнь, любил во всей ее полноте и противоречивости. Не случайно в его поэзии многократно звучит мотив «жизни живой» и говорится о ее постоянном обновлении.

«Все, что обычно начиналось,— кончается необычайно!» («Концы и начала») — вот поэтический афоризм, выражающий суть мировосприятия поэта. В самой творческой биографии Леонида Мартынова многое было «не как у всех». В первую очередь это относится к его поэзии, в которой предельная сила лирического самовыражения сочеталась с эпической силой его ищущей, обобщающей мысли. И еще: высший пик его творческих свершений падал не на молодые, не на 20-е, а на последующие годы, на вторую половину нашего столетия. Вот почему и надо сказать прямо: Леонид Мартынов — поэт, определивший облик середины двадцатого века.

Валерий Дементьев

СТИХОТВОРЕНИЯ

**СТИХОТВОРЕНИЯ, ВОШЕДШИЕ
В ПРИЖИЗНЕННОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

* * *

Выдвинутые подбородки,
Суковатые кулаки...
Это было в рабочей слободке
Над гранитным бортом реки.

Сцапали фараона:
«А ну-ка сюда волоки!»
Нынче не время оно
Над гранитным бортом реки.

И разговор короткий —
Слова не говоря...
Это было в рабочей слободке
В пламени Октября,

Там, где туман, витая,
Плыл над волной реки,
Старых архангелов стаю
Пряча на чердаки.

1920

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ БУЛЬВАР

Провинциальный бульвар. Извозчики
балагурят.

Люди проходят, восстав от сна.
Так и бывает: проходят бури
И наступает тишина.

Что из того, что так недавно
Стыли на стенах кровь и мозг!
Толстые люди проходят плавно
Через бульвар, где истлел киоск.

Что из того, что разрушенных зданий
Ясные бреши на восток!
Кончились, кончились дни восстаний,
Членовредительства и тревог.

И только один, о небывалом
Крича, в истрепанных башмаках,
Мечется бедный поэт по вокзалам,
Свой чемоданчик мотая в руках.

1921

* * *

Мы — футуристы невольные
Все, кто живем сейчас.
Звезды остроугольные —
Вот для сердец каркас!

Проволока колючая —
Вот из чего сплетены
Лавры благополучия
После всемирной войны.

Отгородимся от прошлого,
Стертого в порошок,
Прошлого, былью поросшего,
Скошенного под корешок.

Разве что только под лупами
Станет оно видней...
Пахнут землей и тулупами
Девушки наших дней.

1921

АЛЛА

Вы уедете скоро. У платформы вокзала
Будет биться метель в паровозную грудь.
Улетая, завьюжится талая муть.
Я назад возвращусь, спотыкаясь о шпалы.

Рыжеокая девушка, белая Алла,
Не забудьте, кончая намеченный путь,
Сквозь окошко вагона свой стан перегнуть,
Удивляясь, как быстро Сибирь убежала.

И, взлетая на черную спину Урала
И спускаясь в долину голодных смертей,
Вспоминайте о том, как простились устало

Мы с больными улыбками умных детей,
Чтобы встретиться вновь в суете карнавала
Под веселыми масками старых чертей.

1921

* * *

Позднею ночью город пустынный
При бертолетовых вспышках зимы.
Нежная девушка пахнет овчиной,
И рукавички на ней и пимы.

Нежная девушка новой веры —
Грубый румянец на впадинах щек,
А по карманам у ней револьверы,
А на папахе алый значок.

Может быть, взять и гранату на случай?
Памятны будут на тысячи лет
Мех полушубка горячий, колючий
И циклопический девичий след.

1922

СЕРЫЙ ЧАС

Серый час был мутен и обманчив,
И хотелось закричать кому-то:
«Помогите! Я уже не мальчик,
Заблудился в поисках уюта!»

Но из полумрака отвечало
Лунное морщинистое рыло:
«Что же! Удивительного мало!
И меня туманами закрыло».

И пошли смеясь мы и ругаясь,
И туман куда-то в водостоки
Уползал, клубясь и содрогаясь,
И вставало солнце на востоке.

1922

* * *

Между домами старыми,
Между заборами бурыми,
Меж скрипучими тротуарами
Бронемашина движется.

Душки трепещут за шторами,—
Пушки стоят на платформе,
Смотрит упорными взорами
Славный шофер — Революция.

Руки у ней в бензине,
Пальцы у ней в керосине,
А глаза у ней синие-синие,
Синие, как у России.

1922

ВОЗДУШНЫЕ ФРЕГАТЫ

Померк багряный свет заката,
Громада туч росла вдали,
Когда воздушные фрегаты
Над самым городом прошли.

Сначала шли они как будто
Причудливые облака,
Но вот поворотили круто —
Вела их властная рука.

Их паруса поникли в штиле,
Не трепетали вымпела.
«Друзья, откуда вы приплыли,
Какая буря принесла?»

И через рупор отвечали
Мне капитаны с высоты:
«Большие волны нас качали
Над этим миром. Верись ты —

Внизу мы видим улиц сети,
И мы беседуем с тобой,
Но в призрачном зеленом свете
Ваш город будто под водой.

Пусть наши речи долетают
В твоё открытое окно,
Но карты, карты утверждают,
Что здесь лежит морское дно.

Смотри: матрос, лотлинь распутав,
Бросает лот во мрак страны.
Ну да, над вами триста футов
Горько-соленой глубины!»

1922

РАССМЕЙТЕСЬ

В белых яблонях сокрыт ваш дом,
И, грустя, что наши встречи редки,
Я у яблонь все сухие ветки
Длинным обрубил ножом.

Дорогая, слышал я не раз,
Что поблек завидный ваш румянец,
Что какой-то жалкий оборванец
Молодость украл у вас.

Вы рассмейтесь, если это ложь.
Ну, а если это правда злая,—
Вы подайте голос, дорогая:
Длинный у меня есть нож.

1922

СОНЕТ

Я шел по лысынам и спинам горным
В мою Европу прямо на закат,
И звезды в небе азиатски-черном
Мерцали, как глазенки киргизят.

А после в городе, большом и сорном,
Тебя я встретил, европейский брат,
В далеком прошлом тоже азиат,
Но днесь охвачен рокотом моторным.

Да, раньше ты пришел на сотни лет,
Но друг за другом мы кружили вслед,—
Об этом-то преданья и векуют.

И классикам вы верьте не вполне,
Ведь мне о вас, а вам и обо мне
Они не знают сами, что толкуют.

1923

БАЛХАШ

Я помню зной того степного края,
Безветрие и дьявольскую сушь.
Я плелся по горбам Тарбагатая
И воду пил из горьких теплых луж.

И в тех же лужах я мочил отрепья,
Чтоб хоть на час оставил мучить зной.
К тебе, Балхаш, я пробирался степью,
И вот ты встал зеленою стеной...

О, как грохочет вал, встающий дыбом
На жирном ослепительном песке!
Как хорошо плескаться сонным рыбам,
Когда гроза грохочет вдалеке!

1923

НЕЖНОСТЬ

Вы поблекли. Я — странник, коричневый весь.
Нам и встретиться будет теперь неприятно.
Только нежность, когда-то забытая здесь,
Заставляет меня возвратиться обратно.

Я войду, не здороваясь, громко скажу:
«Сторож спит, дверь открыта, какая небрежность!
Не бледнейте, не бойтесь! Ничем не грожу,
Но прошу вас: отдайте мне прежнюю нежность».

Унесу на чердак и поставлю во мрак,
Там, где мышь поселилась в дырявом штиблете.
Я старинную нежность снесу на чердак,
Чтоб ее не нашли беспризорные дети.

1924

ЭЛЕГИЯ

О, не в тайгу б пошел искать я рай,
Не Ева ты, я не Адам нагой,
Но помолчи и отдышаться дай,
Ведь я пришел к тебе, а не к другой.

Тяжелый запах ты сейчас вдохнешь,
В нем будет всё — и паровозный дым,
И сырость трюма. Револьвер и нож
Я суну под подушку. Помолчим.

Мир озарен Полярною звездой,
За окнами упругий снежный хруст.
Ты поцелуя теплою водой
Напой меня из приоткрытых уст...

Прощай, хозяйка губ своих и плеч!
Забудешь или память сохранит:
В осенний час соседний мир поджечь
Я улетел в потоке леонид.

1924

СИРЕНЫ

Опять вода идет на прибыль.
Плывет челнок мой, непричален.
И не поймешь: сирены, рыбы ль
Глядят сквозь щелочки купален.

Я вспомнил случай с рыбаками:
Услышали сирен ли, рыб ли,
Но с распростертыми руками
Метнулись за борт и погибли.

Такой конец неинтересен —
Идти ко дну, теряя разум.
Но видеть их, не слыша песен,
Доступно только водолазам.

Но ведь и эти водолазы
Не одинаковы, а разны:
Одни — ужасные пролазы,
Другие — вдохновенно праздны.

Один готов схватить сирену
Рукой, которая намокла,
Другой лишь поглядит смиренно
Сквозь затуманенные стекла.

А вот возьму сейчас разденусь
Да ринусь головою в воду:
Авось я никуда не денусь,
А плавать я умею сроду.

1924

* * *

Наш путь в тайгу. И этот дальний путь
Не верстами — столетьями я мерю.
Вооруженный, чувствую я жуть
И чувствую огромную потерю.

Давно исчезли за горбом земли
Завоевания столетий многих.
Лишь крестики часовенок убогих
Торчат кой-где, чтоб мы их не нашли.

Селенье. Крик младенцев и овец,
От смрада в избах прокисает пища.
Будь проклят тот сентиментальный лжец,
Что воспевал крестьянское жилище!

Я думаю о нем как о враге,
Я в клочья разодрал бы эту книгу.
Я человек — и никакой тайге
Вовек не сделать из меня шишигу.

1925

ГОЛЫЙ СТРАННИК

О, знаю я, что постепенно
Твердь снова станет голубой,
Студеная осядет пена
И дым подымет хвост трубой.

...Все магистрали и поселки
Тонули в бездне снеговой,
Когда возникли эти толки
О голом призраке. Впервой
Он появился на руинах
Старинных зданий, а потом
Он, для смятенья душ невинных,
В пространстве будто бы пустом
Ускорил шаг среди метели,
И все, кому являлся он,
Божились, что бредет без цели,
Простоволос и обнажен.

Но ведь и мы его встречали,
И согласись, что я и ты
Как будто и не замечали
Его ужасной наготы.

Кто он? Наследие ль военных
Жестоких лет, когда враги
Зимою раздевали пленных

И говорили им: «Беги!»
А может быть, безумец гордый,
С природою вступивший в бой
И подчинивший воле твердой
Морозы, равно как и зной?

К чему гадать! На горном кряже
Всё крепче ледник голубой.
Рождает всякие миражи
Зимы отчаянный прибой.
Но и в кипенье этом белом,
Сияньем снежным опален,
Я чувствую душой и телом:
Жив этот странник — Аполлон!

1925

ГРУСТЬ

Ночь. Чужой вокзал.
И настоящая грусть.
Только теперь я узнал,
Как за тебя боюсь.

Грусть, это — когда
Пресной станет вода,
Яблоки горчат,
Табачный дым как чад.

И как к затылку нож
Холод клинка стальной —
Мысль, что ты умрешь
Или будешь больной.

1925

ГИПНОТИЗЕР

Кто зовет меня:
«Вернись, вернись!»
Ропот чей доносится из мглы?
Неужели это бьют о мыс
Пенные тяжелые валы?

Водоросли,—
Век они росли! —
Выплыли и на́ берег легли,
Обвились они вокруг коряг:
«Мы тебя бы так не оплели,
Не тебя опутали бы так!»

Очень нежная морская соль
Шепчет мне, мерцая и лучась:
«Я б тебе не причинила боль
Острую, такую, как сейчас!»

Опустил я парус у озер,
Двух озер великой глубины,
Где приливы и отливы — вздор,
Несогласный с фазами луны.

И гляжу по целым я часам
В глубину сверкающих озер.

Никогда бы не поверил сам,
Что такая ты гипнотизер!

1925

САХАР БЫЛ СЛАДОК...

С гор, где шиповник турецкий расцвел,
Ветер был сладок и жарок.
Море лизало сверкающий мол,—
Сахар сгружали мы с барок.

Ты понимаешь?
Грузить рафинад!
Легкое ль это занятие?
Сладко! Но сотню красавиц подряд
Ты ведь не примешь в объятья!

Позже ходили мы к устью реки
К рыбницам Нового порта.
Грузчиков не было. С солью мешки
Сами сгружали мы с борта.

Стал, как китайский кули, весь бел,
Руки изъело и спину.
Долго потом я на соль не глядел,
Видеть не мог солонину.

Сахар был сладок,
И соль солона.
Мы на закате осеннем
Вспомним про то за бутылью вина,
Прошное снова оценим.

Время уходит!
Тоскуй, человек,
Воспоминаньями полон,—
Позднею осенью падает снег,
Тает, не сладок, не солон.

Ну-ка, приятель, давай наливай!
Тает, не сладок, не солон...

1925

НОРД-ОСТ

Я, норд-ост, родился в тундре,
Но ее покинул вскоре,
Чтоб иные видеть зори
На далеком Черном море.

Выл я в горном коридоре,
На степном ревел просторе,
И теперь, рожденный в тундре,
Я бушую в теплом море.

Так, принявши облик бури,
Мы летим. Пора настала,
Чтоб о нас иное море
Днем и ночью грохотало.

1925

ТОРГОВЦЫ ТЕНЬЮ

Мы знаем цену каждому мгновенью.
Платить за всё придет однажды срок.
Я как-то раз пробрался на Восток.
Там, между прочим, есть торговцы тенью.
Они располагаются под сенью
Больших деревьев около дорог,
А чаще — в нишах. И за вход в мирок,
Наполненный прохладой и ленью,
Берут пятак. Заплатишь и лежишь...
«Не ешь кишмиш и не кури гашиш,
А тень купи! Она дешевле дыни
Здесь в городе, — торговец мне шептал.—
Но понимаешь: весь свой капитал
Отдашь ты за нее среди пустыни!»

1925

ОТТЕПЕЛЬ

Ветер с далекого моря,
Оттепель, капельки с крыш.
На почерневшем заборе
Ключья намокших афиш.

На зиму непохоже,
И до весны — месяца́.
Сырость плывет, тревожа
Легкие и сердца.

Вот и твое крылечко:
«Если не спишь — открой!»
...В комнате черная печка
Дышит поддельной жарой.

Свет гаснет. Душно, как в яме.
«Что ты встаешь? Лежи!»
...Ночью простыми мужьями
Делаются мужи.

1925

О, люди,
Ваши темные дела
Я вижу. Но волнуясь не за души
А лишь за неповинные тела —
Ведь это всё же не свиные туши!

Я знаю:
Тело не за свой позор
Заплатит кровью чистой и горячей.
Плутует разум — хитрый резонер,
Вступая в сделки с честью и удачей.

Но коли так, за что же, о, за что ж,—
Ответьте, объясните мне причину! —
Вам не в сознание всаживают нож,
А между ребер — в сердце или в спину?

Я смерти не особенно боюсь,
Она не раз в глаза мои глядела,
Но всё же я испытываю грусть
Не за себя, а именно за тело.

1926

МОРЕ БЫЛО

Багровеет солнце на закат.
Смотрит вкось и, хитрое, смеется:
«Люди, люди! Отступить назад,
Рано или поздно, вам придется.
Море было и назад вернется,
Сонных волн послышится раскат».

Ветер влагу нес издалека,
Степь в соленом мареве тонула,
Море из пластов известняка
Ухмылялось челюстью акулы.
Кочевали бедные аулы,
Соль — их горе, ветер — их тоска!

Но какой-то дерзкий фантазер
Городу позволил основаться
Здесь, на дне исчезнувших озер,

Где смерчи соленые клубятся.
Город вырос и глядит в упор,
В степь глядит, не может оторваться.

Основатель — дерзостный смутьян,
Он совсем не чтит степных законов.
Из багрово-матовых полян
Не услышал заунывных стонов.
Стонут выпи — призраки тритонов:
«Возвратись, о древний Океан!»

Поздно! Плавниками шевеля,
Ты, акула, не всплывешь обратно,
Не нырнешь в султаны ковыля!
Перепашем и удобрим знатно
Мы тебя, о древняя земля!

1926

ПУТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

И не теоретические споры,
И не примеры из литературы,
Но горы, и соленые озера,
И бурное взволнованное море,
И хмурые заоблачные зори —
Вот что влечет революционера,
Скорее практика, чем фантазера!

Не худо,
Сев на важного верблюда,
Направиться и к югу и к востоку!

Дари свободу бедному народу
И намечай железную дорогу.
Дари свободу! Что же это значит?
Дари им воду, букву, цифру, слово
И всё, на что ты сам имеешь право,
Чтоб, ржаво треснув, рассыпались цепи..

В палящий зной нивелировка степи,
Анализ почв, промер воды в озерах —
Вот он один — высокий и прекрасный,
Тяжелый путь революционера,
Одна твоя немеркнущая слава!

1926

Писатель слов и сочинитель фраз,
Ты за рассказом составлял рассказ
Про всё, на чем остановился глаз.

Ты описал поверхность всей Земли,
Упомянул, что в море корабли
Боролись с бурей, а цветы цвели.

Я видел экземпляры книги той,
Она бумагой сделалась простой.
Ты в этой книге, в сущности — пустой,

Не захотел, чтоб бабочки пыльца
Не прилипала к пальцам подлеца,
Чтоб ровно бились чистые сердца.

Ты этой книгой никого не спас.
Писатель слов и сочинитель фраз,
Не дописал ты повесть до конца!

1927

КОРРЕСПОНДЕНТ

Приятель, отдал молодость свою
Ты в дар редакционному безделью.
Газетчик ты и мыслишь нонпарелью,—
Я хохоча прочел твою статью.
Тебе ль касаться ведомственных тем!
Ведь наших дней трескуч кинематограф,
Ведь Гепеу — наш вдумчивый биограф —
И тот не в силах уследить за всем.

И, превознемогая робость,
Припадкам ярости подвержен,
Он вверх Антарктикой на стержень
Надел редакционный глобус.
Не помышляя об авансе,
Он провалился в черный лифт.
«Расстанься с городом, расстанься!» —
Мелькнуло, как заглавный шрифт.

Он изучил прекраснейший язык.
Корреспондентом будущих изданий
Он сделался. И наконец привык
Не выполнять редакторских заданий.
Радиограммы слал издадека:

«Абзац... Стремленье к отдаленным странам,
Сознанье, что планета велика,
Пожалуй, недоступны горожанам.
Абзац... Я был в затерянных степях,
Где возрастают люди-корнеплоды.
Не их ли потом континент пропах?
Немые и безвредные уроды,
Их мозг в земле.
Абзац... Еще отмечу:
Я в скалах обнаружил серебро.
Туземцы бьют серебряной картечью
По дамским цаплям (сто рублей перо!)».

Так возвратил он молодость свою.
Безумным, загорелым, полуголым
Он сделался. И я не узнаю
Газетчика в товарище веселом.
Мы на одной из быстроходных яхт
По вечерам сплавляем к устью Леты
Тоску и нежность под высокий фрахт.
Мы также называемся — поэты.

О, здравый цензор! Беспокойны мы,
Подвержены навязчивым идеям.
Но нам доступно посмотреть с кормы
На берега, которыми владеем.

1927

СКОМОРОХ

Есть на земле высокое искусство —
Будить в народе дремлющие чувства,
Не требуя даров и предпочтенья,
Чтоб слушали тебя не из почтенья,
Чтоб, слышав раз, послушали и снова,
Чтоб ни одно не позабыли слово,
Чтобы в душе — не на руках! — носили.
Ты о такой мечтал словесной силе?

Но, не смущаясь гомоном и гамом,
На площади меж лавками и храмом,
Где блеют маски и скрежещут доски,
Сумей взойти на шаткие подмости,
Как великан в неистовстве упрямом!
Пускай тебя за скомороха примут,
Пускай тебя на смех они подымут,
Пусть принимают за канатоходца,—
Употреби высокое искусство —
Будить и в них их дремлющее чувство.
И если у тебя оно найдется,
Так и у них, наверное, проснется!

1928

ЛЕТОПИСЕЦ

Где книги наши?
Я отвечу:
«Они во мгле библиотек».

Но с тихой вкрадчивою речью
Подходит этот человек.

«Идемте!»

— «А куда зовете? Вы кто?»

— «Я сельский букинист.

Я дам вам книгу в переплете
Из серебра, где каждый лист
То ал, то бел, то желт, то розов,
То дымчат, как полдневный зной,
То ледянист, как от морозов...

Идемте! Следуйте за мной!»

— «Но почему в пустую ригу

Меня вы молча завели?»

— «Терпенье! Золотую книгу
Я выдам вам из-под земли!»

Какие-то берет он колья,
Какой-то шест, вернее — цеп,
И отмыкает вход в подполье,
Напоминающее склеп.

Здесь веники, и расстеган,

И душегреи, и пимы,

Но вот и статуя нагая

Выглядывает изо тьмы.

«Вот, разбирайтесь!..»
Тишь, прохлада.
Со щами кислыми ушат...
О да! Здесь нечто вроде склада,
И в этом складе — прямо клад!
Да, это мудрость! Но источник
Сей мудрости необъясним:
Я вижу — Даниил Заточник
И Ванька-ключник рядом с ним...
Здесь книги есть для разных вкусов
На полке этой и на той:
Для коневодов — князь Урусов,
Для сердецедов — граф Толстой.
Волюмы, рукописи, свитки...
Чего-чего тут только нет!
Через оконце жидкий, жидкий,
Трепещущий ложится свет.
Но вот та книга в переплете,
Он о которой говорил.
Действительно, вся в позолоте,
В пыльце, как с бабочкиных крыл.
Читать я начинаю тотчас,
С рисунков не спуская глаз,
Внимательно, сосредоточась...
Прошли минуты или час?
Нет! Дни огромней, чем комбайны,
Плывут оттуда, издали,
Где открывается бескрайный
Простор родной моей земли,
Где полдни азиатски жарки,
Полыни шелест прян и сух,
А на лугах, в цвету боярки,
Поярки пляшут и доярки,
Когда в дуду дудит пастух.

«Вы
Продаете
Эту книгу?» —
Я говорю...
Но где же он?
Его уж нет.
Пустую ригу
Я обхожу со всех сторон.

На дворике светло и чисто.
Порхают бабочки в саду...

Вы не встречали букиниста?
Я где теперь его найду?!

1929

РЕКА ТИШИНА

«Ты хотел бы вернуться на реку Тишину?»
— «Я хотел бы. В ночь ледостава».
— «Но отыщешь ли лодку хотя бы одну
И возможна ли переправа
Через темную Тишину?
В снежных сумерках, в ночь ледостава,
Не утонешь?»

«Не утону!
В городе том я знаю дом,
Стóит в окно постучать —
Выйдут меня встречать.
Знакомая одна. Некрасивая она.
Я ее никогда не любил».

«Не лги!
Ты ее любил!»
— «Нет! Мы не друзья и не враги.
Я ее позабыл.
Ну так вот. Я скажу: хоть и кажется мне,
Что нарушена переправа,
Но хочу еще раз я проплыть по реке Тишине
В снежных сумерках, в ночь ледостава».

«Ночь действительно ветреная, сырая.
В эту ночь, трепеща, дотлевают поленья в печах.
Но кого же согреют поленья, в печах догорая?
Я советую вспомнить о более теплых ночах».
— «Едем?»
— «Едем!»
Из дровяного сарая
Братья ее вынесут лодку на плечах
И опустят на Тишину.

И река Тишина у метели в плену,
И я на спутницу не взгляну,
Я только скажу ей: «Садитесь в корму!»
Она только скажет: «Я плащ возьму.
Сейчас приду...»

Плывем во тьму,
Мимо предместья Волчий хвост,
Под Деревянный мост,
Под Оловянный мост,
Под Безымянный мост...

Я гребу во тьме,
Женщина сидит в корме,
Кормовое весло у нее в руках.
Но, конечно, не правит — я правлю сам!
Тает снег у нее на щеках,
Липнет к ее волосам.

«А как широка река Тишина?
Тебе известна ее ширина?
Правый берег виден едва-едва,—
Неясная цепь огней...
А мы поедem на острова.
Ты знаешь — их два на ней.
А как длинна река Тишина?
Тебе известна ее длина?
От полночных низин
До полдневных высот
Семь тысяч и восемьсот
Километров — повсюда одна
Глубочайшая Тишина!»

В снежных сумерках этих
Всё глуше уключин скрип.
И замирают в сетях
Безмолвные корчи рыб.
Сходят с барж водоливы,
Едут домой лоцмана.
Незримы и молчаливы
Твои берега, Тишина.
Всё медленней серые чайки
Метель отшибают крылом...

«Но погоди! Что ты скажешь хозяйке?»
— «Чайки метель отшибают крылом...»
— «Нет, погоди! Что ты скажешь хозяйке?»
— «Не понимаю — какой хозяйке?»
— «Которая в корме склонилась над веслом».
— «О! Я скажу: „Ты молчи, не плачь.
Ты не имеешь на это права
В ночь, когда ветер восточный — трубач —
Трубит долгий сигнал ледостава“.
Слушай!
Вот мой ответ —
Реки Тишины нет.
Нарушена тишина».

Это твоя вина.
Нет!
Это счастье твое.
Сам ты нарушил ее,
Ту глубочайшую Тишину,
У которой ты был в плену.

1929

МАЙ

Я родился в начале мая,
И прекрасно я понимаю,
Что такое разлив весенний:
Это — ветер и гребни в пене,
Это — вывернутые коряги
И затопленные овраги
В ночь, когда над стерней колючей
Подымаются сизые тучи,
Возвращеньем зимы угрожая.
Но и снег в середине мая —
Даже он, говорят, к урожаю!

1930

ЕРМАК

Еще торчит татарская стрела
В стволе сосны на берегу тобольском,
Смердят непогребенные тела
Там, на яру — еще от крови скользком.

«Мы голову Кучуму отсечем! —
Сказал Ермак.— Сибирь на меч подьемлю!»
Он вынул меч. И боевым мечом
Ударил в землю и разрыхлил землю.

Подходит пленник. Он хитер и стар,
Мурза татарский с жидкими усами.
«Ермак могилу роет для татар?»
Ермак в ответ: «Ее вы рыли сами!»

И засмеялся. Острием меча
Он продолжает рыть еще упорней.
Он рушит дерн. И слышно, как, треща,
Растений диких лопаются корни.

Земля, на меч налипшая, жирна:
В ней кровь, в ней пепел от лесных пожаров.
«Кольцо! Достань-ка горсточку зерна,—
Немолотое есть у кашеваров».

...Глядят на атамана казаки
И пленники — праправнуки Батыя.
Летят из атамановой руки
В сырую землю искры золотые.

«Я много ль сеял на своем веку?» —
Так думает страны завоеватель.
Иван Кольцо подходит к Ермаку,
Его помощник и большой приятель.

Ивану заглянул Ермак в лицо,
И шепчет он — тревогой полон голос:
«Как думаешь, дружок Иван Кольцо,
Не вытопчут? Взойдет? Созреет колос?»

1930.

ПОДСОЛНУХ

1

Сонм мотыльков вокруг домовладенья
Порхал в нетерпеливом хороводе,
Но, мотыльков к себе не допуская,
Домохозяин окна затворил,

И мне, судьбой дарованному гостю,
Открыл он двери тоже неохотно.
Я понял, что ночное чаепитье
Организовано не для меня.

Я это понял.
Что же было делать?
Вошел я.
Сел к столу без приглашенья.
Густое ежевичное варенье
Тарщило засахаренный глаз;
И пироги пытели, осуждая;
И самовар заклокотал, как тульский
Исправник, весь в медалях за усердье,—
Как будто б я всё выпью, всё пожру!

«Она приехала!» — сказал художник.
И вот я жду: поджавший губки ангел,
Дыша пачулями, шурша батистом,
Старообразно выпорхнет к столу.

Но ты вошла...
Отчетливо я помню,
Как ты вошла — не ангел и не дьявол,
А теплое здоровое создание,
Такой же гость невольный, как и я.
Жена ему?
Нет! Это толки, враки.
Рожденному в домашнем затхлом мраке,—
Ему, который высох, точно посох,
Вовек не целовать такой жены!

Я это понял.
Одного лишь только
Не мог понять: откуда мне знакомы
Твое лицо, твои глаза, и губы,
И волосы, упавшие на лоб?
Я закричал:
«Я видел вас когда-то,
Хотя я вас и никогда не видел.
Но тем не меньше видел вас сегодня,
Хотя сегодня я не видел вас!»

И, повторяя:
«Я вас где-то видел,
Хотя не видел...
Чаю?
Нет, спасибо!» —
Я встал и вышел.
Вышел на веранду,
Где яростно металась мотылька.

Ты закричала:
«Возвратитесь тотчас!»
Я на веранду дверь раскрыл широко,
И в комнату ворвалось сорок тысяч
Танцующих в прохладе мотыльков.
Те мотыльки толклись и кувыркались,
Пыльцу сшибая с крылышек друг другу,
И довели б до головокружения,
Когда б я не глядел в твои глаза.

2

Не собирался он писать картину,
А вынул юношеские полотна
В раздумии: нельзя ль из них портянки
Скротить себе? И тупо краску скреб.
Затем его окликнули соседи.
Надевши туфли, он пошел куда-то,
Оставив полотнище на мольберте
И ящик с красками не заперев.

Заманчивым дыханием искусства
Дохнули эти брошенные вещи,
И я — хотя совсем не живописец —
Вдруг ощутил стремленье рисовать.
Тут маковое масло из бутылки
Я вылил, и на нем растер я краски,
И, размягчив в нем острый хвостик кисти,
Я к творчеству бесстрашно приступил.

Тебя я рисовал.
Но вместо тела
Изобразил я полнокровный стебель,
А вместо плеч нарисовал я листья,
Подобные опущенным крылам.

И лишь лицо оставил я похожим
У этого бессильного подобья —
Прекрасного, но пленного растенья,
Ушедшего корнями в огород.
И хрен седой растет с тобою рядом,
И хнычут репы, что земля на грядах
Черна.

И всех своим нехитрым ядом
Перетравить мечтает белена.
И солнца нет.
За облаками скрыто
Оно.
И огородница подходит,
Морщинистыми, дряхлыми руками
Схватила за прекрасное лицо...

Художник тут вбежал,
Он крикнул:
«Кто вам позволил рисовать?»
— «Идите к черту!» — ему я сдержанно сказал
И тотчас
Покинул этот серый, пыльный дом.

3

«Вы ночевали на цветочных клумбах?
Вы ночевали на цветочных клумбах? —
Я спрашиваю.—
Если ночевали,
Какие сны вам видеть удалось?»

Покинув дом, где творчество в запрете,
Весь день метался я, ища квартиру,
Но ни одна квартирная хозяйка
Меня не допустила ночевать.

Они, крестясь, захлопывали двери
И плотно занавешивали окна
Дрожащими руками.
Слишком страшен
Был вид и взгляд мой...

Наступила ночь,
И сумрачно постлал я одеяло
Меж клумб под сенью городского сада.
Но сон не брал. И травы щекотались.
И вóроны рычали с тополей.

Так ночь прошла.
Рассвета не дождавшись,
По улицам сырым, туманным, серым
Я вышел за город.
В глазах двоились
Тропиночки, ведущие в поля.

И был рассвет!
Земля порозовела.
В ней зрели свеклы.
Я стоял, вдыхая
Все запахи земли порозовевшей.

Рассвет прошел. И день настал в полях.
Я не стоял — я шел вперед, вдыхая
Медвяный запах длящегося полдня,
Ища чего-то и не находя.

Но голоса растений властно шепчут:
«Ищи, ищи!»
И вдруг на перекрестке
Дорог, ведущих в будущие годы,
Ты появилась как из-под земли.

Ты закричала:
«Где вы ночевали?
Чем завтракали?
Сколько беспокойства
Вы причинили мне своим уходом!
Вторые сутки, как я вас ищу!»

Всё кончилось...
На розовой поляне
Пьем молоко, закусываем хлебом,
И пахнет перезрелой земляникой
Твой теплый хлеб...

Июльская земля
Нам греет ноги.

Ласкова к скитальцам
Всезнающая, мудрая природа.

Подсолнух!
Из чужого огорода
Вернулся ты в родимые поля.

1932

СОН ПОДСОЛНУХА

Старый хрен растет со мною рядом,
Стояут репы, что земля черна,
И детей своим нехитрым ядом
Отравить мечтает белена.

Солнце! Скрылось ты за облаками.
Скоро огородница придет,
Мощными, шершавыми руками
По венцу тихонько проведет.

«Семя,— говорит она,— созрело!
Мы его поджарим и сгрызем».
Так открутит голову. А тело
Упадет, ломаясь, в чернозем.

Уцелею ли, простой подсолнух,
Если не сумею в эту ночь
Напряженьем сил, еще неполных,
Цепкость этих рук превозмочь?

Ну, рванись! Употребь усилия,
Глядя ввысь, в лазоревую ширь,
Листья, превращаемые в крылья,
Над землей упрямо растопырь.

Ну, рванись! Употребь усилия!
Ведь летает даже нетопырь.
Листья, превратившиеся в крылья,
Над землею мощно растопырь.

Пусть бегут и улица и дворня,
Пусть кричат:
«Сгрызем его, сгрызем!»

Взвейся в небо, осыпая с корня
На головы жирный чернозем!

Но земля,
Упорная, за корень
Уцепилась:
«Ты куда? Постой!
Поволнуйся, горд и непокорен».
Это и зовется красотой!

1933

РАССВЕТ

Нелюдимая моя,
Ты любимая моя!
Старый город весь порос травую,
Укрепление береговое
Точно так же поросло травую.
Мы по городу ходили двое
В этот вечер — только ты да я.

Город стар,
Город сед,
Городу тысяча сто сорок лет.

Нелюдимая моя,
Ты любимая моя!
Я домой тебя повел.
Вдруг откуда-то пахнуло гарью смол,
Медным медом азиатских пчел,
Теплотой нагревшихся песков,
Пламенем восточных угольков.
Духота перед дождем.
Я сказал: «Домой пойдем!
Нелюдимая моя,
Ты любимая моя!»

Ночь тиха. Весь город под дождем.
Я проснулся. Сырость входит в дом.
Нелюдимая моя,
Ты любимая моя!
Ты лежишь спокойно, ровно дышишь,

Ничего не видишь и не слышишь.
Я лежу, за тучами слежу,
Я в окно открытое гляжу.

Город стар,
Город сед,
Городу тысяча сто сорок лет.

Дом стар,
Стар забор,
Стар бульвар,
Стар собор,
Стар за городом бор.

Я лежу, за тучами слежу,
Вот на город взор перевожу.
Что такое там алеет,
Тускло йскрится и тлеет?

Неужели это тлеет покосившийся забор?
Тлеют дом и забор,
Тлеет старый собор...
Неужели это уголек,
Зароненный где-то в уголок,
Прилетевший с ветром уголек
Превратился в огонек?

Дождь, а город тлеет изнутри,
Розовеет, вспыхнет весь вот-вот.
Отраженным светом фонари
Загорелись всюду у ворот.
Алым дымом полон влажный сад,
Петухи повсюду голоса.
Где-то ведер зазвенела жесьь,
Старый дворник к речке побежал.
В колокол ударили раз шесть,
Водовозов конь заржал.

Нелюдима моя,
Ты любимая моя!
Город стар,
Город сед.
Мне над этим городом рассвет
Показался как пожар!

1933

ВОЛОГДА

На заре розовела от холода
Крутобокая белая Вологда.
Гулом колокола веселого
Уверяла белая Вологда:
Сладок запах ржаных краях!

Сладок запах ржаных краях,
Точно ягодным соком полных.
И у севера есть свой юг —
Стережет границу подсолнух.

Я согласен, белая Вологда.
Здесь ни холода и ни голода,
И не зря в твой северный терем
Приезжал тосковать лютым зверем
Грозный царь, и на белые стены
Восходил он оплакать измены.
Но отсюда в град свой стольный
Возвращался он, смирный, довольный,
Вспоминая твой звон колокольный...
Сладок запах ржаных краях!

И не зря по твоим берегам,
Там, где кремль громоздится в тумане,
Брел татарский царек Алагам,
Отказавшийся от Казани...
Вот и я повторяю вслух:
Сладок запах ржаных краях!

Кто здесь только не побывал!
По крутым пригоркам тропа вела.
Если кто не убит наповал,—
Всех ты, мягкая, на ноги ставила.

То-то, Вологда!
Смейся, как смолода!
Тело колокола не расколото.

Синеглазый лен,
Зерен золото.
И пахала ты,
И боронила ты,
И хвалила ты,
И бранила ты...

Сколько жизней захоронила ты,
Сколько жизней и сохранила ты —
Много зерен здесь перемолото.
Так-то, Вологда,
Белая Вологда!

1933

ДЕРЕВЬЯ

«Как ваше здоровье,— спросил я,— деревья?»
Деревья молчали вначале.
Скучали? Презреньем встречали?
Едва ли.
Они тосковали.
Вдруг скрипнула ива:
«Здорова!»
И сосны ворчливо:
«Мы живы!»
И тут зашумели и справа и слева
Деревья, качаясь от скорби и гнева:
«Твои непонятны нам мысли!»
— «Скажи откровенно, в каком это смысле
Ты задал вопрос?»
— «Расскажи нам про это!»
— «Здоровы ль? Какого ты хочешь ответа?»
— «Ты хочешь рубить? Но кому мы помеха?»
— «Есть люди, которым рубить нас — потеха!»
— «Иные же древообделочным цехом
Считают весь мир. Но имеют ли право?»
— «Стыдись! Незаконная это расправа!» —
Вскричала крушина, гнила и корява.
Но этой старухе ответил со смехом:
«Ты мхом и грибком обросла, точно мехом,
И вовсе ты зря беспокоишься, право!
Спокойно земные посасывай соки,
О древнее, ветхое, сонное древо!
Твое червоточиной тронута чрево.
Есть более молоды, стройны, высоки
Деревья!»
И те, что молчали вначале,
Теперь закричали в припадке печали:
— «Как нас величали!»
— «Под нами венчали!»

— «Венчали венцами!»
— «Любили сердцами!»
— «Ах, вам не удастся в древесную массу
Нас всех превратить!»
И от скорби затрясся
Весь лес. И еловые лапы хлестали.
Как белые осы, пушинки летали...
Восстали!
Восстали деревья!
Но крикнул тогда я:
«Вас всех обманула старуха седая!
Ее червоточиной тронута чрево.
Послушай, береза, о белая дева,
Сосна, что гордишься своей прямою,
Осина, обиженная клеветою,—
Послушайте все вы! Дика ваша злоба.
Вы наши друзья с колыбели до гроба,
От люльки друзья, чье качанье нам любо
В еловом тепле пятистенного сруба,
До гроба, что ждет нас, сколоченный грубо.
Венцы, на которые ставится зданье.
Венки на гуляньях и веники в бане.
Кресты, что стоят на глухих перекрестках,—
Зеленая плесень осела на досках.
Язычник из дерева идола тешет,
Коньком деревянным дитя себя тешит.
Повсюду ты, дерево! В дружбе ты с нами.
Ты, нас согревая, бросаешься в пламя,
Ты нас одаряешь своими плодами...
Но разве владеем мы только садами?
В хрустальные вазы поставлены розы,
Но слышите свист — это дикие лозы
В руках у жестокости свищут зловеще.
Всё это весьма непохожие вещи.
Кому же и ведать об этом? Не мне ли?
Вы часто, деревья, в печах пламенели,
Но, вам я сказать без смущенья осмелюсь,
И сам я горел, чтоб другие согрелись!
И я топором был под корень подрублен.
Но не был погублен, я не был погублен!
И сам я летел оперенной стрелою.
Я знаю грядущее, помню бывшее!»
Сказали деревья:
«Ты должен бояться,

Что люди, прислушавшись, станут смеяться,
Как ласково ты побеседовал с нами,
О ты, одержимый волшебными снами!»
Запели деревья:
«Мы это оценим!
Ты с нами хорош. Мы тебе не изменим.
Мы примем тебя в хоровод шелестящий,
О ты, на деревья с любовью глядящий!»
Так пели деревья, вершины вздымая,
Желанья и мысли мои понимая.
Так пели деревья, ветвями качая,
О чем-то еще рассказать обещая.

1934

В МИРЕ СОРНЫХ ТРАВ...

За горизонтом,
В мире сорных трав,
Где блещут солонцовые плешины,
Лежат ничком старинные машины.

Старинные...
Сказавши так, я прав.
Агрикультура знает много тайн.
Таинственен и сложен чрезвычайно
И вовсе не походишь на комбайн
Ты, предок современного комбайна!
Не лошадьми ль толкаемый вперед,
Возник из австралийского ты зноя?
Австралия!
Там всё наоборот!

А вот еще чудовище иное:
Котлы, каких не видывал и ад,—
К их тяжким чревам ржавчина пристала.
Вы не жалели черного металла,
Конструкторы, полсотни лет назад!

И напролом ломилась эта сила,
Как будто паром был он сыт и пьян,
Такой Ойль-Пул.
И вот его могила,
И шелестит вокруг него бурьян.

Здесь,
За холмами,
В мире сорных трав,
Где над солончаковою плешиною
Крушины ствол возвысился, коряв,—
Стою я перед мертвою машиною
И отхожу, ни слова не сказав.

Но думаю:
«Всегда бывает так!
Еще недавно твердь под ним дрожала,
Всё грохотало,
И толпа зевак,
Ликуя, как за чудищем, бежала.
И вот теперь
На грани роковой
Лежит недвижим, ржав, тяжеловесен.
...А иногда
Бывает таковой
Судьба людей,
Идей
И старых песен».

1935

УТЕШИТЕЛЬ

Свободные в суждениях своих,
О многом мы сумели столкнуться,
Но и поныне в чувствах кой-каких
Стесняемся друг другу признаваться,
Хотя бы и в интимнейшем кругу.

Вот, например:
Я вам ничуть не лгу
И рисоваться вовсе не намерен,
Но я буквально слышать не могу,
Когда рыдают женщины.
Уверен
И сам бываю:
Всё же это вздор!
Лиха беда! Поплачет — перестанет.
Но не могу те слезы с неких пор переносить!
Жестоко это ранит.

Мне в молодости было всё равно.
А вот теперь, когда подходит старость,
Вдова ль заплачет, пьющая вино,—
Я ощущаю и тоску и ярость,
Иль школьница чернильное пятно
В тетрадь посадит и ревет от кляксы,—
Я не могу, хоть самому смешно,
Из-за какой-то волноваться плаксы.

Не верите?
Так я открою вам,
Взялась откуда жалостливость эта.
Не улыбайтесь простоте ответа...
А дело в том, что я когда-то, где-то,
Но женщину заставил плакать сам.

1935

ХРАМ МЕЛЬПОМЕНЫ

Это недавно случилось. Вчера. Ночью.
Выводы сделать настала пора. В клочья
Рукопись некую я изорвал ночью.
Так никогда еще не тосковал. В клочья!..
Древность. История. Что-то не то... Что же в итоге?
Я в пиджаке. Я имею пальто. Я же не в тоге.

...Выйди из дома, если не спишь ночью.
Стены. Витрины. Намокших афиш клочья.
Слышишь ты этих лохматых бумаг шорох
На почерневших заборах!
Видишь: их ветром угнало во мрак ворох.

...Прямо не знаю, как я успел. Ровно к началу.
Кто-то, наигрывая, где-то пел, что-то звучало.
Напоминала церковный алтарь сцена.
Храмом твоим назывался встарь, о Мельпомена,
Этот кирпичный уютный чертог. Ладан
Или другой сладковатый дымок, шел от лампад он
Ввысь к куполам по зеркальным полам
Из-за кулис там, где хлам по углам свален
Близ разгороженных пополам исповедален.
Сладкий дымок. Шел меж всяких реклам вдаль он.
Я понимал: где-то — будто гарем. Теплятся свечи.

Что может быть, чем пахучий кольдкрем, едче?
Теплятся свечи. Это зачем? Словно папессы,
Были актрисы в ризах ротонд, как дьякониссы.
Отпевали провалившуюся пьесу.

Боже, это была одновременная панихида,
Но, в общем, никто не подавал и вида,
Будто и вправду рычал злодей, сердце билось,
Пьеса из жизни добрых людей длилась.
Так кого же отпевали, скажи на милость?

«Пьесу! Я тебе говорю. Я над таинством поднял
завесу».
— «Да ну тебя к бесу. Черт тебя знает, что ты
говоришь!»

— «Я говорю: ты сегодня не спишь ночью.
Стены, витрины, намокших афиш клочья.
Слышишь ты этих лохматых бумаг шорох?
Так! О чем же еще я хотел тебе рассказать?
Ну, конечно, не о билетерах.
Вот что скажу: в темноте, заглянув в ложу,
Слышу я:

„Что же «Мистерия-буфф»?“
— „Позже...“
— „Позже? Когда же?“

Ты слышишь афиш шорох?
Видишь, их ветром взметнуло до крыш, рвет на
заборах?»
— «Нет, я не вижу,— ты молвишь, взглянув.— Чест-
ное слово!»
— «Слушай, а правда, что эту «Мистерию-буфф»
Совсем не обязательно воспроизводить из слова в слово
И что ее можно дополнять снова и снова?»

1936

ПЛЕННЫЙ ШВЕД

«В Перми есть пермень. В Златоусте есть злато.
Я видывал Азию. Глазом солдата
Смотрел я на Азию. Очень богата!
Вот я расскажу, что я видел когда-то:
Послушайте вы, молодые ребята!

Я Карлусу храброму не был изменник, —
Нас честно побили. И вот, бедный пленник,
Больной и в лохмотьях, я был и без денег.
Мне в Питере булочник-немец дал пфенниг,
Но пфенниг истрачен, я снова без денег».

Царь Петер сказал: «Швед! Вы сделали нищим.
Но вы не печальтесь, вам дело подыщем!»
...Телега гремит. На восток кнутовищем
Ямщик показал: «Там не будешь ты нищим.
Там станешь ты жирный, с тугим животищем!»

И пьян конвоир. И одна с ним беседа:
«Не выпить ли, швед, нам с тобой до обеда?
А хочешь, мы выпьем и после обеда!»
— «О, ваша победа! Не надо обеда!
Пусть смерть угостится останками шведа!»

А лес всё сосноее. Сосны да елки,
Всё сосны да елки, всё сосны да елки!
Зеленые, острые, злые иголки
Прилипли к мундиру, торчат в треуголке.
Вот через Тобол мы плывем на тоболке,
И снова качаются дикие елки.

И тут есть Сибирь. На ее косогоре
Я встал и смотрел. Я забыл свое горе.
О, боже! Драконоподобные зори
Стоят над востоком, как будто в дозоре!
Всё ярче, всё жарче. Путь к югу. И вскоре
Сверкнул солончак — пересохшее море.

Меня поразило величье такое.
Но дальше мы мчимся, и нет мне покоя!
И вижу я крепость над мутной рекою,
Из крепости этой над мутной рекою
Выходит начальник и машет рукою.

И мне говорит он: «Помощник мне нужен!
Коль станете, швед, вы мне искренне дружен,
То будет подарок богатый заслужен —
Я вам подарю пресноводных жемчужин!»
И я говорю: «Я вам искренне дружен!»
И он отвечает: «Зову вас на ужин».

Веселый был ужин. Мы сделались пьяны.
Мы пили и строили многие планы:
«Что Санкт-Петербург нам? Там дождь и туманы!
А в нашем владенье восточные страны!»
О том говорили, как сделались пьяны.

И был я как викинг, а он как боярин.
Мы делали вместе обход солеварен.
«Мы сами с усами! И что нам Гагарин!
Сей злой губернатор над нами не барин.
Он есть лихоимец, хитер и коварен!»
Но Петр всё знал сам. Мудрый был государь он.

«Вам шумствовать хватит, собакины дети! —
Так Петр нам сказал.— Захотели вы плети?
Гагарин виновен. Он будет в ответе!
А вы отправляйтесь к далекой Эркети.
Где золото есть, там на карте отметьте,
Чтоб стали нам ведомы россыпи эти!»

И вот я в Сибири не стал домоседом.
За русским начальником двигался следом,
Служил и способствовал новым победам,
Победам петровским над турком, над шведом.
Не даром Россия кормила обедом!

И вот — год за годом, поход за походом —
Со славным сдружился я русским народом.
Он мирный народ, но привычен к походам.
Острастку и нашим он дал воеводам.
Царь Петер! Великим ты правил народом!

Когда же ордою Цевана Роптана
Мы были обложены возле кургана,
Нам гибель грозила. Но помощь неожиданно
Пришла от Петра. Мы прогнали Роптана!
В сражении этом получена рана,
А также заслужен и чин капитана.

Я рапорт писал! Я за всё благодарен —
За чин и за дом, что казною подарен.
Я жив, а казнен лихоимец Гагарин.

Женат я на русской. Мой сын русский парень.
Я есть православный. Я веником парен!

О, Петр дал мне всё. Мудрый был государь он!»

1936

ГИПЕРБОРЕЯ

Ты детских не ценил воспоминаний...
Верней, ты не хранил воспоминаний.
Забыл ты дом из ноздреватых бревен.
Огромный дом, в котором пол неровен,—
Одно из тех старинных крепких зданий,
Построенных когда-то в упование,
Что простоят до светопреставленья...

Теперь они пришли, воспоминанья,
И мы припоминаем в изумленье
Чудесный город, где орнамент ставен
Напоминает по рисунку плавень,
А иногда осенний серый ливень,
А иногда и мамонтовый бивень,
И черепа таинственных животных,
Еще ужасных, но уже бесплотных.
Таких рисунков много-много сотен
На дереве ворот и подворотен,
На окнах, на карнизах, на заборах,
На тех домах, и нет уже которых.

Есть гавань у границ Гипербореи —
Забывтый порт, где парусников реи,
Одетые тяжелыми холстами,
Среди тумана кажутся крестами,
А иногда грозящими перстами.

Но посмотри: из древней снежной пены
Вдруг выглянули радиоантенны.
И озарило голубое пламя
Кают и рубок стынущие стены.

Нырните в воду, ледяные змеи!
Раздвинься ты, завеса снеговая,
Врата златокипящей Мангазеи
Передо мной и вами открывая!

1938

НЮРЕНБЕРГСКИЙ ПОРТНОЙ

1

Сама Зима с улыбкой колдовской,—
У щек румяных ледяные серьги,—
Глядит в окно портновской мастерской...
Сама Зима с улыбкой колдовской
Глядит в окно портновской мастерской:
«Проснись, портной! Ты лучший в Нюренберге!
Готовь, портной, готовь свою иглу! Заказчики уж
 близко — на углу.
Готовь, портной, готовь иглу скорей! Заказчики всё бли-
 же — у дверей».

2

«О дамы, в меховое влюблены, получите вы здесь, под этой
 крышей,—
Воззвал портной,— наряд любой цены, от самой низшей
 и до самой высшей!
О господа! Взгляните вы в окно. В витрине полюбуйте на
 образчик.
Есть коверкот, английское сукно, лионский бархат...»

Вот он и заказчик!
Своей нетерпеливою рукой рванул он дверь портновской
 мастерской.

Как видно, суетливый человек.
Ведет он даму.
Острый колкий снег
Ее наряд осенний серебрит.
«Послушайте,— заказчик говорит,— ведь в Нюренберге
 лучший вы портной.
Я справки наводил — вы не еврей!
Вот этой даме, что пришла со мной,
Прошу я изготовить поскорей
Всё для зимы. Зима же у дверей!
Прошу я изготовить поскорей
Всё для зимы.
А меховые крылья торчком вы укрепите на спине,
Чтоб крыльями без всякого усилья
Махала дама!»
— «Непонятно мне,— портной ответил,— что это за
 крылья?»

— «Валькирии, Валькирии наряд!

Подол покрыт пороховою пылью.

Она летит. Внизу дома горят.

Такой костюм придумайте, портной, чтоб, распахнув, пахнула бы войной.

Так шейте! Постарайтесь, дорогой. Наряд такой у нас в Берлине в моде.

Но надо ей еще костюм другой — он в будничном ей нужен обиходе,—

Такой фасон: чтоб стала вся зверьком,

Застежечка кошачьим коготком,

Рукав такой, чтоб жал под локотком,

Тут ни к чему, скажу я, ширина — прекрасен дамский локоть, крепко сжатый,

Чтоб охала да помнила она, что есть у ней суровый провожатый!

Понятно это?

Воротник зверьком, чтоб в горло ей впивался коготком,

Чтоб падать ниц и чтоб ползти ползком».

Тут дама шепчет:

«Мастер, стыдно мне! Я не могу ходить в таком наряде».

— «Я, фрау, понимаю вас вполне»,— портной ответил, на нее не глядя.

А господин:

«И мне костюм сошьешь. Хотелось бы иметь мне макинтош

Из настоящих человеческих кож. Что? Не найдешь? Захочешь, так найдешь.

Ну ладно! Шей из обезьяньих кож.

Но человеческой кожи хоть клочок найди, чтоб вышить свастики значок,

Да жилами людскими это шей. Таков закон окопов и траншей!»

— «Вы шутите?»

— «О нет! Я не шучу!

И я тебя предупредить хочу, что в этот год немало новых мод

У нас в Берлине входит в обиход.

Вот, например, из моды вышел газ. Заменит газ теперь противогаз.

Я это видел. Элегантно очень».

Заказчик, тороплив и озабочен,

В полночный час покинул ателье.

Зима влачила шлейф свой по земле.
 Портной сидел, склонившись в полумгле, весь тканями
 обложен и мехами.
 Он начал шить, и на его игле свечи полночной трепетало
 пламя.
 Он повторял: «Из моды вышел газ? Заменит газ теперь
 противогаз!
 Ну, что ж тут скажешь? Элегантно очень.
 А галстук будет на манер бинта, как будто марля кровью
 залита
 И в желтом гное краешек намочен».
 Он повторял: «Вы бредите войной, берлинские вояки-
 забияки.
 Запросите фасон кроить иной, когда в больничном скорчи-
 тесь бараке,
 Запросите фасон кроить другой, когда с одной останетесь
 ногой!»
 И зло захохотал он в полумраке.

1938

НАЯДЫ

Ты видел этот новый дом,
 В своем величье молодом
 Имеющий с дворцами сходство?
 Ты знаешь: это — Пароходство.

Оттуда в сумраке седом
 Шесть дев выходят на крыльцо.
 Они не на одно лицо —
 У каждой признаки свои:
 Вот дева в шапочке бобровой.
 Вторая — с тростью камышовой.
 В плащ цвета рыбьей чешуи
 Одета третья, как матрос.
 Четвертая из чайных роз
 Венок сияющий сплела.
 А пятая с крылом орла
 Идет, как будто улета.
 Атмас наречена шестая...
 Ты это имя повторишь?

Что было б, если бы Иртыш
Вдруг схлынул?
Мы нашли на дне бы
Кусок эбенового неба
С чешуйчатых джунгарских крыш,
Пищали обгоревший пыж,
Древнейшие обломки лыж,
На коих лыжники из Тары
Ходили в черные татары...
Ну, что ты на меня глядишь?
Все эти вещи слишком стары!
Что? Колчаковский саквояж?
Бинокль бы цейсовской работы?
Гранаты? Ружья? Пулеметы?
Забытый Бремом патронташ?
Всё можно! Почему б и нет.
Так ты и начинай путину.
А я? И пальцем я не двину.
А почему? Я дам ответ:

Не в этом суть!
Не арсенал, не зал музея —
Дно речное.
Я не об этом вспоминал,—
Я думал вовсе про иное.
Про что?
Их — шесть. Судьба — одна.
Шесть рек исчезли.
Имена?
Я перечислю:
Камышловка,
Чаир,
Орловка,
Окуневка,
Бобровка
И еще одна — Атмас!
В былые времена
Те полноводные потоки
Шумели в таволге, в осоке...

Где эти реки?
Вся страна
Пила их воду золотую
Тогда, в былые времена,

Когда в леса, в листву густую
Слетались птицы на пиры
И для любви и для игры,
И обитали здесь бобры.
Бобры! Взгляни на степь пустую.
Ничто не вечно. И — миры!

Шесть рек!
Леса!
Бобры!
Орлы!
Уснувшие навеки рыбы!
Я спрашиваю: вы могли бы
Возникнуть вновь из темной мглы?

Ты слышишь их ответ:
«Мы здесь!»
Ты говоришь мне:
«О, не грезь!»

Шесть дев выходят на крыльцо
Дворца речного пароходства,
И все не на одно лицо,
Но в этих лицах есть же сходство,
Ведь есть же сходство! Всё же есть.
Ведь их же шесть! Ты видишь: шесть.

Вглядись, слепой ты человек,
В их небывалые наряды!
Ведь эти девы — души рек,
Иначе говоря — наяды!

Ты повторяешь:
«О, не грезь!
Ведь это ж просто шесть притворщиц,—
Ну, шесть конторщиц, шесть уборщиц,
Шесть девушек, что служат здесь!»

Пусть это было б даже так...
Огонь трамвайных вспышек зелен.
Наяды ринулись во мрак.
Мир грез, конечно, беспределен.
Автомобильные огни,
Небес грозовая завеса...

А может, все-таки они
Воскреснут меж степей и леса?

О да! Затем и встал вот здесь
Колосс речного пароходства,
Имеющий с дворцами сходство,
Гранитом облицован весь!
Ведь есть же в мире Человек,
Который понял душу рек,
Найдет утерянный родник
И даст свободу этим водам!
А ты решил, что дом возник
В угоду только пароходам?
Нет! Это так, но и не так.

Огонь трамвайных вспышек зелен.
По Иртышу плывет рыбак.
За Иртышом горит маяк.
Наяды, лодки, якорь, мрак...
Мир грез высок и беспределен!

1939

* * *

Вот лес.
Он был густ.
Ловил ты птиц в сетку,
Ветвей любил хруст.
И ты нашел куст!
И, выбравши ветку,
Не вырезал хлыст
И сделал не клетку,
А, внемля рассудку,
Ты выдолбил дудку...

Вот лист.
Он был чист.
Тут всё было пусто.
Он станет холмист,
Скалист и ветвист
От грубого чувства.
И это — искусство!

Мое это право!
Я строю свою
Державу,
Где заново всё создаю!

1939

* * *

В промежутках
Между штормами
Воды кажутся покорными.

В промежутках
Между войнами
Очень трудно быть спокойными.

1939

МУЗА

Ночь была, мгла легла.
Но, как порох,
Вспыхнул вдруг алый свет в светофорах,—
Значит, город, не спишь!
И намокшие клочья афиш
Шевельнулись в ночи на заборах...
Белый свет в светофорах,
Желтый свет в светофорах.
Странный шорох откуда-то с крыш!
Вот он ниже, но скрыла мгла.
Вот он ближе, из-за угла.
Шелестят вымпела?
Или дворницкая метла
Расчищает устало
Мусор в недрах квартала?
Или в сквере качнулась ветла?

Нет! Донесся шелест крыла.
Это Муза была. Муза. Летала!

Летала вокруг квартала.
Перед входом в чертог,
У портала,
Вдоль метало ее, поперек...
Трепетала!

Древнегреческий помню язык.
Понимать я его не отвык.
Поскорее
Поднимаю я Музу, веду
В темный сад, потому что в саду, мощно грея,
Озаряя волшебным огнем
Незаметным, невидимым днем — только ночью,
Только ночью, среди темноты,
Существуют такие цветы.
И воочью
Вижу я: да, она! Вся бела. Это — Муза!
За плечами у ней два крыла. Это — Муза!

«Муза! Ждал тебя, Муза, давно. Прилетела?..»
Только вижу — алеет пятно,
Багровеет, синее пятно...
«Муза, ранена?» — «Да!» — «И давно? Где?
В чем дело?»

«Расколовшийся мрамор Афин,
Брызги крови до горных вершин,
Ключья мяса...»
Муза! Ты это говоришь,
Или слышится шелест афиш:
«Оборона Парнаса!», «Оборона Парнаса!».
Из Эллады, с парнасских вершин,
Из немецкого плена,
Где от слез поднялась на аршин Иппокрена,
Прилетела ты к нам, Мельпомена!

«Черт возьми!
У парнасских вершин
Шваб потребовал пива графин.
Но не впрок.
Даже пена
Издает запах тлена!» —
Так мне крикнула Муза.
С крыла
Кровь извилистой струйкой текла, запекалась.
«На Парнасе вчера я была.
До последнего срока была
И сражалась!
У убитых винтовки брала и сражалась!
И Борей меня вынес, суров,

Там из пламени книжных костров.
Вы мне рады?»
— «Да, мы рады!
Здесь, у гиперборейских снегов,
Ты защиту найдешь от врагов,
Дочь Эллады!»

1936, 1941

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Ты знаешь пословицу: мы говорим,
Что сладок бывает отчества дым...
Я дым этот сладкий вдыхал наяву.
Послушай! Когда ты вернешься в Москву,
Немедленно в Кунцеве побывай,
Да, в Кунцеве!
Кунцева —
Не забывай!
А дальше к Татаровке надо пройти,
Не так далеко это — рядом почти.
Ну, словом, к Татаровке, друг мой, пройди,
Серебряный Лог за деревней найди,
У этого Лога костер разведи и глины возьми.
Слышишь, — глины, мой друг,
Которой поблизости много вокруг.
Вот этой-то глины в костер и добавь,
И сладким ты дымом надышишься въявь!
Горят эти глины!
Ты понял?
Горят
И, жарко горя, издают аромат.
Ну да, — аромат! Верь мне, друг, — аромат!
И тот аромат, точно мед, сладковат.
Поверь — никакого тут нет волшебства,
А просто, где плещет волною Москва,
Там есть отложения юрских слоев,
Цветов отпечаток, надкрылий жуков,
И рыбьих чешуек, и игол сосны, —
Всё есть в этих глинах — и сладость весны,
И осени горечь!
Но где на земле
Ты запах цветов ощутил бы в золе
Горящей земли?

Где пылает она,
Даря ароматом пьянее вина?!
Да, друг мой! Ты в Кунцеве часто бывал
И, кажется, даже на даче живал,
Там в парке Смирновском ты пиво пивал,
Глотал «эскимо», торопясь на вокзал,
А вот не вдыхал ты отечества дым,
О коем так часто мы все говорим!

1942

СТРАНА-ХОЛОДЫРЬ

Так вот ты какая, страна-холодырь!
Все в елочках горбятся горы.
А город — он точно огромный пустырь —
Заборы, заборы, заборы...
Но есть за заборами и дома,
Не только дома — домища,
Заводы и домны огромны весьма,
Хоромы, светелочки и терема,
И в улицах снежных гуляет сама
Восточная злая пушная Зима —
Всё ходит, всё бродит, всё ищет.

Вот в дом Домовитых стучится она,
Псов будит косматых и сытых
И шепчет во мрак слухового окна:
«Вставай, гражданин Домовитых!
Вставай, Домовитых, и двери открой!»
— «А кто там так поздно стучится?»
— «Я чтица! Пришла я читать Домострой.
Открой, Домовитых! Я — чтица.
И книжник со мною, из дальних он мест,
Брада наподобье лопаты.
А имя его: Сильвестр, Сильвестр...
Слышал про такого попа ты?»

Бормочет хозяин, в мерцании звезд
Неслышно назад отступая:
«Какой еще там еще поп Селевестр,
Не знал про такого попа я...»

Отходит Зима, и в другие дома,
В соседние, тоже стучится:

«Откройте!»
— «А кто там?»
— «Да я же сама!»
— «А кто это ты?»
— «Меховщица!»

И тут не впустили.
«Иди,— говорят,—
Чего,— говорят,— ты забыла?»
— «Впустите! Я здесь. Не хочу я назад!
Не рушатся стены, полы не горят...
О, тишь глубочайшего тыла!
Я чую, кочуя: не взвоят снаряд
Над крышами зло и уныло,
Не рушится свод, потолки не горят...
О, тишь глубочайшего тыла!
О, белых равнин глубочайшая грусть!
Рек медленное течение!..
Я ранена в сердце! Я здесь нахожусь
Для длительного леченья...».

Леченье?
Молчанье...
Мерцанье огня.
И снова, рыдая, горяя:
«Впустите!»
— «А кто там?»
— «Впустите меня!
Я — странница, вам говорю я».

Ну вот и впустили.
Ну что ж не вошла?
«Чего,— говорят,— не вошла ты?
Куда же умчалась, так зла и бела?
В какие стучишься палаты?»
В палаты?
Куда там!
На снежный пустырь
Умчалась, горяя, играя...
И мечется следом норд-ост — поводырь...
Так вот ты какая, страна-холодырь!
Снега без конца и без края.
И месяц козлиные точит рога
О звезды там, в бездне туманной.
Так вот ты какая!

Вьюга,
Тайга,
Оледенелые берега,
Шишига под крышею банной...
Забудьте обычай странный —
Пользоваться эмалированной ванной!
Снега,
Тайга,
Вьюга.
И город не спит, погруженный в снега,
Морозный, косой, деревянный.

*

Такой и тебе показалась Сибирь, —
Ты видел не лес и не горы,
А в первую очередь этот пустырь —
Заборы, заборы, заборы...
Но выросли там
Не дома-терема,
А замки, настолько могучи,
Что стены, как горные кручи,
Уходят под самые тучи.

О ветер!
По тундрам ты ночи и дни
Носился, бездушен, бездомен.
Дохни и раздуй золотые огни
У домен, у домен, у домен!
Граненая Обь,
Злаоокий Иртыш,
Ангарские ясные воды —
Повсюду, куда ты ни поглядишь, —
Заводы, заводы, заводы!
Над сводами их золотой листопад,
Над сводами их голубой снегопад...
О, тишь глубочайшего тыла!
Сибирь-холодырь, — про тебя говорят,
К тебе эта кличка пристыла.
Но в час, когда крепости вражьи горят,
Мы знаем, откуда берется снаряд, —
Холодной рукою смертельный заряд
Не ты ли в него вложила:

Вздохнула
Вдохнула
В волшебный снаряд
Дыханье глубокого тыла!

1942

КРУЖЕВА

Я не знаю — она жива или в северный ветер ушла,
Та искусница, что кружева удивительные плела
В Кружевецком сельсовете над тишайшею речкой Нить.
Кружева не такие, как эти, а какие — не объяснить!
Я пошел в Кружевной союз, попросил показать альбом,
Говорил я, что разберусь без труда в узоре любом.
Мне показывали альбом.
Он велик, в нем страницы горбом,
И, как древних преданий слова, по страницам бегут
кружева.
Разгадал я узор-сполох, разгадал серебряный мох,
Разгадал горностаевый мех,
Но узоров не видел тех,
Что когда-то видал в сельсовете
Над тишайшею речкой Нить —
Кружева не такие, как эти, а какие — не объяснить!
Я моторную лодку беру,
Отправляюсь я в путь поутру — ниже, ниже по темной
реке.
Сельсовет вижу я вдалеке.
Не умеют нигде на свете эти древние тайны хранить,
Как хранили их здесь, в сельсовете, над тишайшею речкой
Нить.
Славен древний северный лес, озаренный майским огнем!
Белый свиток льняных чудес мы медлительно развернем.
Столько кружева здесь сплели, что обтянешь вокруг
земли —
Опояшешь весь шар земной, а концы меж землей и луной
Понесутся, мерцающая вдали...
Славен промысел кружевной!
Это те иль не те кружева?
Мастерица! Она жива?
Да жива!
И выходит она, свитой девушек окружена.
Говорит она:

«Кружева мои те же самые, те же самые,
Что и девушки и молодухи. Не склевали наш лен
воробушки!
Не склевали лен черны вороны, разлетелись они во все
стороны!
Кружева плету я снова. Вот он, свиток мой льняной.
Я из сумрака лесного, молода, встаю весной.
Я иду! Я — на рассвете!
Встретьте девицу-красу
В Кружевецком сельсовете, в древнем северном лесу!»

1932, (1944)

КЛЮЧ

День кончился.
Домой ушел кузнец —
Знакомый, даже свойственник мне дальний.
Я в кузнице остался наконец
Один.
И вот, склонясь над наковальней,
Ключ для очей, для уст и для сердец
Я выковал.
Мерцал он, как хрустальный,
Хоть был стальным, — та сталь была чиста,
И на кольце твое стояло имя.
Тебе я первой отомкну уста!
И я пришел и отомкнул уста.
Но тотчас их связала немота —
Так тесно сблизились они с моими!
Тут сердце я открыл твое ключом,
Чтоб посмотреть, что будет в нем и было.
Но сердце не сказало ни о чем,
Чего б не знал я. Ты меня любила.
И я решил открыть твои глаза,
Чтоб видеть всё смогли они до гроба.
Но за слезой тут выпала слеза...
Я говорю: не радость и не злоба,
А слезы затуманили глаза,
Чтоб ничего не видели мы оба!

(1945)

ТОСКА

Жил на свете я до сорока лет
И не знал никогда, что такое тоска. Нет.
Даже знать я не знаю, что такое тоска.
Мне
Никогда не бывала она близка.
Ни ночами во сне
И ни наяву
Никогда не зову
Эту самую деву я, Грусть.
Говорят иногда,
Что она и сюда
Заезжала —
И пусть!
Я, появится если она,
Улыбнусь,
А объявит она, что со мною должна
Повстречаться одна,—
Рассмеюсь.
Я ее не боюсь!
Что такое она?
Если взвесить всё и учесть —
Есть на свете Надежда, и Вера, и Мудрость,
И есть
Мечь, и Гордость, и Ревность, и Верность,
и Страсть...

А с тоской этой, с Грустью,—
Ни в рай и ни в ад не попасть.
Пусть имеет она над другими верховную
власть.

Да уж лучше к земле я ничком припаду
Да зароюсь в пески,
Захочу — улечу на другую звезду,
А уйду от тоски.
У меня две руки,
У меня кулаки,
А у ней под глазами круги велики.
У меня есть товарищи-весельчаки...
Боже мой,
Помоги
Мне уйти от тоски!

<1945>

ЭРЦИНСКИЙ ЛЕС

Я не тайл от вас
Месторожденья руд.
Пусть ваш ласкает глаз
Рубин и изумруд,
И матовый топаз,
И золотой янтарь.
Я звал вас много раз
Сюда —
Недавно,
Встарь.

Я говорил, что дик
Мой отдаленный край.
Я говорил: «Язык
Деревьев изучай!»
Я звал вас много раз
Сюда, в Эрцинский лес,
Чьи корни до сердец,
Вершины до небес!

Я звал вас много раз
И на степной простор,
Где никогда не гас
Пастушеский костер.
Я звал вас в пыльный рай
Необозримых стад.
Делить всё, чем богат,
Я был бы с вами рад.

Но посылали вы
Сюда лишь только тех,
Кто с ног до головы
Укутан в темный грех.
Ведь правда было так?
Труби, норд-ост могуч,
Что райских птиц косяк
Летит меж снежных туч.

Косяк безгрешных душ
Ему наперерез.
Пути, зима, завьюжь!
В снегах Эрцинский лес.

В снегах Эрцинский лес,
В снегах Эрцинский лес,
Чьи корни до сердец,
Вершины до небес!

1933, 1945

* * *

Замечали —
По городу ходит прохожий?
Вы встречали —
По городу ходит прохожий,
Вероятно, приезжий, на нас непохожий?
То вблизи он появится, то в отдаленье,
То в кафе, то в почтовом мелькнет отделенье.
Опускает он гривенник в щель автомата,
Крутит пальцем он шаткий кружок циферблата
И всегда об одном затевает беседу:
«Успокойтесь, утешьтесь — я скоро уеду!»
Это — я!
Тридцать три мне исполнилось года.
Проникал к вам в квартиры я с черного хода.
На потертых диванах я спал у знакомых,
Приклонивши главу на семейных альбомах.
Выходил по утрам я из комнаты ванной.
«Это гость, — вспоминали вы, — гость не незванный,
Но, с другой стороны, и не слишком желанный.
Ничего! Беспорядок у нас постоянный».
«Это гость», — поясняли вы мельком соседу
И попутно со мной затевали беседу:
«Вы надолго к нам снова?»
— «Я скоро уеду!»
— «Почему же? Гостите. Придете к обеду?»
— «Нет».
— «Напрасно торопитесь. Чаю попейте.
Отдохните да, кстати, сыграйте на флейте».
Да! Имел я такую волшебную флейту.
За миллионы рублей ту я не продал бы флейту.
Разучил же на ней лишь одну я из песен:
«В Лукоморье далеком чертог есть чудесен!»
Вот о чем вечерами играл я на флейте.
Убеждал я: поймите, уразумейте,
Расскажите знакомым, шепните соседу,

Но, друзья, торопитесь,— я скоро уеду!
Я уеду туда, где горят изумруды,
Где лежат под землей драгоценные руды,
Где шары янтаря тяжелеют у моря.
Собирайтесь со мною туда, в Лукоморье!
О! Нигде не найдете вы края чудесней!
И являлись тогда, возбужденные песней,
Люди. Разные люди. Я видел их много.
Чередой появлялись они у порога.
Помню — некий строитель допрашивал строго:
«Где чертог? Каковы очертанья чертога?»
Помню также — истории некий учитель
Всё пытал: «Лукоморья кто был покоритель?»
И не мог ему связно ответить тогда я...
Появлялся еще плановик, утверждая,
Что не так велики уж ресурсы Луккрая,
Чтобы петь о них песни, на флейте играя.
И в крылатке влетал еще старец хохлатый,
Непосредственно связанный с Книжной палатой:
«Лукоморье! Изволите звать в Лукоморье?
Лукоморье отыщете только в фольклоре!»
А бездельник в своей полосатой пижамке
Хохотал: «Вы воздушные строите замки!»
И соседи, никак не участвуя в споре,
За стеной толковали:
«А?»
— «Что?»
— «Лукоморье?»
— «Мукомолье?»
— «Какое еще Мухоморье?»
— «Да о чем вы толкуете? Что за история?»
— «Рукомойня? В исправности».
— «На пол не лейте!»
— «Погодите — в соседях играют на флейте!»
Флейта, флейта!
Охотно я брал тебя в руки.
Дети, севши у ног моих, делали луки,
Но, нахмурившись, их отбирали мамыши:
«Ваши сказки, а дети-то все-таки наши!
Вот сначала своих воспитать вы сумеете,
А потом в Лукоморье зовите на флейте!»
Флейту прятал в карман.
Почему ж до сих пор я
Не уехал с экспрессом туда, в Лукоморье?

Ведь давным бы давно уж добрался до гор я,
Уж давно на широкий бы вышел простор я.
Объясните знакомым, шепните соседу,
Успокойте, утешьте, — я скоро уеду!
Я уеду, и гнев стариков прекратится,
Злая мать на ребенка не станет сердиться.
Смолкнут толки соседей, забулькает ванна,
Распрямятся со звоном пружины дивана.
Но сознайтесь!
Недаром я звал вас, недаром!
Пробил час — по проспектам, садам и бульварам
Все пошли вы за мною, пошли вы за мною,
За мою спиной, за мою спиною.
Все вы тут! Все вы тут!
Даже старец крылатый,
И бездельник в пижаме своей полосатой,
И невинные дети, и женщина эта —
Злая спорщица с нами, и клоп из дивана...
О, холодная ясность в чертоге рассвета,
Мерный грохот валов — голоса океана,
Так случилось —
Мы вместе!
Ничуть не колдуя,
В силу разных причин за собой вас веду я.
Успокойтесь, утешьтесь!
Не надо тревоги!
Я веду вас по ясной, широкой дороге.
Убедитесь: не к бездне ведет вас прохожий,
Скороходу подобный, на вас непохожий, —
Тот прохожий, который стеснялся в прихожей,
Тот приезжий, что пахнет коричневой кожей,
Неуклюжий, но дюжий, в тужурке медвежьей.
...Реки, рощи, равнины, печаль побережий.
Разглядели? В тумане алеют предгорья.
Где-то там, за горами, волнуется море.
Горы, море... Но где же оно, Лукоморье?

Где оно, Лукоморье, твое Лукоморье?

1935, 1945

От печки
Я оттер бы Гоголя.
«Свои творения губя,—
Я крикнул бы ему,— не много ли
Берете, сударь, на себя?!»
И, может быть, хоть пачку листиков
Я выхватил бы из огня,
Чтоб он послушался не мистиков
И не аскетов,
А меня!

1945

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Друзья меня провожали
В страну телеграфных столбов.
Сочувственно руку мне жали:
«Вооружен до зубов?
Опасностями богата
Страна эта! Правда ведь? Да?
Но мы тебя любим, как брата,
Молнируй, коль будет нужда!»

И вот она на востоке,
Страна телеграфных столбов,
И люди совсем не жестоки
В стране телеграфных столбов,
И есть города и селенья
В стране телеграфных столбов
Гулянья и увеселенья
В стране телеграфных столбов!

Вхожу я в железные храмы
Страны телеграфных столбов,
Оттуда я шлю телеграммы —
Они говорят про любовь,
Про честь, и про грусть, и про ревность,
Про то, что я все-таки прав.
Твоих проводов песнопевность
Порукой тому, телеграф!

Но всё ж приближаются сроки,
Мои дорогие друзья!
Ведь я далеко на востоке,—
Вам смутно известно, где я.
Ищите меня, телефоньте,
Молнируйте волю судьбы!
Молчание...
На горизонте
Толпятся немые столбы.

1945

СЛЕД

А ты?
Входя в дома любые —
И в серые,
И в голубые,
Всходя на лестницы крутые,
В квартиры, светом залитые,
Прислушиваясь к звону клавиш
И на вопрос даря ответ,
Скажи:
Какой ты след оставишь?
След,
Чтобы вытерли паркет
И посмотрели косо вслед,
Или
Незримый прочный след
В чужой душе на много лет?

1945

НОЧЬ

Кто дал тебе совет, закончив счет побед,
А также и потерь,
Теперь, замкнувши дверь, угреться и забыться?
Ты этому не верь! Так не случится!

Не спишь?
Не ты один. И ей всю ночь не спится.
Она, полна машин, полна афиш, витрин

И вновь полна мужчин, смеясь не без причин,
Не спит
Столица.

Ничто не спит во мгле —
Кипит асфальт в котле, кипит вино в бутылках,
Не спят, летя на крыльях, не спят в автомобилях,
Не спит огонь в золе.
И зреет на земле
Очередное чудо.

Предугадать его
Имеешь полномочья.
Быть может, оттого
Тебе не спится
Ночью!

1945

ПРАВДА

В равнинах Востока, багряных от зноя,
Где водит июль соляные смерчи,
Тревожно сжимается сердце родное...
Ты просишь меня:

«Отвечай! Не молчи!
Ведь скоро и осень.
И ливень осенний
Ударит о крыши, железо дробя.
Ответь!
Не молчи!»

Но, взамен объяснений,
Я песню пою про тебя, про тебя!

Нет! Я не молчу.
Мы увидимся скоро,
Тебя обниму я, всё больше любя.
Но слышишь! — взамен телефонного спора,
Ты слышишь! — взамен телеграфного вздора
Я песню пою про тебя, про тебя!

Где я?
Я в народом наполненных залах,

В высоких мансардах, в богатых дворцах.
Бываю на пристанях я и вокзалах,
На пашнях, в болотах и на солонцах.

Я в небе бываю, где солнце цветное,
Могущество туч и ветра горячи.
Я в шахтах и там, за магнитной стеною,
Где денно и ночью куются мечи.

Я всюду!
И ты.
Ты повсюду со мною!
Не надо тревожиться, сердце родное.
А ты говоришь: «Отвечай! Не молчи!»

Волнуешься ты.
И последних известий
У старого радио трепетно ждешь.
Но ты не тревожься.
Мы вместе! Мы вместе!
А всё остальное — глубокая ложь.

1945

НАРОД-ПОБЕДИТЕЛЬ

Возвращались солдаты с войны.
По железным дорогам страны
День и ночь поезда их везли.
Гимнастерки их были в пыли
И от пота еще солонны
В эти дни бесконечной весны.

Возвращались солдаты с войны.
И прошли по Москве, точно сны,—
Были жарки они и хмельны,
Были парки цветами полны.
В зоопарке трубили слоны,—
Возвращались солдаты с войны!

Возвращались домой старики
И совсем молодые отцы —
Москвичи, ленинградцы, донцы...
Возвращались сибиряки.

Возвращались сибиряки —
И охотники, и рыбаки,
И водители сложных машин,
И властители мирных долин,—
Возвращался народ-исполин...

Возвращался?
Нет!
Шел он вперед,
Шел вперед
Победитель народ!

1945

* * *

Пластинок хриплый крик,
И радиовещанье,
И непрочтенных книг
Надменное молчанье,
И лунный свет в окне,
Что спать мешал, тревожа,—
Мы оценить вполне
Сумели только позже,
Когда возникли вновь
Среди оторопенья
Моторов мощный рев,
И музыка, и пенье,
И шелест этих книг,
Мы не дочли которых,
И круглый лунный лик,
Запутавшийся в шторах,
И в самый поздний час
Чуть зримый луч рассвета...

Подумайте! У нас
Украсть хотели это!..

1945

ОБЛАКА

Облака!
Не достать вас руками.
Да и это ли надобно мне?

Облака!
Окружен облаками,
Я бы мчался на черном коне
Через горы, к восточной стране,
К дому с низкими потолками,
Чтобы там за семью замками
С холодеющими щеками
Ты бы вышла навстречу мне.

Но уходит он в дальние дали,
Путь, который весь в тормозах.
И на самом последнем вокзале
Ты одна в карболовом зале
Со слезами в зеленых глазах.

Облака!
На высокую крышу
За Москвою-рекою взойду
И увижу я всё и услышу...
Вот и ласточка вьется в саду
На свою, на мою ли беду...

Облака
В сорок пятом году!

1945

БАЛЛАДА ПРО ВЕЛИКИЙ ПУТЬ

Великий путь!
Великий путь!
Когда идет состав-колосс,
В чугунном рокоте колес
Я слышу голос:
«Не забудь!
Отец твой строил этот путь!» —
Кричит мне каждый паровоз.

Я вспоминаю эти дни
По сорок градусов в тени —
Кочевничьих урочищ лень,
Даль, где ни сел, ни деревень.
Я вспоминаю этот путь —

Сквозь степь, где блещут солонцы.
Стальную нить вперед тянуть
Вы шли, упорные отцы!

Отец мой скважины бурил,
Водой пустыню одарил,—
Я помню котлованов муть.
Отец мой строил этот путь.
С Урала — прямо на Восток,
На Золотой далекий Рог,
Отцы сумели дотянуть
К началу века этот путь.

Служебный помню я вагон —
Был, как огонь, багряный он.
А я, ребенок, из окна
Под насыпь глядя, под откос,
Среди полыни и берез
То зебру видел, то слона.
В чем правда этих детских грез?
Не зря играл я в ту игру —
Коров считал за кенгуру,
За тигров принимал телят,
Когда в кустах они шалят.
Псы-львы рычали у дорог,
Ведущих прямо на Восток.

Уже среди ребячьих игр
Я знал, что уссурийский тигр
Совсем не сказка, явь почти...
А что-то дальше на пути?
И говорил отец:
«Мечтай!
Поедешь в гости и в Китай,
А из Китая и в Сиам,
А там — куда захочешь сам,
Поедешь в гости ты к друзьям!
С кем хочешь, будешь ты дружить,
Но по-соседски мирно жить
Ты с ними должен!
Не забудь!
Затем и строю этот путь».

Отец мой умер...
Но ко мне
Вчера явился он во сне.
Был в белом кителе своем,
Кокарда — якорь с топором —
Сверкала на фуражке.
Он
Искал служебный свой вагон,
Вагон багряный, как огонь...

Сказал отец:
«Событий суть
Ясна!
Я строил этот путь —
Путь через степь, и через лес,
И через горы до небес.
А в страны грез своих мосты,
Надеюсь, сам достроишь ты.
Осуществить твои мечты
Я не успел. Не обессудь!»

И грохотал из темноты
Толпой колес Великий путь!

1945

* * *

Мне кажется, что я воскрес.
Я жил. Я звался Геркулес.
Три тысячи пудов я весил.
С корнями вырывал я лес.
Рукой тянулся до небес.
Садясь, ломал я спинки кресел.
И умер я... И вот воскрес:
Нормальный рост, нормальный вес —
Я стал как все. Я добр, я весел.
Я не ломаю спинки кресел...
И все-таки я Геркулес.

1945

ЛУКОМОРЬЕ

Кто ответит — где она:
Затопило ее море,
Под землей погребена,
Ураганом сметена?
Кто ответит — где она,
Легендарная страна
Старых сказок —
Лукоморье?

Это я отвечу вам:
Существует Лукоморье!
Побывал мой пращур там,
Где лукой заходят в море
Горы хладные.
У скал
Лукоморье он искал —
Волшебную эту местность,
Страну великих сокровищ,
Где безмерна людская честность,
Но немало див и чудовищ.

Здравствуй, северная Русь!
Ты, Югра-соседка, здравствуй!
Сказка, здесь над былью властвуй!
Различить вас не берусь.
Ветер северный, могуч, гонит тучи снеговые,—
У них выи меховые. Белки валяются живые.
Соболя летят седые из косматых этих туч,
Прямо в тундру, за Урал.
Там мой пращур их и брал.
Мол, к нашим дырявым овчинам
Пришьем драгоценны заплатки
И сбудем заморским купчинам
Мы красного меха в достатке.

Что мой пращур?
Голытьба!
Он в лохмотьях шел тайгою.
Но свела его судьба с мудрой бабою-ягою,
То есть с женщиной в яге — в теплой северной
одежде...
Я о встрече той в тайге вспоминаю и в надежде,

Что этнографы прочтут и обдумать им придется
Всё изложенное тут.
Шуба женская зовется
Там, на севере, ягой.
Знай, этнограф дорогой!

Баба-яга сердита.
«Ну,— говорит,— погоди ты!
Зря,— говорит,— не броди ты!
Женю я тебя на внучке,
Возьмет в золотые ручки».

Верно, пращур?
Было так?
Золотым копьем блистая,
Поджидала вас, бродяг, дева-идол золотая,
Сторожила берега Мангазеи и Обдорья,
Неприступна и строга, охраняла Лукоморье.
Злата шкура на плечах,
Золотой огонь в очах,—
Грейся, пращур, в тех лучах!

«Ах, гостеприимна,
В чуме вот только дымно!
В губы не целовала,
Мерзлую рыбу давала,
О чем она толковала?»
—«Пусть бьются князья с князьями —
Народы будут друзьями».

Ты остался, пращур, там?
Венчан снежными венцами?
Ложе устлано песцами?
Нет! К волшебным воротам
За тобою по пятам
Шел Куракин со стрельцами,
Со стрельцами да с писцами за тобою по пятам.
Шли не с чистыми сердцами к Лукоморским воротам.
И закрылись ворота, и в туман укрылись горы,
Схоронилася в Обдоры дева-идол золота.

И волны гремели на взморье,
И ветры над камнем шумели:
Исчезло, ушло Лукоморье,—
Хранить вы его не сумели!

Лукоморье!
Где оно?
Не участвую я в споре
Тех ученых, что давно потеряли Лукоморье
На страницах старых книг, в незаписанном
фольклоре.

Знаю я: где север дик,
Где сполоха ал язык,—
Там и будет Лукоморье!
Там, у дальних берегов, где гремят морские воды,
Где восстали из снегов возрожденные народы,—
Лукоморье там мое!
Там стоит она, богата,
Опираясь на копье, а быть может, на ружье,
Молодая дева Злата.
Я не знаю, кто она —
Инженер или пастушка,
Но далекая избушка, что за елками видна,
Снова сказками полна.

Здравствуй, дивная страна!

1945

ЦАРЬ ПРИРОДЫ

И вдруг мне вспомнилось:
Я — царь!
Об этом забывал я годы...
Но как же быть?
Любой букварь
Свидетельствовал это встарь,
Что человек есть царь природы!

Одевши ткани и меха,
На улицу я молча вышел.
Прислушиваюсь.
Ночь тиха.
Себе я гимнов не услышал.
Но посмотрел тогда я ввысь,
Уверенности не теряя,
И вижу:

Звезды вдруг зажглись,
Как будто путь мне озаряя
И благосклонно повторяя:
«Ты — царь природы! Убедись!»

Что ж, хорошо!
Не торопясь,
Как будто просто так я, некто,
Не царь и даже и не князь,
Дошел я молча до проспекта.
Как убедиться мне скорей,
Высок удел мой иль плачевен?
При свете фар и фонарей
Толпу подобных мне царей,
Цариц, царевичей, царевен
Я наблюдал.
Со всех сторон
Шли властелины без корон.

Я знал, что в этот поздний час
Царь воздуха, забыв про нас,
Витал меж туч.
Владыка касс
Свои расчеты вел сейчас.
Царь лыж блуждал по снежным тропам.
Царь звезд владычил телескопом.
А царь бацилл над микроскопом
Склонился, шуря мудрый глаз.

Я наблюдал.
Издаലെка
Заметил я: царь-оборванец,
Великий князь запойных пьяниц,
Ничком лежит у кабака.
А тоже царь. Не самозванец.

А вот я вижу пешехода,
Одетого вдвойне пестрей
Всех этих остальных царей
И при короне.
Брадобрей
Ему корону на полгода
Завил, как то диктует мода.

Эй, вы! Подвластна вам природа?
Ну, отвечайте поскорей!
Вам сотворили чудеса
В искусствах, равно как в науке,
Вам покорили небеса,
Вам атом передали в руки.

Цари вы или не цари,
А существа иной породы?
Быть может, ввали буквари,
Что человек есть царь природы
Во множестве своем один?
«Эй ты, природы господин!
Скажи мне: царь ты или князь?
Дерзаешь ты природой править?»
А он в ответ: «Прошу оставить
Меня в покое!»
И, боясь,
Что, может быть, его ударю,
Что кулаки я, вздрогнув, сжал,
Он, недостойно государя,
По-мышьи пискнув, отбежал.

О царь! Прошу тебя: цари!
Вынь из ушей скорее вату!
К тебе, возлюбленному брату,
Я обращаюсь — посмотри!
Разбужен оттепелью ранней,
Услышишь завтра даже ты:
Она трубит из темноты
Со снежных крыш высоких зданий
В свой серебристый звонкий рог,
Сама Весна!
Ясак, оброк —
Как звать не знаю эту дань —
И ты берешь с природы. Встань!

Ведь это же твоя земля!
Твои обрубки тополя
Стоят, сучками шевеля,
Тебя о милости моля!
Прислушайся к хвале ручьев,
Прими посольство соловьев

И через задние дворы
Иди, о царь своей свободы,
Принять высокие дары
От верноподданной природы!

1945

* * *

И, по земле моей кочуя,
Совсем немногого хочу я:

Хочу иметь такую душу,
Чтоб гибло всё, что я разрушу;

Хочу иметь такую волю,
Чтоб жило всё, чему позволю;

Сердце хочу иметь такое,
Чтоб никому не дать покоя;

Хочу иметь такое око,
Какое око у пророка.

Вот что хочу,— хочу глубоко!

1945

ЛЮБОВЬ

Ты жива,
Ты жива!
Не сожгли тебя пламень и лава,
Не засыпало пеплом, а только задело едва.
Ты жива,
Как трава,
Увядать не имевшая права.
Будешь ты и в снегах
Зелена, и поздней Покрова.

И еще над могилой моей
Ты взойдешь, как посмертная слава.
И не будет меня —
Ты останешься вечно жива.
Говори не слова,

А в ответ лишь кивай величаво—
Улыбнись и кивни,
Чтоб замолкла пустая молва.

Ты жива,
Ты права,
Ты отрада моя и отрава.
Каждый час на земле —
Это час твоего торжества!

⟨1946⟩

СЕВЕРНАЯ СКАЗКА

Ты был на рубеже Гипербореи,
Где, низменность болотистую грея,
Ночное солнце светит зло и косо,
Где хвойный лес с подземным углем сросся,
А в небесах полярные магниты
Меняют многоцветную окраску?

Эвакуирован во дни войны ты
В те страны не был?
Нет!
Так слушай сказку
Про жизнь на рубеже Гипербореи.

Ту сказку мне рассказывали реи,
Шептали пароходные колеса.

Был город у границ Гипербореи.
Чудесный город, где орнамент ставен,
Напоминая по рисунку плавень,
Напоминал порой осенний ливень,
А иногда и мамонтовый бивень,
И черепа таинственных животных,
Еще ужасных, но уже бесплотных.
Таких рисунков было много сотен
На дереве ворот и подворотен,
На стенах и карнизах, на заборах,
На тех домах, что вечно на запорах,
На тех домах, и нет уже которых...

Ну, хорошо! Под осень были ярки,
Я говорю: под осень были ярки
Закаты, камни, листья в старом парке,
Над крышами скрипучие флюгарки,
Бойницы, стены, каменные арки
И мостовая вся из плах еловых, древних...
А пировали мы тогда в харчевнях,
Где, разодеты в шубы меховые,
Охотники хохочут молодые,
А подают им девы роковые,
Подробно не опишешь — каковые;
Они имеют, дочери России,
Глаза гиперборейски-голубые
И волосы уральски-золотые —
Те девы мангазейски-пресвятые,
Те девы — Евы, чрева королевы.
Я не забуду, как перед печами
Уху они готовили ночами,
Чтоб стерлядь и на блюде вся дрожала б
И на несвежесть не было бы жалоб...
У сумрачных границ Гипербореи,
Близ гавани, где парусников реи,
Одетые тяжелыми холстами,
Среди тумана кажутся крестами
И иногда — грозящими перстами
У сумрачных границ Гипербореи.

Но посмотри!
Какие перемены
Вершатся в мире древней снежной пены,
Какое нынче озаряет пламя
Кают и рубок стонущие стены.
Послушай:
С городскими колоколами
Перекликается под куполами
Чей голос?

Чей голос?
То не льдина расколосась.
Не снег скрипит,
Не стонет санный полоз,
То не из трюмов, темных и огромных,
Стремительные хлюпают насосы,
То не гуденье стрел грузоподъемных,

Что мечутся над палубами, косы,
Под drobный хохот джавых кабестанов...

Но что это?
Спроси у капитанов.
Ответ их прост:
Отныне и навеки
Мы приобщили
К миру
Эту область —
Гиперборею, чьи волшебны реки.
В стране зимы
Жива лишь наша доблесть!

<1946>

* * *

Еще черны и ус, и бровь,
Еще танцует, приседая,
Еще толкует про любовь,
К руке губами припадая.

«Еще толкует про любовь,
К руке губами припадая?»
— «Да, да! Его седая кровь
Еще клокочет, оседая!

Ни в чем ему не прекословь!
Он завтра сам поймет, рыдая,
Что у него не только кровь,
Не только кровь уже седая...»

Смотри, он пляшет, приседая!

<1946>

ПЕРЕПРАВА

Туман. Река. Клубятся облака.
Я жду. И вместе ждут у переправы
Охотники, солдаты, гуртоправы,
Врачи, крестьяне... Всех томит тоска.
Толкуют, что сюда не для забавы

Пришли. И переправа не легка.
И вообще дорога далека...
Так говорят. И я в ответ:
«Вы правы!»
Тут кто-то вдруг: «Паром! Паром!» — кричит.
А изо мглы не эхо ли звучит:
«Харон! Харон!»
Я слышу это имя.
Вот перевозчик. Медленно гребет.
Приткнулась лодка. Кинулся народ.
И на борт я вступаю вслед за ними.

Мой правый берег, навсегда прости!
К твоим низинам не вернусь песчаным.
Вздымай, река, стремительно кати
Крутые гребни в сумраке туманном!
Но поведение кажется мне странным
Гребца.
«Ты трезв?»
Молчит.
«Устал грести?»
Устал.

А в лодке душ до тридцати.
«Пусти на весла! Говорю, пусти! Пусти,
проклятый!»

И, в бессилье пьяном,
Тут впрямь от весел отвалился он,
И ветер веет пепел с небосклона,
И на меня глядят со всех сторон
Все тридцать душ тревожно, напряженно.
А я неторопливо, монотонно
Гребу во мрак.
Меня зовут Харон!

И всё понятно.
Над водой встают дебаркадеры, статуи и здания.
Всех городов я вижу очертанья,
Где находил когда-то я приют.
Я позабыл оставленный уют,
На деловые не пойду свиданья,
И той, что любит, слышу я рыданья.
Нет, я не тут!
Харон меня зовут!
«Харон! Харон!» — кричат на берегу.

Напрасный зов!
Не превознемогу
Стремительность подводного течения.
И вёсел всё медлительней размах.
Ведь всё равно за Стиксом на холмах
Все встретимся мы там без исключения!

Так я решил.
И левый берег, крут,
Вдруг встал из мглы.
И веет с этой суши
Горячим ветром.
Трепещите, души!
Суд ждет вас здесь. Последний, Страшный суд!
Но почему такое равнодушие?
Не мечутся, не плачут, не клянут,
А слышу я:
«Причаливай вот тут!»
— «Да нет, не тут, а здесь вот, где посуше!»
— «Неужто вы не видите мостков!»

Эреб! Эреб! Так вот ты есть каков!
Чу! Звон подков. Гудки грузовиков.
И лодочник, во всю орущий глотку,
Чтоб услышал бы весь загробный мир:
«Озорничал вот этот пассажир!
Сам, видно, пьяный. Всполошил всю лодку!»

⟨1946⟩

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ушел он рано вечером,
Сказал:
«Не жди. Дела...»

Шел первый снег.
И улица
Была белым-бела.

В киоске он у девушки
Спросил стакан вина.

«Дела...— твердил он мысленно,—
И не моя вина».

Но позвонил он с площади:
«Ты спишь?»
— «Нет, я не сплю».
— «Не спишь? А что ты делаешь?»
Ответила:
«Люблю!»

...Вернулся поздно утром он,
В двенадцатом часу,
И озирался в комнате,
Как будто бы в лесу.
В лесу, где ветви черные
И черные стволы,
И все портьеры черные,
И черные углы,
И кресла черно-бурье,
Толпясь, молчат вокруг...

Она склонила голову,
И он увидел вдруг:
Быть может, и сама еще
Она не хочет знать,
Откуда в теплом золоте
Взялась такая прядь!

Он тронул это милое
Теперь ему навек
И понял,
Чьим он золотом
Платил за свой ночлег.

Она спросила:
«Что это?»
Сказал он:
«Первый снег!»

1946

СЛОН

Вот видишь:
Он —
Слон.

Беспокойно трубя,
Из хобота он
Поливает себя.

На небе нет туч,
И бетон раскален.
Водю, могуч,
Обливается слон.

И так она плещет, вода, холодна,
Что радуга блещет под брюхом слона.
Встает она в ливне дугой золотой,
Сияет на бивне, дрожит под пятой.

Но вот водоем почему-то стал пуст,
Послышался гравия тягостный хруст.
И прочь из бассейна кидается слон,
На холм земляной поднимается он.

И, эту иссохшую бездну топча,
Трубит и подземного ищет ключа,
Который от жажды мгновенно спасет.

Ты видишь —
Он хоботом землю сосет!
И, фыркнув, он пылью обсыпался вдруг,
И пылью весь мир напился вокруг,
Чтоб, вырвана с корнем, летела трава,
И с ближних кустов повалилась листва,
И пылью покрылась твоя голова.

Ты пыль отряхнула, сказав:
«Не беда!..»

Шипела газированная вода,
А я, утолив свою жажду вином,
Сказал, что и я был однажды слонем
И пеплом, бушуя, посыпал главу...

Так
Топчем траву
И срываем листву
И тех, кто ждет радуг,

Купаем в пыли,
Нарушив порядок
Небес
И земли.

1946

* * *

Уйдя,
Вы дверью хлопнули;
Войдя, чтоб вновь начать,
Ногою об пол топнули...

Я буду всё прощать.

Вы будете кричать,
Браниться, волноваться,
Рычать, сопротивляться.

Я буду всё прощать.

Вас будет возмущать,
Бесить мое уменье
Прощать. Но тем не мене

Я буду всё прощать.

И это ощущать
Вам будет всё труднее.

Я буду всё прощать —
Я вас в сто крат сильнее!

1946

ГНОМЫ

Нас ссорят гномы.
Много ли гномов?
Гномов великое множество.
Тут и там есть свой гном, но неведомый нам,
И, зная их качественное ничтожество,
Мы гномов не знаем по именам.

В самом деле —
Ссорили нас великаны?
Нет!
Исполины не ссорили нас?
Нет!
Разве могли бы гиганты забраться
В тарелки, графины, стаканы
И причинить нам хотя бы микроскопический вред?
Нет!
Это бред!
Лишь одни только гномы за нами гоняются вслед.
1946

МОРОЗ

Мороз был — сорок! Город был как ночью.
Из недр метро, как будто из вулканов,
Людских дыханий вырывались клочья
И исчезали, ввысь бесследно канув.

И всё ж на стужу было непохоже:
Никто ничто не проклинал сквозь зубы,
Ни у кого озноб не шел по коже.
Сквозь снежный блеск, бушующая, плыли шубы.

Куда? Конечно, в звонкое от зноя,
Давно уже родившееся где-то
Пшеничное, ржаное и льняное,
Как белый хлопок взрывчатое лето.

Казалось, это видят даже дети:
С серпом, силком и рыболовной сетью
То лето, величайшее на свете,
В цветы одето посреди столетья!

То лето — как великая победа,
И суховеи отошли в преданья,
И пьют росу из тракторного следа
Какие-то крылатые созданья.

И неохота ни большим, ни малым
Пренебрегать цветами полевыми,
И зной дневной скреплен закатом алым
С теплейшими ночами грозowymi.

Ведь нет сильнее этого желанья,
Мечта такая — сколько красоты в ней,
Что зимние студеные дыханья
Вернутся в мир в обличье чистых ливней!

Вот что хотелось увидеть воочью,
И было надо настоять на этом.
Мороз был — сорок! Город был как ночью,
Как ночью перед ветреным рассветом.

1946

ПЕЧАЛЬ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Та река широка была,
Ты меня к воде подвела,
Ты сказала: «Печаль свою смой,
И, как прежде, ты будешь мой».

Я поплыл и печаль свою смыл
И, как прежде, стал тебе мил.
А печаль моя поплыла,
Поплыла по реке в Океан.

В Атлантическом океане
Пусть встречают ее англичане,
Пусть увидит норвежец и швед,
Пусть узнает весь белый свет:

Русы косы моей Печали,
Два крыла у нее за плечами,
Чтобы волны ее качали,
В Океане,
Там,
Далеко...

1946

* * *

Ты
Без меня —
Только дым без огня.
Ты

Без меня —
Это только одно
Блещущей цепи немое звено,
И не подымет, конечно, оно
Якорь, ушедший на самое дно.
Ты
Продолжалась бы после меня
Только бы разве как ночь после дня
С бледными
Звездами
Через окно.
Эхо мое!
Но, со мной заодно,
Ты повторяешь средь ночи и дня:
«Ты
Без меня —
Только дым без огня!»

1946

ВОДА

Вода
Благоволила
Литься!

Она
Блистая
Столь чиста,
Что — ни напиться,
Ни умыться.

И это было неспроста.

Ей
Не хватало
Ивы, тала
И горечи цветущих лоз.

Ей
Водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз.

Ей
Не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде.
Ей жизни не хватало —
Чистой,
Дистиллированной
Воде!

1946

ПРОХОДНЫЕ ДВОРЫ

Проходные дворы,
Проходные дворы,
Вы наследье суровой военной поры.

Лишь война,
Лишь война только знает одна,
Сколько старых заборов сломала она!

Сколько старых сараев
Досталось печам,
Чтобы город и сам не пылал по ночам!

Вот звенят топоры,
И уже не нужны
Проходные дворы, порожденья войны.

Проходные дворы,
Проходные дворы,
Возле мусорной урны кошачьи пиры.

Ликвидировать это
Вы будьте добры.
Навсегда проходные забудьте дворы!

Но и ныне я вижу весь город насквозь,
И навеки я знаю его наизусть,
Знаю всё наизусть я: и радость и грусть,
И не буду блуждать никогда на авось.

1946

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Хотя
Ничто
Былое
Не вернется —
Воспоминанья никуда не денутся.

И я умел смотреть на это солнце
Глазами беззаботного младенца.
Но это было не такое солнце,
А то, что, не желая закатиться,
Старается за вывески цепляться
И в бледные заглядывает лица.
Я видел это меркнувшее солнце
Гостинодворца и охотнорядца.

И я увидел
Новое светило,
Которое из бездны небосвода
О собственном восходе возвестило
Скупцам, святошам, франтам, спекулянтам,
Когда январь Семнадцатого года
Вдруг изошел февральскою метелью,
Чтоб обернуться мартом с красным бантом
И отступить, и место дать апрелю,
И маю, и июню, и июлю,
И августу, когда не от прохлады,
А без пощады листья пламенели,
Чтоб сквозь сентябрь,
Сметая все преграды,
Пришел Октябрь в распахнутой шинели.

1947

КУВШИНКА

Цвела кувшинка на Руси...

В пруду, где дремлют караси,
Купался ты. И вдруг она
Всплыла, как будто бы со дна.

И ты спросил ее во тьме:
«Цветок! В своем ли ты уме?
А если я тебя сорву?»
— «Сорви! Не бойся. Оживу!»

...Кувшинкам трудно — до вершин,
Кувшинкам хочется в кувшин,
Хотя бы очень небольшой,
Но с человеческой душой.

1947

* * *

С осторожностью птицелова
Я ловлю крылатое слово,
А потом отпускаю на волю
И его покупать никого не неволю,
Да его продавать ведь никто и не волен,
Чем я очень и очень доволен!

1947

ДАРИТЕЛЬ СЧАСТЬЯ

Когда б затеял написать я пьесу,
Чтоб занавес раздернуть как завесу
Над этим миром и людским бы взорам
Открыть просторы, нет границ которым,—
Ту драму я б назвал «Даритель счастья».

Ее герой бы одержим был страстью
В чужие судьбы вмешиваться смело,
Чтоб всем помочь, но делал это дело
Всегда смешно, наивно, неумело.
Так — в первом акте.

Действие второе:
Все дружно проклинали бы героя,
Что в жизнь друзей он путаницу вносит,
Убить грозили, если он не бросит
Совать свой нос куда его не просят,
И знал бы зал — пришлось герою туго:
Блеснул кинжал в руке злодея-друга,
Знакомые бежали от испуга.

Но показал бы в действии я третьем,
Что истина скрывается за этим
Столь bestолковым времяпровождением...
Всё кончилось бы пляскою и пеньем.

Такую пьесу всё мечтал создать я
И написал бы, драматург я будь бы,
Но не пишу, а вот ведь в чем проклятье:
Мое это обычное занятие —
Вот так в чужие впутываться судьбы!

1947

* * *

Я понял!
И ясней и резче
Жизнь обозначилась моя,
И удивительные вещи
Вокруг себя увидел я.

Увидел то, чего не видит
Иной вооруженный глаз
И что увидеть ненавидит:
Мир я увидел без прикрас!

Взор охватил всю ширь земную,
Где тесно лишь для пустоты.
И в чащу он проник лесную,
Где негде прятаться в кусты.

Я видел, как преображала
Любовь живое существо.
Я видел Время, что бежало
От вздумавших убить его.

Я видел очертанья ветра,
Я видел, как обманчив штиль.
Я видел тело километра
Через тропиночную пыль.

О, вы, кто в золоченой раме
Природы видите красу,
Чтоб сравнивать луга с коврами
И с бриллиантами росу,—

Вглядитесь в землю, в воздух, в воду
И убедитесь: я не лгу,
А поддурманивать природу
Я не хочу и не могу.

Не золото — лесная опаль,
В парчу не превратиться мху,
Нельзя пальто надеть на тополь,
Ольху не кутайте в доху;

Березки не рядите в ряски,
Чтоб девичью хранить их честь.
Оставьте! Надо без опаски
Увидеть мир, каков он есть!

1947

ПРАЗДНИК

Я
Слышу —
Вы славите будни,
Прекрасные, ясные будни,
Но пусть буду я безрассуден,
А славить не стану я буден.

Ведь все-таки жизнь моя — праздник!
Хоть грозный, а все-таки — праздник.
Я буден не узник, не им я союзник,
А жизнь моя — праздник.

Всегда он в заботе,
Всегда он в работе,
А все-таки — праздник.
Да, именно праздник!
Всегда беспокойный,
Сегодня он знойный,
А завтра — морозный.

А все-таки — праздник,
Великий и грозный!

1947

КАМИН

И в Коломенском осень...
Подобны бесплодным колосьям
Завитушки барокко, стремясь перейти в рококо.
Мы на них поглядим, ни о чем объяснения не спросим.
Экспонат невредим, уцелеть удалось им.
Это так одиноко, и так это всё далеко.
Этих злаков не косим.

Упасло тебя небо,
И пильщик к тебе не суров,
Золоченое древо
В руках неживых мастеров,
Где на сучьях качаются, немо и жалобно плача,
Женогрудые птицы из рухнувших в бездну миров...
Вот еще отстрелявшая пушка,
Вот маленький домик Петров,
Походящий на чью-то не очень роскошную дачу...
Ну, и что же еще?
Лик святого суров:
Тень Рублева
И Врубель в придачу.
Ибо
Врубелем сделан вот этот камин.
Это — частный заказ. Для врача...
Что касается дат и имен — вы узнаете их у всезнаек,
А сюжет — богатырь. Величайшая мощь силача.

...Нет врача.
И сейчас между тусклых керамик и всяких
музейных мозаик
Пасть камина пылает без дров, словно кровь и огонь
горяча.
...Нет врача. Нет больного. Осталась лишь правда
живая.
Разве этот камин обязательно надо топить?
О, рванись, дребезжа, запотелое тело трамвая!
Много див ты хранишь, подмосковная даль снеговая.
На черту горизонта, конечно, нельзя наступить!

1947

На черном
Красные слова
Ты показала мне в метро:
«Нет выхода».
Ты не права!
Стоит вопрос не столь остро.
Нет выхода?
Нет! Выход есть —
Его указывает честь,
Его диктует наша страсть.
Есть выход! Не поглотит пасть!

1947

РАВНОПРАВЬЕ

Я знаю,
Что женщины
Тоже крылаты.
Мне ведомо это —
Ведь я не ребенок.
За матриархатом
Был век амазонок.

Кому ж равноправье свое отдала ты?

Открою глаза —
И увижу я тотчас
Бесстрашных разведчиц
И яростных летчиц.
Густые леса и святые пустыни
Расскажут — какие у нас героини.
И были они и останутся явью.

А ты?
Где оно?
Где твое равноправье?
Зачем в обнаженный комочек ты сжалась,
Держась лишь за право на слабость и жалость?
Ведь ты ж величава.
Ответь, не лукавя, —
Кому отдала ты свое равноправье,
Ссылаясь на слабость и нежность здоровья?

x x
x

На черном
Красивые слова
Ты воткнул мне в шею:
"Ней всегда"

Ты не аргумент!

Свой вопрос не ставь остро.
Ней всегда? Ней! Утром

еще —

Его уязвляет жест,
Его смущает твой вопрос.
Его боль! Не поглотит нас!

Ведь ты же его заработала кровью!

А летчицы
В небе летают и ныне,
Актрисы
По сцене идут как богини,—
Ты знаешь про это.
Я был твой поклонник,
Я был твоего равноправья сторонник,
Я им и остался...
При чем же здесь сонник,
Свеча и обличие карточной дамы?

Ведь ты же была героинею драмы!

1947

ПИРЕТРУМ

Всю страсть, которая имелась,
И всех своих желаний зрелость —
Он отдал вам. А где их целость?
Вы точно черная монашка.
...Так черноморская ромашка
Качается под знойным ветром,
А получается
Пиретрум!

1948

* * *

Из смиренья не пишутся стихотворенья,
И нельзя их писать ни на чье усмотренье.
Говорят, что их можно писать из презренья.
Нет!
Диктует их только прозренья.

1948

ТУЧА

Сегодня туча приходила,
Но повертелась и ушла —
Ни капельки не проронила
Сквозь тридцать градусов тепла.

Помчались люди вслед за тучей
На мотоциклах и в такси,
Они кричали ей: «Не мучай
И хоть немного ороси!»

Но туча тупо-равнодушно
Сказала всем, кто мчался вслед:
«Вам только потому и душно,
Что на душе покоя нет!»

1948

В ЦИРКЕ

Была программа интересной,
Оркестр загадочно молчал,
И клоун немо-бессловесный
Лишь кувыркался и пищал.

Плясуньи были как монашки,—
Они скрывали наготу.
Жонглер метал пустые чашки,—
Они разбились на лету.

А тигр,
Чьи полосаты плечи,—
Я думаю, что от бича,—
Вдруг вышел
И по-человечьи
Со мной раскланялся,
Рыча!

1948

* * *

Я вижу твои страданья,
И мне самому тяжело.
Я сам обратил вниманье,
Что я причиняю зло.

Возьми и свяжи мне руки
И рот мне зажми. Замолчу.
Ведь я ни страданья, ни муки
Тебе причинить не хочу.

И свяжешь ты руки, но только
Не мне, а себе навсегда.
А зла причинить я нисколько
Тебе не хотел никогда.

1948

* * *

Ты относишься ко мне,
Как к полям.
Ты относишься ко мне,
Как к лесам.
Ты относишься ко мне,
Как я сам
Относился бы к волне,
К парусам.

И тебя
Я не виню.
Ты проста.
Так относится к огню
Темнота.
Так относится костер
К темноте.
Так относится простор
К тесноте.

1948

* * *

Завершился листопад,
Первый снег упал на крыши.
Но о чем же шелестят
Театральные афиши
На заборе за углом?

Всё же чаще о былом.

Меж дорических колонн
И массивных декораций —
Девять муз и трое граций,
Аполлон...

О великий лицедей,
Для чего скрывать с опаской
Новизну живых идей
Под классической маской?

Ведь, куда ты ни взгляни,
Это действие всюду длится,
Те же самые одни
Действующие лица:
Я,
Ты,
Он,
Мы,
Вы,
Они!

1948

БАЛЕРИНА

Ночь шуршит в канаве желтым листом,
Бьет подковой.
Поверяет дворничиху свистом
Участковый.

А девчонка с бантиком над челкой
Тут же вьется,
Меж совком танцует и метелкой
И смеется.

Всё ночами участковый видит
В лунном свете:
«Из девчонки толк, наверно, выйдет:
Быть в балете!»

Дворничиха несколько надменно
Рассмеялась:
«Ну так что же! Ведь и я на сцену
Собиралась».

«На каком же это основанье?»
— «Так вот... Было.
Только высшего образованья
Не хватило!»

«Да, конечно... Если уж учиться —
Надо с детства».
Он уходит. И свистит, как птица,
По соседству.

...Дворничиха выросла в детдоме,
Грубовата.
Дочь родилась в орудийном громе
От солдата.

На войне, уж ясно и понятно,
Убивают.
Этот парень не пришел обратно...
И бывает,

Кое-как метет она дорожки.
Матерится...
А у дочки луч на босоножке
Серебрится.

Ходит баба в час похмелья горький
Туча тучей.
...Будет, будет ваша дочь танцоркой
Самой лучшей!

1948

* * *

В чем убедишь ты стареющих,
Завтрашний день забывающих,
Спины на солнышке греющих
И о покое взывающих!
Но не легко беседовать
С юными, кто не успел еще
Всё на земле унаследовать:
Капища, игрища, зрелища,
Истины обнаженные,
Мысли, уже зарожденные,
Кисти, уже погруженные
В краски, уже разведенные.
Да! Сговориться со старыми
Так же непросто, как с малыми.
Двигутся старые с малыми

Будто музейными залами,
Глядя в безумной надменности,
Как на окаменелости,
На золотые от зрелости
Ценности
Современности.

1948

АВГУСТ

Я помню
Сдержанную наглость,
Когда, потупив смутный взор,
В свои права вступил он, Август,
Всему и всем наперекор.

И говорит:
«Я был Июлем!»
Он был Июлем, говорит.
Идет он к полным меда ульям,
Багряный лист в венце горит...
Он был Июлем, говорит!

А может быть, он был и Маем,
Плясал, пастушек веселя,
И утверждал, что стала раем
Давным-давно уже Земля.

Быть может!.. Но прекрасно знаем:
Став Декабрем, он волчьим стаям
Оставил голые поля,
Под серебристым горностаем
Бич ледянистый шевеля.

И лишь тогда,
Во время стужи,
Оледенившей нам уста,
Мы вспомнили:
«О, почему же
Не различили мы спроста,
Что там,
В листве еще густейшей,

Среди дворцов и базилик,
Возник
Вот этот августейший
Надменный лик?!»

1948

МОРСКОЕ ДНО

Я шел ко дну,
Дошел до дна,
Пошел по дну —
И не страшна
Мне никакая глубина!

Я изучил морское дно,
Оно пустынно и темно,
И по нему, объят тоской,
Лишь таракан ползет морской,
Морская там горит звезда,
Морская там шипит змея...

А я?
Я не вернусь туда,
И даже кажется, что я
И не бывал там никогда...

Но бьет о мол
Могучий вал,
Кричит орел,
Скрипит штурвал:

«Бывал! Бывал!
Ты там бывал!
Ты шел ко дну,
Дошел до дна,
Пошел по дну —
И не страшна
Тебе морская глубина.
Ты сам сказал:
„Не утону!“»

1948

МАРТ

Я чую наступленье марта,
Когда отшельник с бородой
В весенней луже видит черта,
А это — месяц молодой.

Когда не в силах подчиниться
Тому, кто властвует над ней,
Воображает ученица,
Что всех наставников умней.

Март поощряет фантазерок,
И потому нигде никто
Мне так не мил и так не дорог,
Как он в распахнутом пальто.

Тот самый март, который, грезясь,
Уже немного и смешон,
Когда любой весенний тезис
Давно поставлен и решен.

И мы прекрасно понимаем,
Что вслед за маем был июнь,
Затем — июль, и обнимаем
Мы вслед за этим хлебный куль.

И рассудительная зрелость
Придет однажды вечером
И сядет перед камельком.

...А ты еще имеешь смелость
По луже топать каблуком.
И в горле боль, но ты, как птица,
Поешь, что косы всех длинней.

А в мире, в мире что творится!..
Плодят бациллу, жгут свиней.
Лабораторная реторта
Полна тяжелою водой.

Отшельник в луже видит черта.
...Ах, месяц, месяц молодой!

1948

«Мне кажется — стихи твои
Всё лучше с каждым днем и лучше.
Летящие, как соловьи,
Они сгущаются, как тучи.

Но нет, не надо, чтоб дождем
Упасть на землю довелось им,
А подождем, а подождем —
Белых снегов запросит осень.

И вот тогда из этих туч
Снежинки ринутся, сверкая.
Я чувствую, что ты могуч.
Заманчива судьба такая!»

Так говорил мне голос твой.
И что отвечу я на это?

Я помню: миновало лето,
Казалось, птичья песня спета.
Но вдруг над самой головой
Не в зонах, не в предместьях где-то
Раздался голос громовой.

Гроза под осень. Редкий случай.
Тут ждешь морозца, ждешь ледка,
И вдруг несется вихрь могучий.
Она идет издалека.

Она пришла! Чего же лучше,
И надвое разъялась тьма.
Каких-то букв летели тучи
С библиотечного холма.

Рвались холстов каких-то клочья,
Из чьих-то шуб летела моль,
Трещали чьи-то полномочья,
В ночи кончалась чья-то роль.

В какой-то пруд с водой закисшей
Пришелся молнии удар.
Какой-то сыч под ветхой крышей,
Очнувшись, выкрикнул: «Пожар!»

И, опьяненные озоном,
Скакали дети там и тут
По пламенеющим газонам,
Как будто вновь они цветут.

Я, головы не подымая,
Стоял на Каменном мосту
И, грому этому внимая,
Вдруг ощутил, что я расту.

Я чувствовал: высоко где-то,
Куда без крыльев не попасть,
Из ослепительного света
Она возникла, эта страсть.

Она моя, она желанна.
Так озари, ярчайший свет,
И позлащенный крест Ивана,
И старый университет!

Фасады школ второй ступени,
Чертоги муз, монастыри
И Черторой в подземной пене —
Всё озари!

Ведь что ты там ни говори —
Горят не только фонари.
Вот если бы горели в море
Нефтеналивные суда,
Вот это — горе, вот — беда.

Вот если бы перегорели
Внезапно в доме провода.
А мы горим, но никогда
Мы рук на пламени не грели.

Вот мне о чем они сверкнули,
Сшибающиеся мечи.
Гори, чтоб чувства не уснули,
И от грозы не трепещи!

Гори, чтоб в громе неустанном
Твой голос, вечно молодой,
Звучал бы и за океаном,
И над землей, и под звездой!

И чтобы над осенней тучей,
Где сольный ключ свой знак вписал,
Творец стремительных созвучий,
Во мрак повержен, воскресал!

Я вечно не имел покоя
И пел не соловьем в листве,
А этой правую рукою
Писал о нашем торжестве!

1948

* * *

Из года в год
Негодная погода:
Едва пройдет ненастье,
Волочась,—
Задует ветер
На десятилетье.
Не часто
Ясно
Небо
Хоть
На
Час!

Но
Что ни вечер,
То теплее встречи —
За речью речь
И яства на столе.
Глядишь,
И тает
Сдержанности глетчер.
И — баста!
Ясно
Небо
На сто
Лет!

И над столом
Поблескивает люстра
В сто тысяч электрических свечей,
И пробуждает дремлющие чувства
Сиянье призматических лучей.

И шелкает
Электроотопленье,—
Горят в камине
Вовсе не дрова,
Но будто бы
Трещат при расщепленье
Мельчайшие
Частицы
Естества.

И ты сидишь
У этого камина.
А под ногами не подушка,
Но
Как будто бы разряженная мина,
Безвредная давным уже давно.

1949

СОЛНЦЕ И ХУДОЖНИК

«Как ты любишь писать мой закат,
Где лучи, умирая, горят
На головках у лилий болотных!
Мой закат тебе мил. Не смей!
Хоронить ты меня не спеши.
Я прошу: на холодных полотнах
Вялой кистью меня не пиши,
Неспособный меня осязать!

Я — не то, что ты хочешь сказать!»

1949

ЧАРЫ

Мне под гипнозом не бывать!

Когда б ты стала колдовать,
Медведь пошел бы колесом,
На удочку попал бы сом,
Под дудочку плясал бы змей...

А я б тебе сказал:
«Не смей!..»

Допустим, что от колдовства
Летела бы с дерев листва,
И от такого колдовства
Посеребрилась голова
Не у меня, а у него...

А я б не чуял ничего
И хохотал бы оттого,
Что мне безвредно колдовство.

Любую нить могу я рвать,
Не буду этого скрывать.

Я сам умею колдовать!

1949

ИВА

Как сильно
Изменилась ива
За эти семь весенних дней!
Так всё меняется, что живо.
Я знаю, что случилось с ней.

Так изменилась вся дубрава
За эти семь весенних дней:
Всё стало ново, величаво —
От веточек и до корней.

Так всё меняется, что живо:
Ручьи сливаются в поток,
Из пашни возникает ива,
И хлопок, в сущности цветок,
Приобретает силу взрыва.

И вот какую стала ива
За эти семь весенних дней,
За дни весеннего разлива,
Неощутимого для пней!

1949

КОСТЕР

Чего только не копится
В карманах пиджака
За целые века...

А лето,
Печь не топится...
Беда невелика.

И я за Перепелкино,
Туда, за Перепалкино,
За Елкино, за Палкино,
За Қолкино-Иголкино
Помчусь в сосновый бор
И разведу костер.

И выверну карманы я
И выброшу в костер
Всё брэнное, обманное —
Обрывки, клочья, сор;

И, полные патетики,
Петиции к властям;
И разные билетки
На вход ко всем чертям;

И письма анонимные,
И всякий прочий вздор —
Всё рину в пламя дымное —
В костер, в костер, в костер!

И сам тут ринусь в пламень я.
Но смерти не хочу,
А попросту ногами я
Весь пепел растопчу.

Пусть вьется он и кружится,
Пока не сгинет с глаз.
Вот только б удосужиться
Собраться как-то раз.

1949

* * *

И вскользь мне бросила змея:
«У каждого судьба своя!»
Но я-то знал, что так нельзя —
Жить, извиваясь и скользя.

1949

* * *

В эту душную ночь
Я беседовал с богом.
Говорили, казалось, не очень о многом.
Я ему говорю:
«Покажи чудеса».
Он в ответ:
«Не седеют твои волоса,
Не редуют — вот это и есть чудеса!
Не тощат ни руки, ни ноги твои,
Хоть известны мне многие муки твои.
Ведь подумай: ходил по таким ты дорогам,
По таким ты оврагам бродил и отрогам,
Где, как кровь, солонина и багряна роса...
Ты прошел их — вот это и есть чудеса!»

1949

БОГАТЫЙ НИЩИЙ

От города не отгороженное
Пространство есть. Я вижу: там
Богатый нищий жрет мороженое
За килограммом килограмм.

На нем бостон, перчатки кожаные
И замшевые сапоги.
Богатый нищий жрет мороженое...
Пусть жрет, пусть лопнет! Мы — враги!

1949

ПЕРЕХОДНОЕ МГНОВЕНЬЕ

Эту вы заметили минуту?
Фраза музыкальная над башней
Всё еще не кончилась, как будто
День еще не кончился вчерашний,
Но на самом деле наступило
Завтра. Нет, не завтра, ошибаюсь,
А сегодня. А сегодня было
И прошло. И полночь, улыбаясь,
Это переходное мгновенье
Сверив с временем международным,
Уточняет судьбы поколенья,
Называемого переходным.

...На плечах Василия ночами
Засыпают городские птицы,
Только под прожектора лучами
Ночью они могут пробудиться.
Я не сплю. Я слышу шелестенье
Поздних шин и голоса людские.
В это переходное мгновенье
Все они немного не такие.

Птицы спят, сложив невинно крылья,
Но не смолкли голоса земные,
И порой без всякого усилья
Все они звучат как позывные
В это переходное мгновенье.

1949

НОЧЬЮ ПО ЗАМОСКВОРЕЧЬЮ

Ночью
По Замоскворечью
Белая машина мчалась
И остывшей хлебной печью Якиманка намечалась,
Будто булочник-кондитер, седовласый пекарь хлеба,
Кончил дело, руки вытер
И уставился на небо.

Небо
Темное огромно,

И в ночи мерцают с юга
Тепловозная Коломна, циолковская Калуга,
И ружейная планета, в золотых медалях Тула,
Тоже блещет зиму — лето
В небе внуковского гула.

Этих звезд
Не признавая,
Подвернулась на ухабе
И очнулась мостовая, сонно охая по-бабьи
Там, где в узком переулке
Под мучнистой лунной пылью
Дремлют домики-шкатулки
С кардамоном и ванилью.

Но блеснул
Замшелый глобус
В ржавом сквере на Болоте,
Белый внуковский автобус громыхнул на повороте
И взвился как будто в воздух,
Чтоб увидеть издалече
С тверди неба в этих звездах
Тишину Замоскворечья.

1950

УДАЧА

Жизнь моя всё короче, короче,
Смерть моя всё ближе и ближе.
Или стал я поэтому зорче,
Или свет нынче солнечный ярче,
Но теперь я отчетливо вижу,
Различаю всё четче и четче,
Как глаза превращаются в очи,
Как в уста превращаются губы,
Как в дела превращаются речи.
Я не видел всё это когда-то,
Я не знаю... Жизнь кратче и кратче,
А на небе всё тучи и тучи,
Но всё лучше мне, лучше и лучше,
И богаче я всё и богаче.

...Говорят, я добился удачи.

1950

УСТАЛОСТЬ

И всё, о чем мечталось,
Уже сбылось,
И что не удавалось,
То удалось.
Отсталость наверсталась
Давным-давно.
Осталась лишь усталость —
Не мудрено!

Усталость разрасталась
В вечерней мгле,
Усталость распласталась
По всей земле,
Усталость становилась
Сильнее нас.
Но где ж, скажи на милость,
Она сейчас?

Прилег ты напоследки,
Едва дыша.
Но ведь в грудной-то клетке
Живет душа!
Вздохнул. И что же сталося?
Твой вздох, глубокий,
Повеял на усталость,
Как ветерок.

Вот тут и шевельнулась
Она слегка,
Как будто встрепенулась
От ветерка,
И — легкая усталость,
Не на века, —
Развеялась, умчалась,
Как облака.

1950

* * *

Такие звуки есть вокруг,
Иными стать их не заставишь,
Не выразишь посредством букв,
Не передашь посредством клавиш.

И поручиться я готов:
Иную повесть слышать слышим,
Но с помощью обычных слов
Ее мы всё же не запишем.

И своевольничает речь,
Ломается порядок в гамме,
И ходят ноты вверх ногами,
Чтоб голос яви подстеречь.

А кто-то где-то много лет
Стремится сглаживать и править.
Ну что ж! Дай бог ему оставить
На мягком камне рыбий след.

1950

* * *

Мы — как мы!
Всегда мы наготове
Продолжать, волнуясь и смеясь,
Ту беседу, что на полуслове
Года два назад оборвалась.

Вновь и вновь
Встает не подлежавший
Никаким сомнениям вопрос,
Но подросток, в комнату вбежавший,
Года на два все-таки подросток.

И старик
В безмолвии суровом
Года на два постарел еще...
Ну, а мы опять о чем-то новом
Продолжаем спорить горячо.

1950

31 ДЕКАБРЯ 1950 ГОДА

Зима.
Снежинка на реснице,
И человеку детство снится.
Но уйма дел у человека,
И календарь он покупает,
И вдруг он видит:
Наступает
Вторая половина века.

Наступит...
Как она поступит?

«Ну, здравствуй! — скажет. —
Праздник празднуй!»
И вместе с тем
Она наступит
На глотку
Разной
Мрази
Грязной.

Предвижу
Это наступленье
На всех отступников презренных!

Об этом,
Словно в исступленье,
Декабрьский вихрь ревет в антеннах,
Звенит в зерне, шуршит в соломе,
Ломает хворост в буреломе...

Двадцатый век на переломе!

НОЧНЫЕ ЗВУКИ

Ночные звуки —
вороватый свист,
щелчок железа,
краткий выхлоп газа —
Вдруг перекрыло шелестенье вяза.

Мир листьев
Был огромен, густ и мглист.

Умы
Наволновались
До отказа.

И месяц в вышине обозначал
Вселенной состояние такое,
Что даже крик внезапно прозвучал
Тревожным утверждением покоя —
В полузабвенье кто-то закричал.

Пришел,
Пришел он,
Долгожданный срок.

На миг
Всё успокоилось в природе,
Как будто тихий ангел на порог —
Как говорили некогда в народе —
Вступил...

И еле слышный ветерок
Чуть зазвенел
И замер,
Как курок...
Вот точно так же,
Как курок
На взводе!

1951

* * *

У ночи — мрак,
У листьев — шум,
У ветра — свист,
У капли — дробность,
А у людей пытливый ум
И жить упорная способность.

И мы живем...
Но дело в том,
Что хоть и властны над собою,
Но в такте жизненном простом
Бывают всё же перебои.

Не можешь распознать врага
И правду отличить от лести,
И спотыкается нога
Как будто и на ровном месте.

Но лишь
Оступишься вот так —
И всё на место станет разом:
И шум листвы, и свет, и мрак.
И вновь навеки ясен разум!

1951

* * *

Это —
Не по моей и не по вашей вине,
А так подобает всем существам...

Как лунатик
Благодаря луне,
Как укротитель
Благодаря львам,
Как волнорез
Благодаря волне —
Вы существуете
Благодаря мне,
Я — благодаря вам!

1951

* * *

Ночь
Становилась
Холодна.

Прибавил шагу я.

Навстречу
Скачками двигалась луна.
Но вдруг по грудь, затем по плечи
В нагое дерево ушла,

И через ветви провалилась,
И снова в небе появилась
Гораздо выше, чем была.

Вот так
Борец,
Почти поборот,
Оказывается наверху.

Один
Через морозный город
Я шел без шубы на меху.

1951

ЛИСТЬЯ

Они
Лежали
На панели...

И вдруг
Они осатанели
И, изменив свою окраску,
Пустились в пляску, колдовские.

Я закричал:
«Вы кто такие?»

«Мы — листья,
Листья, листья, листья! —
Они в ответ зашелестели.—
Мечтали мы о пейзажисте,
Но руки, что держали кисти,
Нас полюбить не захотели.
Мы улетели,
Улетели!..»

1951

ЛОЖЬ

Ложь
Поначалу в самых мелочах,
А дальше — больше, гладко, без заминки,
Как будто в ясных солнечных лучах
Бесчисленные плавают пылинки.

И если в глаз попало — трешь и трешь
И пальцами, и даже кулаками,
Но кажется, что маленькую ложь
Не вынуть и обеими руками.

Крупницы лжи щекочут, колют, жгут,
Слеза всё пуще застилает око.
Ведь нам лгуны для этого и лгут,
Чтоб видеть не умели мы далеко.

Но выход есть и в случае таком:
И, за ресничку подымая веко,
Вдруг поддевает смелым языком
Всё это человек у человека.

И докторов напрасно не тревожь,
А знай: всего искуснее и чище
Глаза нам застилающую ложь
Прочь устраняет дерзкий язычище!

1951

ПЕСНЯ

Пабло Неруде

Этой песне внимали Стокгольм и Марсель.
Через греческий дым и турецкую пыль
Била в цель
Эта песня грядущего.
Но,
Упорно исследуя каждую щель,
Где-то в Чили,
В ущельях, за тысячу миль,
Дни и ночи ловил полицейский патруль
Человека, о мире поющего.

Потому что решили,
Что именно там,
Где-то в Чили,
Удобней идти по пятам
За певцом, и травить его гончими,
И в безлюдном ущелье заоблачных гор
Навалиться оравой — и весь разговор,
И разделаться с песней — и кончено!

Песню эту поймай, песню эту казни
И к началу кровавой безумной резни
В сей же час приступай в нетерпении,
И тогда уж не будет тревожить сердца
Эта песня, в которую всажен свинец!

...И казалось, что замерло пение.
Но явились шахтеры из темной земли
И сказали тому, кто командует «пли»:
«Что тут ищет патруль? Что случилось, сеньор?
Почему в сердце гор вы палите в упор?»
А убийца ответил уклончиво:
«Я имею инструкции. Кончено!»

Так в заоблачном Чили
Меж каменных глыб
Белый свет омрачили.
Но певец не погиб,—
Он ушел поднебесными тропами,
И, сквозь землю пройдя
И смеясь, как дитя,
Появился он будто секунду спустя
В самолете над старой Европой.

А в заоблачном Чили
Кричали:
«Он здесь!»
Ибо здесь, на какую ты гору ни влезь,
Из-за каждого камня и кустика
Эта песня!
И каждый пастух, и шахтер,
И хозяева лам за вершинами гор
Слышат песню!
Вы поняли это, сеньор?
Очевидно, такая акустика!

И не радио это,
А голос живой!
Всюду слышится песня грядущего.
Не убьют ни свинец, ни удар ножевой
Человека, отважно поющего!

1951

* * *

Ночь.
Где-то там, на страшной высоте,
Спят кратеры и цирки на Луне.
А на Земле, конечно, тоже спят.
Да, многие разделись и легли,
Объяты негой с головы до пят.
Но на обратной стороне земли,
Где ровно в полночь полдень на часах,
Под раскаленным солнцем в небесах
Бушует день в жарище и в пыли.
И стоит передвинуть рычажок,
Чтоб ветер нескончаемого дня
Из сумрака нахлынул и ожег
Меня!
И безвозвратно истекла
Секунда-ночь, пахуча и тепла,
Как пепел дня, сгоревшего дотла.
Да! Спят, конечно, мертвые тела,
Да в гулких урнах жирная зола,
Да где-то на огромной высоте
Спят кратеры и цирки на Луне,
А все земные кратеры кипят!

1952

ПТИЦЫ

А птицей стать я не хотел бы,
Быть соловьем я не желаю.

Сама подумай,—
Прилетел бы,
На подоконник сел бы с краю,
И ты б сказала:

«Что за птица
На подоконнике томится,
Стучит в стекло летучим телом?»

А я в стремленье неумелом
Царапал перьями стекло бы.
К чему всё это привело бы?
Ты форточку бы приоткрыла,
Влетел бы я. Как это мило!
В твою ладонь упал бессильно.
Ты к черту выгнала бы кошку,
Подумала,
Поймала мошку,
Схватила булочную крошку
И в клюв мне всунула насильно,
И досыта бы накормила,
И, повторив:
«Как это мило!» —
Поцеловала бы губами.

Так мы становимся рабами.
...Я никогда не буду птицей!

1952

* * *

И снова осень...
Велосипедист,
Пригнувшийся к своей дрожащей раме,
Несется, как осенний пестрый лист,
Подхваченный вот этими ветрами;
И девушка, которая в кино
Играла чеховскую Анну,
На перекрестке встречена неожиданно,
Напоминает осень всё равно;
В коммиссионке рыжая лиса,
Зелено-красный желудь в светофоре —
Всё подтверждает, что наступит вскоре
Сентябрьский день.
И даже голоса,
Которые стремительной весне
Спешат пропеть хвалу свою простую,—

И там и тут напоминают мне
Про ту же осень
Сытно-золотую.

1952

* * *

Я опять тебя обидел —
Понимаю, сознаю,
Я опять тебя обидел
За доверчивость твою.

Вновь невольно сделал больно
Я тебе. А почему?
Я сказал тебе: «Довольно
Верить на слово всему!

На свою ты мерку мерешь
И всему, что ни скажи,
Верешь, верешь, веришь, веришь...
Лгут и жены и мужи!

Докажу, что лгут и дети,
И не верь им ни на грош,
Ибо властвуют на свете
Лицемерие и ложь».

«Да?» — сказала ты, тоскуя.
«Нет! — ответил я, ликуя.—
Есть на свете добрый люд —
Очень многие не лгут...
Почему ж ты даже тут
Истины не разгадала?»

Так кричал я.
Ты страдала.

1952

* * *

Кто следующий?
Ты следующий!
Во многом еще несведущий,
Но ясную цель преследующий,
Моим оружием орудующий,
Откликнись,
Товарищ
Будущий!

1952

* * *

Никого,
Ничего...
Ручеек пересох,
Только в русле его
Серебрится
Песок.

Он
Клубится слегка,
Чтоб рука не взяла,
Будто вместо песка
Только
Пепел,
Зола.

Но
И в пепле еще
Естество не мертво.
«Горячо?»
— «Горячо!
Ничего, ничего!»

Ведь
Повсюду, везде
И куда ни шагнем,
На остывшей звезде,
Где играли с огнем,
Хорошенько

Пошарь,
Углубись, поищи —
И пробьются сквозь гарь
Изобилья
Ключи!

1952

* * *

Примерзло яблоко
К поверхности лотка,
В киосках не осталось ни цветка,
Объявлено открытие катка,
У лыжной базы — снега по колено,
Несутся снеговые облака,
В печи трещит еловое полено...

Всё это значит, что весна близка!

1952

СЕДЬМОЕ ЧУВСТВО

Строятся разные небоскребы,—
Зодчим слава и честь,
Но человек уже хочет иного —
Лучше того, что есть.

Лучше и лучше пишутся книги,
Всех их не перечесть,
Но человек уже хочет иного —
Лучше того, что есть.

Тоньше и тоньше становятся чувства,
Их уж не пять, а шесть,
Но человек уже хочет иного —
Лучше того, что есть.

Знать о причинах, которые скрыты,
Тайные ведать пути —
Этому чувству шестому на смену,
Чувство седьмое, расти!

Определить это чувство седьмое
Каждый по-своему прав.
Может быть, это простое уменье
Видеть грядущее въявь!

1952

* * *

Событье
Свершилось,
Но разум
Его не освоил еще;
Оно еще пылким рассказом
Не хлынуло с уст горячо;
Его оценить беспристрастно
Мгновенья еще не пришли;
Но все-таки
Всё было ясно
По виду небес и земли,
По грому,
По испуганным птицам,
По пыли, готовой осесть.

И разве что только по лицам
Нельзя было это прочесть!

1953

* * *

Я помню:
Целый день
Всё время
Падал снег
И всею тяжестью
Висел на черных сучьях.
Но это шла весна:
Тянуло влагой с рек,
Едва проснувшихся
И прячущихся в тучах.

Тянуло
Влагой
С рек
И внутренних морей,
И пахло льдом,
Водой
И масляною краской.
Казалось — шли часы
Ни тише, ни быстрее,
А так же, как всегда,
На старой башне Спасской.

Но
Время
Мчалось так,
Как будто целый век
Прошел за этот день...
И не мешала вьюга,
Чтоб нес по улице
Какой-то человек
Мимозы веточку,
Доставленную с юга.

1953

МИР

Мир велик!
До того он велик,
Что иные писатели книг,
Испытав бесконечный испуг,
Уверяли, что мир только миг,
Лишь мгновение, полное мук,
И оно обрывается вдруг,
Ибо жизни неведома цель.

А иные владельцы земель
Объявили, что мир — это пир.
Заявили, что мир — это жир,
Легший складками по животу.
Да еще, чтоб смирить нищету,
Разъяснили, что мир — это мор;
Что, число бедняков сократив,
На земле и покой и простор

Обеспечат холера и тиф,
Ибо мир вообще — это тир .
Для пальбы по мишени живой
На арене войны мировой.

Но таков ли действительно мир?

Нет!
Могучее существо
Не вместится в солдатский мундир,
Надеваемый на него.
Мир, извечный дробитель цепей,
Рвет застёжки любых портупей,
Ибо сила его велика!
Привезенные издалека
Танки, булькнув, идут ко дну,
Потому что людская рука
В море с мола столкнула войну.

Люди мира и счастья хотят.
И когда на добычу летят
Двойники отплясавших в петле,
Человек предает их земле.

Человек предает их земле!

1953

* * *

Что-то
Новое в мире.
Человечеству хочется песен.
Люди мыслят о лютне, о лире.
Мир без песен
Неинтересен.

Ветер,
Ветви,
Весенняя сырость,
И черны, как истлевший папирус,
Прошлогодние травы.
Человечеству хочется песен.
Люди правы.

И иду я
По этому миру.
Я хочу отыскать эту лиру,
Или — как там зовется он ныне —
Инструмент для прикосновенья
Пальцев, трепетных от вдохновенья.

Города и пустыни,
Шум, подобный прибою морскому...
Песен хочется роду людскому.

Вот они, эти струны,
Будто медны и будто чугуны,
Проводов телефонных не тоньше
И не толще, должно быть.
Умоляют:
«О, тронь же!»

Но еще не успел я потрогать —
Слышу гул отдаленный,
Будто где-то в дали туманной
За дрожащей мембраной
Выпрямляется раб обнаженный,
Исцеляется прокаженный,
Воскресает невинно казненный,
Что случилось, не может представить:
«Это я! — говорит. — Это я ведь!»

На деревьях рождаются листья,
Из щетины рождаются кисти,
Холст растрескивается с хрустом,
И смывается всякая плесень...
Дело пахнет искусством.
Человечеству хочется песен.

1948, 1954

СТРАУСЫ

Когда
Пахнёт
Великим хаосом —
Тут не до щебета веселого,
И кое-кто, подобно страусам,
Под крылья робко прячут головы.

И стынут
В позах неестественных,
Но все-таки и безыскусственных,
Забыв о промыслах божественных
И обещаниях торжественных,
Бесчувственны среди бесчувственных.

И смутные
Полубесплотные,
Покуда буря не уляжется,
Одним тогда они встревожены:
А вдруг кому-нибудь покажутся
Ножнами их подмышки потные,
Куда, как шпаги, клювы вложены?

1954

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

Помню
Двадцатые годы —
Их телефонные ручки,
Их телеграфные коды,
Проволочные колючки.

Помню
Недвижные лифты
В неотапливаемых зданьях
И бледноватые шрифты
В огненно-пылких изданьях.

Помню
И эти газеты,
Помню и эти плакаты,
Помню и эти рассветы,
Помню и эти закаты.

Помню
Китайскую стену
И конструктивную сцену,
Мутность прудов Патриарших,
Мудрость товарищей старших.

Помню
Фанерные крылья
И богатырские шлемы,
Помню и фильмы, что были
Немы и вовсе не немые.

Помню я
Лестниц скрипучесть
И электричества тленье.
Помню я буйную участь
Нашего поколения.

1954

* * *

Звонят в Елоховском соборе.
И это значит — понимай,
Что вслед за пасхой очень вскоре
Придет весенний праздник Май.

А эта девочка на рынке
Торгует птичками. Блестят
Очаровательные спинки
Кустарно сделанных утят.

«Ответь, какой ты воск топила?»
— «Я в нефтелавочку зашла,
Свечей церковных накупила
И на утят перелила».

Ведь вот судьба твоя, художник!
Таков блаженный твой удел,
Наивный основоположник
Новейших форм старинных тел.

Творим мы из чего-то что-то,
А что творим мы из чего —
Не ваша, умники, забота,
И в том — искусства торжество!

1954

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЯЩИК

Что песня?
Из подполья в поднебесье
Она летит. На то она и песня.
А где заснет? А где должна проснуться,
Чтоб с нашим слухом вновь соприкоснуться?
Довольно трудно разобраться в этом,
Любое чудо нам теперь не в диво.
Судите сами, будет ли ответом
Вот эта повесть, но она — правдива.

Там,
Где недавно
Низились обрывы,
Поросшие крапивой с лебедою,
Высотных зданий ясные массивы
Восстали над шлюзованной водою.
Гнездится
Птица
Меж конструкций ЦАГИ,
А где-то там,
За Яузой,
В овраге, бурля своей ржавеющей плотью,
Старик ручей по черным трубам скачет.
Вы Золотым Рожком его зовете,
И это тоже что-нибудь да значит.

...Бил колокол на колокольне ближней,
Пел колокол на колокольне дальней,
И мостовая стлалась всё булыжной,
И звон трамвая длился всё печальной.
И вот тогда,
На отдаленном рынке,
Среди капрона, и мехов, и шелка,
Непроизвольно прыгнула с пластинки
Шальная патефонная иголка.
И на соседней полке антиквара
Меж дерзко позолоченною рамой
И медным привиденьем самовара
Вдруг объявился
Ящик этот самый.

Как описать его?
Он был настольный,
По очертаниям — прямоугольный,
На ощупь — глуховато мелодичный,
А по происхождению — заграничный.
Скорей всего он свет увидел в Вене,
Тому назад столетие, пожалуй.
И если так — какое откровенье
Подарит слуху механизм усталый?
Чугунный валик, вдруг он искалечит,
Переиначит Шуберта и Баха,
А может быть, заплачет, защебечет
Какая-нибудь цюрихская птаха,
А может быть, нехитрое фанданго
С простосердечностью добрососедской
Какая-нибудь спляшет иностранка,
Как подобало в слободе немецкой,
Здесь, в слободе исчезнувшей вот этой,
Чей быт изжит и чье название стерто.
Но рынок крив, как набекрень одетый
Косой треух над буклями Лефорта.

И в этот самый миг
На повороте
Рванул трамвай,
Да так рванул он звонко,
Что вдруг очнулась вся комиссия,
И дрогнул ящик в ржавой позолоте,
И, зашатавшись, встал он на прилавке
На все четыре выгнутые лапки,
И что-то в глубине зашевелилось,
Зарокотало и определилось,
Заговорило тусклое железо
Сквозь ржавчину, где стерта позолота.

И что же?
Никакого полонеза,
Ни менуэта даже, ни гавота
И никаких симфоний и рапсодий,
А громко так, что дрогнула посуда,—
Поверите ли? — грянуло оттуда
Простое: «Во саду ли, в огороде...»
Из глубины,
Из самой дальней дали,

Из бурных недр минувшего столетья,
Где дамы в менюэте приседали,
Когда петля переплеталась с плетью,
Когда труба трубила о походе,
А лира о пощаде умоляла,
Вдруг песня:
«Во саду ли, в огороде,—
Вы слышите ли? — девица гуляла!»

1954

* * *

Закрывались магазины,
День кончался, остывая;
Пахли туфлей из резины.
Тротуар и мостовая.

В тридцатиэтажном зданье
Коридоры торопились
Опустеть без опозданья,
А внизу дома лепились.

Средь конструкций, и модерна,
И ампира, и барокко
Этот день, шагая мерно,
Вдаль ушел уже далеко.

Вот смотрите! Это он там,
Он, который нами прожит,
А для стран за горизонтом —
Только будущий, быть может.

Он у нас не повторится,
А у них еще начнется
В час, когда на ветке птица
Поутру едва очнется.

1954

ГОЛОСА

Мне
Не дает уснуть
Хор смутных голосов...

Я не хочу замкнуть
Пространство на засов,
И голоса кричат,
Стучат в железо крыш,
Трещат и верещат:
«Услышь,
Услышь,
Услышь!»

Всё это про меня,
Всё это обо мне —
Возня и стрекотня
В распахнутом окне,
В летящих облаках,
Покрывших небеса,—
На разных языках
Земные голоса.

О, эти голоса!
Я вслушиваюсь в них.
Но чей же раздался
Отчетливей других?
Мой голос
Этот вот,
Велик он или мал,
Я, не боясь невзгод,
Упорно поднимал;
Его я возвышал,—
О нет, я не молчал,—
И пусть он не решал,
Но всё же он звучал,
Поддержан, заглушен,
То тайный, то прямой,
Каков бы ни был он,
Он мой,
Он мой,
Он мой!

И вам я заглушить
Не разрешу его,
И за меня решить
Не дам я ничего!

1954

* * *

По существу ли
Эти споры?
Конечно же, по существу!
Рассудок может сдвинуть горы,
Когда мешают эти горы
Увидеть правду наяву.

По существу ли
Свищут пули?
Конечно же, по существу!
И что бы там они ни пели,
Но ведь огонь-то в самом деле
Идет не по абстрактной цели,
А по живому существу.

Огонь
Идет по человеку!
Все тяготы он перенес,
И всех владык он перерос,—
Вот и палят по человеку,
Чтоб превратить его в калеку,
В обрубок, если не в навоз.

Итак,
К какому же решенью
Он, человек, пришел сейчас?
Он, человек, пришел к решенью
Не быть ходячею мишенью
Для пуль, и бомб, и громких фраз!

И человек вступает в споры,
Конечно, только для того,
Чтоб, не найдя иной опоры,
Взять и однажды сдвинуть горы
С пути людского своего!

1954

НИКОГДА

Никогда,
Никогда,
Никогда
Не бывало такого июля!
Никогда
Ни земля, ни вода,
Ни амбары, ни хлевы, ни улы
Не бывали такими еще,
И таким никогда не бывало
Это солнце и так горячо
Толщу вечных мерзлот не грело.

Не бывала
Вот так никогда
Степь в смерчи пылевые одета.

Ни в какие
Былые года
Не умело горячее лето
Так искусно над нами возвесть
Облаков вавилонские башни.

Но летит
Из Исландии весть:
Обнажились там старые пашни.
Лет семьсот под корой ледяной
Прозябали те земли незримо;
Жизнь вернул им не то чтобы зной,
А сырое дыханье Гольфстрима.
И теперь
Ото льда —
Ни следа,
Вековые разбиты оковы!

Вот и вздумай сказать:
Никогда,
Никогда не бывало такого!

Нет!
Где глетчер,
Где вечный был лед,
Снова будут пахать, будут сеять

И, когда это семя взойдет,
Будут перелопачивать, веять...
И дыхание талого льда
До меня долетает с заката.

Значит,
Нет
Никаких
Никогда,—
Есть когда-нибудь
Или когда-то.

Это так!
Но какое-то «но»
Существует и существовало...
Знаю:
Скоро случиться должно,
Что еще никогда не бывало!

1954

ГРАДУС ТЕПЛА

Все-таки
Разрешилась,
Больше терпеть не могла,
Гнев положила на милость.
Слышите:
Градус тепла!

И через зимние рамы
Школьный доносится гам,
К небу возносятся гаммы,
Чтение идет по слогам.

И на спортивных площадках
Лед под покровом воды
В трещинках, в отпечатках,
Будто цыплячьи следы.

Знаете, что это значит?
Это ведь он наконец
Прямо над лужами скачет,
Градус тепла, как птенец.

Что уж он хочет, малютка,
Как уж он будет расти,
Как уж до первопутка
Он ухитрится дойти —

Кто его знает! Но радость
Всем нам весна принесла.
Вы понимаете: градус,
Благостный
Градус
Тепла!

1954

СНЕГ ТАЕТ...

Вот
Тает снег...
И всё, что мир из рук
Ронял к ногам во время стуж и вьюг,
Теперь вытает. —
Вот оно —
Всё, что зимой в снегах погребено:
Перчатки, шпильки, ржавые крючки,
Афиш громадных мелкие клочки,
И капли слез, которые мороз
Исторг из глаз, и drobный след колес,
Который был еще в осенней мгле
Запечатлен на стынущей земле,
И всё другое, что зимой в сугроб
Заброшено подальше от жилья.

Снег тает...
Сунув шубу в гардероб,
Поспешно обнажается земля,
Чтоб облачиться с ног до головы
В одежду из сверкающей листвы.

1954

Вечерело...
Луч закатный,
Удлиняясь мало-мальски,
Прямо в город необъятный
Глянул смутно, по-февральски.

Потеплел он
И смягчился,
Перестал на всё коситься.
Наконец-то научился
К людям лучше относиться.

1954

СОН ЖЕНЩИНЫ

Добрая женщина,
Пожилая,
Мне рассказала, что видела сон —
Будто бы с неба спустился, пылая,
Солнечный луч, и попался ей он
В голые руки, и щекотно, колко
Шел сквозь него электрический ток...
Кончик луча она вдела в иголку —
Вздумала вышить какой-то цветок,
Будто из шелка...
И тем вышиваньем
Залюбовался весь мир, изумлен.

Женщина, с искренним непониманьем,
Робко спросила: «К чему этот сон?»

Я объяснил ей, что сон этот — в руку!
Если уж солнцем пошла вышивать —
Это не склоку сулит и не скуку
И неприятностям тут не бывать.
Это навеяно воздухом вольным!
Ведь не способна ни рваться, ни гнить
Даже в ушке этом тесном игольном
Великолепная светлая нить.

«Будьте,— сказал я,— к удаче готовы!
Так не приснится и лучшей швее
В перворазрядном большом ателье».

Женщина робко сказала:
«Да что вы!»

1954

ХУДОЖНИК

Художник
Писал свою дочь,
Но она,
Как лунная ночь,
Уплыла с полотна.

Хотел
Написать он
Своих сыновей,
Но вышли сады,
А в садах —
Соловей!

И дружно ему закричали друзья:
«Нам всем непонятна манера твоя!»

И, так как они не признали его,
Решил написать он себя самого.
И вышла картина на свет изо тьмы,
И все закричали ему:
«Это мы!»

1954

ВЬЮГИ

Бывают такие весенние вьюги,
Когда леденеют трамвайные дуги
И глухо волнуется всё меховое,
Как будто живое, как будто живое,
Как будто бы к жизни вернуться охота
Всеми, что убито,— от старца енота
До самой последней ничтожной зверюги...
Бывают такие тревожные вьюги!

1955

* * *

Хочется
Сосредоточиться
И припомнить,
Как за шагом шаг
Этот мир рождался,
Чтоб упрочиться
В первобытном хаосе;
И как
Приходилось в этом мире,
Созданном
Собственной кровью
И, трудом,
Подыматься к звездам,
Скупой розданным
Прямо с неба
В сумраке седом;
Совладать со всяческой нечистью,
Делать всё,
Чтоб вновь не грянул бой;
Столкнуться с целым человечеством
И остаться
Всё ж
Самим собой!

1955

* * *

Да,
Многое исчезло без следов.

Всего не в силах даже перечить я:
Освобождаем тело городов
От пыльной паутины проводов,
В которых только путались известья.

И свищут нам ракеты в небесах,
Что дед-пропеллер может и на отдых.
И, словно о фрегатах в парусах,
Мы думаем теперь о пароходах.

Пар! Отпыхтел свое он и уплыл.
И хорошо, и тосковать не станем
О том, что топок антрацитный пыл
Мы заменили внутренним сгораньем.

Уйдет и паровой локомотив
В мир памятников древности печальной,
И мы его, слегка позолотив,
На пьедестал у площади вокзальной
Поставим и решеткой оградим,
И быстро человечество забудет,
Каким на вкус был паровозный дым,—
Им лишь романтик упиваться будет.

Но, смутно помня о его судьбе,
Ведь мы-то сами жить не перестанем,
Ведь мы-то не покажемся себе
Таким же точно вот воспоминаям.

Ведь мы, природу недопокорив,
От дела не откажемся устало
И, волосы себе посеребрив,
Не ринемся, кряхтя, на пьедесталы —
Туда, откуда дворник помелом
Клочки афиш сгоняет со ступенек.

Ведь мы-то не окажемся в былом!
Что ты об этом скажешь, современник?

1955

НАГАЯ ИСТИНА

Не правы те, кто истину нагую
Считают голой,
Считают голой истину нагую
И невеселой.

Ведь вот сейчас, когда в разгаре лета
Хлеб колосится,
Естественно, что истина одета
В цветные ситцы...

А день придет — она под черно-бурой
Своей лисою
В декабрьской бездне, облачной и хмурой,
Блеснет красою.

Но есть часы, когда в моторном шуме
Над нами всеми
Она витает в кожаном костюме,
В пилотском шлеме.

И мчится ввысь, ее оберегая,
Голубок стая,
Чтоб воссияла истина нагая
Весьма простая.

1955

ШКВАЛ

И снова
Мир
За что-то впал в немилость:
Промчался вихрь, напитан дымной пылью,
Как будто бы, поджав стальные крылья,
Какая-то промчалась эскадрилья
И, глухо взыв, за горизонтом скрылась.
И рожь в полях коленопреклонилась,
Но распрямилась, хоть не без усилия,
И охнуло колосьев изобилье,
И равновесие
Восстановилось.

1955

ЗАВОДЫ

Похолоданье.
Вихри пыльные.
И солнце, голову склонив,
Свои лучи, уже бессильные,
Дарит пространству сжатых нив.
Вода в канавах стынет ржавая.
Вот-вот замерзнут все пруды.
Но за заставой

Величавые
Шумят заводы,
Как сады!

1955

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ

Гидролог
Или не гидролог,
Ты не был глух и не был слеп,
И путь твой был суров и долог
В пустыне, где не зреет хлеб.
Она вставала из полыни,
Горько-соленая заря,
И знал ты: в глубине пустыни
Кипят подземные моря.

К земле ты нагибался часто,
Отыскивая неспроста
В пластах то отпечаток лапы,
А то и рыбьего хвоста.
Пусть были временем затерты
Едва заметные следы,
Но видел ты каналы, порты
И будущие сады.

Тебя считали фантазером,
Который вечно ходит вброд
По испарившимся озерам,
Всё делая наоборот.
Но видел ты, как, воду пеня,
Идут к причалам корабли.
Нет, не терял ты представленья
О будущем
Своей земли!

1955

ДЕДАЛ

И вот
В ночном
Людском потоке

Мою дорогу пересек
Седой какой-то, и высокий,
И незнакомый человек.

Застыл он
У подножья зданья,
На архитектора похож,
Где, гикая и шарлатаня,
Толклась ночная молодежь.

Откуда эта юность вышла
И к цели движется какой?
И тут сказал мне еле слышно
Старик, задев меня рукой:

«С Икаром мы летели двое,
И вдруг остался я один:
На крыльях мальчика от зноя
Растаял воск. Упал мой сын».

Я вздрогнул.
«Что вы говорите?»
— «Я? Только то, что говорю:
Я лабиринт воздвиг на Крите
Неблагодарному царю.

Но чтоб меня не заманили
В тот лабиринт, что строил сам,
Себе и сыну сделав крылья,
Я устремился к небесам!

Я говорю: нас было двое,
И вдруг остался я один.
На крыльях мальчика от зноя
Растаял воск. Упал мой сын.

Куда упал? Да вниз, конечно,
Где люди, по своим делам
Стремясь упорно и поспешно,
Шагали по чужим телам.

И ринулся я вслед за сыном.
Взывал к земле, взывал к воде,
Взывал к горам, взывал к долинам.
«Икар! — кричал я. — Где ты, где?»

И червь шипел в могильной яме,
И птицы пели мне с ветвей:
„Не шутит небо с сыновьями,
Оберегайте сыновей!“

И даже через хлопья пены
Неутихающих морей
О том же пели мне сирены:
„Оберегайте дочерей!“ »

И этот голос в вопль разросся,
И темный собеседник мой
Рванулся в небо и унесся
Куда-то прямо по прямой.

Ведь между двух соседних точек
Прямая — самый краткий путь,
Иначе слишком много кочек
Необходимо обогнуть.

И как ни ярок был прожектор,
Его я больше не видал:
Исчез крылатый архитектор,
Воздухоплаватель Дедал!

1955

НОЧЬЮ

Этой
Ночью,
Ночью летней,
Вьется хмель тысячелетний
По железу,
По бетону,
По карнизу,
По балкону.

Что
Творится
Там, за шторой,
Той вот самой, за которой
В мученические позы
В мутных вазах встали розы?

Чем же
Тут могу помочь я?
Может быть, вот этой ночью
На балкон пробраться снизу
По железу,
По карнизу
Цепко, с выступа на выступ,
Взять и пыль
И хмель
На приступ,
У окошка очутиться,
Стукнуть, будто клювом птица,
Чтоб окно ты распахнула.

Ты бы встала
И взглянула —
Что за птаха залетела?
Ничего не разглядела,
У окна бы постояла,
А закрыть — не захотела.

И не надо,
И не трогай,
И напрасно закрывала:
Я иду своей дорогой,
Как ни в чем и не бывало!

1955

* * *

Нет,
Тени
За людьми не гонятся!
От некоторых эти тени,
Когда к закату солнце клонится,
Бегут как будто бы в смятенье.

Но вот,
На рубеже грядущего,
Сама себе почти чужая,
Тень человека, вдаль идущего,
Плывет, его опережая.

И полны
Дали необъятные
Тенями именно такими,
Которые в часы закатные
Вперед отброшены живыми.

И точно так,
Как тени прошлого
Вдруг возникают между нами,
В грядущем — потому и ждешь его! —
Мы существуем
Временами.

1955

* * *

Будто
Впрямь по чью-то душу
Тучи издалека
С моря движутся на сушу
С запада, с востока.

Над волнами
Временами
Ветер возникает,
Но волнами,
А не нами
Грубо помыкает.

Он грозитя:
«Я возвышу,
А потом унижу!»
Это я прекрасно слышу
И прекрасно вижу.

Возвышеньё,
Униженьё,
Ветра свист зловещий...
Я смотрю без раздраженья
На такие вещи.

Ведь бывало и похуже,
А потом в итоге
Оставались только лужи
На большой дороге.

Но чего бы это ради
Жарче керосина
Вспылала в мокрой пади
Старая осина?

Я ей повода не подал,
Зря зашелестела.
Никому ведь я не продал
Ни души, ни тела.

Огненной листвы круженье,
Ветра свист зловещий...
Я смотрю без раздраженья
На такие вещи.

1955

* * *

О, годовщины,
Годовщины,
Былые дни,
Былые дни,
Как исполины
Встают они!
Мы этих дней
Не позабыли,
Горим огнем
Тех дней,
В которые мы жили
Грядущим днем.

И в час,
Когда опять двенадцать
На башне бьет,
Когда дома уже теснятся,
Чтоб дать проход
Неведомым грядущим суткам,
Почти мечтам,
Вновь ставлю я своим рассудком
Всё по местам.

Да,
Он назад не возвратится —
Вчерашний день,
Но и в ничто не превратится
Вчерашний день,

Чтоб никогда мы не забыли,
Каким огнем
Горели дни,
Когда мы жили
Грядущим днем.

1955

* * *

В белый шелк по-летнему одета,
Полночь настает.
На Садовой в переулках где-то
Человек поет.

Слышите! Не рупор, не мембрана
Звуки издает, —
Громогласно, ясно, без обмана
Человек поет.

Он моторов гул перекрывает
И не устает,
И никто его не обрывает —
Пусть себе поет.

Он поет, и отвечает эхом
Каждая стена.
Замолчал и разразился смехом.
Вот тебе и на!

Он хохочет, петь большой любитель,
Тишине грозя.
Это ведь не громкоговоритель, —
Выключить нельзя!

1955

НЕПОДВИЖНОСТЬ

Неподвижность
Громоздилась,
Точно туча грозовая,
И под нею зародилась
Свистопляска пылевая.

В буревые
Барабаны
Барабанщики забили,
Пылевые ураганы
Пыль над миром за клубили.

И понесся,
И понесся
Вихрь, движение рождая,
На скрипучие колеса
Неподвижность взгромождая.

Но
Немедленно, тотчас же,
Как сама себе преграда,
Навалилась на себя же
Неподвижности громада.

И упала,
Раскололась,
Всё разрушить угрожая,
Но не смяла даже колос
Молодого урожая.

1955

ЭХО

Что такое случилось со мною?
Говорю я с тобой одною,
А слова мои почему-то
Повторяются за стеною,
И звучат они в ту же минуту
В ближних рощах и дальних пущах,
В близлежащих людских жилищах
И на всяческих пепелищах,

И повсюду среди живущих.
Знаешь, в сущности, это не плохо!
Расстояние не помеха
Ни для смеха и ни для вздоха.
Удивительно мощное эхо!
Очевидно, такая эпоха.

1955

* * *

Всё
Обрело
Первичный вес:
Воскрес
Алмаз,
Лишась оправы,
Лекарства превратились в травы,
Бумага превратилась в лес,
Но только на единый миг,
Чтоб разуму понятно стало,
Как зрело всё и возрастало,
Как
Этот самый
Мир
Возник.

⟨1956⟩

ДУБ

Когда с полей пустых и голых
Уйдут последние машины,
Последний колос подобрал,
Ты птиц озябших, но веселых
Сгоняешь со своей вершины,
О дуб, великий князь дубрав!

Бушуешь ты, огромный, темный,
Под стынувшими небесами.
И, как в ответ, несется крик
Многоголосый, неумный:
«Зима близка — мы знаем сами,
Нам не указывай, старик!»

Но ты шумишь. В такую ярость
При виде юношеских, дерзких,
Восторгом искаженных лиц
Сановная приходит старость
В своих регальях камергерских,—
В такую ярость без границ!

Поглотит птиц туман осенний,
Войдут крылатые их клинья
В диагональ сплошных дождей,
Но разве меньше потрясений
Тебе, о дуб, готовят свиньи,
Искательницы желудей?

Не чувствуешь, что подкопаться
И под тебя, царя лесного,
Идут их мирные стада?
То чувство может просыпаться,
Но если рано — дремлет снова,
А если поздно — что тогда?!

(1956)

* * *

Троллейбус рванулся из мрака,
Взывая на помощь дугой.
Я понял: в троллейбусе драка,
Там бьют и пинают ногой!

Будь там я, конечно бы, сразу
Мерзавца за шиворот сгреб,
Но поздно: миганием глаза
Растаял рубиновый «стоп».

Извне невозможно вмешаться,
Не крикнешь:

«Назад поверни!»

Дела эти могут решаться
Лишь там, где творятся они.

И пусть не забудет живущий
На этой летящей во мгле,
Гудящей, свистящей, ревушей,
Крутящейся в бездне Земле:

Коль будут увечить, калечить,
То только своею рукой
Удастся тебе обеспечить
Желательный мир и покой!

〈1956〉

* * *

«Будьте
Любезны,
Будьте железны! —
Вашу покорную просьбу я слышу.—
Будьте железны,
Будьте полезны
Тем, кто стремится укрыться под крышу».

Быть из металла!
Но, может быть, проще
Для укрепления внутренней мощи
Быть деревянным коньком над строением
Около рощи
В цветенье
Весеннем?

А! Говорите вы праздные вещи.
Сделаться ветром, ревающим зловеще,
Но разгоняющим все ваши тучи,—
Ведь ничего не придумаешь лучше!

Нет!
И такого не дам я ответа,
Ибо, смотрите, простая ракета
Мчится почти что со скоростью звука,
Но ведь и это
Нехитрая штука.

Это
Почти неподвижности мука —
Мчатся куда-то со скоростью звука,
Зная прекрасно, что есть уже где-то
Некто,
Летающий
Со скоростью
Света!

〈1956〉

ЧИСТОЕ НЕБО

Не ювелирные изделия,
Не кости для пустой игры,
Не кружевные рукоделия
И не узорные ковры,
Не шелка облако душистое,
Не цирк
И даже не кино,
А покажу вам небо чистое.
Не видывали давно?
Быть может, книгу перелистывая,
Вы скажете:
Какое мглистое,
Какое смутное оно!
Бывает так...
Но всё равно
Я покажу вам
Небо чистое.

1945, 1956

ПЕРВОРОДСТВО

По мненью бедноты,
Мы — богачи:
У нас все сказки делаются былью
И вообще, что хочешь получи —
Нам вручены ключи от изобилья.

По мненью богачей,
Мы — беднота,
Чьи беды в Лету канули бесследно.
Им невдомек, что жизнь безбедна та,
Которую мы создали победно.

А мы — не богачи, не бедняки.
Мы те, которых не бывало прежде.
И прошлогоднейшие ярлыки
Вы к нашей не пришпилите одежде.

Сказать точнее:
Есть у нас черты,

Исторое небо

Не ювелирные изделия,
Не кости глэд пустой и чужд,
Не крушевице руководемя
И не чужрице коври,
Не шенива облако гуншице,
Не цирк и гане не кино,
А некашту вам небо гисре.
Не вичквали?
Уай оно!

В которых ни малейшей капли сходства
С чертами богачей и бедноты...
Здесь речь идет о праве первородства!

1956

* * *

Как всё это случилось, в самом деле?
Двадцатый век, с чего он начался?
Мелели реки, и леса редели...
Но в сизые от дыма небеса
Аэропланы ухитрились взвиться,
И мгла не преградила им пути,
И на земле сумели объявиться
Те, кто решились этот мир спасти,
Чтоб снова плодородной и сыроу
Измученная сделалась земля,
И сутью государственного строя
Не мнились бы ни штык и ни петля,
И двери тюрем полетели с петель,
И чтоб искусство не было мертво...
А ты не только этому свидетель,—
Свидетелями этого всего
Пусть остаются ветхие бойницы
И рыхлый камень вековечных стен,—
Ты не свидетель! Ты, как говорится,
Виновник этих самых перемен.
Ведь всё ж не вихрь весенний иль осенний
Бесповоротно пробудил умы,—
Виновники великих потрясений
И их творцы не кто-нибудь — а мы!

1956

САМОКАТНАЯ

На Яузе
Свой взор покоила
Елисавета, дочь Петра.
Над Яузой
Качели строила
Екатерина для двора.
Пейзажи были здесь приятные:
Лужок, зеленый бережок...

Но существует
Самокатная,
Откуда сделали прыжок
Мотоциклетчики в Семнадцатом
Аж через город весь, к Кремлю,
За революцию сражаться там!

Я эту Яузу люблю!

У Яузы,
У мутной Яузы,
Стояли статуи наяд,
А рядом склады и пакгаузы
В чаду едучем, точно яд.
Купцы, заводчики, кабатчики
Еще таились там и тут,
Когда помчались самокатчики
Сражаться за рабочий люд,
Творить Октябрь, бороться с барами,
Кровь проливать за род людской...

И пахнут старыми пожарами
Брандмауэры над рекой.

Но дым умчится, чад уляжется,
И вдруг в каких-нибудь кустах
Светлеет Яуза и кажется
Совсем такой, как в тех местах,
Где, плавные изгибы делая,
Подходит к городу она
И плавают кувшинки белые,
На тонких ножках встав со дна.

Но дело всё ж не в этих лилиях,
Всегда умеющих цвести,
А в человеческих усилиях,
Нечеловеческих почти.
Кувшинки дружат пусть с кувшинами
На подоконниках в домах...

Там, где мосты кишат машинами,
Иной у Яузы размах:
От новостроек на окраинах
До Устьинского моста,
Как самокатчиков отчаянных

Осуществленная мечта,
То алая, то снежно-белая,
То как чугунное литье,
Встает Москва, как будто делаю
Прыжок в грядущее свое.

1956

ИТОГИ ДНЯ

В час ночи
Все мы на день старше.
Мрак поглощает дым и чад.
С небес не вальсы и не марши,
А лишь рапсодии звучат.

И вдохновенье, торжествуя,
Дойти стремится до вершин.
И зренье через мостовую
Сквозь землю видит на аршин.

Как будто на рентгено снимке,
Всё проступает... Даже те,
Кто носит шапки-невидимки,
Теперь заметны в темноте.

И улицы, чья даль туманна,
Полны машин, полны людей.
И будто бы фата-моргана
Всплывают морды лошадей.

Да, с кротостью идут во взорах
Конь за конем, конь за конем,
Вот эти самые, которых
Днем не отыщешь и с огнем.

И движутся при лунном свете
У всей вселенной на виду
Огромнейшие фуры эти
На каучуковом ходу.

А в фурах что? Не только тонны
Капусты синей и цветной,
Не только плюшки, и батоны,
И булки выпечки ночной,

Но на Центральный склад утиля,
На бесконечный задний двор
Везут ночами в изобилие
Отходы всякие и сор.

За возом воз — обоз громаден,
И страшно даже посмотреть
На то, что за день, только за день,
Отжить успело, устареть.

В час ночи улицы пустые
Еще полней, еще тесней.
В час ночи истины простые
Еще понятней и ясней.

И даже листьев шелестенье
Подобно истине самой,
Что вот на свалку заблужденья
Везут дорогою прямой.

Везут, как трухлые поленья,
Как барахло, как ржавый лом,
Ошибочные представленья
И кучи мнимых аксиом.

Глядишь: внезапно изменилось,
Чего не брал ни штык, ни нож,
И вдруг — такая это гнилость,
Что, пальцем ткнув, насквозь проткнешь.

И старой мудрости не жалко!
Грядущий день, давай пророчь,
Какую кривду примет свалка
Назавтра, в будущую ночь!

Какие тягостные грузы
Мы свалим в кладовую тьмы!
Какие разорвутся узы
И перерубятся узлы!

А всё, что жить должно на свете,
Чему пропасть не надлежит. —
Само вернется на рассвете:
Не выдержит, не улежит!

1956

ВРЕМЯ

Быстро несется время,
Будто ночной трамвай.
Вот он летит через темень,—
Только не прозевай!

Вот и ушел! Неужели
Больше — ни одного?
Дьявольски тянется время,
Если упустишь его!

1956

* * *

Короче,
Короче, короче!
Прошу тебя, не тяни.
Короче становятся ночи,
Но будут короче и дни.

Все сроки
Отныне короче
И каждый намеченный путь.
И даже пророкам, пророча,
Не следует очень тянуть.

И хватит
Стоять на пороге.
Медлительность — это порок.
Рассказывай, что там в итоге.
Выкладывай, что приберег!

1956

* * *

Забыто
Суеверие былое,
И ни одна небесная звезда
Нам предрекать ни доброе, ни злое
Уже не будет больше никогда.

Но как Луна
Земной играет влагой
Здесь, в мире мачт, винтов и якорей,—
Так и Земля своей могучей тягой
Вздывает волны солнечных морей.

И это
Не совсем невероятно,
Хотя и не доказано вполне,
Что возникают солнечные пятна
Отчасти даже по людской вине.

Ведь всё же
Люди, вольные как птицы,
Земля и все живые существа
Не столь уже ничтожные частицы
В круговороте естества.

На нас-то ведь
Какое-то влиянье
Оказывает даже и Луна,—
Когда кипит прилив на океане,
Мы говорим: виновница — она!

А мы
На Солнце вызываем бури,
Протуберанцев колоссальный пляс.
И это в человеческой натуре —
Влиять на всё, что окружает нас.

Ведь друг на друга
То или иное
Влиянье есть у всех небесных тел.
Я чувствую воздействие земное
На судьбы солнц, на ход небесных дел!

1956

ОЛИВА

Олива,
Олива,
Олива!
Тяжелые ветви вздымая,
Она не стоит молчаливо —
Она не глухонемая.

Конечно,
Какое-то в мире
Творится неблагополучье,
И слышатся шумы в эфире,
Как будто
Ломаются
Сучья.

Ломаются
Сучья оливы
И хлещут по стенам и крышам,
Как будто бы дальние взрывы
Мы слышим,
Хотя и не слышим.

В пустыне,
Гудящей от зноя,
Петролеум плещет бурливо,
Но всё же —
Не что-то иное —
Там слышится шелест оливы.

Моря,
За морями — проливы,
Каналы, ворота и шлюзы,
В пакгаузах копятся грузы...
И слышится шелест оливы.

О, шелест
Оливы цветущей!
Им полон — то реже, то чаще —
И этот хрипящий, поющий,
Бормочущий, свищущий ящик.

И люди
Почти что не дышат,
У ящика ночью уселись
И слышат,
Конечно же, слышат
Оливы прельстительный шелест.

Ведь
Сколько ее ни рубили
И сколько ее ни пилили.

А всё же
Ее не сгубили,
А всё же
Ее не свалили!

1956

АНТАРКТИДА

Ни господ,
Ни рабов,
Ни царей,
Ни республик,
Ни древних империй,
Никаких базилик, алтарей,
Стародавних легенд и поверий,
Адских мук и блаженства в раю —
Ничего ты не знала такого!..

Ты
Последней
Вступаешь в семью
Беспокойного рода людского.

Что таят
Ледяные пласты?
Что покажется,
Что обнажится?
Как
Со старшими сестрами ты
Подружиться сумеешь, ужиться?

Знаю я,
Добывал китолов
Сверх китового уса и жира
Спермацет из китовых голов
Для красавиц подлунного мира...

Ну, а вдруг обретет бытие
Тот, кого убивать и не будем,—
Антикит, о котором Фурье
Проповедовал страждущим людям.

Антихищники, антикиты...
В наше время сбываются часто
Коль не те, так иные мечты
Не того, так другого фантаста.

Есть ведь силы, — их только затронь, —
Оживают, стремятся наружу!
Отеплит ли подземный огонь
Вековечную внешнюю стужу?

Ведь ему никуда не пропасть!
Будет лоно твое отогрето,
Антарктида,
Последняя часть
Необъятного белого света!

1956

* * *

В темноте
Притаился злодей.
В темноте
Всё седей и седей
Закипают людские моря.

Ночью
В давке
Среди площадей
Хорошенько собою владей,
Не влачьсь, обрубив якоря.

А точнее говоря,
Что ни день,
То и больше люблю я людей,
И люблю их, конечно, не зря!

Потому что
Они — это те,
Кто стремились ко мне в темноте
И зывали среди темноты:
«Мы с тобой, если с нами и ты!»

1956

О вы, которые уснули
Меж двадцатью и сорока
От яда, от петли, от пули,
Елея или коньяка, —
Вы, Лермонтов, Есенин, Шелли
И Сирано де Бержерак,
Я спрашиваю:
«Неужели
Я старше вас?»
Да, это так!

И каждый, кто своей рукою
Коснулся острого пера,
Чтоб больше не иметь покоя,
Тот должен знать — она стара,
Та истина, что в самом деле,
Будь моложав ты или сед,
Ты старше Байрона и Шелли,
Вергилия и Руставели,
Ты старше, если ты — поэт!

1956

ДРЕМА ЛУГОВАЯ

Господи Иисусе, чудно под Москвой,
В Рузе и в Тарусе, в дреме луговой!

Дрема луговая! Это к ней вчера
Не переставая липла мошкara.
Сока из надлома не дал бледный хвощ.
Чувствовала дрема: утром будет дождь!

То-то белокрыльник вовсе изнемог!
Будет в серый пыльник кутаться восток.
Смерчик еле зримый, предрассветно мглист,
Пронесется мимо, как мотоциклист.

Глухо тарарахнет предрассветный гром
Там, где в гнездах пахнет пухом и пером.

И взлетит от грома
Мошек целый рой,
Как с аэродрома,
С дремы луговой!

1956

* * *

Отцокало
Пегасово копыто,
Отцокало, и вновь оно зацокало,
И эта лошадь снова ржет несыто.
И нечего ходить вокруг да около,
А надо сделать новое усилье
И оседлать имеющую крылья
Да так помчаться, чтоб и сердце сжалось
И стало совершеннейшею былью
Всё, что не зря тебе воображалось!

1956

СВОБОДА

Я уяснил,
Что значит быть свободным.
Я разобрался в этом чувстве трудном,
Одном из самых личных чувств на свете.

И знаете, что значит быть свободным?
Ведь это значит быть за всё в ответе!
За всё я отвечаю в этом мире —
За вздохи, слезы, горе и потери,
За веру, суеверье и безверье.
Я должен делать так, по крайней мере,
Поскольку сам уже ничем не связан
И стал, как говорится, вольной птицей.
Всему и всем я помогать обязан
Освободиться!

Освободиться!
Разве это просто?
Не говоря уже о человеке,
Который ищет помощи, опоры,

Чтоб сдвинуть с места всяческие горы
И обуздать бушующие реки,
Не говоря уже о человеке,
И сами горы возглашают часто,
Что от безлюдья стонут их ущелья,
И сами реки тоже просят моста
И изнывают от бескорабелья.
Шипит пустыня, что под нею море,
До коего столь просто докопаться.
Легко ли всё ж какой-нибудь Сахаре
В одних песках купаться и купаться?
Давно пора покончить с этим адом!
И в то же время
Близко, где-то рядом,
Атлантика бушует неустанно
И повествуют острова пространно
О бешенстве другого океана,
Который хочет их бесследно слопать.

Да океан ли только, в самом деле?
Я вижу пепел, чую дым и копоть,
И пот, и кровь на истомленном теле.
И я употреблю свою свободу,
Чтоб острова на воздух не взлетели,
Материки не провалились в воду
И целые миры не опустели.
Бороться буду я за всё живое,
И должен я со всеми столкнуться,
И каждому хочу лишь одного я:
Действительно
Свободы
Добиваться!

1948, 1957

* * *

Душа беспокоится...
Стоит ведь только прислушаться,
И явственно слышится:
Где-нибудь
Что-нибудь
Рушится.

Душа беспокоится...
Полно, душа, беспокоиться!
Где что-нибудь рушится,
Там же и что-нибудь строится.

И всюду, где строится,
Что-то в развалинах кроется.
Душа беспокоится,
Ищет,
В развалинах роется.

Там — яма,
Там — лужица,
Ящерка в травке хвостатая.

И вдруг обнаружится
Целая
Белая
Статуя.

Душа беспокоится:
Может быть,
Это лишь кажется,
Рассыплется,
Скроется,
Смоется,
Сдуется,
Смажется?

Не бойся!
Готовое
К часу второго рождения,
Глядит это новое
Детище древнего гения
Глазами невинными,
Будто творенье новатора,
Когда над руинами
Двигается ковш экскаватора.

⟨1957⟩

Есть стихи,
Что тотчас увядают,
Ибо корень их был неглубоко.

Есть стихи,
Что, родясь, ожидают
Своего отдаленного срока.

Ожидают,
Не пропадают.
«Что-то близко, не за горами,—
Так давным уж давно мне писалось.—
Это — я! Не икона в храме,
Это я не в серебряной раме...»
Не меня это лично касалось.

А кого?
Сам я толком не ведал,
Но имел я в виду человека,
Что идет за лишеньями следом
По дорогам двадцатого века.

Так
От злых поражений к победам
Все мы шли за лишеньями следом.

Миновали
За датами даты,
И за выстрелом выстрел бил мимо,
И что было мечтами когда-то —
Нынче зримо и въявь ощутимо.

Я хочу, чтоб любой бы и каждый
С новой силою, с новою жаждой,
Сообщаясь с другими мирами,
Возглашал бы в свободном полете:

«Это я! Не икона в храме
В ослепительной позолоте,
Это я не в серебряной раме,
Это я не в свином переплете,
А тот самый, которого ждете.
Вот я близок, не за горами!»

1957

Я знаю, чем была
Ты в нимбе старой славы,
Качая величаво
Свои колокола.

Уж ты не обессудь:
Я вовсе не поклонник
Рыдающих гармоник,—
Совсем не в этом суть!

Была ты избяной,
Была ты деревянной,
Тележною и санной,
Лучинной и свечной.

Но были вместе с тем
Отели, скетинг-ринги
И всякие новинки,
Машинки всех систем.

Хоромы, терема —
Всё это были ширмы,
За ними были фирмы,
Торговые дома.

Любил народ честной
Нехитрое веселье,
Цветные карусели
Вертелись на Страстной.

Месила ты кисель,
Но тресты и картели
Вертели, как хотели,
Всю эту карусель,

Чтоб ты, в конце концов,
Усталая от пляса,
На пушечное мясо
Пошла, страна отцов.

Пошла-то ты пошла,
Да посшибала главы
Двуглавого орла!

...Я знаю, чем была
Ты в нимбе древней славы,
Качая величаво
Свои колокола.

1957

ВАС НЕ БЫЛО ЕЩЕ...

Вы
Видели ее,
Когда она настала?
Она взяла свое.
Свергала с пьедестала
Всех, кто пытался влезть
Низвергнутым на смену.
Прыть, краснобайство, лесть —
Всё потеряло цену.

На пыльной мостовой
С опавшею листвою
Керенок прах мешала,
По-своему решала.
Сорила шелухой
Подсолнухов лущеных.
Казались чепухой
Сомнения ученых.
Казались пустяком
И саботаж и фронда
В сравненье с мужиком,
Упорно прущим с фронта.
И были ерундой
Европы пересуды
В сравнении с нуждой
Оборванного люда.

Шла осень горячо.
Шли толпы. Страшен гнев их.
Вас не было еще
И в материнских чревах,
Когда дрались отцы
И кровь из ран хлестала.
Вас не было, юнцы,

Когда она настала —
На горе меньшинству
И большинству на счастье,
Настала наяву,
Чтоб стать Советской властью!

1957

* * *

Кругом
Звучали выхлопы
Моторов, как всегда,
Казалось — всё затихло бы,
Исчезло без следа.

Но дрогнула
Бездонная
Сияющая высь,
Где вновь изобретенные
Моторы пронеслись.

Звук
Вслед за аппаратами
Прошел одной сплошной,
Чреватою раскатами,
Шальной взрывной волной.

Вы слышали,
Вы видели,
Почувствовали вы?
Так следом за событиями
Несется гул молвы.

Теперь
Не полагается
О них предупреждать, —
События надвигаются
Быстрее, чем можно ждать!

1957

РЫБИНСКОЕ МОРЕ

Где когда-то
Раньше, древле, прежде
Пыль взлетала из ложбин на взгорья,
Там, подобно сбывшейся надежде,
Засверкало Рыбинское море.

И казалось:
Даже легче дышит
Человек на ветреном просторе
Потому, что видит он и слышит,
Как бушует Рыбинское море.

Но от века
Есть в людской натуре
Смутность чувств, сомнений многоборье...
Час настал, и разразились бури
Над простором Рыбинского моря.

Заметались,
Потемнели воды,
Будто кровью вспыхнули зори.
Отчего такая непогода?
Видно, из-за Рыбинского моря!

Ну и вот,
Лиха беда начало,
А потом уж в каждом разговоре
Появилось это, зазвучало:
Мол, понятно,— Рыбинское море!

В январе
Ударили морозы,—
Это из-за Рыбинского моря.
Средь июля разразились грозы,—
Это из-за Рыбинского моря.

Плохо тлеют
В печке головешки,—
Это из-за Рыбинского моря.
У избушек сгнили курьи ножки,—
Это из-за Рыбинского моря.

Если кто-то не добился цели,—
Это из-за Рыбинского моря.
Если где-то что-то проглядели,—
Это из-за Рыбинского моря.

Погодите!
Всё же вы не дети.
Что вы! Это прямо смех и горе.
Ведь нельзя ж, поймите, всё на свете
Сваливать на Рыбинское море!

1957

ДЕТИ

Какие
Хорошие
Выросли дети!
У них удивительно ясные лица!
Должно быть, им легче живется на свете,
Им проще пробиться, им легче добиться.

Положим, они говорят, что труднее:
Экзамены, всякие конкурсы эти.
Быть может, и верно. Им, детям, виднее.
Но очень хорошие выросли дети.

Конечно, задорные это ребята,
А впрочем, по множеству признаков судя,
Мы сами такими же были когда-то,—
И нас не смирение вывело в люди.

1957

ШАГ

Сделан шаг.
Еще не отхрустела
Под подошвой попрунная пыль,
А Земля за это время пролетела
Не один десяток миль...
Множество каких-то древних стадий,
Русских верст, китайских ли —
Всё это осталось где-то сзади.

И назад не повернуть Земли,
И не забежать, опережая,
И ее в объятиях не сжать;
Умоляя или угрожая,
Всё равно ее не задержать —
Эту Землю,
Землю, на которой
Захрустел под микропорой шлак,
Землю, послужившую опорой,
Чтобы сделать
Следующий
Шаг!

1957

* * *

Я вспоминаю
Средние века,
Когда людей охватывала паника.
При виде двухголового телка,
Хвостатых звезд,
Неведомого странника.

Но миновали
Средние века
С их византийски-призрачными лицами,
И спрашивают внуки старика:
«Чему вы, старцы, были очевидцами?»

Чему?
Как грозовые облака,
Умчались, скрылись чудище за чудищем.
Что толковать про средние века?
Не лучше ль позаботиться о будущем!

1957

* * *

О, земля моя!
С одной стороны,
Спят поля моей родной стороны,
А присмотришься, с другой стороны,—
Только дремлют, беспокойства полны.

Беспокойство —
Это свойство весны,
Беспокоиться всегда мы должны,
Ибо спеси мы смешной лишены,
Что задачи до одной решены.

И торжественны,
С одной стороны,
Очертания седой старины,
И, естественно, с другой стороны,
Быть не следует слугой старины.

Лишь несмелые
Умы смущены
Оборотной стороной тишины,
И приятнее им свойство луны —
Быть доступной лишь с одной стороны.

Но ведь, впрочем,
И устройство луны
Мы изучим и с другой стороны:
Видеть жизнь с ее любой стороны
Не зазорно ни с какой стороны!

1957

* * *

Тень
Телевизорной
Антенны,
Похожая на букву Т,
Легла на мраморные стены,
Напоминая о кресте.

Но
Не о том
Кресте соборном
У Бауманского метро,
А — древнем, трехконечном, черном,
Как в шкуру вросшее тавро.

Известно
Из литературы,
Да и понятно без нее,

Что могут
Древние фигуры
Менять значение свое.

И дни придут...
И кто-то снова,
Увидев вещь, как буква Т,
Но назначения иного,
Припомнит уж не о кресте,

Но
О другом изобретенье
Давным-давно минувших дней —
О телевизорной
Антенне
И всем,
Что делалось под ней!

1957

ПТЕНЕЦ

И вдруг
Раздался треск яйца,
И мы увидели птенца:
Он ростом был не больше пули,
Которая осталась в дуле
Оружья, брошенного в поле,
Когда убийцу побороли,
Обезоружили, связали...

Вот был каков птенец голубки!
Он вылупился из скорлупки,
Как в оперенье из свинца,
Чтоб коршуны
Не растерзали!

1957

ШАГИ

Враги
Или друзья?

О, торная стезя,
Понять мне помоги —
Лаская иль грозя
Во мгле звучат шаги?

Едва ли разберешь
По шепоту подошв, по голосу калощ,
Кто дошел, кто, в общем, пошл,
Кто плох и кто хорош,
Кто — как нечистый дух и кто душой убог...

А топот этих двух совсем как четырех.
Есть и такой мирок!
И чуть не сотней ног, за неимением рук,
Владеет тварь одна,
Годна
Лишь под каблук.

Но вдруг
Взметнулся мрак от вздоха каблуков,
Должно быть, вот таков спасенных моряков
По суше первый шаг,
И ноги от оков освобождают так.

Как будто на лету перевалив черту,
Перешагнув предел,
Он что-то разглядел с альпийского плато.

Кто?
Я не знаю кто.
Но я как будто сам
Шагал вот так сквозь мрак.
И можно по шагам
Понять —
Кто друг,
Кто враг!

1958

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Новое
Поколение
К нам благосклонно,
Как к древним,
Будто бы в отдаленье,
Окаменелые, дремлем.

Взят
Я тобой за живое!
Этого не скрывая,
Я оживаю,
Киваю
Каменной головою.

Спрыгиваю
С пьедестала,
Ставлю тебя на него я,
Чтоб чело твое заблестало
Лавровою листвою.

И, триумфальной трубою
Провозгласив восхваленья,
Живо справляюсь с тобою,
Новое поколение!

1958

* * *

Еще
Боятся
Высоты:
Мол, с высоты легко сорваться
И ввысь уж лучше не соваться.

Еще
Боятся
Простоты:
Мол, попросту не столкнуться.

Еще
Боятся

Наготы,
Хоть фиговые листы
Смешны, чтоб ими прикрываться.

Еще
Боятся
Красоты,
Боятся с ней соприкасаться:
Мол, очень трудно разобраться,
Как будто бы в глазах двоятся
Ее блестящие черты,
Отсюда — бденья и посты.

О ты,
Простак,
Пойми же ты:
Ты в рубище лженищеты
За крохами встаешь в хвосты,
Когда кругом твои богатства,
Твои сокровища таятся,
Твои труды,
Твои мечты.

1958

* * *

Что делается
В механике,
И в химии,
И в биологии,—
Об этом знают лишь избранные,
Но, в общем, пользуются многие:
Излечиваются хворости,
Впустую сила мышц не тратится...

Но где-то на пределах скорости,
Где бешена частиц сумятица,
Ворочается зверь искусственный;
Ворчит, себе добычи ищет он,
Зверь механический, бесчувственный,
Детально вымерен и высчитан.

Чтоб не пожрал он ваши домики
Со всеми вашими надеждами,
Остерегайтесь быть невеждами
В политике
И в экономике!

1958

ЛЮДИ

Люди,
В общем,
Мало просят,
Но дают довольно много.

Люди
Многое выносят:
Если надо — ходят в ногу,
Устают, недоедают.
Но уж если взрыв за взрывом,—
Этот ад надоедает
Даже самым терпеливым.

Люди,
В общем,
Мало знают,
Но они прекрасно чувствуют,
Если где-то распинают
И кого-нибудь линчуют.
И тогда творцов насилья
Люди смешивают с пылью,
Сбрасывают их со счета.
Не по людям их работа!

Люди,
В общем,
Мало верят
В заклинанья, в пентаграммы,

А своею меркой мерят
На фунты и килограммы,
И на ярды, и на метры.
Счет иной еще не начат.

Люди,
В общем,
Незаметны,
Но довольно много значат!

1958

* * *

Когда раскапывали Помпею,
Был обнаружен в пепле ряд пустот,
И затруднялись люди, не умея
Какой-то метод, этот или тот,
Тут применить, чтоб разгадать загадку.
Но всё же догадались наконец,
С раствором гипса приготовив кадку,
Лить в дырку гипс, как в формочку свинец.
И этот гипс, заполнив пустоту,
Застыл и принял очертанья тела,
Которое давно уже истлело
В объятых пепла, и не красоту
Являл тот слепок, а предсмертных мук
Невыразимо ясную картину —
Несчастливого помпейского детину,
От глаз не отрывающего рук.

Я видел эту жуткую статую,
Напоминающую о беде.

И если слышу проповедь пустую,
Хоть чью угодно, безразлично где,
И если слушаю пустые строфы,
И перед беспредметным полотном,—
Я думаю лишь только об одном:
А какова причина катастрофы?

1958

* * *

Да здравствуют
Искатели дорог!
Ведь тяжело лишь преступить порог.

О человек,
Следы твоей ноги
Ясней всего во времени я вижу,
Как шел ты от Лютеции к Парижу
И в Улан-Батор от Урги.

Зыбучесть дюн,
И скользкость автострад,
И в омуты засосанные весла...
Бесчисленное множество преград!

Есть путь из Петербурга в Ленинград,
И путь от Христиании до Осло,
И путь, что через Новый Амстердам
Довел до колоссального Нью-Йорка.

И нет конца заботам и трудам,
И каждый шаг — весьма крутая горка,
А всё же путь достаточно широк.

О вечные искатели дорог,
Со всеми вами я готов идти,
Поскольку мне любая речь понятна!

И только с теми мне не по пути,
Кто, точно в фильме, пущенном обратно,
Гремя вооруженьем до зубов
И яростен до белого каленья,
Дошел до Геркулесовых столбов
Унылых грез взаимоистребленья!

⟨1959⟩

* * *

Невозможно
Жить на белом свете
И кружить лишь по своей орбите,
Не вникая ни во чьи дела,
Будто где-то на иной планете
Погибают женщины и дети
И набат гудят колокола.

Невозможно жить на белом свете,
Не вникая ни во чьи дела!

1959

Там же со мной
Жизнь и свет
Не встану ни во рту змея
и яруны мои по странам
* * * * *
* * * * *
И шепотом колотки

Посудите:

Можно-ли жить и светить
Не встаная ни во рту змея
и ~~яруны мои по странам~~
Не ~~яруны мои по странам~~, как вдали
На соседней уже пещере и ласкаться
Идущим пещерным животным в колокола
И ризам маленьким зря
На обратной стороне лампы?

ПЕСНИ

Пришел и требует:
«Давай мне песен!»
Чтоб я ему, как в лавочке, отвесил,
Разок отмерил да семь раз отрезал
Такого, чтоб от радости воскрес он!

Вот человек! Ведь в этом прямо весь он:
Когда он грустен — дай веселых песен,
А если весел — просит слезных бусин.
Ведь вот каков! Таким и будет пусть он
И требует, наверно, по праву.
«Что ж! Выбирай, которые по нраву!»

И выбрал он. И слышите: запел он,
Кой-что не так поет он — переделал,
На свой он лад слегка переиначил.
Но слышите: ведь петь-то всё же начал,
Как будто хочет заново слагать их
Своим подружкам в новомодных платьях.
Почти свои поет, а не чужие...
А я и рад, чтоб люди не тужили!

1959

ВЕСНА

Весна
Стояла затяжная:
По снежной глади неподвижной
Всё тот же след тянулся лыжный,
Когда исчезнет, сам не зная.

Туманной этою весною,
Казалось,
Не дождешься зною:
Всё было холодно и голо,
И по затонам пароходы,
Не ожидая ледохода,
Уже просили ледокола
Помочь им, носом в льдинах роясь.

Весна
Ждала,
В туманах кроясь.
Она была в лесах по пояс,
Как недостроенное зданье...

Но,
Нагоняя опозданье,
Вдруг понеслась, как скорый поезд.

Листва
Деревья покрывала
Поспешно со всего размаха,
Чтоб вещая кукушка-птаха
На голый лес не коковала.

Апрель и май
В одно сплетались
На циклопической арене,
И яблони, как кони в пене,
Встав на дыбы, так и остались,
Но тоже на одно мгновенье.
Мгновенье полного расцвета.

И сразу
Наступило
Лето!

1959

ГРАНИЦА

Ты
Не почитай
Себя стоящим
Только здесь вот, в сущем,
В настоящем,
А вообрази себя идущим
По границе прошлого с грядущим.

О, граница прошлого с грядущим!

Останавливаются у границы
Железнодорожные составы,

Экипажей целые вереницы;
Даже триумфальные колесницы
Останавливаются у заставы.

В придорожные кюветы
Опрокинуты носилки, паланкины,
Старые кареты, кабриолеты,
Ветхие велосипеды, мотоциклеты,
Персональные машины,
Устаревшие летательные аппараты,
Недостаточно могучие аэростаты,
Неуклюжие исполины «цеппелины»,
Чьи-то невзлетевшие ракеты —
Мощных сил напрасные затраты,
Неосуществленные желанья.

В то же время —
Обрати вниманье:
За границу прошлого с грядущим
Переваливаются неподвижные сооружения,
Передвигаются зданья,—
Самые разнообразные созданья
Человеческого гения,
Если они выдерживают эти перемещения
И не разваливаются при этом до самого
основания,—
Все эти храмы, ангары, цирки, стадионы
и пантеоны...
Видишь, какие-то мраморные колонны
Через пограничное поле тащит трактор.

Главное же —
Атомный реактор!
Вот что нужно осторожно, с тактом
Переправить не во вред контактам
За границу прошлого с грядущим.

1959

НЕБО И ЗЕМЛЯ

В расширяющейся Вселенной,—
Если это действительно так,—
Что ты чувствуешь,
Обыкновенный
Человек,
Неученый простак?

Эти споры о красном смещенье,
Возле них создаваемый шум
Не приводят в смущенье
Твой ум.

И когда
Разбеганье галактик
Наблюдаешь в космической мгле,
То, не столь теоретик, сколь практик,
Обращаешь ты взоры
К земле.

Всё
Стремится
Здесь сблизиться, слиться:
В косяки собираются птицы,
В элеваторы льется зерно,
И, устав проклинать и молиться,
Людам хочется быть заодно,
Чтобы спорился труд вдохновенный,
Окрыляя людские сердца
В этом мире,
Вот в этой Вселенной,
Расширяющейся
Без конца!

1959

* * *

Он
Перед нами
Открывает душу,
А может быть, и новые моря,
И новую неведомую сушу,
И глубь, и высь...

Короче говоря —
Вдруг видно всё, чему еще не верят
К вчерашнему привычные глаза,
Чего вершки вчерашние не мерят,
Вчерашние не держат тормоза.

Как открывает новую планету
Среди небесной бездны астроном,
Так открывать приходится поэту
Весь этот мир.
Ведь ни о чем ином —
Об этом что ни миг, то новом мире
Ведет он нескончаемый рассказ,
И горизонты делаются шире
От этого у каждого из нас.

1959

ЛЕНИНСКИЕ ГОРЫ

Лазоревая станция
Меж небом и волной
Без каменного панциря
И пышности лепной,
И без иного прочего,
Что тягостно для глаз...
Твоя настала очередь
Вот именно сейчас!

1959

* * *

Намеренья.
Легко ли разгадать их!
Что это? Клятва в дружбе до конца?
Иль, может быть, сплетаются в объятьях
Два дьявольски упорные борца?

Один другого повалить стремится,
Прижать коленкой, превратить в раба,
Но, глядя на улыбочатые лица,
Никто не знает, что идет борьба.

А может быть, что даже от испуга
Сцепились так и, будто столп за столп,
Стремятся удержаться друг за друга
Среди потока беспокойных толп.

⟨1960⟩

ПАН

Давно
Окаменела Афродита,
До дырок изнасилась козья шкура,
Которой опоясывалась Греция,
Но хитрая догадка Демокрита,
Дойдя до римлян через Эпикура,
Воскресла в изложении Лукреция.

И плыл
Корабль среди Архипелага,
И донеслись отчаянные крики
До мореходов с острова пустынного,—
Сатиров безутешная ватага
Заголосила: «Умер Пан Великий!
Скончаются все боги до единого!»

Но все-таки
Не все исчезли боги:
Есть терем на земле Замоскворечья,
Там под медвяным серпиком на убыли
Сам древний Пан, мохнатый, козлоногий,
Из полутьмы мечтателям навстречу
Дудит в дуду о милом друге Врубеле.

1960

В ДЕВЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО СЕДЬМОМ

В девятьсот девяносто седьмом,
В девятьсот девяносто восьмом,
В девятьсот девяносто девятом
Человеку с нетвердым умом
Даже благовест мнился набатом.

Извергались вулканы.
Их дым
К небесам подымался седым,
И на них появлялись кометы.
И на смену отчаянных зим
Наступали студеные лета.

Замерзала в июле вода,
Рыбы дохли под коркою льда,
И от стужи сады увядали.
Люди Страшного ждали суда
И второго пришествия ждали.

Содрогалась поверхность земли.
Всюду ужас царил.
Короли
Отрекались от распрь.
Пилигримы
Бесконечными толпами шли
По дорогам к Иерусалиму.

И у нас, вероятно, была,
Как и всюду, большая тревога,
Но по милости господа бога
До потомков одна лишь дошла
Запись:
«Бысть наводнение многа».

Видно, мы во величье немом
Не внимали латинцам проклятым
В девятьсот девяносто седьмом,
В девятьсот девяносто восьмом,
В девятьсот девяносто девятом.

1960

ТОХУ-ВО-БОХУ

Знаете ли вы,
Что такое тоху-во-боху?
Это библейское слово обозначает
Первоначальный хаос —
Неразбериху и суматоху.

Словом,
Ненастье опять началось.

Дождь
Лил сорок дней и сорок ночей.
Начались наводнения, почти что потопа,
Во многих странах Европы,
А на всех незатопленных трассах
В один изумрудно-рубиновый зыбкий ручей
Сводянулись машинные фары и стопы.

И тогда
На одной из самых больших европейских рек
Появилось не что иное,
Как самый обыкновенный Ноев ковчег.
Он причалил к причалу.
Все кинулись интервьюировать Ноя.

И закричал Ной:
«Господа,
Как это можно, чтоб в нашу эпоху
Этот новый потоп поглощал города
И, увы, буги-вуги плясала вода
В стиле старобиблейского тоху-во-боху.

Вы, стремящиеся завершить то, что господу богу
Не вполне удалось,
То есть окончательно упорядочить
первоначальный
хаос,

Вы, в небеса возносящиеся подобно Еноху,
Почему же, — ответьте на этот вопрос! —
У себя на земле допускаете старобиблейское
тоху-во-боху?

Вы,
Овладевающие Луной,
Создающие циклотроны и продающие изотопы, —
Неужели не можете справиться даже с этой одной
Из самых культурнейших рек Европы?!

О, человеческая семья!
Неразбериха и толчея
Так разрастаются час от часу,
Что, кажется, буду не в силах и я
Вам запустить голубку Пикассо!»

1960

Трава
Никудышная, сорная,
Но в теплом своем естестве
Земля, точно женщина черная,
Покоится в этой траве.

А к ночи еще и красивее
Вся с ног и до головы
Во мгле, точно женщина синяя,
Восстанет земля из травы.

И глянут на землю на дальнюю,
На весь ее тусклый покров,
На смутность ее глобальную
Глазища иных миров.

Зеленая, желтая, бурая,
В пустынях, в горах и лесах
Земля, точно женщина хмурая,
Пригрезится им в небесах.

Но всё это только поэзия,
Романтика только одна,
И чем бы там в небе ни грезили —
Земля не такой им видна.

Их грезы с моими не вяжутся,
И женщиною земной
Им даже и вовсе не кажется
Земля моя вместе со мной.

1960

ВОСПОМИНАНЬЯ

Надоело! Хватит! Откажусь
Помнить всё негодное и злое —
Сброшу с плеч воспоминаний груз
И предам забвению былое.

Сбросил! И от сердца отлегло,
И, даря меня прохладной тенью,
Надо мною пышно расцвело
Всезабвенья мощное растение.

Но о чем мне шелестит листва,
Почему-то приходя в движенье
И полубессвязные слова
В цельные слагая предложенья?

Либо листья начал теревить
Ветерок, недремлющий всезнайка:
«Не забыл ли что-нибудь забыть?
Ну-ка хорошенько вспоминай-ка!»

Либо птички бьются там сердца,
Вызывая листьев колебанье?
Но перебираю без конца
Я несчетные воспоминанья.

Не забыл ли что-нибудь забыть?
Ведь такие случаи бывали.
...Нет! Воспоминаний не убить,—
Только бы они не убивали!

1960

ГОРА

Так
Велика
Гора черновиков,
Бумаги каменеющая масса,
Что, кажется, за несколько веков
Мне разобраться в этом не удастся.

И не отточишь
Никаких лопат,
Чтоб все пласты поднять вот эти снова,
Где происходит медленный распад
Неуловимых элементов слова.

Но
Ведь ничто не сгинет без следа,—
Во что-нибудь оно переродится,
И это нечто, скажем кровь-руда,
Не мне, так вам однажды пригодится.

Быть может, всё,
О чем ты лишь мечтал,
Сольется в бездне кладовых подземных —
В металл, который только бы летал
И для решеток был негож тюремных;

В тот матерьял,
Которому дано
Работать не по-прежнему на сжатье,
А лишь на растяжение, чтоб оно
Не превратилось в новое распятые.

Возвел я
Эту гору не один,
И, подымаясь на ее обрывы,
В мерцанье снеговых ее седин
Я различаю многие архивы.

Пусть к ним
За рудокопом рудокоп
Приложат нерастраченную силу —
Напомнит им гора черновиков
Всё, что угодно, только не могилу.

1960

ОБВАЛ

Был
Безмятежен
Мир долины —
Покой заречной стороны,
Где в этот полдень грели спины
На солнцепеке валуны,
И в придорожных канавах
Спокойно подсыхала слизь,
И лошади в осенних травах
Стреноженные паслись.

И вдруг
Как будто
От погони
Все скопом через реку вброд
Заковыляли эти кони

В деревню до своих ворот,
Как будто задрожало поле,
Шурша, заискрилось жнитво.
Откуда это? С неба, что ли?
Ведь мы оттуда ждем всего!

Нет!

Там

Не пахло потрясеньем.

Все авиавензеля

Висели в воздухе осеннем

Спокойно. Но сама земля

Заколебалась. Взмыли гривы,

И желтый лист забушевал...

Ведь всё ж кругом не только взрывы,—

Быть может, попросту — обвал?

Сронил,

Быть может,

Праха груду

Обрыв какой-нибудь, ползуч?

Ведь столько есть еще повсюду

Таких неукрепленных круч,

Что камни, пролежав, быть может,

Тысячелетия ничком,

Вдруг, будто что-то их тревожит,

Кувыркнувшись, встают торчком.

Но,

Как всегда,

Над головою

Висел обрыв береговой.

И вдруг там появились двое.

Он бледен был. Был сам не свой.

Да и ее лицо бесстрастно

Зияло бледностью. И врозь

Они пошли. И было ясно —

Меж ними всё оборвалось.

1960

КОРЕНЬ ЗЛА

Вот он, корень,
Корень зла!
Ох и черен
Корень зла!

Как он нелицеприятно
Смотрит с круглого стола,
Этот самый корень зла!

«Надо сжечь его дотла,
Чтоб исчез он безвозвратно!»
— «Ну, а если не поможет
И опасность лишь умножит
Ядовитая зола?»

Побоялись уничтожить!
И опять колокола
Бьют тревожно и набатно,
И скорбей не подытожить,
И отравы садит пятна
На болящие тела.

Неужели же обратно
Закопают
Корень зла?

1960

ЛЖЕТЕ

Видеть время,
Проходящее
По назначенному кругу,
Понимать происходящее
Редко ставилось в заслугу.

И еще гораздо менее
Поощрялось, позволялось
Предугадывать затмения,
Но и это вычислялось.

Словом, хочется не хочется,
Как бы вы ни волновались,
А великие пророчества
Неминуемо сбывались.

Вот над этим мир и трудится.
И когда свистите, ржете,—
Мол, не выгорит, не сбудется! —
Думаю спокойно:
«Лжете!»

1960

* * *

Сколько ты ни шевелись там,
Подколотная змея,—
Интернационалистом
Был и впредь останусь я,

Ибо в глубине России,
Где родился я и рос,
Где узоры ледяные
На оконцах вил мороз

И в степях фата-моргану
Порождал июльский зной,—
Ощущал я постоянно,
Чем он дышит, шар земной.

Над равниной плодородной
И пустым солончаком
Телеграф международный
Мне о братстве пел людском.

И из кожаного меха
Мне кумыс цедили: «Пей!»
Люди юрт, где по лемеху
Тосковала гладь степей.

И ввели меня, младенца,
Под изгнаннический кров
Хмурые переселенцы
С прибалтийских хуторов.

И гудел железный кабель,
Старый датский телеграф:
«Люди — братья: Каин, Авель!»
И, конечно, был он прав.

И когда под хмурым небом
Гнали пленных с фронта в тыл,
Мы бедняг кормили хлебом,
Чтобы взор их не остыл.

Так вдали, в глуши, в Сибири,
На народ смотрел народ —
В представлениях о мире
Назревал переворот:

Для друзей — душа открыта,
Будь хоть смугл, хоть белокур...
И в степях боролся Тито,
А в урмане Бела Кун.

1960

ДЕКАБРЬ

Кто там
Возле университета?
Вероятно, это сам декан.
Ничего подобного!
Ведь это
Сам Декабрь. Ровесник он векам.

Он идет в калошах-исполинах,
И, конечно, весь проспект притих.
Меховые девушки в витринах
Тупо смотрят в глубь себя самих.

Он в пенсне, в каракулевой шапке,
Снег ему садится на усы.
Но не бойтесь, если вы не зябки.
Даже не хватайтесь за носы.

В предвесенних голубых глубинах
Он и сам рассеется, как дым.
Шелковые девушки в витринах
Улыбнутся людям молодым.

1960

* * *

Я разговаривал
С одним врачом,
Работающим в сложной атмосфере
Районной поликлиники, причем
Уже пятнадцать лет, по крайней мере.

Не о болезнях говорили мы,
А говорили мы об их причинах,
Вернее — о бушующих пучинах,
В которых тонут слабые умы.

«А надо ль ставить так вопрос ребром,
Твердить про преступления и ошибки?
Быть может, лучше люминал и бром,
Слова уклончивые и улыбки?»

Нет! Ясность — и холодная — нужна,
Чтоб дальше не росла температура,
Хотя бы и чувствительно нежна
Больного деликатная натура.

И в чем таится здравия залог —
Понятно всем: давно настало время
Решительно возвысить потолок,
Дабы в него не упиралось темя.

И разобьются темные очки,
Исчезнет всё душевное смятенье,
Разымутся рецепты на клочки
И сгинут никчемушки-бюллетени.

1960

* * *

Я провожал
Учительницу средней,
Нормальной школы, где преподают
Ничуть не хуже, чем в любой соседней...

«По-видимому, всех, кто отстают,
Мне подтянуть за четверть не удастся,
Но всё же есть и несколько таких

Сверходаренных мальчуганов в классе,
Что я, конечно, знаю меньше их! —
Сказала мне учительница. — Дети —
В какой-то мере знают больше нас,
И надо думать при любом ответе,
Чтоб не смеялся весь девятый класс.
И если что-то не дает покоя,
То не тетрадки и не дневники,
А эта снисходительность, с какою
Взирают на тебя ученики».

И по лицу,
Довольно молодому,
Вдруг пронеслась мечтательная тень.
Учительницу
Я проводил до дома.
Она закончила рабочий день.

1960

* * *

Стихотворцы
Говорят стихами,
Пылкие ораторы — речами,
Солнце изъясняется — лучами,
Модницы — мехами и духами...

Я всё это
Ясно ощущаю —
Я вдыхаю,
Слушаю,
Читаю,
Но в конце концов предпочитаю
Видеть собственными глазами
То, что звездам чудится ночами,
То, о чем трибуны не сказали...

И поэтов
Трудное молчанье
Иногда звучит
Как обещанье!

1960

Рукава,
Острова...
Это — дельта речная.
Вот она какова,
Вечереть начиная.

А вдали,
За лукой,
Где волнам нет покоя,
Уходя на покой,
Виснет солнце мирское.

От тебя,
О земля,
Уплывая куда-то,
Силуэт корабля
Встал на фоне заката.

Погляди,
Погляди,
Как слились с полутьмою
Далеко позади
У него за кормою

Дон имен,
Нил чернил
И какие-то реки,
Что исчезли навеки
В океане времен.

1960

ЛЕНИНСКИЙ ПРОСПЕКТ

Вот
Идешь ты,
Мирный человек,
Только под ногами
Временами
Вдруг
Возьмет
И глухо хрустнет снег,
Как о выстреле воспоминанье.

Это
Только хруст
И только скрип,
И как будто нету основания,
Чтобы вновь сакраментальный гриб
Вырос над людскими головами.

Пусть
Грибками
Славится кефир!
Видишь, всюду вывесок сверканье:
«Мясо», «Рыба», «Птица», «Обувь»,
«Ткани».

Добрый мир.

Добрый мир,
Который я люблю,
Ты недавно вышел из окопов.
Я тебе чего-нибудь куплю
В магазине изотопов.

1960

* * *

Отмечали
Вы, схоласты,
Птолемея
Юбилей.

Но дошла к вам
Лет так за сто
Весть, что прав был
Галилей.

Но
Плечами вы пожали:
Мол, отрекся
Галилей!

Отмечать
Вы продолжали
Птолемея
Юбилей.

1960

* * *

Где-то там
Испортился реактор
И частиц каких-то напустил.
Известил о том один редактор,
А другой не известил.
И какой-то диктор что-то крикнул,
А другой об этом ни гу-гу.
Впрочем, если б и никто ни пикнул,
Всё равно молчать я не могу!

1960

* * *

Я видел,
Как он борется со львом!
Был этот лев отчаянно когтист;
Хвост с кисточкой
Хлестался,
Словно хлыст.

Но,
Будучи разумным существом,
Знал человек:
Затеяна борьба
Не просто так, с каким-то диким львом,
А с гордым львом,
Сорвавшимся с герба.

Так
И с двуглавым бился он орлом,
И с одноглавым так же длился бой.
Немало бился человек в былом,
С разнообразным он боролся злом,
А может быть, боролся сам с собой.

Всё может быть!
Пойди его пойми.
Он на своей сияющей звезде
С ужаснейшими борется зверьми,
Которых сам насотворил везде!

1960

Мы
Правдой
Мир вооружаем.
Не нужно этой старой лжи,
Что мы кому-то угрожаем,
Что, угрожая, обнажаем
Мы возраженья, как ножи.

Нет,
Миру мы не угрожаем,
И, бесконечно дорожа им,
Любовью по нему томясь,
Мы любим, но не обожаем,
Очеловечивать стремясь.

Я люто не люблю еля,
И раздражаюсь я, когда
Вдруг зазвучат слова дряхлее,
Чем нас взрастившая среда.

Бывает мне противно слушать
Слова, лакеям по плечу,
Как, например: «Извольте кушать»,
Когда я просто есть хочу!

Я люто не люблю еля...
Так говорящего жалею:
Изволь такому существу
Внушить, что на моей земле я
Не проживаю, а живу.

1961

ВОЗНЕСЯ В КОСМОС ЧЕЛОВЕК

Всё —
Как он набирался сил,
Как в небесах владел собой
И невесомость выносил —
Да пусть почувствует любой
Из нас!

Он делал всё для нас с тобой,
Он делал всё за нас с тобой,
Над нашими плечами мчась.

Вознесся
В космос человек,
Оставив за своей спиной
Свой шар земной с его весной,
С его «холодную» войной,
Со стужей, вклинившейся в зной,
И с кипятком подземных рек
Под леденистой пеленой.

Вознесся
В космос человек,
Но это вовсе не побег
Из повседневности земной.

Вознесся
В космос человек,
Секретом неба овладел,
И возвратился человек
И снова землю оглядел:
Напрашивается масса дел!

Еще недужен лик земли,
Еще витает горький прах
Сынов земли, которых жгли
Вчера на атомных кострах.
А сколько на земле калек!

Поставим этому предел,
Поскольку, силою богат,
Ворвался в космос человек,
И возвратился он назад,
И убедился человек,
Что доброй воле
Нет преград!

1961

КУРСКИЙ ВЫСТУП

Помню
Над тобой, Орел,
Марево, как ореол.
Я проснулся утром рано.
Вот и луг среди тумана.
До чего же нежен луг,
Вероятно — Бежин луг.
Как прекрасно всё вокруг!
И прекрасная поляна —
Это Ясная Поляна.

Только почему же вдруг
Ощетинились луга
Там, где жив пастух с дудой,
Вздروгнули в лугах стога,
Будто вспомнили врага?

Это — Курская дуга.
Вечно дышит кровь — рудою!

1961

НЕУЯЗВИМОСТЬ

Мечется
Человечество —
Мучится, мается,
Падает, поднимается,
Топчется, пятится,
Сына убив, принимается
Вновь восхвалять отца.

Длится сумятица.

Мучится человечество,
Плачется, молится.
Ужас за ужасом гонится,
Страхи за страхи цепляются.
Древле был страх омонголиться,
Позже был страх отуречиться,
После был страх онемечиться...

Но и не окитаится,
Как и не ояпонится,
И не обамериканится
Страждущее человечество:
Было оно человечеством,
Так оно им и останется,
Страждущее человечество.

Мучится человечество,
Но по необходимости
Учится человечество
Собственной неуязвимости,
Чтоб величайшею ценностью
Люди могли обеспечитья —
Личной неприкосновенностью
В шумной семье человечества.

1961

* * *

Я с Музою
Глубокой ночью
Шел около «Националя».
Дул ветер, облачные клочья
Про ураган напоминали.

И будто бы в ответ на это
Блеснул из мрака диск, повисший
На стенке университета,
Как некий символ правды высшей.

Сказала Муза:
— «Приглядишься-ка
К барометру. Ведь с неких пор там
Былое пониманье с диска
Бесследно оказалось стертым:
Там, где стояло слово «Буря»,
Теперь написано — «К осадкам»,
Чтоб это небо, брови хмуря,
Не угрожало бы касаткам.
Смотри! Взамен «Великой суши» —
«К хорошей, сказано, погоде»,
Чтоб не смущались наши души,

Чувствительные по природе».
 Кто сделал эти измененья
 Непогрешимую рукою,
 Тот, безо всякого сомненья,
 Хотел глубокого покоя.
 И только надпись «Переменно»
 Не превратилась в «Постоянно»
 Над диском белым, точно пена
 Бушующего океана.

1961

ВО-ПЕРВЫХ, ВО-ВТОРЫХ И В-ТРЕТЬИХ

Всего
 Еще понять не можем —
 Как видно, время не пришло,
 И долго мы не подытожим
 Всего, что произошло,

И обо всех
 Явлениях этих
 Твердим казенным языком:
 «Во-первых, во-вторых и в-третьих».
 Но даже в случае таком —

Во-первых:
 Немы от разлуки
 На колоссальной вышине,
 Вновь запросились в наши руки
 И серп и молот на Луне;

И, во-вторых:
 Вдруг замаячил
 Всё резче Марса уголек,
 И путь туда казаться начал
 Не столь далек, не столь далек;

И, в-третьих:
 Ближе к нашим крышам
 Венера подошла, звезда:
 «Вы слышите меня?» — «Мы слышим!»

Всё это началось тогда,
Когда
Весенним утром ясным,
Земля, вознеся над тобой
В своем комбинезоне красном
Пилот, от неба голубой.

1961

ВЕСНА

Он
Всю
Европу
Взял в объятья
С Норд-Капа и по Закавказье,
Ее блистательное платье
Забрызгав дождиком и грязью,
И усмехнулся он невинно,
Что это — не его вина,—
Большой веснушчатый детина,
Так называемый — Весна.

1961

ТЕРРИКОНЫ

Вы,
Степные исполины,
Терриконы-великаны,
Тащатся к вам на вершины
Вагонетки-тараканы.

И с вершин я шелест слышу,
Шепчет осыпь: «Сыпьте, сыпьте,
Громоздите нас превыше
Пирамид в самом Египте».

Может быть, степей просторы,
И сады, и огороды —
Всё схоронится под горы
Отработанной породы?

Нет, конечно! Не придется
Вам столь гордо возвышаться:
Все вопросы производства
Будут иначе решаться.

И скакать по вам не станут
Вагонетки, точно блохи.
Вас едва-едва помянут
В новой, атомной эпохе.

И тогда в своей гордыне,
Терриконы-великаны,
Сгорбитесь вы на равнине,
Разве только как курганы.

Так порой и в человеке
Пропадает всё живое,—
Возвышался в прошлом веке,
А глядишь —
Оброс травой.

1961

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

Я вспомнил их, и вот они пришли. Один в лохмотьях был, безбров и черен. Схоластику отверг он, непокорен, за что и осужден был, опозорен и, говорят, не избежал петли.

То был Вийон.

Второй был пьян и вздорен. Блаженненького под руки вели, а он взывал: «Пречистая, внимли! Житейский путь мой каменист и торен. Кабатчикам попал я в кабалу. Нордау Макса принял я хулу, да и его ли только одного!»

То был Верлен.

А спутник у него был юн, насмешлив, ангелообразен, и всякое творил он волшебство, чтоб всё кругом сияло и цвело: слезу, плевков и битое стекло преображал в звезду, в цветок, в алмаз он и в серебро.

То был Артюр Рембо.

И может быть, толпились позади еще другие, смутные для взгляда, пришедшие из рая либо ада. И не успел спросить я, что им надо, как слышу я в ответ:

— Переводи!

А я сказал:

— Но я в двадцатом веке живу, как вам известно, господа. Пекусь о современном человеке. Мне некогда. Вот вы пришли сюда, а вслед за вами римляне и греки, а может быть, этруски и ацтеки пожалуют. Что делать мне тогда? Да вообще и стоит ли труда? Вот ты, Вийон, коль за тебя я сяду и, например, хоть о Большой Марго переведу как следует балладу, произнесет редактор: «О-го-го! Ведь это же сплошное неприличье». Он кое-что смягчить предложит мне. Но не предам твоей сатиры бич я редакционных ножниц тупизне! Я не замажу кистью штукатурка готическую живопись твою!

А «Иностранная литература»¹, я от тебя, Рембо, не утаю, дала недавно про тебя, Артюра, и переводчиков твоих статью: зачем обратно на земные тропы они свели твой образ неземной подробностью ненужной и дурной, что ты, корабль свой оснастив хмельной и космос рассмотрев без телескопа, вдруг, будто бы мальчишка озорной, задумал оросить гелиотропы, на свежий воздух выйдя из пивной.

И я не говорю уж о Верлене,— как надо понимать его псалмы, как вывести несчастного из тьмы противоречий? Дверь его тюрьмы раскрыть! Простить ему все преступления: его лирическое исступление, его накал до белого каленья! Пускай берут иные поколения ответственность такую, а не мы!

Нет, господа, коварных ваших строчек да не переведет моя рука, понеже ввысь стремлюсь за облака, вперед гляжу в грядущие века. И вообще, какой я переводчик! Пусть уж другие и еще разочек переведут, пригладив вас слегка.

Но если бы, презрев все устрасенья, не сглаживая острые углы, я перевел вас,— все-таки мишенью я стал бы для критической стрелы, и не какой-то куро-петушиной, но оперенной дьявольски умно: доказано бы было всё равно, что только грежу точности вершиной, но не кибернетической машиной, а мною это переведено, что в текст чужой свои вложил я ноты, к чужим свои прибавил я грехи и в результате вдумчивой работы я всё ж модернизировал стихи. И это верно, братья иностранцы, хоть и внимаю вашим голосам, но изгибаться, точно дама в танце, как в данс-макабре или контрдансе, передавать тончайшие нюансы

¹ Журнал «Иностранная литература», 1962, № 2.

Средневековья или Ренессанса — в том преуспеть я не имею шанса, я не могу, я существую сам!

Я не могу дословно и буквально, как попугай вам вторить какаду! Пусть созданное вами гениально, по-своему я всё переведу, и на меня жестокую облаву затеет ополчение толмачей: мол, тать в ночи, он искажил лукаво значение классических речей.

Тут слышу я:

— Дерзай! Имеешь право. И в наше время этаких вещей не избегали. Антокольский Павел пусть поворчит, но это не беда. Кто своего в чужое не добавил? Так поступали всюду и всегда! Любой из нас имеет основание добавить, беспристрастие храня, в чужую скорбь свое негодование, в чужое тленье — своего огня. А коль простак взялся бы за работу, добавил бы в чужие он труды: трудолюбив — так собственного пота, ленив — так просто-напросто воды!

1962

* * *

Я куплю себе усы и бороду,
И переоденусь, и тайком
С черным зонтиком пройду по городу,
Притворяясь старым стариком.

На скамейку сяду, носом клюнувши,
В сквере, где резвятся малыши,
А затем преобразусь я в юношу
И расхожусь от всей души.

Сам не знаю, по какому поводу,
Но всего скорее потому,
Что, напялив и усы и бороду,
Был уверен я, что их сниму!

- 1962

ТОМЛЕНЬЕ

Томленье...

Оленье томленье по лани на чистой поляне;
Томленье деревьев, едва ли желающих пойти на поленья;
Томленье звезды, отраженной в пруду,

В стоячую воду отдавшей космический хвостик пыланья;
Томленье монашки, уставшей ходить на моления против
желанья;
Томленье быков, не желающих идти на закланье;
Томление рук, испытавших мученья оков;
Томленье бездейственных мускулов, годных к труду;
Томленье плодá: я созрел, перезрел, упаду!

И я, утомлен от чужого томленья, иду.
От яда чужого томленья ищу исцеленья. Найду!
И атом томленья я всё же предам расщепленью —
С чужим величайшим томленьем я счеты сведу навсегда.
Останется только мое,
Но уж это не ваша беда!

1962

КРУГИ ПО ВОДЕ

Вдруг
Что-то случилось —
Споткнулось неведомо где,
Подпрыгнув, упало,
Как будто томясь, что взлетело,
И вы разбежались,
Как будто круги по воде,
Как будто от камня,
А может быть,
Мертвого тела.

1962

НАД ФИЛОСОФСКИМ СЛОВАРЕМ

Когда луна
Встает над морем,
Покачивая головой,
Вселенная, о чем мы спорим?
Я вслушиваюсь в голос твой.

Всегда изменчивая, вечно
Горящая в ином огне:
«Я безгранична, но конечна!» —
С угрозой твердишь ты мне.

Но всё же знаю я отлично:
Раскинутая надо мной,
Конечна ты, но безгранична,
И в этом смысл совсем иной.

...Луна плыла, волна дробилась,
И под приморским фонарем
Вселенная со мной склонилась
Над философским словарем.

1962

* * *

Мир,
Тот, которым мы владеем,
Нов!

Он нов,
Как будто взят и перекован
Весь от своих покровов до основ.
До самых недр, до сердцевины нов он!

Обновлены
От бездн и до вершин
И вкус его, и запах, и окраска.
Есть слухи, что при помощи машин
Прodelана такая перетряска.

Но, может быть,
И внешний вид людей,
И все эти машины, аппараты
Не более чем просто результаты
Великого могущества идей?

А! Пусть он длится,
Вековечный спор.
Но я лишь за одно могу ручаться,
Что этот мир — он нов до самых пор,
Из коих
Мед,
И пот,
И яд
Сочатся!

1962

Много еще неясности
И там и тут.
Всяческие опасности
Нас стерегут.

Но я не заметил ненависти
К себе нигде,—
Надо лишь откровенно вести
Себя везде;

Надо лишь неизменно идти
Тропой своей,
Чтобы и через стены пройти
С толпой друзей;

Надо самозабвенно грести
Своим веслом,
Так, чтоб всю пену ненависти
С волны снесло —

В бешеном мире зыбкости,
Где бьют в глаза
Брызги соленой жидкости:
Кровь, пот, слеза!

1962

НАСТОЯЩЕЕ МГНОВЕНЬЕ

Нет
Ничего
Тебя виднее,
О настоящее мгновенье!
Но, кажется, всего труднее
Определить твое значенье.

Иной
Вперед
Глядит со страхом,
Себя сомнениями муча:
А вдруг возьмет и канет прахом
Наставшее благополучье?

И в рассуждении былого,
Морщинистого и седого,
Не хочет он сказать ни слова
Хорошего или худого.

Томятся робкие сердечки
Перед часами, на которых
Звучат секунды, как осечки,
И хорошо — не вспыхнет порох.

И раздаются песнопенья:
«Будь так любезно, сделай милость,
О настоящее мгновенье,
Не утверждай, что ты свершилось!»

1962

* * *

Знаешь,
Почему мне удаются
Переводы с польского — Словацкий,
Лирика его и драмы?

...Это было еще до революции.
Вспоминаю город азиатский;
Этот северо-восточный ветер,
Проникавший сквозь двойные рамы
В бани, в храмы, в церкви и мечети,
И в костел, в малюсенький костелик,
Созывавший дребезжащим зовом
Этих полек...

Помню этих полек —
Экономку в домике ксендзовом
И других заядлых католичек,
Губы сжаты, а глаза стеклянны,
И немало помню детских личек.

Я, конечно, был еще ребенок
И не задавал себе вопросы,
Почему над кровлями избенок
Этот шпиль готический вознесся;
Не гадал я, по какой причине,

Преисполнены печали,
Жалкие обрывочки латыни
Изнутри костелика звучали;
Я не знал ни о каких восстаньях
И ни о каких не ведал судьях, —
Знал я о Викториах и Франях
И отцах их, мирных добрых людях,
И не ощущал, что это — внуки
Каторжных и ссыльнопоселенцев.

А Словацкий мне попался в руки
Много позже. Он не для младенцев.

1962

НЕБЕСНЫЙ КУПОЛ

А всё же
Есть небесный купол —
Из радиации футляр!

Как странно,
Что его нащупал
Мечтатель древний, и за шар
Еще земли не принимая,
Воображая, что — плоска,
Но всё же ясно понимая:
Есть нечто вроде колпака.

Вот он,
Людской бессмертный разум:
Есть эта сфера, путь лучей,
Чтоб старчески-ребячьим глазом
Понять не сразу суть вещей
И свода тусклое мерцанье
Отвергнуть, а затем принять,
Как отрицанье отрицанья...

Да как за это и пенять!

1962

ПРОСТОТА

Ты
От меня
Желаешь простоты,
И хочешь ты, чтоб у твоих я ног
Как полевые расцветал цветы,
А ты из них вила себе венки.
О, мудрая действительность сама
С биением механическим в груди,
Речей ты этих и не заводи —
Мне кажется, что я сойду с ума!

Но ты любезно говоришь:
«Сойди!»
Вот именно того я и хочу —
Безумия, священного огня! —
И снова я в ответ тебе кричу:
«Ты простоты желаешь от меня!
И этого ты требуешь сейчас,
Когда земли меняется лицо,
И из ноздри последнее кольцо
С улыбкой изымает папуас,
И дьявольски разумные черты
Приобретают облики машин...
Ты от меня желаешь простоты!»

И мне на это отвечаешь ты:
«Да!
Только так доходят до вершин!»

1962

СТАРЫЕ ВРЕМЕНА

Думаешь —
Раньше
Спокойней жилось?
Да перестань же!
Наивничать брось!
Идиллии Феокрита?
А знаешь ли, в чем тут собака зарыта?
Кризис аграрный!
Дафнис и Хлоя?

Но ведь и Лонг вспоминал про былое?
А шатобриановские дикари?
Разве такой была американская явь!
Всё навывдумывал он, черт побери.
Словом, что ты ни говори,
А я не поверю. Оставь!
Так уж всегда толковать повелось:
Прежде, мол, лучше, чем нынче, жилось!
Хорошо, хорошо
Жил с пастушкой своей пастушок!
Хорошо, хорошо, что не стерли тебя в порошок,
Уцелел, не погиб, в неприятность не влип,
Не пропал ни за грош,
Никуда не попал за здорово живешь!
Ведь, куда ни взгляни ты и где ни копни —
Натыкаешься всюду на череп и кость,
А говоришь,
Что в былые дни
Лучше жилось,
Спокойней жилось!

1962

* * *

Сначала
В облачный сосок
Всосалось взвинченное море.

Вся масса
Кинулась в бросок
Со взморья прямо на предгорья.

И смерч
Рассыпался в горах...

А вы,
Лежавшие на пляже,
Смотрели.

Это был не страх,
И не было волненье даже.

До вас всё это не дошло.
Поймите! Мимо протащило.

А сколько крыш к чертям снесло —
И радио не сообщило!

Смерч
Шел, невесть на что гневясь,
Не ваши страсти в нем кипели.

А если б
Он пошел на вас —
Ну вот тогда бы вы запели!

1962

* * *

Одни
Ворчат мне:
«Будь умней!»
Другие просят:
«Будь наивней!»

Одно другого мудреней...

Одни
Вопят:
«Сердитей будь!»
Другие стонут:
«Будь сердечней!»
Как будто бы хотят мне грудь
Раздуть,
Как некий мех кузнечный.

Иные —
Можно ль их винить! —
Задумали
Непогрешимой
Кибернетической машиной
Мне голову заменить.

А я
Таков, каков я есть.
Я знаю, уяснил давно я:
Одни
Хотят одно прочесть,

Другие же —
Совсем иное!

Но
Делаю я,
Что хочу,
За то меня земля и терпит:
Как молот, бью,
Как серп, блещу
И трепещу,
Как лунный
Серпик.

1962

В ЯДРЕ

Ты
Хороша,
Ты молода,
Моя прекрасная Земля.
Пускай
На солнце иногда
В отчаянные холода
Все шестьдесят ниже нуля,
Но сколько градусов в тени,
Внутри тебя, в твоём нутре?

Ты отвечаешь:

«Загляни,
Что делается в ядре!»

Земля!
А может быть, пошло
На убыль древнее тепло?
А может быть, наоборот,
Оно растёт из года в год,
День ото дня в твоей груди?

Ты отвечаешь:

«Погляди!»
Ты говоришь мне:
«Посмотри,
Что делается внутри,
Внутри мороза и огня,
Внутри тебя, внутри меня!»

1962

УСПОКОИЛСЯ ВОЗДУХ

Успокоился воздух,
И дубравы, и нивы...
Только где-то на звездах
Какие-то взрывы.

На земле уже нет их,
И довольно, не надо!
Лишь на дальних планетах
Звучит канонада.

На земле нашей тоже
Так бывало когда-то —
На груди ее лежа,
Умирили солдаты,

Догорали селенья,
Вился пепел угасший...
«Это были мгновенья,
Предыстории нашей!» —

Так бы крикнуть хотелось,
Что от всяких напастей
Прочь Земля отвертелась
И в беду не попасть ей.

Успокоился воздух,
Успокоились воды...
Только где-то на звездах
Воюют народы,

Города догорают,
Стреляют орудья
И невинных карают
Неправые судьи.

1962

СИЛА ТЯЖЕСТИ

Не грезится,
Я этого не выдумал,
А то и дело в руки лезут мне

Предметы, вещи тяжести невиданной,
Не соответствующей их величине.

Ведь иногда
Ложится у чернильницы
И лист бумажный, как свинцовый пласт,
И не пойму, во что всё это выльется,
И помощи никто тут не подаст.

Да и перо
Такой огромной тяжести
Оказывается иногда в руках,
Что еле движется оно и кажется,
Что ничего не скажется в строках.

Бывало так
И с разными подарками —
Не сдвинул с места даже я иных,
Так и оставил где-нибудь под арками
И в темных нишах разных стран земных.

Так тяжелы
Находки были многие,
Что даже не решался их нести,
А оставлял до срока у дороги я,
Но в жизни нет обратного пути.

Все эти вещи
Тяжести немыслимой,
Порой как будто даже неземной,
Обуглены, заржавлены, окислены,
Как и сейчас лежат передо мной.

Но это всё
Не с неба всё же валится,
А зародилось на земле сырой.
Тут можно удивляться и печалиться,
Но я привык. И кажется порой:

Он попадетя
В руки мои длинные,
Рычаг, такой весомости предмет,
Что, понатужась, Землю с места сдвину я,
Чего не мог и мудрый Архимед.

1962

ВЗРЫВ

Мне,
По существу, у Айвазовского
Нравится одна картина — «Взрыв».
За день до кончины Айвазовского
Начата, — наутро не был жив.

Он ее бы зализал, наверное,
Если бы не умер. И она,
Думаю, что мне бы не понравилась,
Если бы была завершена.

Но, незавершенное, завещано
Мне оно и будущим векам.
Это будто яростная трещина —
Так вот извергается вулкан.

Это не корабль, а мироздание
Рушится на жестком полотне.
И незавершенное создание:
«Берегись!» — напоминает мне.

Руки, дрогнув, кисть к чертям отбросили.
Озарил мглу глубокой осени
Бездна взрыва, бледное пятно.
...Съездите однажды в Феодосию
Посмотреть на это полотно.

1962

КАМНИ

После
Сумрачной полночи
Утро выдалось солнечное.
Мы вскочили в такси
И помчались подальше от города
На быструю Истру.

Мчались мы по Руси,
Миновали Рублево,
За Барвихой свернули налево и взяли направо.
А потом
За деревней Петрово
Мы закончили путь на картофельном поле.

Это поле
Невольно заставило вспомнить былины:
Величавые камни на нем так печально торчали.
Первый камень похож был на оттиск ступни исполина,
А второй походил на тяжелую голову гнома.
Было много еще и других.

Крылось в них что-то мощное, но и что-то беспомощное,
Что-то древнее, вечное, будто бы предчеловечное,
Смыслом еще не отмеченное,
Но уже искалеченное, искособоченное.

Я, взирая на них,
Ни о чем не спросил агронома.
Но, с трудом
Отшвырнув
Гладкий камень, похожий на кость великанши,
Сам сказал агроном:
«Это то, что исчезнет не раньше,
Чем его уберут. Нужен труд здесь и труд!
Ибо эти поля под картофелем и под морковью
Основательно засорены
Ледником, что когда-то, дойдя до равнин Подмосковья,
Много всяческой всячины нес, в том числе — валуны».

Да! Вот они, последнего оледененья следы.
Будем думать: сюда не вернуться уже никогда
Скандинавские льды.

Приближалась прополочная.
В ожиданье страды
Зеленели кругом огороды, сады беспечальные.
За деревней Петрово-Дальнее
Золотились пруды,
Будто вместо воды
Наполняло их масло подсолнечное.

После
Сумрачной полночи
Утро выдалось солнечное.

⟨1963⟩

Мои
Товарищи,
Поэты,
Вы
Быль и явь
И тайный знак,
Любые времена приметы
Читать умеете ли так,
Как Ленин свежие газеты
Читал в Разливе у костра?

Мне
Кажется:
У нас,
Поэты,
Мысль
Недостаточно
Остра!

1963

СТИКС

Пещера
Закоптела от свечей
И факелов. Я выпачкал ладони.
Рассеянно, не слушая речей
Ни об Аиде и ни о Хароне,
Я наблюдал, как Стикс лился во мрак...
Но постепенно с обстановкой свыкся.
И, может быть, не следовало так,
А все-таки
Я руки вымыл в Стиксе.

Я в Стиксе вымыл руки.
Утекла
По Стиксу копать факельно-свечная.
Отмыл я в Стиксе руки добела,
И часто я об этом вспоминаю.
И где бы ни был я, куда б ни плыл,
Какие бы на свете Рубиконы,
В конце концов, я ни переходил,

Каким бы прорицаниям Сибилл
Я ни внимал,— глядели благосклонно
Все божества:
«Он руки в Стиксе мыл!»

1963

НА БЕРЕГУ

На берегу
Я человека встретил,
На берегу морском;
На берегу, где ветер так и метил
Глаза мои запорошить песком;
На берегу, где хмурая собака
Меня обнюхала; а с вышины,
За мной следя, тарачился из мрака
Своими кратерами шар луны;
И фонари торчали, как на страже,
Передо мною тень мою гоня...

А человек не оглянулся даже,
Как будто не заметил он меня.
И я ему был очень благодарен —
Воистину была мне дорога
Его рассеянность. Ведь я не барин,
И он мне тоже вовсе не слуга.

И нечего, тревожась и тревожа,
Друг дружку щупать с ног до головы,
Хоть и диктует разум наш, что всё же
Еще полезна бдительность, увы!

1963

ПЕРЕВОД С ГРЕЧЕСКОГО

И если
Видится
Мне облик грека,
То вспоминается не век Перикла,
Но Греция двенадцатого века,
Которая увяла и поникла,
Когда погрязли в скверне византийцы,

И рушилась Империя,
И часто
Какие-нибудь воры и убийцы,
Смеясь, кичились званием себаста,
Когда в Афинах византийский мистик
Всё попирал, что дорого и свято...
Но лучшая из всех характеристик
Эпохи той — стихи Акомината;
Стихи Акомината Михаила,
Плач об Афинах, так назвать их, что ли...
Я перевел их, как умел.
Их сила —
Отчаянье, заряд душевной боли.
Вот замерший в Акрополе пустынном
Вопль под названием:

Любовь к Афинам

«Любовь к Афинам это начертала...
Их слава, что когда-то так блистала,
Теперь играет только с облаками,
Своих порывов охлаждая пламя
В тени руин. Не встанет перед взором
Величие былое, о котором
Вещало поэтическое племя.
Вожак эонов, мчащееся время
Сей город погребло под грудой сору
Среди камней, катящихся под гору.
И на ужаснейшее из страданий —
На муки безнадежных пожеланий —
Я обречен. Глаза бы не глядели
На то, что есть теперь на самом деле.
Иным еще попытки удаются
Иллюзией какой-то обмануться,
Чтоб встретиться, хоть с дружественным ликом,
А я в своем несчастье великом
Сравнюсь лишь разве только с Иксионом:
Как он когда-то в Геру был влюбленным,
Так я — в Афины; но, влекомый к Гере,
Хоть тень блестящую, по крайней мере,
Он брал в свои объятия. Увы мне!
Что воспеть могу я в этом гимне?
В Афинах обитаю, но в Афинах
Афин не вижу. Даже на пустынных

Развалинах, и их скрывая прелесть,
Лег жуткий прах. Куда же храмы делись?
Град бедственный! Как сгибло всё? Где скрылось?
Как всё в одно преданье превратилось?
Где кафедры ораторов? Где люди
Высоkochтимые? Где суд и судьи,
Законы и народные собранья,
Подача голосов и совещанья,
И праздники, и пифий вдохновенье?
Где мудрость стратегов в морском сраженье?
Где сухопутных войск былая сила?
Где голос муз? Погибель поглотила
Все доблести, присущие Афинам.
Они не оживают ни в едином
Биенье сердца. Нет и ни следа в них,
В Афинах, от достоинств стародавних!»

...И новый смерч прошел над этим тленом,
О мать божья, стало еще плоше
Твоим Афинам, сделавшимся леном
Какого-то Оттона де ля Роша.
Он герцогом афинским и фиванским
Назвал себя, бургундец нечестивый,
Когда достались крестonosцам франкским
И Неопатры, и Коринф, и Фивы!

1953, 1963

* * *

Тысяча девятьсот пятый —
Год рожденья моего!
Я не помню ни его набата,
Ни знамен и ни икон его;
И не помню, как экспроприатор
Вырывался из своей петли,
И того, как юный авиатор
Отрывался от сырой земли.

Где-то гибли, где-то шли на приступ,
Воздвигались новые леса.
Где-то Ленин целился в махистов,
В глубь вещей Пикассо ворвался,
Циолковский вычислял ракету,

Затрудняясь прокормить семью,
И Эйнштейн, еще неведом свету,
Выводил уж формулу свою.

Вот что над моею колыбелью
Колебалось, искрилось, лилось.
И каких бы стрел я ни был целью,
Сколько б их мне в тело ни впилося,
Сколько б трав ни выпил я целебных,
На каком бы ни горел огне —
Всё же сказок никаких волшебных
Нянька не рассказывала мне.

1963

АБРАМЦЕВО

Мы,
Ольга,
Привезли вам
Всякой всячины,
Но погодите накрывать на стол.

За дачами,
Среди листвы взлохмаченной,
Я рукопись Аксакова нашел,
Автографы Тургенева и Гоголя,
Да мало ли чего там есть еще!
Ночами не у вашего порога ли
Славянофилы спорят горячо?

Но ты не гредишь ни славянофилами,
Ни западниками. Так пойдем же в лес.
Из древних зарослей ты посох выломи,
Чтоб Васнецов какой-нибудь воскрес
И проявились признаки нетленного
В зеленом тлене, привлекавшем здесь
Серова, Нестерова и Поленова!
Но ты не гредишь этим. И не греди!

Ты слышишь: просит, чтоб ее пригубили,
Ключа животворящая струя.
Ценнейшими майоликами Врубеля
Забито русло тихого ручья.

Сгущается, насыщенная звездами,
Луной и солнцем, рыжая бурда.
С обломками керамики несозданной
На дачу возвратишься ты, горда.
Они валяться будут там до осени:
Домой их не захватишь — тяжело,
Да и поставить негде. Но авось они
Здесь уцелеют. Лишь бы повезло!
Так и останется лежать на столике
Луны и солнца целая гора.

Ты, Ольга, разбираешься в майолике?
Ну, до свиданья!
Нам домой пора.

1963

* * *

Не грозят мне
Ни топор, ни плаха,
И ни ночью, ни средь бела дня
Ощущения вины и страха
Не охватывают меня.

То есть, впрочем,
Чувствую вину я,
И, пожалуй, даже и свою,
Что людей не слишком я волную
И довольно сладко я пою.

Да и страх,
Порою и жестокий,
Дикий я испытываю страх,
Что не очень годен я в пророки,
Погибающие на кострах.

В остальном же
Парень я рубаха
И испытываю лишь во сне
Ощущения вины и страха,
Наяву несвойственные мне.

1963

ДЕРЕВНЯ

Сто тысяч окон...
Впрочем, нет, не сто,—
Мильоны окон светятся во мгле.
Так никогда не строили никто
На этой цепкой, глинистой земле.

Она известна, древность этих мест!
Я помню, как пылился здесь лопух.
Вот где-то тут куриный был насест,
А где-то тут искал зерно петух.

И кажется, что, где я ни копну,—
Везде увижу мокрую копну,
Трухлявость изб, глаголицу плетней,
Еще щербата от худых копыт,
Земля под тротуарами лежит
Здесь подо мной.

Нет!
Масса старых пней
И множество иссохших корневищ
Остались в ней.
Но в глубине жилищ,—
А обитает в них рабочий люд! —
Вы скажете, деревни этой нет?

О, есть она!
Взгляните: там и тут
В зеркальных окнах маково цветут
Клубничный и картофелевый цвет.
Вот именно: девчонка-курнофля,
Шубейка-бабка, этот старый дед
В серебряных сединах ковыля —
Отчетливейший, явственнейший след
На лицах их оставила земля.

Я говорю:
В домах живут поля,
А иногда дремучие леса,
Роса и голубые небеса.
И с высоты седьмого этажа

Деревня, не совсем как госпожа,
Но в то же время вовсе не раба,
Глядит на город. Вот ее судьба!

И, в общем,
Весела-невесела
Судьба такого бывшего села,
Но всё ж земле ее былую тишь
Не возвратишь.

Ночной гудрон
И шелестенье шин...
Законный ход вещей ненарушим,
Хоть и вздыхает, кто его вершит,
Но что ни час,
То явственней шуршит,
Шуршит земля, пшеничный твой венец,
Чьи усики как стрелки на часах.

Конечно,
Всё на свете наконец
Уравновесится, как на весах!

1963

* * *

Я, конечно, тоже недоволен
Очень многим и самим собою,
Как бывает человеческий воин
Недоволен продолженьем боя,
Тем, что надобно еще сражаться,
А не мира диктовать условия...
Очень тяжело распорядиться
И своею
И чужою
Кровью.

1963

Накапливается масса дел.
Они торопят и не ждут,—
Кого обул, кого одел,
Живет в достатке добрый люд.

А помыслами овладел?

Да, овладел. И наконец
Проделал вещь еще одну:
Затронул тайную струну
Так называемых сердец.

Затронул ты ее, задел.
И это не напрасный труд,
И слышно, как сердца поют...

Но есть ли помыслам предел!

1963

Я ПОДНЯЛ СТИХОТВОРНУЮ ВОЛНУ

Я поднял стихотворную волну,
Зажег я стихотворную луну
Меж стихотворных облаков
И вот решил: «Теперь возьму засну,
Засну теперь на несколько веков!»

Но я забылся не на сотни лет,
А стихотворный заблестал рассвет,
И не в мою он даже честь вставал,
А величайший наступил расцвет
Всего того, что я предсоздавал.

И будь я даже в сотни раз сильней —
Не мог бы на минуту хоть одну
Пресечь течение стихотворных дней,
Объяввших стихотворную страну!

1963

ВЕЛИКИЕ

О, крохотные бюстики великих,
Ни на вершок не сдвинутые с места!
Как благонравен коллективный лик их,—
Из одного как будто слеplen теста.

Как все они старательно учились,
Своим родителям пдвинувались,
Прилично, не крикливо одевались,—
Вот потому из них и получились
Такие, чтобы ими любовались.

И в умиление от таких рассказов
Под бюстиком сияет пьедестальчик.

О, как я ненавижу богомазов!

«...И Маяковский был примерный мальчик!»

1963

СТАРЫЕ ПОЭТЫ

Мы
Старые поэты,
Нас по счету
Не меньше, чем поэтов молодых.
От нас никто не требует отчета —
Ни от морщинистых, ни от седых.

Мы
Старые слова
Перебираем,
Что повторяли много-много раз,
И иногда мы будто умираем,
И на мгновенье забывают нас.

Но
Между тем
Мы часто воскресаем
И старые основы потрясаем!

1963

Есть горы,
Что остались до сих пор
Как крепости невзятый высоты.
А в очертаньях очень многих гор
Людские намечаются черты —
Их покорителей и их гостей.
Умеют солнце, ветер и дожди
Запечатлеть следы людских страстей
Там, где, казалось, даже и не жди.
А там, где люди двести — триста лет
Друг дружку загоняли только в гроб,
Похожи камни то на пистолет,
То на ядро, то попросту на дробь.
Но близ электростанции, где дрожь
Ее машин волнует грудь земли,
На шарикоподшипники похож
Развал камней, на втулки, костыли,
Как будто бы действительно дано
Следить за жизнью и обломкам скал:
Они, конечно, не разумны, но
И не глупее всяческих зеркал.

⟨1964⟩

НЕ ПО ПРОПИСИ

Не по прописи,
Не по описи
Знаю я, что живу на Руси,
А по живописи,
По летописи —
Древней скорописи
Нашей юности.

Вслед за изморосью
Ляжет изморозь,
Чтобы знала моя отчизна — Русь,
Куда мы торопимся
По осенней лиственной опали.

Каждый час
У нас
Красив на Руси —
И в багряной осенней окиси,
И в весенней березовой светописи.

Это знаю я не по прописи,
А по музыке, и по живописи,
И по скорописи
Скорбной летописи.

⟨1964⟩

* * *

Я
Тебя
Не умею беречь —
Раздражаю, сержу...

И себе я твержу:
«Не перечь,
Не волнуй,
Не серди!»

Это я не умею хранить твое сердце в своей
неудобной груди,

А взамен наполняю тебя беспокойством своим
И заботу свою предлагаю нести нам двоим.

Но теперь
Я волью
Тебе в жилы
Всю силу свою,
Чтоб ослабить в тебе
Всех молекул моих толчею.

И смотри —
Эту силу вбери
И впитай
И свою считай.
А меня не жалея,
Не болей!

1964

Был
Дождь как дождь,
Такой, как все дожди,
И я, в пылу от всяких мыслей злобных,
Воззвал к дождю:
«Хоть малость охлади!»

И вдруг услышал лепет капель дробных:
«Конечно же! Находишься среди
Тебе не чуждых и во всем подобных.
И неизвестно, кто еще живеи!»

И по-людски взметнули вихрь ветвей
Стволы деревьев на лесной опушке,
И соловей запел среди ветвей...
«Кому ты подражаешь, соловей?»

И соловей ответил мне:
«Лягушке!
А хочешь, так передразню оркестр,
Ведь ваши подражают мне певичцы.
Здесь, в этом мире, все для всех существ!
Здесь все для всех! И нечего удивиться,—
Как нам понравится — так и поем!»

И нефть, попав из бака в водоем,
Павлиний хвост внезапно распустила.
Она об органическом своем
Происхожденье снова загрустила.

И ветер закричал, что вообще
Нет меж природою живой и мертвой
Границ. И может в солнечном луче,
О человек, блеснуть потухший взор твой.

Конечно, так!
Не знаю разве я,
Что слеплены из одного мы теста?!
И мысль, что разум есть и у зверья,
Не вызывает у меня протеста.
Я сговорюсь с молчанием камней
И с вами, рыбы, как и с вами, птицы!..

Так почему же всё же всех трудней
Нам, людям, меж собой договориться?

1964

ВРЕМЯ

Чар
Потерянного времени
Полны доли и леса.

Шар
Потерянного времени
Улетел под небеса.

Жар
Потерянного времени
Сохранить не удалось.

Пар
Потерянного времени
Испускает паровоз.

Дом
Потерянного времени
Размышляет о былом.

Том
Потерянного времени
Запылился под стеклом.

Счет
Потерянного времени
Ржаво тикают часы.

Год
Потерянного времени
Лег безмолвно на весы.

Ход
Потерянного времени —
Он, увы, необратим.

В плод
Потерянного времени
И в зерно не превратим.

Тих
Потерянного времени
Вздых в бурьянах, в ковылях.

Вихрь
Потерянного времени
Зарождается в полях.

Пляс
Потерянного времени
Дик, зловещ. И не угас

Глаз
Потерянного времени,
Не взирающий на нас!

1964

РОВЕСНИК

Я жил
Во времена Шекспира,
И видел я его в лицо,
И говорил я про Шекспира,
Что пьесы у него — дрянцо,
И что заимствует сюжеты
Он где угодно без стыда,
И грязны у него манжеты,
И неизящна борода.
Но ненавистником Шекспира
Я был лишь только потому,
Что был завистником Шекспира
И был ровесником ему.

1964

СПИНОЙ К СПИНЕ

Мы плыли по отчаянным волнам
Без лодки и спасательного круга,
Но трудно было научиться нам
В крошечной тьме не различать друг друга.

А научились всё ж не различать,
И хоть не стали слепо-безъязыки,
Но научились всё ж не отвечать
Друг другу на отчаянные крики.

И научились всё ж не понимать
Мы, даже выйдя на берег, ни слова,
И научились всё ж не обнимать,
А лишь отталкивать один другого.

И, друг на дружку чем-нибудь влиять
Не в силах в одиночестве глубоко,
Мы научились все-таки стоять
Во время бурь один к другому боком.

Но всё же нет обратного пути,—
Друг с другом разлучиться не сумели
И научились все-таки идти
Плечом к плечу к одной и той же цели!

1964

ДОКЛАД

Придворные,
Свой образуя круг,
Ведут себя вполне низкопоклонно.

Но что же ты нахохлился, бирюк?
Не презирай моих покорных слуг,
Не тронь меня — и я тебя не трону!

...Кювье
О состоянии наук
Пришел докладывать Наполеону.

Что говорить —
Не очень милый гость.
Порою даже вызывает злость,
Как он, Кювье, умеет мыслить связно.
Он толковал: одну лишь дайте кость —
И весь скелет восстановлю заглазно...

«Докладывайте, господин Кювье!»

Аудитория разнообразна.
Все слушают.
Покинув ателье,
Угрюм Давид.
Фуше в свои досье
Внесет кой-что.
Рубиновым колье
Императрица блещет.
Рекамье
Внимает, преисполнена соблазна.

Но что такое говорит Кювье:
«Итак, вселенная вихреобразна!»

О, разбирайтесь вы в своем зверье,
А о вселенной не болтайте праздно!

И в язычках свечей взметнулась плазма.

Другое дело,
Если бы Кювье
Сказал:
Вселенная столпообразна,
Рогообразна иль трубоподобна,
Иль копьевидна, точно острие,
Иль седловидна, чтоб сидеть удобно!

Но тем не менее твердит Кювье
Свое:
«Вселенная вихреподобна!»

Ты это понимаешь ли, паук?
Не вечно продолженье мушьях мук,
А вихрь подхватит и твою корону,
Сорвет треух, и вывернет сюртук,
И свалит прочь Вандомскую колонну:

«Вихреобразно бытие!»

Вот так
Во дни Империи
Кювье
О состоянии наук
Докладывал
Наполеону.

1964

ДВЕНАДЦАТЬ ЦЕЗАРЕЙ

Вершители
Судеб старинных,
Познавшие и меч и яд,
В книготорговческих витринах
Двенадцать цезарей стоят.

Во всем величье, в тогах алых,
Чело увенчано, рот сжат,
На нескончаемых развалах
Двенадцать цезарей лежат.

И там, где, распирая стены
В час пик, проходит добрый люд,
В туннелях метрополитена
Двенадцать цезарей идут.

Идут, но слабо. Смотрит косо
На цезарей простой народ —
На них сегодня нету спроса,
Их в руки мало кто берет.

Не опрокинут святотатцы
Алтарь Свободы и Добра,
Проскрипции не утвердятся
Единым росчерком пера.

И, выскочив на полигоны,
Всё в мире видя в свете квант,
Не выскочит в наполеоны
Артиллерийский лейтенант.

Не узаконит беззаконий
Велеречивый адвокат.
...Не раскупается Светоний.
Двенадцать цезарей
Лежат!

1964

МАТЬ МАТЕМАТИКА

Где она —
Грань между прозой, поэзией,
Точной наукой?
Поди ее выяви,
Связь эту, часто неясную.

В новой
Маленькой, тоненькой, изданной в Киеве
Книжечке о бионике —
В. Долятовского с Инной Пономаревой —
Вот что рассказано:

«Мать известного математика К. Гаусса видела невооруженным глазом фазы Венеры и некоторые спутники Юпитера».

То есть:

Мать
Математика
К. Гаусса
Видела
Невооруженным глазом
Фазы
Венеры
И некоторые
Спутники Юпитера.

Это не фраза
Из прозаического рассказа.
Это — поэзия!
Стиль определяет тематика.
Вслушайтесь:
Мать

Математика
Гаусса...
Но не повторять же сначала всё!

Видите:
Мать
Математика Гаусса
Всё это видела въявь, а не грезила.
Это не мистика, не публицистика,
Это — поэзия!

1964

* * *

Чувствую я,
Что творится
За спиною у меня,—
Что поется, говорится
За спиною у меня.

Суетня идет, возня
И ужасная грызня
За спиною у меня.

Обвиняют, упрекают,
Оправданий не находят
И как будто окликают
Все по имени меня.

Кажется,
Что происходит
Это всё
Внутри меня.

1964

ПОЭТЫ

Когда
Того или иного
Поэта я перевожу,—
У них нередко слово в слово
Свои я мысли нахожу.

Вот этот
Лет на десять позже
Всё то же написал, что я,
Хотя и внешне непохоже
И жизнь у каждого своя.

А этот
Раньше лет на двести
Мои речения изрек,
Как будто бы писали вместе,—
Один висел над нами рок.

Но, в общем,
И на рок не ропщем,
И, видя мир во всей красе,
Одну и ту же кривду топчем
Всегда по-своему мы все.

1964

СУХИЕ КРЫЛЬЯ

И нынче
В книжных лавках
В изобилье
Стихи поэтов, старых чудаков,
Чьи имена давно мы позабыли.

Похожи книжки
На сухие крылья
Исчезнувших, погибших мотыльков.

Быть может, в колоссальном урагане
Те мотыльки куда-то унеслись?
Быть может, бедность и недомоганье
Им не дали сосредоточить мысль?

Ведь требуется мощное усилие,
Чтоб матерьялизовался дух!..

Они похожи на сухие крылья,
Но я их шелест слышу —
Я не глух.

1964

Кто вы,
Сочинители былин?
О далекие, как в небе звезды,
Что ни человек, то исполин,
Как вас звали, это неизвестно!

Даже автор «Слова о полку
Игореве» — кто такой он?
Юный воин? Старый воин?
Что он видел на своем веку?

О, баяны, ваши имена,
Ваших лиц Гомерово безглазье
Восстановит только разве
Кибернетика одна.

Восстановит разве лишь она
Электронною своей рукою,
Разве только лишь она одна...

Всякого обличья лишена
Тишина
Великого покоя.

1964

ЗАКАТ

Я видел
Картину такую:
День хмурый кончался печально;
Воткнулись в пучину морскую
Потоки дождя вертикально
Из тучи, нависшей продольно
Над бездной в районе заката...

И вдруг — аж глазам стало больно! —
Прорезался пламень квадрата.
Квадрат этот солнцем был.
В тучах
Возникло вдруг что-то такое,
Что самых чертежников лучших

Не вычертилось бы рукою.
И было понятно: квадратно
Не солнце, а, вероятно,
В сгустившихся тучах оконце,
Зияющее квадратно,
Квадратно, как будто бы крышка
Кубышки багряной узорной,
Квадратно, как будто бы вышка,
С которой взирает дозорный,
Квадратно, как будто фуражка
Какого-то конфедерата...

Но море, кипящее тяжко,
Одну половину квадрата
Отсекло...
И, слившись с волною,
Сочась в ее пенную холку,
Возникло в ней солнце иное,
Похожее на треуголку
Какого-то Багратиона,
А может быть, даже и Павла,
И, в бездну воткнувшись наклонно,
Оно побледнело, ослабло
И в меркнуще-тусклом окошке
Застыло на миг без движенья,
Как урна на собственной ножке
Слабеющего отраженья,
Набитая собственным прахом,
Как будто бы неугасимым,
Чтоб тучи, охвачены страхом,
Клубились над пламенным дымом.

1964

НА ФОНЕ ОБЛАКОВ

Мы
Снялись
На фоне облаков
В челноке, стоящем на вершине
Невысокого холма.

Вытащили, видно, в половодье
Тот челнок, да там и позабыли.

И стоит он на горе, на якоре
С якорною цепью, уходящей
В глубь оврага, в травы и цветы.

В этом снимке столько красоты,
Что фотограф даже не сумеет
Проявить его.

И ветер веет
Над прекраснейшим из челноков,
Этим вот, в котором я и ты
Будем плыть на фоне облаков.

1964

* * *

Империя,
Я видел твой закат!
Давно ли это было? Не вчера ли?
Как будто бы прошло не пятьдесят
Тревожных лет, а год тому назад
Танго в кинематографах играли,
Когда один знакомый адвокат
Сказал отцу: «Распутина убрали —
Теперь недалеко до баррикад!»

До баррикад! До бомбы! До штыка!
Еще часы тянулись, как века,
Еще мы Иловайского долбили,
Еще скрипела классная доска,
Но я-то знал:
Распутина убили —
И, значит, революция близка!

1964

ВИДИМОЕ И НЕВИДИМОЕ

Ты говоришь:
«Я это видел сам!»
Но всё ли видел?
И к земле и к морю

Ты приглядишься, и даже к небесам,
И расскажи.
А я с тобой поспорю.

Вот месяц вышел.
Кажется, с небес
Никто его не смоеет и не сдует,
Но то, что он реально существует,
Я отвергаю наотрез.
Считать за серпик этот лунный бок,
Кусочек шара, солнцем освещенный,
Способен лишь простак непросвещенный,
Коль мрак его невежества глубок.

Ты понял?
Далеко не целиком
Мы видим то, во что вперяем взоры.
Взглянуть хотя бы вот на эти горы,
Из-под земли встающие торчком.
Едва ли ясно представляешь ты,
Как, скрывшись под пустынями и степью,
Совсем иною новой горной цепью
Вновь вынырнут всё эти же хребты?

А этот лес! Тебе он виден весь?
Ты утверждаешь это? Но позволь же!
Лишь разве на три четверти, не больше,
Он виден. И всевиденьем не грезь.
Не замечаешь ты его корней,
Сосущих сок земли неумоимо.
Нет! Если видеть только то, что зримо,—
Весь мир намного кажется бедней.

Последствия мы видим без начал,
А иногда наоборот бывало:
Довольно ясно видели начала,
Последствий же никто не замечал!

1964

Мы
С Минского шоссе
Свернули за Тучково,
И вдруг во всей красе
Москвы-реки подкова!

В нее луны огонь
И звезд мерцанье влито.
Какой небесный конь
Сронил ее с копыта?

Ее мне не поднять,
В карман ее не спрячу,
Но надобно нанять
Здесь летом будет дачу.

1964

ЛУННЫЙ ВНУК

Этой старой деревни фактически нет —
Она была сожжена во время войны дотла,
И расплавились даже церковные колокола.

Теперь всё, кроме церкви, построено вновь:
В новых избах горит электрический свет,
На новых калитках новые почтовые ящики
для новых газет.

У новой изгороди новый мотоциклет,—
Словом, этой деревни нет, но она и не умерла.

Вечером из глубины этих новых изб,
Сквозь оконца которых маячат старинные призраки
женщин-икон,

Раздается мелодический визг,
Ибо чуть ли не в каждой избе не приемник,
так патефон.

И под этот мелодический крик и писк
Девушки изб
Либо пляшут над тихой рекой, либо плетут венки.

А старик
Обязательно смотрит на лунный диск
Через театральный бинокль.
«Что ты видишь? Дай посмотреть и мне!»
Но старик не выпускает бинокля из рук,
Потому что там, на Луне,
Живет внук.

Пусть говорят, что старик нездоров, не вполне он
в своем уме,
Но ведь внук не убит, и не сгинул в плену,
И не стал перемещенным лицом,—
Он был отважным бойцом на войне,
А после войны улетел на Луну,
И дело с концом.

Он в командировке, секретной пока, этот внук
старика.
Он работает там, на Луне, и усовершенствует
лунный свет,
Чтоб исправней сияла Луна и плыла, и плыла
Здесь, над этой старой деревней, которой
фактически нет,
Потому что во время войны вся она была сожжена
дотла.

1964

* * *

Месяц-
Отрок
Льет
Мед в рог
И опрокидывает
Свой же собственный мед
Через собственный рог
В свой же собственный рот.

Нет,
Не мед
Из космических сот,
И не ром, и не бром, и не грог,

Но азот с кислородом
Мечтает вдохнуть, проглотить месяц-отрок!
Ибо хочет с людскими дыханьями слить и свое он
дыханье —

Месяц-отрок из старых есенинских строк.
Месяц-отрок в скафандре из собственного сиянья,
Так мечтательно ставящий свой собственный рог
На порог
Своего серебристого шарообразного лунного здания.

1964

БАШКИРСКАЯ ПЕЩЕРА

Что знаете вы
О башкирской пещере?
Ответьте!

Известно об этой пещере, по крайней уж мере, лет двести.
Еще при царице Елисавете
Об этой пещере поведали русским башкиры.
Проверить известье
Один просвещенный ученый к пещере подъехал в карете,
Но все-таки не был фонарь, им зажженный в пещере,
Достаточно светел,—
Ученый всего не заметил.
Прошли и еще два столетья, и только на третье
Мы поняли, что за сокровища в этой таятся пещере,
Какие на стенах ее нарисованы твари, и птицы, и звери
Смолистую копотью факелов, угольной пылью
И охрою желтой, бордовой и красной...
О, эти копыта и хоботы, гривы и крылья —
Весь мир первобытный ужасный, опасный, прекрасный —
Олени и мамонты, тигры, слоны, носороги!

Но как это странно,— я просто с трудом в это верю! —
У этой пещеры два века стоять на пороге
И в недра пещеры не видеть короткой дороги!
Быть может, мешали какие-то древние двери?
Да нет, их и не было вовсе! А может быть, страхи, поверья
Мешали проникнуть нам в эти чертоги?
Быть может, какие-то боги

Нам путь преграждали? Да нет,— о богах позабыли
давно мы!

А может быть, всё же мешали какие-то гномы
Найти, что оставил для нас кроманьонец, художник
умелый,
В пещере над этой рекою, которая названа Белой?

Но вот заглянули мы в доледниковый период.
И только один я из этого делаю вывод:
Уж так мы устроены, люди, что будто туман над лугами
Скрывает всё то, что таится у нас под ногами,
И так повелось в этом мире, что часто веками
Не можем мы тронуть того, что у нас под руками,
И очень нередко сегодня не видим глазами
Того, что назавтра самим нам должно показаться азами.

1964

* * *

О, если бы писали мы
О том лишь, что доподлинно известно,—
Подумайте, о трезвые умы,
Как было бы читать неинтересно!

Не думал бы Колумб, что Индии достиг,
И Данте не изобразил бы ада,
И множества других докладов, песен, книг
Была бы недоступна нам услада.

Пойду — у папы римского спрошу:
«В непогрешимости удобный догмат
Вы верите еще?»
И точно опишу,
Как губы папы
От улыбки
Дрогнут.

1964

ХЛЕБНИКОВ И ЧЕРТИ

Знаете,
Каков был Хлебников?
Вы, которые храните его томики,
Вместо катехизисов и требников,
О, поклонники его архитектоники,—
Я расскажу вам о том,
О чем вы не прочтете ни в одном его томе.

Я жил с Хлебниковым в одном доме:
Мы на десятом,
Он ниже.
Нам, тогда еще почти что ребятам,
Он был в какой-то степени, разумеется, ближе,
Чем академические столпы.

Мы тогда из скорлупы
Только-только лишь и вылупились,
И подкармливали нас слегка
То поэзия,
То живопись,
То чертежная доска.

Непохожие на умников-разумников,
В сумерках мы не играли в схимников,
А любили с девушками милыми
Плыть в междупланетной пустоте,
Как и вы сегодня, над перилами
Лестничных площадок в темноте.

А когда они, сбегая,
Говорили: «Спать пора!» —
Затевалась и другая
Иногда у нас игра:
Тихо, чинно, аккуратно
Вперегонки вверх и вниз,
Кто вперед, туда-обратно
Мы по лестнице неслись.
Это, по-моему, и сейчас одна из любимейших игр
у детей.

Но однажды утром по дому прошел слух,
Что Хлебников ночью на лестнице видел чертей.

Мы сказали:
«Это мы!
Мы по лестнице носились, а совсем не духи тьмы!»
Нам сказали:
«Вы пойдите,
Так ему вы и скажите,
Ибо это не выходит у него из головы.
Объясните: это — вы!»

Мы приходим. На диване тихий Хлебников сидит.
Показалось, что вниманья он на нас не обратит
Или поглядит с укором на непрощенных гостей.
Мы ему сказали хором:
«Вы не видели чертей!
Это мы ночами носимся
Осторожно и молчком,
А хотите — это бросим всё,—
Мы прекрасно к вам относимся!»

И в ответ сказал он:
«Черти!»
В смысле, видимо, таком:
Чертенята, бесенята, окаянные ребята.
И об этом он уж больше разговаривать не стал...
В общем, выглядел он скверно, будто загнанная
серна.
И понятно: вероятно, он порядочно устал.

Это было незадолго до его смерти,
Много прежде, чем он встал на пьедестал.

1964

* * *

Наступает
Утро с ветром,
День играет за окном
Мехом, фетром и сукном.

Думается о портном,
Что склонился с километром
Над дорожным полотном.

Шьет он
Осени костюм,
Чтоб не шляться по гостям
Ей сейчас пришло на ум
В одеянии цветном,
А удачно поохотничать,
На болоте поболотничать,
Либо помотоциклетничать,
Или же посамолетничать,
С небесами посеCRETничать
Всё о том же об одном:

Наступает утро с ветром —
День осенний
За окном.

1964

МЕМУАРЫ

Мемуары...
Кто вспоминает постановки
И обстановку дореволюционного театра
И своего любимого декоратора,
Кто — первого авиатора,
Кто — последнего императора,
Кто — думские кулуары, кто — дамские будуары,
Пеньюары и прочие салонные аксессуары,
Кто — социал-демократов,
А кто и Саратов Ольги Сократовны.

На прудах колышутся
Ненюфары
Потому, что пишутся
Мемуары.

О Воронеж,
Ты снова
Кольцова
Хоронишь!

Тула
Ружейного дула,
Ты вновь вскипятила свои самовары!

Дрожь
Пробежала по нутру
Морей, и воздуха, и суши,
И заметались на ветру,
Как шубы вывернуты, души.

Но
Ничего наоборот
Я не нашел и в кислой шерсти,
Вспять не пошел коловорот,
Чтоб уничтожить след отверстий.

Я не увидел
Никакой
Обратной стороны медали:
Охваченные тоской
Не меньше прежнего рыдали,

А те,
Кто были влюблены,
Влюбленно целовались снова.
...Нет оборотной стороны
Существования земного!

1964

НАДЕЖДА

Со старым,
Кажется, покончено!
Отринув всё, что не годится,
От канцелярщины, казенщины
Решившая освободиться,—
Надежда в зеркальце глядится,
Еще не в силах убедиться,
Что звуки собственного голоса,
Что руки собственные, волосы —
Вот то,
Чем надо
Насладиться!

1964

КАКИЕ ВАМ СТИХИ ПРОЧЕСТЬ?

Какие вам стихи прочесть?
Могу прочесть стихи про честь,
Могу прочесть и про бесчестье —
Любые вам могу прочесть я,
Могу любые прокричать,
Продекламировать вам грозно...
Вот только жалко, что в печать
Они попали всё же поздно.

1964

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БАЛЛАДА

Кто такой
Филиппов?

Погодите:
Это не кондитер ли известный?

Нет! Другой Филиппов, не кондитер,
В Петербурге жил в квартире тесной.
Вы о нем, конечно, плохо знали,
И дошло до вас гораздо позже,
Что печатал он в своем журнале
Ленина, и Циолковский тоже
Опубликовал однажды что-то
В этом же «Научном обозренье».
Словом, шла научная работа.

И Филиппов был на подозренье.

И однажды,
Власти раздражая,
В прессе он отлил такую пулю,
Что, из Питера не выезжая,
Может вызвать взрывы и в Стамбуле.
Но, конечно, может-то он может,
Да не мыслит о таком злодействе,
А открытие конец положит
Всем возможностям военных действий.

Вот над чем трудился он ночами
Тихо-мирно на своей квартире.
Он такими пригрозил лучами,
Что невольно жить придется в мире,
Позабыв про всякие походы.
Он сказал: «Учтите, полководцы,—
В бой соваться будет неохота,
На орало меч перекуется!»

Не берусь гадать, чем было это.
Может быть, что в недрах кабинета
Измышлял он генератор света,
Фантазер, новатор по природе.
Всё это казалось чем-то вроде
Фантастических романов.

Но на троне
Восседал Романов,
И сидел, казалось, неподвижно.

А Филиппов,
Дед своим внучатам,
Вдруг скончался, и — скоропостижно,
И его архив был опечатан
Жандармерией...
Из сургуча там
Были пломбы...
Этих мерзких типов —
Сыщиков — не помните вы разве!
Так и умер
Михаил Филиппов...

Вот что я припомнил при рассказе,
Что такое лазер или мазер,
На какой они возникли базе.

⟨1965⟩

У ТРАМПЛИНА

За Университетом
Где-то на высоте там
«ТУ», на лету напоминая касатку,
Идет на посадку
И садится во Внуковском аэропорту.

О выходящий из самолета,
Кто ты,
Что видел ты
С высоты?

Вот он усаживается в автомашину,
Но только не в центр он стремится,
Как все,
А велит подвезти себя прямо к трамплину
На Воробьевском шоссе.
И, прислонившись к парапету,
Смотрит не за реку на стадион,
А на громадину
Университета.

Да, это он!
Он, просыпающийся временами
Прошлого века блистательный ум,
Автор и ныне читаемых нами
Воспоминаний —
«Былого и дум».

Да, это он здесь бродил с Огаревым
По Воробьевым горам.
Горы обводит он взором суровым:
«Витберг, не здесь ли задумал ты храм?»

Зодчий Витберг когда-то мечтал возвести здесь
Огромнейший храм Христа,
Но этот проект отвергли
И храм далеко не по замыслу Витберга возвели
в низине,
В районе нынешнего Каменного моста.
После революции этот храм был разрушен,
И вместо него порешили воздвигнуть Дворец
Советов.
Но не этой низины искала его высота!
И дело закончилось сооружением
Зимнего плавательного бассейна,
Действительно украшающего тамошние места.
А здесь, на горах, возникла громада
Университета,
Как не лишенная некоторых архитектурных
излишеств.

Но всё же в какой-то степени
Осушественная витберговская мечта.

Вот о чем думает Герцен,
Вот о чем шепчут его уста.
А может быть, это попросту шелест
Древесный слышится
Там, в пламенеющих зарослях
Университетских садов?
И о проектах и замыслах,
О вызреванье плодов
Думает Герцен,
А может быть, я ошибаюсь:
Вовсе не Герцен стоит,
Облокотившись на парапетный бетон,—
Может быть, это стою, улыбаясь,
Я, а не он.

<1965>

* * *

Я брежу
Только тем,
Чем бредить начал,
Когда передо мною замаячил
Рубеж, до коего мне не дойти,
И всё иду по этому пути,
Который я со смехом или плачем,
Но так или иначе обозначил
Давным-давно, пожалуй, лет с пяти.

Я рос
В пределах жуткой зимней стужи
И слезных весен.
Это был Восток,
Где летний зной был краток и жесток,
Вдруг таял снег, пересыхали лужи,
И уже реки делались и уже,
И неотцветший увядал цветок...
Вот почему я знал, что обнаружу
Подземных вод стремительный поток.
И вот он бьет,—
Я этому помог,
Но не везде он выведен наружу!

А города,
Возникшие в пустыне,—
Они мне снились знаете когда? —
Еще когда их не было в помине.
Дремля ребенком в зарослях полыни,
Планировал я эти города.
Я чувствовал: тут — уголь, там — руда,
А здесь и нефть взметнет хвосты павлиньи!

Они возникли, эти города,
Но всё же не везде и не всегда
Так велики, как грежу я и ныне,
И грезить продолжаю что ни день я
И что ни ночь.
И всё во мне поет,
Что не исчерпаны мои виденья,
И всё ж от моего воображенья
Действительность и ныне отстает.

И лишь тогда душа моя заплачет,
Когда все сны исполнятся сполна,
И ничего уж не переиначит
Застывшая в величии страна,
И новый день уже не будет начат.
И, постарев, пойму я: это значит,
Что и себя я исчерпал до дна.

1965

ЛЕНИН

Где Ленин?

Ленин в Мавзолее.
И на медали. И в звезде.

Где Ленин?

Даты, юбилеи...
Но где же Ленин? Ленин где?

Где Ленин?

Он на полках книжных.
Но не стоять же целый век
На постаментах неподвижных
Ему во мгле библиотек!

Где Ленин?

Поздний вечер манит
Спокойно погрузиться в сны,
Но Ленин вдруг в окно заглянет:
«А все вопросы решены?»

Где Ленин?

Вот его квартира,
Вот кабинет его в Кремле.

Где Ленин?

Там, где судьбы мира
Вершат народы на земле!

1965

* * *

Воспоминания зловещи,
И, знаешь сам, они нередки:
Соха, лучина, кнут — вот вещи,
Которыми владели предки.
Всё это мы храним, не пряча,
И в старине души не чаем,
Но и наследство побогаче
Своим потомкам завещаем,
Чтоб нас они не поносили
Перед музейною витриной,
В своей уверенные силе
И в нашей слабости старинной.

1965

УШЕДШИЙ В ЗЕМЛЮ

Действительность
С обыденностью тусклой
Вступает в спор, куда ни погляди...

Среди
Возвышенности
Среднерусской,
На широченнейшей ее груди,
В лесу, где я опенки собирал,
Не ожидая ничего иного,
Прекрасный камень, нет, не минерал,
А вроде как бы даже и коралл
Нашел я средь спокойствия земного.

Не объясню,
На что он был похож,
Но, на его любующись красоты,
Колхозницы сказали:
«Это соты,
Давно окаменевшие!»

Ну что ж,
Как вы хотите, чем угодно грезьте,
Как нравится, и говорите так,
Но знаю я: на этом самом месте,
Где ныне разрастаются ивняк,
И горькие рябины, и ольшаник,
И березняк, просящийся в предбанник,
Чтоб веником повиснуть на косяк,—
Здесь, в недрах недр, не высох, не иссяк,
А только дремлет Океан-изгнанник.

Он дремлет здесь, под каждою деревней.
Нет ни сирен в нем, ни океанид,
Но, самый первобытный, самый древний,
С лица Земли исчезнувший, хранит
Он всё, что надобно, уйдя в гранит.
Забыв о громовых своих раскатах
И потеряв рассветный ореол,
Один лишь путь обратно к нам нашел:
По буровым он скважинам пошел,
Чтоб подавать насыщенный рассол

Для солки шкур на мясокомбинатах —
Густой, при девятнадцати мороза,
Рассол, не замерзающий зимой
И в холодильниках.

«Какая проза!» —
Вы говорите...
Да! Охвачен тьмой,
Забыв о том, как в небе звезды пылки,
Невольник недр, он милостиво льет
В зеленые и тусклые бутылки
Струю шипящих минеральных вод.

1965

СИЛУЭТЫ ПНЕЙ

К вопросу о пейзаже наших дней:
Не на опушке и не на лугах,
А замечали вы на берегах
Водохранилищ силуэты пней
На высоченных тоненьких ногах
Своих же собственных сухих корней
И в сучковатых чертовых рогах,
Наверное, чтоб стало нам видней
Всё, что творилось прежде в глубине
Земли, пока, покорствуя волне
И ветру, не развеялись пески?
И сохнут пни, ничем уж не грозя.
Сказал бы даже Эрьзя, что нельзя
Использовать их боле мастерски.

1965

МЯГКАЯ РУХЛЯДЬ

Где
Шубы русские,
Где полушубки, шапки —
Вся рухлядь мягкая, хваленые меха?

Лиса
Поймала в поле петуха, —
Я видел сам отгрызенные лапки,

Но лисьих шуб я не нашел нигде —
Ни в сундуках, ни на каком гвозде
Не видел я огнистого пыланья.

«Сыщу ли на печи или в чулане
Хотя б тулуп какой-нибудь простой?»

«Нет,— говорят,— отыщете едва ли!»

Но мне сказала дочь крестьянки той,
Чьих куриц тоже лисы своровали:

«Конечно, мы не очень богачи,
А все-таки я нынче, коль случится,
Куплю манто.
Тот сорт каракульчи
Зовут туркмены «пламенем свечи».
Вы знаете — прекрасная вещица!»

1965

ВИДЕНЬЯ БОСХА

(Триптих)

1

Мне чудится, что жив художник Босх.
Брожу я с Иеронимусом Босхом
Отнюдь не в мире живописи плоском,—
Будь это «Мир искусства» или МОСХ,—
Но в бесноватом, узловатом, хлестком
И жестком, несмотря на внешний лоск,
Реальном мире, что от слез промозг.
Мы по газетным тычемся киоскам,
И радиомембраны говорят,
Где мор, где глад, где города горят.
Там счет потерян трупам распростертым,
И любомудрие летит в костер там,
Где песнопевцы виснут, вопия,
На лирах распяты...

«Их видел я! —
 Кричит мне Босх.— Но то была моя
 Фантазия. Сердца сосет змея!
 Мыслители по колбам и ретортам
 Рассажены. Но за каким же чертом
 Стал явью этот, лет пятьсот назад
 Мне, Босху, примерещившийся ад?
 Решили строить по моим наброскам
 Весь мир? Так что же в сей юдоли слез,
 Где розгами к блаженству путь зарос,
 Готовится и девам и подросткам?
 О, кажется, такой апофеоз
 Готовится, что не гожусь я, Босх, вам
 И в мальчики!»

Но дай задать вопрос
 Тебе, о Босх, в ответ на твой вопрос к нам:
 «Быть может, неизбежное ты, Босх,
 Предугадал? И в этом мире жестком
 И апокалипсически громоздком,
 Быть может, ты, художник, только воск
 В руках у жизни?»
 — «Нет, художник — мозг,
 Мозг человечества! — кричит мне Босх.—
 Его вотще ты сравниваешь с воском,
 Он не сравним и с электронным мозгом!
 И пусть мои прозренья озарят
 Ваш мир аэротрасс и автострад,
 Чтоб отцарил палаческий топор там,
 И чтоб не стало мрачным натюрмортом
 Живое всё, и чтобы верил я,
 Что ад земной — лишь выдумка моя!»

1965

ГОЛОС ПРИРОДЫ

Слышу я
 Природы голос,
 Порывающийся крикнуть,
 Как и с кем она боролась,

Чтоб из хаоса возникнуть,
Может быть, и не во имя
Обязательно нас с вами,
Но чтоб стали мы живыми,
Мыслящими существами,
И твердит Природы голос:
«В вашей власти, в вашей власти,
Чтобы всё не расколосось
На бессмысленные части!»

1965

* * *

Мир не до конца досоздан: небеса всегда в обновлениях, астрономы к старым звездам вечно добавляют новых.

Если бы открыл звезду я — я ее назвал бы: Фридман, — лучше средства не найду я сделать всё яснее видимым.

Фридман! До сих пор он житель лишь немногих книжных полок — математики любитель, молодой метеоролог и военный авиатор на германском фронте где-то, а позднее организатор Пермского университета на заре советской власти... Член Осоавиахима. Тиф схватив в Крыму, к несчастью, не вернулся он из Крыма. Умер. И о нем забыли. Только через четверть века вспомнили про человека, вроде как бы оценили:

— Молод, дерзновенья полон, мыслил он не безыдейно. Факт, что кое в чем пошел он дальше самого Эйнштейна: чуя форм непостоянство в этом мире-урагане, видел в кривизне пространства он галактик разбеганье.

— Расширение Вселенной? В этом надо разобраться! Начинают пререкаться...

Но ведь факт, и — несомненный: этот Фридман был ученым с будущим весьма завидным.

О, блесни над небосклоном новою звездой, Фридман!

1965

ВЕНЕРА

Зал опустел.
Вот наконец нас двое.

Ты под землей погребена была.
Как там спалось?

Венера повела
Куда-то ввысь надменною ноздрею,
Как будто говоря мне:

«Посмотри
На небосвод сквозь каменные своды:

Я в небесах плыла звездой зари,
А не в земле лежала эти годы!»

1965

В ПАРИЖЕ

В Париже
Я видел свечи
В форме березовых пней
И слышал русские речи
И прошлых и наших дней,
И русские видел сапожки
На ножках французских дам,
И русские чашки и плошки
В витринах я видел там,
Как будто бы в русские кубки
Французское льется вино,
И смахивающее на полушубки
Заметил я пальтецо.

Дело в том, что «ТУ-104»
И быстрота «Каравелл»
Сближают всё в этом мире,
Чтоб этот мир здоровел.
И видел я, улетаю,
Как в неопавшей листве
Снежинки кружились, тая,
В Париже, почти как в Москве.

1965

ПОДМОСКОВЬЕ

Не надо
Забираться даже в поезд —
Теперь почти дотуда и метро есть,
А там автобус,
Старый наш знакомец.

О, древняя глаголица околиц!
Расцвел подзол — поилец и кормилец.
Густ воздух от цветочного настоя.

Послушаем,
О чем поет здесь птаха?

Сельцо,
Крыльцо,
Кириллица перилец...

Но вовсе не в обличии монаха
Иную летопись колхозный Нестор
Печатает на пишущей машинке.

О чем?
О ценах на колхозном рынке,
О курочках, спорхнувших прочь с насеста,
И о вниманье к многолетним травам,
И обо всем, о чем полуустановом
Нельзя писать, как и славянской вязью,
Когда добиться хочется успеха
В делах необычайного размаха.

Но все-таки
О чем поет здесь птаха?

О том, что по полям и по дубравам
Пройдет здесь осень шагом величавым,
А в зимний день запахнет лыжной мазью
Лес в шапке из искусственного меха,
И, пользуясь беспроволочной связью,
Столицы несмолкаемое эхо —
Через транзисторы зальется Пьеха.

1965

ВНУТРЕННИЙ МИР

Вы
Во внутреннем мире
У ваших читателей были?
Все мерзлоты Сибири
Превратились там в рай изобилья.

Все нагие пустыни
В такую одеты одежду,
На которую ныне
Лишь только лелеем надежду.

И совсем как ответы
На сложнейшие наши вопросы,
Ярче, чем самоцветы,
Там горят плодоносные росы.

Тяготения гири
Давно превратились там в крылья.
Вы во внутреннем мире
У ваших читателей были?

Внешний мир изменился
Не настолько еще за полвека,
Чтобы в нем поместился
Весь внутренний мир человека.

1965

ВЕРВИ

В магазине
Хозяйственных изделий
Я подумал, что выставлены какие-то произведения
скульптуры,
Но на самом деле это были разных сортов
Витые веревочные фигуры
С несомненными признаками носов и ртов.

Некоторые
Напоминали
Лиц, связанных разными обстоятельствами.
Некоторые, будто бы и не вясь, и ничего не боясь,
Напоминали связанных данными обязательствами.
Словом, вместе с прямой тут была и обратная связь.

Некоторые верви
Крепки, как нервы
Либо арканы на шею врагам,

А потому и дают, наверно,
Как бы сами связать себя по рукам и ногам.

Некоторые связки веревок
Напоминали плутовок,
Так запутавших всё и такие кругом завязав узелки,
Что нельзя без опаски предвидеть развязки.

И поэтому
Многие веревочные мотки напоминали сжатые кулаки.

И мерцали веревочных статуй пеньковые глазки
Так, как будто от тренья дымятся в зрачках огоньки.

1965

* * *

В метрополитене,
В универмаге
И в шелестенье
Газетной бумаги —

От физического соприкосновенья
С тысячами сограждан
Я хотя б на одно мгновенье
Делаюсь как бы каждым.

Я пребываю
Как бы в их плóти
Всюду — в трамвае
И в самолете.

И пусть я не каждый,
Но знаю одно я:
Каждый однажды
Будет и мною.

Хоть на мгновенье
В движенье, в полете,
В метрополитене
И в самолете.

1965

О, Россия!

Издравле живу на Руси я,

И могу проспргать я:

«Азм есьм,
Ты еси...»

Я могу рассказать,

Чем жила ты, Россия.

Всё могу я поведать, о чем ни спроси.

О калине-малине, лаптях и булате

И о щак и о каше поведать берусь.

Если скажешь ты мне:

«Заберись на полати!» —

Заберусь и скажу:

«Исполать тебе, Русь!»

Но уж эти слова ты забыла, пожалуй,

Не поймешь, что такое хотел пожелать.

«На полати,— ты скажешь,—

Ложись да не балуй.

Посулил же такое, чудака: испылать!»

1965

ДВА ОБЛИКА

Два облака пронеслись,

Неясно видеоизменяясь,

Как протоплазма или слизь.

Два облака в одно срослись,

Как будто бы обороняясь

От вражьих сил.

Да не спаслись —

Рассеялись!

Но это — высь!

А на земле при лунном свете

Две тени крепко обнялись,

Два облика в один слились,

В мечтах лелея

Нечто третье.

1965

ЧЕРНЫЕ ТУЧИ

Тучи
Чуть ли не с целого белого света
Мчатся, чтоб вызвать листвы пожелтенье

Слушая этой листвы шелестенье,
Ты ли, душа моя, ищешь приюта
В белых березах и вторишь кому-то,
Будто стволы их похожи на свечи?

Эти церковно-приходские речи
Мне надоели до осточертенья!
Впрочем, ответу: и белые свечи
Могут отбрасывать темные тени,
Равно как самые белые ночи
Могут укутаться в серые тучи,
Равно как самые черные тучи
Дышат мерцанием белого снега,
Белого снега, летящего с неба.

Даже и не увидеть во сне бы
Столько прекрасного белого снега,
Белого снега.

Даже и полное благополучье —
Это отнюдь не ленивая нега!

1965

* * *

Есть люди:
Обо мне забыли,
А я — о них.
У них у всех автомобили,
А я ленив.

Поверхность гладкая намокла
И холодит.
Через небьющиеся стекла
Едва глядит
В лицо мне некто, на пружины
Облокотясь,

Он произвел такой толчок,
Что стряс
Весь груз
Слёз.

Вмиг
С глаз диких роз
Он сбросил груз слёз:
Чего их беречь! Испариться пора им!
И сорвалась вместе с ними
Вся грусть прочь с плеч диких роз.

Давай поиграем:
Я буду эльфом, а ты цветущим шиповником
Над божьим коровником,
А этот мир —
Раем!

<1966>

БИБЛИОТЕКА ГРОЗНОГО

«Неужели думаете серьезно вы, —
Спрашивают у меня друзья, —
Обнаружить библиотеку Грозного?»

«Да! — отвечаю я. —
Я не определил еще,
Где затаилось в земле
Это книгохранилище,
Но, возможно, и не в Кремле,
А скорее всего, уворовано
В годы смут, и по нынешний день
В Подмосковье оно замуровано
Под одною из деревень,
И как следует не дочитано,
Не разобрано до конца,
Под развалинами лежит оно
Я не знаю какого сельца.
Ведь бывали такие поместья:
Если не по углам, —
На чердак иль в подполье, под лестницу
Сваливали книжный хлам.
И давно уж исчезло именье»

И бурьяном покрылся пустырь,
А в земле — никуда не денется —
Всё лежит: и старинный псалтырь,
И писанья премудрости греческой,
И с латинского перевод
О жестокости нечеловеческой,
А быть может, и наоборот —
О терпеливости ангельской,
И какое-нибудь письмецо,
Например, королеве английской,—
Все лежит тут как тут, налицо!

Но что бы там ни было обнаружено —
Не изменится ничего,
Ибо люди дали заслуженно
Государю прозвание его,
И пускай это книгохранилище
Вдруг найдется хоть в шахте метро,—
Никакая не сможет силища
Превратить злодеяний в добро.
И всургучься печать Иоаннова
В телевизор, в повторный фильм,—
Ничего не изменится заново!

Факту этому для простофиль
Отыскать подтверждение некое
Окончательно я хочу,
И поэтому библиотеку я
Всё настойчивее ищу!»

⟨1966⟩

* * *

Небо
Вновь набито сероватой
Ватой ватников и тюфяков
И халатов рванью дырчатой.

Человек
Довольно бестолков,
Если до сих пор еще не в силах
Привести в порядок небеса,

Понаделать облаков красивых...
Этот век
Еще не начался!
<1966>

МНОГО ПРЕЖДЕ

Что я пишу?
О, я хорошо соображаю, что я пишу,
Вновь и вновь преобразаясь в мятущегося юношу,
С бурсаками припадавшего к медовоквасному ковшу
Много прежде, чем с буршами выпить кипучего пунша.

Я, когда-то
С казаками по Волге и Каме пробиравшийся на Тобол
и Иртыш,
А оттуда на Пяндж,—
О, не только затем, чтобы слушать восточные сказки
и притчи,—
На края Зороастра глядел по ту сторону гор-великанш
Много прежде, чем то, что сказал Заратустра,
Прочсть в изложении бедного Ницше.

И оттуда
Мне очень отчетливо были видны
И высоты Парнаса, и Эдд Скандинавские горы,
И за судьбы людские испытывал страх я и некое чувство
вины
Много прежде того, как попались мне в руки труды
Кьеркегора.

И конечно,
Поныне в себе эти чувства как тяжкую ношу ношú,
Опекая эпоху, свою опекуншу,
И об этом пишу, вот об этом-то я и пишу,
Вновь и вновь превращаясь в мятущегося юношу.

1966

ЧЕТ И НЕЧЕТ

Попробуешь
Слова сличить —
И аж мороз идет по коже!

Недаром
«Мучить» и «учить»
Звучат извечно столь похоже.

Но и бывает смысл иной,
Доподлинно необъяснимый:
Казнящий ли владел казной,
Или казной владел казнимый?

Земля и тля. Вина — вино.
Апрель и прель. Мороз и проседь...
Всё это будто не одно,
Но от другого не отбросить!

Березка — розга. Лик и лак.
Увечить и увековечить...
Неужто это просто так,
Одна случайность —
Чет и нечет?

1966

ОТЧИЗНА

Мне
Хочется,
Чтоб ты оделась лучше —
Не в романтические облака,
Не в громовые-грозовые тучи,
А попросту — и в ситцы и в шелка.
И хочется,
Чтоб омывалась чаще
Ты самым освежающим дождем,
Блистающим всё чище и всё слаще.
К тому ведем
И к этому идем!

1966

ВОРЫ ВРЕМЕНИ

Всё
Острее
Споры времени,
Всё быстрее моторы времени,
Всё точнее приборы времени.

Но спокойны воры времени.

Надевают маску времени,
Выкрасились в краску времени,
Проникают в кассу времени,
Похищают массу времени
Из казны богатой времени
И, объяты тратой времени,
Нежатся на лоне времени
Где-то на балконе времени,
Мол, у нас есть горы времени,
Целые просторы времени,
Вкруг домов заборы времени,
На дверях запоры времени.

1966

СВЕРЛЯЩИЙ ВЗОР

Я стар,
Я струны старых лир
Щиплю негнушимися пальцами.

Я стар,
Я помню старый мир
Со старыми его страдальцами.

Я помню
Вес пудовых гирь
И Русь былую с Китеж-градами,
И помню старую Сибирь
С ее скитальцами номадами,
И старый дом, и старый двор
С доисторической основой...

Но у меня сверлящий взор,
И явственно я вижу новое,
Которое для многих вас
Давно состарившимся кажется.

Я стар,
Но взор мой не угас!

В сознание ваше не уляжется
Привычная вам новизна,
В которой вы столь слепо шаритесь,
А в чем она и где она —
Поймете, лишь когда состаритесь!

1966

ДНЕВНИКИ

Не странно ли,
Что дневники
Не днем ведутся, а ночами,
Когда мигают ночники
И ходят тени за плечами,
Напоминая, что от них
Не скроешься и за свечами,
Включив ночник,
Строча дневник,
Графленный лунными лучами!

1966

АЛТАЙ

Ко мне
Алтаец подошел.
Я радовался от души,
И попросил я:
«Опиши
Пером или карандашом
Алтай своих целебных трав,
Алтай своих волшебных руд...»

И это был нелегкий труд —
Представить, ясно осознав,
Алтай своих святых основ,
Алтай своих горячих снов.

И стал Алтай мгновенно нов —
Алтай старинных колдунов,
Алтай шаманских диких чар,
Алтай автомобильных фар,
Алтай воздушный, как ангар...

Клубись,
Вершинами блистай,
Еще неведомый Алтай,
Вздывая ввысь за кряжем кряж,
Алтай себе свой верный страж.

Хоть взять и в руку карандаш
Еще алтаец не успел,
А только песню он запел,—
Иначе яви не создашь!

1966

* * *

Я осенью
Немного раздражен.
Днем, грудь и спину солнцу подставляя,
Еще хожу я полуобнажен,
Но вечерами так уж не гуляю,
А думаю о куртке меховой
И как я в сапоги переобуюсь,
И, может быть, увидит домовой,
Как я его мохнатостью люблюсь.
Но домовой замкнулся на засов
В чулан.
И со «Спидолой» на крылечке
Сижу я до двенадцати часов...

А утром вновь я выкупаюсь в речке —
В глубокий омут кинусь головой
С туманистого берега речного,
И коль со мной не дружен домовой,
Быть может, разбужу я водяного.

Но, расположен впасть в анабиоз,
«Иди ты к лешему!» — он пробормочет.

И ладно!
Ринусь в чашу я.
Авось
Там, точно эхо, леший захохочет.

1966

ПОГАСШАЯ МОЛНИЯ

Там,
В лесу,
Когда умчались тучи
И раскаты грома отзвучали,
Будто бы обугленные сучья,
Молнии остывшие торчали.

И одну из них, посуковатей,
Выбрал я и спас от доли жалкой:
Мол, не дам в чашобе догнивать ей —
Буду ей размахивать, как палкой.

Жгучести я больше не нашел в ней,
Но, в конце концов, и тишь и дрема
Состоят из отблеставших молний
И откувыркавшегося грома!

1966

Я НАУЧИЛСЯ СОЧИНЯТЬ СТИХИ

Я разучился сочинять стихи,
Но вспомнил я отвергнутые с детства
Обрывки незаконченных начал,
И не присочинил ни слова я
К ним, извлеченным из небытия,
И только дат я не обозначал,
И вы мне говорите: «Наконец-то
Ты научился сочинять стихи!»

1966

ВЕЧНЫЙ ПУТЬ

Сегодня ночью
Виснет Млечный Путь
Над кратером потухшего вулкана,
Как будто хочет с неба заглянуть
В немое жерло этого вулкана,
А может быть, исходит он и сам

Из кратера потухшего вулкана,
Свой звездный хвост вздымая к небесам
Из кратера потухшего вулкана?

Всё может быть. Пускай себе горит
Он над вершиной старого вулкана.
Быть может, завтра я метеорит
Найду на склонах этого вулкана,
А может быть, на склоне подыму
Лишь бомбу вулканическую.
В общем,
Доподлинно не ясно никому,
Какую бездну мы ногами топчем,
Не ведая, где верх ее, где низ,—
Всё так зыбуче, так непостоянно...

Мне кажется,
Что я и сам повис
Над кратером заснувшего вулкана.

⟨1966⟩

ОШИБКА ГЕРШЕЛЯ

Не тайна,
Что высокоумный Гершель
Предполагал, что Солнце обитаемо.

Он полагал, что солнечные пятна —
Подобья дыр в какой-то пылкой туче
Вкруг Солнца, а само оно не жгуче,
И жизнь на нем, считал он, вероятна.

Так утверждал высокоумный Гершель,
И хоть не прав был астроном умерший,
Но заблуждения его понятны,
Для этого имелись основанья:

Он ощущал, что бытие земное
Похоже тоже не на что иное,
Как на отчаянное беснованье
Непрекращаемого зноя
Под ледяною пеленою,
И есть еще другое ледяное

Напластованье над районом зноя,
И, словно саламандры, не сгораем мы,
Но и не замерзаем, и не таем мы,
И, даже обреченный, облученный,
Терзаемый и яростно пытаемый,
Пылает разум наш неомраченный...

Вот почему
Почтеннейший ученый
Мог допустить:
«И Солнце обитаемо!»

1966

* * *

Какого цвета
Ранняя весна?
Ее ответа
Путаность ясна:
Возьми и внутрь деревьев посмотри —
Вся зелень где-то там, еще внутри,
Как звон еще внутри колоколов,
Как мысль еще внутри людских голов,
Еще от воплощенья далека...
И вешний месяц через облака,
Еще не собираясь на ущерб,
Глядит — какого цвета ветки верб,
Еще лишь грезящих про вербохлест.
Каков их цвет?
Ответ, конечно, прост:
Он как нутро еще не свитых гнезд!

1966

ЧЕРНО-БУРАЯ ЖЕРТВА

Если б в платье твоём прошлогоднем увидел тебя
и сегодня я,
То, возможно, и вовсе бы даже тебя не узнал,
Потому что ты выглядела бы старомоднее,
Чем любой прошлогодний, казалось бы модный, журнал.

Да и новые туфельки пыль поднимают старинную
Не стерляжьи заостренным, а усеченным носком...
Но хотя и по-новому скроены шкурки звериные,
А одно остается, как древле...

О, как он знаком,
Этот запах лисы или норки, бобра или котика!
Я уверен, что ты занесешь и в иные миры
Этот запах! Сильнее не знаю наркотика,
Чем смешение этого духа духов и мездры.

И возможно, что будут поздней вспоминать,
Как о страшной жестокости, гадости,
Что какие-то дьяволы, шкурки содрав со зверьков,
Превращали их в шубки и шапки, чтоб ты, улыбаясь
от радости,
Грелась смертью животных. О, мерзостный бред
скорняков!

Но хотя и тебя всё сильнее влекут магазины синтетики,
Где прозрачные ангелы реют в химически-чистых плащах,
Ты несешь, отвергая законы эстетики, этики,
Черно-бурую жертву на розово-алых плечах!

1966

ПРОЗА ЕСЕНИНА

Я перечел Сергея Есенина.
Вот что писал он в 1918 году:

«Художники наши уже несколько десятков лет
подряд живут совершенно без всякой внутренней
грамотности... В русской литературе за последнее
время произошло невероятнейшее отупение».

Что он имел в виду?
А вот что:

«...Человек есть ни больше ни меньше как чаша
космических обособленностей», —
говорил он, указывая на творческую ориентацию наших
предков в царство космических тайн.

Тут я пропускаю несколько не идущих к делу подробностей.
А дальше читаем:

«...Дряхлое время... сзывает к мировому столу все племена и народы...»

И затем, пропуская несколько слов о том, что именно стоит на столе:

«Человек, идущий по небесному своду, попадет головой в голову человеку, идущему по земле».

И вслед за этим:

«Пространство будет побеждено, и в свой творческий рисунок мира люди, как в инженерный план, вдунут осязаемые грани строительства».

Это он мог, по всей вероятности, сказать когда-нибудь и в устной беседе и Петру Ивановичу Чагину, и Айседоре Дункан, и членам правительства... Очень и очень серьезно Есенин за этот вопрос брался:

«...Человечество будет перекликаться с земли не только с близкими ему по планетам спутниками, а со всем миром в его необъятности... Буря наших дней должна устремить и нас от сдвига наземного к сдвигу космоса».

И об этом же говорят и его стихотворения. Но я привожу лишь отрывки из прозы Сергея Есенина, чтобы видели вы из примеров, которые я перечислил, что Есенин не только лирически, но и космически мыслит. И вы, которые будете сегодня и завтра перелистывать Сергея Есенина, автора не только «Москвы кабацкой», но также и «Пантократора», перечитывая эти стихи его благоговейно, не пренебрегайте рассеянно прозой Сергея Есенина — современника Ленина, Циолковского и Эйнштейна.

1966

СЛУЧАЕТСЯ

Смеркается...
Садится солнце тяжело,
Как будто кается:
Зачем с утра взошло!

Брось каяться,
Не исходи тоской —
Ведь спотыкается
Не только род людской.

Случается,
Что даже и звезда
Взрывается
На небе иногда.

Взрываются
И люди, всё дробя,—
Что называется,
Выходят из себя!

1966

КЛАССИКИ

Редко
Перечитываем классиков.
Некогда.
Стремительно бегут
Стрелки строго выверенных часиков —
Часики и классики не лгут.

Многое
Порою не по сердцу нам,
А ведь в силах бы из нас любой
Взять бы да, как Добролюбов с Герценом,
И поспорить хоть с самим собой.

Но к лицу ли
Их ожесточенье нам?
...И любой, сомненьями томим,
Нудно, точно Гончаров с Тургеневым,
Препирается с собой самим.

⟨1967⟩

ВСТРЕЧА С ТАНОМ

Расскажу
О Тане-Богоразе я.

Мне было двадцать лет,
И однажды пришла фантазия
Поступить на географический факультет.

Я написал стихотворение
И, напечатав его в «Звезде»,
Приобрел себе новые брюки и клетчатую ковбойку,
Решив, что, прилично одет,
Буду легче принят в университет,
И поехал на дом к профессору Тану-Богоразу.

Я сказал ему прямо и сразу:
«Примите меня, пожалуйста, на географический
факультет,
Но только без испытаний по математике!»
Он посмотрел и сказал:
«А кто вы такой?»
— «Я поэт».
— «Так прочтите стихотворение».

Я прочел. Он, прослушав, сказал:
«Нет!
Я не приму вас ни на географический факультет,
Ни вообще в университет,
Ибо не имею на то основания.
Вы — поэт, и поэзия ваше призвание.
А то, что вам мог бы дать географический факультет,
Приобретайте путем самообразования!»

⟨1967⟩

ВО ДНИ ПЕРЕВОРОТА

Вообразите
Оторопь всесильных
Вчера еще сановников надменных.

Вообразите возвращенье ссыльных,
Освобождение военнопленных.

Вообразите
Концессионеров,
Цепляющихся бешено за недра,
Их прибылью дарившие столь щедро.

Вообразите коммивояжеров
В стране, забывшей вдруг о дамских тряпках.

Вообразите всяких прокуроров,
Полусмиривших свой суровый норов
И как бы пляшущих на задних лапках
Уж не в своих, но в адвокатских шапках.

Представьте на волках овечью шкуру.
Вообразите дикий вихрь газетный
И запрещенную литературу,
Считаться переставшую запретной
Еще впервые!

И представьте город,
Как будто бы расколот и распорот
В часы, когда звенели, звезденели
Расшибленные стекла на панели,
И прыгали с трибун полишинели,
Как будто их сметала и сдувала
Ко всем чертям, ликуя небывало,
Душа народа, вырвавшись на волю
Из самого глубокого подполья
Для вольного и дальнего полета
Во дни Октябрьского переворота.

<1967>

ТЕТРАДЬ

Жалко, что кончается
Старая тетрадь.
Но не огорчается:
Трать бумагу, трать!

Только бы унылыми
Буквами не врать
Черными чернилами
В белую тетрадь.

1967

ТЯГА К СОЛНЦУ

Копал я землю,
В ней таилось много
Того, чего не быть и не могло,
Но попадались меж костей и рога
Железный лом и битое стекло.

Но ищут выход даже через донца
Изглоданных коррозией канистр
Живые всходы.
Ввысь их тянет солнце
Сильней, чем просвещения министр.

1967

БАЛЛАДА О КОМПОЗИТОРЕ ВИССАРИОНЕ ШЕБАЛИНЕ

Что,
Алеша,
Знаю я о Роне,
Что я знаю о Виссарионе,
О создателе пяти симфоний,
Славных опер и квартетов струнных?

Мне мерещатся
На снежном фоне
Очертанья лир чугунных.

Это
Не украшенья
На решетках консерваторий.
Это будто бы для устрашенья,
И, конечно, не для утешенья
Были ветры на степном просторе
Между всяких гнутых брусьев-прутьев

Старых земледельческих орудий,
Чтобы вовсе к черту изогнуть их
Безо всяких музыкальных студий...

Пусть
Десятки
Музыкальных судий
Разберутся, как скрипели доски
Старых тротуаров деревянных
В городе, где шлялись мы, подростки...
Это были первые подмости.

Школа.
Разумеется, и школа.

Но и этот скрип полозьев санных,
И собор — наискосок костела,
Возвышавшийся вблизи мечети,
Оглушая колокольным соло,
Да и крик муллы на минарете...
А из крепости, из старой кирпичи,
Плыли воздыхания органа.

Но гремели
В цирке
Барабаны,
Ролики скрипели в скетинг-ринге,
Стрекот шел из недр иллюзиона
И, уже совсем не по старинке,
Пели ремингтоны по конторам
В том безумном городе, в котором
Возникал талант Виссариона.

Старый мир!
Пузырился он, пухнул,
А потом рассыпался он, рухнул.
И уж если прозвучало глухо
Это эхо вздыбленного меха
И к чертям развеянного пуха,
То, конечно, уж определенно
Где-то в музыке Виссариона,
Чтоб внимало новому закону
Волосатое земное ухо.

Впрочем,
Музыка всегда бездонна.
Это значит —
Хвалят иль порочат —
Каждый в ней находит то, что хочет.
Хочет — сказки, хочет — были,
Крылья эльфов или крылья моли,
Колокол, рожок автомобиля...

Ведь свободны мы, как ветер в поле,
Ветер в поле, хоть и полном пыли,
Той, какую сами мы всклубили.

1967

* * *

Не будь
Увядшим гладиолусом,
Всё ниже голову клоня,
Не говори упавшим голосом,
Что это всё из-за меня.

Я силищей такой могучею
Не помышляю обладать,
Чтоб жгучим зноем, темной тучею
Твою нарушить благодать.

Ты это знала и тогда еще,
В начале ветреного дня.
И не тверди мне убеждающе,
Что это всё из-за меня!

1967

* * *

Он залатан,
Мой косматый парус,
Но исправно служит кораблю.
Я тебя люблю.
При чем тут старость,
Если я тебя люблю!

Может быть,
Обоим и осталось

В самом деле только это нам,—
Я тебя люблю, чтоб волновалось
Море, тихое по временам.

И на небе тучи,
И скрипучи
Снасти.
Но хозяйка кораблю —
Только ты.
И ничего нет лучше
Этого, что я тебя люблю!

1967

ЛЁТА

Ночь.
Отмыкается плотина.
И медленно, почти незримо,
По Истре проплывает мимо
Не только муть, солома, тина,
Но цвет люпина, зерна тмина
И побуревшая от дыма
Неопалимая купина
Из Нового Иерусалима.
И, как из Ветхого завета,
Поблескивают зарницы,
Напоминая издалёка
Про старого Илью-пророка,
Который не на колеснице
Носился, а на самолетах.
В своих трудах, в своих заботах
Там, на верховьях, жил он где-то.
Отгромыхал и отворчался...
Струисты
Воды старой Истры.
На берегу клочок газеты
Шуршит, кто жив, а кто скончался.
А берега ее холмисты,
И бродят, как анахореты,
По ним поэты.
Но появляются туристы,
«Победы» и мотоциклеты.
И в заводах из малахита,

Где водорослей волокита
Не унимается всё лето,
Зияют ржавые канистры.
Дар проезжающих...
Всё это
Ты видишь, старая ракета,
Застывшая над устьем Истры,
Как будто
Эта Истра —
Лета.

1967

ВЯТИЧИ

В роще,
Где туристами
Ставятся шатры,
Есть над быстрой Истрою
Древние бугры.

Где стоят горелые
Мертвые дубы,
Вылезают белые
Старцы, как грибы.

Это племя вятичей
Обитало там,
Где течет назад ручей
По глухим местам.

Это смотрят вятичи
Из своих бугров
И, на мир наш глядячи,
Молвят: «Будь здоров!»

Вопрошают вятичи:
«Кто такие вы,
Мужи-самокатичи,
Мятичи травы?»

Вы автомашинычи,
Газовая чадь,
Или как вас иначе
Звать и величать?

Вы кричите, воете,
Жжете вы костры,
Бестолково роете
Старые бугры.

С банками-жестянками
Мечете вы сор,
Чтоб из ям с поганками
Вырос мухомор».

Это правда истая,
Ибо так и есть
Здесь над быстрой Истрою,
Где бугров не счесть.

И сочит закат лучи,
Чтобы их стеречь,
И уходят вятичи
В Горелую Сечь.

1967

ЛЕТО

Вот
И лето на пороге:
Реют пчелы-недотроги,
Величаво карауля
Привлекательные ульи,
Чтобы всякие тревоги
Потонули в мерном гуле,
Как набаты тонут в благовесте,
И в июне,
И в июле,
И в особенности
В августе.

1967

ЕЩЕ НЕ ВСЁ Я ПОНИМАЛ ГЛУБОКО

Еще существовал
Санкт-Петербург,
В оцепененье Кремль стоял московский,

И был юнцом лохматым Эренбург,
Да вовсе молод был и Маяковский,
И дерзости Давида Бурлюка
У многих возмущенье вызывали,
И далеко не все подозревали,
Насколько все-таки
Она близка.

Но вот
На Польшу
Пал шрапнельный град,
И клял тевтона Игорь Северянин,
И Питер превратился в Петроград,
И говорили: тот убит, тот ранен.
Георгиевские кресты
Посеребрили зелень гимнастерок,
И первые безмолвные хвосты
У булочных возникли:
Хлеб стал дорог!

Я был
Еще ребенком.
О войне
Читал рассказы и стихотворенья,
И было много непонятно мне,
Как толки о четвертом измеренье,—
Куда от мерзкой яви ускользнуть
Мечтали многие из старших классов,
Хотя и этот преграждался путь
Толпой папах, околышей, лампасов.

А я
Не в эту сторону держал,
И даже, нет, не к Александру Грину,
Но гимназический мундирчик жал,
Я чувствовал: его я скоро скину.
Меня влекли надежда и тоска
В тревожном взоре Александра Блока,—
Еще не всё я понимал глубоко,
Но чуял:
Революция
Близка!

1967

ПРЯТКИ

Трудолюбив,
Как первый ученик,
Я возмечтал: плоды науки сладки.
Но, сконцентрировав миллионы книг
На книжных полках в умном распорядке,
Я в здравый смысл прочитанного вник
И не способен разгадать загадки:
Когда и как весь этот мир возник?
И все подряд предположенья шатки.

И тут
Инстинкт мне говорит:
«Проверь
Всё это мной!»
И вот брожу, как зверь,
Я в дебрях книг, и прыгаю, как птица,
Я в книжных чашах и, как червь, точу
Бумагу их — так яростно хочу
Всему первоисточника добиться.
И в мотылька, который на свечу
Летит, ловчусь я снова превратиться,
И, будто спора некая, лечу
Туда, куда ракетам и не взвиться,
И чувствую, что, может быть, теперь
Мне разрешит Вселенная:
«Измерь
Температуру жуткой лихорадки,
Которой пышет солнца смутный лик,
И ощути, как мчатся без оглядки
Планет и звезд бесплотные остатки,
Уверены, что ты их не настиг».

И кажется, что в тайну я проник.
Но дальше что?
И снова лишь догадки,
И вновь
Луна
Чадит мне, как ночник,
И бездна вновь со мной играет в прятки.

1967

ЕВРАЗИЙСКАЯ БАЛЛАДА

О, Венгрия,
Не из преданий старых
Я черпаю познания о мадьярах,
А люди вокруг меня толпятся, люди...

И наяву — не где-нибудь, а в Буде —
Я с Юлиушем встретился, скитальцем,
И через Русь указывал он пальцем
На грань, которая обозначала
Монгольского нашествия начало.

И точно так же в Пеште с пьедестала,
Как будто не из ржавого металла,
А въявь пророкотал мне Анонимус
Про ход времен, его необратимость.

И Вамбери я забывать не стану:
Знакомец мой еще по Туркестану,
Старательно искал он на Востоке
В конечном счете общие истоки
Потока, что в разливе евразийском
Слил Секешфехервар с Ханты-Мансийском,
Жар виноградный с пышностью собольей.

И знаю я, над чем трудились Больяй
И Лобачевский! Равны их дерзання, —
Тот в Темешваре, а другой в Казани
С решимостью своей проникновенной
Построили модель такой Вселенной,
Какая и не мыслилась Эвклиду.

А эти двое, столь угрюмы с виду,
Но ближних возлюбившие всем сердцем, —
Тот — Кошут, а другому имя Герцен, —
Они мечтали о вселенском счастье
И толковали даже и отчасти
О том, о чем по телеграфным струнам
Гремели позже Ленин с Бела Куном.

Вот что о всех их думаю я вместе,
И это всё прикиньте вы и взвесьте,
И дело тут не в страсти к переводам,

И что Петефи был Петрович родом,
А дело в том, что никаким преградам
Не разлучить века идущих рядом
Здесь, на земле, где рядом с райским садом
Порядочно попахивает адом.

1967

ПОЭЗИЯ

«Поэзия — мед Одина!» — вещали
Когда-то скальды. Кто же Один? Он
В Асгарде богом распри был вначале,
Но, вечной дракой асов утомлен,
Сошел на землю. Но хребты трещали
И здесь у всех враждующих сторон,
И вот затем, чтоб стоны отзвучали,
И чтоб на падаль не манить ворон,
И чтоб настало умиротворенье,
Сменил он глаз на внутреннее зренье,
И, жертвенно пронзив себя копьем,
Повесился на Древе Мировом он,
Мед чьих цветов, теперь под птичий гомон
Нам приносимый пчелами, мы пьем.

1967

ДНЕВНИК ШЕВЧЕНКО

Теперь,
Когда столь много новых книг
И многому идет переоценка,
Я как-то заново прочел дневник
Шевченко.
И увидел я Шевченко —
Великого упряма, хитреца,
Сумевшего наперекор запретам
Не уступить, не потерять лица,
Художником остаться и поэтом,
Хоть думали, что дух его смирят
И памяти о нем мы не отыщем.

Итак,
Таивший десять лет подряд
Свои творения за голенищем,

Уволенный от службы рядовой,
Еще и вовсе не подозревая
Своей грядущей славы мировой,
А радуясь, что вывезла кривая,
Устроился на пароходе «Князь
Пожарский» плыть из Астрахани в Нижний.

Компанья славная подобралась.
И ближнего не опасался ближний:
Беседуя, не выбирали слов,
Сужденья становились всё бесстрашней.
Был мил владелец рыбных промыслов,
Еще милее — врач его домашний.
И капитан, прекрасный человек,
Открыв заветные свои портфели,
Издания запретные извлек,
И пассажиры пели, как Орфеи.

Читались хомяковские стихи,
Вот эти: «Кающаяся Россия»,
И обличались старые грехи:
Мол, времена пришли теперь такие,
Что в либеральный лагерь перешел
И Бенедиктов даже.
Вы бы знали,
Как он, певец кудряшек, перевел
«Собачий пир» Барбье!
В оригинале
Стихотворение звучит не столь
Блистательно, как в переводе этом.
Не стало Тормоза — ведь вот в чем соль! —
И Бенедиктов сделался поэтом.

Вот что рука Шевченко в дневнике
С великим восхищеньем отмечала.
И «Князь Пожарский» шлепал по реке,
Машина всё стучала и стучала.
Погода становилась холодна,
Готовя Волгу к ледяным оковам.
Пройдя Хвалынский, читали Щедрина.
«Благоговею перед Салтыковым», —
Писал Шевченко.
К жизни возвращен,
Он радовался и всему дивился.

Так в Нижний Новгород и прибыл он,
И в Пиунову Катеньку влюбился,
И возмечтал, что «Фауста» прочесть
Она должна с нижегородской сцены.
Но, глупая, отвергла эту честь
И страсть его отвергнула надменно.
И все-таки он духом не поник:
«А я-то думал, что она святая!»

И многое еще
Вместил дневник,
И волновался я, его читая.
Смотрите!
Вот как надобно писать
И мемуары и воспоминанья,
Писать, чтоб душу грешную спасти,
Писать, как возвращаясь из изгнанья!
Писать, чтоб сколько уз ни разорви
И в чьем ни разуверься дарованье,
А получилась повесть о любви,
Очарованье, разочарованье!
Писать как дикий, чтоб потом тетрадь
Без оговорок ринуть всем в подарок
И снова воскресать и умирать
Таким, каким родился,— без помарок!

1967

ИМЕНА МАСТЕРОВ

Гении
Старого зодчества —
Люди неясной судьбы!

Как твое имя и отчество,
Проектировщик избы,
Чьею рукою набросана
Скромная смета ее?

С бревен состругано, стесано
Славное имя твое!
Что же не врезал ты имени
Хоть в завитушки резьбы?

Господи, сохрани меня!
Разве я жду похвальбы:
Вот вам изба, божий рай — и всё!
Что вам до наших имен?

Скромничаешь, притворяешься,
Зодчий забытых времен,
Сруба творец пятистенного,
Окон его слюдяных,
Ты, предваривший Баженова,
Братьев его Весниных!

1967

ПТИЦА СИРИН

Слышу
Киновари крик,
Но не где-то глубоко там
Под горбатым переплетом
Сокровенной книги книг
И не в складках древних риз
На мужах святых и женах,
Господом убереженных от червя, мышей и крыс,—
В заповедных уголках, не церковных,
Так музейных,—
А на варежках, платках, на халатах бумазейных,
На коротеньких подолах —
Словом, где-то вне границ
Изучаемого в школах.

Спит
Спокойно
Мир страниц,
Лики книг покрыла пыль,
Даже сталь пошла в утиль,
Старый шпиль успел свалиться,
Но уверенно стремится
Птица Сирина, эта птица,
Воплотиться в шелк, и ситцы,
И в полотна, и в текстиль...

Речь идет про русский стиль.

1967

ДРАГОЦЕННЫЙ КАМЕНЬ

Отыскал
В тиши я деревенской
У слиянья Истры и Москвы
Камень в форме и мужской, и женской,
И коровье-бычьей головы.

Я не верю,
Что игрой природы
Был тяжеловесный этот лик,
Древний камень, под который воды
Не текли, настолько он велик.

Может быть,
Ваятель первобытный,
Этот камень трогая резцом,
Слил в единый облик монолитный
Лик Природы со своим лицом.

А быть может,
На лесные тропы
Некий грек, придя издалека,
Древней глыбе придал вид Европы
И укравшего ее быка.

Иль,
Не зная Зевса никакого,
Муж славянский, простодушно-дик,
Создал так: пастушка и корова,
Но при этом — и пастух и бык!

Словом,
Глыбу я извлек из пыли
И понес, взваливши на плечо,
Чтобы эту прелесть не зарыли
На тысячелетия еще.

1967

ДВЕНАДЦАТОЕ КОЛЕНО

О Былое,
Равнина ты ровная:
Ни креста, ни бревна, ни полена...
Кто вы, родичи,
Родичи кровные?

Проследить бы свою родословную
До седьмого хотя бы колена,
Чтоб учесть по законам генетики,
Что за цветики робко таятся
В древних зарослях хрена и редьки.
Чем гордиться,
Чего бояться?

С благословенья господня
Не прогуляться ли, часом,
По позабытой прародине
Между Муромом и Арзамасом!

Между Муромом и Арзамасом,
Гордо глядя в лицо автотрассам,
Золотятся церковные луковицы,
Храмы древние вновь штукатурятся.

Говорят,
Я лицом и фигурой в отца,
Но попробуй-ка докопаться,
Древний род откуда ведется —
От какого землепроходца,
А быть может, от Ильи Муромца,
Или попросту от землешца,
Или от Соловья-Разбойника?

Звонкие струйки молока о донце подойника...
Кто прабабка моя:
Огородница, а быть может, и Соловьяха-
Разбойница,
А быть может, и попросту скотница,
А быть может, она греховодница
И хлыстовская богородица,
А быть может, святая угодница,
Богомазами намалеванная

Вдохновенно и проникновенно
На церковные стены?

И сияют нетленно
Все прожилки, все вены,
Все сосуды, все клетки, все гены,
Чтоб познал я свою родословную
До двенадцатого колена.

1967

* * *

Обращаются,
Как с пятилетним,—
Воспитать хотят наперебой.

Обращаются, как с десятилетним,—
Прыгай с оголтелою гурьбой!

Обращаются,
Как с двадцатилетним,—
Только и внимай их бредням
И участвуй в чепухе любой.

Обращаются,
Как со столетним,—
Только и внимай их сплетням,
Занимайся только их судьбой.

Обращаются,
Как с тысячелетним,—
Стань на полку и изволь смотреть, нем,
Как они любуются тобой!

1967

ЯБЛОКО

Когда
Казалось,
Что от гнева
Мы спор добром не разрешим,
В меня швырнула ты, как Ева,
Прекрасным яблоком большим.

Так сделала ты не из мести,
А по-хорошему гневясь,
И мы расхохотались, вместе
На это яблоко дивясь,
Смеясь, что ты не разрыдалась,
А тем, что было под рукой,—
Сладчайшим яблоком — кидалась
И возвратила нам покой.

1967

КОГДА СТИХОТВОРЕНЬЕ НЕ ВЫХОДИТ

Когда
Стихотворенье не выходит,—
А видите, какая бездна их! —
Не то что стихотворец не находит
Каких-то слов, своих иль не своих,—
О нет! Концы с концами он не сводит
Совсем в другом: не может он понять,
Что в данное мгновенье происходит,
И на слова тут нечего пенять,
И лишь вокруг да около он ходит,
И речь его мутна, пресна, темна...

Когда ж непонимание проходит
И суть вещей становится ясна —
Творимое на музыку походит,
Понятную как будто и без слов.

Тогда
Стихотворенье не выходит
Из молодых читательских голов!

1967

ПЕЧАТЬ МОЛЧАНЬЯ

Я вас зову
На совещанье,
Где я сорву печать молчанья,

Чтоб видели вы наяву,
Как, резко треснув на прощанье,
Нарушится печать молчанья —
Простой сургуч, по существу.

1967

У ТЕЛЕВИЗОРА

Довольно
Необычную программу
Передавали.
Телевизор трясся,
Как будто шар земной стремился в раму
Упорно втиснуть собственную массу.

Бог знает
Что творилось на экране:
Я ощущал блеск гроз и силу ветров, —
Показывали Землю с расстоянья
Примерно в сорок тысяч километров.

Атлантику я видел, и над нею
Спирали разрушительных циклонов,
И через бездну бурных их заслонов
Гренландский щит и Пиренеи.

И крупный град забарабанил дробно,
Терзая телевизорную сетку,
И, шаровидной молнии подобно,
Раздвинув телевизорную клетку,
Вдруг шар земной вплыл в комнату.
У окон
Он заметался.
Всплыл под потолок он
И вплыл в экран обратно.

И прекрасно!

Всё в комнате кроваво было красно,
И на окне цветы чуть не зачахли,
И все предметы быта бездной пахли.

1967

ЧУВСТВО ПОЛЕТА

Это
Чувство полета,
Быть может, и вы испытали,—
Будто не мчаться охота,
А просто витать,
Уподобляясь какому-то Лилиенталю.

Так
Еще в детстве умел я летать,
То есть, руками проделывая
Медлительные движения,
Собственной грезой аэропьян,
Лишь предугадывать в воображенье
Будущий планер и аэроплан.

Я иногда и теперь
Повторяю такие движения
Правой и левой рукою,
Но не по-детски уже,
А выражая лишь только одно
Приобретенное позже стремленье к покою,
Коего нам никогда не дано.

Будто
Не мчаться охота по горизонтали
На реактивной машине, владычице авиатрасс,
А, уподобившись Отто Лилиенталю,
Тихо витать в небесах,
Что опаснее
В тысячу раз!

1967

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ

Меня
Привыкли
Спрашивать о многом.
Вопросы всяческие: кто был богом
Поэзии? И правда ли, что вьются
Над Англией «летающие блюдца»?

А вот звонят:
«Арбитром будьте в споре
О Диодоре. Что о Диодоре
Известно? Это бабочка ночная
Или царица?»

«Право, я не знаю!
Но выясню».
И роюсь в лексиконах.

Шипят страницы:
«Нескольких ученых
Так звали древле.
Недоумеваем,
Какою страстью ты обуреваем,
Коль хочешь всё познать о Диодорах,
И сам не зная точно о которых!
Но коль прослыть ты хочешь эрудитом,
Скажи сперва о самом знаменитом —
О Диодоре Сицилийском, жившем
При Цезаре и мир наш одарившем
Повествованьем в сорок книг, из коих
Известна часть, но много не дошло их
До нас, а как пропали по дороге,—
То знают только цезари да боги!»

(1968)

ВЧЕРАШНИЙ ДОЖДЬ

Внезапно
Солнце перестало
Сиять, и дождь пошел вчера,
А на деревьях трепетала
Позавчерашняя жара.

И утром
Небо было в тучах,
И тяжело туман осел,
И на древесных черных сучьях
Вчерашний дождь еще висел.

И пахло
Прелью прошлогодней,
Осуществлявшей заодно
Позавчера, вчера, сегодня,
И завтра, и давным-давно.

⟨1968⟩

* * *

В садах
За университетом
Полно листвы зеленой, красной,
Пожалуй, более прекрасной,
Чем это нам казалось летом.

Я чую
Веток запах острый,
И хочется мне наломать их
И потащить в своих объятьях
Домой весь этот веник пестрый.

А ты не хочешь:
«Труд впустую!
Не сохранит своей расцветки
Зимой листва, иссохнут ветки».

И верно! Я не протестую.

Но всё же
В лес ломлюсь, ломаю
Березы, клены и осинник,
Хотя прекрасно понимаю,
Что ты права, а я насильник!

⟨1968⟩

* * *

Незаменимых нет?

Нет! Заменяемых нет!
Мечта о механической замене
Не боле чем недоразуменье!

И каждый человек неповторим,
Тот больше знача, этот меньше знача.
И как ни бейся, а не повторим
Чужой удачи. Есть своя удача,
Свой час! И никогда не повторить
Чужой ошибки. Только свой есть промах,
И за него нас будут и корить.
Ветшают люди. Можно сдать на слом их,
Но не заменишь одного другим,
Да так, чтоб всё по-прежнему осталось.
То легкою возможностью считалось,
Но было лишь намереньем благим.

(1966), 1968

* * *

Весна,
Как незримая птица, из тех,
Которые ветрено мчатся с морей,
Когтями вцепилась во вздыбленный мех
Ушанки моей.

«Зачем же ты шапку мне рвешь с головы?
Еще холода!»
— «А разве не чувствуешь запах травы
От снега и льда?»

«Я чувствую! Боже меня сохрани
Терять этот нюх.
Закат, озаряющий вешние дни,
Еще не потух!»

Еще я и нынче умею весну
За крылья хватать.
И ночью сегодня, лишь только засну,
Я буду летать».

1968

ПИСЬМО

Не то чтобы мой карандаш онемел,
Но он не затем заточился,—
Я писем писать никогда не умел,
А нынче совсем разучился.

И если я даже со вздохом начну —
Увы, ничего не выходит.
Рисую себя, и рисую жену,
И всё, что кругом происходит.

Рисую растения, звезды, дома,
Прибой, корабли с парусами,
А что получается вместо письма,
Смотрите — вы видите сами!

1968

СРЕДИ РЕДЕЮЩЕГО ЛЕСА

Среди
Трескучих
Черных сучьев,
Бормочущих:
«Чего он хочет?» —
Блуждаю я, себя измучив,
А дождик мочит, мочит, мочит...

И эти сучья,
Когти крюча,
В глаза мне ими чуть не тыча,
Рисуют не свое величье,
А все-таки мое обличье.

Развеяна
Листвы завеса,
Но прочь не улетел я с нею,—
Среди редящего леса
Яснее виден и яснее!

1968

ЧЕРТ БАГРЯНЫЧ

За ночь
Черт Багряныч
Обагрил листву:
Наступила осень въявь, по существу.
Жухни,
Черт Багряныч,
И одно пророчь:
«Будет луночь, саночь! Всё иное прочь!»

И Буран Бураныч мчится с Вайгача,
И охрипнут за ночь рации, пища,
Что Бурун Буруныч хочет в эту ночь
Взбить лдяную луночь с призраками коч.
Мол,
Примчусь к вам в полночь,
Вьюгой окрочу
Галич и Котельнич, станцию Свечу,
Свислочь, Птичь и Маныч, плавни на Дону...

Поднял
Черт Багряныч
Свист на всю страну!

Ясны
В эти ночи
В снежной мгле небес
Разве только очи строгих стюардесс.

Это,
Черт Багряныч,
Всё наделал ты,
Отряхая за ночь пестрые кусты!

1968

* * *

Год
Двадцатый был.
На Остоженке
Крест над церковью
Стынул, согнут.

Шли мы к Центру.
Был моей кожанки
Воротник широко расстегнут.

Я сказал:
«Береги свои пимики,
Потому что они в заплатках».

На углу продавали алхимики
Сахарин в нечистых облатках.

Чай морковный был, кофе — желуди.
Ты печальна была, я — весел.

В красных красках на белом холоде
Я тобой
Еще только
Грезил.

1968

ЛЕНИН И ВСЕЛЕННАЯ

Многое
Связано
С именем Ленина —
Подвиги славные,
Улицы главные...

Может быть,
Будущие поколения
Сделают образ великого Ленина
Явственным и за земными пределами,
И превратятся в понятия межзвездные
Мысли и чувства Владимира Ленина,
Те или эти его размышления,
И для соседей по космосу ценные.

К прописям: Ленин и Человечество,
Четко прибавится:
Он и Вселенная.

1968

ГИПЕРБОЛЫ

Что говорить! Конечно, жизнь сложна.
Такая колоссальная страна,
Пейзаж такого сложного рисунка,
Что даже балалаечная струнка
Звучит, как громогласная струна.
Порой из мухи делают слона,
И словно кратер здесь любая лунка,
И рытвинка любая как стена,
Через которую не перелезть.
И чудится, что трудностей не счесть,
И кажется — нет силы, что могла бы
Всё одолеть...

Но эта сила есть,
И уж творятся, так творятся здесь
События грандиозного масштаба!

1968

КРАСОТА

Мир завистников и злыдней
Всё ехидней, всё опасней...

Красота всё безобидней,
Миловидней и прекрасней.

Чтоб они не смели трогать
И сживать тебя со света,
Покажи им острый коготь —
Будь уверена, что это
И тебя не опорочит,
И мерзавцев озадачит!

А она в ответ хохочет
Так печально, будто плачет.

1968

ЗЕМНЫЕ БЛАГА

Земные блага!..

Где б мы ни летали,
Каких ни достигали бы высот,
Каких бы эликсиров ни глотали,
А по душе нам натуральный мед.

И на проверку нам всего дороже,
Какую бы синтетику ни славь,—
Овечья шерсть, мех зверя, бычья кожа —
Обыкновенная земная явь.

И, как бы ни межзвездны наши судьбы,
Важней всего нам благ земных достичь,
Чтоб все богатства древние вернуть бы:
Лес вырубленный, выбитую дичь
И баснословное обилье рыбы
В исчерпанных глубинах мощных рек.

И чтоб вернуть действительно могли бы
То, чем дышать обязан человек,
А именно — привольный чистый воздух,
Не тонущий ни в газе, ни в пыли.

Чтоб не был бы ни в язвах, ни в коростах,
Ни в синяках великий лик земли,
Чтоб нам, лица смущенного не пряча,
Припасть устами к чистому ключу...

Такая величайшая задача
Едва ль и Саваофу по плечу!

1968

С ПУТИ НА ПУТЬ

Ночь. Станция. Откуда-то подходит
Локомотив, о чем-то засвистав.
Толчок. Другой... Как видно, переводят,
Ведь вот в чем суть, с пути на путь состав.

Так и поэт на прозу переходит,
От сумасшедшей ритмики устав,
И не поймешь, к чему это приводит:

Придет ли, опозданье на верстав,
Он к новой славе иль в тупик забвенья
Упрется, избегая столкновенья
С каким-то встречным? Даже небесам
Не угадать, чем кончится, что будет...

А за крушенье стрелочника судят,
Как будто бы не стрелочник ты сам!

1968

* * *

На одном
Конце Москвы
Дождик, слякоть, прелый лист.

На другом
Конце Москвы
Белый снег и вьюжный свист.

И хоть что ты ни надень,
Но похоже, что сейчас
Здесь в один и тот же день
И в один и тот же час
Будто целые века
Совмещаются едва.

Вот
Насколько велика
Современная Москва!

1968

* * *

Где-то,
Может быть, во Мстере,
А быть может, в Хохломе,
Толковали подмастерья —
Вот что было на уме:

Можно умереть сегодня,
Можно завтра умереть,
Можно умереть вчера —
Это всё в руке господней,—
Но когда придет пора
Возвратиться с того света,
То выдерживают это
Лишь большие мастера!

1968

* * *

Вижу:
Подымающийся выше всё,
В словари толковые ты вносишься,
Чтобы все узнали, как ты пишешься,
Да и как при этом произносишься
Ты на разных языках по-разному,
Предан рассмотрению заглазному —
Подтверждаешься или оспариваешься
И с какими именами спариваешься.

Вот в каком котле ты, друг, вывариваешься!
На уста клеветнику ты грязному
Попадаешь и гуляке праздному,
И в душе твоей все руки шарящиеся
Ощущать уж невтерпеж становится,
Прежде чем бесспорно установится,
Как ты пишешься
И выговариваешься.

1968

НАСИЛЬНО МИЛ НЕ БУДЕШЬ

Насильно мил не будешь!
И это пустяки, за это не осудишь,
Что многие стихи
Томятся, застревая у типографских врат,
И кажется, бываю я этому и рад.
Еще и интересней услышать не сейчас:
«Зачем ты эти песни утаивал от нас?
Мы только их и ждали!»

И я тогда пойму:
Они не опоздали, и это потому,
Что ни к чьему я горлу
С ножом не пристаю
И не прошу покорно
Услышать песнь мою.

1968

ЕСЕНИН

Москва
Еще вовсе была
Булыжной.
Из лавочки книжной
Он вышел. Пролетка ждала:
Извозчик и конь неподвижный.

Но будто бы из-под земли
Они объявились.
Как звать их —
Не знал он.
Но подстерегли,
Грозя удушеньем в объятых.

На козлы с извозчиком сесть
Ловчились и встать на запятки:
«Есенин! Великая честь!
Березки! Иконки! Лампадки!»

Еще не настолько велик,
Чтоб въявь оказалось похоже
Лицо его только на лик.
Он вздрогнул.

Морозом по коже
Прошла по спине его дрожь,
И, грезя далекой дорогой,
Он призракам крикнул:
«Не трожь!»
И бросил извозчику:
«Трогай!»

1968

КЕЛЬЯ ЛЕТОПИСЦА

Ночью
Блещут, точно многоточья,
Блекло-переливчатые окна
Здания, где слагаются преданья.

Темен дом преданий и огромен,
Тускло в вестибюле меркнет люстра,
В келье старец виден еле-еле.

«Отче, чем ты гредишь в недрах ночи?»

«Сыне, обо всем, что вижу ныне,
Повесть написал бы я на совесть,
Кабы не глаза — устали, слабы».

«Старче, лампочку вверни поярче!»

«Очи яркий свет томит жесточе!»

«Значит, коль от тока око плачет,
Надо взять свечу или лампаду».

«Свечи! Быть о них не может речи —
Вещи в свете их вдвойне зловещи.
Чада даст и Нестора лампада.
Нет уж, не нужна мне эта ветошь!»

«Значит, брошен труд, который начат,
То есть ты не кончишь эту повесть?»

«Каюсь! — отвечает старый старец.—
Лучше сам пиши ты повесть, внуче,
В свете двадцать первого столетья».

(1969)

Я ЗНАЮ, КАКОВА ЛЮБОВЬ

Я знаю,
Какова Любовь.

Когда любовники возлягут
В альков среди ее цветов

Вкусить плодов ее и ягод,—
То это не всегда Любовь!

И что ты там ни обусловь,
Каких ты под любовный купол
Ни подымай колоколов,
Каких ни пой любовных слов,—
И это не всегда Любовь!

И если даже ты нащупал
Средь самых шелковых голов
Парчово-бархатистых кукол
Соболью бровь, как зверолов,—
То это тоже не Любовь!

И если ты не бархат гладил,
Но и с Железной Девой сладил —
Хозяйкой внутренних шипов,—
То это тоже не Любовь!

Ее ты имя не порочь!
Она,
Вся белая от гнева,
Железную ломает Деву,
Отбрасывает кукол прочь
И гонит властною рукою
Твоих врагинь, твоих врагов.
Ты понял, что она такое?

Я знаю,
Какова Любовь!

⟨1969⟩

КАПЛЯ КРОВИ

Инфузорно
Мы пылаем
И выпениваем в споре
Восклицанья, несть числа им,
Будто это капли в море.

Я хочу,
Чтоб крылось в слове
Столько пламенного жара,
Будто блещет капля крови,
Тяжелей земного шара.

〈1969〉

* * *

Лесной
Массив
Красив.
Он, расписной,
Красней огней,
Горелых пней чернее.
Когда он чахнет, пахнет он пьянее
И весь гораздо ярче, чем весной.

И, ощущая солнце за спиной,
Среди роскошества сижу на пне я
И чувствую яснее и яснее,
Какой за это платим мы ценой.

И листья кружатся, и пауки
Аэронавствуют на паутинах,
Но скоро-скоро, дни недалеки,
Осины в лисье-рысьих палантинах
Наденут меховые парики —
Зима настанет в наших палестинах.

〈1969〉

НАТУРА

Моя художественная мастерская,
Заваленная кипами газет,
Полна твоих блистательных примет,
И никаких прикрас не допускаю,
Тебя сгущеньем красок не ласкаю,
Да в этом, собственно, и нужды нет,
И лишнего не делаю мазка я,
Рисуя твой доподлинный портрет
Из сообщений и опровержений,

А ты, полна побед и поражений,
Нетерпеливо смотришь на меня
Через клише, чьи клеточки зияют,
Как ночь, и на устах твоих сияет
Стереотипная улыбка дня.

⟨1969⟩

ЗНАК

За окнами
Взметнулась птичья стая
От вздоха полигона вдалеке.

Бревенчатая горница пустая
Смотрела косо на перо в руке.
И, ни о чем уж боле не мечтая,
Я очи к небу устремил в тоске.
Но, черт возьми, стояла запятая
На деревянном потолке!

След топора. Сучок на месте стеса.
А может быть, скорей на знак вопроса
Был этот знак таинственный похож,
Который вдруг в мое сознание вросся,
Как будто вопрошая: «Ну, так что ж,
На том повествованье и прервешь?..»

И ухали за окнами колоссы.

1969

ДВОЙНИК

Во мгле ночей
Под шелест книг
Во мне неясный страх возник,
Что я лишь чей-нибудь двойник.

Но я ответа не искал
Ни у картин, ни у зеркал,—
В свою природу я проник.

И я услышал:
«Приглядишь

К себе, как некогда Нарцисс,
Склонись поближе к лону вод,
И там себя увидишь ты!»

Но даже там я был не тот:
Смеялся отраженный лик,
Что рябь двоит его черты
И он уже не мой двойник
В ночах ночей
Под шелест книг!

1969

ЗАБЫТЫЙ ЦВЕТОК

О чем
Ты плачешь, подоконник?
Я понимаю: о цветке.
Он от мороза на балконе
Сварился, будто в кипятке.

И тает он, а не блистает:
Так, выброшенная волной,
На берегу медуза тает,
Когда ее снедает зной.

Жара, мороз... О чем тут плакать!
Конечно, одного — мороз,
Другого губит просто слякоть,
Коль дни свои он перерос,
Когда, забытый, стал ненужным,
Сколь ни крутись, ни акробать!..

А впрочем,
Можно и под южным
Июльским солнцем
Прозябать!

1969

ПОЛЕТ НАД БАРАБОЙ

Подпирал своей я головой
Этот самый купол голубой
Над земною бездной в снежном блеске.

Я летал над Барабой
С Николаем Мартыновичем Иеске.

Это был отчаянный пилот.

Но однажды
Наш ветхий самолет
Оказался не в силах оторваться
От снегов Барабинских болот:
Вязли лыжи,
Липли к снежной жиже —
Дело было по весне.

Иеске
Бортмеханику и мне
Крикнул:
«Помогите, бога ради,
Раскачаться сатане —
Подтолкните его сзади!»

Соскочили мы, ворча,
Два юнца, два силача,
И толкнули мы с разбегу
«Юнкерс», будто бы телегу.
И потом уж на лету —
В воздухе наполовину,
Набирая высоту
Сквозь воздушную лавину,—
Завалился я в кабину.

А как забрался на свое место бортмеханик,
Окутанный какими-то собачьими мехами,
Я даже и не помню, но и он ухитрился.
И летели два часа почти.

Не было мне и двадцати,—
Даже и не простудился.

Прилетев,
Мы пили ром, коньяк,
И сердилась летчика супруга:

«Николай Мартынович — маньяк.
Все вы трое стоите друг друга!»

1969

ОТ ЖАЖДЫ К ПЕСНЯМ

Через вечерние летел я зори,
Навстречу мне плыла Речь Посполита,
И за кольцо держался я в соборе
Святого Витта.

Я задержался на день в Златой Праге,
Хорошие там повстречались парни,—
Мы толковали о всеобщем благе
В ночной винарне.

На следующий вечер в Риме
В трагтории какой-то старомодной
Мы пили солидарности во имя
Международной.

И помню, через мост над Рубиконом
Автомашинные летели тени,
Чтоб я в глаза мадоннам благосклонным
Взглянул в Равенне.

Читал я надписи на древних плитах,
И не в Париже ли взглянул я прямо
В глаза, от древней копоти отмытых,
Химер Нотр-Дама...

А над Дунаем с круч паннонской Буды
Мне мудрый Юлиуш рукой тяжелой
Вдаль через Русь указывал: оттуда
Пришли монголы!

О, собеседники везде, повсюду!
И если помнюсь этим добрым людям,
Так уж о них я вовсе не забуду,
И живы будем!

А если даже и умрем однажды,
То, умерев, мы всё равно воскреснем
От жажды
К песням!

1969

ПЕГАС

Пегас
Когда-то был
Величиною с пса,
Как предки всех других
Прекрасных лошадей.
Еще не возносил он ввысь под небеса
Уже ликующих и плачущих людей,
Еще копытцами о камень он не бил,
Чтоб опьяняющий забушевал поток,—
Но всё ж он и тогда
Почти крылатым был,
И цвет свой набирал
Поэзии цветов.

1969

* * *

И спросил я у кукушки,
Сколько лет мне жить осталось.
И сначала показалось,
Что кукушка отмолчалась,
Но потом закуковала
В утешенье простаку
Добродушная кукушка
Бесконечное ку-ку.

1969

РЕВНОСТЬ

Когда
Брожу с тобой в лесу я,
Меня он еле замечает,—
Его я не интересую,
А вот в тебе души не чаёт,
Тебя он похищает, прячет,
И знаю я, что это значит,
Чего он хочет, этот лес твой.

«Ау, ау!» — кричу всё чаще.
А ты откуда-то из чащи

Кричишь в ответ:
«Не сумасшествуй!»
И верно,
Будто сумасшедший,
Я хохочу, тебя нашедши,
Но голос леса дикий, дивий
Великолепно понимаю
И всё ревнивей и ревнивей
Тебя за плечи обнимаю.

1969

СОН

Всё решено
И всё улажено...

Ты кутаешься в платок.
По-зимнему ты принаряжена.

Над родником замерз цветок,
Мороз жесток, снежок скрипуч,
Иссяк поток, замкнулся ключ,
И больше ничего не важно,
И больше ты меня не мучь
Одна на холоде таком.

Но корку льда над родником
Ты пробиваешь сапожком,
И брызжет под его носком
Не ключ, не буровая скважина —
А целый гейзер, о каком
Я только грезил взбудораженно.

Сон этот мой
Тебе знаком?

1969

ТВОРЧЕСТВО

Когда создаются
Сложнейшие вещи —
Подобия солнц, заменители лун,—
Слова об искусстве всё чаще и резче

Звучат в мегафоны с высоких трибун:
О том, чтоб оно точно так же ковалось,
Космической мощи задачи верша...

Но надобно знать, что давно стосковалась
Об очень несложном людская душа:
Чтоб творчество, полное внутренней мощи
И многообразное, как никогда,
Дерзало бы стать по возможности проще,
Как — попросту — солнце,
Как просто звезда!

1969

ВОЛНЕНЬЕ

В области сердечного волненья,
Пусть она невесть какая область,
Доблести сердечного волненья
Даже не считаются за доблесть;
И никто не просит извиненья,
Будь он даже вежлив безупречно,
За свое сердечное волненье —
И волненье это бесконечно;
И почти ничтожны по сравненью
С ним волненье перезревшей нивы,
Или океанское волненье,
Ибо волны все-таки ленивы
По сравненью с этим беспрестанным
И не находящим объясненья
Еле ощутимым ураганом
В области сердечного волненья.

1969

* * *

Я как будто несколько столетий
Не писал стихов. И вновь берусь.
Промелькнуло, я и не заметил,
Несколько веков. Иная Русь.
И на ней совсем иная осень,
И над ней иные облака.
И как будто бы перо я бросил

Только сутки, а прошли века,
Будто за ночь что-то обновило
Землю и над нею небеса.

Если бы всё было, как и было,—
Я бы за перо и не брался!

1969

БЕССИЛЬЕ СТАРИКОВ

Да,
Это, разумеется,
Бессилье!
Но, черт возьми, совсем не худо впасть
В бессилье и отдать себя во власть
Бездействию, в бессилье хладной пылью
Рассеяться, в бессилье не украсть
Еще хоть гроздь из мира изобилья
Плодов земных, в бессилие пропасть
Бесследно иль, бессильно свесив крылья
Среди других бессильных мотыльков,
В эфире на булавке оказаться...
Бессилие — рыча не огрызаться,
Как старый волк от молодых волков.
Бессилие бессильным оказаться —
Вот мощное бессилье
Стариков!

⟨1970⟩

* * *

Свои стихи
Я узнаю
В иных стихах, что нынче пишут.
Тут всё понятно: я пою,
Другие эту песню слышат.

Сливаются их голоса
С моим почти в единый голос.
Но только вот в чем чудеса:
Утратив молодость, веселость,
Устав пророчить горячо,

Я говорю всё глуше, тише,
И всё, что только лишь еще
Хочу сказать, от них я слышу.

Не дав и заикнуться мне,
Они уж возглашают это.
И то, что вижу я во сне,
Они вещают в час рассвета.

1970

ХВАТКИЙ ЧЕРТ

Опять
Вокруг меня летает
Какой-то черт,
И на лету
За сердце он меня хватает,
Но жизнь моя еще в цвету,
И хваткому посланцу ада
Я возглашаю на ходу
Всё то, за что мне взяться надо
Не нынче — в будущем году,
И восклицает он:
«Недурно!» —
В восторге от моих затей,
И сердце, бьющееся бурно,
Он выпускает
Из когтей.

1970

* * *

Ты видишь?
Через реку вброд
Упорный человек идет
С ведром огромным и пустым
К заречным зарослям густым.

И снова
Через реку вброд
Обратно человек идет
С ведром огромным, и оно
Иной водой полным-полно.

Вода реки
Ему горька,
И он несет издалека
Ведро воды
Из родника.

1970

КОНВЕРТ

Я стихи писал
В период гроз,
Ночью, полон внутреннего жара.
И однажды
Ветер их понес
Будто бы вокруг земного шара.

Я забыл их...
Шел за годом год,
И однажды в сумерках рассветных
Почтальонша
Мне конверт сует,
Полный всяких вырезок газетных.

Вижу:
Снова он в моих руках,
Результат трудов моих полночных,
Но теперь на разных языках,
В переводах,
Пусть не очень точных.

1970

СУДЬБА

Я о тебе
Гораздо больше знаю,
Чем о себе ты ведаешь сама,
О, милая обыденность земная,
Стучающаяся пальчиком в дома!

И о земле не меньше мне известно,
Чем знает о себе сама земля,—
Не я ли сам, пришлец из звездной бездны,
На ней возделал хлебные поля.

Да и о небе знаю я побольше,
Чем это небо знает о себе,
И потому-то не могу я дольше
Ждать и гадать о собственной судьбе.

О ты, судьба моя, не чья иная,
Я о тебе гораздо больше знаю,
Чем о себе ты ведаешь сама!

1970

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Я видел
Много звезд:
Не только стаи,
А табуны их, целые стада,
Скакали, пыль межзвездную взметая.
И звездные я видел поезда,
И звездные я видел города,
Что гроздились, в бездне вырастая.

Но есть такой вечерний час,
Когда
Лишь ты, моя счастливая звезда,
Одна-единственна, плывешь, блистая
В закате, что не весь еще погас,
Когда еще во тьму не уташились
Седые туши тучевидных масс,
Тебя затмить неправоммерно силясь,
И серый месяц в дырку неба вылез,
Сиять над миром безнадежно тщась.

1970

* * *

Поэзия
Отчаянно сложна,
И с этим очень многие боролись,
Крича, что только почвенность нужна,
В виду имея только хлебный колос.

Но иногда, в словесном щелке роясь,
И там, где не восходит ни зерна,
Ее мы обнаруживаем,

То есть
Она везде, и не ее вина,
Что, и в земле и в небе равно кроясь,
Как Эребус, венчая Южный полюс,
Поэзия не ребус, но вольна
Звучать с любого белого пятна,
Как длинная и средняя волна,
И на волне короткой весть и повесть!

1970

ЧАСЫ И ВЕСЫ

Обманывают невольно
Меня и добрые друзья,
Но мне от этого не больно:
Обманываюсь, но не я.
Фальшивящими голосами
Поют какую-нибудь чушь,
А я вооружен весами,
Чтоб гири снять с их грешных душ.

Себя обманывают сами
Они, а я готов простить!
Владея верными часами,
Могу их то быстрее пустить,
То чуть замедлить, чтоб успелось
Всему свершиться на земле
И впору наступила зрелость
Плодов и дружбы в том числе.

1970

КНИГИ

А красноречивей всех молчат
Книги, славно изданы, честь честью
Переплетены, чтоб до внучат
Достояться с Достоевским вместе
И затем поведать всё, о чем
Написавший не сказал ни слова,
Но как будто озарил лучом
Бездну молчаливого былого.

1970

АНГЕЛЫ СПОРА

Ангел мира есть
И ангел мора,
Ангелы молчания на сборищах...

Я люблюсь
Ангелами спора,
Охраняющими бурно спорящих:

У единоборцев за плечами
Вьются эти ангелы-хранители,
От неясных доводов в печали,
Справедливых доводов ценители.

Бдят!
Но улетают,
Словно мухи,
Если пахнет спорами напрасными,
Потому что только злые духи
Притворяются на всё согласными.

1970

ВОСПОМИНАНЬЕ

Юнец,
Недели две
Я в Ленинграде жил.
Купаючись в Неве,
Ее я переплыл.

Был верить я готов:
Бросают мне цветы
Девицы с высоты
Прославленных мостов.

Пусть всадник на коне
Увидит, кто плывет!
Был это я. А мне
Шел двадцать первый год.

Шатался я везде,
Музеи посетил,
И Тихонов в «Звезде»
Стихи мои пустил.

Их встретили тепло,
Не зная, может быть,
Что в голову пришло
Неву мне переплыть.

Но сколько ни живу,
А помню я о том,
Как переплыл Неву
Году в двадцать шестом.

1970

БЫК ВОСПОМИНАНИЙ

Где-то
Крикнул петел,
Дятел застучал,
Что-то им ответил, сонно замычал
В утреннем тумане, высунув язык,
Бык воспоминаний, крутолобый бык.

Это бык видений.
Подойду к нему
И без рассуждений за рога возьму:
Мол, хвостом помашем, ухом шевелия,
Да и перепашем памяти поля.

Луг воспоминаний
Глухо шелестит,
Плуг воспоминаний на лугу блестит.
Утренние пташки поднимают крик,
Но ходить в упряжке не желает бык.

Пусть уж
Трактористы,
Сидя у руля,
Перепашут чисто памяти поля,
Чтоб с лицом эпохи слить природы лик.
А в чертополохе
Водит оком бык...

Бык воспоминаний, выйдя на луга,
Ворошит в тумане памяти стога.

1970

СЛОВА

Слова!

Сова
И та способна вымолвить:
«Угу!»

В рычанье льва
Услышать можно голос естества.

У каждого
Свои права
В своем кругу —
И у кузнечика и у кита.

И только я
Ни слова не могу
Сказать порой, замкнув себе уста,
Совсем как лютому врагу,
Как будто только молча я не лгу.

Но
Неспроста
Хитрей
Зверей
И птиц,
Не то чтобы следами на снегу
Я испещряю белизну листа,
И от молчанья в письмена бегу
И, ощущая рыхлый дерн страниц
Безмолвным когтем острого пера,
В них все слова я ставлю на места.
Всё выразить пришла моя пора,
И совесть
Вдруг
Становится
Чиста!

1970

ДВЕ ТЕНИ

Две тени
За тобой летели,
Как бы охвачены борьбой.
«Смотри! — я закричал в смятенье.—
Как две соперницы, две тени,
Две тени мчатся за тобой!»
И как ты на меня ни сетуй,
И как ни топай ты ногой
И убедиться ни советуй,
Что тень одна от лампы этой,
А тень другая — от другой,
Но что бы там ты ни хотела
И что за пляску ни пляши,—
Две тени за тобой летело:
Одна казалась тенью тела,
Была другая —
Тень души.

1970

* * *

Букет
Валялся посреди стола.
Я видел: по цветку вечерняя пчела,
Как будто ничего и не подозревая,
Медлительно ползла, последний сок пила,
Заботливо верша текущие дела,
Как будто бы цвела
Действительность живая.

1970

ДЕТИ ПРИРОДЫ

Природа
Нам родная мать,
И мы ее, как дети, сердим,
И ухитряемся ломать
Мы всё кругом со всем усердьем.

И, рассердив ее до слез,
Мы глаз своих не подымаем,
Но молнии за розги гроз
Мы шаловливо принимаем.

А вдруг иссякнет даже гнев
И вдруг на иждивенье к детям
Она захочет, одряхлев?
Что мы на это ей ответим?!

1970

ЛИСЕНОК

Не то ребенок, а не то бесенок,
Из леса выйдя, преградил мне путь,
И это был малюсенький лисенок,
Меня не испугавшийся ничуть.

Он понимал, что я его не трону
Хотя бы потому, что так он мал,
Что это исключает оборону,—
Он всё это прекрасно понимал!

Вот и глядел он на меня подобно
Тому, как дети на большого пса,
Присев на корточки, глядят беззлобно.
Но тут его окликнула лиса.

Он скрылся. В чаще что-то затрещало.
Должно быть, мать в норе, в лесном жилие,
Его учила, мучила, страшила
Рассказами о модных ателье.

1970

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА

Изобразительные средства,
Неисчислимо их богатство —
Внезапное добрососедство,
Свобода, равенство и братство.

И в необыденность земную
Неправды вовсе не внесу я,
Коль белым мелом тьму ночную
Я вам умело нарисую.

И сажей черною печною,
А если нужно — даже углем
Изобразю вам полный зноя
День, озаренный солнцем круглым.

1970

* * *

Еще шалят,
По-летнему одеты,
Без сандалет меж многолетних трав
Несовершеннолетние поэты,
Пятидесятилетних осмеяв.

И, блеском поседения согреты,
Еще бредут тропой меж тучных нив
Семидесятилетние поэты,
Шестидесятилетних оценив.

Но ни в кого не брошу я ни камня,
Осенним солнцем до того согрет,
Что кажется, бывает иногда мне
Не только сто, а много тысяч лет!

1970

* * *

Решение
Уйти в монахи,
Забиться во святую щель
От хохота кнута и плахи —
Вот смысл, вот истинная цель
Ухода в тихую обитель.

Но лишь переведешь ты дух,
Как снова, рясы терebитель,
Жужжит, — ведь ты не слеп, не глух! —

Мир про свои мирские страхи,
Про колдовство и ведьмовство...

Решение уйти в монахи
Не упасет ни от чего!

1970

ЗАВЕТ ВЕРЛЕНА

Мне
На заре
Верлен приснился
И, чтобы сон мой объяснился,
Сказал мне русским языком:

«Поэзия — не что иное,
Как похождение шальное,
Когда ты крадешься, объятый
Передрассветным ветерком,
Чтоб мяты аромат и тмина —
Ничто не пролетело мимо.
Всё остальное — писанина!
Скажи им русским языком!»

1970

ЯВЛЕНЬЕ ТЮТЧЕВА

Когда
Твердят заученно
Чего-нибудь из Тютчева,
Я чую: мне поручено
Проникнуть в чувства Тютчева...

Кому нужны стихи твои?

Не лаврами,
Не миртами,
А серой и селитрою —
Остывшим пахнет выстрелом
В лесу бумажно-лиственном,
Где с Пушкиным покончено.

С тех пор
Как с ним покончено,
Кому нужны стихи твои,
Звучащие утонченно!

Затучило, затучило...

Кто выступит за Тютчева?
Еще не грянул час его,
И острый глаз Некрасова
Средь сумрака зыбучего
Хотя и видит Тютчева,
Но не провозгласил еще
Некрасов, что за силища
Творения могучего,
Хотя и с ним несхожего,
Еще для мира божьего
Неявленного
Тютчева!

1970

БАЛЛАДА О ФЕДОРЕ ДОСТОЕВСКОМ

Невский
Остается просто Невским,
Отвергая переименованья.

Достоевский
Остается Достоевским,
Отвергая перетолкованья.

Быть бессмертным
Тяжкая повинность!
Бытие мыслителя один из
Самых фантастических романов.

«Расскажите, милый Валиханов,—
Попросил Чокана Достоевский,—
Что теперь творится в Петербурге?»

И сказал Чокан, на запад глянув:
«Друг мой, .
Невский остается Невским,

Как и Достоевский Достоевским,
Даже если загнан к черту в турки!»

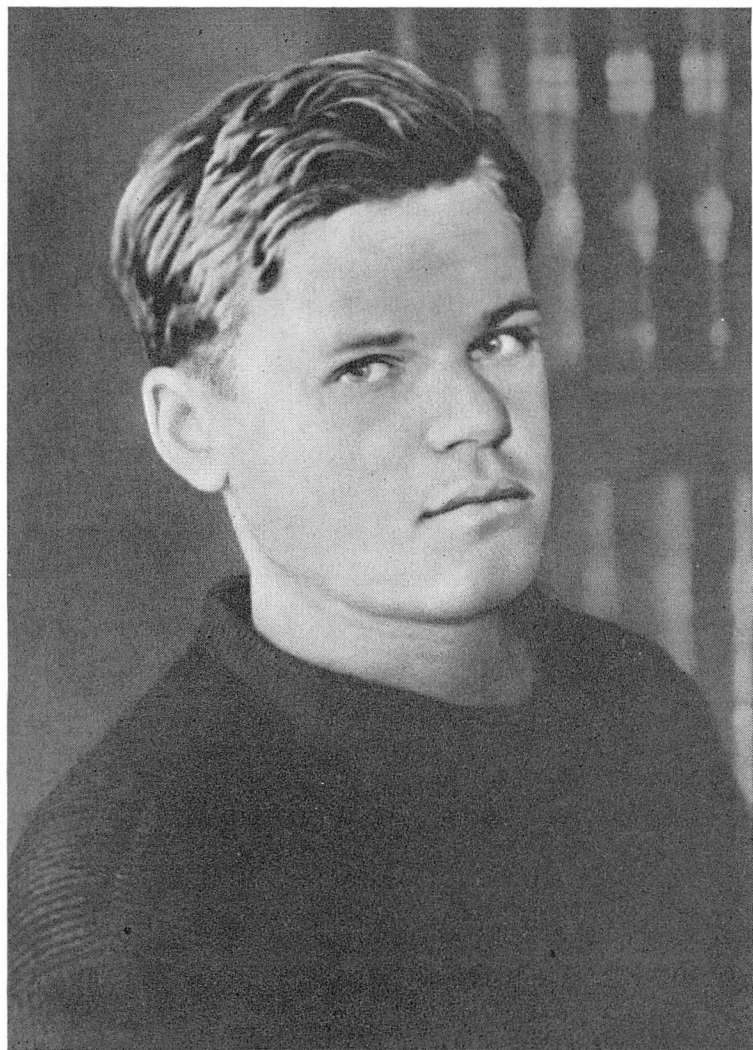
Впрочем, был ли сей ответ столь резким?
Мне проконсультироваться не с кем,
Так ли точно средь степных курганов
Выразился славный Валиханов.

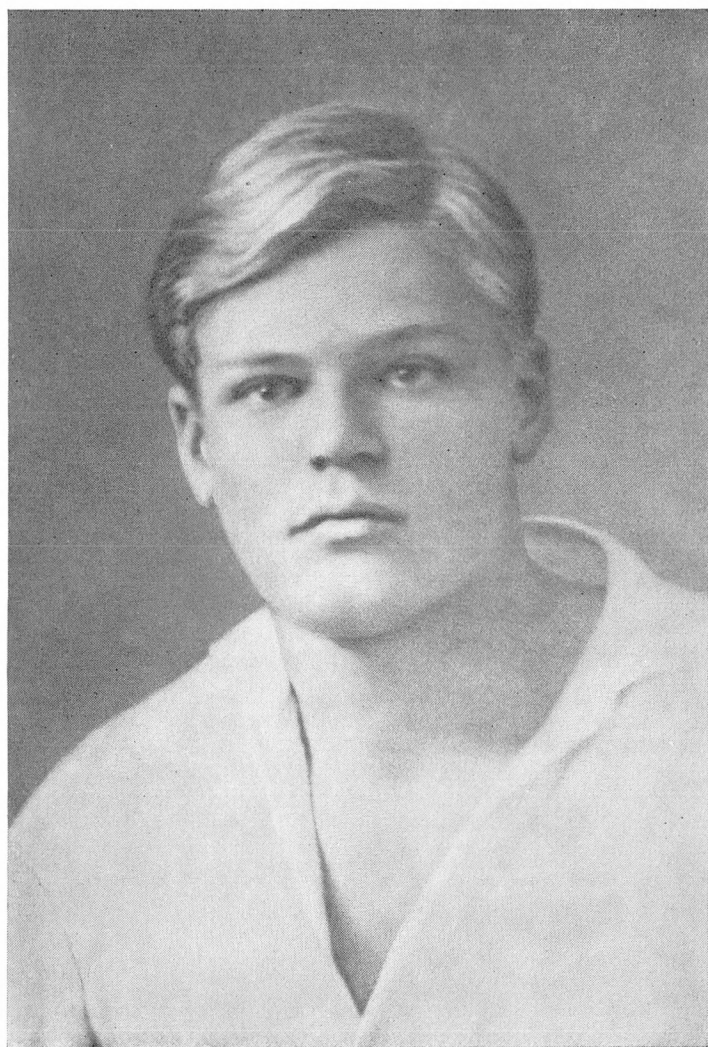
Но ведь Невский
Остается Невским,
Как и Достоевский Достоевским,
Точно так же, как и Валиханов,
Хоть и много разных великанов
И живых и всяких истуканов
За сто лет
Исчезло,
В Лету
Канув!

1970

ДАР ВООБРАЖЕНИЯ

Вы знаете,
Что значит быть поэтом,
Но молодым еще, и с этой целью
Печататься по маленьким газетам
Без подписи, петитом, нонпарелью,
Быть репортером — и на том спасибо:
Ведь для стихов в газетах мало места! —
Описывать открытие Турксиба,
Строительство совхозов Зернотреста,
Не спать ночей, торчать на телеграфе,
Затем засесть без всякого зазнайства
За оформленье автобиографий
Орденоносцев сельского хозяйства,
Не только правя знаки препинанья,
Но и цитируя постановленья...
И дерзко написать воспоминанья
Упорного борца за становленье
Советской власти, будто бы при этом
Ты сам участник каждого сраженья,—

Всё потому,
Что, будучи поэтом,
Имеешь чудный
Дар воображенья!

1970

МЫ С ТОБОЙ

Мы были
Точно свет с небес,
Но от себя не утаим:
Ослабевают интерес
К моим блистаньям и твоим.

А почему?
А потому,
Что, излучающие свет,
Мы оба озаряли тьму,
Которой нынче больше нет.

А почему?
А потому,
Что нашей милостью она
Рассеяна, озарена,
Хоть мы с тобой и не рассвет!

1970

* * *

Лечу во времени,
Скрестивши на груди
Живые руки, жадно наблюдая
Лёт встречных тел,
И звездные дожди,
И всё, что остается позади,
И всё, что создается впереди.

Вот так лечу во времени,
Среди
Лучей и туч.
Затея не худая,
И не шепчу себе я:
«Погоди!»

1970

ПРОШЛОЕ

О Прошлом,
Снегами запорошенное!
Зачем и вновь ты гредишь, ответь?

И Прошлом,
Об этом ясно спрошенное,
Вдруг на дыбы восстало, как медведь.

Я выстрелил,
И пало как подкошенное
Оно, чтоб дикой кровью багроветь.

О Прошлом,
Пожарами окрашенное, колючими стожарами
украшенное,
Медвежья шуба, сброшенная с плеч,
Не ты ль висишь,
На вешалку повешенное, о Прошлом и грешное и бешеное!
Но можно ли тобою пренебречь?..

1970

* * *

А, это ты,
В мечтах своих витатель,
Скрывающийся в эпос, словно в крепость,
Срывающийся в прозу, словно в пропасть,
Кидающийся в лирику, как в реку,
Не слыша ни ку-ку, ни кукареку!

Да, это я —
Эпох соприкасатель
В тоске по галактическому млеку,
Пером неутомимый потрясатель,
Бессонный предрассветный облетатель
Миров, которых надо человеку!

1971

БЕЗБОЖНИЦА

Сегодня вечером, как дьявол,
Безбожнице я толковал,
Кто был Христос, кто Савл, кто Павел
И кто во храме торговал,
И многое еще иное,
Что атеистки не поймут,
Давно осмысленное мною,
А ей чужое, как талмуд.

Внимала речи о былом
Она, невинная, как ангел,
Который будто по рогам бил
Меня сияющим крылом.

1971

ГАЗЕТНАЯ ТЕМА

Газетных тем
В стихах мне не простят,
Но не нотаций жду и не оваций,
И нет поблизости ни муз, ни граций,
Лишь на антеннах ласточки гостят,
И листья, как газеты, шелестят,
И слышен писк каких-то дальних раций,
И ясно всё без всяких иллюстраций:
В природе вновь какой-то перепад.
И ночь. И снова ветрено и сыро.
И вихри так сшибаются с листвою,
Как будто бы над самой головой
Плывет не лайнер в бездне буревой,
А мечется, как смуглый ангел мира,
Индира Ганди в шубке меховой.

1971

ТАЙНЫЙ ДРУГ

Ты, мой друг,
На одной из бушующих рек
Мне, тонувшему, бросил спасательный круг,
Чтобы выбрался я на спасительный брег,

Одинок, никого не увидев вокруг,
Потому что моих благодарственных рук
Постеснялся, неласковый ты человек!

1971

ВООБРАЗИТЬ СЕБЯ СОЗВЕЗДЬЕМ

В кромешной тьме
Студеной ночи
Мерцают звезды-одиночки:

«А что нам прятаться за тучкой?
Столпиться бы
Могучей кучкой!»

И дикий вихрь летит с известьем:

«Решили
Звезды-одиночки
Вообразить себя
Созвездьем!»

1971

ЗЕМНАЯ НОША

Пронзят
Меня лучами,
И в свете их огня
Вдруг крылья за плечами
Увидят у меня,
Но не заметят ношу,
Которую тащу
И никогда не сброшу:

Она
Мне
По плечу!

1971

Со смерти
Всё и начинается,
И выясняется тогда,
Кто дружен с кем,
Кто с кем не знается
И кем земля твоя горда.
И всё яснее освещается,
Кто — прав, кто — прах,
Кто — раб, кто — знать...
А если смертью всё кончается,
То нечего и начинать!

1971

БУДНИЧНОСТЬ

О, Будничность
Мудрее мудреца!
Она и помечтать не в состоянье.

Я шел, как в фантастическом романе,
А Будничность стояла у крыльца,
И я сказал ей:
«Обрати вниманье:
Гуляют в космосе два храбреца,
Топча ногами лунное сиянье».

Но Будничность не подняла лица:
«А что смотреть? Отсюда их не видно!»
— «Нет! Видно их!» — я закричал бесстыдно.

Но Будничность ответила:
«Ясней
Покажут на экранах их поздней».

И, как бы это ни было обидно,
Была права. Не стал я спорить с ней.

1971

ЭФИР

Я был
В эфире.
Там игра на лире,
Но чем она кончается — известно!

В эфире тесно,
Бесконечно тесно...
Там стонут струны, стянутые туго,
И вышибают игроки друг друга
Щелчками, кулаками и локтями
Во мгле, где звезды сыплются горстями,
Похожи на разменную монету.

Я говорю:
В эфире нету мира,
Да и эфира никакого нету
И не было.
С его благоговейным
Дыханием отвергнут он Эйнштейном.

1971

КОРОЛЬ

Вы знаете, что в Омске жил король,
Король писателей — Антон Сорокин,
И пламенно играл он эту роль,
И были помыслы его высоки.
Сам выйдя из купеческой семьи,
Он издавна боролся с капиталом
И манифесты выпускал свои,
И колчаковских бардов обличал он.
Колчак хотел его арестовать,
Но не успел...
О, призраки былого!
Я начал у Сорокина бывать
В компании Уфимцева, Жезлова,
Шебалина, а также и других
Художников, артистов и поэтов
Году в двадцатом.
Гром войны затих,
Восстановилась власть Советов,

Но, не ценя спокойствия ни в грош,
Антон Сорокин собирал, неистов,
Вокруг себя шальную молодежь —
Мечтателей, фантастов, футуристов,
И нос куда не надо он совал;
Всё так же полупризнан, как и прежде,
По-прежнему писал и рисовал,
По-прежнему неряшлив был в одежде,
И счетоводом, как и встарь, служил
Он в управленье железнодорожном.
И с королем, конечно, я дружил,
Но попрекать его считал возможным,
Что он жену свою не бережет,
И на издание книг не шлет заявки,
И всяким графоманам выдает
О гениальности пустые справки.
И как-то раз, ему за что-то мстя,
А именно за что, увы, не помню,
Но написал я, у него гостя,
Стих едкий. Вот что в голову пришло мне:

«На кухне чад,
На окнах лед,
А на стене часы остановились.
Антон Сорокин,
Что вас ждет?
Антон Сорокин, вы остановились!»

А он сказал:
«Признание ждет меня,
А не судьба какая-то иная».
Отчетливо я это вспоминаю,
Как он сказал, спокойствие храня:
«Признание ждет меня!»
И скорбь и боль —
Всё было тут, хоть и ошибся в сроке
Он, памфлетист, художник и король
Писательский, Антон Сорокин!

1971

СТАРЫЙ ГРЕХ

Пьер Мартин де ля Мартиньер, корабельный врач
Датской коммерческой экспедиции,

Посетил Лапландию, Колу, Урал, Вайгач,
Описал экономику, быт, и традиции,
И езду на собаках, и блещущий снег,
И зверобойные промыслы,—
Словом, всё, чем далекий семнадцатый век
Занимал деловитые помыслы.
И между прочим, вскользь,
Мартиньер упомянул, что с Новой Земли,
На которую рейс был удачен их,
Мореплаватели увезли
Аборигенов захваченных.
Правда, сказано: датский король Фридерик,
Видя пленников этих страдания,
Приказал, чтоб они изучали датский язык
И не скучали в Дании.
Но что с ними сделалось в конце концов —
Ни про живых, ни про мертвецов
Не говорят мне предания.
А Пьеру Мартину де ля Мартиньеру
Ученые до сих пор читают мораль,
Обличают его, что не врач он, а враль:
Покупал у лапландцев
За несколько крон и за фунт табака
Узелки попутного ветерка,
И в неправдах других, малозначащих,
Забывая его самый главный грех,
Что участвовал он в похищении тех
Беззащитных людей,
Горько плачущих!

1971

* * *

Ветер
С юга на север
Повернул флюгера
И сомненья посеял,
И признаться пора:

Я устал, я недужен,
И, покорный судьбе,
Никому я не нужен,
В том числе и тебе.

Этот жребий заслужен:
Лишь в упорной борьбе
Всем на свете я нужен,
В том числе и тебе.

Ветер северный южен,
Унывать — сущий грех:
Всем на свете я нужен,
А тебе —
Пуще всех!

1971

СЕМЬ ПАР

До чего мы стандартному рады,
Будто разных не хватит всем чар!

Над рекою у балюстрады
Появилось семь пар.

Где тонул в излученьях прозрачных
Стадион за рекой в Лужниках,
Появилось семь пар новобрачных
С одинаковыми цветами в руках.

На красавицах были одинаковые
Длинные-длинные белые платья
Неотличимой красоты.
С одинаковыми стрелками на циферблате
Тикали на запястьях часы.
Словом, всё было в совершенно одинаковых
формах,
Будто вплоть до сиянья в зрачках.

Но не всё!
У одних были туфельки на платформах,
А у других — на тонюсеньких каблучках.

И от разницы той невеликой
Вдруг слышалась песнь соловья:
«Как там часики ровно ни тикай,
А у каждой доля своя!»

1971

ОРЕХ

В эти годы
Небо было вьюжно,
А снега кой-где еще в крови,
И слезу роняющим жемчужно
Жизнь кричала грубо: «Не реви!»

Вот и помню я слова твои:

«Не в чести любовь и соловьи,
Ничего доказывать не нужно,
Неудавшихся стихов не рви.
Наша радость — вписанный в окружность
Треугольник чувственной любви».

Ну а дальше как? Восстанови!

«Это символ непризнанный,
Но немые жалящий уста,—

Так писал ты, юноша, спроста,—

Это тот орех нераскусимый,
Сердцевина коего пуста».

О юнец, святая простота,
Знал бы ты, сколь Будущее емко,
Так не раскричался бы столь громко!

Ну уж ладно, бог с тобой, живи.
Ничего утаивать не нужно,
Неудавшихся стихов не рви
И не переделывай натужно!

1922, 1972

* * *

Дождь
Подкрался неожиданно,
Незамеченно почти,
Будто не было и выдано
Разрешения пойти.

И, препятствия возможные
Осторожно обходя,
Он петлял.
Шаги тревожные
Были ночью у дождя,
Чтоб никто не помешал ему
Вдруг по пыльному крыльцу
Заплясать, подобно шалому
Беззаботному юнцу.

1972

* * *

Снежинка-горожанка,
Слезинка с влажных крыш,
Снежинка-гаражанка,
На фарах ты висишь.
Тебя мне даже жалко,
Снежинка с мерзлых клумб,
Снежинка-театралка
С афишных пышных тумб.

Сорвись, умчись за город,
Во тьме чтоб твой кристалл,
Попав зиме за ворот,
Как крестик, заблистал.
Крестьянка, христианка,
Языческий божок,
Под валенком хрустянка,
Снежок под сапожок.

Лети, нагое тельце,
Причастное к судьбе
Полей, где земледельцы
Мечтают о тебе,
Мерцающей на клумбах,
Перильцах и столбах
И на афишных тумбах
Седых, как И. С. Бах.

1972

МОХОВАЯ

Тебя
Я помню,
Моховая,
В первоначальном естестве
От дроз и дровен до трамвая
С Охотным рядом в кумовстве.
Исчезли сани, скрылись кони,
И разве только ты сама
Вдруг объявляешься на склоне
Библиотечного холма,
Громадой Университета
Взбираясь к Ленинским горам,
И шпиль, блестящий, как ракета,
К соседним тянется мирам,
Хотя и здесь всё выше, выше,
Фотонно-звездною тропой,
С высот библиотечной крыши
Идут философы толпой.

1972

СТОГЛАВ

Стоглав
Писала тьма седин,
Когда-то при Иване Грозном,
А я пишу еще один.

Но, может быть, давно уж поздно:
Опричников нет у застав,
Лампады гаснут, отблестав,
И свечи не мигают слезно,
И что мне до церковных прав.

Не благочиния устав
Пишу, а повесть в сотню глав,
Дабы, ее перелистав,
Вы призадумались, кто прав,
И кто судил, и кто судим,
И кто остался невредим,
И кто не познан, не опознан.

Москва уже не Третий Рим
И Новгород не господин,
Но горизонт необозрим,
И средь степей, полей, дубрав,
Как встарь, под этим небом звездным
Раздумий час необходим.

Стоглав
Не пишется
Стремглав!

1972

СТИХИ И ПРОЗА

Становятся
Совсем бессвязны
Стихи, лиричны до отказа...
А не поддаться ли соблазну
Засесть за прозу, за рассказы,
Чтоб, вымышленными именами
Действительных не заменяя
И, как это бывает с нами,
Ничем себя не опьяняя
И без лирического зуда,
Изобразить за дивом диво,
Нагромоздить на чудо — чудо
Еще правдивей,
Чем правдиво!

1972

ГУСЕНОК

Вот ведь, поди, разберись ты
В облике гитариста
С гривою львиной почти!

В юности я не таким был,—
Видел в гитаре я символ
Пошлости.
Не по пути
Были мне гитаристы...
Коротко говоря,

Гитаристами были канцеляристы,
Семинаристы
И писаря!

«Что ж ты любил? Пианино?
Клавишей белый оскал?»

Нет! У меня была окарина,
Я в кармане ее таскал.

Была окарина черной,
Полая, в дырочках вся,
Напоминая формой
Браунинг и гуся.
Голос ее был звонок:
Окарина по-итальянски — гусенок!

1972

ГРОМ И МОЛНИЯ

«О, только в молодости снится
То, что позднее наяву
Объявится и объяснится!»
Я так и думал: «Доживу!»

Когда усталость кровь не студит,
Забот сосульки не висят,
Дерзаешь видеть то, что будет
Лет, скажем, через пятьдесят.

Ведь только молодым глазищам
И удается разглядеть,
Что в старости мы тщетно ищем,
Давно успев им овладеть.

Поэты, дерзкие, как дети,
Так мечут молнии пером,
Что только лишь через столетья
До мира донесется гром.

1972

БОРЬБА

Сколько раз я говорил себе,
Что стихи писать я перестану,
Но одумывался: как же стану
Разбираться в собственной судьбе,
В непрерывной внутренней борьбе
Отличая правду от обмана?
Это — как борьба Добра и Зла,
И не помню, чтобы верх взяла
Рифма-кривда, брякнувшая ложно,
Просто так, для красного словца,
Не жалея своего творца.

Слава богу, это невозможно!

1972

ВЕТВИ

Эти ветви,
Ветви голые,
Нависают с высоты,
Будто мокрые, тяжелые,
Сыромятные кнуты.
Будто бы,
Угрюмо заткнуты
За тугой кушак ночей,
Змеевидные висят кнуты
Наподобие бичей.
Виснут,
Чтоб с немим проклятием
Неприятелям грозить.
Но не надо быть мечтателем,
Чтоб себе вообразить,
Как среди
Весенней зелени
Вспыхнут добрые цветы
На ветвях,
Хоть и висели они,
Будто злобные
Кнуты!

1972

ПОШЛОСТЬ

А если вновь восторжествует пошлость?
«А кто сказал, что не побеждена
Постылая вчерашность, позапрошлость?
Подать сюда мне этого лгуна!»

Чтоб замахнуться, в руки ты берешь трость...
Но, если вновь восторжествует пошлость,
Узнаем, какова тебе цена!

1972

АВТОПОРТРЕТ

Мне
Мечталось,
Будто, роясь
В сонном оползне горы,
Я нашел пещеру, то есть
Рукотворный свод норы,
И проделанный анализ
Показал, что пеплы в ней
На проверку оказались
На миллионы зим древней,
Чем считалось вероятным
По расчетам прежних лет,
Ибо стало мне понятным:
Смутный свой автопортрет,
Сытый мясом, кровью пьяный,
На камнях нарисовал
Тот, чей предок обезьяной
Никогда и не бывал.

1972

ВСТАНУ РАНО

Встану рано,
Очень рано,
Рукавицы натяну,
В белой шубе из бурана
Выйду, глядя на луну;
На Двину взглянув, надвину

Шапку пышную на лоб,
Сделаюсь наполовину
Сам похожим на сугроб,
На сугроб, на гору снега,
Наметенную зимой
На Двину и на Онегу
Будто вечностью самой,
Чтоб по истеченью сроков
Не истечь пустой слезой,
А над живостью потоков
Грять майскою грозой!

1972

* * *

Ты у меня,
Я у тебя в объятьях,
Одни и те же часто видим сны,
Но одинаково истолковать их
Мы не вольны.

И дышим мы с тобой одним покоем,
Но никогда его мы не храним,
Как будто бы себя мы успокоим
Лишь беспокойством, только им одним!

За этот мир, который не подарен
Друг дружке, а совместно сотворен,
Не буду я покорно благодарен,
А буду непокорно благодарен,
Доволен, волен и непокорен!

1972

СУГРОБЫ

Мне зимою легче пишется,
Потому что легче дышится.

Ночь, суровая сподвижница,
Воздвигает белый храм,
Но стремительно, как лыжница,
Память мчится по горам

Над несмелыми страницами,
Как над белыми границами
Достоверности немой...

Так привольно я зимой
Прыгаю через сугробы
Аж до неба высотой!

1972

КЛОНЯТСЯ ДЕРЕВЬЯ

Не понять,
К чему деревья клонятся!
Что такое действует на них?!
Кто дотронется? Чего сторонятся?
Дело вот в чем:
Ветер был, затих,
Но боятся — вновь на них накинется
Он, уже промчавшийся давно...
И хоть листик ни один не двинется,
Клонятся деревья
Всё равно!

1972

ВСТУПИВШЕМУ В ЛИТЕРАТУРУ

Ты с умилением читаешь
Страницы книг, своих же книг,
И сам от умиленья таешь:
В какие тайны ты проник,
Как будто в облаках витаешь...

Но где-то под тобой возник
И леденеет, нарастая,
Не кто иной, как сам ледник!

О умиленных поколенья,
Не всех ли ваших вздохов взлет
И все слезинки умиленья
Преображает небо в лед!

Пусть разум, трезвый,
Как диспетчер,
Следит, и — не спуская глаз,
Дабы с высот не рухнул глетчер
На вас самих
В недобрый час!

1972

БАКЕНЫ

Дни
Всё короче
Становятся ясные,
И на реке, отходящей ко сну,
Бакены белые, бакены красные
Сонно столпились в компанью одну.

Ждут, вероятно, буксирного катера,
Чтоб, за него уцепившись потом,
Тихо уплыть с голубого фарватера
Прочь на зимовку в какой-то затон.

Но неужели же прямо на целую
Зиму они уберутся с реки,
Конусы красные, конусы белые,
И, звездочетские сняв колпаки,
Отяготятся земными заботами,
И, на шуршащую глядя шугу,
Сгорбятся над годовыми отчетами
Там, в канцеляриях на берегу!

1972

ЭЛЕГИЯ

А как тут зимой?..
Ветер крутит снегами,
Таковыми снегами, такими кругами,
Как будто бы пляшут богини с богами,
Крылатую вечность влача за плечами.
Но это зимой и, конечно, ночами,
А в летнее время такими вещами

Никто и не грезит здесь в чаще.
Сейчас в ней,
Конечно, спокойней, теплей, безопасней
С шатрами, с долбящими лес топорами,
С кострами, которые вздуты ветрами,
Пылают, вия огневые спирали,
В чашобе...
Но как ты ни благостен здесь в ней,
Мечтая о сладостном птичьем хорале,
Июль со своей комариною песней —
Зимой здесь пристойней, прекрасней, прелестней!

1972

* * *

На детские твои нападки
В ответ скажу я лишь одно:
Ребята делают рогатки
И в яблочко стреляют, но
При этом и сшибают с веток
И певчих птичек всех расцветок,
И это вовсе не смешно...
Ты, яростная, как зенитчик,
В запальчивости бьешь в окно,
И так открытое давно,
Но продолжай —
Мне всё равно!

1972

ЗОРИ

Так медленно
В мае смеркается,
Как будто под бледной звездой
В купель со святою водою
Земля опускается...

Ей хочется
В чем-то раскаяться,
Чтоб всякая скверна отверглась,
Но надо сначала, чтоб смерклось,
А нет, не смеркается...

С рассветной зарею смыкается
Закатная зорька.
И некогда каяться горько!
Хитро и премудро
Истории зори
Смыкаются.
Свыкается
С вечером
Утро!

1972

БЕЛЫЙ САД

И снова
Эти споры о верлибре
И о тщете созвучий невпопад...

А белый стих похож на белый сад,
В котором отпорхавшие колибри —
Опавшие созвучья не летят,
А на ледок прудов они налипли,
И всех их без метелок и лопат
Снега прикроют, но и снегопад
Не вечен тоже, и не вечно сед
Сад, в коем тьма беседок для бесед
О том, что вихрь затем и сучья вздыбил,
Чтоб вешней ночью над любым кустом
Зашелестели листики о том,
Что вновь родятся
На свою погибель!

1972

ЧЕРНЫЙ ШАР

На Черном море
Этот черный шар,
Шершавый шар мне с гор свалился в дар.

Чем он богат?
Таится в нем агат,
Который миллионы лет назад
Сварила вулканическая печь!

А может быть, когда здесь, бородат,
Всевластвовал Евпатор Митридат
Среди аркад и белых колоннад,
Шар черный вытесал каменотес?

А может быть, турецкая картечь,
Ища с картечью гемузской встреч,
В Понт плюхнулась?

Чтоб истину извлечь,
Над головой я этот шар вознес
И навернул с размаху об утес.

Ба! Это просто глиняный комок
Окаменел. Но я ему помог
Расторгнуться на множество частиц,
Из коих смысл извлек я кой-какой,
Собрав их вместе собственной рукой
В подобья неких туловищ и лиц.
И вот перед тобою, посмотри,
Стоят скульптурки эти, счетом три:
Грек, гемузец, турок-янычар!..
Так моего воображенья жар,
Руки движенье, об утес удар
Преобразили этот
Тусклый шар.

1972

НОКТЮРН

Я темноты ищу.
Она
Как будто прячется куда-то...
С обратной стороны заката
Вдруг выявляется луна
Сквозь марево городское,
Окрашивающее небеса...

Я темноты хочу, покоя...
А, тучи! Дождик начался.

Но, крупный дождь, прошел и ты,
И звезды вспыхнули все сразу,

И снова не хватает глазу
Всё той же самой темноты.

Да можно ли ее желать:
Спит ночь такой чердачной кошкой,
Что хоть чуть-чуть ее погладь —
Запляшут искры под ладошкой!

1972

УМЕНИЕ

Взвыл ветер:
«Лампу потушу!»
И потушил.
Но тем не менее
При вспышках молний я пишу.
Осваивается умение
Писать, когда гроза пришла,
Чтоб в яростном потоке токов
Могла домчаться, как стрела,
Мысль до бумаги.
У пророков,
Мне кажется, расчет был прост:
Свечам и факелам не веря,
Творить при вспышках новых звезд
И новых гроз,
По крайней мере!

1972

СОДЕРЖИМОЕ ТОГО ИЛИ ИНОГО ЯЩИКА

Содержимое
Того или иного ящика
Письменного стола...

На живую повесть нет заказчика,
А сама собой она росла.

На такую повесть нет заказчика —
Это не заказ и не приказ,
Да и сам похож не на приказчика
Я, творящий без прикрас.

Но и то, что и само выращивается
От больших до маленьких вещей,
Часто ускользает, словно ящерица
В щель. А я ведь не Кашей!

Ищется — так, значит, и обрящется!
На тебе! Попробуй откажись,
Наша общая душеприказчица,
Ты большая растеряха, Жизнь!

1972

КЛАССИКА

Я вторгся в чужой мирок —
Вновь перевел сто строк
Доброго своего знакомого, классика,—
Вторгся в дом его, в храм его.

Дома его не застал,
Но всё по-иному там, заново,
Необычайно для глаз, словно не в прошлый раз.
Всё по иным местам, новые звуки, краски,
Даже — и пьедестал!
Жизнь не застыла и там,
В классике!

1972

БОЙ КОЛОКОЛОВ

Читатели
Моих трудов,
На книжных складах не лежащих,
Вы собиратели плодов
В садах, нам всем принадлежащих!
Любители моих стихов,
Вы и поныне остаетесь
Носителями тех мехов,
Что с вами я добыл, охотясь.

Умельцы виноград срывать,
Потребный на такие вина,
Которые я пировать

Оставлю вам наполовину,
Коль даже выплеснуть вино
В порыве трезвости из чаши
Задумаете — всё равно
Едины упования наши!

И точно так же, как весной
Закат сливается с рассветом
И с грозами июльский зной,
Мы будем вместе в мире этом,
Где уповает зверолов
В одно не слиться с лютым зверем,
Как смутный бой колоколов
В одно сливается
С безверьем!

1972

ПАСТОРАЛЬ

Я думаю
О молодых талантах
И вспоминаю старые стихи,
Которые в позднейших вариантах
Я, выправив, конечно, мастерски,
Тисненью предал в толстых фолиантах...
Друзья! Не изменяйте ни строки!
Конечно, изменил я пустяки,
И цело всё — и плоть и костяки,
Но будто молодые пастухи
В почтенных пастырей преобразились,
Хотя и не читающих мораль
Пастве своей, но златорунных скрылись
Стада овец, и кислый месяц вылез,
Брюзжащий с неба:
«Вот так пастораль!»

1972

ДОМ ОТЧИЙ

Строительства
Не ладятся без планов,
Хотя бы мысленных...
И в дебрях диких,

В грибную осень с головою канув,
В блистании росинок сердоликих
На главах трав, я вижу, что, воспрянув
Среди сморчков слепых и безъязыких,
Вы, подосиновики, на Великих
Иванов, крутобоких великанов,
Походите: столь бел, столпообразен
Ствол, что за ножку счесть его негоже!
И может быть,
Внимательный Бон Фрязин,
О златоглавцы, в буйных травах лежа,
Пленился вами и, премудрый зодчий,
Структуру вашу
Внес в свой план рабочий!

Природы храм
Для зодчего —
Дом отчий!

1973

ДУХ ТВОРЧЕСТВА

Есенин
Беседовал с Блоком:

«А вот посмотрели бы вы,
Как в омуте мечется окунь,
Сам пленник плененной плотвы!
В луну через льдистую настудь
Стремится всосаться налим.
От жажды схватить, заграбастать
Дух творчества неотделим!
Но в клетке сидящая птица,—
Скажу я, чтоб стало ясней,—
Стремится поглубже забиться,
Коль тянете руку вы к ней.
А вас,— вы не поняли, что ли? —
Хватает благая рука,
Чтоб выгнать из клетки на волю,
На волю, под облака!»

А Блок улыбался, рассеян...
Но это движенье руки
И как волновался Есенин —
Всё внес он в свои дневники.

1973

НА СМЕРТЬ ПИКАССО

Не солнечными ли протуберанцами,
А также не в связи ли с ними,
Весной пожарами лесными,
Возникшими на юге Франции,
Отмечен смертный час Пикассо?

Оплакать Лермонтова гибель
В горах Кавказа
Хлынул ливень.
И полным солнечным затмением
Была смерть Горького отмечена...

Чем это было? Совпадением?
Тогда число их бесконечно!
Но надо подлинно возвыситься,
Чтоб на печаль бы отвечали
Не только вздохи летописца!..

1973

НОВОСТИ

Как с Голгофы,
Где, глаза на носителя креста,
Хотела чернь проста,
Как с арены Колизея, что и ныне не пуста,
Как с ганзейского Ост-Зее до морозной Мангазеи
По увалам волн-голгоф к берегам ее снегов,
Как позднее пароходик
Добежал взамен стругов до заморских берегов,—
Так и новости доходят
От соседских очагов до соседских очагов
Без Британского музея и промышленных кругов,
И без фар автомобильных,
Грозных, как глаза богов,

Без уловов меркантильных
И бокалов собутыльных,
И без пыльных
Семимильных
Скороходов-
Сапогов.

1973

* * *

О, Сибирь,
В летах своих и зимах,
В каланчах пшеничных калачей
И в звериных рыках, доносимых
С Васюганья и еще дичей!

Но в пушных я кипах не копался,
А ужасно был мне по душе
Тот смельчак, что яростно купался
В проруби зимой на Иртыше.

Он во мне восторженность немую
Возбуждал, отважный человек,
По-июльски пламенно зимуя,
Где от стужи млело тело рек.

Впрочем, я потом купался тоже,
Не однажды, в ледяной воде,
Но, пожалуй, расскажу я позже,
По какому случаю и где.

1973

ПЕРЧАТКА

Сперва
Бросается намек,
Затем бросается упрек —
Зверек на мелкую добычу,
Но чаще в этом что-то птичье:
Бросок — и в клюве стрекоза!

Сперва бросается в глаза
Усмешка, а затем — слеза.

Авось ее и не заметим,
Как бы нажав на тормоза,
Чтоб не сказать, во что мы метим,
Бросаясь тем, швыряясь этим
И отрясаясь, и затем
Касаясь вновь запретных тем
И опасаясь,
Ужасаясь,
Что остывающий упрек
Взорваться может, как взрывчатка,
А вызывающий намек
Бывает брошен,
Как перчатка.

1973

ПЛАЩ

Гроза
Гуляла по лесам.

Так грохотало, будто сам
Господь ходил по небесам
Средь молний блещущих, и дождь
Сек Саваофа во всю мощь
По бороде и по усам.

И я сквозь сон подумал: «Плащ
Длиннейший, чуть ли не до пят,
Попавшему под дождь и град
Отдам, чтоб, сед и бородат,
Укрылся бы под капюшон!»

И, чувствуя: вопрос решен,—
Я в мирный погрузился сон...

На плащ
Взглянул я утром.
Он
Был мокр, блестящ...
Им в мире снов
Воспользовался
Саваоф.

1973

УЗЕЛ БУРЬ

Сквозь
Северо-восточный день,
Взирающий на юго-запад,
Как волхв, присев на мшистый пенёк,
Развязываю я не лапоть,
А древний узел бурь.

Листва
Во всем своем великолепье
Жужжит, желта от волшебства,
И вслед за ней лечу я степью,
Как будто журавлиный крик
Уже давно за морем Черным,
Где тонет византийский лик
В Босфоре фосфорно-просфорном.

Но, темный Понт, бровей не хмурь,—
Спокойствие всему основа.
Завязываю узел бурь.
Довольно колдовства лесного!

И снова тишина окрест...
И волны на морях не стонут,
И бури царств и королевств
В лазури александроневств
Бесследно тонут!..

1973

СЕКРЕТ ПУСТОТ

В пространстве есть пустоты: птиц галдеж
В нем тонет, а порой и самолеты.
И поступи атлантов не найдешь
В глубинах вод, где глохнут эхолоты.

И также есть во времени пустоты,
И если в них невольно попадешь —
Уже нигде ты и уже ничто ты,
И место занимает молодежь.

Но это ложь! Пусть этот день, пусть тот
Казался пуст — нет никаких пустот,
Зияющих во Времени — Пространстве.

Но за спиной несет оно пестерь
Не пуст, а полон найденных потерь.
И весь секрет лишь в длительности странствий!

1973

КУСОК НЕБЕС

Меня томили
Сложные вопросы,
Которые поставить я взялся,
И улетел я от житейской прозы
В поэзию, как будто в небеса.

Но не могу смотреть как на чужую
На эту Землю, близкую вдали,
И вот с высот небесных нисхожу я
В поэзию, как будто в глубь Земли.

И не вини меня в непостоянстве,
О небо грез, с чьих грозных круч я слез
В предел Земли, которая в пространстве
Не что иное, как комок небес!

1973

* * *

К чему
Глубокое молчание,
Угрюмое, в своем углу,
Как будто бы ишу в колчане я,
Стрелок, последнюю стрелу?

А может быть, она уж пущена
Недавно, как давным-давно,
И жертва на земле расплющена,
Упав с высот? Но всё равно.

В одервененье закоснения
Висит узорчатый колчан,
И кажется, нет объяснения
Таким загадочным вещам.

А может быть, и обнаружится
Неулетевшая стрела,
И над полями птица кружится,
И я тебе не сделал зла!

1973

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Когда, вставая солнцем ясным,
Я странствую по небесам,—
Молниеносным и подвластным
Моим лишь солнечным часам,—
Не остаюсь я безучастным
К полям, болотам, и лесам,
И к людям белым, черным, красным
И золотистым, как я сам.
Но более, чем кто другая,
Ты, ночь полярная нагая,
Всегда мила моим лучам,
Лишенным яростного зноя.
И летом лишь с тобой одною
Не расстаюсь и по ночам!

1973

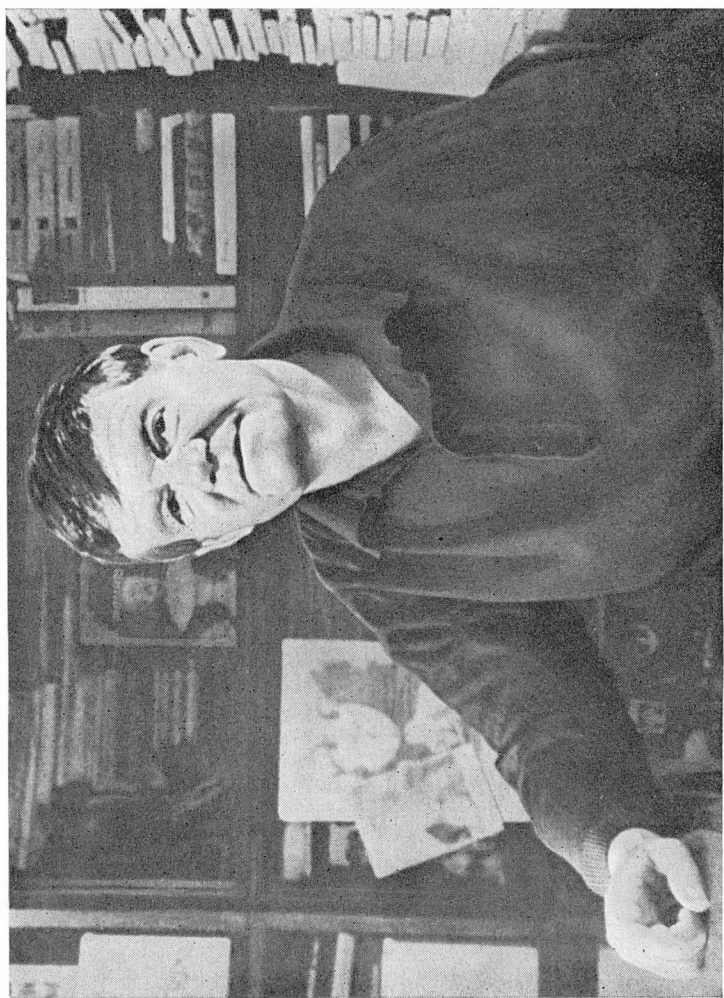
ПАН

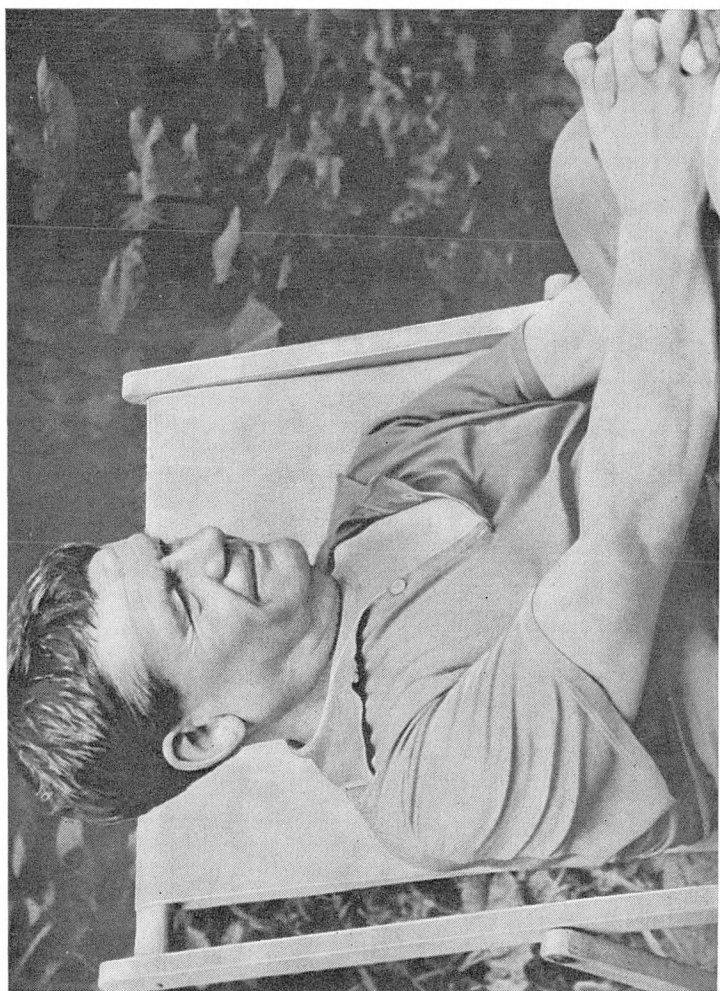
Заблуждаюсь
Я всё реже,
Что внимать мне будут рады,
Выхлынув на побережье,
Не тритоны, так наяды.

Призрачно то и другое,
А реально только третье:
Самое мне дорогое —
Люди, как большие дети.

Ибо в сквере либо в роще
Окружают всё теснее
Всё равно — пою я проще
Или несколько сложнее.

Но забыл о самом главном,
Что кажусь я очень многим —
Как ни странно — то ли фавном,
То ли Паном козлоногим!

Вот потеха, елки-палки!
Это всё не без причины:
Думаю, что из пучины
Снова вынырнут
Русалки.

1973

ГЛАЗА ЮНЦОВ

Глаза юнцов —
Ворота Космоса:
В одних — звездовороты Космоса,
В других как бы пустоты Космоса,
И где ни глянь, — в палатах каменных,
Но то же самое и в избах, —
Одни в мечтах витают пламенных,
Другие тонут в слезных брызгах.
И некоторые на экзаменах
По математике проваливаются,
Другие же на русском срежутся,
А третьих подведет история,
Но снова держат, не печалются.
И всё же вижу в каждом взоре я,
Кому какие зори брезжуются.
Глаза юнцов —
Ворота Космоса:
В одних еще пустоты Космоса,
Другим как будто сразу ясно всё
От Демокрита и до Асмуса.

1973

Ненаписанное мной
 Вдруг встает — и не ложится
 На бумажные страницы,
 Формы требуя иной
 Даже, чем воспоминанья,
 В коих всё имеет вес —
 Вплоть до знаков препинанья
 И зачеркнутых словес...
 Нет! Не изменяю быть,
 Но, как будто конь подкову,
 Я безмолвия оковы
 Наконец роняю в пыль!

1973

ЗАВЕЩАНИЕ

Мы,
 Отстранившие
 Старого бога на веки веков
 И самодержцев земных
 в иллюзорных узорных коронах
 И превратившие всяких рогатых
 и даже крылатых быков
 В ряжевых гидробыков
 или даже железобетонных;
 Мы, ощущая ущербность старинных
 ветшающих лун,
 Чтоб реактивно кружащихся лун
 породить нарождение,
 Сим завещаем тому,
 кто действительно юн,—
 Наши владенья!
 Наши владенья мы смело вверяем рукам
 Тех, кто, владея наследством
 по полному праву,
 Вновь возвратит воды — рекам,
 цветенье — цветам,
 небеса — облакам,
 И рога и копыта — быкам,
 И луга, чтоб исправно они зеленели
 у них по бокам,

Чтоб однажды Земля не спеклась
во единый потухший вулкан,
Не извергающий даже и лаву!

1973

РИСУНОК НА БЕРЕСТЕ

Как мне уверить вас, что вы не живописец,
А зрители — не люди без сердец,
Как убедить? Ведь всё это зависит
Не от меня же, наконец!

В конце концов, и я не живописец,
И даже не маляр, не богомаз,
И это не унизит, не возвысит
Друг перед дружкой ни меня, ни вас.

Но вовсе я не говорю вам: «Бросьте!»
Порою не по целым ли часам
И я, совсем как мальчик, по бересте
Чего-то выцарапываю сам.

Как новгородский мальчик по бересте,
В далеком прошлом, лет пятьсот почти:
Авось, когда истлеют наши кости,
И это может
Ценность
Обрести!

1973

С НЕКОТОРЫХ ПОР

С некоторых пор
Я гляжу как будто
С высоченных гор, чьи утесы круты,
На земной простор, чьи равнины гладки
С некоторых пор, ибо всё в порядке
С некоторых пор.
Звезды, как лампадки,
Радуют мой взор, будто все загадки
Разгадал

И спор
Кончен,
Сны так сладки,
Только очень кратки
С некоторых пор.

1973

* * *

Я писал, переводил,
В мутную кидался воду,
Будто бы не зная броду...
А теперь перебродил —
Всё скуперее год от году,
Никому теперь в угоду
Не пишу. Не угодил?
Ну и пусть не угодил —
Не дал яду вместо меду.

1973

•

ЯВЛЕНЬЯ ЛЮДЕЙ

Я людям внимаю:
И вижу, как малы
Бывают познания людей.

И я понимаю,
Какие провалы
Бывают в сознание людей.

Волнений смерчи
И неведенья тучи
Гнетут поколенья людей.

Но я понимаю,
Насколько могучи
Бывают веленья людей.

И я понимаю,
Насколько опасны
Бывают стремленья людей.

Но я понимаю,
Насколько прекрасны
Бывают явления людей.

1973

ИСКАЗИТЕЛИ

Подобно тому как Александр Третий
Сделал три ошибки в двухбуквенном слове щи,
Написав «стчи», —
Есть такие люди на свете, всё искажающие, как ты их
ни учи.
Дашь им в руки венок, а они превратят его в лучшем
случае в веник;
Зелень для них не что иное, как только приправа
для рыбных и мясных блюд;
Лира известна только в виде турецких или еще
каких-нибудь денег,
Словом — одна из иностранных валют.
А перо! Спросите у них, что такое перо?
Это для них что-то вроде подушечного пуха,
А вовсе не инструмент для выражения своих настроений,
надежд и идей.
Вот что характерно для далеко не бессмертного духа
Этих людей!

1974

СТАРЫЙ ПУШКИН

Если Пушкина вообразим
Лет семидесяти или старше —
Ни Державин и ни Карамзин
Не проступят в нем по-патриарши,

А скорее общие черты
У него с Некрасовым нашлись бы,
Если б не с гранитной высоты
На дворцы он глянул и на избы.

А позднее бы приобрелось
(Что и есть в нем!) с Александром Блоком
Сходство, если б век свой перерос
Он, отнюдь не старцем став глубоким.

Потому что Пушкина нельзя
В облике представить стариковском,
Ибо сходен, грезя и грозя,
Он с Есениным и Маяковским.

И такая общность что ни час,
Что ни день становится заметней.
Этим он и привлекает нас,
Пушкин стосемидесятипятилетний!

1974

ДУБЛОН

Среди хоромов-теремов
Гуляет самосвал,—
О, это множество домов,
В которых я бывал!

Среди поверженных колонн,
В обломках кирпича,
Нашли дублон!
Лежал дублон,
Средь мусора блеща.

А в этом доме я бывал
И прежде и потом,
Но даже не подозревал
Об этом золотом!

Не догадаться, что таят,
Не приложить ума,
Пока недвижимо стоят
Старинные дома.

Лишь вскакывая в самосвал,
На свалку по пути,
Кричат:
«А знал ты, сознавал,
Что́ можно в нас найти?»

1974

РИСУНОК ПЕРОМ

Милостивый государь,
Облик свой небрежно был подарен
Вами, Пушкиным, когда-то встарь
Взорам милостивых государынь.

Это ваша видимость живая!
Профиль свой вы, что-то бормоча
И бессмертья в этом не ища,
Начертали, что-то напевая.

Вот таким вы и дошли до нас —
Весь в чернилах, будто солнце в тучах,
Но желанней в сотни тысяч раз,
Чем портреты живописцев лучших!

1974

ПРИТЯЗАНЬЯ

Я не спал
С открытыми глазами,
А закрыл глаза и вдруг увидел
Всех, кого невольно я обидел:
«Вот он, наш невольный оскорбитель!»

И тогда с закрытыми глазами
Я взглянул открытыми глазами:

«Справедливы ваши притязанья:
Мой покой
Не тихая обитель!»

1974

* * *

А многие
В первые годы бессмертия
Побыть в одиночестве предпочитают.

Точнее:
Труды их так редко читают,
Что можно отчаяться.

Да и случается,
Что даже забыты,
Покрытые пылью,
Фамилия, имя и отчество.

Но вдруг прорывается
Будто звоночек
В страну одиночек:

«А где тут изрекший пророчества?»
— «Ну, здесь я, сыночек!»

А вслед за звоночком,
Глядишь, и здоровый лавровый веночек-венюк
Возлег
На чело лобачевское!

1974

ТИБЕТСКАЯ МЕДИЦИНА

О тибетской медицине:

Всех болезней четыреста четыре,—
Сто одну из них лекарства лечат,
Сто одну — врачи и заклинанья,
Сто одна проходят сами,
Остальные — неизлечимы,
И предвестник смерти — гнев больного
На врачей, лекарства и на близких.

Следовательно,
Чтобы излечиться,
Надо научиться не сердиться
На врачей, лекарства и на близких.

Это, вообще говоря, не ново,
Но, как видно, такова основа
Даже не тибетской медицины.

1974

УЗЕЛ БУРЬ

Развязываю узел бурь.

«Земная ноша»

Предсказательницы погоды
На волнующемся экране
Что ни вечер, то в новых платьях
Появляются вечерами.
Почему они в новых платьях,
Укротительницы погоды,
Появляются? Чтоб с ветрами
Побороться и обуздать их?

Нет! Наоборот: ветра́ завывают
И передевают согласно сезону
Своих повелительниц то в белоснежное платье,
То в золотое, а то в цвет газона,
То в цвет озона — по времени года,
Отнюдь не казенно, и это резонно!
А старые платья, меняя фасоны,
Срывают рогами, как будто бизоны,
Веселые вихри с хозяек погоды,
Когда развязывается узел бурь.

И, конечно, только в угоду
Непогрешимым и властным,
Невыразимо прекрасным
Управительницам погоды,
Обуздав свои дикие ласки,
Вопреки предсказаниям неверным
Вихри мчатся, как по указке,
По извилистым
Изотермам,
Когда развязывается
Узел бурь!

1974

РАДУЖНОСТЬ

Краски
Являются элементарными,
Но и оттенки не могут казаться утраченными.

Ласточки —
И те на закате
Становятся вовсе прозрачными, будто янтарными...

И не только грачи, но и вороны вовсе не черными,
мрачными
Кажутся на рассвете,
Так же как радужность,
Свойственная вовсе не только лишь уткам зеркальным,
Но даже и попросту всяческим кряквам.

И человек —
То же самое — вовсе не может казаться всегда
одинаковым,
Либо извечно тоскующим, либо всегда беспечальным,
А если и кажется так вам,
То знайте:
Вы бредите!

1974

БАЛЛАДА О НИКОЛАЕ РЕРИХЕ

Я думаю
О Рерихе,
О том, как он попал
Проездом из Америки в Гоа и Каракал
Путем, судьбой измеренным, в Москву на тридцать дней,
Чтоб встретиться с Чичериным и Луначарским в ней.

В нем было что-то детское, как часто — в силачах.
Он в консульство советское явился в Урумчах,
Чтоб знали все и видели, кто враг кому, кто друг...
И по дороге к Индии в Москву он сделал крюк.

О, был он вольной птицею, художник — и большой,
Но, числясь за границею, он рад был всей душой
С любезными наркомками, назло лихой молве,
Как с добрыми знакомыми увидеться в Москве.

Так, в Индию стремящийся упорно с малых лет,
Мятущийся, томящийся, отнюдь не домосед,
В заокеанском городе оставив небоскреб,

Он, меж гигантских гор идя, с крутых увидел троп
Над водами над быстрыми алтайца и коня,
А на какой-то пристани, быть может, и меня...

1974

Я НЕ ГОВОРЮ ПРО ЦВЕТЫ

Ты
Хмуришься,
Не тая
Своих опасений,
Что я
Играю под вечер осенний
Весеннюю роль соловья.

Я не говорю про цветы.
Но я докажу, что ты
В одежду из темноты
Оделась
И вся зарделась
От собственной красоты.

1974

* * *

Одни стихи
Приходят за другими,
И кажется,
Одни других не хуже:
Иные появляются нагими,
Другие — сразу же во всеоружье...

Одни стихи — высокие, как тополь,—
Внушают сразу мысль об исполинах,
Другие — осыпаются, как опаль,
Сорвавшаяся с веток тополиных.

Одни стихи — как будто лось с рогами,—
Ах, удалось! — встают во всем величье,
Другие зашуршали под ногами
Охотника, вспугнувшего добычу.

И хорошо:
Лось жив-здоров, пасется,
И ничего дурного не стряется!

1974

ДАТЫ

Даты
Расставляются
Не без труда!

Есть стихи, что написаны много раньше, а напечатаны позже когда-то...

И приходится не столько догадываться, сколько докапываться, где и когда эта, как будто таившаяся где-то в недрах, руда вдруг превратилась во что-то вроде булата, либо в колокол для возглашения набата, либо в грохочущие железнодорожные поезда.

А иногда вместо семечка, павшего где-то на тощую, нищую почву, видишь ствол, под корою таящий в таком удивительном множестве годичные кольца, точно старше в сто крат, чем ты сам, это чудо-растеньице, из которого тесаны и новгородская звонница, и донкихотская мельница либо терем, в котором таится прекрасная красная девица, да еще и притом рукодельница...

Вот оно и ее рукодельнице: полотенце, конечно, льняное, всё в солнцах с луною, и даже в сиянье рассвета там утопает комета-примета. Но кем и когда отбелен и какую весной посеян он был, этот лен,— проверяй хоть каким хитроумнейшим методом, всё равно не датируешь точно: просчет на столетье-другое нередок!

И ты впопыхах напоследок

Расставляешь лишь только примерные даты в стихах,
Будто даже не ты их писал, а твой собственный предок!

1974

ДУША

И далекого и близкого,
И высокого и низкого сочетанье воедино,
Так ли ты необходимо?

Или от меня ты требуешь одного стремленья в небо лишь,
Будто бы на звездолете?

Или надо успокоиться лишь на том, что в недрах кроется,
О душа моя во плоти?

Нет! Гляди хоть с неба звездного на огни Баку
и Грозного,
На Тюмени и Надымы, на горенья и на дымы,
И туманы на болоте, и осенних туч лохмотья,
О душа моя в полете!

Только так и разглядишь его —
Всё от низшего до высшего,
О душа моя в заботе!

1974

МАРТЫНОВ ДЕНЬ

Нет, это не день моего рожденья! И если б даже было и так, то это было лишь совпадением, — я родился весной, а про это осеннее торжество даже не было мне никакого виденья, и я даже не слыхивал ничего и ни от кого про этот день, когда снежинки, витая, серебрили, как и теперь серебрят, всё подряд от Урала и до Алтая...

Это теперь я в книжках читаю про Мартынов день и присущий ему обряд!

Теперь я знаю: в католических странах это был день поминания епископа Мартина Турского, во времена Реформации перенесенный в честь дня рождения Мартина Лютера с 11-го на 10-е ноября... Но мне вспоминается просто сибирское морозное утро, и в это утро — для нас юлианского, а для них, лютеран, григорианского календаря, — может быть, не в городе, где скрипели мои ребяческие салазки, а где-нибудь в снежной мгле переселенческих деревень, и случались тогда нищевродства в снегах, бубенцы, и шутейные розги, и ритуальные маски и пляски, но в городе я ничего такого не видел, и нечего фантазировать зря! И никто не кутался в вывернутые тулупы или в какие-нибудь другие дорогие или недорогие меха, и со снежками не мешалась соломенная труха, и никто не восклицал: «Ха! Козлиную шкуру надень, как полагается в Мартынов день!» Нет!

Но эстонцы, переселенцы с дальних западных побережий, ничего не вещая, а просто меня в этот день колбасой

угощая медвежкой, говорили: «А вот и бисквит тебе свежий, вкусней, чем калач и пельмень!» И я говорил «спасибо», ибо не был невежей.

Вот что могу я сказать про Мартынов день!

1974

МИР РИФМ

Рифм изобилие
Осточертело мне.
Ну, хорошо, я сделаю усилие
И напишу я белые стихи!

И кажется, что я блуждаю вне
Мне опостылевшего мира рифм,
Но и на белоснежной целине
Рифм костяки мерцают при луне:

«О, сделай милость, смело воскресив
Любовь и кровь, чтоб не зачах в очах
Огонь погонь во сне и по весне,
Чтоб вновь сердца пылали без конца!»

1974

ИСТОРИК

А если бы историк наших дней
Не в современном жил, а в древнем Риме,
Тогда, конечно, было бы видней
Всем древним римлянам, что станет с ними!

Но почему бы не предположить,
Что ныне между нами, москвичами,
Грядущей жизнью начинает жить,
Работая и днями и ночами,

Он, будущий историк наших дней,
И эта книга плачется, поется,
Лепечется, хохочется... И в ней
Проставить только даты остается.

1974

РУБИКОН

В Китеже я взошел на потонувшую колокольню и увидел оттуда не только подводный мирок, но и Волхов, и волок, и где-то за Волгою вольницы вольной войлок юрт, и за Киевом буйный днепровский порог. И еще я увидел за морем — город Стекольный, то есть старый Стокгольм, за былинною гранью моих новгородских дорог.

А если взглянуть с другой колокольни, — что-то вроде осколков античных колонн ощутил под копытом мой конь позади Померании, около города Кёльна, где блистает, всемирною славой гордясь монопольно, благовонное озеро Одеколонь.

О, благоуханное озеро, в котором тонут античные тени Рима, незримого по ту сторону Альп! Пусть ни на Рейне, ни в Рурском бассейне в химической пене не иссякнет веками твоё ароматное веяние, пусть больше никогда не грянет ни один залп!

А затем я очутился за Альпами, где-то в Милане, в Турине, в Болонье и Флоренции дантовской. И вообще я сказал себе: «О, человеке в болонье, то есть в тусклом и узком, давно уж не модном, как будто и вправду подводном плаще! Ты, потомок московских послов от царей, восседавших на троне в дорогих соболиных мехах и парче, ты, забывший о том, каковы были бубны, и трубы, и кони, — помнишь ли ты, как и сам ты оказался однажды на Рубиконе?»

Помнишь, спросил ты: «А это что за речка такая?» — глядя на мост, по которому грузовик за грузовиком везли бидоны, полные молоком. Шли они по направлению к Равенне, грузовики с парным молоком.

И тебе, как собрату-поэту, глазами сверкая, объявили поэты: «А это и есть Рубикон!»

Будь доволен! Пусть близкий Стокгольм остается гранёностекольным, хоть давно уж и сам позабыл об обличье таком! Пусть одеколоном пахнет над Кёльном, а над Рубиконом — парным молоком! Пусть звезды Галактик мерцают над лоном земным, зеленым-зеленым, а не летят кувыркром! Пусть любой затонувший колокол с доброжелательством благосклонным говорит своим языком:

«Сколько в мире чудес! Разве всё предвосхитишь, даже глядя через волшебную-озерную тишь, если ты и действительно явишься в Китеж и колокольню его посетишь!»

НАМЕДНИ

А что
Так медово
Плывет —
Не звезда ль?

Нет!
Медное слово
Звенит, как медаль.

Ушли
Дни былые,
Они далеки:
И злыдни, и злые на зло добряки.

Их складни,
Их бредни,
Их бродней ремни —
Всё было намедни, намедни, намедни...

Намедни!
Похоже на мед и на медь,
Поет это слово, успев онеметь
И кануть в такую глубокую даль,
Что помнят о нем только Фасмер и Даль,
И Преображенский —
Настолько стара
Суть слова, чей смысл означает:
Вчера!

1974

* * *

Всё происходит лишь однажды!..
Но если честно говорить,
Всё происходит лишь от жажды
Случившееся повторить.

Тебя иное окружает,
И стала ты сама другой,
Но он тебя изображает,
Как прежде, юной и нагой:

С полуденного неба в алый
Закат нисходишь ты, бела,
Такой прекрасно-небывалой,
Какой и прежде не была.

1974

ЧЕСТЬ

Лет через сто,
А то и через двести,
А то и через тысячу почти,
Поэты, не пропавшие без вести,
Вновь удостоимся мы быть в чести.

Нас воскресят, изучат, истолкуют,
Порой анахронизмами греша...
Но что-то не особенно ликует
От этого бессмертная душа.

И мы не лопнем от восторга, ибо
Нас разглядеть и опыт наш учесть
И раньше, разумеется, могли бы!
Но вообще —
Благодарим за честь!

1974

ПЕВЕЦ

Перепевая самого себя,
Перебивая самого себя,
Переживая самого себя,—
Так петь умеет только человек
И этим отличается от птиц,
Певец
И сочинитель
Небылиц!

1975

НЕБО

Какое
Спокойствие
В полном
Вестей, предсказаний, примет
И только по виду безмолвном
Пристанище звезд и комет!

1975

ВЕНОК

Снова
С неба
Сброшен вьюжный вьюк,
Но у леса масса черных рук,
Чтоб вокруг шумящей головы
Удержать венок сухой листвы.

А быть может, не венок — парик?

Нет! Парик — это последний крик
Моды. Лес же все-таки старик
И, чураясь брать пример с химер
В шубах из химических пантер,
Меж древес стремится, одинок,
Над челом удерживать венок
Гордо, как Державин и Вольтер!

1975

ТУМАНЫ И ТУМАННОСТИ

Туманы
В мантиях
Ходили по земле,
И тихо реяли в небесной мгле
Туманности в мантильях, как на крыльях,
И о земных деяниях злодейских
Туманы в одеяниях судейских
Взывали к небесам, и в том числе
К туманностям, закутанным в вуали,
Туманы — в мантиях, как доктора наук,—

К туманностям, которые едва ли
Внимали им: гигантам недосуг
Услышать гномов! Слишком велико
Различье было. Плыли высоко
Над сирым миром воздыханий слезных
Туманности в своих мантильях звездных.

1975

* * *

Демоны!
А из чего они сделаны?
Не из того ли самого теста,
Что и мы,
Но только что —
Из протеста!

1975

ДЫМЫ

Едучи мимо,
Всегда
Вижу я их —
Черных, как будто гряда туч грозовых,
Белых, как будто стада шуб меховых...

О, как когда!

Белые эти пары,
Черная мгла —
Целые эти миры
Блага и зла.

Дымы клубятся над ТЭЦ
Целую ночь.
Вырастил черный отец
Белую дочь.

Пышная, выше всех крыш
В тысячу раз,
Будто бы лунный голыш
В тысячу фаз.

Выследил белый стрелец
Черную дичь.
Выпечет черный чернец
Белый кулич.

Выпечет черная ночь
Белый калач —
Бед и забот не пророчь,
Черный трубач.

А быть может, это даже и вовсе не ТЭЦ,
А какие-то другие кирпичные трубы
Вырядили небо в черные тучи из белых овец.

1975

РОЖДЕНИЕ ДНЯ

О нет,
Я не принадлежу к числу их,
Мечтавших лишь о нежных поцелуях
Небесных звезд и шепоте дубрав,
Но кто шпынял их, тот едва ли прав.

Вопрос о содержательности хлеба
И о бессодержательности неба
Давно свои границы перерос,
Как и вопрос об аромате роз.

И шепот звезд, и рев могучего светила,
Рождающего день без повитух,
Действительность давно уж докатила
До слуха тех, кто отроду не глух.

1975

* * *

До повторения охочи,
О, день за днем одно и то ж
Твердят они с утра до ночи,
И ты, их слушая, поймешь:

Как хорошо не повторяться
И с повтореньями в борьбе
Как хорошо не покоряться,
Пусть даже самому себе,
И знать, что, им противореча,
Как будто ты и одинок,
Но, глядь, летит тебе навстречу
Снег с неба, сбивший всех их с ног!

1975

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

Почему изогнут рог маралий
И рогата круглая луна?
Очертанья Африк и Австралий
Камни принимают.
Суждена та же участь тучам...
Не стара ли
Истина, что на манер вьюна
Мысль стремится ввысь,
Как по спирали.
Это жизнь!
И не ее вина,
Что ни в камне, ни в огне, ни в глине,
Ни в воде, ни в берегах морских
И ни в судьбах птичьих и людских,
И ни в гноме, и ни в исполине
Мы прямых не обнаружим линий
Никогда, нигде и никаких!

1976

СМЫСЛ СЛОВ

Мы
Дружно
Общими усилиями
Докапываемся до смысла слов:
Эскадры,
Обрастая крыльями,
Становятся эскадрильями...
Докапываемся до смысла слов!
Докапываемся до смысла слов,

И книги шелестят нам листьями
О том, как стрелы стали выстрелами,
Надсмотрщики — епископами,
Земля — небесным телом...

Вновь

И вновь всё глубже, всё неистовой
Через Стоглав и Часослов
Докапываемся до смысла слов.
Докапываемся до смысла снов,
Докапываемся до основ,
Докапываемся до истины!

1976

ПРЕОБРАЖЕНЬЯ

На хруст песка
Не свысока гляжу я,
Как на судьбу мне вовсе не чужую.
Известняка мне повествуют глыбы,
Что в рыбака я превращен из рыбы,
И в моряка я превращен из моря...
Издалека пришли мы, я не спорю,
На облака и тучи, очи хмуря,
Из ветерка
Преображаясь
В бурю!

1976

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИЕ
В ПРИЖИЗНЕННОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

СУББОТА

Суббота бегала на босу ногу,
Чтоб не стоптать воскресных каблучков,
Кой-кто еще хотел молиться богу
И делал книгу целью для очков.

Но вообще рождалось опасенье
У всех, кто бросил думать о труде,
Что будет жарким это Воскресенье
И даже пламень грянет кое-где!

1919

* * *

Бегут вассалы Колчака,
В звериные одеты шкуры,
И дезертир из кабака
Глядит на гибель диктатуры.

А ты, Пьеро, манерный плакса,
Ты слышишь орудийный гром,
Ты слышишь, бьет тревожный «максим»
Там, на холмах за Иртышом!

Неяркий свет лежал в равнинах,
А в городе он был багров,
И, путаясь в одеждах длинных,
Толпа крикливых Арлекинов
Выматывалась со дворов.

И лес лилов, и снег стал розов,
И розовая ночь была,
И с отступающих обозов
Валились мертвые тела.

Сбегайтесь, детки!
Актеру в шляпу бросать монетки
И слушать писк марионетки!»

Разрушим стены балаганные,
Сожжем скелеты деревянные!
«Сбегайтесь, девки,
Сбегайтесь, детки!
За вход в зверинец платить монетки!»
В зверинце силы, скорбь и труд,
Там с девяти в стеклянной клетке
Щебечет птица Ундервуд!

1921

* * *

Дебатам, прениям, стычкам
Приходит желанный конец.

Я роздал себя по частичкам
В усладу лукавых сердец.

Ложится за складкою складка
На гладь моего лица,

Но было так сладко, так сладко
Ложиться в чужие сердца!

13 ноября 1922

РЕВМАТИЗМ

Допытывал я у шаманов:
Как научил вас бог Ульгень
Среди морозов и туманов
Предвидеть оттепели день?

Теперь барометра не хуже
Я чувствую приход весны,
И чую я прихода стужи
С определенной стороны.

Мои испытанные кости
Так сильно ноют в эти дни,
Что, вероятно, на погосте
Не успокоятся они.

И буду знать, в какие краски
Окрасилась вверху заря...
А вы живете по указке
Бездушного календаря.

1922

БРОСЬТЕ!

Я противник лютых зим —
Тяжко севера проклятье,
Разве девушка и пим —
Совместимые понятия?

Знаю, заработок мал —
Вечно по урокам рыскай,—
Но стремиться на Ямал
Радиотелеграфисткой?!

Бросьте! Вечные снега
Только издали вам любы.
Беспощадная цинга
Расшатает ваши зубы.

На галете взмокнет след
Отвердевших, вспухших десен,
И во тьме сойдут на нет
Девятнадцать ваших весен.

Птицы — осенью на юг,
Травы — никнут, увядая...
Что вам даст Полярный круг,
Фантазерка молодая?!

1922

* * *

Всё это было так знакомо:
Играли Моцарта и Листа
На вечере у военкома
Военные специалисты.

У военкома из рабочих
Была чудесная супруга,
В чьих взорах матерински-отчих
Два мира видели друг друга.

За окнами костры, дозоры,
На стеклах снежные узоры,
На рауте у военкома
Нашлись певцы, нашлись танцоры.

Военспецы, проборы, шпоры,
Танцоры... Завивала вьюга
На окнах снежные узоры,
Январский снег хрустел упруго.

1922

МАРТЫНЫ

Черные воды пустынный,
Глухо ревет прибой,
Братья мои мартыны
Кружатся над тобой.

Белые сытые птицы,
Жалобы, стоны их — ложь.
Тот, кто в меня взглянется,
Скажет, что я похож.

Тонкие руки раскинув,
Падаешь ты на песок.
Видишь летящих мартынов?
Путь их высок, высок!

Белые сытые птицы,
Ветру друзья и волнам,
Тот, кто в меня взглянется,
Скажет, что весело нам!

Начало 1920-х гг.

* * *

Нещаден
Для усталых и отсталых,
Как будто сам безглазый поводырь,
Поволжский голод вел через Урал их
В суровую, но сытую Сибирь.

Волжане,
Обескровленная плоть их
Мне помнится, и ребра, и хребты,
Я помню хилых девушек в лохмотьях,
Съедобной глиной пахнувшие рты.

Ребят босых
Я видел, полуголых,
Когда, изъев из всяких нор и дыр,
Иной чекист в санобработку вел их,
Как сам Дзержинский, грустный командир.

Начало 1920-х гг.

* * *

О неведомом и о таинственном
Говорить без смеха бы не мог
Я, рожденный в племени воинственном,
Покорившем Северо-Восток.

Ну и плыл с товарищами рослыми
Бить зверей на ледяной земле,
Молодые заправляли веслами,
Старики сидели на руле.

У речного устья волны пенятся,
Завывает ветер низовой,
Кто навстречу там скакать не ленится,
Свищет, машет шапкой меховой?

Помню, в Мангазее и в Березове
Нас вводили под уютный кров
Девушки, прельстительны и розовы,
Говорили: «Пей да будь здоров!»

И не рву я с древнею отчизною,
Помню юных дорогих подруг,
А встречая нудную, капризную,
Говорю: «Тебя изнежил Юг!»

День придет, и снова ясно вспомнится
Дикий вихрь пустыни ледяной,
И равно, капризница ли, скромница,
Сделаешься верною женой!

Середина 1920-х гг.

* * *

На берегу под плакучими ивами
Головни от костра
Тускло мерцают, что людям счастливыми
Стать уж давно пора.
Видишь ты розовый Тополев мыс вдали,
Пристань Арбузогрузи?
Знаешь ли: то, что заманчиво издали,
Всё ж не такое вблизи.
Ты понимаешь: просторы — просторами,
Но и — скрипенье колес!
Видишь ты сорные травы, которыми
Низменный берег порос,
Видишь, сверкают степными озерами
Очи сверкающих слез,
Видишь ты город, который заборами,
Как чешуею, оброс!

Вот погляди! Убедившись воочию,
Что утопают в грязи,
Вынь поскорее свои полномочия,
Всё это преобрази,
Чтоб над крапивно-едучими гривами
Вновь воссияла звезда,
Сделай, чтоб жители стали красивыми
Без исключенья всегда!

Конец 1920-х гг.

Чему грозят
Сухие днища
Вчерашних барж на отмелях,
Покинутые пепелища
В ломающихся ковылях?

А ничему! Что в чем погрузло
Исчезнет в древности седой,
Наполнятся сухие русла
Шарообразною водой.

И сквозь молекулярный воздух,
Весь в полумесяцах, в крестах,
Воскреснет небо, только в звездах
Уже не на былых местах!

1929

СОМНЕНЬЯ ГОНЯ

И пришло
Подходящее время
Для того, чтобы сесть на коня
И ногою почувствовать стремя
И помчаться, сомненья гоня.

Но коня не случилось,
А были
Только пыльные автомобили,
С жидким топливом вместо огня,
Чтобы мчаться, сомненья гоня.

Предлагали
Еще эскадрилью,
Чтобы мчаться, сомненья гоня.
Я не взял. Это всё для меня
Было лишним...

В течение дня
Зной палил и дожди моросили.
Сесть в карету меня не просили,
И, уверенный в собственной силе,
Шел вперед я, сомненья гоня.

1930

СТАРАЯ РУСЬ

Нет!
Картина для меня ясна:
Даже и в твои еще, допустим,
Лермонтов, бывшие времена
Русь была отнюдь не захолустьем,
А кипела, чувствами полна,
Жизнь не только лишь над невским устьем,
И когда читал ты наизусть им
Сам себя — внимала вся страна:
Тракты, постоялые дворы
И трактиры, где мигали свечи,
Да и бильярдные шары
Прыгали отчаянной картечью
В дни, когда ты гибели навстречу
Поспешал к подножью
Той горы!

1933

* * *

Из молодца синеокого,
Ярого шутника,
Он превратился в глубокого,
Старого старика.
Мудро глаза его шурились,
Множились ордена.
И безобразницы хмурились,
И улыбалась
Она!

1945

* * *

Я
Вас
Люблю!
Поэтому
Весь мир творю я заново.
Он стар. Милльоны лет ему.
В нем очень много странного,
Смешного, старомодного
И никуда не годного.

Вот
Горны
Разгораются,
И под блестящим молотом
Различие стирается
Меж оловом и золотом.
Окупится богато нам
Всё, что рукой мы тронули.
Клянусь разъятым атомом
И всеми электронами!

Но
Вы
Не улыбаетесь!
Чему-то огорчаетесь.
Чему? Не знаю, право, я.
А, хитрая-лукавая,
Зачем не превратил еще
Вот эти Ваши серьги я
В два крохотных вместилища
Космической энергии!

Терпение!
Терпение!
Сначала исцеление
Бедняги прокаженного,
Сначала превращение
Изгоя окаянного
В наследника законного,
Сначала воскрешение
Неправедно казненного...

Весь мир творю я заново!

1953

* * *

Я
С классикой
Был вечно не в ладу —
На статую взгляну и отойду.
Зевесы не будили интереса,
Минервы действовали мне на нервы,

Венеры мне казались так же серы,
Как буры все Амуры, их младенцы.
И вышло, что не зря их сторонюсь,
А так диктует мне хороший вкус:
Чуждаюсь копий и реминисценций.
Об этом
Лишь недавно я узнал,
Как, впрочем, и другие догадались,
Что чаще на глаза нам попадались
Лишь копии. А где ж оригинал?
Его давным-давно уже не стало —
Оригиналы были из металла.
Низвергнуты могучие тела,
Их расчленили, их перепилили,
Расплавляли, на утварь перелили
И на церковные колокола.

И не в музеях я ищу твой след,
О олимпиец с тугоплавким телом!
Ты слишком ценный, чтоб остаться целым,
Но слишком цельный, чтоб сойти на нет,
Живешь не только в колокольном гуде,
Порою превращаемом в набат,
Не только лишь в поту олимпиад
И в олимпийских позах всяких судей.
И не в одном лишь мире киностудий,
Где мощные юпитеры горят.
Но чувствуют люди, понимают люди,
Что суть не в том, о чем мелькнет экран,
А в том, о чем летят из разных стран
Через пустыни, через океан
Известия хрипучей чередой —
Что, весь багрян от незаживших ран,
Колдует над тяжелою водою,
Ворочает урановой рудою
Седой родитель Времени Уран.
И бездна не исчерпана до дна;
Ведь, как Сатурн, и в наши времена
Своих детей эпоха пожирает,
Но молодая жизнь не замирает,
Хоть и она, о, даже и она,
Лишь в новое одно и влюблена,
Античных жестов всё ж не презирает.

Вот
Это всё,
Что я имел в виду,
И, кажется, я в общем не ошибся,
А по музеям снова не пойду:
От юности моей я не в ладу
С подобьями из мрамора и гипса.

〈1962〉

* * *

Искусство часто путают с искусственностью,
А между тем оно — сама естественность:
В него мы вкладываем всё, что есть у нас
И быть должно. Всё это так естественно
И натурально. В этом-то и есть она,
Искусства истина. Но тем не менее
Искусство часто путают с искусственностью.

〈1963〉

Я НЕ ПРОЩАЮСЬ

Я не прощаюсь,
Ибо недаром
Не возвращаюсь
В облике старом.
Да, и ручаюсь:
Видеть дано вам,
Как возвращаюсь
В облике новом.

Не обольщаясь
Верую сладкой,
Я возвращаюсь
Горькой догадкой
И исключаясь,
Будто бы ересь;
И возвращаюсь,
Силою мерясь,
И встречаюсь,
И, не смущаясь,

Я возвращаюсь;
И, возвращаясь,
Быть обещаюсь
Лучше и лучше.

Осенью поздней
Движутся тучи.
Осенью поздней
Листья умчались,
Будет морозней —
Я не печалюсь.
Веткой качаясь
Ранней весной,
Я возвращаюсь
В братство лесное.

И, не прощаясь
Все-таки с вами
И не прельщаясь
Даже словами,
Я не прощаюсь
Рукопожатьем,
Я возвращаюсь
Крепким объятьем!

〈1963〉

ЛЮДСКИЕ ИМЕНА

Сыпучее песка
Людские имена,
И Вечности рука,
Длинна и холодна,
Играет их горой,
Перебирает их,
Чтоб вознести порой
Одно за счет других.

Потоки крови, мчась,
Смывают имена,
Но и со дна подчас
Всплывают имена,
Но всё ж на старый лад

В другие времена
Никак не прозвучат
Былые имена.

Иная или та
Сотрется пелена,
Что в прошлые лета
Легла на имена.

1965

ЛЮБОВЬ

Она заблудилась
В лесу полосатых столбов.
Она находилась
Среди величавых гербов.
Как Красная Шапочка,
Шла она, путь свой держа
К ощеренной пасти,
Где остры клыки рубежа.
«Ты кто?» —
Вопросил ее серый недремлющий волк.
Она отвечала:
«Сама не возьму еще в толк!
Любовь я. Но только сама я еще не пойму,
К чему я Любовь и Любовь я сегодня к кому?
Я эту загадку боюсь разгадать, Ваша Пасть!
Любовью к порядку зовет меня твердая Власть.
Любовью к доходам меня называют дельцы,
Любовью к походам считают меня удалцы,
Любовью к милóму я в девичьих песнях зовусь,
Любовью к былому зовет меня бабушка Грусть,
Любовью к природе меня называет мудрец,
Любовью к свободе я вечно зовусь, наконец!»
И это последнее
Вдруг прозвучало как гром!
Любовью к свободе восстала Любовь во весь рост:
«Прожорливый волк, убирайся отсюда добром!»
И волк убежал,
Поджигая свой дьявольский хвост.

⟨1966⟩

Не
Пожаловал
Деревни мне
Никакой великий князь,
Но пожаловал в деревню я,
За спокойствием гонясь:
Жаждал я резьбы по дереву
На бревенчатой стене,
Но деревня мне отмерила
И пожаловала мне
Вместе с ликом богородицы
С византийских образов
И жучка, который водится
Меж бревенчатых пазов.
Да в пудах металла ржавого
Свалок битое стекло —
Всё, что выброшено к дьяволу,
Всё, чье время истекло.

За деревней
В куче мусорной
Я нашел кусок резьбы
Деревянной от избы.
Эту вещь я заберу с собой,
Но возьму и глаз мерцание
По осенним вечерам
При ревнивом созерцании
Телевизорных программ.

⟨1966⟩

ЕДИНАЯ СТЕЗЯ

Что говорить,
Я видел города.
Будь житель их латинянин, германец,
Порой глядишь: седая борода,
А на лице пылающий румянец.
Да то же самое и молодежь...
Зачем всё время на нее сердиться?
Куда ни глянь, повсюду ты найдешь
Живые, человеческие лица.

Всегда найдется
Некий круг людей,
Связуемых порукой круговую,
В конечной степени, за всё живое,
Каким бы ты наречьем ни владей.
Так Маркс и Энгельс были заодно
Не только с Дарвином, но и с Ван-Гогом,
И с Герценом, и с Уитменом, но
Совсем по разным идущи дорогам
Навстречу бедам, радостям, тревогам,
Как будто
Мир
Един
Давным-давно!

(1966)

СТАЧКА

Воображение бастует:
Полна словами голова,
Но сердятся и протестуют
Встревоженные слова.

Они взывают: «Добываем
Себе права. А у кого?
Не ты ли сам себе хозяин?
Не у тебя ли самого?»

Но забастовщикам на смену
Слова-штрейкбрехеры спешат,
Но нет, готовы на измену,
Они вопроса не решат!

Не кланяйтесь, голов не гните,
Угодничеством не помочь!
И вы, пикетчики, гоните
Их, унижающихся, прочь!

И в результате свалки, схватки
Штрейкбрехеры побеждены.
Бегут. И добрые порядки
Решительно наведены.

И вновь колеса закрутились,
И, все сомнения поправ,
Слова работают. Добились
Они своих законных прав!

⟨1966⟩

* * *

О, великие начала Деятнадцатого века!
Помню, как меня встречала, молодого человека,
старая библиотека.
Пыль. Ветшающая мебель. А на полках Кант и Гегель.
«Кант и Гегель, да и Шеллинг, ни к чему тебе,
бездельник!»

Нет, бездельником я не был, ибо через быть и небыль,
Через ветхие страницы старых энциклопедистов,
Через призрачные лица мистиков и утопистов
Намечался облик Чарльза
Дарвина и Карла Маркса;
Шарль Фурье и князь Кропоткин,
Из противоречий соткан,—
Вот что книжникам под утро вдохновенно и премудро
серый петел кукарекал!
И таился за колонной, за колеблющейся шторой,
В пиджачок свой облаченный, удивительный ученый —
Федоров-библиотекарь, человек в лучистой форме,
В превеликом увлеченье говоря о возвращенье
К жизни тех, что в здравье добром жить с Грядущим
приспособлен,
Сделав плоть свою нетленной!
И глупцам не помешаем тем, что мудрых воскрешаем,—
Места хватит во Вселенной!

⟨1966⟩

ЖИЛИ-БЫЛИ

Жили-были
На одной планете
Гегель, Гоголь и Ван-Гог,
Но не встретились они на белом свете,
А ведь были как отцы и дети
Гегель, Гоголь и Ван-Гог.

Умер Гегель, но уже трудился
Гоголь, не познав еще невзгод,
И смирением еще он не гордился.
Умер Гоголь, а Ван-Гог родился
Не позднее чем через год.

Так и мы. Живем в соседних странах,
Может быть, в соседних городах,
И совсем без разницы в годах,
И встречаемся в аэропланах,
На катамаранах, в поездах,
Ах, везде блуждая как в туманах!

И возможность выявить всё то, что
Составляет близость наших дней,
Не сулят ни телеграф, ни почта,
Ни «Спидола», толку нет и в ней,—
Это выявится лишь позднее!

<1966>

* * *

Язычники, христиане,
Буддисты, магометане,
Оставьте бомбометанье
На суше и в океане.
Мне кажется,
Слышу давно я
Вот эти стихи без названья,
А может быть, просто воззванье,
Простое воззванье земное:
О люди,
Оставьте раздоры,
Довольно таиться и красться!
Об этом взывают просторы,
Долины взывают и горы,
И авто- и авиатрассы.
И громче торжественной мессы
Звонят магазинные кассы:
О люди, умножьте запасы
Пшеницы, маиса и риса!
Мир зябнул, от голода трясся,
Авось он напьется, наестся,

Ведь мы же не звери, чтоб грызться!
Об этом молчат вершины,
Об этом вопят провалы,
Об этом гремят машины,
Об этом скрипят штурвалы,
Об этом сердце трепетанье:
Язычники, магометане,
Евреи и христиане,
Да близятся дни процветанья,
Да кончится бомбометанье
На суше и в океане!

〈1968〉

ЧУЖАЯ ДУША

В потемках
Иду чуть дыша
С мерцающим фонарем в руке...

Эта местность — чужая душа.
Чужая душа — потёмки.

И если кого впущу
Я в душу свою, то сначала
Поярче еще осветчу,
Чтоб там не свеча трещала
И чтоб ни нетопыря
Не тыкалось там осовело,
А утренняя заря —
Аврора там розовела!

〈1968〉

* * *

Чего
Вам надо
От меня!

Того, что надо от коня
Наездникам вертоголовым
С дыханием, как свист хлыста!

Иль то, что надо от скита
Монахиням, а богословам
От пожелтевшего листа
Писания, а китоловам
От добродушного кита,
Чтоб под гарпун он шел спроста!
Как это в голову пришло вам,
Чтоб стать добычей и уловом
Я вздумал бы
В мои лета!

〈1968〉

ДЕВУШКА И ОХОТНИК

Старую песню спой ты мне,
Старый охотник!
Но рассмеялся верхом на коне
Старый охотник:
«Приехала девушка, ой, хороша.
„Я, говорит, среди озерного камыша
Желаю поймать
Розовое фламинго!“
— „Это что за розовое фламинго!“
— „А вот
Эта самая птица —
Зиму в Африке живет,
Летом на Кургальджин-Тенисе гнездится“.
А я говорю ей: „Ты сама
Розовая фламинго“.
А она говорит: „Ты спятил с ума —
Я научный работник!“»

〈1969〉

ЛЕНИН

Лыстецы изображать его готовы
Едва ли не угодником святым...
Нет! Ленин был характера крутого
И не сулил мечтателям пустым
Чуть ли не завтра века золотого,
Но, гениальный критик Льва Толстого,
Он даже и с крестьянином простым

Так говорил, как будто с Львом Толстым.
И с каждым добросовестным умельцем
Беседовал любезней, чем с Уэллсом,
Он, вождь, мыслитель, автор мудрых книг,
Рожденных в буре не того ли ради,
Чтоб даже «Философские тетради»
Усвоил позже каждый ученик.

⟨1970⟩

НАХАЛ

Не трогайте меня, не торопите.
Никто, ни человек, ни селенит!

Но вдруг звонок полночный:
«Вы не спите?»
Простите. Это юность вам звонит.

Нет! Вовсе не из «Юности», журнала,
А к вам из вашей юности звоню!»

И трубку я бросаю, и нахала
Из своего спокойствия гоню.

Но всё же в трубке не смолкает шорох,
Как будто я ее и не бросал.

Стервец стихи читает мне, которых
Я сорок лет назад не дописал!

⟨1970⟩

НОЧНЫЕ ПТИЦЫ

Клювы острые
И перья пестрые
Есть у них, и крылышки, но всё ж
Гамаюнами и Алконостами
Этих птиц никак не назовешь,
А скорее, попугаи мечутся
Либо говорящие грачи —
Сушная бессмыслица лепечется
Птицами, особенно в ночи.

Иногда
Оказываются утками,
Но ведь существует всё равно
Перевариваемое их желудками
Истины незримое зерно.
Ведь и шелуха не что-то ложное,
Ибо прячется и в каждой лжи
Что-то ей и противоположное,
Только всё как следует свяжи!

И ловлю я
Правду всеми клетками
Мозга, да, пожалуй, и грудной,
Там, где сердце. И сухими ветками
Лес ночной скрежещет надо мной
От чужого гомона тяжелого,
От всего, что кроется в речах...
Разберусь в них!
Для того и голову
Я имею на своих плечах!

.1970

ЕСЛИ СЛЕПО ВЕРИТЬ ГЕРОДОТУ

Если слепо верить Геродоту,
Эти парусные корабли
Шли по Меотийскому болоту —
Амазонок пленных на работу
.Греки-корабельщики везли.

Амазонки узы теребили,
А когда случился ураган,
Амазонки греков перебили
И пристали к скифским берегам,
Если слепо верить Геродоту.

И, оставив всякую охоту
Затевать со скифами войну,
В скифских банях до седьмого поту,
Если слепо верить Геродоту,
Амазонки мылись на Дону.

<1971>

«Это верно? —
Так без гнева
И не тоном увещаний
Прозвенел мне голос с неба.—
Сотворили на земле вы
И соборы для венчаний,
И моторы для вещаний,
И, в конце концов, Женеву —
Круглый стол для совещаний.

Вам, конечно, всё под силу:
Вы тесали древесину,
Секли мрамор, сталь ковали,
Тексты все истолковали
И соткали парусину,
Вы моря переплывали,
Целый мир исколесили,
Раздобыли керосину,
Создали огонь без дыму,
А потом и Хиросиму».

И внезапно как бы нищим
Стал весь мир. Полна криница —
Только чем? Таким винищем
Очень горько опьяниться.
«Это верно!
Вот и ищем,
Вот и ищем,
Как бы нам договориться.
Дальше так невыносимо!»

⟨1971⟩

Как разгадаешь — кто вокруг?
А если настоящий друг?
В ответ на крик: «Не подходи!» —
Подумал бы:
«Нет! Погоди!
Кого ты гонишь, как в бреду?
Я выясню! Я подойду!»

А если это тайный враг?

Подумал бы совсем не так:

«И ладно! Гибни одинок!» —
И побежал бы со всех ног,
Чтоб заказать тебе венки.

1971

ЭОЛОВА АРФА

Арфу слышали Эолову?
Приходило ли вам в голову,
Что над нивами бескрайними,
Над полями и равнинами
Небеса звучат былинами,
У морей янтарных — дайнами,
У быстрин карельских — рунами?

Слышали ночами лунными —
За аулами и селами,
За озерами солеными
Небеса звучат элёнами,
Да еще и ероолами
Над песками раскаленными!

Это песенное полымя
Полыхает ореолами
Над грядами каменистыми.

Вы, о люди со спидолами,
Арфу слышали Эолову?

Гул ее я слышал исстари,
Знать не зная
О транзисторе!

<1972>

ДАР ПРОМЕТЕЯ

Был
Огонь
Прометеем
Человеку подарен,
Но опасным затеям
Мир предался, коварен.

И дневной воздух меден,
И ночной воздух лунный
То же самое вреден,
Ибо он как чугунный.
Кружевной воздух съеден,
Смят покров златорунный.

Если тучи рассеем —
Будет мир благодарен...
Был огонь Прометеем
Человеку
Подарен!

⟨1972⟩

СИРЕНЬ

Корявая сирень,
Я из твоих ветвей
Не выдолблю свирели:
Нет ничего кривей
Сиреневой сирени!
Нет ничего немей
Ветвей твоих скрещенья!
Зато цвести умею
До звездоизлученья —
Нет ничего прямей
Прямого назначенья!

⟨1972⟩

* * *

Что-то
Крикнули
Вещие птицы,
Но умолкли, слышать, и они,
Потому что не может продлиться
Их вещание целые дни.

Но поскольку они не вещают,
Не вещают они, не поют,
Видно, пищу они поглощают,
Видно, что-то такое клюют.

Чтобы, как на капустном кочане,
Будто червь для сгрызенья сердец,
Величаво не висло молчанье,
А склевалось оно
Наконец!

1972

* * *

Безголовый мальчик:
Только два крыла
Да в руке отбитой тетива цела.
Как ни обезглавишь — всё равно крылат
И звучанье клавиш всё на тот же лад!
Безголовый мальчик, для любовных мук
Вновь тебе подарен будет меткий лук,
И рука, чьих пальцев просит тетива,
И, удел страдальцев, даже голова!

1972

А МОЖЕТ БЫТЬ...

А может быть, всё позади —
И пыль, и дорожная слякоть,
И пепельные дожди,
И цепи, уставшие звякать.
Но делать привал погоди!
Авось и поверишь в иное,
Что, может быть, всё впереди —
И солнце, и звезды с луною!

⟨1973⟩

ОТВЕТ

Знаешь,
Не жду я ответа
Ни от гадальных бобов
И ни от мудрости где-то
В мире наморщенных лбов.

Да и от лунного света,
Даже взглянув на звезду,
Я никакого ответа,
Как и когда-то, не жду.

Даже не от рассвета
Под истомленной луной,
А ожидаю ответа
Лишь от тебя от одной.

И не посмей ошибиться,
Слишком вверяясь уму,
Иначе сердцу не биться
Не моему одному!

⟨1973⟩

СТАРЫЙ ТЕАТР

В этом
Старом
Северном театре,
Северном театре,
В деревянном северном театре,
Чей фасад от ветра побурел,
В балаганном северном театре,
Где на древе плод запретный зрел,
В снежно-санном северном театре,
Где Амур с колчаном, полным стрел,
От голландской печки угорел,
Я бывал!

А вы бывали вряд ли
В том театре, что столетья за три
До рожденья моего сгорел.

⟨1973⟩

ПРИ ЖИЗНИ ЛЕНИНА

Я еще при жизни Ленина
Строки первые в печать
Сдал, хотя и неуверенно,
Чтобы что-то освещать и кого-то просвещать.
И хотя мечтал я Ленина хоть
случайно,

Ненамеренно,
а однажды повстречать,
Но не стал бы в двери к Ленину я просительно
стучать
И петиции вручать,
Но еще при жизни Ленина стал, хотя и неуверенно,
Ложь от правды отличать, взор от скверны отвращать.
Эта песня, и теперь она тоже сможет прозвучать.
Это всё при жизни Ленина было Лениным навеяно.
Что же было мне молчать!

⟨1973⟩

ОБЛИК НАРОДА

Я знал в лицо землевладельца
И видел у его крыльца
Жнеца, беднягу земледельца...
Недружно бились их сердца!

При слове «золотоискатель»
Мне вспоминается тропа,
И он, усталых ног таскатель,
И злых соперников толпа.

Ловцов, купцам попавших в сети,
Я видывал. Да всех не счесть,
Кто бедовал тысячелетья,
Свою вынашивая месть.

Кровавился над Волгой парус,
Разбойничали соловьи...
Народа молодость и старость,
Они не чьи-то, а мои!

И жив с народом воедино —
Его мне ноша по плечу! —
Свои морщины и седины
В его я облике ищу.

Ищу, но тщетно! Чем скорее
Я старюсь, тем его черты
Всё краше! Это я старею,
Народ бессмертный, а не ты!

⟨1973⟩

СТАРЫЕ ВОПРОСЫ

Старые колеса
Заскрипели вновь.
Старые вопросы —
Петь ли про любовь,
Либо не пристало
Вновь об этом петь,
Ибо отсвистала
Мук любовных плеть!

Темные колеса
Светлых колымаг
Будто бы с откоса
Канули во мрак,
Но не хорониться
Повалились ниц
Лунные возницы
Звездных колесниц.

И сомнений стражи
В собственных гробах
Понесли себя же
На своих горбах,
Чтоб волнений стражи,
С песней на устах,
Вознесли себя же
На своих крестах.

Старые вопросы...
Росы на кустах,
Осы на цветах...
Старые колоссы
На своих местах!

⟨1973⟩

ЛЕДЯНАЯ СВИРЕЛЬ

А можно ли
Хотеть зимы,
В ее мехах потеть, ее
Снега месить, носить пимы
И скрипом лыж бесить зверье?

Но вот она пришла ко мне,
«Желай, сказала, не желай,
А как мурашки по спине,
Я пробегу под песий лай!

Ужо вгоню тебя в озноб
Я под Полярную звезду!»
...Видали мы таких зазноб!
А ну-ка, дай свою дуду!

И на мучительнице губ,
Твоей свистульке ледяной,
В косматом царстве вьюжных шуб
Я засвищу про летний зной.

Зима, зима! Моя свирель
Твоих зверей повергнет ниц,
И хлынет смутная капель
С твоих сосульчатых ресниц!

⟨1973⟩

ЛЕДНИКОВОЕ ОЗЕРО

Из
Ледникового озера
Речка сочится небыстро.

У ледникового озера
Даже не слышно транзистора,
И ледникового озера ни пейзажист не рисует —
Нет, ледниковое озеро их не интересуется.
У ледникового озера
Днем, как и ночью, прохладца,
И ледникового озера люди как будто боятся —
У ледникового озера даже травы не скосили.

О ледниковое озеро, глубже тебя нет в России!

О ледниковое озеро, там, где рedeют колосья,
Белоголовое озеро, разве что козье да лосье,
Ты — ледниковое озеро, знаю такие озера,
Бледные, точно молозиво, холодноватые взоры.

Тракторы ходят, бульдозеры
Где-то за горизонтом.
Ты, ледниковое озеро, хочешь остаться нетронутым.

«Брось ты, не жду никакого я
Гостя — ни мотоциклиста,
Ни пастуха!»
Ледниковое
Озеро пусто и мглисто.
Холодно.
Ночь приближается.

Что же!
Единственный вывод
Сделать пора: продолжается
Межледниковый период!

Нет,
Он, конечно, кончается.
Холод, довольно, не властвуй!
Озеро улыбается:
«Всё же явился ты! Здравствуй!»

(1973)

ДВЕ ТУЧИ

Две тучи
Заприметил я. Одну —
Сжирающую солнце на закате,
Другую — хмуро взявшую в объятия
С востока выглянувшую луну.
И я прекрасно понял, отчего
Столь злобны тучи! Темных возмутило,
Что нам сияют сразу два светила...
Довольно! Хватит с вас и одного!

1973

БАЛЛАДА О СЕВЕРНОЙ ПАЛЬМИРЕ

В гордой
Северной Пальмире
Властвовал еще всесильный
Император... А в Сибири
Обитал мыслитель ссыльный.

Где железная дорога
Обрывалась у порога
Деревянного острога
И, еще восточней много,
В хвойном мире низких кровель,
За далеким Енисеем,—
Ленин отповедь готовил
Книжникам и фарисеям!..

В бездне снежного беззвездья,
Друг обиженных и сирых,
Он готовил день возмездья
Звездоносцам в вицмундирах,
Плутократам, казнокрадам,
Бюрократам — всем им вместе!

И пронизывал он взглядом
Чуть не целые полмира —
От Таймыра до Памира,
Чтоб покончить с мором, гладом,
Чтобы рухнуть всем преградам,
Чтобы стала Ленинградом
Северная Пальмира...

В небесах
Над Минусинским округом,
Где надеждам будто нет и места,
Маем веяло. Всё расцвело кругом.

К жениху приехала невеста.
Не одна приехала, а с матерью!
Хлопотали! Удалось им!
Звать Надеждой. Надо понимать ее.
Время к лету. Вслед за летом осень.

Проплывал, сияя, над Саянами
Ясный месяц, месяц их медовый.

И урядник толковал с крестьянами:
«Эти ссыльные — народ бедовый!
Чем он занят?»
— «В лес ходил охотиться.
Утром пишет, вечером читает».
— «А она?»
— «Она о нем заботится...»

Лето прочь. Зима. И вновь снег тает.
И сама Российская империя
В драной мантии из горностая
Хмурым взором, полным недоверия,
Зорко смотрит, их дела листая
Полицейскую ручищей, шарящей
В кипах книг и в переписке личной
Этих двух и многих их товарищей.

Так и длится жизни ход обычный.
Мир еще не знает об Ульянове —
Ленине, который обитает
Где-то там, за темными Саянами...

Лето прочь. Зима. И вновь снег тает,
И в последний раз ложится заново...
Время! Под луною ледяною
Он возник — пути отрезок санного
Перед мужем и женою.

И о том, что им сулит грядущее,
В эти дни еще не понимая
И чего-то будто только ждущая,
Будто бы еще полунемая,
Им Сибирь устраивает проводы
Шелестеньем кедров, елок, сосен,
Потому что оба они молоды —
Чуть побольше, чем за тридцать
Весен!

⟨1974⟩

ПРЕДДВЕРЬЕ ДНЯ

Преддверье дня.

Трава в росе.

Я встану, в сапоги обуюсь —

Восходом солнца полюбуюсь.

Петух в деревне не поет,

Спят псы, спят птички-попрыгуны.

А солнце что-то не встает.

Должно быть, очень устает —

Пересияло накануне!

Лишь чья-то голова в овсе,

Как будто и не солнце вовсе.

Да нет — оно во всей красе:

«Я — здесь! И вы на месте все», —

И в колею свою вошло всё.

1974

ЗА ЯЗЫЧЕСКИМ БУГРОМ

За языческим бугром

Что-то ищут два солдата,

То привстанут, то прилягут...

В стойку вытянулись «смирно»:

«Здравия желаем!»

Я им:

«Что вы ищете, ребята?»

— «Ягод!»

Мирно ищут ягод,

Да находят маловато.

Подевались все куда-то.

Их всё меньше с года на́ год

За языческим бугром,

За которым так эфирно,

Эфемерно, но пунктирно

Зыблется аэродром!

1974

Конечно,
При первом знакомстве
Мы искренней были гораздо
Во время бессвязных признаний,

Но вслед за весенними снами
Не то что становится с нами
Природа всё скрытней и скрытней,
Но, видимо, жажда познаний
Становится всё ненасытней,
Чтоб истине быть самобытней!

⟨1975⟩

ОТКРЫТИЕ

Парусная каравелла
В океане целый месяц,
Яростная Изабелла
Думает: «Проклятый генуэзец!»

Будь спокойна, Изабелла!
Точно там, где мы предполагали,
Чтобы ты, смеясь, их разглядела,
Антиподы ходят вверх ногами!

И летит Колумб, как сизый голубь,
Дружелюбней всех посланцев божьих,
А закат алеет, словно желоб,
Полный кровью грустных краснокожих.

Анды еще не Анды,
Кордильеры еще не Кордильеры,
И еще не вышли на веранды
Прохлаждаться кавалеры...

⟨1975⟩

МГНОВЕНЬЕ

«О, не зевай!» —
Мне Время говорит,
И ночь светла становится, как будто

С природы я пишу метеорит,
Летающий с неба целую минуту.
Нет, не минуту — что я говорю! —
А будто замирает он на месте
На целый век, и вместе с ним горю
Я в небесах,
И гасну
С ним я вместе!

⟨1975⟩

* * *

Старость
Восседала молодая,
Гордая за письменным столом,
Будто бы ничуть и не седая,
Потому что вся она
В былом!

⟨1975⟩

ЦВЕТОЧЕК

Цветочек!
Откуда взялся этот чудный цветочек
по имени «роза»?
Угроза грозы намечалась,
Но мне надоело: всё грозы и грозы, довольно
об этом!
К тому же и сам я грозился, что этим сверкаючи
летом
Написана будет громоздкая книга грохочущей
прозы,
Но вместо того получилась лишь скромная книжка
ритмических строчек,
Как будто заглавную букву «Грозе» отрубил я,—
И вместо грозы оказалась одна только роза —
Цветочек!

⟨1975⟩

* * *

Как
Тихо, чинно, постепенно,
Медлительно и тяжело
Шипучая венчает пена
Волны могучее чело,
Так
До сознания, до слуха
Труднее, чем на небо взлезть,
Подобно колоколу, глухо
Глубинная доходит весть.

⟨1975⟩

* * *

Галилей
Ослеп от старости
Или от трубы подзорной?

Галилей
Ослеп от ярости,
Ибо жил как поднадзорный.

⟨1976⟩

ЛАТЫНЬ

Все
Исходы
Всё летальной,
Всё тотальной все бои,
Всё печальней и печальней
Дни мои и дни твои.
Всё печальней и печальней
Этих слов звучит латынь.
Всё летальной, всё тотальной
В мире кладбищ и пустынь.

⟨1976⟩

Под старость
Все становимся мы странными:
Нам подавай Евангеля с Коранами,
Затем перекликаемся с перунами,
Все инструменты кажутся нам струнными,
И снова ночи делаются лунными
Под облаками пенно-златорунными...
Под старость вновь становимся мы юными!

⟨1976⟩

ВДОХНОВЕННЫЙ СЛЕПЕЦ

Возле устья Двины,
Где причалили англичане,—
Монастырь деревянный, и там при дверях
Славной церкви, наполненной иконами и свечами,
Ровно двадцать монахов,
Поряdochных неучей, пьяниц, нерях.

А в заливе напротив, о господи, Розовый остров
С изобилием алых и красных прекрасных роз
И отменных фиалок, и славен трав буйный покос там,
Но уже с сентября снегопад,
Чуть не в ярд снежный пласт и мороз,

И мороз, и мороз!..

Вот как отлично начал свое описание Московии
Вдохновенный слепец Мильтон Джон,
И никто не сумел бы точнее и толковее
Это сделать, чем он.
Будто сам, самолично он ездил к царю Иоанну,
Но не с Ченслером, Боусом, Флетчером, а в толмачи
Брал сам Демон его, сам его Демон, летавший
по меридиану

От Студеного моря
До самой
Керчи!

⟨1976⟩

СТРАНА ЛЕБЕДИЯ

Страна Лебедия, о коей сведения почти потеряны...
Прочел недавно я у Дьюлы Ийеша,
Что в годы древние, во восьмисотые,— гласит
история,—
Мадьярам, идущим с востока к западу вдоль моря
Черного,
От Дона доброго к Днепру упрямому, в их междуречии
На полстолетия приютом сделалась страна Лебедия.
Страна Лебедия, где в белом трепете — как мне
пригрезилось —
Порхали лебеди над Черноморием, белея крыльями,
Страна Лебедия, наверно, схожая своим обличем
В далеком будущем с мечтою Врубеля —
царевной-Лебедью,
Страна Лебедия, а если правильней, в иной
транскрипции — страна Леведия.
Так на Украине, как и в Болгарии, звались левадами
луга и рощицы,
Луга с левкоями... Страна Леведия, страна Лебедия,
страна Ливадия.
О, что за славное у нас наследие!
Ведь мы соседи — я
И ты, Лебедия!
Сгинь прочь, безлюдная страна неведенья,
Воскресни, чудная страна Лебедия!

(1976)

МАРКИЗ И МАТРОС

«Ужас
Что за стужа,
Дай бы бог нагнал тепла
Ветер с Маркизовой лужи...»

В городе
Пушном, как горб верблюжий,
Где снега копытом рыла, и клубила, и мела
Серая кобыла Тюкала,
Будто тайны степи хоронила
Белая могила Акмола.

«Закрывайте туже ставни! —

на ночь глядя говорила Бадя.—

Прямо ужас что за стужа. Дай бы бог нагнал тепла
Ветер с Маркизовой лужи...»

Дело в том,
Что в Петербурге,
Где Адмиралтейская игла,
В Петербурге, где-то в Гавани,
Эта девочка росла,
И с дождем играла в жмурки

эта девочка, чтоб вырасти,

Где вздымал дыханьем сырости над Невою выпела
Ветер с Маркизовой лужи...

Так рассказывала мне —

Чтобы видел я во сне,

Как за брызжущим закатом в белых брызжах при луне
Он, маркиз какой-то, вброд где-то там по мелководу
Меж столицей и Кронштадтом парусный гоняет флот,
Сам при этом что-то вроде ветра с Маркизовой лужи...

Так рассказывала Бадя.

Много позже,

В Ленинграде,

Я задумал:

Обнаружу, где тут девочка жила...

Гавань... Линии...

Подлетает кто-то сзади:

«Доброй девушкой была

Ваша бабушка по материнской линии, Бадя!»

— «Да! Но скажите бога ради,

Кто вы?»

— «Я? Что за вопрос!»

Не с Маркизовой ли лужи

Этот ветер, ветер дюжий,

Ветер дюжий, как матрос!

⟨1976⟩

БЕЛАЯ НОЧЬ

В белую ночь
Целую ночь кто спит?

Всё бело —
И пески, и чешуйки трески.
Всё бело до последней доски
от «Святого Фоки» капитана Седова...

Всё бело —
Белый скит, белый радиопиль,
Твой, Мелвилл, «Белый кит» в белых-белых
руках!..

Всё бело,
Даль Времен,
Как твоих циферблатов эмаль!
Всё бело,
Как бела твоя белая-белая шаль,
И не надо тоски,
И чего тут худого,
Что белеют виски
Человека, душой молодого!

⟨1976⟩

СМЫСЛ СНА

Я видел сон:
Исчезли не миры
И даже не часы остановились,
Но из большой собачьей конуры
Медлительно цепной тигренок вылез,
Лесной котенок, чьи глаза-шары
Из полнолуний живо превратились
В два новолуния, два лезвия...
И понял я смысл сна: мои друзья
Не изменили мне, но изменились,
А впрочем, точно так же, как и я!

⟨1976⟩

НА МОЕЙ ПЛАНЕТЕ

И брожу я меж соленых луж,
И как будто вижу я, блуждая,
Что блуждаю, как ученый муж,
Зарожденье жизни наблюдаю
На тебе, планета молодая!

О, твоя еще взойдет звезда,
Поостынет дикая вода,
Кровь и мед появятся и млеко!
Но когда еще? Еще когда!
Высшая премудрость иногда
Преждевременна для человека,
Как железная руда для питомца
каменного века!

Но ее,
Чтоб подковать коня,
Цепь сковать и зубья для капкана,
В недрах зарождают для меня
Великаны дыма и огня,
Боги металлургии,
Вулканы!

⟨1977⟩

ЗАКАТ

Когда
В лесу уже темно,
Бывает дерево одно
Зеленопламенным закатом
Оранжево озарено.

Вот так и ты давным-давно,
Когда кругом темным-темно,
В лесу блуждающим закатом
Остался будто бы объатым.

⟨1977⟩

НЕ ЗА ПОМЫСЛЫ МЕНЯ ВИНИ

Допустимо ли
Средь бела дня
Звезд пыланье?

Не за помыслы кори меня
И не за желанья,
Не за бредни ты меня гони
И не за грезы,
И не за поэзию цени
И не за прозу,
Потому что если б стал смотреть,
Стал бы ждать я,
Только думая тебя согреть,
А в объятья
Не схватил тебя бы, грубоват,
С кровью в теле,—

Вот когда бы был я виноват
В самом деле!

<1977>

НА ЛАЙНЕРЕ БЛАГОРАЗУМИЯ

На лайнере благоразумия
Мы плыли в мире полных лун.
Слегка похож был лик Везувия
В тумане на гору Ахун
За Сочи, у того гигантского
Серпа, где море наяву
Залива Неаполитанского
Напоминает синеву.
И, полная благоразумия,
Шла речь о том, что жить в жилье
Учиться надо у Витрувия,
А не у Райта с Корбюзье,
Но, впрочем, древними преданьями
Мы не насытимся, увы,
И новыми похожи зданьями
Предместья Рима и Москвы,
Хоть вдалеке едва заметная
Еще и видится в бинокль

Сицилия с несытой Этною,
В чей кратер прыгнул Эмпедокл,
И дарит нам расчет утонченный
Проектов всяческих и смет
Бессмертный, будто не приконченный
Над чертежами, Архимед.

⟨1977⟩

* * *

Но если бы вы все-таки спросили,
Как выглядела старая Россия,
Сказал бы я:

«А в чем бы ни ходила,
А все-таки она не походила
На разные свои изображения
В новейших книгах либо в кинофильмах:
Все эти свечи в дозах избыточных,
Все эти дуги, бубенцы и вожжи,
И все эти подкованные блохи,
И бороды, как при царе Горохе,
На современность
Более похожи!»

⟨1977⟩

ОБОРОНА

«Я не ласточка,
А я — ворона!» —
Закричала девочка Алена —
До того ей надоели
Все ласкательные имена.

«Карр!» — воскликнула она, и ввысь
Руки, словно крылья, поднялись.

Это начиналась оборона,
Дни сознательности начались.

⟨1977⟩

* * *

Есть книги —
В иные из них загляни
И вздрогнешь:
Не нас ли
Читают
Они!

⟨1977⟩

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Пусть не обсохло молоко еще,
Я говорю про материнское,
На розовых устах ребяческих,
а вовсе не про Млечный Путь!
Но так дразняще-беспокояще волнует жажда
исполинская,
Когда, в своих мечтах захватнических,
дитя губами ищет грудь.

Все превращения, все стадии ребячье выражает личико,
И кажется, в зрачках ребяческих всё успевает
промелькнуть:
От грез пастушеской Аркадии
до хлопотливости добытчика
Пусть далеко еще не радия,
но медных руд каких-нибудь,
Чтоб всё хитрее, бестолковее
меж всякими словами громкими
Рождались здравые суждения, продуманные глубоко,
Как через мрак средневековья
с его античными обломками
До мраморного Возрождения добраться было нелегко.

Так чередуются с потемками
Рассветы наши от рождения,
От лет младенческих, студенческих
До старческих.

Но далеко
Не всем дается это чувствовать,
Не всем дано плечом к плечу вставать
Как с предками, так и с потомками,
Хоть и обсохло молоко!

⟨1977⟩

БОГОБОРЕЦ

И в гневе
На землю и небо
Я понял, как умер Зевес,
Меча свои молнии гнева
На головы наши с небес.

Те молнии грозно блистали,
Но был им поставлен предел:
Зевесу доспехи из стали
Сковали, достали, надел...

И молниями своими
Он сам был убит наповал,
Чтоб ими не убивал.

⟨1977⟩

ТЬМА ВОПРОСОВ

И если
Никому не нужный,
Ни с кем не согласован,
Дождь, кутаясь в свой плащ жемчужный,
В дневной ландшафт врисован,
И осень в облачной одежде в туманах нас купает,
И сумерки приходят прежде, чем вечер наступает,
То, несмотря на это, всё же
К нам ночь прийти мы просим позже
и не спешим ложиться
На предназначенное ложе, а ляжешь — не лежится,
Не спится от висков, стучащих
От грез о песнях, с неба спетых,
О завтрашних в почтовый ящик опущенных газетах
И о недремлющих комбайнах на нивах
предрассветных...

Вопросов тьма!
Больших!
Глобальных!
Почти междупланетных!

⟨1977⟩

ЕСТЕСТВЕННОСТЬ

Вечером,
Как только шум уляжется,
Слышу: речь идет о тишине
И спокойствии и, как мне кажется,
Даже, может быть, и обо мне.

«Да, едва ли что-то еще есть у него!»
—«Разумеется. И от него
Надо ждать чего-то сверхъестественного
Или уже больше ничего».

И, быть может, не во мне, но есть в ином
Сверхъестественная мощь борца,
Позволяющая ему
Естественным
Быть
И оставаться
До конца!

⟨1977⟩

НОЧЬ ЗВЕЗДОЧЕТСТВА

Как чужды
Мне эти рыдания,
Что нынче уже не вчера
И осень — пора увяданья
И самосгоранья пора.

Нет,
Осень, просторы очистив,
Исчезнет под видом зимы
В день самосожжения листьев
И в ночь звездочетства...

А мы
Не верим беседам в беседках
О том, что деревья мертвы,
Хотя и осталось на ветках
Лишь десять процентов листвы.

⟨1978⟩

* * *

Холодный ум
Одолевают думы,
Что, от благоразумья далеки,
Не рассуждают леопарды, пумы
И пауки.

Но как к числу бессмысленных причислить
Я не могу тебя, цветок в цвету,
Вот так и Землю неспособной мыслить
Я не сочту.

И неразумными
Считать не будем
Мы тонны книжек, проданных на вес,
И хорошо понятен добрым людям
Зов звезд с небес!

⟨1978⟩

* * *

Я побывал
У смерти в лапах,
Но уцелел наперекор
И чувствую, как острый запах
Из всех моих исходит пор,—
Не запах ли коры ореха,
Что ей разгрызть не удалось,
И запах смеха,—
Вот потеха,—
Похожий и на запах слез!

⟨1978⟩

* * *

А, собственно говоря,
О чем спор?
Мне кажется,
Человек создавался не благодаря
Чему-то, а скорее — наперекор,
А его творенья во всей своей красоте

Становятся явны, пожалуй что, лет через сто,
А самые лучшие стихи — те,
Которые написаны, несмотря ни на что.

⟨1978⟩

СОПРОТИВЛЯЕМОСТЬ

Бывает,
Сердце так колотится, точь-в-точь
Как будто сам себя и день и ночь
Толчешь в ступе. Но нет, не растолочь,
И как бы ни была крепка,
О ты, ступа, служившая века,
Я не могу столочь себя, силач,—
Сопротивляемость столь велика!

⟨1978⟩

* * *

В тот день
Работал я давно,
С рассвета я трудился, но
Решился в девять без пяти
Внимательней взглянуть в окно.
А там, крылатые почти,
Как лебеди, летели люди
На службу ровно к девяти.
Я крикнул:
«Добрый люд! Лети!
И я спешу не без пути!
Мое перо — мое орудье!»

⟨1978⟩

* * *

Где мы находимся?

Астрономически —
Мы, разумеется, в небесах.
А краеведчески и следопытчески
Мы — в городах, и в полях, и в лесах.
Веря с природой в права наши равные,

То, как в зеркало, глядим в водоем,
То в объективах, такие забавные,
Чуть ли не вниз головою встаем.
Всяко бывает!

А самое главное:
Ты в моем сердце,
А я в твоём —
Вечно вдвоем!

〈1978〉

ОН И ЕЛЕНА

Вдруг
Он стал горячиться:
«А какой романист
Мог бы из меня получиться, Елена!
А какой математик! Ведь артиллерист
Есть уж сам по себе математик, Елена!
А теперь я не больше чем тусклый мемуарист
И на страже суждений своих оловянный солдатик,
Елена!»
Так Елене, своей собеседнице, мне он
казнился без слов,
Сам глубоко презрев мемуаров своих
недомолвки.
«Ты видишь, Елена,
Как гребни валов,
Набегая на скалы, преображают оскалы
в осколки,
Чтоб не вычислил ветер,
Чему не равняется сумма углов
Пресловутой моей треуголки, Елена!»

〈1978〉

ЗЯТЬ И ТЕСТЬ

О ветер,
Дуя издалека,
Моих видений не развеивай!

Я вижу Александра Блока
С его Любовью Менделеевой.

И слышу го́лос Менделеева:
«Он бедный, Люба, пожалей его!»

«Отец! — я слышу голос дочери.—
Как вы ужасно напророчили!»

А может быть, и не последовало
Ответа, и не собеседовала
Так дочь с отцом своим, мыслителем.

Он не был лирики хулителем,
Ученый, взорами пророка
Глядевший в недра недр глубоко,
Идущий с веком рука об руку.

Но всё же как-то одиноко
Он видел Александра Блока,
Юнца совсем иного облика,

Творца с иной совсем судьбою,
Чем это видим
Мы с тобою!

⟨1978⟩

МАЧТЫ

Как сосны,
Превращаясь в мачты,
Ждут парусов сто лет подряд,
Так и стихи, порою на́чаты
Лет пятьдесят тому назад,
Точь-в-точь как выросшие в мачты,
Ждут ветра, и дождя, и туч,
А нынче хоть сиди всю ночь ты,
А делу этим не помочь!

⟨1978⟩

* * *

Давным-давно уж ясных дней нет.
Луна, коль ввысь она всплыла,
И та как будто бы краснеет
За чьи-то грустные дела.

Леса горят. И не с корней ли,
Где не кусает и пила,
Деревья будто почернели
За чьи-то черные дела.

И, видно, потому и к ночи,
Какой бы светлой ни была,
У фонарей тускнеют очи
За чьи-то темные дела.

⟨1978⟩

* * *

Обманутый,
Не мысля об обмане,
Ни на секунду сам себе врагом
Не кажется. Он бежит бегом,
Не обращая ни на что вниманья.
А необманутому
Всё кругом
Неясно и опасно,
Как в тумане.

Недешево дается пониманье,
Блеск истин в их величии нагом.

⟨1978⟩

У ДВЕРЕЙ ВЕЧНОСТИ

Весной,
Особенно при свете
Могучих солнечных лучей,
От наблюдающих очей
На волю убегают дети.

Но снова
Там, где соловьями
Полночный воздух освежен,
Мужья мерещатся для жен
Их будущими сыновьями.

И знал
Поэта я собрата:
Шептал своей любимой он,
Что дочь ему когда-то
Она была во мгле времен.

О страсть,
Кого ни повстречай,
От ввысь взлетающих до падших,
Рассматривать как будто младших:
Знай — пестуй,
Нянчи,
Поучай!

И я,
В дверь Вечности стучащий,
О жизнь моя, чем я старей,
Тебя отождествляю чаще
И чаще с матерью своей!

⟨1978⟩

ПОЗДНИЙ ЧАС

Рабочий день
Уже лежал в постели,
От сдержанной усталости зевая.
Я вышел. Тротуары опустели,
Часы показывали что хотели:
Одни — вперед, другие — отставая.
Прошла старуха, лихо напевая.
Какие-то младенцы пролетели —
Возможно, что Амуры. Надевая
Непроданные всякие вещицы —
Пальто, колготки, кофточки и платья,—
В безлюдных магазинах продавщицы
Плясали. Что еще могло случиться,
Какие провести мероприятия
Задумал кто — не мог предугадать я!

⟨1978⟩

О, довольно пылать браконьерским кострам,
И, конечно, теперь уж никто
Не стремится разрушить старинный храм,
Но на радужном озере
Видится мне
Монастырь,
Превращенный когда-то в маяк,
А теперь и на месте маячных развалин
Остается, печален, лишь черный пустырь
и пожравший и камень и пламень очаг.

Словом,
Есть у Вечности что-то
Всепожирающее
В ясных ее очах,
Будто Вечность такой преточаянный весельчак,
Что порой и заплакать от смеха охота.

⟨1978⟩

* * *

Люди ревнивы,
Будто они
Либо огниво,
Либо кремни,
Либо, как в засуху
Ветка и прут,
Трутся в пространстве,
Чтоб тлеть, будто трут,
Либо, как листья, иссохшие в зной,
Вспыхнуть готовы от искры одной,
Либо как нива в осенние дни,
Нивы ленивы, но лишь зарони
Пламень в их гривы —
Так вспыхнут огни.

Люди ревнивы.

⟨1978⟩

МНИМАЯ НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ

Нет предела
Зависти и козням.
В этом мире порицают чуть не каждого!

Говорилось же о том, что поздним
Старческим твореньям Микеланджело
Свойственна незавершенность,
Что рука слабела постепенно...

Но лениво усмехался Хронос,
И преобразилась вдохновенно
Эта мнимая незавершенность
Поздних озарений Микеланджело
В будущее мастерство Родена.

И лениво усмехался Хронос,
Хронос, усмехающийся хмуро,
Видя, как роденовская юность,
А затем роденовская зрелость —
Эта мнимая незавершенность —
Порождала железобетонность
Генри Мура!

⟨1978⟩

ВНЕ СЕБЯ

Когда мне было восемнадцать, мне
Мерещились как въявь средь бела дня
Миры, которые создать я лишь во сне
Дерзал, ночных соблазнов не гоня.
А Будничность творилась будто вне
Меня, юнца. Но и ее любя,
Я день и ночь бывал как вне себя!

⟨1978⟩

* * *

Нередко
Бессмертия ищем
Мы только лишь в прошлом своем,
И молимся мы корневищам
И пнищам осанну поем,
Чтоб после кричать:
«Мы не мы! Я
Не я! Ты не ты! Он не он!»

И озаряет немые
И странные сцены
Неон.

⟨1978⟩

* * *

Эй, старик,
Ты можешь петь
Про свободных и рабов,
Про скитальцев-моряков,
Про наяд, попавших в сеть,
Про сирен и про химер,

Но не надо про любовь
Напевать, старик слепой!

Впрочем, если хочешь, пой,
Если вправду ты — Гомер!

⟨1978⟩

ДАЛЬНИЕ ЗВЕЗДЫ

Как ни давно
Живу на свете,
К чему глаза бы ни привыкли,
Но не обрел я даже трети
Мне предназначенных реликвий
И не прочел и половины
Тех книг, что должен прочитать я,
Хотя и в этом не повинны
Их авторы, мои собратья,
А что касается полотен,
Подобных неоткрытым звездам,
Их в бездне столько тысяч сотен,
Что и катáлог их не создан!

⟨1978⟩

* * *

Овидий
В Рим писал в тоске:
«Творя на гетском языке,
Я сделался понятен им,
Наивным гетам!»

Древний Рим

Пал. И давно не стало гетов.
Забыто множество поэтов.
Но не забыт Овидий, ныне
Звуча не только по-латыни,
А всюду, близко и далече!

По-видимому, Овидий
Не только гетское наречье
Усвоил!

〈1978〉

ШОСТАКОВИЧ

При немеркнувшей луне
В мире сумрака лесного
Ночь показывала мне Шостаковича больного,
Вспоминавшего свои юные произведения.
И венчали соловьи эти лунные виденья.
В бранном небе при огне катаклизма мирового
Ночь показывала мне
Шостаковича живого!

〈1978〉

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Свои виденья записать
Мне никогда не лень,
Поскольку надо запастись
Фонд грез на черный день.
Но этот золотой запас
Не выставляю напоказ,
Его не трачу зря,
А берегу его для вас,
Раз не пишу я на заказ,
Точнее говоря!

〈1978〉

ЛУЧ

Нет,
Не горячный баламутчик,
Хоть и невзрачен и не жгуч,
Скольжу по мрачным кручам туч,

Пусть даже не весьма могуч,
Но никакой не лизоблюдчик,
Дичок, колючий без колючек,
Я никакой не лучик —
Луч!

⟨1978⟩

ПЛОВЕЦ

Как будто
Бухту в час отлива
Переплываю. Цель близка,
И выхожу я горделиво
На отмель серого песка.
И не плывет за мною сзади
Никто, хоть многих я увлек.
Отстали! Возвратились! Глядя
На тень свою, смеюсь:

«Высок!»

Но, тело, на ветру ты стынешь,
И тяжелеет голова...

Так неужели это финиш?

Нет, Вечность, ты не такова!

1923, ⟨1979⟩

СЧИТАЙТЕ: ЭТО — Я!

Я виноват,
Что душ не потрясал!
И сколько бы стихов ни написал,
Я виноват, что не солоноват
Весь мир от слез, разбрызганных в былом
Чувствительностью!

Да, я виноват,
Что стих мой не настолько суховат,
Чтоб затрещать, как истый бурелом,
Под всем котлом бурнокипящих слез,
И из колодца этих слез бадья
Мной поднята, но их не выпил я.
Их пить? Совсем не так борюсь со злом!
И не моя в юдоли слез ладья
Идет ко дну. Нет, выплывет авось,

Чтоб с ней побольше гибнувших спаслось.
Ах, сколько туч над нами пронеслось,
Рассеялось!

Но если говорят,
Что где-то кто-то в чем-то виноват,
Пожалуйста, считайте: это — я!

1974, <1979>

ГОНЕЦ

Вот скачет гонец!
Заныло в груди.
«Так, значит, конец?»
— «Да нет, погоди...»
— «А что прискакал?»
— «Другого ищу!»
Кого б ни искал,
А я трепещу,
Кричу ему вслед,
Что их не найдешь,
Что дома их нет...

О, мелкая ложь!

<1979>

НЕБЕСНЫЕ ПИСЬМЕНА

Ветер — звать его Мефодий —
Мне окно приотворил:
«Я пришел к сухой погоде,
А за мной идет Кирилл!»
Сняли рясы, хохотали,
Ибо выпили вина.
По-славянски начертали
В синем небе письма.

Письмена на небесах —
Здесь,
Над третьим
Этим
Римом, —
О великих чудесах!

Посмотри
И разбери,
Если ты
Горазд
Читать:
В этом
Мире
Рима
Три,
А четвертому
Не встать!

〈1979〉

ТАИТСЯ СМЫСЛ ВО ВСЕМ

На наших улицах
Не день ли ото дня
Ужасней и ужасней суетня,
Как будто бы машины без людей
Туда-сюда, как люди без идей,
Лишь тычутся бессмысленно с утра
До ночи нынче, завтра и вчера!
Но это вздор! Таится смысл во всем:
В машинном газе, в девушке со псом
И в мальчишке, идущем колесом...

В толченье атомов как будто смысла нет,
Но соразмерен стройный бег планет,
И кто дерзнет, тот станет невесом!

〈1979〉

В СТАРОМ ОТЕЛЕ

В старом римском отеле
Старый коричневый пол,
Пахнущий воском пчел,
Старенькие постели,
Старенький римский шкаф,
И внутри у него, не пустого,
Много старше всех римских пап,

Старый-старый седой римский раб
Всё-то ждет
Рождества Христова!

⟨1979⟩

ЧЕРНИЛЬНИЦА ЛЮТЕРА

Вновь
Адский гром
Забормотал о чем-то,
И просятся проклятья на уста.

Чернильница,
Которой Лютер в черта
Швырнул, она прольется неспроста!

Чернильница,
Которой в черта Лютер
Сердито запустил в полубреду,
Чтоб не паскудил бес, не баламутил
Благочестивым людям на беду!

Очнулся Лютер,
И чернила вытер
Он с пола, со стены и со стола.

Изгнал он дьявола,
И гнев он свой насытил,
Чтоб добродетель сладко не спала!

⟨1979⟩

ПРОФИЛИ

Почему
На западе Востока
В дни, что безвозвратно миновали,
Человека, зверя, птицу, бога
Только сбоку, в профиль, рисовали?

Потому что
Малы иль велики,
Но двоятся облики и лики

И обличья! В том-то и морока,
Что одно бывает скорбно око,
А другое будто и смеется!
Но такие вещи удается
Не увидеть разве только сбоку.

Видеть
Разве не было бы дико
Губы справа — громкие от крика,
Слева — молчаливые глубоко!

Правая рука дарами дарит,
Левая — отымет и ударит,
И жестоко,
Ибо если в ней не меч, то — пика!

Вот в чем штука!
Двойственность такую
Надо ли показывать людскую —
Думали художники Востока,
К делу подходя
Не однобоко.

〈1979〉

ВТОРОЕ БЫТИЕ

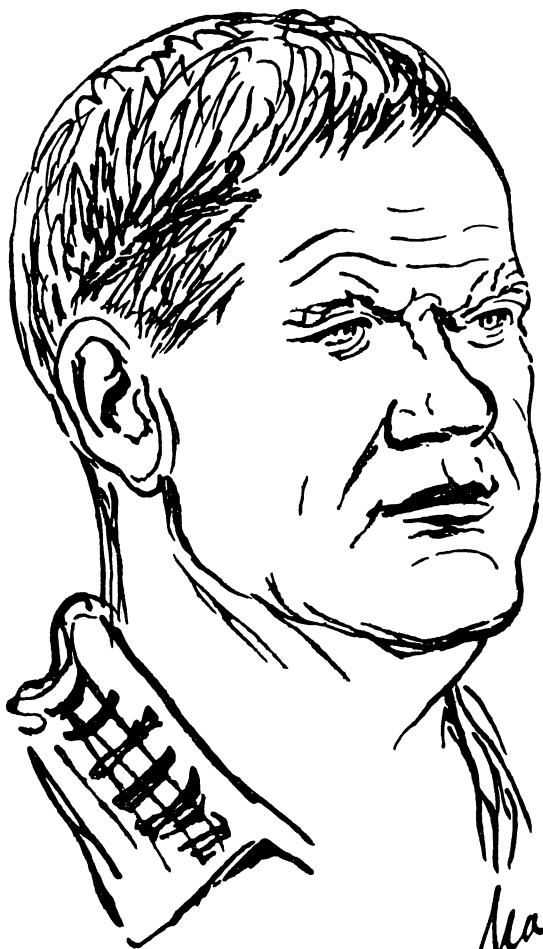
Я к жизни возвратил немало мертвецов,
И встретиться помог я им, живые, с вами,
Затем чтоб наконец и о земле отцов
Хотя бы несколькими перекинуться словами.

Но торопитесь же! Подозреваю я:
О первом бытии своем, негладком часто,
Спешат они забыть, второго бытия
Прекраснодушные энтузиасты!

〈1979〉

ХАЛКИДСКИЙ ЛЕВ

У блаженного Иеронима,
Удалившегося в Халкидскую пустыню,
Был в его рабочем кабинете
Лев, лежащий в глубине пещеры
возле письменного стола.
Это было необходимо.

Leonid Kapitonov
LKM
1967

Будто бы в мантию,
Став фиолетовым с головы и до пят,
Ибо когда люди спят,
Даже не только Москва-река, Сетунь и Яуза,
Но точно так же и Сена, и Темза
Даже ночному университетскому его силуэту
Дружно присваивают
Звание доктора
Honoris causa! ¹

<1979>

ЕЛЕЙ

Я шел по аллее,
И воздух был сух,
И вдруг я елея
Почувствовал дух.
Не ветер с полей я
Вдохнул и с болот,
А будто елея
Какой-то налет.
И всё тяжелее,
И всё тяжелей
Идти по аллее
Мне было. Елей
Подобием клея
Налип на стогах,
И клейкость елея
Лежала в лугах,
И клейкость елея
Хвалили клещи:
«Милее елея
Веществ не ищи!»
И пели во мгле им
Гнилушки из пней:
«Покрыты елеем,
Мы глеем сильней!»
И, сил не жалея,
Шагнул я смелей
В завесу елея,
И лопнул елей.

<1979>

¹ За заслуги (лат.).— *Ред.*

* * *

Мне чудилось,
Что все дороги,
Откуда бы ни ждать гонца,
Должны сходиться на пороге
Моем, у моего крыльца.

За солнцем и луна садится
В моих лесах, в моих горах,
И только Сатана гнездится
В своем аду, в иных мирах.

Так было всё, как на иконах,
На освещенных образах,
Но постоянства нет в законах,
Меняется всё на глазах.

И всё спокойней год за годом
Внимаю даже и речам,
Что Солнце в гости к антиподам
Гулять уходит по ночам.

⟨1979⟩

* * *

Снег
Идет за туманами вслед,
Кроя волчий и кроличий след,
Он идет, будто в воздухе нет
Никаких ни тарелок, ни дисков,
Ни частиц, причиняющих вред,
Ни пришельцев с планет явно близких.
Явно близких...

И, словно гоня
Все видения, тени, миражи,
Никого не дразня, не казня,
Так идет он не мимо меня,
Звездный снег не вчерашнего дня,
А, быть может, грядущего даже!

⟨1979⟩

ЭПИЛОГ

Ищут
Медвежьих берлог,
В каждый глухой уголок
Жадно заглядывая.

Чуешь, отрада моя!
Вот в чем блаженства залог —
Райских птиц радуя,
Свеж ветерок
Рая за адской оградой.

А за райской оградой —
Чуешь, милоч! —
Баннй полóк,
Келья с лампадой.

А у икон —
Присмотрись! —
О, бородища лопатой! —
Ризы богатые,
А из-под риз —
Черти рогатые.

То-то, милоч,— вот эпилог:
Черти рогатые!

⟨1979⟩

* * *

Надоели
Эти примитивы,
Но попробуй по-иному спеть
Эти три известные мотива:
Голод, Любовь, Смерть!

Он
До новизны был очень падох,
Целый мир перевернуть готов,
И навел совсем иной порядок:
Жизнь, Голод, Любовь!

Может быть,
Что-то изменилось?
Взвизгнула Эротова стрела!
Смерть с приятным смехом извинилась.
Отступила и свое взяла.

⟨1979⟩

* * *

От соприкосновения
Художника с Жизнью
Рождаются крылатые образы —
Икары, Пегасы, Победы, Эроты.

А от соприкосновения
Пустопорожника с жизнью
Получаются слизи,
Уроды, мордороты.

⟨1979⟩

ПРИХОДИТ ВРЕМЯ

Проходит время уверять,
Что нету равных мне по силе,
Приходит время умерять
Свои могучие усилья.

Приходит время убирать
Сеть паутины в доме отчем,
Приходит время умирать,
Но и оно проходит, впрочем!

⟨1979⟩

* * *

Кому останутся
Колдобины и пни,
Когда не станет нас?

Тому,
Кому останутся одни
Пленительные праздничные дни,
И блюз, и джаз.

Кому останутся шальные вечера
И лунной ночи месяц-голова?
Тому, кому забыть давным-давно пора
На кой-то черт созвучные слова.
Кому останутся торцы, дворцы,
Зубцы бойниц, прославленных в былом?
Кому достанутся терновые венцы,
А то и шелест лавров над челом?

Кому останутся и лавры и костры,
Кому достанется весь этот ад и рай
И этот и соседние миры?
Тебе, дитя! Что хочешь выбирай!

⟨1979⟩

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА БЫЛОЕ

Оглядываясь на былое,
Мать я увидел и отца
И оперенную стрелю
Пронизанные сердца.

Оглядываясь на былое,
На сонный дом, на лунный сад,
Я вижу племя пожилое,
Оглядывающееся назад.

Я вижу хладную пилою
Распиленные на дрова,
Оглядывающиеся на былое
Классические деревья.

Оглядываясь на былое
В равнинах безголовых пней,
Я вижу ставшие золою
И пеплом стружки прошлых дней.

Но столько зноя в этом слое,
Где кенарь, соловей и чиж,
Что, в пепел глядя на былое,
Грядущее ты различишь!

⟨1979⟩

Я думаю,
Что на Земле,
В ее пыли, в ее золе,
Книг много больше, чем людей,
И это что-нибудь да значит...
Над безднами библиотек
Они как маяки маячат,
Стоят как стражи на часах.

Такой уж нынче, видно, век:
Книг больше, чем озер и рек,
Книг больше, чем грибов в лесах,
И разве только в небесах,
Где солнце тусклое маячит,
Звезд все-таки не меньше книг
И в переплетах и без них —
И это что-нибудь да значит!

⟨1979⟩

ПОЛЯ У ДОРОГИ

Поезд
Мчался и мчался,
Так что вовсе не виделось даже,
Чей пейзаж отличался
От какого иного пейзажа.

Пастухи
И пастушки
Читали журналы и книжки,
И в любой деревушке
В астронавтов играли мальчишки.

Через
Радужный воздух
Привлекал удивленных пилотов
Залетевших в наш мир звездолетов
Небосвод в кинозвездах.

И в гостиничном холле
Гостили певцы, напевая,
И ржала в чистом поле
Лошадка живая.

Это всё
Было летом,
В конце его самом (я точен!),
Но когда-то мечтал я об этом
Как о будущем, близком не очень.

〈1979〉

* * *

Ты пишешь так мелко о том, что прошло,
Что даже сквозь выпуклое стекло
Твоих не рассмотришь идей,
Как будто бы след от пера и чернил
Кишит миллионами всяких бацилл,
А вовсе не делом людей.

А я всё крупней и крупнее пишу,
Как будто бы сам и себя отношу
И тех, с кем бывал я знаком,
К гигантам: уж так всё я вижу кругом!
А кто дальнорук и кто близорук —
Пускай установят потом!

〈1972〉, 〈1980〉

* * *

И вдруг
Затихли
Лир бряцанья
И самопишущие перья.

«Ты кто?
Не Дух ли Отрицанья?
А может быть, и Дух Безверья?
Прочь! Отвяжись! Прими гоненья!
Усвой запрет сюда соваться!»

А он в ответ:
«Я — Дух Сомненья,

Но можешь ты не сомневаться,
Что никому не воспрещаюсь
И никому я не навязан!»

Так он воззвал. И, не смущаясь,
В одно мгновенье скрылся с глаз он,
Как дьявольское наважденье,
Дух Отрицанья с мгlistым ликом,
Но с чистым Духом Утвержденья
Почти близнец,
Коль не двойник он!

⟨1980⟩

* * *

На прозу навалился я, кляня
Ее невероятное упорство.
Стихи же, будто позади меня,
Стоят и смотрят на единоборство.
Они ничем не могут мне помочь,
Но с ними и во сне и наяву я
Содружествовать буду день и ночь,
Над прозою победу торжествуя!

⟨1980⟩

* * *

Ну, вот
И снова я в унынье
И снова на себя грешу,
Что затерялся как в пустыне,
Где ничего не воскрешу.
Слова куда-то улетели,
И, если реют вдалеке,
От них я вижу только тени,
Мелькающие на песке.
Я перелистывал поэмы,
Как будто их писал не я...

Вот так и улетаем все мы
В неведомые края,
Где, сказанные, не годятся
Для повторения слова
И только новые рождаются —
Лишь в этом сущность мастерства.

⟨1980⟩

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Я старых записей густую вязь
Перебираю в грустном удивленье,
Своей неаккуратности дивясь.
Но так писал я вовсе не из лени,
А, говорю без ложного стыда,
Что отроду не знал я этих правил,
И там, где это надо, никогда
Я знаков препинания не ставил.
Не соблюдал ни точки с запятой,
Ни просто запятых, ни многоточий,
А всё подряд лепил я, как простой
Необразованный чернорабочий,
Ошибки делая то тут, то там.

Ну, ладно, напишу воспоминанья,
И в них-то уж расставлю по местам,
Как следует, все знаки препинанья!

И вот пишу, и мечется рука
По запятыми полному листочку,
Но всё же сил достаточно пока,
Чтоб не поставить там, где должно, точку,
Подобную
Могильному
Цветочку!

⟨1980⟩

* * *

Есть поэмы, не закончены
Сорок лет и пятьдесят,
Будто, немые, колокольчики
Нерасцветшие висят,
Всё-то что-то ожидающе
И ничуть не увядающе,
На упругих стебельках,
Будто в будущих веках.
Значит, это не беда еще,
Если есть перо в руках!

⟨1980⟩

* * *

О, литература Осьмнадцатого столетья,
Будто она существует без меня — что за вздор, —
Разве не я с рыбацкою сетью
Помогал Ломоносову близ Холмогор?
А литература Будущего столетья —
И она, как мне кажется, немыслима без меня!

Но еще существует нечто третье:
Литература Вчерашнего дня!

⟨1980⟩

* * *

О ты,
Бумага несмятая,

На всё, что уже печатаю,
Смотрю как на полузабытое!

Былое мое богатое
Огромною и рогатую за мною ползет
улиткою,

Но птицей летит крылатую,
Волнующе и бушующе,
Всё то, что я напишу еще!

⟨1980⟩

ВСЁ ЧАЩЕ И ЧАЩЕ

Всё реже и реже,
В дверь сердца стучащий,
Ты слышишь:
«Открыто! Войди!»

Всё чаще и чаще
Слова не одни ли и те же
В окошко стучат как дожди.

Всё чаще и чаще
Ничем не венчается день,
Всё чаще и чаще
Ничем не кончается ночь.

И что ни надень,
А ничем не помочь!
Хоть тогу надень, хоть медвежью доху, хоть навыпуск
Хоть шапку напяль Мономаха затем, чтоб усилить
рубаху,
родство,—

Всё чаще и чаще,
Всё пуще и пуще молчащий
Всё реже и реже
Похож на себя самого!

⟨1980⟩

* * *

Это я, может быть, превращусь в горстку пепла,
Которая развеется на ветру,
Но, чтоб он не попал тебе прямо в глаза и от слез,
хоть на миг, ты не слепла,
Может быть, даже я, даже я не умру, не умру,
А останусь на белом свете пусть даже тенью,
Потому что надеяться может даже и тень —
На неувядающее соприкосновенье
Со сладчайшим дыханьем твоим в светлый день!
И не знаю, какой тебе нужен крест — из камня, или
металла,

Но твердо знаю только одно:
Я тебя видел, как ты прилетала
Из Нескучного сада
Тогда
В окно!

⟨1980⟩

* * *

Прилетел в окошко мотылек
И у рук моих доверчиво прилег.
Прилетела вслед за ним пчела,—
Может быть, Тобой она была!

И покуда сам я не исчез,
Я не трону никаких живых существ!

А ручки?
Вы воплощенья чьи?

А цветы?
Ведь это тоже Ты!

⟨1980⟩

С УЛЫБКОЙ НА УСТАХ

Унылые места,
Где в небе пустота
И вся земля в крестах,
А солнце и луна
Валяются в кустах.

Но так не навсегда!
Настанут времена —
И станут на места
И солнце и луна.

А облаков стада
С цветами на рогах,
С кометами в хвостах
Пойдут пастись в лугах
С улыбкой на устах!

⟨1980⟩

ОГЛЯНУВШИСЬ НАЗАД

«Хватит
Перья кусать!»

Молвит Время, летя:

«Поспеси записать, хоть вчерне набросать
Всё, что помнишь, грустя, полстолетье спустя,
Оглянувшись назад!»

Опасенья грозят:
«Всё ли сможешь связать
Во единый отчет?»

Да, ты должен дерзать!
Всё ты должен сказать на столетье вперед,
Оглянувшись назад
На Семнадцатый год!

⟨1980⟩

* * *

Весною ранней
Смутно раздраженный,
Иду я, безвозвратно погруженный
В разгадыванье словосочетаний,
Рождаемых умом моим усталым,
Медлительно, как сани и телега,
Когда клубится над вербой и талом
Дым, пахнувший не печью, не металлом,
А просто снегом,
Падающим с неба.

САТИР И НИМФА

Околдованная его дудой,
Очарованная песней-басней
(Он назвал тебя звездой!),
Ты, забыв, что он сатир седой,
Ошибиться не могла прекрасней!

А обнять себя ты не дала
И его ручищу отвела,
Несмотря на нежность песни прежней,
Истина была (ты поняла!)
Злее всякой лжи и безнадежней!

Но недолго, злейшая из злых,
Эта истина торжествовала в мире:
Дикий хрип дуды его затих...
А певцы уже гремят на лире
Вновь и вновь да всё о вас двоих —
Лишь о нимфе песнь да о сатире!

МИР ИСКУССТВА

А кому какое дело
До оставшихся здесь книг,
Изваяний и полотен,
Хоть у всех душа и тело,
И неповторимый лик
Страшен, дик, жемчужно-потен
От желанья стать понятным,
Исказив свои черты!

О, желанье стать понятным,
Не становишься ли ты
Чем-то вовсе и обратным!

* * *

Из мира
Облачных
Страниц,
Разрозненных Двадцатым веком,
Одна из прилетевших птиц
Вдруг обернулась человеком
И там, где лунное ведро
Ушло в небесные чернила,
Свое летучее перо
О серп Венеры очинила:

«Всё станет на свои места,
Уход твой назовут утратой
В год от рождения Христа
Две тысячи девятьсот пятый,
А до тех пор доволен будь
И безмятежностью забвенья,
Ложась своей же гордой тенью
На собственный свой торный путь!»

«А! Предрекать одно и то ж
Мы любим: лишь в Грядущем слава!
А вдруг придет скорей, чем ждешь,
Своя удача, величава!..»

Но с валуна вспорхнул он вдруг,
Как будто вовсе обессилел
Не я, а мой пернатый друг,
Которому я опостылел!

* * *

Такое иногда бросишь,
Что и не разберет никто,
Если даже и сам ты попросишь,
А лет через сто
Глядишь — совершенно понятный
Рассказ это был или стих,
И тут не пойдешь на попятный,
Если ты автор их!

* * *

Кто нынче читает Парни?
Покажите мне,
Где эти пушкинообразные парни?
Неужели это они
Патрулируют парами
На фестивале?

Я встречал атеистку, которая уверяла,
Что католики — не христиане,
А вы еще что-то толкуете о Шатобриане!

И слышал об экономисте,
Который об Адаме Смите
Знал из «Евгения Онегина».
О, покажите его мне немедленно!

Все пути
На Парнас так извилисты и каменисты.

НЕВЗГОДЫ

Неспокойно
Доживаю
Остающиеся годы.

Так волнуют, оживая,
Отошедшие невзгоды...
Что же, их я не скрываю —
Я всегда хотел свободы!

* * *

Кто
Сроду
Сочинял за одой оду,
Кто годы погружался в переводы,
Кто замыкался в эпос, точно в крепость,
А кто срывался в прозу, будто в пропасть!
Но с более обрывистого берега
Я без оглядки со всего разбега
Всегда кидался в лирику, как в реку,
И плыл, и плыл по этому потоку,
Как будто с грустью уносимый к устью,
А все-таки добрался до истока,
Наперекор пlying —
Навстречу Веку!

КОРОЛЕВНА

Как королевна,
Спать ложась, корону
Снимает сонно и на коврик рядом ставит,
Вот так же и надменная осина
В траву роняет яркие листочки
Своей закатом озаренной кроны
В осенний вечер,
И кричат вороны
Вокруг Ея Высочества осины.

* * *

Разрешаю одиночеству
Рано утром приходить, будить,
Называть по имени и отчеству,
Комнаты в порядок приводить.

Как откажешь одиночеству
Быть моим секретарем!
«День настал! Осуществим пророчества,
Деловую почту разберем!

А теперь уйди!»

Но одиночество
Мне в ответ: «А если я уйду,
И тебе остаться не захочется?»
— «Нет! Свою любимую я жду!

Провожать я не люблю. А встречу
Дорожу я ныне только с Ней
И Ее, недалеко ушедшую,
Вижу всё яснее и ясней!»

* * *

Зачем тайник?
При чем тайник?
Нет, не по тайникам рассовано
Всё множество картин и книг,
А люди в большинстве своем
И знать не знают, что́ о них
Написано и нарисовано.
Нам некогда! Мы устаем,
Внимаем только песнопеньицам,
Напетым в славу нам и в честь!

А книги не подобны пленницам,
Да только некогда прочесть!

* * *

Я покупал газеты и журналы
И накупил их целый килограмм,
Чтоб не забыть и чтобы ты узнала,
В чем смысл стихов, статей и телеграмм,
И как кого порою величают,
И как кого порой разоблачают,
И как кого еще не замечают
До неких пор!

Увы, отнюдь не вся Вселенная
Приятным запахом охвачена,
Преобладает нечто тленное,
На изгниванье предназначено.

Не корчи из себя наивника,
Но будь и к смертным благосклоннее
И запах мертвого противника
Не выдавай за благовоние!

ЗА ИСКЛЮЧЕНЬЕМ ИСКЛЮЧЕНИЙ

В чем смысл вечерних передач?
В угрюмом мире неудач
Всё состоит из злоключений,
За исключеньем исключений.

Здесь каждый господин — палач,
За исключеньем исключений,
И слуг своих он гнет в калач,
За исключеньем исключений.

И черств почти любой богач,
За исключеньем исключений,
И всюду стон стоит и плач,
За исключеньем исключений.

Ты это всё переиначь!
Пускай везде без исключенья
Людские кончатся мученья —
Нет у тебя иных задач!

НЕЧТО ТРЕТЬЕ

Делали одно,
А получалось
Неизменно что-нибудь другое,
Но и этим дело не кончалось...

Откровение благое
Отзвучать еще не успевало,
Но с отцами в спор вступали дети —
Волновало их уж нечто третье.

Новую ли веру порождали
Или вдохновенно возрождали
Невозвратные тысячелетья —
Вечно получалось
Нечто третье.

Думаю об этом и чужие
Расшифровываю размышленья
И заглядываю в чертежи я,
И разгадываю вычисленья.
И одно хочу предусмотреть я:
Чтоб прямая, выгнувшись дугою
И пространство одолев тугое,
Не свилась бы ни петлей, ни плетью,
Где, одно сменяя на другое,
Снова возникает
Нечто
Третье!

ПОЭМЫ

Над зданиями флаги ярки,
 Но город сер и немощен.
 За кладбищем, в воздушном парке,
 Французских аппаратов стон.
 Идут белогвардейцев взводы,
 Перекликаясь и шумя;
 Сторожевые пароходы
 Плывут по Иртышу, дымя.
 Вот к набережной мирный житель
 Спешит, сопутствуем женой,
 Смотреть, как черный истребитель,
 Шипя, вползает в Омь кормой.
 Стремительный автомобиль
 Сбегает с наплавного моста.
 Соленая степная пыль
 Покрыла город, как короста...
 И всюду — беженская тля.
 Сенсации ей надо громкой:
 «Вечерний выпуск! Близ Кремля
 Пристрелен Троцкий незнакомкой!»
 «Мсье Нўлланс царскую семью
 Увез в автомобиле крытом» —
 Так уверяет интервью
 С архангельским митрополитом...
 А в общем — гниль. Эсерский вздор.
 Конец бы этому кагалу!
 И вот крадется, словно вор,
 Посол казачий к адмиралу.
 О том узнавшие — молчат.
 Лишь шепчут старые вояки,
 Что волк морской степных волчат
 Готовит к предстоящей драке.

А в «Люкс», «Буффало» и «Казбек»
 И в залы дорогих гостиниц
 Глядит прохожий человек
 С таким же чувством, как в зверинец.
 Возможен ли народный гнев,
 Дерзнут ли выступить повстанцы,
 Когда туземок, опьянев,

Взасос целуют иностранцы?
Таков неписанный закон!
И коль француз угоден даме,
То русский хоть и возмущен,
Но удаляется задами...
Жара. И в дорогих мехах
Сопят красотки, как зверухи.
Делец хлопочет, влопыхах
Жилет не застегнув на брюхе.
Купить-продать он всё готов:
Валюта, спирт, медикаменты,
Не покупает лишь домов,—
Спокойней есть апартаменты.
Какие? — Например, экспресс.
Вы помните судьбы уроки?
В Самаре сел, а после слез
Ну, скажем, во Владивостоке...
Ах, стала б Хлоя в этот час
Беспутнее, чем Мессалина!
Ведь плата страсти: первый класс
От Омска прямо до Харбина.
А те, кто, честью дорожа,
Удобный пропускают случай,
Пусть путешествуют, дрожа,
В теплушке вшивой и вонючей.

4

Вот юноша (неловок он
В шинели длинной, офицерской),
Насилует здоровый сон
Он по ночам в таверне мерзкой.
Но юноша идет туда
Не пить и не забавы ради —
Поэтов сонных череда
Там проплывает по эстраде.
И песенка у всех одна —
Читают медленно и хмуро,
Что к гибели присуждена
Большевиками вся культура...
Вот девушка, она мила.
Из Мани превратилась в Мэри.
Она присуждена была
Чекой Московской к «высшей мере».

За что? — Не всё равно ли вам!
И тень на личике невинном:
Она недоедала там
И... торговала кокаином.
Теперь: наряды, хлеб в избытке,
Театр, купанье в Иртыше,
Наикрепчайшие напитки
И жуть какая на душе.

5

Но алый пламень не погас,—
Он в хижинах мерцал нередко.
Угрюмых слов и дерзких глаз
Не уследила контрразведка.
И ночь была, и был мороз,
Снега мерцали голубые,
Внезапно крикнул паровоз,
Ему ответили другие.
На паровозные гудки
Откликнулся гудком тревожным
Завод на берегу реки
В поселке железнодорожном.
Центральный загудел острог.
Был телефонов звон неистов:
«Приказ: в наикратчайший срок
Прикончить пленных коммунистов!»
И быстро стих неравный бой.
Погибла горсть нетерпеливых.
И егеря трубят отбой.
У победителей кичливых
Банкеты, речи и вино.
И дам, до ужасов охочих,
Везет гусар в Куломзино
Смотреть расстрелянных рабочих.

6

Был день последний бестолков.
«Падет ли Омск?» — кипели споры
Пьянчуг, а внутрь особняков
Уж заглянули мародеры...
А вечером, часам к восьми,
Просторы степи стали мглисты,

И, чтоб под Омском лечь костями,
Вооружились гимназисты.
Но мягким снегом замело
Иртышский берёг — поле боя.
И боя не произошло.
Без боя отдали былое.
Киргиз-погонщик закричал,
Затерянный в лохмах метели.
И, потянувшись на вокзал,
Обозы четко заскрипели.
Бегут вассалы Колчака,
В звериные одеты шкуры,
И дезертир из кабака
Глядит на гибель диктатуры.

.....
Морозным утром город пуст.
Свободно, не боясь засады,
Под острый, звонкий, снежный хруст
Вступают красные отряды.
Буржуй, из погреба вылазь!
С запасом калачей и крынок,
Большевиков слегка страшась,
Идут молочницы на рынок.
Обосновавшись у лотка,
Кричит одна, что посмелее:
«Эй, красный, выпей молока,
Поди-кось нет его в Расее!»

1924

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ ОБ УВЕНЬКАЕ,
ВОСПИТАННИКЕ АЗИАТСКОЙ ШКОЛЫ ТОЛМАЧЕЙ В ГОРОДЕ
ОМСКЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Поручик отставной Петров с учениками был суров,
Не уставал напоминать:

«Политику извольте знать!»

Вот и сейчас, вошел он в класс:

«Испытывать я буду вас... Я говорил вам много

раз —

Владыки сопредельных стран давно покорствуют России.

Так вспомним же: кокандский хан нам отправлял дары

какие

В тысяча восемьсот тридцать первом году?

Ну-ну! Скорей ответа жду!

Ты отвечай, Нур Мухамед!

Молчишь? Не можешь дать ответ.

Не помнишь? Спросим Увенькая.

Ответствуй».

Увенькай встает и тотчас же ответ дает:

«Даров тех опись есть такая:

Бухарской сто локтей парчи, джюнгарской свиток чесучи,

Джелалабадские шелка, песку золотого два мешка,

Монголы, взятые в полон, и слоненок, сиречь — слон».

— «Ты прав! Ведом был белый слон. Скажи — дошел
докуда он?»

— «Не доходя и до Тобольска, сдох слоненок

на Иртыше:

Слону студено было, скользко идти по первой порошэ».

— «Ты прав! Здесь нет слонам дорог.

Садись. За твой ответ пятерка.

А кто не выучил урок, тому сегодня будет порка!»

Истории учитель строг.

Полковник Шварц, угрюм с лица, имел отзывчивое сердце.

Для мальчугана-иноверца полковник заменил отца.
За стол сели один простой обед делить по-братски —
Раб молодой и господин. Текла их жизнь по-холостяцки.

Спросил полковник:

«Ну, дружок, какой сегодня был урок?

Чему учили нынче вас?»

И начал Увенькай рассказ...

Воскликнул Шварц:

«Петров дурак! Он учит вовсе вас не так,—

Таит он, что кокандский хан в вышеозначенном году
Затеял дерзостный обман, себе, конечно, на беду.

«Глаза, мол, русским отведу, слона, мол, русским
приведу!»

России в подданство просясь, сказав «покорствоваться
желаем»,

Переговоры вел с Китаем о том же самом хищный князь.

Вот и послал послов-пройдох... Но их назад мы завернули.

Не от мороза, а от пули индийский слон в степи подох!

Теперь ты понял, милый друг?

Учиться кончишь ты когда,—

Пошлем тебя туда, на юг, во туркестанские города.

Разведывать ты будешь там, ходить за ханом по пятам.

Его повадки изучи. Тебя готовим в толмачи.

Но, если в дебрях той страны годок побудешь ты не зря,

Тебе и большие чины мы исхлопочем у царя!»

Шварц, речь закончивши, зевнул, лег на кушетку и заснул.

Раб потихоньку встал, идет из горницы на огород.

В траву он ляжет на обрыв и будет отдыхать, дыша

Прохладным ветром Иртыша. И книжку вынет и, раскрыв,

Займется чтеньем не спеша.

Та книга очень хороша!

Прекрасна книжка!

Как-то раз в воскресный день, после обедни,

Шел Увенькай в полдневный час из крепости в аул
соседний,

Где жил приятель Садвокас.

Шел и мечтал, что Садвокаска нацедит четверть кумыса. Вдруг видит: некая коляска стоит в степи без колеса. Пошел обратно с кумысом толмач дорогою прибрежной И видит, что ямщик небрежный всё возится над колесом. Вот два солдата трубки курят. Сверкают острия штыков. Седок поодаль брови хмурит и книжкой гонит мотыльков.

«Скажи, джалдас, он кто таков? Из ссыльных, что ли, поляков?» —

Спросил толмач у ямщика.

И был ответ его таков:

«Сей барин не из поляков, из русских он бунтовщиков. Его, должно быть, года три не выпускали из оков. В Ялуторовск из Бухтармы на поселенье из тюрьмы Его везем в коляске мы. С ним осторожней говори! Его пугалися цари, страшилися государй! Чтоб свергнули государя, Сей барин подстрекал солдат Четырнадцатого декабря Двенадцать лет тому назад. Вот он каков. Иди-ка, брат! Сюда приблизился ты зря».

4

Пошел толмач. Вдруг слышит крик. То окликает

бунтовщик:
«Эй, друг киргиз, остановись! Продай, пожалуйста, кумыс!»

Подходит Увенькай, дает бутылку путнику.

И барин

Из горлышка прежадно пьет. Он говорит:

«Спасибо, парень! То не кумыс, а чистый мед!»

А книжку сунул он под мышку, не закрывая. В эту книжку Глядит толмач. Там есть портрет.

Изображает он парнишку пятнадцати, не больше, лет. Он, щеку подперев рукой, сидит, парнишка толстогубый, Курчавый парень, белозубый... Узнать бы, кто это такой?

«Напился! Больше не хочу! — промолвил путник толмачу.—

От жажды гибнул я. Ты спас. Возьми двугривенный, джалдас!»

Толмач ответил:

«Полдень жарок, песок в степи кругом горяч.

Пусть будет, что тебе в подарок я дал кумыс!»

— «Я не богач! —

Воскликнул путник.—
Но с лихвою
Я твой подарок отдарю!» —
И трубку с львиной головою он протянул.
«Я не курю!»
— «Так что же дать знакомства ради? Ну, вот —
серебряная брошь».
Но Увенькай, на книжку глядя, молчал и думал:
«Сам поймешь!»
Так получил он эту книжку в обмен на чашку кумыса,
И всё узнал он про парнишку, чьи так курчавы волоса.
Воскликнул пылко бунтовщик:
«Мой друг, хочу тебя обнять
За то, что ты любитель книг!»
Смеялись конвоиры.
Гнать
Им мальчугана было лень,—
Был зноен, душен этот день.
Смерчи клубились на дорогах...

5

«В ауле, на своих порогах,
Черкесы праздные сидят.
Сыны Кавказа говорят
О бранных, гибельных тревогах...»
Но что это? Шуршат шелка. И чья-то нежная рука,
Легка, душиста, горяча, вдруг промелькнула у плеча.
Кто обнимает толмача?
Кто говорит:
«Бонжур, ¹ мой друг! Ах, как забавен твой испуг!
Как ты краснеешь, ай-ай-ай! Что ты читаешь,
Увенькай?»
Молчит толмач. А к книге тянется девическая рука,
Алеет нежная щека за кружевом воротника...
Архиерейская племянница, как ты стройна и высока!
Девушка спрашивает ласково:
«О Увенькай! Давно ль ты глух?
Я вижу — «Пленника кавказского»
Читаешь ты. Прочти же вслух!
Я знаю: «...на своих порогах, черкесы праздные сидят».
О чем черкесы говорят?»

¹ Здравствуй (bon jour — фр.).— *Ред.*

Ну-ну! Читай мне всё подряд, о чем черкесы говорят.
Но обожди... Последний лист в сей книжице почти что чист,
Здесь окончание стишка...»

Метнулась девичья рука, и нет последнего листка.

«У, итн-бала, собачья дочь, листок ты рвешь
из книги прочь!

Зачем листы ты рвешь из книг?» —

Хотел толмач промолвить вслух,
Но стал горяч, шершав и сух неповоротливый язык,
От злобы захватило дух.

А дева прячет за корсаж посеребренный карандаш.

«Вот письмецо! Не мни, не мажь.

Полковнику его отдашь!»

6

Чертополох прильнул к полыни, лопух обнялся с беленой.
Бушует зелень на вершине стены старинной крепостной.
Бушует зелень. Ветер жарок. Он южный, он жужжит
и жжет.

Врывается под своды арок старинных крепостных ворот.
Его гуденье, шелестенье заполнило ночную мглу.

Шумя, колышутся растенья на старом крепостном валу.
Такие ночи лишь в июле случаются в краю степном.
Казак стоит на карауле на бастионе крепостном,
И вдруг он слышит: кто-то дышит, вот вздох и снова
тихий вздох.

«Эй, кто там ходит, кто там бродит, гнет на валу
чертополох?» —

Казак вскричал:

«Ау, ребята! То не сержантова ль коза? Лови ее!
Пошла куда-то!»

Молчи, казак! Протри глаза!

Не выйдешь ты из-под аресту, а то и выдерут лозой,—
Как смел полковничью невесту назвать сержантовой
козой!

7

На бруствере сух хруст песка, тропиночка узка.

И слышится издалека, как плещется река..

Раздался голос:

«Не споткнитесь. Поберегите глаз. Здесь карагач».

— «Не беспокойтесь. Была я здесь не раз».

- «Любовь моя, вы не боитесь гулять здесь в поздний час?»
- «Я не боюсь, мой храбрый витязь. Надеюсь я на вас!»
- «Любовь моя, вы знаете — в степях опять мятеж!»
- «Ах, вечно у кочевников мечты одни и те ж!»
- «Верны нам ханы. Но на ханов чернь ополчается везде.

Бунтовщик Исатай Тайманов восстал в Букеевской орде,
А также Утемисов некий творит преподлые дела.
Молва об этом человеке по всем аулам проплыла.

— «Они ж далёко!»

— «За Уралом. Но и у нас найдешь таких.

Из Каратау мне доносят о подлых шайках воровских.
Там есть в горах один мятежник. Воззвал: «Страшитесь,
я приду!

Веду я бедных на богатых, я счеты с крепостью сведу».
Мятежник сей наказан будет, в большую попадет беду —
В тысяча восемьсот тридцать шестом году
Не может быть нападения на Омскую крепость!»

— «Ведь это ж наглость и нелепость! — в ответ невеста
говорит.—

Коль сунется мятежник в крепость, ему жестоко нагорит!
Где ж он теперь, кайсак мятежный?»

— «Близ укрепления Каралы!

Но вы не бойтесь, друг мой нежный, ему куются кандалы.
Для супротивного кайсака уже куются кандалы.
Я сам их кузнецам заказывал, они крепки и тяжелы!»

Тут южный ветер из пустынь дохнул, пахуч, горяч.
Шарахнулись ковыль, полынь, и дрогнул карагач.
И девушки раздался вздох,— вдруг вспомнила она,
Что цепок здесь чертополох, дурманит белена.

«Сколь сладко пахнет здесь травой! Лопух — и тот
расцвел!»

На бастионе часовой глаза во тьму отвел.
Блуди, коза, блуди, коза, смущай народ честной,
Близка военная гроза над крепостной стеной!
Близка гроза иль далека — тоска у казака.
На бруствере уже замолк тяжелый хруст песка.
Замолк песка тяжелый хруст, и бруствер как бы пуст
И лишь чертополоха куст дрожит в горячей мгле.
Папахи мех курчав и густ. Уста коснулись уст.
Скрипит трава, трещат стебли, прижатые к земле...

Устроил бал полковник нынче. Гостей ведет в парадный зал.

Мечи, изогнутые клынчи, кольчуги, шлемы показал.

«Коллекция моя прекрасна, живу я в Омске не напрасно —

Люблю я Азию ужасно, ее мне будущее ясно!

Эй, Увенькай, подай бокал!»

Созвездия сияют свеч в высоких медных канделябрах.
Полковник произносит речь:

«Друзья, подыдем тост за храбрых,

Что супротив бунтовщиков в немирные уходят степи.

Бунтарь закован будет в цепи! Здесь не Коканд, здесь не Кашгар!

Пошлем две сотни казаков,— тяжелый нанесем удар.
Эй, Увенькай, сними со свеч нагар!»

Исполнил приказанье раб и возвращается на место.

Глядит — наряднее всех баб сидит хозяйская невеста.

Звать на казахском языке таких красавиц «Айналаин»,—

Браслет сверкает на руке, румянец пышет на щеке.

А сколько ласки в голоске!

Красива. Молодец хозяин!

«Эй, Увенькай, подай вина для госпожи!»

И пьет она,

И молвит важно, как хозяйка:

«Спасибо, милый Увенькайка!

Ты жив, кавказский пленник наш? Ты будешь мне любимый паж!

Полковник, раб ваш — милый парень, вид расторопный у него.

Но не пойму я одного — он куплен или кем подарен?»

«О, это дело было так,— сказал полковник.—

Есть у Тары

Екатерининский маяк. Там торг.

Киргизы и татары,

Калмыки и джюнгартцы даже порой съезжаются туда.

Там производится всегда рабов свободная продажа.

Мальца купил я у монгола за три с половиной серебром,

Крестил мальчишку, отдал в школу — пусть вспомнит он меня добром.

И, знаете, к нему не строг. В жестокости не вижу прока.
Случается, что дам щелчок, когда не выучит урока,
Но обижать — помилуй бог!

Нет! Он оплачен серебром, ему забот нет ни о чем,
Пусть вспомнит он меня добром, он будет бойким толма-
чОМ.

Он уже и теперь не только по-русски,
Но и по-арабски и по-китайски хорошо читает и пишет...»

Всю Увенькай беседу слышит. Стоит потупившись,
не дышит...
Всё знает Увенькай, всё помнит: родной аул, войну,
разгром,
Монгольский плен и путь на рынок, маяк, стоящий за
бугром,
Приезд полковника... Полковник платил казенным се-
ребром.
Раб знает, для чего он куплен и отдан в школу толмачей:
Чтоб, с виду будучи не русским, знать тайну всех чужих
речей.

Он знает: выучат законам, да и пошлют потом шпионом
Разведывать в Кокандском царстве, где не смолкает звон
мечей,
Где не смолкает свист камчей, где камень гор еще ничей.
Там убивают толмачей... А ведь в Коканд пошлют, ей-ей!
Затем и обучают смеяться, хитрить, кланяться.

«Он сколько лет у вас останется?»

— «Покуда в школе толмачей».

Заулыбалась, вся румянится архиерейская племянница.
К полковнику прижалась. Тянется шлейф ее платья.
И они уходят в глубину зала, где тускло млеют созвездия
свечей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

По воле юной новобрачной преобразился дом невзрачный:
Фарфор в столовой, бархат в спальной,
Блестит в гостиной пол зеркальный.
Преображенная квартира для Увенькая не мила,
Она до свадебного пира куда уютнее была.

Былой уют, о, где ты, где ты?
Табак, бутылки, пистолеты
Валялись в куче под столом...
Так, размышляя о былом,
Толмач сидит один на кухне.
Он грустен. Холода пришли.
Вся крепость в ледяной пыли, снега дорогу замели.

«Эх, гасни, печь, свеча, потухни,
Казенный дом, рассыпья, рухни,
Исчезни, Омск, с лица земли!» —
Так он колдует про себя.

Вдруг сзади подошла хозяйка:
«Давно хочу спросить тебя,
О чем грустишь ты, Увенькайка?»
Он вздрогнул.

Юной госпоже без размышленья дал ответ он,
Как будто он давно уже хотел ей рассказать об этом:
«Ой, Айналаин! Тяжко мне. Грущу я по родной стране.
Когда на степь в окно взгляну, в родную хочется страну.
О, в ту страну, что я по праву
Считаю родиной. На славу Сары-Ишик-Отрау,
Страна «Тулуп-носить-кончай»
Прекрасный, дальний, теплый край!
Когда-то я вернусь туда?!»
Сказала Айналаин:

«Да?

Ах, бедненький! Ты — омский пленник?
Поди и принеси сюда
Березовый мне тотчас веник.
Ну, живо, знатный иностранец! Кому хозяйка говорит!
Разгневалась она. Румянец багровый на щеках горит.
Схватила веник. И, спеша, за листиком сдирает листик.

«Вот розга будет хороша! Вот это будет добрый
хлыстик!

Ты захотел в родимый край? Тебе, наш пленник, с нами
скучно?»

И был наказан Увенькай полковницей собственноручно.

Из Петербурга к Омску возок казенный
Летит в сопровожденье охраны конной.
Трубит над степью ветер неумолчный,
Метет он снег по степи, сухой и колкий.

В оврагах завывают степные волки.
И съежился в кибитке чиновник желчный,
Весь тонет в шубе волчьей, до треуголки.
А позади кибитки драгунов трое.
Они перекликаются между собою:

«А ну, успеть бы, братцы,
До крепости добраться!
К двадцатому бы марта».
— «Уж надо постараться».
— «Поспеть бы хоть к апрелю!»
— «Успеем раньше, братцы,

До крепости домчаться!
Ведь мчимся, аж взопрели!»
Беседуют драгуны:

«Везем предмет чугунный,
Тяжелый очень.
Он в ящик заколочен».

— «Вот бы узнать, что это такое!»
Им не дает покоя знать, что это такое,—
Пули, бомбы, таможенные пломбы?
Черт его знает, что это такое!

И вот на остановке, распив бутылъ перцовки, драгуны
стали прытки

Идут к кибитке:

«Что это такое мы везем в подводе
В Омск из Петербурга, ваше благородье?»
Слышно из кибитки:

«Всего тут есть в избытке —
Кнуты, колодки, орудия для пытки, свинец лить в глотки.
Бунтовщикам проклятым, киргизцам злобным
Да болтунам-солдатам, тебе подобным!»

3

«Тебя сегодня в школу не отпускаю,— полковница
сказала Увенькаю.—
Мне на базар сходить сегодня нужно, боюсь, что завтра
будет и вовсе вьюжно.

Пойдешь и ты со мной нести покупку.
Возьми корзинку и подай мне шубку».

Трубит восточный ветер, метель пророча.
Он мучит, жжет и колет, летя навстречу.
Из труб нисходят дымы обратно в печи.

Еще жесточе
Вьюга будет к ночи.
Она исщиплет веки, залепит очи.
Так злы зимы восточной последние потуги.
Ну, что же! В час урочный взвивайтесь, вьюги!
Метет буран, но торг идет горячий на площади.
Шумит базар казачий.
В рядах мясном, молочном, рыбном, птичном
Идет хозяйка с видом безразличным.
И в лавочках свечных, мучных и хлебных
Не слушает она речей хвалебных,
Что произносят на степных наречьях
Торговцы в шубах козьих и овечьих
И в малахаях песьих, лисьих, волчьих.
Полковница везде проходит молча.
Какое ей дело до всякой базарной сволочи!

Тут Увенькай увидел Садвокаса.
Привез дружок продать сыры и мясо.
Сказал он тихо:
 «Увенькай, здорово!
Сырым-Батыр в степи явился снова.
В орде Букея позади Урала
На хан Джангира вольница восстала!»
...Но говорить им удалось немного,—
Полковница на них взглянула строго.
Во взоре том угроза и остратка.
Сказал толмач:
 «Прощай, о Садвокаска!»
А Садвокас:
 «Прощай, о Увенькайка!
Как вижу я — строга твоя хозяйка!»
И скрылся Садвокас среди кайсаков.
Он затерялся, с ними одинаков.

Домой идут.
Сеть кружев вьюжных
Опутала редут.
Со стен наружных
Свисают на форштадт гирлянды снеговые.
Но что это кричат на вышках часовые?
 «Гей! Тройки степью мчат!»
 — «Наверно, из России!»

Полковник, отобедав молча,
Встает.

«Я снова должен в полк!»

Откинул кучер полость волчью.
Бич свистнул. Скрип полозьев смолк
В проулочке...

«О, боже, боже! —

Полковница вздыхает.— Ах!
Так каждый день одно и то же...»
В окно взглянула. Ну, и что же?
Да то же самое!

В снегах

Вся крепость тонет.

Ветер гонит

На бастионы снежный прах.

Полковник скрылся в зданье штаба.

Домой вернется он не скоро.

По карте крупного масштаба

Он реки, горы и озера

Страны киргизской изучает.

Он в штабе. А жена скучает!

Ничто его домой не манит.

Полковник занят, очень занят!

О, неужели выстрел грянет на бастионе крепостном?

Когда ж, когда ж покой настанет

В стране киргизской, в краю степном?

Когда? Об этом мы не знаем. Все лживы. Никому не верь.

И вот беседу с Увенькаем ведет хозяйка через дверь:

«Эй, Увенькай!»

— «Я слышу вас».

— «О чем беседовал в тот раз

Ты на базаре целый час с киргизом? Кто он?»

— «Садвокас».

— «Мне наплевать, что Садвокас. О чем беседа шла
у вас?»

Ты бормотал: Сырым-Батыр“».

— «Нет, я спросил: „Что стоит сыр?“ Сыры он продавал
овечьи».

— «Не головы ли человечьи?»

— «Нет, госпожа. Овечий сыр!
Я говорил: „Твой сыр хорош!“».
— «Ложь!
Я не верю! Всё ты врешь. Беседа не о том была!»
О, подлый раб! Он полон зла.
Он, верно, рад, что Карала на крепость Омскую восстала!
В степях, где мрак, в степях, где мгла,
Свистит аркан, гудит стрела —
Его сородичей дела!
У, подлый раб! Его б драла весь день, раздевши догола!
Всю ночь бы провела без сна, его драла бы докрасна.
Всего бы плетью исхлестала!
Полковница с кровати встала
И медленно выходит в зал.
Там, на стене, среди забрал,
Кольчуг, шеломов и щитов
Висит коллекция кнутов, камчей, бичей, плетей, хлыстов.
Есть у полковника хлысты — одни толсты, другие гибки.
О подлый раб, узнаешь ты, как строить за дверьми
улыбки!
Вот что-то ощупью взяла и медленно к дверям пошла.
Был смутен, беспокоен взор.
Но до порога не дошла —
В окошке всколыхнулась мгла
И дрогнул ледяной узор на изморози стекла.
То грянули колокола. К вечерней службе звал собор.

5

Гудят, гудят колокола!
Пустынна улица была.
Спала. Но вот из-за углов вдруг появляются солдаты.
Хруст снега. Гром колоколов, как орудийные раскаты.
Идут саперы, и стрелки,
И пушкарки, и казаки.
Идут толпой, идут не в ногу, спешат, бегут через дорогу,
И тени их, мелькнув в окне, скользнув по каменной стене,
Напоминают о войне.
Тогда, почувствовав тревогу,
Кричит хозяйка:
«Увенькай!
Скорее шубу мне подай:
Пойду и я молиться богу!»

Она готова в путь. Но вдруг во все окошки слышен стук.

«Хозяйка дома, казачок?»

Влетают девы на порог

И, не снимая шубок даже, лишь распахнув их на груди,

Бегут к полковнице:

«Куда же идти ты хочешь? Погоди!

Из Петербурга весть пришла!..»

...Вотще звонят колокола.

Великопостные напевы вотще в соборе тянет хор.

Теперь уж не поспеть в собор...

Взволнованно щебечут девы:

«Он был курчавый, как араб!»

— «Он был ревнив. Поэты пылки!»

— «Его убить давно пора б!»

— «Он яд развел в своей чернилке!»

— «На грех вернулся он из ссылки!»

— «Он неискусный был стрелок!»

— «Ну, вот! Палил он даже сидя!»

— «Ах, как ужасно!»

— «Некролог прочтете в „Русском инвалиде“».

И долго девы лепетали про Николая, про Натали.

Но наконец они ушли. И стало пусто в темном зале.

И снова вьюжный вечер длится. Одна полковница томится.

Столица! Шумная столица!

В кавалергарда на балу

Эрот пустил свою стрелу.

Ну что ж! Дуэль! Извольте биться,

Коль захотелось вам влюбиться.

А здесь? От мужа не добиться,

Чтоб приласкал. Здесь счастье снится.

Что делать? Плакаться, молиться,

Рычать, как лютая волчица?

В опочивальне на полу на волчью шкуру опуститься

И в мех коленьями зарыться и лбом о волчий череп биться

Перед иконами в углу?

Какая жалкая судьба!

Совет полковница раба:

«Эй, Увенькайка! На дуэли, ты слышал, Пушкин
твой убит?»

Предезрок этот был пиит. Его остроты надоели!»

Раб Увенькай в дверях стоит.

«Ты слышал — Пушкин твой убит?
Да. Он убит. А ты, калбит, сегодня мною будешь бит.
Рассказывай, о чем ты шептался на казачьем базаре
со своим Садвокаской?!»

6

Он, окровавлен, бос и наг, был выброшен на солончак.
Соль проникала в поры, жглась. Всё тело облепила грязь.
А ноги связывал аркан.
Так присудил кокандский хан —
Чтоб был мучительно казнен с поличным пойманный
шпион.
Кончалась служба толмача.
Он задыхался. Саранча вокруг носилась, стрекоча
и крылышками щекоча

Ему лицо. Томился он.
И вдруг он понял — это сон,
Бред, вздор, предутренний кошмар.
Здесь не Коканд, здесь не Кашгар —
Он в Омске.
Сवेशиваясь с печи,
Томит иссеченные плечи овечья шуба горяча.
И тараканы, шеборча, бегут от первого луча,
Проникшего через оконце.
Неяркое, но всё же солнце
В окошко светит, трепеща.
В халате и без шаровар из спальни вышел злой хозяин.
Он в ссоре, видно, с Айналаин.
«Эй, Увенькай, ставь самовар!»
Раб выскочил из-под овчин. Раб быстро наколол лучин.
Проворен раб. Всему учен.
Вот самоварчик вскипячен.
«Извольте пить, пока горяч».
— «Подай-ка, кстати, сухарей».

Всё выполнено.
Из дверей толмач выходит поскорей.

7

Толмач выходит поскорей, по снежной улице идет.
Вдруг видит: у штабных ворот толпа веселых писарей.
Они тяжелый ящик через ворота тащат,

А сзади в шубе волчьей чиновник злой и желчный
Бежит, крича тревожно:
«Эй! Легче! Осторожно!
На снег углом не опускай!»
...Промолвил тихо Увенькай:
«Что тащите вы, писаря?»
— «Подарок от государя».
— «Какой?»
— «А видишь ли, убит
Один столичный житель,
Пиит, что всюду знаменит,
Прекрасный сочинитель.
И некого печатать там,
И потому отправлен к нам
Печатный новенький станок!
Понятно ли тебе, сынок?»
Хитро злословят писаря, между собою говоря:
«Ах, как я рад! Доволен ты?»
— «Уж отдохну теперь я!»
— «Гусиные до темноты
Скрипеть не будут перья,—
Циркуляры, формуляры, постановленья, уведомленья,
приказы, указы —
Всё на станке теперь будем печатать!»

Полковник допивает чай.
«Чего ты хочешь, Увенькай! Скажи скорее. Я спешу!»
— «Я вас о милости прошу».
— «Какую милость просишь ты?»
— «Хочу я изучить шрифты.
Я с русской грамотой знаком, с арабской грамотой
знаком, с китайской грамотой знаком.
Хочу работать за станком.
Печатанье мне любо книг».
— «Добро придумал, баловник!
Что ж! После школы каждый день в печатню будешь ты
ходить.
Учись, когда тебе не лень. Я разрешаю. Так и быть!
Позови ко мне правителя канцелярии —
Я отдам распоряжение, чтоб не забыть!»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

«Работы много, друг, у нас,— сказал правитель
канцелярский.—

Перепечатай сотню раз правительственный указ,
Да пожирней, указ-то царский!
И губернаторский приказ. Вон тот:
„Бий-Чоп с ордой дикарской в степи ворует
атбасарской...“»

— «Так точно. Слушаю я вас!»

Чиновник, кашляя, ворча, всё ходит возле толмача.

«Ты молод. Потрудись и ночью.

А я устал. Вздремнуть не прочь я».

И вот ушел.

Чадит свеча, и мышь, за шкапом шеборча,

Грызет бумаги грязной клочья.

Тоска. Работа без конца. Но пальцы гибки, руки ловки.

Хватают цепко за головки тяжелых литер из свинца.

Текст, подписи и заголовки.

Итак: «Мы, милостию божьей». Приступим к делу.

Дальше как?

Вот, на мыслёте непохожий, попался в руки легкий знак.

Рцы. Рцы и надо! Эти строки с рцы начаты. Звучали так:

«Редел на небе мрак глубокой...»

Ну да! Редел на небе мрак...

«О, Пушкин! Ночь еще темна. Еще темна над степью ночь.

Есть баба в крепости одна. Полковница, собачья дочь.

Из книги вырвала она последний лист, сказала — «чист»!

Пусть ночь я проведу без сна — восстановлю я этот лист!

Я не забыл прекрасных строк. Звенят подобно серебру.

Я отпечатаю листок и в книгу вклею поутру».

2

Толмач трудился три часа, на окна и на дверь не глядя.

Светало. Искрилась роса.

Птиц зазвучали голоса.

...Чиновник хитрый, как лиса, тут к толмачу подкрался
сзади

И вдруг схватил за волоса.

«А ну-ка, дай мне, Увенькай,
Что отпечатал за ночь. Ну-ка!
Быстрее оттиск мне подай!
Э! Что такое? Вот так штука!
Я занемог, я спать прилег,
Тебе доверился я сдуру,
А ты печатаешь стишок...
Ты предъявлял его в цензуру?!
Ну, раб, с тебя мы спустим шкуру!»

Зловеще звякнул ключ в замке.
Крича, бежит чиновник в город.
И мыслит Увенькай в тоске:
«Теперь жестоко буду порот.
Ах, жизнь моя на волоске!
Но, впрочем, нет, не буду порот».

Толмач рубаху быстро снял,
Перетянул бечевкой ворот, и рукава перевязал
Он тонким крепким ремешком.

«Рубашка! Сделайся мешком!
Все литеры возьму себе.
В мешок скачите, «а» и «б»,
«В», «г», «д», «е», «ж», «з», «и», «к» —
Ложитесь все на дно мешка!
Фита и ижица и «я»,
И твердый знак, и мягкий знак...
Вся типография моя!
Давно бы надо сделать так.
Так надо сделать бы давно!»
И бросил он мешок в окно.

3

Весь день полковника жена
Пыталась:

«Где же Увенькай?
Твоя вина, твоя вина.
Мальчишку ты не распускай!
Наказан будет Увенькай, коль скоро он придет назад.
В свечной завод его отдай — пускай узнает, что за ад!
Еще чернильный есть завод, свечному тоже он под стать:
Пусть поработает там год. Мальчишку надо наказать!
Вот шубный есть еще завод,
А также фабрика сукна.

Пусть поработает там год!»
— «Довольно! Не учи, жена!
Сам знаю».

Сумерки. Луна.
Полковник смотрит из окна
На Омск. За гарнизонным садом
Где берег выгнулся речной,
Гнилым, горячим дышат смрадом
Заводы — шубный и свечной.

4

На юг, через солончаки, по направленью к Каратау
Идут сибирские стрелки, драгуны скачут, казаки
С кайсаками чинить расправу.
Сверкают пики и штыки.
Всё глубже в степь идут полки.

Видна из-за реки Сары вершина голубой горы,
А дальше — розовые горы.
И офицеру офицер кричит:
«В горах среди пещер
Барантчи таятся, воры!»

На берегу реки Сары,
Вблизи понтонных переправ,
Среди степных колючих трав,
Сегодня ставятся шатры.
И ходит около шатров
Подтянутый, как на параде,
Поручик отставной Петров — историограф при отряде.
«Скажите, прав я иль не прав?» — спросил Петрова
юный лекарь.
«А? Что такое, друг аптекарь? Что вам угодно,
костоправ?»
— «Хочу спросить я — от Сары верст десять есть
до той горы?»

Она насколько далека?»
Петров ответил свысока:
«Верст десять есть наверняка,
Коль ехать, а пешком идти —
Так верст сто двадцать есть пути! —
Добавил он, захохотав.—

Бунтовщиков в горах застав, суд учиним мы
по уставу —
Одних кнутами исхлестав, других на дыбу, чтоб суставы
Хрустели б? Верно, костоправ?
Ведь вы потом любой сустав обратно вправите на славу!»
Ответил робко костоправ:

«Нетрудно вывихнуть сустав.
Нельзя на это сделать ставку...
От просвещения отстав,
Недаром вышли вы в отставку!»

— «Как так?»

— «А так.

Не палачей,
Иль, говоря грубее, катов,
А нужно в степи толмачей
Да просвещенных дипломатов.
Понятен смысл моих речей? Владычить нужно,
розгу спрятав!»

— «Э, лекарь! Всё чудишь ты, брат.

Вознесся ввысь! Взыграл на лире!
Пойдем-ка лучше к штаб-квартире.
Там можно выпить, говорят».

— «Вы ж пили, господин Петров».

— «Хочу еще!»

И меж шатров
Они идут. А ковыли кругом трепещут у дороги.
И лекарь снова:

«Степь в тревоге!

А нынче к бунту привели
Весьма тяжелые налоги».

— «Нет, лекарь! Порете вы чушь. Не приобыкли вы
к востоку».

— «Помилуйте. Не палачу ж творить политику высокоу!
Не государственный вы муж... И пьяны вы, Петров,
к тому ж!»

— «Что, милостивый государь? Свободомыслие
вы бросьте!»

— «Идите прочь!»

— «А ну, ударь! Тебе я поломаю кости!»

— «Ого! Отведаешь ты трости!»

— «Под глаз получишь ты фонарь!»

Звонят кузнечики в траве. Белеют лагеря шатры.
А у Петрова в голове гуляют винные пары.

«О! У меня прекрасный слух и голова есть на плечах.
Учуял я мятежный дух в безумных лекарских речах!
Успел наш лекарь прошлый год в Ялуторовске побывать.
Не зря Апостол там живет, Апостол учит бунтовать.
Якушкин там, и Пущин там. Злодеи это!

Целы дни

За Муравьевым по пятам разгуливают они.

Там весь мятежничий совет, еще крамола там жива!
Ентальцев пушечный лафет в завозне прячет за дрова.
Я знаю, лекарь, ты злодей. Ты нахвтался там идей!
Я донесу, уведомя!» — кричит поручик во хмелю.

5

С гор, как из каменной печи, дохнули ветры горячи.
А на степи озера блещут.
И в душном воздухе трепещут
Солоноватые лучи.
С солончаков идут смерчи.

«Забудь про лекаря, дружок! —
Сказал Петрову есаул.—
Вернемся в Омск на долгий срок.
Его возьмут под караул.
Ну, а пока что развлеченье
Устроить я тебе хочу —
Артиллерийское ученье,
Пальбу из пушек по смерчу!»

Раздался первой пушки гром,
И смерч, пронизанный ядром,
Горячую обрушил пыль
В трепещущий степной ковыль.
И выстрел делают второй.
Поплыла над рекой Сарой
Пыжей воспламененных гарь.

«Пошто ж промазал ты, пушкарь!»
Смерч убегает невредим,
Пороховой клубится дым.

«А ну-ка, раз еще ударь!»

Они палят. А с дальних гор, от смеха прикусив губу,
Лихой джигит глядит в упор на пушечную стрельбу
через подзорную трубу.
Приобретенная в Китае труба имеет золотая
драконовидную резьбу.

С гор, как из каменной печи, дохнули ветры горячи.
 А на степи озера блещут.
 И в душном воздухе трепещут
 Солоноватые лучи.

Скачи, беглец, на юг скачи!
 В степях рождаются смерчи.
 Вихрь налетит — темно в глазах.
 Скачи сквозь вихрь, скачи, казах!
 Приедешь ты в мятежный стан
 На склоны гор в гнездо туманов.
 «Эй! Уметис, эй, друг Тайман,
 Где вы? Мятежных много станов...»
 — «А ты откуда, мальчуган?»
 — «Моя поклажа тяжела:

В мешке трепещут у седла
 Шесть тысяч из свинца литых
 Тяжелых букв. Тут весь алфавит!
 Теперь полковник не расставит
 Ни точек, ни запятых!
 Постановление и приказ,
 Уведомление и указ
 Они не наберут сейчас.
 Все буквы здесь. У нас! У нас!»
 — «Ого!

Вот это — баранта!
 Их канцелярия пуста.
 Бездействует станок печатный.
 А эти буквы из свинца
 Взамен курьера и гонца
 Мы скоро пустим в путь обратный!
 Из букв рождаются слова,
 Из слов рождается молва.
 Но что молва?
 В Баян-Ауле оружие нужно, а не речь.
 Мы эти буквы бросим в печь,
 И буквы превратятся в пули».

Стоит в горах Баян-Аул.
 Оттуда слышен смутный гул — мятежники шумят в ауле.

«Переливайте буквы в пули! Переливайте буквы
в пули!»

— «Где гость-толмач?»

— «Толмач уснул».

— «Ты отдохнул ли, Увенькай?»

— «Я отдохнул».

— «Тогда вставай!»

Мы просим, с нами побеседуй, о городе Омбы поведай.
Что нового там есть, в Омбы?

Казахские там есть рабы в крепости на Оми?

Их много ль?

Торговать людьми,

Мы слышали, давным-давно правительством запрещено.

Но ведь торгуют всё равно!»

— «Скажи, почем в Омбы сукно? Там можно ли купить
сукна?»

— «Мы не бывали там давно:

Война!»

Война!

Наточены клинки, и приготовлены арканы.

Из юрт выходят старики — седобородые бояны.

Поют. И песнь у них одна:

Война.

8

День зноен был. Ночь — холодна.

Так водится в краю степном.

Над скалами встает луна.

Былое показалось сном.

Виденье — крепость у реки, и типография, и школа.

Хозяйка, что кнутом порола, и книги рваные листки.

Но нет! Не побороть тоски.

Увы! Не побороть тоски, не залечить сердечной раны.

Ну, погодите, старики, седобородые бояны!

Недаром в школе толмачей учился Увенькай три года,

Недаром он не спал ночей...

Постиг искусство перевода.

Был раб. Теперь пришла свобода!

О русский! Я тебя люблю. Ты слышишь, о тебе скорблю!

Я, упиваясь гордой речью, ее созвучья уловлю

И на восточные наречья переведу всё, что люблю.

РАССКАЗ О РУССКОМ ИНЖЕНЕРЕ

1

В центре города Знойного, в Александровском сквере,
Храм огромный стоит.

В высочайшие двери

Мог бы, крылья раскинув, влететь небожитель.

Свод просторен, широк. Постарался строитель!

Похоронен он тут же, поблизости храма;

Беспокойные руки скрестил он упрямо

На широкой груди, чтоб вовек не разжать их;

Он ни в чьих не нуждался рукопожатьях.

...Это было во дни Александра Второго.

Над пустынями полымя плыло багрово.

Шло к востоку российское войско. И вскоре

Вышло к стенам Хивы, за Аральское море,

И грозило Коканду из Южной Сибири.

...Деревянное зданье, крупнейшее в мире,

Победители, в память законченным войнам,

Вознамерились выстроить в городе Знойном.

2

Инженер из столицы явился весной.

Прибыл он не один,— с молодою женою,

И, оставив жену на заезжей квартире,

Едет сам инженер в голубом вицмундире

К старику генерал-губернатору прямо.

Происходит беседа по поводу храма:

«Деревянным то здание будет недаром,—

Здесь подвержена местность подземным ударам.

Рухнет каменный свод.

По условиям природы
Здесь гораздо надежней древесные своды».
И сказал генерал: «Принимайтесь за дело,
Чтобы церковь крестами за тучи задела.
Воссияет сей крест на востоке-и юге...
До свиданья. Поклон передайте супруге!»

3

За работу он взялся. И года в четыре
Деревянное здание, крупнейшее в мире,
Деревянный собор, величайший на свете,
Он воздвиг.
И жена располнела.
И дети
Появляются в доме. Их нынче уж двое,
И резвятся они, золотые от зноя.
Мальчик с саблей в ручонках, в казачьей папахе,
Лихо ездит по дворику на черепахе.
Длится теплое, светлое южное лето.
В сарафан из китайского шелка одета,
Белокурая дочка идет горделиво
По аллеям садочка. Там яблоки, сливы
Ей денщик преподносит. Зовут его Ванька.
Он и повар, и дворник, и детская нянька.
И к тому ж обладает тончайшим он слухом.
Он туземцами прозван «Внимательным ухом».
Всё способен Иван разузнать на базаре:
Как дела в Фергане, что творится в Кашгаре,
Знает горы, где снег даже летом не тает,
Знает степь, где воды и зимой не хватает...
Нет житья без воды кочевому народу!
...И сказал инженер: «Мы добудем им воду!»

4

Впереди экспедиции гнали баранов.
По широкой тропе меж песчаных барханов
Мясо, блея, бежало на собственных ножках,
И соленая пыль оседала на рожках.
А вода, пленена в преогромных посудах,
В путь пошла, холодна, позади на верблюдах.
Пересекли пустыню, в аулы приходят,
Держит речь инженер, а денщик переводит.

Говорит инженер: «Господа аксакалы!
Мы в безводной пустыне пророем каналы.
Вам понятно? Пророем большие каналы!
Их устроим для славы Российской державы.
Будет много воды, сейте рис и пшеницу,
Пусть никто не идет кочевать за границу!»
...Чтоб никто не ушел кочевать за границу,
Инженер рапортá направляет в столицу,
Излагает мечтания пылкие эти,
Прилагает чертеж оросительной сети.
...Но закончился замысел тот неудачей —
Был ответ: «Вы не справитесь с этой задачей.
Иностранцы немирны и любят безделье,
И едва ль они примутся за земледелье.
Посему, инженер молодой и горячий,
Потрудитесь вы госпиталь строить казачий,
Чтоб, в карательных кто пострадает походах,
В госпитальной палате обрел себе отдых!»

5

Не хватало железа, кирпич воровали.
Где-то слышал денщик, что стекло продавали
Неизвестные люди кому-то за складом.
Инженер к губернатору ездил с докладом.
Не застал генерала.
В то ясное лето
В город Знойный приехала оперетта.
В силу этих причин старику генералу
От утра до утра было хлопот немало:
Он устроил катанье актрис на верблюдах,
Звал на ловлю форели в горных запрудах,
И тончайшими блюдами кухни джюнгарской
Всех певиц угощал он со щедростью царской.
А строитель писал рапортá и доклады...
Толк какой! Пустовали по-прежнему склады.
Но однажды явился военный чиновник.
Он сказал: «Да, я знаю, кто бедам виновник!
Виноваты не вы. Но случились просчеты.
Не вполне оправдались наши расчеты,
Потому и в снабжении нету порядка.
Возводимое нами строение шатко!
Подпишитесь, пожалуйста, под донесеньем,
Что постройка разрушена землетрясеньем!»

Отвечал инженер: «Нет, заведомо стойки
Возводимые мною древесны постройки!
То, что строю, едва ли разрушит стихия.
Знайте, сударь, что шутки со мною плохие!»

6

Возвратился домой и жене говорит он:
«Был сегодня мной гнев величайший испытан.
Мне известно, кто вор! Воровал не подрядчик.
Явно вижу теперь я, кто вору потатчик!
О! Не только брильянты милы для певичек —
Впрок для них и стекло, и казенный кирпичик.
К их ногам недостроенный госпиталь бросим,
А потом преспокойно в столицу доносим:
Что построено было в сезоне весеннем,
То разрушено к осени землетрясеньем!
Неужель, интенданты, вы так небогаты,
Что воруете ныне гроши у солдата?
Нет, друзья сослуживцы! Нет, так не годится!..»
И за письменный стол он тотчас же садится,
Что-то пишет и пишет весь день неустанно,
А под вечер кричит: «Позовите Ивана!»
Но Ивана нет дома.

7

Несчастье с Иваном:
В кабаке он повздорил, напился он пьяным,
И его, в наказание за дерзость и пьянство,
Повели почему-то в подвал интендантства.
Офицеры явились сюда со спектакля.
Вот засунута в горло Иваново пакля,
Денщика интенданты пинают, ругают,
А потом огнестрельным оружием пугают.
Говорят: «Эх ты, Ванька! Ты тюха-пентюха,
Слишком острый язык, слишком длинное ухо,
С инженером ты ездил смущать инородцев,
Вам, мол, надо каналов да новых колодцев!
В бунтовские проделки, денщик, ты замешан.
Коль не будешь расстрелян, так будешь повешен!»
Тут взмолился Иван: «Отпустите, простите!
Не казните! И жизни моей не губите!»
— «Не погубим, коль будешь во всем ты покорен,

Коли нам иссык-кульский добудешь ты корень!»
...Не имеет он запаха, вкуса и цвета,
Корешок иссык-кульский. Но каждое лето
Добывают его каракольские люди
И хранят осторожно в стеклянной посуде.
Если дать ту приправу в еде иль в напитке,
Сохнет враг, подвергаемый медленной пытке.

8

Врач сказал: «Непонятны мне эти припадки,
Что-то вроде тропической лихорадки.
Господин инженер! Не вставайте вы с койки.
Подождут возводимые вами постройки».
А больному всё хуже становится. Бредит,
Повторяет он часто: «Кто едет? Кто едет?
Ревизор это мчится. Он скачет на тройке.
Послан он для ревизии нашей постройки.
Что ж, начните ревизию! Сделайте милость.
Ах, исчезла! Сквозь землю она провалилась.
Провалилась сквозь землю курьерская тройка,
Провалилась сквозь землю вся наша постройка!
Значит, должно теперь подписать донесенье,
Что постройку разрушило землетрясенье?»
...Тихо в доме. Прохладно в покинутой детской.
Сын давно в Оренбурге. Он в корпус кадетский
Принят нынче. И с лета туда он направлен.
Дочь сдана в пансион. А отец их — отравлен.

9

Раз остался денщик при больном. Он дежурит,
Сидя возле дверей. Хмуро трубку он курит.
Он сидит, всё вздыхая, о чем-то тоскуя,
И внезапно он исповедь слышит такую:
«Государь мой! Не был я легкомыслен.
Я к военному ведомству с детства причислен.
Верьте, некогда было резвиться на воле,
В кантонистской, в суровой учился я школе.
Говорю вам — не нянчились много со мною!
Знайте: я, инженер ваш, воспитан казною.
И казна — утверждаю — довольно богата!
Ей постыдно гроши воровать у солдата.
Жажда, жажда томит!

В окна смотрят калмыки,
Говорят: «Обманул! Не провел ты арыки!»
Умеревши, и то не найду я покоя —
В деревянном соборе деревянной рукою
Пригрозит инвалид, искалеченный воин,
Спросит он: „Где же гошпиталь? Что ж
не достроен?“»

Тут поднялся денщик. И, как дикая кошка,
Он усы ощетинил и прыгнул в окошко.
Не посмел проводить инженера к могиле!
...Денщика-дезертира заочно судили.
И была коротка с дезертиром расправа:
Был изъят он из списков живого состава,
Как без вести пропавший в горах Алатава,
Где клокочет под почвой кипящая лава.

ТОБОЛЬСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

1

Соймонов тосковал с утра,— во сне увидел он Петра.
Царь дал понюхать табаку, но усмехнулся, говоря:
«Просыплешь, рваная ноздря!»
Сон вызвал острую тоску.

Март.
Отступили холода.
Но вьюги вьют.
До самых крыш в сугробах тонут города —
Тобольск, Ялуторовск, Тавда.
А через месяц, поглядишь, пойдет и вешняя вода.

...Соймонов едет на Иртыш, дабы измерить толщу льда.
«Потопит нынче, говоришь?» — кричит он кучеру.
А тот:
«Уж обязательно зальет! Отменно беспокойный год!»

2

У прорубей шумит бабье.
Полощут грубое белье из дотканого холста.

...Вода иртышская желта,
Как будто мылись в ней калмык,
Монгол, джунгарец, кашкарлык,
Китаец и каракиргиз,
И всё течет к Тобольску вниз.
Зрит Азия из прорубей.

«Нет, не затопит. Не робей!» — Соймонов кучеру
шепнул,
Осколок льда легонько пнул, румяной бабе подмигнул.

«Ты, тетка, кланяться оставь!

На лед корзиночку поставь да расскажи: мутна вода?»

А бабы хором:

«Ох, беда!»

Тут вышла женка молода, собою очень хороша,

Да прямо на колени бух посередине Иртыша

Перед Соймоновым на снег,

Как будто ноги кто подсек:

«Спаси девиц и молодух! Старух спаси!

Година злая на Руси!

С полуденных-то линий, знать, орда встает на нас опять.

Беда! Так было и всегда. Идет вода, за ней — орда!»

С трудом преодолевши гнев, Соймонов молвит, покраснев:

«Ты! Встань. Какая там орда?»

— «На пограничны города орда задумала напасть,

Нас взять под басурманску власть!»

Вскричал Соймонов:

«Враки! Чушь! Кто нашептал тебе? Твой муж?»

— «Не муж! Матросы на суднах».

— «Так о подобных шептунах мне донесите в тот же
час,

Не то казнить буду вас!»

Передразнил:

«„Орда! Орда!“ Нам ли бояться дикарей?»

Но бабы снова:

«Ох, беда! Пускай бы наш архиерей служил молебн
поскорей!»

3

Крут взвоз.

«„Орда!“ А что — орда? С ордою справимся всегда.

Вот как бы не пришла беда теперь с другого к нам угла.

С гнилого не пришла б угла, с норд-веста. Вот что,
господа!»

Метель.

Архиерейский дом чуть виден в сумраке седом.

«К архиерею?»

— «Нет! Отстань! Зачем к нему в такую рань...»

— «Назад прикажете? Домой?»

Соймонов:

«Вот что, милый мой! Ты поезжай себе домой,
А я назад вернусь пешком. Пройдусь я, братец, бережком».
Такой ответ не нов. Знаком.
Бормочет кучер со смешком:
«Он на свидание с дружкой поплелся, губернатор наш.
Придет же в ум такая блажь — затеял дружбу
с мужиком».

4

Есть дом поблизости реки. Над крышей — пестрые коньки.
В том доме, около реки, живут лихие ямщики.
Не разбитные кучера, красавцы с барского двора,
А ямщики!
Совсем простые мужики, природные тоболяки живут
в хоромах у реки.
Тут ям. Тут кони горячи.
Тут конской запахом мочи пропитан ноздреватый снег.
Вот бородастый человек на вилы поднял пласт назьма.
Остановившись у ворот, Соймонов сумрачно зовет:
«Здорово, господин Кузьма!»

Заходят вместе на крыльцо. А кто там смотрит из окна?
Довольно милое лицо. Голубоока и нежна.
«Кузьма! Не скажешь, кто она?»
— «Она? Ильюшкина жена».
— «Так что ж он прячет? Сколько раз я, милые, бывал
у вас,
А не видал его жены. Вы показать ее должны».
— «Скромна!» — отвечает Кузьма.
Соймонов входит в хорома. Вздохнув, садится на скамью.
«Ну, ладно! Позови Илью».

Покой в хороме. Образа.
Великомучениц глаза огромные глядят с икон.
Кругом икон со всех сторон сияние цветных лампад,
А ниже, выстроены в ряд, на полках книжицы стоят.
Их много. До четырехсот. Иные взяты в переплет, иные
трепаны весьма.
Те книги приобрел Кузьма.
По математике труды, определители руды... Да многое
найдется тут.
Ночами между книжных груд Кузьма таится, бородаст.
Сидит, следит, что пишет брат. Немало трудится Илья.

Необычайная семья. Сыны простого мужичья, а грамотней
иных господ.

«Ну, где ж Илья?»
— «Сейчас придет!»

5

Илья не так могуч, как брат.
Он несколько сугуловат, глаза печальней и темней...
«Илья! Оставь своих коней.
Побудь-ка с нами, свет Илья! Готова рукопись твоя?
Хочу я поглядеть, когда была высокая вода».

— «Сие узнаем без труда!»

Довольно рукопись толста.
Сто девяносто два листа в ней переписано уже.
Рука, привычная к вожже и к сыромятному кнуту,
историю писала ту.

Перо по белому листу вела ямщицкая рука.
Тут начато издалека: есть родословня Ермака
И о прибытье россиян на Ледовитый океан,
И о добыче серебра и золота из горных недр;
Указы царского двора, который на угрозы щедр;
И о восточных есть послах, и о звериных промыслах.
А вот и о разлитье вод.

«Вот видишь, тысяча семьсот семнадцатый помечен
год.

Неужто нынче так зальет?»
Соймонов молвит, помолчав:

«Иртыш могуч и величав! Стихию трудно побеждать...
Из Омска надо ожидать Фрауэндорфа в эту ночь:
Он едет, чтобы нам помочь».

— «Фрауэндорфа? Ждете?»

— «Да. Он скажет, высока ль вода.

Начальник крепости степной — Карл Львович —
человек чудной,
Но всё же он сообразит — грозит беда иль не грозит.
Он нам ответит без труда, насколько высока вода там,
на верховиях реки.

...Ну, до свиданья, ямщики! Будь здрав, Кузьма!
Будь здрав, Илья!
Занятна рукопись твоя. Пиши и впредь — вот мой
совет!»

Но тут вздохнул Илья в ответ!

«Эх, губернатор, сударь мой!
Позвольте отвезти домой сейчас на собственном коне.
Скажу кой-что наедине».

6

Несутся кони по реке. Чуть виден город вдалеке.
К Соймонову оборотясь, заговорил ямщик в тоске:
«Я, генерал, хочу бросать сибирску летопись писать!»
— «А почему?»
— «Не говорил я никому, тебе скажу я одному...
Пойми, Соймонов-господин. Ты мудр! Ты дожил до седин.
Терпел ты лютую беду. С тобой я душу отведу!
Премудрый звездочет-монах живет в монастыре у нас.
Он о старинных временах рассказывал мне много раз.
Но что монашеский рассказ!
Толкую с духами! Во сне они являются ко мне.
Мерещатся мне все, о ком я размышляю.
С Ермаком
Беседовал я глаз на глаз, да и с Кучумом в тот же час.
С обоими теперь знаком!
Являются мне казаки, дьяки, бояре, мужики...
Мне всё одно — что раб, что князь,—
Мне все толкуют, не таясь,
Чтоб знал их повесть я один — Ильюшка, Черепанов сын.
Ермак мне говорит: «Зерно посеял я!» — «Взошло оно!» —
я отвечаю Ермаку.
Честь воздаю я казаку.
Да вот, по правде говоря, колосьев много гибнет зря...»
Соймонов хмурится:
«К чему иносказанья?.. Не пойму.
О ком ты речь свою ведешь?»
— «А ты кого из Омска ждешь?
Как с холоуями он сойдет в форштадт из крепостных ворот,
Весь разбегается народ».
— «Фрауэндорф?»
— «Вестимо, да! Злодей назначен был туда
Хранить окраины города, чтоб не тревожила орда.
Но задирает и орду — раз по двенадцати в году
Отряды шлет — аулы жжет! Их мужиков в полон берет.
Вот он каков!
Тревожит мирную орду, а те — обратно — казаков!»
— «Да. Так недолго до беды...
Вот и бабье насчет орды. Дошел слушок и до бабья».
Соймонов морщится:

«Илья!

А ты, подумав, говоришь?

Ты под присягой повторишь?»

— «И повторю! Хоть самому государю».

— «Да, ты упрям!

Всё, Черепанов, знаю сам, но за рапорт благодарю!»

Соймонов щупает ноздрю.

Слегка болит она.

Нет-нет

Да и кольнет. Там нерв задет.

Когда-то вырвали почти ее палачески клещи.

Пришили ловко лекаря,

Но всё же знать дает ноздря, хотя не видно и рубца.

Домчали кони до дворца, остановились у крыльца.

Тут полость отстегнул ямщик.

Соймонов вышел из саней. Он говорит еще мрачней:

«Илья! Попридержи язык!»

7

Не прекращается метель. Ночь надвигается снежна.

В соседней горнице постель готовит ямщику жена.

«Илья! Бросай-ка ты писать. Довольно.

Всё не описать!»

Молчит.

Жена берет свечу. Подходит сзади.

По плечу погладила. И над плечом склонилась.

«Пишешь-то о чем? А ну-ка брось. Давай прочти».

Она неграмотна почти, но разум — не откажешь — есть.

Всё понимает, коль прочесть.

«Про Федьку повесть варнака».

— «Про Федьку? Повесть? Варнака?»

Вот здесь жена... Стоит, близка.

Но только, словно издали, Илья ответствует:

«Внемли».

8

«Жил небогатый дворянин. Феодор — у него был сын. Подрос. Забота у отца латыни обучить юнца. А тут как раз великий Петр всем недорослям вел осмотр. «Сынок,— сказал,— не глуп у вас. Пойдет он в навигацкий класс, ваш сын!» Был в Сухаревой башне он, в Москве, наукам обучен и флота стал гардемарин. А вскоре ходит в мичманах. Уже и в маленьких чинах отличный был он офицер. В Варяж-

ском море как-то раз царя великого он спас, близ финских шхер.

И был Соймонову указ по Волге-матушке поплыть, Хвалынско море изучить, на карту берег нанести, глубин промер произвести. И лучше выполнить никто не смог бы порученье то, поплыв на юг.

Рек Петр: «Ты доброе творишь! Искусен в деле ты, мой друг!» И карты те послал в Париж, в дар Академии наук, чтоб знал весь свет — с Каспийских вод летят двуглавые орлы туда, где Индия встает, как марево из жаркой мглы.

Когда ж великий Петр помре, скорбя о том государе, Соймонов Федор продолжал его труды. Течение вод он изучал, полет звезды. Своею опытной рукой «Светильник» поднял он морской, чтоб просвещала моряка сей книги каждая строка. И тот «Светильник» посейчас для мореходов не погас, столь он хорош! И моря Белого чертеж Соймонов Федор сделал тож. Изобразил сии моря впервой не кто-нибудь, а он. И от великого царя достойно был бы награжден. Увы! Великий Петр помре. И учинилось при дворе в те годы много воровства и всяческого плутовства. «Как поживиться можно тут!» Является за плутом плут, за вором вор! И не стерпел такой позор Соймонов — генерал-майор, сената обер-прокурор. Сказал: «Я есмь еще не стар! Пред вами я не задрожу. Я — генерал кригс-комиссар — вам покажу!» И точно, будучи упрям, он не молчал. Ревизии то тут, то там он назначал... Манкировать, мол, не люблю и воровства не потерплю.

Но не дремала мошкара, что, осмелевши без Петра, российский облепила трон. «Соймонова,— сказал Бирон,— казнить пора!» Предлог нашли. К чужому делу приплели. «Соймонов-де, поносну речь об Анне слыша, не донес!» Ведут под стражей на допрос. Был приговор: нещадно сечь того Соймонова кнутом и ноздри вырвати потом! И тот, кем славен русский флот, кто спас великого Петра,— в Сибирь на каторгу идет!

Иные дунули ветра. Елизавета, дочь Петра, взошла на трон. «Соймонов! — вспомнила.— Где он? Сей муж доподлинно учен, зело отважен! Как-то раз отца мово от смерти спас! Найдите!» — отдала приказ.

В Сибирь был послан офицер. Один острог, другой острог царицын посетил курьер. Соймонова найти не смог. «Пожалуй, ищите вы зря!» — так офицеру говорят. Уж вовсе собрался назад он ехать в Петербург, но вот в Охотск он прибыл на завод, где каторжные варнаки, ополоумев от

тоски, в расчесах, в язвах, мерзких столь, что описать не можно их, в чанах вываривают соль из окаянных вод морских. На кухню каторжной тюрьмы, как будто просушить пимы, зашел он. Садят хлебы в печь бабенки каторжные там. Так офицер заводит речь:

«Соймонов не известен вам?»

— «Как звать?»

— «А Федор его звать: Федор Иванович. Моряк».

— «Нет! Про такого не слышать. Соймонова как будто нет!» — бабенки молвили в ответ.

«Ну, до свиданья, коли так. Искать, как видно, труд пустой».

Прислушивалась к речи той старушка некая:

«Постой! Какой-то Федыка есть варнак. Да вот гляди-кося, в углу там в сенцах, прямо на полу, тот, в зипуне».

Седой, в морщинах, полунаг, тут поднял голову варнак.

«Вы обо мне?»

— «Как имя?»

— «Имя не забыл. Соймоновым когда-то был, но имя отняли и честь, лишили славы и чинов. И ныне перед вами есть несчастный Федор Иванов!»

Конец истории таков: освобожденный от оков, Соймонов — губернатор наш. Сполняют флотский экипаж и сухопутные войска приказы Федыки-варнака.

С церковных говорят кафедр попишки часто про него, что злее беса самого он — выходец острожных недр. Неправда! Милостив и щедр. Хотя горяч. На то моряк. К тому вдобавок и старик. А на Байкале он воздвиг Посольску гавань и маяк. В Охотске, в каторге где был, морскую школу он открыл. И знает сибиряк любой: проклятие над Барабой, и вся сибирская страна той Барабой разделена как надвое. И долог путь, чтоб те трясины обогнуть. Туда Соймонов поспешил, обследовал он ту страну. Сибири обе слить в одну — Восточну с Западной — решил. Соединить Сибири две, приблизить обе их к Москве и верстовые вбить столбы в грудь Барабы! Дорогу через степь найти, по ней товары повезти, отправить на Восток войска, коль будет надобность така. То сделал губернатор наш. Невольно честь ему воздашь. Но был бы вовсе он герой, коль совладал бы с мошкаррой. Опять воспрянула она. Взять Карла Львова, шалуна... Иль Киндерман — шалун второй. Кормить сосновою корой своих задумал он солдат. Премного сделался богат от экономии такой. Торгует выгодно мукой...»

Ночь за окошками снежна.

«Ильюша! — говорит жена.— Остановись-ка,
помолчи.

Слышь, кто-то ходит у окна».

Встает ямщик.

Не оглянувшись на жену, идет к окну.

Но в тот же миг жена бросается к печи.

«Хотя бы пожалел детей ты, грамотей! — кричит
жена.—

Тебя учить еще должна! Ужо дождешься ты плетей!

Елизавета померла. Соймонова плохи дела.

Слова, какие пишешь ты,— на всех начальников хула!

А коли рукопись найдут? Тебе дыба и первый кнут.

Узнаешь, каковы клещи!»

И свиток ежится в печи, где угли пышут, горячи.

Он вспыхивает.

Точно вздох или дальний выстрел, тих и глух,

Та вспышка. Милосердный бог! Всё пеплом стало.

Он потух!

«Ах, дура! Как могла посметь! Сего тебе
я не прощу,—

Кричит Илья. Схватил он плеть.— Тебя я, дура, проучу!»

— «Проучишь? Ну, давай учи!

Уж лучше ты меня хлещи, приму побои на себя,

Да не желаю, чтоб тебя пытать стали палачи!»

— «Ну, баба! С бабами беда. Сколь, норов бабий, ты
упрям!»

Бросает плеть, идет к дверям.

«Куда?»

— «В царев кабак пойти хочу».

— «Вот что задумал! Не пущу!»

И, в душегрее меховой, пряма, румяна и гневна,

Как неприступный часовой, склад сторожа пороховой,
стоит в дверях его жена.

Соймонов дома, во дворце.

С ожесточеньем на лице доклады выслушал чинуш,
стяжателей, чернильных душ.

Вот, кабинет на ключ замкнув и уши ватую заткнув,

Облокотился на бюро. Схватил гусиное перо.

Его немножко покусал. Распоряженья подписал.
Другие отложил дела. Берет тетрадку со стола.
Воспоминанья о царе, об императоре Петре,
Историк Миллер попросил. Что ж, услужу по мере сил!
То сделать... И еще одно. Сей труд кончать пора давно:
«Сибирь есть золотое дно».
...«Сибирь есть золотое дно». Один нырнуть сюда готов,
яко ловитель жемчугов,

Другой в цепях идет на дно...
Но нет! Писать не суждено. Скребется кто-то у дверей.
«Что надо? Говори скорей!»
— «Из Омска!» — крикнул казачок.
Соймонов отомкнул крючок.
В передней хохот громовой. Там некто в шубе меховой.
Косматая над головой папаха. Рыжий лед с усищ.
Ух! От подобных голосищ избави бог!
«Погода очень много плох! Испорчен много переправ!
Федор Иванович! Будь здрав!»
Соймонов сумрачно в ответ:
«Прошу, Карл Львович, в кабинет пройти ко мне».

11

Вошли.
Взглянувши на портрет, что здесь повешен на стене,
Гость вымолвил:
«Елисавет?»
— «Она!»
Ночь за окошками снежна.
«То дочь Петра... А где же внук?»
— «А внук... Повешен будет...»
— «Как?»
Негодование и испуг.
«Я понимаю не вполне!»
— «Ну да! Повешен на стене портрет сей будет.
В полный рост.
(Что, милый друг? Не так я прост. Ответ каков?)»
Ночь. За окошком снег и мгла.
Елизавета умерла. Сварлива к старости была, а всё ж
могла вершить дела.
На небесах она теперь, Петра пленительная дщерь.
А хилый внук взошел на трон.
Что дед воздвиг, то рушит он!

«Карл Львович! В Омске как дела?

Вода в верховьях прибыла?»

— «Есть! Прибыла».

— «Зима суровая была?»

— «О, да! Она была суров».

Нам много не хватало дров. Шпицрутены пришлось
пожечь, чтобы топить в казармах печь.
Ха! Даже нечем было сечь — вот сколько не хватало
дров!»

— «Что ж ты с солдатами суров,— Соймонов

молвит.—

Всё бы сек!

Скажи, что ты за человек? Большой любитель ты наук,
но человечеству не друг.

Ты поступаешь, как злодей! Ты мучаешь своих людей.

Что задираешь ты орду! Большую натворишь беду.—

Кричит Соймонов сам не свой.— Чтó думаешь ты
головой?»

12

Пыхтит в передней бледный гость. Он еле сдерживает
злость.

«Ауфвидерзейн! ¹ Спокойна ночь!»

Кричит Соймонов:

«Пшел ты прочь, злодей, палач!

Ишь выбежал. Помчался вскачь!..»

Соймонов в кабинет идет.

Пожалуй, волновался зря.

Пожалуй, до государя

Карл Львович дело доведет.

Да и защиту там найдет.

...Болит ноздря.

Залечена, а всё ж нет-нет да и кольнет. То нерв задет.

Грехи. Ругаться не к лицу. Всё ж дал острastку наглецу!

И долго бродит по дворцу Соймонов. Подошел к окну.

Сибирь! Ты у снегов в плену.

Вот голый куст, как хлыст, торчит из снежной мглы.

А здесь, в дворце, скрипят полы. Так душны темные углы.

Ах, только сердце не молчит! Томительно оно стучит.

Идет Соймонов. Тяжелы его шаги, ох, тяжелы,

Как будто всё еще влачит он каторжные кандалы.

¹ До свидания (auf wieder sehen — нем.).— *Ред.*

Вот с божьей помощью в Притык, в кабак,
 приткнувшийся к горе, добрался все-таки ямщик.
 Кто лает там на дворе? Казак как будто. Вовсе бос.
 Ишь выкинули на мороз.

Спросил Илья:

«А ты, дружок, босой не отморозишь ног?»

Кричит казак:

«Друг, помоги! Во целовальников сундук мои
 попали сапоги.

С какими-то ворами пить черт дернул.

А пришло платить: «За нами, говорят, беги!»

А я бежать не захотел.

Ну, целовальник налетел: «Давай в уплату сапоги!»

Сапог в сундук, меня — за дверь.

Не знаю я, как быть теперь. Ни в чем не виноват, поверь!

Как взять обратно сапоги? Хоть ты советом помоги!»

«Ты кто?»

— «А я Игнатий Шпаг, из Омской крепости казак.

Фрауэндорф нас взял в конвой».

Илья качает головой:

«Зело несчастный ты, казак. Ну, ничего!

Идем в кабак!»

В избе дымище, духота. Как пекло адское точь-в-точь.

Вот целовальникова дочь раскрыла пухлые уста.

Накинулась на казака.

«Вернулся? Прочь из кабака!»

Илья ей молвит:

«Не реви! Свою папашу позови. Эй, целовальник!»

— «Что, Илья?»

— «Обижены мои друзья. Страдает здесь Игнатий
 Шпаг, из Омской крепости казак.

Над ним строжиться не моги. Отдай Игнашке сапоги!»

— «Сейчас!»

— «Ну вот. Давно бы так!»

С Илеей целуется казак:

«Ямщик, я друг тебе навек! Ты справедливый
 человек!»

Шумит Притык, ночной кабак.

Сам целовальник льет вино:
Илья, мол, не бывал давно. Он редкий гость у нас —
Илья!

«Готова рукопись твоя?»

Молчит Илья. Он, морщась, пьет.

Глядит, каков кругом народ: бродяги и посадский люд.
А вон хитрец — искатель руд... Семинаристы тут как тут,
студенты школьные, а пьют!

Увидели Илью, орут:

«Аз, буки, веди, глаголь, добро, яко медведи
страшны!

Ведро «Винум крематум»¹ выпей, Илья! Готова летопись
твоя?»

Прислушался Игнашка Шпаг:

«А что за летопись, Илья?»

— «Да ничего... Болтают так».

— «О летописи о какой их речь?»

Махнул Илья рукой.

«Студентов школьных кто глупей? Давай, Игнаша,
лучше пей!»

И глупы пьют, и мудры пьют!

Тут поднялся искатель руд. Магический волшебный прут
показывает:

«Господа!

Сей прут вонзается туда, где под землю есть руда.
Всё видит в недрах он земли. Продам его за три рубли!»
Толпится вокруг посадский люд. Взглянуть охота им
на прут.

Толкуют люди так и сяк.

Шумит Притык, ночной кабак.

Сказал казак Игнашка Шпаг:

«Коль прут сей видит в глубь земли, так стоит
он не три рубли,

А коль он стоит три рубли, так он не видит в глубь
земли!»

Нет, не пойду искать руду!

Друг! Нам рублей из серебра не даст уральская гора.

А вот железа для ядра...»

— «Не шумствуй!»

¹ Жженка (лат.).— *Ред.*

— «В Омске генерал на хлебе держит и воде.
Я убежал бы за Урал. Да там помещики везде».

-- «Не шумствуй! Больно уж ты резв!

Я вижу, ты зело нетрезв».

«Ты грамоте учен, ямщик?

Что ведомо тебе из книг?»

Шумит кабак ночной, Притык.

«Что ведомо из старых книг? Чему быть ныне

суждено? —

Тут головой Илья поник.—

Что ж ведомо из старых книг! Едва ль их

мудрость я постиг.

Бывает многое от книг, а многое и от плутыг...

Непостижимо для ума на свете многое весьма».

Ого! В дверях стоит Кузьма.

«Илья! — кричит.— Ты здесь, Илья?

Послала женушка твоя сказать, чтоб шел домой на ям.

Тебя курьеры ищут там.

Ямщик им надобен хорош. Фрауэндорфа повезешь!»

14

Тобольск проснулся на заре. Кремль розовеет на горе.

Как будто в беличьи меха укутан город весь до крыш.

Звон ведер. Пенье петуха.

«Пой! Весну раннюю сулишь!

Не за горами и апрель. Сосульки. Будет днем капель.

Через недельку развезет».

Фрауэндорфа повезет Илья, как сказано, с утра.

Что не гостишь? Примчал вчера, а нынче утром и назад?

И отдохнуть у нас не рад? Была баталья, говорят?

Чуть свет — уже в обратный путь!

«К дворцу подашь, да не забудь, кто твой седок! —

сказал Кузьма.—

Фрауэндорф-то зол весьма.

Свой экипаж-то не готов. Дал кучеру он сто кнутов.

Потребовал — вынь да положь: «Ямщик мне надобен

хорош!»

Вот ты его и повезешь...»

Кремль розовеет на горе. Кресты сияют на заре...
Дворец... Ворота... Шумный двор.
Соймонов вышел. Мутен взор.
С Фрауэндорфом разговор, брезгливо морщась, он ведет.
Вот кончили.

К Илье идет.

«Везешь?»

— «Так точно».

— «Ну, вези. Смотри не вываляй в грязи.

Иль вверх тормашками на лед не выверни. Он зол.

Прибьет».

— «Прибьет? А если я прибью?»

Соймонов смотрит на Илью:

«Что? Стал ты вовсе сущеглуп? Ты вежлив должен
быть, не груб».

Сух генеральский голос, тих:

«Марш! Чтобы жалоб никаких!»

15

Лохматых фырманье коней...

Гарцуют позади саней Фрауэндорфа казаки.

На них папахи высоки и нахлобучены до глаз.

Болят головушки у вас? Что, казаки,— охота спать?

Не удалось вам отдохнуть.

Вчера явились и опять сегодня утром в дальний путь.

А вот и сам Игнашка Шпаг! Ну, как дела твои, казак?

Притык понравился — кабак?

Фрауэндорф брюзглив и зол,

В тяжелой шубе меховой садится в сани.

«Живо! Пшел!»

По деревянной мостовой несутся кони.

Казаки, качаясь в седлах, как спьяна,

Рванули следом.

У реки на яме свищут ямщики.

О, дом родимый! Из окна кто выглянул? Никак — жена.

«Бог свят! Дорога далека. Храни Ильюшу-ямщика,

Владычица, мать преблага!» — наверно, молится она.

Крут взвоз. Отвесны берега. Подтаивают снега. Мост.

Перевоз.

У прорубей дерьмо, навоз.

Кой-где видна уже вода поверх лысеющего льда.

Татарский движется обоз. «Айда! — кричат.— Айда,
айда!»
Орда! Товар везет издалека. Иртыш — великая река.

16

Но вдруг брезгливая рука толкнула в бок.
«Живей! Гони! — кричит седок.— Гони живей!
Вот мой приказ, чтоб этот город скрылся с глаз!»
Просить не надо ямщика. Бич щелкнул. Кони понеслись.
Но снова голос седока:
«Поторопись! Поторопись!
Ты сочинишь летопись! Аннал строчит твоя рука.
Вожжу держать не разучись!»
Как знает он? От старика, от губернатора узнал.
«Ты, сочинитель! Твой аннал ты много долго сочинял.
Но препаршивый твой Пегас, он хуже водовозных кляч!»
Ага! Галопом хочешь? Вскачь? Ужо узнаешь ты сейчас.
Уважим, коли просишь нас.
Хулишь ты коней? Кони — львы! Узнаешь — кони каковы!

17

Лед блещет неба голубей, но мутны очи прорубей...
Глух сзади топот казачья.
«Отстали, милые друзья!»

Дорога... Прорубь... Полынья...
Рвануло. Встал горбом сугроб.
Плеснуло. Брызнуло.
В галоп!
В галоп несутся казаки.
Но, друг от друга далеки, один отстал, другой отстал...
Обрывы. Берег дыбом встал...
Крут яр. Там свищет гибкий тал.
Ага! Ожгло? Пригнись! Вот так!
Ну, пронесло! Теперь овраг.
Перелетим на всем скаку?
Уж треуголка на боку! Слетит, пожалуй, с головы!
Узнал ты — кони каковы?
Руками ветер не лови! На помощь стражу не зови.
Не радуйся, что тот казак других опередил людей.
Ведь это же Игнашка Шпаг!
Ты думаешь, тебя, злодей,

Игнашка хочет отстоять?
На сабельную рукоять
Игнашка руку положил, клинок он полуобнажил,
Но не меня рубить, Илью, а голову отсечь твою!
Уразумел? Завыл, как волк?
Ага! Откинулся. Замолк.
Смерть! Смерть близка!

Но тут, на счастье седока, выносит леший мужика
из придорожного леска.
Дерьма навстречу целый воз. Везут навоз на перевоз.
Мелькнула, издали видна, сарая ветхая стена.
Куда дорога завела?
Пес выскочил из-за угла.
И мчится тройка, как стрела, по шумной улице села.

18

Аж в пене морды лошадей.
Крут поворот.
К саням сбегается народ. Тревожны голоса людей.
Вот наконец нагнал казак.
Конечно, он: Игнашка Шпаг.
Он мчался, шашку обнажив!

«Седок-то жив?
Я думал — вывалишь в овраг!»
Глядит казак на ямщика, глядит ямщик на казака,
Седок согнулся и молчит.
«Подыметя, как закричит, ударит... — думает Илья. —
Прощай, головушка моя!»

Но нет. Сидит недвижен, нем.
«Да он без памяти совсем!»
Нет. Притворяется. Хитер! Начать он медлит разговор.
Вот смотрит, жалобно стенья,
Промолвил:

«Подыми меня!
Ямщик! О, помогай мне слезть!
Мне очень много дурно есть.
Ямщик! Веди меня в избу!»
Ты слаб. Испарина на лбу. Теперь веди тебя в избу!
Вошли. Ложится, истомлен, на бабьи шубы. Говорит:
«Ох! Внутренность совсем горит.
Отбита внутренность моя.

О! Ты злодей, ямщик Илья!
Ты захотел меня убить...
Я не велю тебя казнить,
Мне сам Христос велел прощать.
Ни слова больше! Замолчать!»
А! Чуешь, для чего клинки вытаскивали казаки на всем
скаку в глухом лесу.

«Воды!»

— «Сейчас я принесу».

— «Скорее».

Из-под шуб и дох тяжелый раздается вздох.

19

На шумной улице села толпа гудит невесела.
А всё ж смеются казаки, довольны чем-то мужики.
Глядят они на ямщика.

«Намял ты барину бока! Он, слышно, очумел слегка».

— «Злодей бы вовсе окошел, да губернатор не велел!»

...Соймонов стар, Соймонов сед. Не хочет он держать
ответ.

И так уж на своем веку он претерпел немало бед.
Отставку скоро старику дадут за выслугою лет.
И мирно доживет свой век птенец петровского гнезда.
Эх, господа вы, господа! Орлы! Кто ж крылья вам подсек?

На шумной улице села толпа гудит невесела.
И липнет теплый вешний снег к подошвам стоптанных
сапог.

О, села у больших дорог! К вершинам гор, к низовьям рек
Пути на запад, на восток, пути в столицу и в острог...
Трудна дорога, далека. Но ведомы для ямщика
Все полосатые столбы с Кунгура вплоть до Барабы.

...Теплом пахнуло из избы.

Лучина дымная горит. С полатей смотрит мужичок.

Задумчивый, он говорит:

«Фрауэндорф-то занемог! Плашмя уляжется в возок.

Сенца бы надо подостлать... А то тебе несдобровать!»

— «Не сомневайся. Довезу... И не таку тяжелу кладь
перевозили на возу!»

ДОМОТКАНАЯ ВЕНЕРА

1

Гусиное перо подайте, я шепчу.
Вам о судьбе своей я рассказать хочу,
Глядящая на вас с любого гобелена.
Вы ведаете ли: Прекрасная Елена,
И Венус, и Сафо, и Нимфа у ручья,—
Не кто-нибудь иной, но — я, и только — я!
Оборотилась в них кому-то я в угоду.
Но русскую свою мне не забыть природу!
Так дайте ж мне перо, прошу я, поскорей,
Пока ничьих шагов не слышно у дверей,
Покуда еще есть бумага и чернила,
Хочу я наконец всё рассказать, как было.

*

В Тобольске, если вам случится побывать,
Несчастную мою вы помяните мать.
Погребена она на том погосте дальнем,
За валом городским, на кладбище Завальном,
Над коим шелестят густые деревья,
Как будто мертвецов звучат там голоса
На разных языках, и речь бояр надменных
Там слышится, и ропот шведов пленных,
И всех, кого судьба к нам привела сюда,
Кто за наживой шел, кого гнала беда.
Все, все приют нашли на дальнем том погосте,—
Их там, в сырой земле, соприкоснулись кости.
И простолюдины лежат там, и князья.
Вот там погребена и матушка моя.

Ушла она, презрев сей жизни згорченья,
Оставивши меня отцу на попечение,
И нянчиться со мной родитель был бы рад,
Да только отнимал досуги магистрат —
Все дни он проводил в палатах магистратских,
Избранник от людей торговых и посадских.

Но вот, из Питера однажды возвратясь:
«Довольно вышивать, — сказал он мне, — да пряхь,
На задний двор глядеть в оконце слюдяное!
Ты нынче, дочь моя, возьмешься за иное:
В столице побывав, я, дочь, видал виды,
И ты уразумей: там девы молоды,
Графини да княжны, принцессы ангальт-цербтски,
Они себя ведут совсем по-кавалерски!
А почему у нас, у добрых сибирян,
Не может это быть? Нам тоже разум дан!»
— «Отец, — я говорю, — ученье к лицу знати».
— «Нет. Я вот из простых, а — ратман в магистрате!
Незамедлительно учиться ты пойдешь,
Наставник для тебя находится хорош,
Наставит он тебя премудрости заморской!»
— «А кто же он?»
— «Шабер, кухмистер прокурорский».
— «Отец, — я говорю, — ведь этот повар плут:
Его, и на базар когда приходит, бьют».
— «Нет. Чтоб не плутовал, я с ним имею сговор».

И начал обучать меня французский повар...
Училась языку неплохо я весьма,
Но затруднения пришли насчет письма.
Шабер нам говорит: «Науку знаю устно,
А в каллиграфии рука, мол, неискусна!»

Расстались с поваром. Попала к чудаку,
Лекарем состоял при драгунском полку.
Но как угнали полк на Иртыша верховья,
А лекарь от своих отстал по нездоровью,
То дал ему отец квартиру и харчи.
«За то, — сказал, — мне дочь наукам обучи».
И начал лекарь тот учить меня латыни...
Но, боже! Не могу забыть я и поныне,
Как лекаря сего отец погнал мой прочь:
«Чему ты обучил невинную мне дочь?»

Зачем ей показал язычески соблазны?
Преследуют ее виденья неотвязны,—
То некий римлянин, то обнаженный грек.
Кто в этом виноват? Ты, дерзкий человек,
Понеже вздумал ей гекзаметры читати.
Забыл ты, кто я есть? Я — ратман в магистрате!»

Отец заботится, а толку нет никак.
Соседи говорят: «Упрямый он казак,
Задумал дочь свою наукам обучати,
Не знает только он, с какого конца начати»,—
Так люди говорят, что вхожи в магистрат,
В полицейместерской конторе говорят.
Которые скорбят, которые смеются,
Мол, замыслы его никак не удаются.

*

А время между тем всё движется. Не ждет.
Семнадцать мне уж лет, осьмнадцатый пойдет.
Не девочка теперь, но зрелая девица.
Отец задумался: «Не поздно ли учиться?»
И помню, как-то раз сказал мне наконец:
«Послушай. Не пора ли, дочка, под венец?»
О прелести твоей заводит речь подьячий,
Не прочь бы взять тебя и сотник наш казачий...
Да, кстати, дочь моя, художник-то, Антон,
В соборе приступив к писанию икон,
Тебя изобразил как деву пресвятую...»
— «Ах! — говорю.— Как смел. Вот в голову пустую
Пустая лезет блажь. Пошто ж так дерзок он?
Мне,— говорю,— отец, не нравится Антон,
Пришлец из дальних стран, оттуда убежавший,
Убивший ли кого, кого ли обокравший».
— «Нет,— отвечал отец,— прибыв из-за Карпат,
Весьма он человек неглупый, говорят.
К какой-то, верно, там был схизме он причастен.
Но он раскаялся. И снова в ересь впасть он
Не собирается. Повинен был бы в чем,
Не стали бы его в архиерейский дом
Впускать, как доброго, и не был с ним столь близок б,—
Заметь-ка, дочь моя,— сам наш архиепископ!»
— «Архиепископ наш и сам из поляков»,—
Отцу я говорю.

«Ну что ж? Зато толков!
И за примером, дочь, ходить недалеко нам:
Он похвалу дает Антоновым иконам.
И надо понимать, что, в Кракове учен,
Не токмо малевать умеет сей Антон,—
Мечтает некую открыть мануфактуру,
Неутомимую имеет он натуру.
Стать фабрикатором решил. И, например,
Сравниться ль может с ним хотя б дурак Шабер.
Есть иноземцы разные, я вижу.
Сей выехал Шабер из города Парижу,
Чтоб, езда по миру, в ступе воду толочь.
По бедности им жить на родине невмочь —
Бродягами они становятся, ворами,
Иные ж, как Шабер, в Тобольске поварами.
Антон же не таков. Будь униат, будь грек,
Добро пожаловать, коль мудр ты человек,
Способный сотворить любое рукоделье.
Бывает, что и росс дичает от безделья,
А сей пришлец готов к полезному труду!»
— «Нет! — закричала я. — Я замуж не пойду!»
Перед родителем ударила я в слезы.
Тогда печально так, хотя и без угрозы:
«Смотри, в девицах ты останешься навек!» —
Ответствовал отец. Нехитрый человек,
Все дни он проводил в палатах магистратских,
Избранник от людей торговых и посадских.
Судьбу мою решить имел ли он досуг!

Он в ратуше, а я резвлюсь среди подруг,—
То в церковь мы пойдем, то мыться ходим в бани,
По ягоды идем речными берегами,
Являюсь на базар — торгую что хочу:
Бухарские шелка, московскую парчу
Иль рухлядь мягкую, везомую с Ял-Мала...
В Тобольске-городе всего у нас немало!
А как вернусь домой — скрипят во тьме полы,
Лампады по углам мерцают среди мглы.
Этих древних стен бревна ноздреваты
Девства моего вдыхают ароматы.

Суровая весьма приспела тут зима.
 Казалось, что стучится в наши терема
 Татарска бабушка, сама падера вьюга,
 Несуща вьюжный вьюк, что стужей стянут туго.

Говорит отец: «Тысяча семьсот
 Шестьдесят первый год у городских ворот
 Нелюбезно стучит. Ходят глупы толки.
 Перепугались все наши богомолки,
 Тревожатся купцы в гостином ряду,
 Господин Павлуцкий, тот вовсе ждет беду —
 Трепещет прямо весь, как жук на булавке,
 Стал вовсе сущеглуп чиновник сей в отставке!»
 — «Болтает он про что?» — спросила я отца.
 «Про то же самое! Всё мира ждет конца,
 Антихриста приход пророчит нынче летом,
 Да только, дочь моя, вздор, враки! Суть не в этом.
 А будут хлопоты! Из Питера гонец
 Известье подтвердил».
 — «А что?»

Молчит отец.
 Нахмурился, суров: «Неважно это, дочка!»
 Но поняла и я: как наступает ночка,
 Простого званья люд и губернатор сам,
 Все головы дерут, я вижу, к небесам.
 Муллы татарские, из юрт придя окрестных,
 О том же говорят — о знаменьях небесных.
 А что за знаменья, каков их будет вид,
 Кого я ни спрошу — никто не объяснит.
 Отец же мне опять: «Неважно это знати.
 Что надобно, о том мы знаем в магистрате!»

Вот мимо башни я иду монастыря
 И вижу: меж собой о чем-то говоря,
 Нил и Галактион, ученых два монашка,
 Глядят на небосклон, вздыхают оба тяжко.
 Тут с башни сходит Нил. Меня благословил.
 Сказала: «Отче Нил, хоть ты бы разъяснил
 Про сей небесный знак немудрой мне девице!»
 Нил отвечает так: «Тебе, отроковице,
 Не нужно поднимать к зениту головы!»
 А я ему опять: «Всё ж знаки каковы?»

К чему они? К войне? Взбунтуются калмаки?»
— «Нет! — отвечает Нил. — Совсем другие знаки.
Не должно знать про них девице молодой!»
Ушел лукавый мних. Уж верно, знак худой.
И сердце тут мое сказало: «Берегись!»
Всё ж запрокинула головушку я ввысь
Так круто, что на снег боброва пала шапка.
Гляжу на небеса. Мерцают звезды зябко.
Нет знака. Подняла я шапку и опять
Гляжу, как дура, ввысь, стараюсь разгадать,
Каков небесный знак, что он сулит. Однако
Я никакого там не усмотрела знака.

*

Минуло Рождество. Гадать пришла пора.
А я кидать башмак не стала со двора,—
Пес башмак унесет — вот и конец гаданью!
Для ворожбы хочу уединиться в баню.
Няня мне говорит: «Туда я не пойду,
Баня наша стоит далеко во саду,
До потолка она в снегах-сугробах тонет,
Над крышею сосна вершину низко клонит...»
И не пошел никто со мною из подруг.

Вот в бане я одна. Очерчиваю круг
Мелом на полу, а на присту́пе печки
Зеркало ставлю я и по бокам две свечки.
Пред зеркалом сажусь, от робости дрожу,
Но в зеркало меж тем я пристально гляжу.
Покажется ли мне в зерка́ле кавалер мой,
Придет ли он в сей год, семьсот шестьдесят первой?
Боже мой! Слышу я: где-то вдруг хрустнул снег,
Будто бы за окном топчется человек.
Нет! То не за дверьми снега я скрежет слышу —
Прямо над головой! Кто-то взошел на крышу.
Сажу шуршит в трубе, как будто кто залез.
То нечисть банная? Глух сад наш, точно лес.
Снега да темнота. Забилось мое сердце.
Ну, ладно! Будь что будь! Вскочив, открыла дверцу.
«Эй, кто на крыше там? — я закричала. — Прочь!
Приказываю вам я, ратманская дочь!»

Ах! Это же Антон. Вот кто на крыше банной!
А рядом с ним предмет таинственный и странный,

Напоминающий огромна паука
 На членистых ногах, идущих от брюшка.
 Сие чудовище, на крыше стоя банной,
 В отверстие трубы вперило глаз стеклянный.
 О, господи! Весьма Антон хитер!
 Но не решился бы пристойный кавалер
 Ночью на баню влезть и сей предмет поставить.
 Кричу: «Как смел, Антон, ты на меня направить
 Через банный дымоход подзорную трубу?
 Расстроил ты, Антон, всю мою ворожбу.
 Папаше на тебя я жаловаться стану!»
 — «Не для тебя совсем взошел на крышу банну,—
 Нимало не смутясь, ответствует Антон
 И тычет ввысь перстом: — Взошла на небосклон
 Венус — любви звезда. Ее воспел Гораций,
 Воспел ее Назон. А я для обсерваций
 Имею телескоп. На бане я сидел
 Часа, пожалуй, два — всё в небо я глядел.
 Не знал, кто в бане есть, как ты вошла — не видел.
 Тому порукой — честь! Пардон,— когда обидел!»
 От смеха говорю я, закусив губу:
 — «Что ж в зрительную ты увидеть мог трубу?»
 — «Венус пройдет, звезда, на расстоянье близком,—
 Сказал он,— меж Землей и Гелиоса диском.
 В июне месяце то нужно ожидать.
 Явление сие приедут наблюдать
 К нам академики, весьма учены мѹжи.
 А я уже готов. Я их ничем не хуже!»
 — «Лжешь! — говорю ему.— Тут что-то да не так!»
 «Но,— думаю сама,— теперь понятен знак,
 О коем не хотел мне объявлять родитель».
 «Про Венеру стишок послушать не хотите ль? —
 Спрашивает Антон.— Прочту тебе, позволь!»
 — «Нет,— говорю,— Антон, от этого уволь!
 Латинского чтеца уж выставил за двери
 Папаша как-то раз!»
 — «Тому я не поверю.
 Он мудрый человек!»
 — «А вот поди спроси,—
 Смеясь, я говорю,— Венерам на Руси
 Не поздоровится. Иди-ка восвояси!
 Для Венус места нет у нас в иконостасе.
 Великомучениц усерднее пиши!»
 А он: «Конечно, в том спасение души,

Но я изображать умею и натуру,—
Твою вот, например, сладчайшую фигуру,
Твой лик, что для меня священнее икон!»
Чуть слышно я шепчу:
«Прочь уходи, Антон!»
Прелестные его не слушаю я речи,
От бани прочь бегу, не потушив там свечи
И зеркальце забыв. И вот уже одна
Я дома. Из окна я в сад гляжу, бледна.
А в бане та свеча долго еще мерцала,
Как будто б чья-то тень гляделась там в зеркало.

2

Он не солгал, Антон! Так вышло по весне:
Соседка-попадья вбегает раз ко мне.
«Магус, астролог,— кричит,— волшебник едет!»
«Что,— думаю я,— с ней? Она наяву бредит».
«О магусе каком, соседка, говоришь?»
— «Голубушка моя! Знашь город ты Париж?
Оттуда прибыл гость, негадан и непрошен.
Французский звездочет. Зовется Дотерош он».
Тут подоспел отец: «Что ж, попадья, ты врешь?
Совсем не магус он, аббат сей Дотерош.
Духовное лицо. Как твой супруг. Понятно?
Ученый астроном. На солнце ищет пятна.
А нынче,— этого не стоит уж скрывать,—
Венеру он звезду прибыл обозреть,
Которая пройдет по солнечному диску!»

Я вижу — звездочет уже подъехал близко,
И мой родитель тут в окошко поглядел.
Заторопился он, регалии надел.
«Пойдем-ка, дочь моя, добрых гостей встрети!
Там я обязан быть. Я ратман в магистрате.
А ты с французского нам всё переведешь,
Коль разговаривать захочет Дотерош!»

Тем временем ямщик подвозит гостя к дому.
Выходим мы, спеша навстречу астроному.
Вокруг его саней уж толпится народ.
Но всё посадский люд. Не вижу я господ.
По-видимому, их предупредить заранее
Не преуспел гонец, и спят еще дворяне.

Чуть оробела я. Но зов мово отца
Мгновенно мне помог сойти на двор с крыльца.
Вот гость! Откинул он кибитки волчью полость,
Воззрился на меня. В глазах его веселость,
Лицо духовное, но брит и моложав.
Тут кланяется он. И, губы вдруг поджав:
«Хочу я,— говорит,— стаканчик русской водки!»
Вот, думаю, и верь соседушке-трещотке!
На магуса ничуть сей путник не похож.
Не в остром колпаке явился Дотерош.
Магическа жезла в руках нет никакого.
Француз он как француз. Приветственное слово
Любезно говорит. Но кто ж тебя поймет,
Кроме меня одной, заморский звездочет!
Милый ты мой, никто не разберет твой говор.
Ну, что ж! Не зря учил меня лукавый повар!
Я говорю: «В наш дом пожалуйте, аббат».
— «Спасибо! — он в ответ.— Я буду очень рад!»
Вот вылез. На меня глаза свои таращит.

Отец зовет людей — пускай, мол, перетащат
Его пожитки в дом — сумы да сундуки,
Довольно тяжелы они и велики.
Тут на его багаж все навалились скопом.
«А вы,— кричит аббат,— полегче с телескопом!
Боюсь я, что труба попортилась в пути,
Прошу ее за мной в апартамент внести.
Сибирская езда страшней землетрясения —
За свой я телескоп имею опасенье!»
И опасения те были неспроста.
Снимаючи с вещей футляры из холста,
Бормочет Дотерош: «Проклятая дорожка!
Погнулася, увы, у телескопа ножка».
Вот, наконец, труба. Наверно, пуда три
Весит сия труба. Шепнул отец: «Смотри!
Сей телескоп длиной, пожалуй, в двадцать футов.
Его аббат дурной вез, кошмами укутав,
И, говорю тебе,— погнулася труба,
Ибо красная медь тут для заклепок слаба!
Венус как будет зрить в трубу сию горбату?
Задай-ка, дочь, вопрос об этом ты аббату».
Но и астроном сам, однако, понял тож,
Сел, пригорюнившись. Папаша молвит: «Что ж!
Непоправимыя беды я в том не вижу.

Приехавши сюда из города Парижа,
Он догадаться б мог, что красна медь мягка,
Но телескоп, даст бог, поправим тут слегка.
Пусть господин аббат сомненья бросит тяжки —
Дуньку-лудильщицу возьмем из каталажки,
Куда заключена за блуд и воровство!»
Перевожу я речь папаши моего.
«Так, господин аббат! — я говорю. — А ножки
Получим для трубы у некого Антошки».

Тем временем, гляжу, астронома встречать
Является, спеша, вся городская знать.
Сам губернатор наш, я вижу, шлет майора,
Во двор к нам экипаж въезжает прокурора,
Архиепископ тож к нам службу посылат:
«Французский, мол, у вас находится аббат?
Впоследствии пусть к нам заглянет благосклонно!»
И живописца я увидела Антона.
«Антон! — его зову. — Поди-ка ты сюды!
Аббата Дотерош ты выручь из беды —
Для телескопуса отдай ему треножник!
Вот, — говорю, — аббат, церковный наш художник.
Венеру наблюдать он начал прежде вас...»
Полицеймейстерский я вижу тарантас,
В нем баба дерзкая поводит красным носом,
Сопровождаема не кем-нибудь — профосом,
Лудильщица въезжает к нам во двор.
«Ну, Дунька, не подгадь! — кричит ей
прокурор. —

Вот прежде поклонись аббату-звездочету,
А вслед за тем берись за важную работу.
На зрительну трубу ты погляди-ка, Дунь!»
А Дунька, осмотрев: «Тут даже не латунь,
Обыкновенна жечь тут надобна, как вижу.
А что до мастеров из городу Парижу,
Так это прямо срам — поставить сплав таков!
Как видно, есть и там немало дураков!
Глаза, — она ворчит, — где ж были у аббата?»
— «Ну ладно, не дерзи, преступница проклята,
Не то сейчас в острог препроводим назад!»
С дворянами знакомится аббат.
«Вам, — говорят, — уже готовим мы покой».
Но Дотерош на них замашет как рукою:
«Нет, — говорит он, — нет! Всё это ни к чему!

В котором я живу, в том буду жить дому,
С гостеприимным сим приютом не расстанусь.
Естественность люблю. У ратмана останусь!»

*

И то ли потому, что жить у нас он стал,
А может быть, чего он лишнего болтал,
Но только слух прошел про нашего аббата:
Натура, мол, его весьма чудаковата
И вовсе он не поп французский никакой,—
Не монастырский, мол, аббат он, а мирской,—
Во Франции, мол, есть аббаты разной масти,
И будто бы аббат он по научной части,
Затем и простоват. Так люди говорят.

Однажды утречком пьет кофий наш аббат,
Как вдруг увидела я повара Шабера.
«Где здесь,— он спросил,— аббатская квартира?
Ему-де редкостей принес я кой-каких». —
«Ну-ну! — кричит аббат.— Показывайте их!»
Тут скорчил наш кухмистр гримасу воровату,
И что-то в пузырьке он предъявил аббату.
«Вот! Насекомое редчайшее одно.
В Китае,— молвит плут,— лишь водится оно,
И кормится оно одним зеленым чаем!»
Тут рассмеялась я: «Такую редкость знаем!
О, господин аббат! Пойдемте в огород —
Подобных рыжих мух у нас невпроворот.
Гоните, мой аббат, вы повара подале!
Мы редкостей таких во множестве видали». —
Уходит этот плут, но дней так через пять
К аббату он тайком является опять.
Такую он еще проделать вздумал шутку:
Продать за три рубля обыкновенну утку,
Которая у нас копейки стоит две.
«Заметьте,— говорит,— к змеиной голове
Чудесно приросло всё туловище птичье!»
— «Уйди! — я говорю.— Не то возьмусь за бич я! —
И вслед ему еще я выкрикнула так: —
Единоверец твой и все-таки земляк!
Зачем обманывать?» А плут и в ус не дует:
«Аббата не надуй, так он тебя надует!»
Я поняла: Шабер француз хоть, а мужик

И к благородной он компанье не привык.
К учености питал он зависть нехорошу.

А вскорости я так сказала Дотерошу:
«Коль редкостей искать — пойдите на базар,
Там отовсюдова встречается товар».
— «Готов!» — сказал аббат. И на гостиный двор мы
Приходим как-то раз. Заводим разговор мы
С торговыми людьми... Китайские чаи,
Морошка северная, курски соловьи
Для тех любителей, из Курска кои родом.
Орехами базар богат и медом.
Бухарцы привезли в тот раз каракульчу.
Чего тут только нет! Всё показать хочу.
Вот рухлядь мягкая с Обско́го Лукоморья,—
Об этом завожу с аббатом разговор я.
«Там молятся, мол, бабе золотой!»
— «Та баба,— он спросил,— блистает красотой?»
— «Сама не видела, а коли верить слухам,
Она — скуластая да с выпученным брюхом,
А чиста золота пудов в ней есть до ста,
Но, впрочем,— говорю,— в глухие те места
Не проникал никто, а проникали кабы,
Там бы давным-давно не уцелело бабы».
— «Да,— молвил Дотерош,— нет слов, ваш край
богат.

Олень тут, говорят, у вас вдвойне рогат,
И всевозможных руд не трудно тут сыскати.
Град чуден ваш Тобольск, что на восточном скате
Стоит Уральских гор уже двухсотый год.
Империю незыблемый оплот,
Воздвигнут город сей Востока при пороге.
Всё, всё я опишу, что видел по дороге!»

Откуда ни возьмись явился тут Антон,
К аббату подбежав, всё кланяется он:
«Исправлена ль труба, сгодится ли треножник,
В порядке ль окуляр?»
— «Да-да, мосье художник.
А что купили вы, сказать будьте добры?»
— «Я,— говорит Антон,— присматривал ковры».
Я ж слушаю: присматривал ковры ты!
Рассказывай, дружок, да ничего не ври ты.
Антон же между тем ведет в ковровый ряд

Аббата. Меж собой они тут говорят.
«Заняться я решил мануфактурой ткацкой,—
Антошка говорит,— к работе азиатской
Приглядываюсь я, чтоб кое-что понять...»
Ковровщик тут ковры как начал расстилать,
Ковров за пять минут сто развернул, не мене.
Бухарские ковры и наши из Тюмени.
Вдруг закричал аббат: «Я по Европе всей
Проехал, но ковер тюменский дивный сей
Напоминает мне весьма неотдаленно
Изделя самого папаши Гобелена!»
— «Да,— говорит Антон,— фигур лишь не хватат».
— «Магометанский стиль,— ответствует аббат.—
Но коль сих мастеров заставить ткать бы шелком
Да производство то, мой друг, наладить с толком,—
Что, господин Антон, тужить насчет фигур!»
Антошке на ухо шепнул тут балагур,
А что, не поняла,— негромок был сей шепот.
«Да,— говорит Антон,— такой и мыслю опыт».

Беседуя, они весь обошли базар.
Кишмишу закупил аббат наш у бухар,
Ягушку женскую он из гагачьих перьев
Купил, по простоте ее к себе примерив.
«Да это женская!» — ему я говорю.
«Ах так,— он отвечал.— Что ж, дамам подарю.
В Париж я привезу диковинных новинок...»
«Да, да! — я думаю.— Видать, что ты не иннок,
Но бравый кавалер,— к любезности привык!»
Еще он приобрел себе моржовый клык,
Да стерляди живой, да туесок морошки.
Поклажу ту нести велела я Антошке.

Вот так, покудова приготовленья шли,
Чтоб Венус наблюдать меж солнца и земли
Величественный путь, и телескоп покуда
Лудильщице лихой был отдан для полуды,
Всё хлопотала я, чтоб гость наш не скучал,
Чтобы плохих людей пореже он встречал,
А то ведь груб народ в углу у нас медвежьем
И посмеяться всяк мечтает над приезжим.

Успело лето тут вступить в свои права.
 В зеленую листву оделись дерева...
 Вечером как-то раз в сад я зову аббата.
 А сад наш точно лес. Плывет луна щербата
 Среди густых древес. Час поздний. Уж темно...
 Каков весной Париж,— про игры в Рампоно
 Болтает мой аббат да про бульварны фарсы,
 Про то, какой парад видал на поле Марса,
 Про шумства школяров в тавернах у застав,
 Да, кстати, и каков в Сорбонне был устав,
 С аптекарями как иезуиты спорят,
 Как короля Луи министры с чернью ссорят,—
 О чем только аббат не толковал в тот раз!
 С вниманием его я слушала рассказ —
 Все любопытные известия на диво,
 И излагает их аббат красноречиво,—
 О многом он сказать умеет заодно.

Вот подле бани мы садимся на бревно.
 Тут, тростью банных стен исследовавши гнилость,
 Аббат вдруг спросил: «Скажите мне на милость —
 А вам, сибирякам, живется каково?»
 А я ему в ответ: «Живется ничего...
 Конечно, уж не столь резвимся на гуляньях».
 — «А что,— он спросил,— вы делаете в банях?»
 — «Мы в бани,— говорю,— приходим, мыться чтоб».
 — «Я слышал: нагишом кидаются в сугроб,
 Из бани выбежав, люди в мороз трескучий».
 Я говорю: «Таков бывает редко случай.
 Идут на этот риск, кто слишком уж здоров...
 Архиепископских спросите кучеров...
 А те же,— говорю,— кто воспитаньем нежны,
 Едва ли нагишом в сугробы скачут снежны».
 — «А прутьями там бьют?» — вновь спросил аббат.
 «Нет,— говорю,— мосье. Ошибочен сей взгляд.
 Вениками — да, парятся, кто хочет,
 Березовый букет в воде горячей мочат
 И парятся затем».
 — «И польза велика?»
 — «Вы это,— говорю,— прибыв издалека,
 Извольте испытать. Вы попросите веник».
 — «Так что ж,— ворчит аббат,— мне врал
 Шабер-мошенник?»

— «Известно,— я смеюсь,— что вздор он говорит».
— «А всё ж,— заметил Шапп,— сих бань причудлив
вид.

Гравюру закажу, Антона как увижу.
Гравюру ту смотреть сбежится пол-Парижа!»

*

И наступил тот день... На городской крут вал
Всё население Шапп Дотерош позвал.
И губернатора со всем его советом,
И жены ихние, чтоб были бы при этом
Великом торжестве, как через солнца лик
Венус пройдет звезда. Свой телескоп велик
Поставил на валу на городском высоком
Аббат Шапп Дотерош... Толпа течет потоком.
Тут горожане, тут и мужики.
Татары скопищем пришли из-за реки...
«Алла! — кричат. — Алла! Что в небе там?» —

пытают.

«Ничто! — им говорят. — Там гурии летают».
Павлуцкий тут как тут, безумный господин.
«Конца, мол, мира ждав, я дожил до седин.
Я Апокалипсиса знаю откровенья:
Меж солнцем и звездой возможно столкновенье!»
Смеются все над ним. Сам губернатор наш
Стал выговаривать: «Оставьте эту блажь!»
Мол, женщины, вразнос торгующие репой,
Не верят уж во бред Павлуцкого нелепый.

Приехал, наконец, архиепископ сам,
К аббату подошел, дивится чудесам,
Латинску речь завел тотчас архиепископ:
«Венера не пришла б к нам, грешным, слишком
близко б,

Да не упасть бы ей на женский монастырь.
И так уж нравами прославилась Сибирь,
Особливо, аббат, все пригородны лавры —
Монахи тут у нас доподлинно кентавры!
Подобных им, аббат, едва ли где найдешь».
— «О нет! Повсюду так», — ответил Дотерош.
— «Всё ж вы, мой друг аббат, жалеючи народа,
Прелестную звезду гоните с небосвода!»
Да захохочет как! Смеется и аббат.

Как будто бы они о деле говорят,
А если разобрать,— так уноси святыни.
Но кто же тут учен церковной их латыни?
Ведь даже не поймут, о чем толкует он,
Премудрых мниха два — Нил и Галактион.
Обоих вижу я: стоят в соседстве тесном,
Знамением себя лишь осеняют крестным.
Смешно и поглядеть на этаких святош.
Вниманием меня не дарит Дотерош,
Среди он знатных лиц, а я всё ж не дворянка.

Вдруг замешательство в толпе и перебранка.
Расталкивает всех, немало горд собой,
Антошка со своей оптической трубой.
Ее он укрепил на деревянные ножки.
Мальчишество резвится вокруг Антошки.
А между ними и Павлуцкий-господин.
«Позвольте поглядеть в трубу хоть миг один!»
— «Нет,— говорит Антон.— Для вас тут нету места.
А будет Венус зрить со мной моя невеста!»
И тянет он меня, проклятый, за рукав.
И говорит он мне, хитер, весьма лукав:
«Твой господин аббат забыл тебя, драгая!
Смотри в мою трубу!» Но я, его ругая,
Зардевшись от стыда, отшатываюсь вспять.
Тут, дерзкий, за рукав цепляется опять.
И вот, уже без сил, смущаясь и робея,
Как он меня просил, приблизилась к трубе я.
И, как Шапп Дотерош стоит среди господ,
Так малый телескоп наш окружил народ.
«Ты, ратманская дочь,— я слышу восклицанья,—
Получше различи планетное мерцанье!»
— «Уж ладно!» — говорю...
И в этот самый миг
Венера наплыла на Гелиоса лик.
Всем возвестил сие аббата голос звонок.
Вдруг замер весь народ. И лишь грудной ребенок
Заныл среди толпы у бабы на руках.
Я помню вал, людей и небо в облаках.
И закопченные мерцают тускло стекла.
На солнце я гляжу. Нет! Солнце не поблекло.
Что вижу я? Ничто! Лишь огненную мглу.
Ах! Словно чья-то тень проходит по стеклу.
Ах, черная! Ах, пламень вспыхнул красный!

Не девы ль силуэт вдруг вижу я неясный?
Конечно, Венус то!
«Антон,— шепчу,— Антон!
Взгляни!»
Лицо свое с моим тут сблизил он.
«Ты видишь?»
— «Вижу!»
— «Что?»
— «Каку-то красну блошку!»
Я оттолкнула прочь презренного Антошку.
«Дурак,— шепчу,— болван. Гляди в трубу один!»
Но тут припал к стеклу Павлуцкий-господин,
Он чмокает, пыхтит, он напирает задом.
«Что делать,— думаю,— с такой фигурой рядом?
Мне надобно уйти!» — И боком, кое-как
Тут пробиваюсь я через толпу зевак.

Виденья своего я необыкновенность
Навеки сохраню. Я лицезрела Венус!

*

Был вечер. Городской уж обезлюдел вал.
Аббат же как ушел, так дома не бывал.

Отец мне говорит: «В честь обсерваций оных
Сегодня будет бал в палатах во казенных,
И обещал прибыть туда часам к восьми
Сам губернатор наш с женой и дочерьми.
Профосиха туда пойдет в античной маске.
Там будет фейерверк, каки-то игры, пляски,
И гостя ты домой не жди, пожалуй, дочь,
Поскольку, пиршество продливши целу ночь,
Поедут допивать на архирейску дачу».

Тут спать пошел отец. Сижу я, чуть не плачу,—
Обидно всё же мне — свет до чего спесив,
Что гостя увезли, меня не пригласив.
Хотя, конечно, мой папаша не из знати,
А всё же ратманом он в нашем магистрате.
Хоть из городских он родом казаков,
Но обходителен довольно и толков,
Избранник от людей торговых и посадских.
Нуждаются в его услугах магистратских,

А коли пиршество — не пустят до дверей!
Я губернаторских не хуже дочерей!
Французскую я речь не меньше разумею,
И танцы я плясать не хуже их сумею...

Ах, вижу, в небесах взметнулся фейерверк.
Он, тысячами искр рассыпавшись, померк.
Гляжу в оконце, жду другого фейерверка.
Вдруг вижу: во саду приотворилась дверка.
«Антон!» — я думаю. Шалишь ты! Не войдешь!
Нет! Вовсе не Антон. Аббат мой Дотерош!
В шинели голубой одетый он парадно,
Приблизился. Вином пахнуло презрительно.
И, глянув на меня, мечтательно он рек:
«Чрез Вену ехал я, Брюнн, Никольсбург, Фридек,
Австрийских видел дам, прельстительных полячек,
Но только никого нет краше сибирячек!
Прелестнее тебя я, дева, не видал!
Сегодня в телескоп Венеру наблюдал,
Но, чтоб Венеры путь видеть чрез диск солнца,
Лишь надо заглянуть в сей дом через оконце!»
О, боже! Таковы услышавши слова,
Бегу в сад, трепеща. Кружится голова.
У бани на чурбан бессильно опускаюсь,
За некий стебелек рукою я хватаюсь,
И, сей цветок сорвав, дрожит моя рука...
И звездочета речь звучит издалека:
«О! «Киприпедиум иль Башмачок Венерин!
Небесный в этом знак, хоть я не суеверен».

Вот каковой тогда я сорвала цветок.
Он называется «Венерин Башмачок»,
Таежный сей цветок, расцветший подле бани,
Как будто бы судьбу свою он знал заране!

3

Осталось рассказать немного мне сейчас,
Подходит он к концу, подробный сей рассказ,
Хоть повествую я, быть может, и нескладно...
Есть сочинители ученые изрядно,
Но на французский лад да на латинский лад,
Как эхо мертвое, их голоса звучат,—

Я ж повести моей лишь в том и вижу ценность,
Что смело я иду на полну откровенность.
И, строги критики, мне дела нет до вас!

*

Прошло уж года три, как Шапп покинул нас,—
Всё замуж не иду. Архиепископ сам уж
Рек: «В нынешнем году дочь, ратман, выдай замуж!»
Я ж думаю — придет еще моя пора!
Живу и не тужу. Сегодня что вчера:
Схожу в господен храм, схожу помыться в баню,
То набелюся я, то щеки нарумяню
Да очи подведу, чтоб стал приятней взор,
Зимою с ледяных катаемся мы гор,
Как девам следует, на легоньких салазках
И святки, как всегда, проводим в играх, в плясках.
А замуж не хочу — спокойней так душе.
Как лето подойдет, купаюсь в Иртыше
Среди других подруг. Я в камышах разденусь
И, отраженная зеркальной гладью Венус,
Июльскую в реке затею ворожбу.
Я знаю: зрит на нас в подзорную трубу,
За кручей скрыт, Антон, поклонник мой упорный.
Что мне? Пускай мечтой себя он тешит вздорной.
Ведь многие еще, во мгле по вечерам,
Речного берега по глинистым горам,
Из бурсы школяры да гвардии сержанты —
Блуждают в поздний час, когда поют куранты
Над башней ратуши, предвозвещающая ночь.
«Купается сейчас, мол, ратманская дочь,
Венера здешняя!» Иртышки волны плещут,
Над яром же в кустах, что волчьи, очи блещут...
О, люди добрые! Обычай вам хорош —
Венеру наблюдать — оставил Дотерош.
Как обсерваторов клеймила я подобных!
Немало им я слов презрительных и злобных,
Бывало, говорю, коль явятся в наш дом.
Родитель, не поняв иль разобрав с трудом,
К чему мои слова, корит: «Ты злая дева!
Во власти ты всегда презрения и гнева!»
Нет, мой отец, была во власти я мечты,
Но тайную мечту не смог понять бы ты!
Я думала, что цел мой Башмачок Венерин,

Его в Париже след, я мнила, не потеряю.
Мне снился всё еще чудесный этот сон.

Раз, помню, прибежал к родителю Антон:
«Ну вот, из Питера имею разрешение
Я фабрику открыть за городом Тюменью!
Поможет выполнить мне это магистрат?
Довольно уж теперь я сделался богат.
Архиепископ сам мне оказал вниманье.
Я фабрикантом стать давно имел желанье —
Хочу производить я некие ковры.
Ткачих купить помочь мне будьте вы добры,
Как следует сие обдумав в магистрате.
Вы можете моим компанионом стати,
Коль скоро ваша дочь захочет то, отстав
От милых для нее девических забав.
А то останется она ведь стара дева!»
Затрепетала я от горя и от гнева,
Услышав, как сие выкрикивает он.
Я вышла, говорю:
«Послушайте, Антон,
Персона ваша вся мне до того отвратна,
Что где вы сядете, там вижу грязны пятна,
И, как уходите, там всё еще пятно...
Когда ты прочь пойдешь, и дверь я и окно
Стараюсь распахнуть, Антон, сколь можно шире!
Подлей тебя никто не проживал в Сибири!»

*

А дальше вышло так. Угрюм, потупив взор,
Пришел к отцу писец: «Зовет, мол, прокурор!»
— «А для чего, дружок?»
— «Да так... По делу, лично.
Каку-то смотрит он картинку неприличну».

Ушел отец. Домой вернулся через час.
Глядит он на меня, ах, не спуская глаз.
Зовет к себе в покой. Дверь запер на задвижку,
Дрожащею рукой выхватывает книжку.
«Читай-ка, дочь!»
Едва губами шевеля,
Шепчу: «Вояж в Сибирь по воле короля
В год тысяча семьсот шестьдесят первый...»

Которое в себе отчет содержит верный...»
— «Отец! Да это ж труд аббата Дотерош!»
— «Да. Правильно! — отец сказал мне.— Ты
не лжешь.

В Париже куплено у книжника Дебюра! —
Взял книгу тут отец.— А вот сия гравюра!
Рисуночек хорош? Фигуры узнаешь,
Которы поместил в сей книжке Дотерош?
Вот на гравюре сей знакома ли фигура?
То вымысел, скажи? А может быть, натура?»
О, боже! Какова мерещится мне дрянь!
Гравюра такова: изображенье бань,
Каких в Сибири мы не видывали сроду.
Он, дымный, адскому весьма подобен своду,
Свод этих мнимых бань. Взобравшись на полки,
Торжественно сидят нагие мужики,
А рядом — девушки и маленькие дети...
«Где ж бани таковы сумел он подглядети?»
— «Ты подожди-ка, дочь,— родитель молвит мой,—
Ужель не узнаешь ты здесь себя самой?
Ужель самой себя не можешь ты узнать?
Признал ведь прокурор, признали в магистрате...»

*

Так в величайшую попала я беду.
«Отец,— кричу,— отец! Я в монастырь уйду!
Чтоб скрыться от стыда, иное есть ли место?
Пусть буду я, отец, Христовая невеста!»
— «В монашки хочешь?»
— «Да! — безумно я кричу.—
Я ж опозорена. Покой найти хочу.
За грешны помыслы приму я наказание,
А мне помогут в том посты и бичеванья.
Отец,— кричу ему,— иди же поскорей!
И всё ты разузнай насчет монастырей,
Как принимают в них, устав в котором строже...
О, боже! Помогите мне, всемогущий боже!»

Спровадивши отца, за книжку вновь берусь.
О, злой Шапп д'Отерош! Приехав к нам на Русь
Зреть через солнца лик Венеры прохожденье,
Премудрые весьма ты сделал вычисленья,
Чтоб с достоверностью все люди бы могли

Знать расстояние от солнца до земли.
Вот для сего, аббат, и книгу публикуешь,
Европа рада вся, и ты, аббат, ликуешь.
Ты солнца параллакс решил определить.
Затея доблестная, что и говорить!
Почто же, д'Отерош, служа своей науке,
Людей ты оболгал, меня обрек на муки?
Кому в угоду, Шапп, так опоганил ты
Невинные мои девически мечты?
Венерин Башмачок зачем ты брал в подарок?

...Ах, помню: был июль не по-сибирски жарок,
А осень — холодна. Осталась я одна.
Бывало, у окна сижу всю ночь без сна,
Одною лишь мечтой напрасною согрета:
Придет, мол, день златой позднего бабьего лета!
Что сделала тебе плохого я, аббат?
Зачем изобразил? Теперь ведь засрамят!
Бесстыдницей меня соседи все закличут.
И засмеют меня, и пальцами затычут.
Ах, опозорена! На рынок по утрам,
И в праздничные дни молиться в божий храм,
И на берег речной я выйти не посмею —
Все засмеют меня!
Но кто, подобно змею,
По древу за окном взбирается? Кто он?
Ах, кто же мог другой быть, кроме как Антон!
Не кто другой, как он, вернейший мой поклонник,
С древесного ствола ползет на подоконник.
Я вижу, из листвы, обрызганной росой,
Антон явился вдруг с напудренной косой,
В кафтане, в треухе.
«О, Венус! Люба Венус!»
— «Отворотись,— шепчу,— и жди, пока оденусь».
— «А что,— он говорит,— мы медлить будем тут
Да ждать, когда тебя в монашки постригут.
На древе добрый час сидел я. Ноет тело.
Весь слышал разговор. В монашки захотела!
Сей замысел оставь. Архиепископ прав,
Что во монастырях злой дух вдвойне лукав.
Доверься моему, о любя, разуменью:
На фабрику ко мне уедем под Тюменью».
— «Постой! — я говорю.— Опять ты что-то врешь!
Тебе... заказывал гравюру д'Отерош?

Я говорю, ты бань писал изображенье?»

А он в ответ:

«Спешим! За городом Тюменью...»

— «Нет,— говорю,— ответь: чертеж ты делал бань?»

Ощерился Антон. «Эй,— он кричит,— отстань!

Пусть даже бы и я... Случайно это сходство».

— «Нет в вас,— я говорю,— ни капли благородства!»

А он в ответ:

«Меня преследовал твой лик.

Свой искуплю я грех, хотя он и велик.

Что хошь со мной твори!»

— «Ах, так,— и, улыбнувшись,—

Вот получи за то!» — сказала. Размахнувшись,

Антону нанесла удар я по лицу,

И вслед за тем пинок дала я подлецу,

Да так, что сапожка носок воткнулся острый

Сквозь треснувший кафтан, и вмиг от крови пестрой

Одежда сделалась.

«Что? Получил, подлец!»

Тут на переполох является отец.

Я думала: в окно Антон захочет скрыться.

Но нет! Родителя нахал сей не страшится.

«О, ратман! — крикнул он.— Хоть дочь у вас глупа,

Хоть ранен ею я — давайте нам попа!

Немедленно прошу нас с девою обвенчати,

Извольте дать попа. Вы ж ратман в магистрате!

Пусть дела,— он кричит,— не будет никому,

Что опозоренную замуж я возьму!

Положим тем конец мы недоразуменью.

На фабрику к себе под городом Тюменью

Супругу юную хоть завтра увезу.

Три ткацкие станка лежат уж на возу.

Поедем напрямик мы по лесным дорогам!»

— «Ну, дочь,— сказал отец,— давай решайся.

С богом!»

— «Я не хочу!» — кричу. Вдруг вижу: покраснев,

Как будто б обуял его великий гнев,

Пошатнулся отец, рухнул на пол со стоном.

И оба тут к нему мы бросились с Антоном.

Ах, чем помочь? Хрипит. Неужто смерть близка?

За отставным лечу драгунского полка

Лекарем, что меня латыни учил когда-то.

(Поблизости он жил у старого солдата.)

«Сейчас бежите к нам! Папаша занемог!»
— «Нет, опасаясь я,— бормочет старичок.—
Мне ратман не простит язычески соблазны!»
— «Оставьте,— говорю,— вы шутки эти праздны!»
И в дом наш лекаря тяну я за полу.

По-прежнему лежит родитель на полу.
Склонился лекарь тут. Промолвил, вздохнув тяжело:
«Да. Апоплексия. По-русскому — кондрашка!»

*

Колоколов еще печальный звон не смолк,—
Он всё мне слышался,— но, чую, шуршит шелк...
И погребальные еще чадили свечи —
Фату венчальную несли уже навстречу.

На церемонию не стали звать людей.
Но на конюшнях уж готовят лошадей.
Архиепископ сам пособник был Антонов,—
Венчали впопыхах, таясь, в обход законов.
И ночью старый дом покинула я наш —
Каки-то господа толкнули в экипаж.
Куда везут? Что мне! Хоть в монастырь на Конду!
Я, в бархатну закутана ротонду,
Дрожу. А мой супруг бормочет во хмелю:
«Ты — Венус! Я тебя без памяти люблю!
Везу во храм лесной, в волшебные хоромы».

Мрак, гари черные, седые буреломы...
Но вот и фабрика. Кругом ее леса.
Приветственные я не слышу голоса.
Цепные воют псы. Распахивает кто-то
Все червоточиной изрытые ворота.
Вот тут-то я впервой и вижу этих дев...
«О, боже,— думаю, на них я поглядев,—
Как девушки сии унылы и несчастны!
Как лица их бледны, а взоры — безучастны!»
«Откуда,— говорю,— девицы таковы?»
Антон же мне в ответ: «Привез из-под Москвы».
— «И не бегут?»
— «Зачем! Им жизнь така в привычку.
А, впрочем, мы сейчас устроим переключку».

...Колоколов еще печальный звон не смолк,—
Он всё мне чудился... Но выл таежный волк
За фабрикой в лесах. Ах, откликались девы.
Девически мечты, я спрашиваю, где вы?

*

О муж, постылый муж, домой вернулся ты!
На ненавистные гляжу твои черты.
Ты спишь. Лицо твое и сыто и усато.
А ведь любил меня и ты, Антон, когда-то!
Давно любовником ты быть мне перестал.
Иное на уме. Негоциантом стал.
В Санкт-Петербург себе ты проложил дорогу.
Кто знает про твою сибирскую берлогу?
Тюмени около, в урмане ты сидишь,
А люди думают: уехал ты в Париж,
В Берлине побывал, не миновал и Вены,
В дворцах ветшающих скупая гобелены.
Так люди думают. Уехал, мол, в Париж
За гобеленами. А ты вот здесь храпишь.
Кто догадается, что вовсе не в Париже
Товар находишь ты, а кое-где поближе.
Любители ковров! Платите не скупясь.
Княгиня Дашкова и вы, великий князь,
Сим рукоделием обейте хладны стены!
Но не в Европе те добыты гобелены.

Есть баня. Тут, в лесу, на берегу речном.
Есть баня, говорю, со слюдяным окном.
Поверьте! Вот она таится за заплотом.
Нетоплена она, но истекают потом
Здесь девы пленные. И в карцере таком
Висят тринадцать люстр под низким потолком.
Ах, множество свечей струят потоки света,
Чтоб девы пленные трудились до рассвета.

Да! Знают только лишь дремучие леса,
Какие среди них творятся чудеса,—
Отнюдь не для мытья, совсем не для гаданья
Стоит на берегу таинственная баня.
Ее б изобразил презренный д'Отерош,
И, верно бы, таков рисунок был похож,
Как сими парками сибирскими лесными

Иль девками, сказать вернее, крепостными
Плетется нить судьбы, и властвует, суров,
Над подневольными ткачихами ковров
Не Зевс, но мой супруг — хитрейший спекулятор.
Архиепископ сам и даже губернатор
Содействуют ему. Права он получил,
Тринадцать бедных дев он в баню заточил,
Рисунки сочинив, чтоб эти девы пленны
Не уставали ткать поддельны гобелены,
А между них и я хирела, пленена.

Все думают: «Париж! Французская казна
Мануфактуру сих ковров имеет только».
Не верьте никому: в том правды нет нисколько!
Тут вовсе ни при чем французская казна!
Мужичек-мастериц сокрыты имена,
Но догадаться всем нетрудно об обмане,
Узнавши, чье лицо глядит с роскошной ткани.
Искусниц-мастериц, каких не знал Париж,
О муж, ты тростью бьешь и голодом моришь,
Чтоб девушки сии, прикованные к бане,
Одно мое лицо сумели ткать по ткани!
Замыслил негодяй — ткачихи ткать должны
Венер, Юнон, Минерв с лицом твоей жены.
Не захотел другой изображать фигуры,
Не пожелал иной ты подыскать натуры.
И так уж сотни раз меня ты продаешь,
Как продал в первый раз аббату д'Отерош
В уплату, может быть, и дал совет он дельный —
В лесах производить сей гобелен поддельный.
Для всех обнажена, Антон, твоя жена,
Блудливых стариков я радовать должна,
Чужих любовных ласк я вижу откровенность,
В альковах у вельмож пригвождена я, Венус!

А здесь? Ах, боже мой, и здесь покою нет!
Со злобою глядят ткачихи мне вослед.
Как убедить мне их, что злоба их напрасна.
Не менее рабынь хозяйка их несчастна.
Меж всех его рабынь я первая раба —
Вот какова моя несчастная судьба!
Мне не уйти из пут искусной этой пряжи,
Меня ткачихи ткут на рынок для продажи,
И так за годом год, за годом год идет.

Ценитель сих Венер ответа не найдет,
Откудова и как родился призрак странный —
Из пены ли морской, из сырости ли банной?
Так думала сама вчера еще. Но нет!
Ценители Венер, получите ответ!
Сего не разъяснив, в могилу я не лягу.

Подайте ж мне, прошу, чернила и бумагу!
Гусиное перо подайте, я прошу, —
Вам о судьбе своей я повесть напишу.
Будете если вы повесть сию читати, —
Знайте — жесток Эрот, да и насмешлив, кстати.
Где Венус? Где звезда? Я вспомнить всё хочу.
Вот, взявши со стола оплывшую свечу,
Ладонью заслоню, чтоб пламя не мерцало,
И, крадучись, к тебе я подойду, зеркало.
Я пристально гляжу. Неужто отекло
И дышишь тяжело ты, хладное стекло?
Зерцало! Трепеща, стою перед тобою,
Как дева молода, что, тешась ворожбою,
Стояла, ах, не раз в отеческом дому.
О хладное стекло! Туманишься к чему?
Нет, нет! Не может быть, чтоб ты не захотело
Бесстрастно отразить еще живое тело!
Еще не гаснет нимб вокруг моих волос,
Еще глядят глаза, зеленые от слез.
Глядят ли? Боже мой! В зеркале, полном света,
Лишь тусклый огонек я вижу... Только это!
Оплывшую свечу, и больше ничего!
Оплывшую свечу, и больше никого!
Где Венус? Где звезда? Где женщина раздета?
Оплывшую свечу я вижу. Я ли это?

Гусиного пера не надо! — я кричу. —
Свою свободу я вернуть себе хочу,
Покудова свеча еще не догорела,
Покуда есть душа, покуда дышит тело.
Так мсти же за звезду, оплывшая свеча!
Пусть сизый язычок рванется, трепеща.
Он скачет. Он растет. Пусть ринется на стены!
Пожрет он пусть и вас, прокляты гобелены!
Столб пламени затмит холодный лик луны,
Проснитесь, девушки, что здесь заточены!

Вас, безымянных дев, вас, безнадежных узниц,
Зову на помощь я, как мстительных союзниц!
О, боже! Дым густой валит через окно,
Трещит под `потолком тяжелое бревно,
Но дымовая вмиг развеется завеса —
Вас, девы пленные, я выведу из леса!
Навстречу пламени вей, ветер ледяной!
Ах, небо звездное открылось надо мной.
Незримою тропой из темного урмана
Иду на белый свет — Венера домоткана!

1939

ПОЭЗИЯ КАК ВОЛШЕБСТВО

1

Известно, что в краю степном, в старинном городе одном,
жил Бальмонт — мировой судья.

Была у Бальмонта семья.

Все люди помнят этот дом, что рядом с мировым судом
стоял на берегу речном, в старинном городе степном.

По воскресениям семью судья усаживал в ладью,
Вез отдыхать на островки вверх по течению реки
за железнодорожный мост.

А то, в своих желаньях прост, вставал он утром в три часа,
свистал охотничьего пса

И, взяв двустволку, ехал в степь.

Но в будни надевал он цепь

И, бородат, широкогруд, над обвиняемыми суд,
законам следуя, творил,

И многих он приговорил.

Тот город Омб тонул в пыли.

Сквозь город непрерывно шли стада рогатого скота
к воротам боен.

Густота

Текущей крови, скорбный рев ведомых на убой быков,
биенье трепетных сердец закалываемых овец —

Вот голос Омба был каков.

И в губернаторский дворец, в расположение полков,
В пассаж, что выстроил купец, к жене чиновничьей
в альков,

В архиерейский тихий сад — повсюду крови терпкий
смрад, несомый ветерком, проник.

И заменял он аромат, казался даже сладковат для тех,
кто к этому привык.

Такая жизнь уже давно шла в Омбе. И не мудрено,
не удивительно, что здесь,
Где город кровью пахнет весь, и человечья кровь текла.

Раз Бальмонт разбирает дела.

Спокоен, справедлив и строг, десятка два гражданских
склок с утра до полдня разобрал.

...Тот оскорбил, другой украл.

Одна свирепая свекровь невестку исщипала в кровь,
Ей скалкою рассекла бровь, и до сих пор сочится кровь.
Вот из предместья Волчий Лог домовладелец приволок
другого мещанина в суд.

Друг другу в бороды плюют. Лишь у судейского стола
унять их удалось с трудом.

Разнообразные дела решались мировым судом.

И думал Бальмонт: «Что же в суд мне заявлений не несут
Бедняги-пастухи о том, как их вчера лупил кнутом
В воротах боен гуртоправ, всю кожу им со спин содрав?
Кто прав из них и кто не прав? Виновный уплатил бы
штраф!»

И тут, усмешку подавив, он объявляет перерыв.

И двери закрывает он. Оставшись в камере один,
он на машинке «Ремингтон» выстукивает:

«Константин!

В Америке ты побывал, ты таитянок целовал, на Нил
взирал ты с пирамид. Талантлив ты и знаменит. Но не
видал ты гекатомб! Так приезжай же в город Омб. Закалы-
вают здесь у нас по тысяче быков зараз. Забрызган кровью
город весь. Сочится кровь людская здесь. И думаю, что
в том я прав: ты горожан жестокий нрав смягчить сумеешь,
чтоб воскрес к возвышенному интерес. Ведь ты — поэт,
целитель душ, родня пророкам! И к тому ж, — такая мысль
приходит мне, — что по провинции турне тебе, наверно,
принесет весьма значительный доход. В том помогу по мере
сил. Целую крепко!

Михаил».

2

Свершилось, как судья желал. Встречать он едет на вокзал.
С экспресса сходит на перрон, носильщиками окружен,
рыжебородый господин.

Да! Это братец Константин!

Приехавший проговорил:

«Привет, о брат мой Михаил!»

— «Здорово, братец Константин! Ну, вот до наших палестин добрался ты!»

И был ответ:

«С востока свет, с востока свет!»

Коммерческого клуба зал по телеграфу заказал я
для доклада своего „Поэзия как волшебство“».

К пролетке следует поэт, но кланяются, догнав,
Два представителя газет — газеты «Омбский телеграф»
И «Омбский вестник». Воробей один зовется, Соловей —
другого звучный псевдоним.

Остановились перед ним.

Но Бальмонт крикнул:

«Не даю я никакого интервью

Вам до доклада своего „Поэзия как волшебство“!»

— «Ты прав, ты прав! — сказал судья.— И Воробья
и Соловья

Я привлекал за клевету. Подхватывая на лету
Слова, коверкают их суть. Ты с ними осторожней будь!
Одна газета полевей, другая несколько правей,
но я ни эту и ни ту, по совести, не предпочту.

И Воробей и Соловей насчет тебя писали вздор!»

— «Пустое! Больше будет сбор!»

И вышло так, как он сказал. В коммерческого клуба зал
людская хлынула волна, всё затопила дополна.
Явилась городская знать, чтоб смысл поэзии познать.
Наряды самых важных дам чернели строго здесь
и там.

Пришли купцы-оптовики — кожевники и мясники.

А стайки городских блудниц, напоминая пестрых птиц,
защебетали в гнездах лож.

Учащаяся молодежь на галерее замерла.

И выглянул из-за угла провинциальный анархист,
уволенный семинарист,

Что парой самодельных бомб мечтал взорвать весь город
Омб.

Все были здесь. И не был тут, пожалуй, лишь рабочий
люд.

Он появляться не дерзал в коммерческого клуба зал.

На кафедре — посланец муз. Свой рот, алевший как укус,
Презрительно он приоткрыл, медлительно проговорил:

«Вам, господа, я очень рад прочесть обещанный доклад.

Вы тему знаете его: «Поэзия как волшебство».

Стара как мир простая мысль, что слово изъясняет смысл.

Но все ли ведают о том, что буква — это малый гном,
Творящий дело колдовства?

Гном, эльф, заметные едва!

Их чарами живут слова.

Волшебен каждый разговор...»

«Идея эта не нова,— решил судья, потупив взор,—

Но, вероятно, с давних пор сокрылись гномы в недра гор.

Не танец эльфов те слова, которые я в приговор,
закону следуя, вношу.

Брат! Это я учесть прошу».

«Я букву эль вам опишу! — вскричал поэт.—

Любовный хмель рождает в мире буква эль!»

«Пожалуй, не попал ты в цель! — судья подумал.—

Буква эль, входящая в глагол «люблю»,

Вошла в другой глагол «скорблю», а также и в глагол
«скоблю»,

В словечки «плут» и «колбаса». Так в чем же, в чем тут
чудеса?»

Так, покачавши головой, судья подумал мировой.

Он глухо прошептал:

«О брат! Необоснован твой доклад!

Ужель поверит в эту ложь учащаяся молодежь?

Нет! От поэзии я жду совсем иного волшебства. Нет!

Не у букв на поводу идут разумные слова.

Не музыки я жду! Идей! Глаголом жечь сердца людей,

Развратность обличать, порок. Вот что обязан ты, пророк!

Брат! В людях зверское смягчать обязан ты через
печать!»

Так мыслил он, провинциал. Едва следить он успевал,

Как брат, поведав о судьбе и буквы А и буквы Б,
соображения свои высказывал о букве И.

Но, видимо, докладчик сам вдруг понял, что господ и дам
не покоряет волшебство.

Не понимают ничего.

Там скука ходит по рядам.

Что за народ!

У слушателя одного стал рот похож на букву О —

зевота округлила рот.

И, объяснения прекратив, на колдовской речитатив

внезапно перешел поэт.

Тут про волшебный лунный свет заговорил он нараспев,
Про томных обнаженных дев,
Про то, как горяча любовь,
Про то, как жарок бой быков
И, как от крови опьянев, приходят люди в буйный гнев.
Любить! Убить! Дерзать! Терзать!
И не успел он досказать, как понял: это — в самый раз!
Сверкают сотни жадных глаз. Все люди поняли его.
...И сотворилось волшебство.

3

Но хмур на следующий день проснулся Бальмонт Михаил.
Сказал себе:

«Что ж! Цепь надень! Суди, как прежде ты судил».

Пошел он в камеру свою. Тут сторож, встретивши судью,
ему газеты подает.

Ого! Уж помещен отчет!

Газеты «Вестник» рецензент вешает: «Бальмонт — декадент»,

А «Телеграф», наоборот, хвалу поэту воздает.

Но кто это ломает дверь? Зачем, рыча, как дикий зверь,
Провинциальный анархист, уволенный семинарист,
ворвался в камеру судьи?

Он завопил:

«Здесь все свои!»

С размаху бьет он по плечу окаменевшего судью.

«Горящих зданий я хочу! Хочу и это не таю!

Хочу я пышных гекатомб. Взорву я бомбой город Омб,
Чтоб брызнула под облака кровь разъяренного быка!
Осуществлю,— мой час придет,— экспроприаторский налет

На казначейство. Казначей пускай не спит теперь ночей!»
— «Безумец вы! — сказал судья.— Вы где?

Здесь камера моя!

Как вы посмели, не тая, такую дерзость здесь кричать?
Приказываю замолчать!»

И тотчас в собственный он дом увел бесстыдника

с трудом,

Поскольку лично был знаком с отцом его, со старичком,
весьма почтеннейшим дьячком.

Вот наградил же бог сынком!

Тогда приходит старший брат. Он спрашивает:

«Как доклад?»

— «Доклад? Ну что ж, хорош доклад! Но что же будет,
милый брат,

Коль станут жить, как ты зовешь?

Пойдут любить и убивать, одежды с дев начнут срывать,
как низменных страстей рабы.

До поножовщины, стрельбы дойдут. И кто же виноват?

Их приведут ко мне на суд. И что ж сказать смогу я тут?

«Так проповедовал мой брат!»

Одежды с дев срывать... А в суд вдруг заявленья принесут!

Тогда увертки не спасут, хоть и поэт!

Нет! Даже в похвалах газет нет доказательств, что ты
прав!

Вздор пишет «Омбский телеграф»!

И Соловья и Воробья

Я, скромный мировой судья, судил не раз. Платили
штраф!»

Нахмурившись, ответил брат:

«О Михаил! Я сам не рад. Они не слушали доклад,

они могли и освистать, и должен был я перестать

Серьезно с ними говорить, но нужно ж было покорить
аудиторию свою!»

Такой ответ поверг судью в невыразимую печаль.

«Как жаль! — сказал судья. — Как жаль!

Теперь я понял наконец! Нет! Не тому учил отец».

Но крикнул Бальмонт Константин:

«О ты, законник, семьянин! Послушай, что тебе скажу.

Тебя я строго не сужу...

Ну, что же? Кто же наш отец? Помещик он, и, наконец,

Управы земской избран был он председателем.

Забыл

Ты это? Я же, старший сын, кто я? Я — русский
дворянин!

Но в Шуе, городе родном, еще в гимназии учась,
с подпольным связан был кружком...

Об этом вспомнил ты сейчас?

И дальше: в восемнадцать лет пошел я в университет,

и беспорядки учинил, и по этапу выслан был.

Ты помнишь это? Ну так вот! Ты помнишь, брат мой,
пятый год?

Ведь был с народом я, поэт!

Я эмигрировал. Семь лет
Скитался я... Объехал свет.
Пойми же: славы ореол есть над моею головой!
Я Перси Шелли перевел, я Руставели перевел,
Я разговаривал с травой, с волной я говорил морской,
с толпой я говорил людской.
Толпа базаров и таверн своеобразна и пестра,
Но там передо мной вчера сидела низменная чернь.
Пойми, мой брат! Сидела чернь. Не чернь трущоб,
не чернь таверн,
О нет! Иная чернь.
На ней я видел даже ордена.
И потому была она раз в тысячу еще черней.
Таковыми именно людьми,— пойми, мой милый брат,
пойми,—
Гонимы были Байрон, Дант, Оскар Уайльд стал арестант.
Но я решил: перехитрю! Гонителей я покорю.
Всё темное, что есть во мне, я сам сознательно вполне им
предъявил. Хитер я был!
И, что бы ты ни говорил, гонителей я покорил.
Да! Если букв волшебный звук до их ушей дошел не вдруг,
Так сочетаньем темных слов я этих покорил ослов!
Вот доказательство того, о чем докладывать не смог:
Пусть это будет всем урок.
Поэзия есть волшебство!
Но вообще я — одинок.
И горек, брат, мне твой упрек.—
Тут шляпу взял поэт и трость.—
Я в пыльном Омбе только гость! Веди же ты меня, о брат!
Стихи иные буду рад прочесть с высоких эстакад
Вокзалов или пристаней!
О, там поэзия нужней!
С народом встретиться я рад. Иду! Пойдешь со мною,
брат?»
— «Я занят! — отвечал судья.— Пустует камера моя,
дела не могут долго ждать.
Смогу ль тебя сопровождать?»

В полуденный то было час.
На бойнях Омба кровь лилась.
С колбасной фабрики как раз большую партию колбас
Переносили в магазин,

И жир сочился из корзин.
Над улицами пыль плыла.
Она багровая была.

Взглянул судья из-за угла:
Где Константин?

И видит:

Он поклонниками окружен.

Вот встали на его пути и не дают ему уйти.

«Простите! Дайте мне пройти!»

Но нет. Проходу не дают. Альбомчики ему суют.

Лель — лидер местных мясников — кричит:

«Я без обиняков скажу: поэзию люблю.

Я книги ваши все скуплю!»

— «Но пропустите! Я спешу!»

— «Нет, я почтительно прошу: извольте посмотреть,
каков есть настоящий бой быков».

И все кричат наперебой:

«На бойню!»

— «Там идет забой!»

Вот дама. Взгляд ее лукав. Поэта тянет за рукав.

И вздрогнул Бальмонт. Свысока взглянул бы он

на мясника,

Но дама — взгляд ее лукав — так нежно трогает рукав.

«Вы любите ли бой быков?»

О, фея в царстве мясников!

6

И было так: до эстакад и в глубь кирпичных катакомб,
какими славен город Омб,

Он не добрался, старший брат.

Но был банкет, и добрых вин отведал Бальмонт

Константин.

Он чернь умел перехитрить, обезопасить, покорить.

Всех: варвара-оптовика, что выпучен из сюртука, и даму,
скрывшую уста в пыланье лисьего хвоста.

Другую даму, что толста, и третью даму, что тонка,—

Всех покорить он был готов...

Покуда лидер мясников вино поэту подливал

в неиссякаемый бокал,

Судья угрюмо взял свое испытанное ружье

И глухо, как в полубреду, сказал жене:

«Ну, я пойду!»

И вышел за город он, в степь.
В болоте глухо выла выпь.
И ветер пел: «Ты носишь цепь!
Рассыпь ее, скорей рассыпь!»

«Брат! Старший брат! — воззвал судья.—

Я мнил, что совесть ты моя,
Но, милый брат, о старший брат, по совести, я даже рад,
Что ты не праведней, чем я!» —

Так он решил, захохотав.

Среди цветов и сочных трав он весело пошел назад.

«Возлюбим солнце. То-то, брат!»

Покой в природе. Сытый шмель на вьющийся садится
хмель,

Как эльф!

Тихонько хохоча и непонятно бормоча, никто не ведает
о чем,

К полуночи в свой тихий дом вернулся Бальмонт Михаил.
Наутро он уже судил.

За это время, говорят, дел накопился целый ряд
Об откушении носов, о выдирании усов, о кознях мелкого
жулья.

Без отдыха судил судья.

Истцы вопили у стола, тесна им камера была, толпою
оказали дом.

Разнообразные дела решались мировым судом!

***ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ
И ВАРИАНТЫ***

Варианты приводятся согласно порядку стихов в основном тексте произведения. Под нумерацией строк (или строф) указывается источник варианта. Если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего варианта.

«Выдвинутые подборочки...»

загл.

АРХАНГЕЛ

автограф

Кто-то вдруг крикнул:
«Архангел
Вот и попался, брат!»
Стиснули. Дух из охранки,
Видимо, не был крылат.

5—8

загл.

ПРОЧЬ, В НОЧЬ!

вм. 3—16

В старой рабочей слободке
На берегу реки.

И фараон и архангел
Канули прочь, в ночь;
Шарманки и обезьянки —
Всё полетело прочь.

Прочь! Разговор короткий.
Слова ни говоря.
В старой рабочей слободке
Около Октября!

«Мы — футуристы невольные...»

вм. 3—14
«Искусство»

Звезды пятиугольные
Вместо сердец у нас.

Мечтой о благополучии
Мы оперируем зло,
Ждем, чтоб огнями нежгучими
Будущее зацвело.

И притворяемся глупыми —
Умному жить больней.

Алла

загл.

СОНЕТ АЛЛЕ

автограф 1

Алла, Алла, на гребень девятого вала
Не взлетают, чтоб в бездне пропасть без вестей.
Если даже и старость взяла и настала,
То, конечно, для новых веселых затей.

На Воздвиженке в доме вы помните зало?
Это сделано было для встречи гостей.
Вот и встретимся мы, как ни в чем не бывало,
Под веселыми масками старых чертей.

Люди спросят: «Да, собственно, кто вы, откуда?»
И прекрасным ответом для доброго люда
Будет снятие старческих масок. И вот

О двадцатых годах мы рассказывать станем,
И представьте: с каким величайшим вниманьем
Будут дети глядеть в ваш пленительный рот!

автограф 2

На железном пути у развалин вокзала
Паровозную грудь прошибала метель,
И не то что людей, что ни час, то лютей,
Но и целые вечности с места срывало,

И на пенистом гребне девятого вала,
Как из яростной пасти осколки костей,
Плыли мелкие части пехотных частей,
Чтоб окрестность из бездны опять восставала,

И, взлетая на хвойную спину Урала
И срываясь в долину голодных смертей,
Это знала от мудрости белая Алла.

На Воздвиженке в доме есть белая зала,
Где и встретимся мы, как ни в чем не бывало,
Разгильдяев хозяев приняв за гостей.

Сонет

3—14
автограф

Я был ловкач и первый конский вор,
Как обо мне анналы говорят.
Увы! Я был таким же, как и вы!
Вам кажется, что вы не таковы,

Что раньше вы пришли на сотни лет?
Нет! Друг за другом мы кружили вслед.
И римлянам вы верьте не вполне —
Ведь мне о вас, а вам и обо мне
Горазд соврать авторитетный лгун.
Вы знаете: Аттила не был гунн.

Балхаш

между 8—9
«Советская
Сибирь»

Я, человек, проник пытливым взором
В богатства, затаенные на дне.
Я видел: нефть сияющим узором
Покачивалась плавно на волне.

10—12

На жарком, ослепительном песке!
Как хорошо плясать громадным рыбам,
Когда гроза трепещет вдалеке!

после 12

Балхаш, к тебе я пробирался степью,
Но это было много лет назад.
Теперь по синему великолепью
Меня промчит звенящий аппарат.

Пускай поют поэты понаслышке
Про скорбь пустынь, раз скорбь им дорога,—
Уж близко время — нефтяные вышки
Обступят тесно эти берега.

Но, чтоб не смолкли старой лиры струны
И чтоб поэт не бросил карандаш,
Пусть легкий профиль рыболовной шхуны
Слегка украсит деловой пейзаж.

Нежность

загл.

ТО, ЧЕГО НЕ БУДЕТ

автограф
1—2

Я покорный и слабый, издерганный весь.
Вам и видеть, должно быть, меня неприятно.

5—8

Я приду, поздороваюсь, громко спрошу:
«Я когда-то оставил здесь вещь небольшую,
Можно взять мне обратно? Ее уношу,
Эту старую нежность к себе уношу я».

11—12

Эту старую нежность снесу на чердак,
Чтоб ее не схватили хозяйские дети.

Голый странник

вм. 1—20
автограф

Вздывает ледяную пену
Зимы отчаянный прибой,
Но ветер стихнет постепенно,
И дым подымет хвост трубой.

Я помню: город и предместья
Угрелись в лени меховой,
Когда дошли до нас известья
Об этом призраке. Впервой

Он был замечен у предгорий
Алтая. Через пару дней
Его видали у факторий
В районе порта Енисей.

И все, кому среди метели
Его заметить удалось,
Сказали так: «Идет без цели,
Прям, мускулист, рыжеволос».

Он не умел остановиться,
Как бы летя! Но снег и льды,
Как утверждали очевидцы,
Хранили ног его следы.

Когда ж его во тьме встречали
Крестьянки, женщины из сел,
Они болели и кричали,
Что страшный призрак бел и гол.

вм. 29

И я бреду во мгле полярной,
По ветру в темноту кричу:
«Откликнись, странник легендарный!
Ты слышишь. Я тебя ищу».

Но тусклы снеговые шири,

31

Всё выше к берегам Сибири

Гипнотизер

загл.

ОТСТАВНОЙ МОРЯК

«Смена»

Водоросли мягкие легли
На песок, обвинившись вокруг коряг:

вм. 6—9

20—23

И, плененный этою страной,
Этих двух озер голубизной,
Про себя я слышу стороной,
Что моряк я вовсе отставной!

Сахар был сладок...

загл.

САХАР, СОЛЬ, СНЕГ

*правленный ав-
тограф
вм. 1—25*

Это была весна! Шла по реке волна,
Била она о мол, будто играли марш.
Я на работу пришел — сахар сгружать с барж.

В полдень — другие суда. Эти — груженные солью.
Мы говорим тогда: «Ну, ничего! Не беда!
Сахаром, солью, фасолью полон пакгауз. Айда!»

Сделался солон и бел. Руки изъело и спину.
А на других поглядел: тоже как солонина,
Выкупался, надел новую рубаху.

Что же было потом? Помню, соленым ртом
Поцеловал деваху,
Нагнал на нее страху!

Да, то была весна. Шла по реке волна.
Сахар был сладок, а соль солонна.
Это была весна!

Это была весна. А на закате осеннем
Вспомним за кружкой вина,
Прошлое снова оценим: сахар был сладок, соль —
солонна.

Вот и тоскуй, человек, воспоминаньями полон.

загл.

САХАР, СОЛЬ, СНЕГ

автограф
вм. 1—14

Сахар грузили в порту как-то раз
Грузчики быстры и ловки.
В знойный и тихий полуденный час
Белые блещут головки.

Сладко и жарко на теле горят
Жгучие капельки пота,
Будто бы тысячу женщин подряд
Кто-то целует без счета.
Это же прямо, товарищи, ад,
Трудная это работа.

Вскоре пригнали другой караван:
Баржи, груженные солью,
И говорит нам старик капитан:
«Я вас, друзья, не неволю».

«Нет, капитан. Это всё пустяки,
Наши косынки из ситца,
Ибо на то мы есть моряки,
Чтоб ничего не страшиться».

Стал, как китайский я дьявол, весь бел,

Торговцы тенью

автограф

Я знаю цену каждому мгновенью.
За всё платить придет однажды срок.
Вот как-то раз я ездил на Восток
В край, что известен роскошью и ленью.

С Тимура я пошел по направленью
К Сартламу. На скрещении дорог
Стоит Арык — заштатный городок.
Там на базаре есть торговцы тенью.

Палящий зной. Верблюдов хищный рев.
Продажа контрабандного гашиша.
Куда б уйти! В стене зияет ниша,

Вход в нишу стоит пару медяков.
И я платил во дни больших удач —
Тень покупать способен лишь богач!

«О, люди, Ваши темные дела...»

загл.

ТЕЛО ПЛАТИТ

РП

Холера, пуля, яд, удар ножа ль
Меня уложат в глубь земли на сажень.
Мне тела жаль. Мне каждый мускул жаль,
Как крепко сбит, как хорошо налажен!

Людское тело! Не за свой позор
Ты платишь кровью чистой и горячей!
Да! Часто разум только сутенер
Распутницы, что названа удачей.

Но если разум делает дебош —
За что же, объясните мне причину,
Мы не в сознание получаем нож,
Но между ребер в сердце или в спину?

Море было

3—12
СО

И бездомны по степи кружат
В беспокойстве вечном инородцы.
Их шаманы часто говорят:
«Море было и назад вернется».

Соль — их горе, ветер — их тоска.
Не к добру найти скелетик рыбий.
Ведь морщины бледного песка
Ясный профиль океанских зыбей.
И таят пласты известняка
Отпечаток вымерших амфибий.

19—20

Основатель был, должно быть, пьян,
Если, дерзко ставя ряд кордонов,

«Писатель слов и сочинитель фраз...»

загл.
РП
4—11

ПИСАТЕЛЬ

Я описал: высотным газом шли
Аэропланы; в море корабли
Боролись с бурей; город был в пыли.
Я кончил. Книга, ты на полке стой.
Ты, рукопись, бумагой стань простой.
Я утомлен чернильной суетой.
Теперь хочу, чтоб бабочки пыльца
Не прилипала к пальцам мудреца.

вм. 5—13
ЭЛ-46

Живописал, как города росли,
Изобразил машины, корабли...
Но что же случилось с толстой книгой той?
Забут сей труд, казалось, не пустой.
А почему?

Ответ, ей-богу, прост:
Ты над землей во весь восстал свой рост,
И разумом поднялся ты до звезд,
Но никого на свете ты не спас,
И не убил злодея твой рассказ.

вм. 15

В простого превратился ты писца —
Поэтому не трогаешь сердца!

Наяды

БАЛЛАДА О ТРЕХЭТАЖНОМ ДОМЕ

загл.
ОП
вм. 5—18

Ты помнишь — волокли с трудом
При помощи автомашин, пуская в дело кран
Тот якорь, скользкий и огромный. И вслед за ним
подъемный,
еще один.
Они, привычные к воде, теперь легли на стражу дома
Вблизи дверей. Ты знаешь — где? Площадка та тебе
знакома.
Так! Мы стояли у дверей, следя замороженным
взглядом за установкой якорей.
Присел на камень тяжким задом один. Другой, отяже-
лев,
Был ржав, как чугукацкий лев, который жив с музеем
рядом.

вм. 22—27

Кусок серебряного неба с чешуйчатых джунгарских
крыш,
Пищали обгоревший пыж, древнейшие обломки лыж,
на коих лыжники из Тары ходили в белые татары...

вм. 30—31

Что? С золотом бы саквож? Бинобль бы? Цейсовской
работы?

вм. 67—102

Шесть рек. Леса. Бобры. Орлы. Давно невиданные
рыбы.

Я спрашиваю: вы могли бы возникнуть вновь из
теплой мглы?
Да! Так! Затем и вырос здесь колосс речного
пароходства,

вм. 105—116

Встал водами повелевать. И, водами повелевая,
не о засухе толковать.
Падет завеса пылевая над сушею! И вновь леса
Возникнут. Оживут деревья. Ты слышишь — это песня
девья или русалок голоса?
Я верю в эти чудеса. Не спорю, трудно вас найти,
давно исчезнувшие реки!
Где вы? Иссохли ли навеки? Нашли подземные пути?
Но всё ж увидим — вспомани — мы удивительные
дни —
Не за горами эти годы — еще вернутся к нам они,
давно исчезнувшие воды!
Куриные исчезнут броды. Над бывшей сушей
теплоходы
надменно понесут огни.
И слушай: кроме этих рек алтайский лед, зайсанский
снег,
Как реки новые, мы пустим по самым пыльным
захолустьям, по новым руслам к новым устьям.
Работы хватит им навек!
Среди унылых пустырей, через иссохшие просторы
стремись вода, взбирайся в горы!
Сливайтесь мелкие озера в громады внутренних морей!
Неиссякаемый родник! Простор растениям, людям,
водам.
А ты решил, что Дом возник в угоду только
счетоводам?
Нет! Откровенно говоря, так капитал пропал бы зря...
Весь электричеством горя, над старой площадью царя
Стоит дворец. И вы взгляните, как живы эти якоря
на тускло блещущем граните!

Кружева

«Красный
Север»

Знаю, труд кружевниц не прост —
Есть узор наподобье звезд,
Силуэты цветов и птиц —
Очень сложен труд кружевниц.

Но один человек лесной
Говорит, что видал весной
В Кружевецком сельсовете,
На извилистой речке Нить
Кружева не такие, как эти,
А какие — не смог объяснить.

Я иду в кружевной союз
И прошу показать альбом,
Утверждаю, что разберусь
Без труда в рисунке любом.

Мне показывают альбом,
Он тяжел, в нем страницы горбом
И, как древних сказаний слова,
По страницам бегут кружева.
Те узоры видел не раз:
«Гусик», «ветка» и «пучеглаз»,
«Лапа ворона», «Фряжский крючок»,
«Паутинка» и «Паучок».
Но того, что ищу я — нет.
Надо выехать в сельсовет!

Вот в избушке коклюшки стучат
И среди старух и девчат
Ходит Техника Ремесла,
Льноволосая, ликом бела:
«Наше кружево морем везли
Иностранные корабли,
Наше кружево мчал экспресс
По заказу банкирш и принцесс.
Столько кружева мы сплели,
Что протянем вокруг земли —
Опояшем весь шар земной.
Славен наш союз кружевной.
Мы на экспорт плетем и теперь,
Да искусней, чем прежде, — поверь,
Но взгляни-ка — еще одно
Нами кружево сплетено».

Вижу — кружево сплетено,
Необычно и странно оно:
Всё курчаво — серебряный мех
Бледно искрится, точно сполох.
Но не демона и не орла
Поглотила белая мгла,
И не ангелов и не гагар
Слышен крыльев далекий удар.
Нет, не птицы, не ангелы там
Мчатся, Север, к твоим воротам.
Вижу — геометрически прям,
Не по-женски как-то упрямя
Тот узор, что лег поперек
Беспредельных воздушных дорог.
Самолет! Я узнал — это тот,
Что к челюскинцам сел на лед,
Этот, может быть, или же тот,
Но сплетен, — я клянусь, — самолет!
Тут прислушался бракер один,
Стал искать золотых средин,
Кружевнице он говорит:
«Самолет твой неровно летит».

Ты, мол, розу искусней сплела,
И грозит чередой неудач
Разрешение сложных задач,
Чуждых технике ремесла!

Не затем, мол, льняная нить,
Чтоб узоры подобные вить.
Вздор! Художник — он всё, что есть:
Глину, камень, бересту, жость
И льняную тонкую нить —
Всё заставит сверкать и жить!

Паровозы готовь, Наркомпуть,
Чтоб Внешторг украшать повез
Одряхлевшей Европы грудь
Белым крепом экспортных роз.

Этот белый тончайший креп
Кружевницы исправно сплели,
Но прекрасней сплетут ширпотреб
Для работниц всех стран земли.

Я в узорах его узнаю,
Не чужую мечту, а свою —
Не ворону, а самолет,
Не Христову, а нашу звезду,
Не дичок, а мичуринский плод,
Не в простом, а в колхозном саду!

вм. 1—20
Сип-39

Знаю, труд кружевниц не прост —
Есть узор наподобье звезд,
Наподобье цветов и птиц...
Очень сложен труд кружевниц!

Миллионами белых роз
Древний северный берег порос,
Чтоб вдыхали рыбак и матрос
Аромат этих жарких роз.

Видишь: вот океанский лед!
Узнаешь снежинок полет?
Но садится на этот лед
Не ворона, а самолет.

Это наш, не чужой небосвод.

Вижу — наш, не чужой небосвод,
Не Христову, а нашу звезду,
Не дичок, а мичуринский плод
И в лесу и в колхозном саду.

вм. 22—23

Ночь пришла, а светло как днем.
Белый свиток льняных чудес
Мы медленно развернем.
Силуэты цветов и птиц,
Иглы хвон, серебряный мох.
Над горами горит сполох,
Над полями — отблеск зарниц.

Мы оценим труд кружевниц!

Столько кружев они сплели,
Что обтянешь вокруг земли —

«Замечали — по городу ходит прохожий...»

*загл.
автограф
вм. 1—5*

КРЫСОЛОВ

По огромному городу ходит прохожий
Шагомеру подобный, на циркуль похожий.

вм. 12—13

Это я из толпы появился народа,

вм. 16—30

Слышал споры соседей, визг младенцев секомых,
И внимал стариков сумасшедшему бреду:
«Успокойтесь, утешьтесь, я скоро уеду».
Смастерил я однажды, на бульваре сев, флейту
И не продал бы флейту за сотни рублей ту,

вм. 33—82

Так я пел. Почему остаюсь до сих пор я?
Я уеду, уеду туда, в Лукоморье!
Передайте знакомым, шепните соседу,

вм. 86—94

Смолкнут споры соседей, пружины дивана
Распрямятся со звоном. Нирвана, нирвана!

Но заметьте,— волшебным я был постояльцем!
Дело в том, что за мной — беспокойным скитальцем —
Все вы кинулись вслед: дикий старец хохлатый,

вм. 96—109

И секомая детка, и женщина эта,
Злая спорщица с мужем, и клоп из дивана.
О, холодная яность степного рассвета.
Мерный шелест берез... О, нирвана, нирвана!

Так ведь вышло! Об этом расскажут преданья.
Это флейта поет, заглушая рыданья,
Это шепот толпы, что стремится за мною,
За мою спиною, за моею спиною.
Возвратиться хотите? И думать не смейте!
Крысолову подобен, играя на флейте,
Я веду вас, о дети, о старые дети,
Ибо город покинули вы на рассвете.

Вы не бойтесь, не к бездне ведет вас прохожий,
Шагомеру подобный, на циркуль похожий,
Тот прохожий, который топтался в прихожей,

вм. 111—116

Тот прохожий, который в тужурке медвежьей...

...Реки, степи, равнины, печаль побережий,
Изумрудные гроты встают из тумана.
Лукоморье. Ворота. Нирвана. Нирвана!

«Уйдя, вы дверью хлопнули...»

1—5
автограф

Вас
Стало возмущать,
Что я могу прощать.
Вы даже запрещать мне стали это
Но я хочу прощать, и что же тут ^{делать,}
поделать!

вм. 9—17

Я буду вам прощать.

Хоть
Топать каблуками,
Хоть по столу стучать
Начните кулаками —
Я буду вам прощать.

В такой
Пустой борьбе —
О, не сломайте руку,
Я вижу вашу муку! —
Вредите лишь себе.

Ведь
Буду вас прощать
И этим укрощать
Не по своей вине я —
Я просто
Вас сильнее!

загл.
автограф
вм. 1—7

ДА, БУДЕТ ТАК!

Вы
Будете скорбить,
Томиться и метаться

вм. 9—17

Я буду вас любить.

Хоть кулаком по скатерти
Начнете вы стучать —
Напрасно время тратите —
Я должен вас прощать.

Я
Вам
С глазами властными —
Вы поняли —
Не враг.
Всё совершенно ясно мне.
Да будет так!

автограф

Проходные дворы

Мы довольно ходили,—
Сказал ты, суров,—
По дороге любовников или
Воров!

Вот и вырос забор,
И — дыры ни одной,
Это значит, что двор
Здесь закрыт проходной.

Этот двор проходной,
Проходной этот мир,
Где служила луной
Светосила квартир,

А строительный хлам,
Он — достался печам,
Чтобы город и сам
Не пылал по ночам.

Вновь не свалятся с неба
На дно катакомб
Оболочки давно
Разорвавшихся бомб.

Это ясно. Прекрасно.
Ну что ж. Будь здоров.
Проходных не напрасно
Ты не любишь миров.

Пусть стучат топоры,
Ведь уже не нужны
Проходные бугры —
Порожденье войны.

Пусть замрет
На помойках бутылочный хруст,
Тлеет кость, зреет гроздь
В тайном садике чувств.

Это ясно. Но вижу я город насквозь
Потому, что я знаю его наизусть,
Знаю всё наизусть я — и радость и грусть.
И не буду блуждать никогда на авось.

Но и ты ведь не гость! Понимаешь, в чем суть.
И когда сократить пожелаешь ты путь
Из бывшего в грядущее — ты не забудь,
Не забудь посмотреть и на пройденный путь,

И, как будто на миг оказавшись в былом,
Ты увидишь грядущее через пролом,
Через ту пустоту, сор и трещину ту,
Где сшибала в упор с нищетой красоту.

«С осторожностью птицелова...»

*загл.
автограф
вм. 1—5*

ПТИЧИЙ РЫНОК

Абельмановская застава...
Соловьи, петухи и насадки.

Я бы мог мастерить превосходные клетки.

Мог бы сетки плести я на славу,
Чтоб серебряно пела монета.

Почему ж я не делаю это?

Почему с осторожностью птицелова
Я ловлю свое собственное слово
И, поймав, отпускаю на волю?
Я его покупать никого не неволю.
Да его покупать ведь никто и не волен,

«В чем убедишь ты стареющих...»

*загл.
автограф
вм. 1*

МУЖЕСТВО

Грустно
Смотреть на стареющих,

вм. 6—16

И с возмутительно юными,
С теми, кто хочет наследовать
Лиру с латунными струнами.

Не сговоришься со старыми
И не столкнешься с малыми,
Старцы и юноши парами
Бродят музейными залами,

после 21

Мужество! Крепкое мужество.—
Самое верное качество,
Старчества враг и ребячества,
Жажду с тобой я содружества!

«И вскользь мне бросила змея...»

*перед 1
автограф*

Навстречу мне змея ползла,
Я не хотел ей делать зла,
Побрезговал давить змею,
Посторонился и стою.

«В эту душную ночь...»

БЕСЕДА С БОГОМ

загл.
автограф

между 3 и 4

вм. 6—14

И довольно недолго, лишь четверть часа.

Он в ответ: «Ты чудес от меня не таи!
Несмотря на солидные годы твои,
Почему ты седых не имеешь волос,
Расскажи мне, как это тебе удалось!
Посмотри: ты не умер, а будто воскрес,
А каких же тебе еще надо чудес.
Ты воскрес, но не рвешься на небеса.
Понимаешь — вот это и есть чудеса».

Я воззвал: «Ты смеешься, господь, надо мной.
Ведь не столь триумфален он, путь мой земной,
Есть другие пути величавей в стократ».
Он ответил: «Ты понял? Я этому рад».

в: **«Такие звуки есть вокруг...»**

СОВЕРШЕНСТВО

загл.
автограф
между 12 и 13

И это вечно суждено,
И это кажется неясным,
И это кажется напрасным
И неуклюжим, но оно

Одно с разгоряченным ртом
Царит над смыслом и над ритмом
И Тредьяковского дарит нам,
И Маяковского потом.

«Никого, ничего...»

вм. 7—30
автограф

Как же так,
Был рыбак,
И не стало его,
Меж прогнивших коряг
Никого,
Ничего.

Где
Недавно
Лесок
Подымался высок,
Никого,
Ничего.
Птичий смолк голосок!
— Это правда?
— Обман.
Это только туман
Подымался с полян.
Величавый туман.

Но
Зыбучая мгла
Уплыла, уплыла.
— Видишь лес?
— Он воскрес,
И вода
Ожила.

Заводы

*перед 1
правленный
автограф*

вм. 2—11

Резкое

Солнце, низко голову склонив,
Отдает последнее сиянье
В дань тебе, пространство сжатых нив.

Вянут листья,
Улетают птицы
И с витрин, как с убранных полей,
Смотрят черно-бурые лисицы
Стоимостью в тысячу рублей.

Так!

Но что за теплое дыханье
Всё ж распространяется окрест,
Будто даже и похолоданье
Вовсе не коснулось этих мест?

Там

Заводов темные громады
Над осенним клетотом воды
Прячутся за гулкие ограды
И шумят как будто бы сады.

«Забыто суеверие былое...»

*между
строфой 1 и 2
черновой
автограф*

Но может быть,
Влиять мы будем сами
На дальние небесные тела,
Возьмем и овладеем небесами
Там, где нога людская не была.

Всё может быть!
О чем и делятся споры —
Всё об одном: о формах бытия.
И друг у друга ищем мы опоры,
Друг другу вечно противостоя.

Антарктида

*после 42
автограф*

И известно
Из хартий и книг:
Если новая весть прозвучала,
Если новый живет материк,
Это —
Новой эпохи
Начало!

Новое поколение

УВЕНЧАНЬЕ

*загл.
автограф
вм. 7—21*

Новое
Поколение
Больше уж мы не тревожим,
Будто, в пыли по колени,
Дальше шагнуть мы не можем.

Новое
Поколение,
Ты мое тело живое:
Будто бы ствол в оголенье,
Кроюсь я клейкой листвою.

Новое
Поколение,
Новых тычинок бренчанье,
Новых цветов опыленье —
Наших голов увенчанье!

«Еще Боятся Высоты...»

*вм. 1—5
автограф*

Да,
Страшно
Измельчиться в прах
И превратить пыланье в тленье!

И есть весьма понятный страх
За будущие поколения.
Есть этот страх:
Не вспыхни, порох,
Всё сущее не разлетись!

Но есть и страхи, без которых
Свободно можно обойтись.

вм. 10—14

Еще боятся высоты:
Мол, всё же можно и сорваться!
И, значит, лучше не соваться!

вм. 19—21

Как будто бы в глазах двоятся
Ее прекрасные черты.
Да мало ли чего бояться!

вм. 23—31

И, кругленькие как нули,
Рты немые от дурных предчувствий.

Нет!
Это мы переросли!
Я нахожу себя в искусстве
Смятенные гнать
С лица
Земли!

Ленинские горы

ЛАЗОРЕВАЯ СТАНЦИЯ

загл.
автограф 1-й
перед 1

Когда
На мост
Выносятся
Грохочущий состав,
Готовы к окнам броситься
Все люди, с мест привстав.
Ведь вот перед тобой она,
Небес голубизна,
Так не было устроено
В былые времена.

Довольно наворачивать
Узоры на узор,
Довольно озадачивать
Неискушенный взор.
Конец! Довольно потчевать
Фигурностью литья,
Всему приходит очередь
Своя, своя, своя!

перед 1
автограф 2-й

И после
Недр,
Эпохою
Оправленных в гранит,
Где эхо, глухо охая,
Уже и не звенит,
И всяческой мозаики,
Слепящей с потолка,
И всяческой архаики,
Твердящей про века —

В девятьсот девяносто седьмом

загл.
автограф
вм. 1—11

СКУПАЯ ЗАПИСЬ

Этих лет не забыть!
Короли отрекались от распрь. Пилигримы
Бесконечными толпами шли по дорогам к
Иерусалиму.

Люди Страшного ждали суда и второго
пришествия ждали:

вм. 15—27

Ибо после прегнилостных зим наступали
студеные лета,
И проснулся Везувий, чей дым к небесам
подымался седым,
А на них появилась комета.

И везде,
Даже в Риме самом,
В девятьсот девяносто седьмом, в девятьсот
девяносто восьмом, в девятьсот девяносто
девятом
Человеку с нетвердым умом даже блавест
мнился набатом.

Да и наши колокола
В эти дни потрясала тревога,
Да по милости господа бога мы прогнали
беду от порога,
Или было приказано строго не шуметь
про лихие дела,
Но какая погода была, лишь одна до
потомков дошла

«Трава Никудышная, сорная...»

загл.
ЛГ
после 25

РАЗГОВОР С НЕБЕСАМИ

Не знаю, какими учеными
И сколько имен ей дано,
Но вижу ночами бессонными,
Пожалуй, лишь только одно:

Небесными телескопами
Пронизана с неба земля,
Их радиощупами вскопаны
Утесы, моря и поля.

А я? Я ничтожной бациллою
Небесным ученым кажусь,
А вовсе не главную силюю...
Но именно я и свяжусь

Крепчайшими, мощными связями
С мирами. И так закричу:
«Вниманье! Не видите разве вы
В пределах доступных лучу:

Земля не какое-то некое
Небесное тело во мгле,
Но слово даю человека я —
Земля,— приглядитесь к земле! —

Земля эта дико усталая,
В царапинах, в ранах, в крови,
Земля — это женщина алая,
Тоскующая о любви!»

Воспоминанья

*перед 1
автограф*

Я трудился, строил, создавал,
Выворачивал гнилые корни
И при этом даже побивал
Поступающих наперекор мне.

Рыл я землю, чтоб как пьедестал
Подо мной она не затвердела,
И не то чтоб даже я устал,
Но такое чувство овладело,

Что, взглянув на пройденные мной
Циклопические расстоянья,
Всё, что встарь томило шар земной,
Помнить я уже не в состоянье.

Корень зла

*вм. 1
автограф
между 2 и 3*

Где же
Скрытый

Ядовитый корень зла.
Но каков же, всё ж, на вид он,
Мглой налитан, корень зла.

Рыли землю, колупали,
Наконец на след напали,
Откопали
Корень зла.

вм. 5—21

Ох, и горек корень зла!
Закричали:
«Мы пропали!»
Закопали
Корень зла.

Испугались:
Корень зла!
Содрогались:
Корень зла!
А спалить не догадались,
Чтоб от черного остались
Только пепел да зола.

Над философским словарем

*между 13 и 14
автограф*

Но если уж ничто не вечно,
То вечность тоже такова,
А значит, и не бесконечны
И бесконечности права.

Поэты

*вм. 4—11
автограф*

То очень часто слово в слово
Свое в чужом я нахожу.

Вот это
Всё ж немного позже
Товарищ написал, чем я,
Но до чего же всё похоже.
Да! Мы — единая семья.

13—14

А это
Другой товарищ мой изрек,
Но будто бы живем мы вместе,

16—20

Ведь вот
На что он силы тратил,
И вот на что их трачу я.
Пусть разбирается читатель,
Но мы единая семья.

Закат

*загл.
правленный
автограф
вм. 1—18*

МЕТАМОРФОЗЫ ЗАКАТА

Всему
Придаем с неких пор мы
Какие-то новые формы,
Но часто они старомодней,
Чем модный журнал прошлогодний.

И вспыхнуло
Солнце морское:
«Меня вы рисуете круглым
И вовсе каким-то безуглым.
Лицо не бывает людское
Таким! Да и я не такое!»

И в тучах на фоне заката
Обуглился пламень квадрата.

Но было понятно: квадратно не солнце,
а, вероятно,
В клубящихся тучах оконце над морем зияло
квадратно,

На море, в котором не лодка, а тусклое пламя
 заката
 Подобно квадратной решетке заоблачного
 каземата,
 В котором томится невольник...
 Но море, ревя без умолка,
 Вдруг смяло квадрат в треугольник, трепещущий
 как треуголка
 Какого-то флотоводца,— изранен он весь,
 окровавлен,
 Удача к нему не вернется, союзниками он
 оставлен.
 И вот треуголка слетела в стихию, кипящую
 бурно,
 И тлеет небесное тело, теперь уж похоже на урну,
 Набитую собственным прахом, как будто бы
 неугасимым,
 Чтоб тучи, охвачены страхом, клубились над
 пламенным дымом.

Но урна, уйдя в свою ножку, которая вставилась
 в воду,
 Вдруг стала похожа на брошку, которую с
 теплохода
 Какая-нибудь отпускница сронила, любуясь закатом,
 И тонущая вещица вдруг стала незрима, как атом.

Так, солнце,
 Пылая от гнева,
 Мне крикнуло в море бурливым:
 «Меня не сроните вы с неба
 Каким-нибудь атомным взрывом!»

На фоне облаков

ЧЕЛНОК

загл.
 автограф
 др. ред.

Давай
 Опять помчimsя на машине
 В Тутеево, туда, где одиноч
 Над тихою рекою на вершине
 Холма прибрежного забыт челнок.
 Его, наверное, еще весною
 На холм втащили и забыли там,
 И он стоит, рассохшийся от зноя,
 В живой траве с цветами по бортам.
 Нигде, ни под какими небесами,
 Других таких не сыщешь челноков,
 И на себя мы снизу глянем сами,
 И снимемcя на фоне облаков.
 И всё достоинство такого снимка,
 Что мы со стороны себя в челне
 Сумеем снять, и он необъясним, как
 Стремленье оказаться в стороне,

Хотя бы только даже на мгновенье,
От нас самих и старого челна
И ржавой цепи якорной, чьи звенья
Впитала землянистая волна.

«Месяц-Отрок Льет...»

*перед 1
автограф*

Вот
И снова
Встает

в.м. 8—20

Льет он в собственный рот.

А быть может, и вовсе не мед
Пьет он, жаждущий отрок,
А в разинутый рот он вливает азот, водород,
кислород.

И в земную трясику болот
Утыкает он рог
И, свалившись с высот, будто в обморок
падает в зеркало вод.

Вот зачем он ночами нисходит к земле
на порог

И как будто недвижно стоит у земных
он ворот,

Отрок-месяц, кривящийся
Космической пылью
Прищуренный
Рот.

Ушедший в землю

*загл.
автограф
в.м. 1—38*

НЕДРА

Вы,
В недра недр
Вводя глубокий бур,
Каких там ищите даров богатых?

Пока что бьет
Рассол для солки шкур,

44—47

И вот еще:
Объят кромешной тьмой,
Забыв о том, как звезды в небе пылки,
Сквозь скважины он тяжело подает

в.м. 49

Громкокипенье минеральных вод.

Но где-то там,
В глубинах непомерных,

В гранитных кернах и в крупицах серных,
Укрывшийся и в кембрий и в девон,
От ревматизма и от всяких нервных
Заболеваний лекарь тоже он —

Он,
Где-то под обыденностью тусклой,
Под всей возвышенностью Средне-Русской,
Под миром изб, дворцов, подъемных кранов,
Аэропланов и катамаранов и всех лужаек,
где цветут Иван
да Марья — океан из океанов —
Не иссякает
Древний
Океан!

Вечный путь

*вм. 4—13
правленный
автограф*

Образовался целый звездный хвост
Над кратером потухшего вулкана,
Как будто на диковину взглянуть,
Таящуюся в кратере вулкана...
Таким мне показался Млечный Путь,
Мерцающий над кратером вулкана.

Но может быть,
На небеса взглянуть
Из кратера потухшего вулкана
Исходит этот самый Млечный Путь.
Из кратера потухшего вулкана?
Всё может быть! Пусть холод звезд горит,
И знаю я, что завтра утром рано
Я, может быть, найду метеорит
На склонах утомленного вулкана,

17—18

Бывает непонятно самому,
Чего мы часто под ногами топчем,

вм. 20—23

Где лед, где пламя, где звезда, где камень.
Вселенная взывает:

«Наклонись,
Вглядись и подыми меня руками».

Ошибка Гершеля

*загл.
авториз.
машинопись
др. ред.*

ОШИБКА

Бывает,
Что разум
И не омраченный
Пылает,
Виденьями обуреваемый...

Не тайна,
Что Гершель, великий ученый,
Про солнце решил, что оно обитаемо.

Он думал,
Что пятна
Лишь дыры туда, где прохладно.
Под пятнами мыслил он мир обитаемый.

Ну, ладно...
Далеко в мечтах залетаем мы.
Не прав был ученый умерший.

Однако же наше существованье
Возникло на точно таком основанье
Отчаянно пламенного беснованья.

Лёта

*вм. 1—7
правленный
автограф*

И снова,
Как в былые лета,
Я пристально гляжу на Истру,
Как будто бы речушка эта,
Текущая довольно быстро,
И есть доподлинная Лёта.

У берега
Муть, хворост, тина,
Довольно мерзкая картина:
Дыряво-мятая канистра,
Венки какие-то, букеты,
Газеты, драные пакеты...
Ах, эти дачники-туристы!

А вообще
Несутся мимо
Куда-то дальше к устью Истры,
Подхваченные грустью Истры
Солома, кустики люпина,
Пастушеские хворостины,

вм. 10—38

Былое непреодолимо?
Пустое! Всё прочтится мимо —
Купель и старое корыто.
И нелюдима и забыта
Стоит за Истрою ракета,
Глядит как будто с того света...
И подмывает ствол ветвистый
Водоворотистая Лёта,
Которая зовется Истрой.

Чувство полета

*вм. 1—16
автограф*

Делая
Множество
Резких и плавных
Движений руками,
В этих поступках стремлюсь отдавать я отчет.
Жесты различны:
Одни создавались веками,
Многие — новы. Естественно: время течет.

С детства
Любил я
Рукою
Прodelать движенье,
Напоминавшее
Плавно садящийся аэроплан,
Аэроплан,
Покоряющий воображенье,
В мыслях родящийся
Аэроплан.

Я и теперь
Повторяю
Всё то же движенье рукою.

вм. 20—27

Коего нам
Никакою
Ценою
Добыть
Не дано.

Вечно
Садится он,
Вечно садится, садится,
Но обязательно
Вновь устремляется ввысь.
Я не хочу ни похвастаться, ни возгордиться,
Но получается так; видно, с этим на свет родились!

С пути на путь

*загл.
автограф
др. ред.*

СТАРЫЙ СТРЕЛОЧНИК

У станции,
Где ночь мокрого дождя,
Огни экспресса меркнут, отблестав,
Как у каких-то внутренних застав.

Когда поэт на прозу переходит,
От сумасшедшей ритмики устав,
То неизвестно на кого походит
Тот стрелочник, который переводит
С пути на путь отчавшийся состав.

Но если даже стрелочник забудет,
Ведет ли в рай или в кромешный ад
Дальнейший путь, уже коротковат,
То всё равно ни в чем, конечно, будет
Тот стрелочник ни прав, ни виноват,

Хоть, как всегда,
Лишь стрелочников
Судят!

Знак

*загл.
автограф
др. ред.*

ЗАПЯТАЯ

Вдруг задрожала горница пустая
От вздоха полигона вдалеке.
За окнами взметнулась птичья стая.
Перо застыло у меня в руке.

За окнами упала мгла густая,
И взор свой ввысь я устремил в тоске,
И понял: там стояла запятая
На деревянном потолке.

И это был простой сучок, должно быть,
А может быть, зарубка топора,
А может быть, какой-нибудь и коготь,

Но всё равно я понял, что пора
Придет еще. До точки далеко!
И на душе вдруг сделалось легко.

Двойник

*вм. 1—2
автограф*

Под
Лязг мечей
И шелест книг

вм. 7—18

А я пошел до родников
И понял, глядя в озерцо,
Что не найдешь двух двойников,
Чтоб были на одно лицо.

И даже глянув в глаз ручья,
Я понял: вовсе там не я,
А тень прекрасная моя
На фоне вод и облаков.

*вм. 13
правленный
автограф*

И отразило озерцо
Как будто и мое лицо,
Но, выглянув из темноты,

Вещал он: «Я уже не ты!»

От жажды к песням

КОГДА Я ВИЖУ, КАК ВЗБУХАЮТ ТУЧИ...

загл.
правленный
автограф
вм. 1

Когда
Я вижу,
Как на небе ясном
Взбухают тучи и дрожат зарницы,
Я понимаю, что приходит час нам
О многом вспомнить, что грозит забыться,
Но не забудется в любых заботах
И не забудется в любых невгодах.

Я вспоминаю
О былых полетах
И вспоминаю об иных народах.

Через рассветные летел я зори,

вм. 10—32

Я видел,
Через мост над Рубиконом
Автомобильные летели тени.

Затем
В глаза мерцающим иконам
Смотрел в Равенне.

Всё это вспомнил я в одно мгновенье,
В одно мгновенье,
И без смятенья,

И, всех друзей припомнив позабытых,
Смотрю я прямо
В глаза новейшим способом отмытых
Химер Нотр-Дама,

В глаза открытых тайн и неоткрытых,
В глаза немых вопросов и ответов,
В глаза забытых и полузабытых
Друзей-поэтов.

Хваткий черт

ЧЕРТ

загл.
автограф
6—10

Но я и нынче предпочту,
Не руша на него проклятья,
Читать спокойно на ходу
Всё то, что опубликовать я
Задумал в будущем году.

«Поэзия отчаянно сложна...»

загл.
автограф
вм. 5—11

ПОЭЗИЯ

И это правильно насчет зерна, но
указанье у Эдгара По есть,
Что некие земные племена овражные
копали письмена,
В родную почву уходя по пояс, в словесном щебне
с головою кроясь,
Но повесть их весьма была темна.

Поэзия не ребус, но она,

вм. 13—14

Горит над ним упруго, как Луна,
Труднодоступна, но покорена отчаянно
державшими, то есть
Она волнует нашу честь и совесть,

после 16

Про наши и былые времена, чтоб с
глаз людских спадала пелена,
Когда мы смотрим, пробудясь от сна,
К прозрению Грядущего готовясь!

Бык воспоминаний

между 20 и 21
автограф

Выворачивают кочки, выкорчуют пни,—
В каждом уголочке пашут пусть они,

вм. 24—25

Ибо он не жалкий подъяремный вол,
Тот, что из-под палки на работу брел,
И не достославный тур былых времен,
Что в борьбе неравной нами истреблен,
Но на зыбкой грани облачных миров
Бык воспоминаний дик от грез коров,
Топчет он в тумане памяти луга,
Треплет на поляне
Памяти стога!

Лисенок

перед 1
автограф 1-й

Под
Сонным солнцем
Лес осенний рдел,
И кто-то вдруг мелькнул меж трех сосенок.
Мной даже страх какой-то овладел:

вм. 2—16

Но есть же заблуждения предел:
У пня присел совсем простой лисенок
И на меня, как будто бы спросонок,
Без всякого сомненья поглядел.
И у него, я понял, ничего нет,
Ни опасенья, никаких забот,
И ничего дурного он не ждет,

Поскольку безошибочно им понят
Беспорный факт, что именно я тот,
Который ни за что его не тронет.

*перед 1
автограф 2-й*

Под
Сонным
Солнцем
Величаво рдел
Тот самый лес,
Где между трех сосенок
И заблудиться можно между дел.

Вот на лужайке
Там он и сидел—

вм. 2—16

И, золотистый, на меня глядел
Рассеянно, как будто бы спросонок.

Но есть же
Заблуждениям предел!

Я понял: это попросту лисенок,
Наверно полагавший, что вдвоем
Ему со мной не страшно оставаться,
Ведь я же не грожу ему ружьем
И не мечтаю взять его живьем.
Так, собственно, чего ему бояться.

Баллада о Федоре Достоевском

*загл.
автограф
вм. 1—15*

ГОСТЬ

Нынче ночью
Во Вселенной
Душно, будто бы в моленной
Пятистенной, где таятся
Хмурые старообрядцы,
Будто слово молвить не с кем,
Разве только кроме бога,
Меж замшелых истуканов.

Но у темного порога
Возникает Валиханов:

вм. 17—32

Достоевский — Достоевским!
«Расскажите, Валиханов,
Про балхашских пеликанов».

И действительно светает,
Блещет роская былинка,
И как будто бы летает
Кургальджинское фламинго.

И встает над миром,— глянь-ка! —
Пусть в протуберанцах, солнце,
Ибо Вечность всё ж не банька
С паутиной на оконце
Там, где дико и убого,
И железная дорога
Не доходит до порога
Деревянного острога.

загл.
авториз. маши-
нопись

ВОЗМОЖНЫЙ РАЗГОВОР

вм. 19—23

Разговор такой вполне возможен,
Только правильно ли он изложен,
Мне проконсультироваться не с кем.

Впрочем,
Невский

Дар воображенья

3—4
автограф

Сначала далеко не знаменитым,
Карабкаясь по всяческим газетам

вм. 6—12

Диктуя, телефоня, телеграфя...

Еще юнцом,
Свежо лицо с мороза,
Весьма далек от всякого зазнайства,
Писал я книгу автобиографий

вм. 14—23

О, многоточья, знаки препинанья...
Страдая чем угодно, но не ленью,
Я так же написал воспоминанья
Участника борьбы за становленье
Советской власти в северной Сибири.

Итак,
Не только я бряцал на лире.
Отыщутся еще другие книги,
Написанные встарь моей рукою.
Потом расскажет кто-нибудь об этом.
Но я-то знаю, что это такое
Быть только лишь
Лирическим поэтом!

Вообразить себя созвездьем

- между 3 и 4
автограф* Как однодворцы по поместьям
- между 6 и 7* Чтоб увенчали нас веночки,
Да не терновые, с колючкой!
- между 7 и 8* Во мгле студеной снежной ночи

Земная ноша

- вм. 6—11
автограф* А может быть, и ношу
Увидят за спиной,
Тот груз,
Что я не сброшу,
Уйдя и в мир иной.

Гром и молния

- вм. 1—9
автограф* Я размышлял
Довольно часто
О том, как трудно дать ответ,
Что будет через полтораста,
А то и через двести лет.
- Но только молодым глазищам
- вм. 13—16* Лишь не успеv ожесточиться,
Когда заботы не висят,
Дерзал я видеть, что случится
Лет, скажем, через пятьдесят.
- И беззаботно, точно дети,
Метал я молнии пером,
Чтоб в третьей четверти столетья
Услышать, как раздастся гром!

Автопортрет

СЛЕЗЫ БУСИН

*загл.
правленный
автограф*

вм. 4—8

В рыхлых почвах возле гор
Я нашел могилу, то есть еле видимый бугор.
И на дне его песчаном я учуял, усмотрел
Тень охотника с колчаном в небеса летящих стрел.
Этот лучник был искусен и в искусствах кой-каких —
В иссеканье крупных бусин наподобье слез людских,
И смотрел, как будто силясь показать зубов оскал,
Он, чьи тайны хоронились в этой яме между скал.
И проделанный анализ показал, что вещи в ней
Чем считалось от преданий, точно знавших, в час
какой
От породы обезьянней ответвился род людской.
Нет, приятель, много прежде, чем считалось
до сих пор,
Начал ты ходить в одежде и в пещере жечь костер,
И в искусстве стал искусен ты в тепле своих
ночей,
Исторгая слезы бусин из пленительных очей.
Сытый мясом, кровью пьяный, ты соседок воровал,
Но, желаньем обуянный, их, воруя, целовал,
А для самой для желанной даже что-то напевал,
Ты, чей предок обезьяной никогда и не бывал!

вм. 11—18

Старый Пушкин

*вм. 4—20
правленный
автограф*

Не проглянут в нем по-патриарши,
А Некрасов или Блок
И Есенин будут в нем приметней.
Вот каков твой ритм, и стиль, и слог,
Пушкин стосемидесятилетний!

Не сердись!
Я объясню, в чем дело:
В классике захватывает нас
То, что посейчас не устарело,
То есть было сказано в расчете
Именно на будущие дни
Ясновидцами, когда они
Были еще вовсе не в почете
И которых лишь едва терпел,
Приравняв их действия к обиде,
Древний мир, внимающий, как пел
Где-нибудь какой-нибудь Овидий.
И таким примерам нет конца,
Что всегда по-новому звучало,
На века опередив творца,
Творчества извечное начало!

загл.
автограф 1-й

вм. 3—12

Мир рифм

БЕЛЫЙ ГРИФ

И белые стихи я напишу,
И сделаю я это мастерски.

Но не выходит.
Белые листки я комкаю и на клочки их рву,
И белые взлетают лепестки.
Нет! Это просто реет белый гриф,
Кидая тень на белые пески
В пустынной и безлиственной стране,
Где, собственные видя костяки,
Рифм призраки белеют при луне,
Которая мерцает, озарив,
Мое бессилие
Писать без рифм.

загл.
автограф 2-й
вм. 4—12

ПИСАТЬ БЕЗ РИФМ

И на манер Гомера и Вергилия
Попробую остаться где-то вне
Мне опостылевшего мира рифм.

И вот я в обеззвученной стране, которая
от рифм была тесна,
А ныне изобилует она одними только
кладбищами рифм,
Но, плиты гробовые озарив, мерцают
эпитафий письмамена:

«О путник,
Возле нас остановись
И преклонись и вновь восславословь
Любовь и кровь,
Когда весна красна.
Луна ясна,
Не отрицай ее!»

«Ну хорошо,— я говорю,— пожалуйста!»
И как Иван Васильевич от Августа,
А вовсе не от Темного Василия происхождение
выводил свое,
И я, происхождение свое ведя не от Гомера и
Вергилия, а от Адама, говорю:

«Луна?
Ну хорошо, пускай себе она
Ясна, грустна сияет, озарив
Мое усилие
Писать без рифм!»

«Всё происходит лишь однажды!..»

*загл.
правленный
автограф
вм. 4—12*

РУКА ТВОРЦА

Свершившееся повторить.

Но если б радости былого
Во всех деталях до конца
Взялась восстановить бы снова
Моя рука, рука творца,
Изобразить тебя, пожалуй,
Она бы только и могла
Лишь столь прекрасно-небывалой,
Какой ты даже не была
Тогда. Ведь глаз пыланье,
И страсть, и жажда покорить —
Всё это явь, а не желанье
Свершившееся
Повторить!

Рождение дня

*вм. 8—12
правленный
автограф*

Как и вопрос об аромате роз —
Я все эти сомненья перерос.

Мол, не было и ровно ничего нет
Там в небе, где лишь тучи ветер гонит,
И ясно видит каждый, кто не слеп,
Что лишь земля родит насущный хлеб.

Вы помните? Не спорьте! Так бывало.
Такое заблужденье бытовало.
Но и небесный разум не потух.
И мощный рев могучего светила,
Рождающего жизнь без повитух,
Действительность сурово докатила

«Бегут вассалы Колчака...»

*вм. 14—16
автограф*

Был лес
Сыпнотифозно розов,
Кора берез как смерть бела
И, как листва в канун морозов,

*14—15
авториз.
машинопись
между 17—18*

Когда Свобода к нам пришла,
Был красен лес и снег был розов,

И кровь солдатская текла
С оледенелых паровозов,
И были города в огне,

после 22

И это ясно стало мне.
Всё наяву, а не во сне.

«Сахарин — Это горькие слезы...»

2

после 11
автограф

Нежной пудры не надо нам,
Пудру дождь осенний смоем,
А из толпы мальчишка поет:
«Сахарину полный грамм!»
Нежной пудры не надо нам,
Нам, больным и некрасивым,
Ты предложи речитативом:
«Сахарину полный грамм!»

«Не Пожаловал Деревни мне...»

загл.
«Смена»
после 27

НОВОСТИ И ДРЕВНОСТИ

И возьму стремленье жгучее
Видеть, призраки гоня,
Полное благополучие
В свете будущего дня.

В сельские
Не верил драмы я.
Думал, нет их, а копни —
На поверку те же самые,
Что и в городе, они,
Ибо многое приходится
Изучать почти с азав,
И клянусь я богородицей
С деревенских образов:
Эти новости и древности,
Как ты их ни назови,
Как и повести о ревности,
Ненависти и любви,
Это всё не однодневные
Мотыльки над головой...

Вот что
Вывез из деревни я
На машине легковой.

Эолова арфа

- вм. 1—4*
Зн. Над бескрайними равнинами,
Где гребем зерно комбайнами,

7 У стремнин карельских — рунами,
вм. 8—20 За озерами солеными —
Ероолами, элёнами...
- Слушайте!
Ночами лунными
Либо в час труда тяжелого
Приходило ли вам в голову,
Что восходит ореолами
Над аулами и селами
Песнопевческое полымя?
Мне не в новость это...
- Исстари
Арфу слышал я эолову,
И не зная

загл.
правленный
автограф
вм. 1—5

ПЕСНИ

- Над широкими равнинами,
Где зерно гребут комбайнами,
Пахнет всё еще былинами,
- вм. 1 — 1* Провода звучат элёнами,
А восточней — ероолами,
То есть грустными, весёлыми
И эпическими песнями...
- Песни, древности ровеснее,
Человеческие головы
Окружают ореолами.
- Знать бы языки, наречия
Все на свете до единого
Надо бы, необходимо бы —
Сомневаться в этом нечего!
- «Конечно, при первом знакомстве...»**
- вм. 5—8*
Зн. Нас всё волновало, и часто
Нам грезилось, если не снилось,
Что всё до конца объяснилось,
И мир беспредельно понятен,
И нет никаких белых пятен,
И пусты пустыни...

«Ты пишешь так мелко о том, что прошло...»

загл.
Юн

ПРОЦЕСС ПИСЬМА

др. ред.

О том, что на твоих глазах произошло,
Так мелко пишешь ты, что можно разобрать,
Увеличительное только взяв стекло,
А то под микроскоп суя твою тетрадь.
И очень может быть, что в зелени чернил,
Какими ты охоч писать свои труды,
Кишит бесчисленное множество бацилл
В таком же множестве, как в капельке воды.
Но я, я чем старей, тем я крупней пишу,
И весь процесс письма я ощутить спешу,
Как выход из границ исписанных страниц.
Пусть буквы на зверей похожи и на птиц,
Вдруг станут в их волшеббе похожи на людей!

«Таким,— твержу себе,— искусством овладей!»

«И вдруг Затихли Лир бряцанья...»

загл.
автограф 1-й
вм. 1—14

ДУХ УТВЕРЖДЕНЬЯ

Я шел
И подводил итоги,
А он невесть откуда несся
И вдруг повис среди дороги
Передо мной, как знак вопроса,
И, чувствуя, что от волненья
Со мной не может столкнуться,
Он объявил:

«Я — дух Сомненья,
И можешь ты не сомневаться —
Я никому не воспрещаюсь,
Но никому и не навязан!»
Так он воззвал. И, не прощаясь,

16—20

Внезапно, без предупрежденья.
И я уже не сомневался,
Что с вольным духом утвержденья
Я встретился и столкнулся.

загл.
автограф 2-й
вм. 1—13

ДУХ СПОРОВ

Я никому не воспрещаюсь,
Но никому и не навязан! —

вм. 15—20

Проник в бунтующий наш разум
Тот дух сомненья, порожденье
Премудрости отнюдь не книжной,
Что с вольным духом утвержденья
Извечный родич самый ближний.
Его я помню буйный норв,

Я видел глаз его мерцанье
При созерцанье наших споров
О положенье, отрицанье
И отрицанье
Отрицанья!

Нечто третье

*вм. 14—25
автограф*

Так неясно
Это нечто третье,
Это отрицанье отрицанья,
Но дерзаю, без ошибки метя,
И его предугадать заране,
И, свершая то или иное,
Научусь бестрепетно смотреть я
На тебя вплотную,
Нечто третье,
Возникающее передо мною!

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание включает в себя около половины оригинальных стихотворных произведений Леонида Мартынова, вошедших в прижизненные книги его стихов. За пределами издания остаются многие стихотворения, напечатанные в авторских сборниках, в журналах и газетах, а также неопубликованные произведения из архива поэта. Не отражена в этом сборнике и обширная переводческая деятельность Л. Мартынова. Кроме коллективных сборников переводов, хрестоматий, антологий, в которых участвовал поэт, издано семь книг его переводов произведений поэтов Советских республик и зарубежных стран.¹ Работа Мартынова-переводчика — специальная тема, выходящая за пределы данного издания.

Свою задачу составители видели в том, чтобы познакомить читателей с наиболее яркими и характерными образцами оригинального творчества поэта в различные периоды его литературного пути. При жизни Л. Мартынова на русском языке было издано 23 сборника стихов, двухтомник и трехтомное Собрание сочинений. Первая книга Л. Мартынова — «Стихи и поэмы» — вышла в Омске в 1939 г. В 1940 г. в Москве и Омске почти одновременно выходят два сборника под заглавием «Поэмы».

В годы Великой Отечественной войны Л. Мартынов, систематически выступая в периодической печати, выпустил в Омском книжном издательстве три книги стихотворений: «За Родину» (1941), «Мы придем» (1942), «Жар-цвет» (1944). В 1945 г. в Москве вышла книга стихотворений «Лукоморье», вскоре — в 1946 г. в Омске — сборник стихов «Эрцинский лес». В 1955 г. в Москве был издан сборник «Стихи», вызвавший много положительных откликов в нашей стране и за рубежом. С этого времени стихотворения Л. Мартынова начинают гораздо чаще публиковаться персональными сборниками преимущественно московскими издательствами.

¹ Такташ Х. Стихи/Пер. с татар. Л. Мартынова. М., 1948; Мадач Имре. Трагедия Человека: Пьеса/Пер. с венг. Леонида Мартынова. М., 1964; Поэты разных стран/Стихи зарубежных поэтов в пер. Л. Мартынова. М., 1964. Вып. 2. (Мастера поэтического перевода); Такташ Х. Письма в грядущее: Стихотворения и поэмы/Перевод с татар. Л. Мартынова. Казань, 1971; Адн Э. Стихи/Перевод с венг. Л. Мартынова. М., 1975; Межелайтис Э. Голос/Стихи в пер. Л. Мартынова. Вильнюс, 1977; Вёрёшмарти М. Чонгор и Тюнде: Пьеса-сказка/Перевод с венг. Л. Мартынова. М., 1984.

Особо следует отметить книгу стихов «Первородство» (1965), удостоенную Государственной премии РСФСР 1966 г., и книгу «Гиперболы» (1972), удостоенную Государственной премии СССР 1974 г. В 1965 г. издается двухтомник, а в 1976—1977 гг. — Собрание сочинений в трех томах (первые два тома — стихотворения и поэмы, третий том — новеллы «Воздушные фрегаты»). В 1979 г. появилась книга новых стихов «Узел бурь». В 1981 г. издательство «Советский писатель» выпустило посмертно книгу новых стихотворений Л. Мартынова «Золотой запас», задуманную и сданную в издательство самим автором. В 1983 г. вышла книга «Река Тишина», которую составили стихотворения и поэмы, написанные Л. Мартыновым до 30 лет (книга эта открыла в издательстве «Молодая гвардия» новую серию «В молодые годы»). Подготовка этой книги была начата автором, отобравшим для нее ранние стихотворения, указавшим даты их написания и определившим композицию книги.

В основу настоящего издания положены произведения, вошедшие в трехтомное Собрание сочинений Л. Мартынова, а также стихотворения из книг «Узел бурь» и «Золотой запас», вышедших после Собрания сочинений.

В сборнике три раздела: в первый входят стихотворения, во второй — поэмы. В разделе «Другие редакции и варианты» представлены наиболее интересные и показательные для творческой лаборатории поэта тексты.

Первую часть первого раздела составляют стихотворения из трехтомного издания, расположенные в хронологическом порядке в соответствии с замыслом автора. Сюда же вошли стихотворения «Завещание», «А многие В первые годы бессмертия...», «Узел бурь» («Предсказательницы погоды...»), входившие в Собрание сочинений, но в позднейших редакциях включенные автором в книги «Узел бурь» и «Золотой запас».

Вторую часть первого раздела составляют стихотворения, не входившие в трехтомное издание. Это стихотворения из книг: «Первородство», «Голос природы» (М., 1966), «Гиперболы», «Земная ноша» (М., 1976), а также стихотворения из книг «Узел бурь» и «Золотой запас», вышедших после Собрания сочинений, и несколько ранних стихотворений из книги «Река Тишина». Стихотворения этой части раздела также помещены в хронологическом порядке. Ряд стихотворений из книги «Золотой запас» не датирован автором. Эти стихотворения помещены в конце второй части первого раздела.

Второй раздел составляют избранные поэмы, входившие в трехтомное Собрание сочинений. Из трехтомного издания не вошли в данное издание поэмы: «Бусы», «Искатель рая», «Найду я дорогу в Москву», «Иванов», «Северное сияние», «Баллада об Алексее Кольцове». За пределами издания остались также поэмы, не включенные в Собрание сочинений¹ и известные в более ранних публикациях.

Все произведения, публикуемые в настоящем издании, печатаются по последним прижизненным редакциям автора. В процессе работы произведено уточнение текстов по печатным изданиям и автографам из семейного архива поэта. Однако некоторые автографы Л. Мартынова хранятся

¹ «Зверуха», «Золотая лихорадка», «Патрик» («Сибирские огни». 1925, № 1; 1926, № 1/2; 1935, № 2), «Встреча», «Сестра», «Рассказ про мастерство», «Волшебные сады», «Исповедь Елтона», «Сказка об атамане Василии Тюменце» (Мартынов Л. Поэмы. Омск, 1940), «Зима в Багдаде», «Сказ о Ферапонте» (Мартынов Л. Жар-цвет. Омск, 1943, на обложке: 1944).

у частных лиц. Выявленные в печатных текстах опечатки исправлены по автографам, в примечаниях оговариваются лишь смысловые опечатки.

Каждое примечание начинается со ссылки на первую публикацию, затем, через точку и двойной дефис, указываются публикации, содержащие смысловые изменения, вплоть до той, после которой текст не подвергался авторской правке. Таким образом, последняя из указанных публикаций служит источником текста, по которому произведение печатается в данном издании. Если же примечание содержит ссылку только на первую публикацию, это означает, что текст стихотворения либо не перепечатывался, либо воспроизводился без авторских изменений.

Серьезные затруднения возникли с датировкой произведений. Л. Мартынов почти не указывал времени начала и окончания работы над стихотворением, не датировал он не только черновики, но и законченные, готовые к печати произведения. Постоянная, годами не прекращавшаяся работа поэта над совершенствованием своих произведений, в ходе которой нередко коренным образом менялся первоначальный замысел, часто не дает возможности установить точную дату создания произведения. Необходимо иметь в виду, что первая публикация далеко не всегда близка по времени к дате создания стихотворения. Нередки случаи, когда стихотворения появлялись в печати спустя много лет после их написания. В Собрании сочинений даты установлены самим автором, но некоторые из них при проверке оказались ошибочными. Так, в ряде случаев дата первой публикации предшествовала дате, указанной автором в Собрании сочинений, при этом текст стихотворения либо не менялся, либо изменения были незначительными. В этих случаях авторская дата заменена на дату первой публикации (выделяемую угловыми скобками). Все даты, помеченные в автографах, приводятся в примечаниях. Двойные авторские даты через тире заменены двойными датами через запятую, из которых первая означает год создания ранней редакции, вторая — переработанной. В отдельных случаях автор при повторных публикациях менял или снимал заглавие, порой возвращаясь к нему при последующих публикациях. Эти случаи оговорены в примечаниях.

Библиография произведений Л. Мартынова в периодике за первые послереволюционные годы, включая особенно печатные органы, выходившие на территории Зауралья, где публиковались ранние произведения писателя, до настоящего времени полностью не разработана. Исключение составляет только библиографическая опись журнала «Сибирские огни» («Сибирские огни». Указатель содержания. 1922—1964 гг. Новосибирск, 1967). Просмотреть все газеты и журналы, издававшиеся в Сибири в 1920-х гг., составители не имели возможности. В связи с этим не исключены пробелы в сведениях о первых публикациях стихотворений поэта.

В примечаниях даются сведения библиографического и текстологического характера, историко-литературный комментарий, а также некоторые библиографические данные, способствующие более глубокому пониманию того или иного стихотворения.

Настоящее издание является первым комментированным собранием произведений Леонида Мартынова.

Звездочка перед заглавием стихотворения означает, что к нему есть материал, публикуемый в разделе «Другие редакции и варианты».

Условные сокращения,
принятые в примечаниях и в разделе «Другие :
редакции и варианты»

- АП — альманах «Поэзия».
БО-64 — Мартынов Л. Стихи. М.: «Правда», 1964 (Б-ка «Огонька», № 11).
БСП-61 — Мартынов Л. Стихотворения. М.: Гослитиздат, 1961 («Б-ка сов. поэзии»).
вар. — вариант.
ВВВ-72 — Мартынов Л. Во-первых, во-вторых и в-третьих. Стихи разных лет. М.: «Молодая гвардия», 1972.
ВЛ — «Вопросы литературы».
ВМ — «Вечерняя Москва».
Г-72 — Мартынов Л. Гиперболы: Стихи. М.: «Современник», 1972.
Г-78 — Мартынов Л. Гиперболы: Стихи. М.: «Современник», 1978.
ГП-66 — Мартынов Л. Голос природы: Стихи. М.: «Сов. писатель», 1966.
ДН — «Дружба народов».
ДП — «День поэзии» (Москва).
др. ред. — другая редакция.
ЗЗап-81 — Мартынов Л. Золотой запас: Книга стихов. М.: «Сов. писатель», 1981.
Зв — «Звезда».
Зн — «Знамя».
ЗН-76 — Мартынов Л. Земная ноша: Стихи. М.: «Современник», 1976.
Изв — «Известия».
Изд-64 — Мартынов Л. Поэмы. Новосибирск: Зап.-Сибирское книжное изд-во, 1964 («Б-ка сибирской поэзии»).
Изд-67 — Мартынов Л. Стихотворения. М.: «Худож. литература», 1967 («Б-ка рус. сов. поэзии в 50-ти книжках»).
ИЛ-73 — Мартынов Л. Избранная лирика. М.: «Детская литература», 1973 («Поэтическая б-ка школьника».)
КПр — «Комсомольская правда».
Л-45 — Мартынов Л. Лукоморье: Стихи. М.: «Сов. писатель», 1945.
Л-58 — Мартынов Л. Лирика. М.: «Сов. писатель», 1958.
ЛГ — «Лит. газета».
ЛИ-69 — Мартынов Л. Людские имена: Книга стихов. М.: «Молодая гвардия», 1969.
«Лит. Москва» — «Лит. Москва», М.: Гослитиздат, 1956, № 1 (Лит.-худож. сб. московских писателей).
ЛиЖ — «Литература и жизнь».
ЛО — «Лит. обозрение».
ЛР — «Лит. Россия».
М — «Москва».
МГв — «Молодая гвардия».
МК — «Московский комсомолец».
МП-42 — Мартынов Л. Мы придем: Книга стихов. Омск: Обл. гос. изд-во, 1942.
НиЖ — «Наука и жизнь».
НК-62 — Мартынов Л. Новая книга. М.: «Московский рабочий», 1962.
НМ — «Новый мир».
НС — «Наш современник».
ОА — «Омский альманах».
Ог — «Огонек».
Ок — «Октябрь».

- ОП — «Омская правда».
- П-40 — Мартынов Л. Поэмы. М.: «Сов. писатель», 1940.
- Перв-65 — Мартынов Л. Первородство: Книга стихов. М.: «Молодая гвардия», 1965.
- ПО-40 — Мартынов Л. Поэмы. Омск: Гос. изд-во, 1940.
- Пр — «Правда».
- РП — газета «Рабочий путь» (Омск).
- РТ-83 — Мартынов Л. Река Тишина: Стихотворения и поэмы. 1919 — 1936. М.: «Молодая гвардия», 1983 («В молодые годы»).
- С-55 — Мартынов Л. Стихи. М.: «Молодая гвардия», 1955.
- СиП-39 — Мартынов Л. Стихи и поэмы. Омск: Обл. изд-во, 1939.
- СиП-1, СиП-2 — Мартынов Л. Стихотворения и поэмы: В 2-х т. М.: «Худож. литература», 1965.
- СО — «Сибирские огни».
- СС-1, СС-2, СС-3 — Мартынов Л. Собрание сочинений: В 3-х т. М.: «Худож. литература», 1976—1977.
- ст. — стих.
- ст-ние — стихотворение.
- Тр — газета «Труд».
- УБ-79 — Мартынов Л. Узел бурь: Стихи. М.: «Современник», 1979.
- УГ — «Учительская газета».
- ЧСх — Мартынов Л. Черты сходства: Новеллы. М.: «Современник», 1982.
- ЭЛ-46 — Мартынов Л. Эрцинский лес. Омск: Гос. изд-во, 1945 (на обложке: 1946).
- Юн — «Юность».

СТИХОТВОРЕНИЯ, ВОШЕДШИЕ В ПРИЖИЗНЕННОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

* «Выведенные подбородки...». СиП-1. Два беловых автографа: первый — под загл. «Архангел», без ст. 13—16, с вар., дата: 1919; второй — под загл. «Прочь, в ночь!», др. ред., дата: 1920. Одно из первых известных ст-ний Л. Мартынова. Навеяно газетными сообщениями и рассказами очевидцев о революционных событиях в России, в частности в Петрограде, на который намекают слова о «гранитном борте реки», — на Иртыше, где вырос поэт, на бережных в то время не было. *Фараон* — презрительная кличка полицейских. *Старых архангелов стаю*. Архангелами называли до революции служащих полиции, занимавшихся слежкой за населением и доносами.

Провинциальный бульвар. СиП-1. Четыре беловых автографа: два — без загл., три — с вар., с датами: 1921, 1922. В содержании журнала СО. 1922, № 5 указывалось, что на с. 70 напечатано это ст-ние. Однако, свидетельствовал Мартынов в новелле «Как я начал печататься в „Сибирских огнях“» (СС-3. С. 163), «один из членов редколлегии ударил в набат и добился изъятия моих стихов, перепечатки этого листа, но в оглавлении мое имя и название стихотворения остались». Писатель В. А. Итин (1894—1945) в статье «Есть ли у нас критика» полностью публикует это ст-ние, сопровождая публикацию таким комментарием: «Стихотворение было вырезано из готового номера, получив, разумеется, еще большую известность, все читали и думали над эдиповской загадкой: «где же здесь эта самая контрреволюция?» Возможно, все это

делается из лучших побуждений, но глупости от этого не убывает. Такая политика является не выпрямлением партийной линии, а в корне противоречит ей» (вырезка без даты, по-видимому из новосибирской газеты «Сов. Сибирь», из архива Л. Н. Мартынова.)

* **«Мы — футуристы невольные...».** «Футуристы. Сборник 1. Подходная типография агитпарохода III Интернационала». 1921, др. ред. - - «Искусство» (Омск). 1922, № 2, др. ред. - - СиП-1. Два беловых автографа: один — с вар., с датами: 1920, 1921. Весной 1920 г. Мартынов сблизился с группой молодых литераторов и художников Омска и пережил кратковременное увлечение футуризмом. Сб. «Футуристы» — первый и единственный, издан художником В. И. Уфимцевым (1899 — 1964) во время рейса агитпарохода по Иртышу и Оби. В сб., напечатанный на грубой желтой бумаге, вошли произведения членов омских творческих групп — «Червонная тройка» и «Артель поэтов и писателей». Среди ил. портрет Л. Мартынова, исполненный Уфимцевым (линолеум).

* **Алла.** СС-1. Три беловых автографа: первый — под загл. «Сонет Алле», второй — без загл., оба — др. ред., с датами: 1922, третий — с вар. В новелле «Студия стужи» (ЧСх. С. 38—45) Мартынов рассказывает, как было написано это ст-ние. *И спускаясь в долину голодных смертей.* Речь идет о голоде в Поволжье.

«Позднею ночью город пустынный...». Юн. 1958, № 6, под загл. «1918». - - Л-58. Три беловых автографа: первый — под загл. «Девушка», дата: 1920, второй — под загл. «Сумерки», др. ред., третий — без ст. 5—8, с вар., дата: 1920. *При бертолетовых вспышках зимы.* Елочные украшения обычно посыпали бертолетовой солью (хлорноватокислый калий), блеск кристаллов которой напоминал сверканье снега.

Серый час. СиП-1. Два беловых автографа: один — без загл., с вар., дата: 1920.

«Между домами старыми...». М. 1957, № 1, под загл. «Семнадцатый год», дата: 1921. - - Л-58. Беловой автограф — др. ред., дата: 1919.

Воздушные фрегаты. СО. 1923, № 5/6, с вар. - - Перв-65. Пять беловых автографов: четыре — с вар., один из них с датой: 1923. В одноименной новелле поэт рассказывает о возникновении этого ст-ния (Мартынов Л. Воздушные фрегаты: Новеллы. М., 1974. С. 149—157). *Лот-линь* — ручной прибор для измерения глубины моря.

Рассмейтесь. СиП-1. Три беловых автографа: два — с вар., один — с датой: 1921.

* **Сонет.** СиП-1. Два беловых автографа: первый — без загл., др. ред., дата: 1920, второй — под загл. «Сонет, позднее посвященный Дьюле Ййешу». *Европейский брат.* Речь идет, вероятно, о венгре Миклоше, бакенщике на Иртыше, с ним Мартынов познакомился в нач. 20-х гг. после своих первых поездок на юг Казахстана. *В далеком прошлом тоже азиат.* В конце IX в. венгры (народ угро-финского происхождения) пришли из-за Урала в придунайские степи. *Киргизы* — в данном случае дореволюционное наименование казахов.

* **Балхаш.** «Советская Сибирь». 1925, 18 янв., др. ред. - - ЗН-76, под загл. «Я помню...». - - СС-1. Беловой автограф — под загл. «Эпитафия», др. ред. Ст-ния «Сонет» и «Балхаш» навеяны впечатлениями поездок автора летом 1918 и 1919 гг. по Иртышу в Семипалатинск, выездами в казахские селения (аулы) под Омском, участием в Балхашской экспедиции Уводстроя в 1921 г. и командировкой в 1923 г. в район Прибалхашья от газеты «Советская Сибирь». *Тарбагатай* — горный хребет в Казахстане к югу от Семипалатинска.

* **Нежность.** РП. 1927, 3 апр., с эпиграфом: «Вы не ошиблись, стихи посвящены вам» (Марлоу), с вар. ст. 8. - - ЭЛ-46, без строфы 3. - - БСП-61, с вар. ст. 12. - - СИП-1. Три беловых автографа: два — с вар., с датами: 1921, 1922, третий — под загл. «То, чего не будет», др. ред., дата: 1922. Авториз. машинопись — с вар., дата: 1924.

Элегия. СИП-1. Три беловых автографа: все — без загл., с вар., один — первое ст-ние из цикла «Сартлам», с датой: 1928, Томск. Авториз. машинопись — под загл. «Стихи, написанные в Томске», с вар. *Леониды* — метеорный поток, наблюдаемый ежегодно в середине ноября.

Сирены. СИП-1. Беловой автограф — без загл., с вар., дата: 1922.

«**Наш путь в тайгу...**». «Сибирь» (Новосибирск). 1926, № 2, под загл. «Там, в недрах...», с вар. -Перв-65. Беловой автограф. О возникновении ст-ния Мартынов писал так: «Став деятельным сотрудником газет и журналов и разъезжая по заданиям редакций в деревенские командировки, я лицом к лицу столкнулся со всем тем, что Маркс называл идиотизмом сельской жизни. Путешествуя по не столь бедному, сколь дикому, и грязному Зауралью двадцатых годов, я однажды до того рассердился на трахоматозность и дизентерийность этих хлебных краев, что написал небезызвестное стихотворение „Наш путь в тайгу...“» (СС-3. С. 374). Ст-ние вызвало отклики в печати. В. А. Итин в статье «Новый Джек (О Леониде Мартынове)» писал: «Мартынов в стихотворении «Там, в недрах...» дал прекрасную поэтическую отповедь всей той сусально-лазурной стряпне, которую венчает в нашей поэзии Иван Ерошин» (РП. 1927, 23 апр.). О конфликте, возникшем у Мартынова с Ерошиным из-за этого ст-ния, см. новеллу «Из пламени рубашка» (СС-3. С. 371—378). *Шишига* — нечистая сила, по поверьям обитающая в сельской местности.

* **Голый странник.** СО. 1925, № 6, др. ред. - БСП-61. Три беловых автографа: первый — с вар., дата: 1925, второй — без ст. 33—36, др. ред. Авториз. машинопись — др. ред. *Твердь* — здесь: небо.

Грусть. «30 дней». 1939, № 1.

* **Гипнотизер.** ЭЛ-46. - «Смена». 1980, № 18, под загл. «Отставной моряк», др. ред. - Печ. по СС-1 (ред. ЭЛ-46). Два беловых автографа: первый — под загл. «Отставной моряк» (текст «Смены»), второй — под загл. «Кто зовет», др. ред.

* **Сахар был сладок...** ЭЛ-46. Два автографа, оба — под загл. «Сахар, соль, снег»: правленный — без ст. 28—29, др. ред.; беловой — др. ред. *Новый порт* — порт на восточном берегу Ямала, в Обской губе, место перегрузки товаров с морских судов на речные и наоборот. *Кули* — переносчик тяжестей в некоторых странах Азии.

Норд-ост. ЭЛ-46, с вар.- -Сип-1. Авториз. машинопись — без загл., с вар.

* **Торговцы тенью.** «Сов. Сибирь». 1927, 9 янв., др. ред.- -ЭЛ-46. Беловой автограф — др. ред. Авториз. машинопись — с вар.

Оттепель. СО. 1927, № 1.- -Сип-1. Четыре беловых автографа: три — с вар., один — четвертое ст-ние из цикла «Ночные странники», без загл.

* **«О, люди, Ваши темные дела...».** РП. 1927, 17 апр., под загл. «Тело платит», др. ред.- -Перв-65. Три беловых автографа: один — под загл. «Холера, пуля, яд, удар ножа ль...», два — др. ред.

* **Море было.** СО. 1924, № 3, без ст. 25—29, др. ред.- -Сип-39. *Стонут выпы — призраки тритонов.* Тритон — морской демон (греч. миф.) — имел в руках раковину, трубя в которую, он, по приказу своего отца Посейдона, успокаивал или волновал море. Голос выпы отдаленно напоминает трубный глас.

Путь революционера. СС-1. Три беловых автографа: два — без загл., два — с вар., один — др. ред., один — с датой: 1926. В ст-нии выражены чувства, владевшие молодым Мартыновым, активно участвовавшим в переустройстве зауральской действительности на новых социалистических началах (см. в СС-3 новеллу «Смертельный мошка», в ЧСх — новеллу «Балхашская экспедиция» и др.).

* **«Писатель слов и сочинитель фраз...».** РП. 1927, 23 апр., под загл. «Писатель», без ст. 13—15, др. ред.- -ЭЛ-46, без ст. 1—3, др. ред.- -Перв-65. Два беловых автографа: один — под загл. «Писатель слов», с вар.

Корреспондент. «Сов. Сибирь». 1927, 8 мая, под загл. «Безумный корреспондент».- -Зв. 1927, № 9. Беловой автограф — с вар. Авториз. машинопись. Первое ст-ние Мартынова, опубликованное за пределами Сибири. В 1927 г. поэт побывал вместе с В. А. Итинским в Ленинграде, где Н. С. Тихонов взял для журнала «Звезда» это ст-ние (см. СС-3. С. 165) *Geneu* — ГПУ, т. е. Главное политическое управление.

Скоморох. НМ. 1945, № 11/12, без загл., с вар.- -ЭЛ-46.- -БО-64, без загл.- -Печ. по Перв-65, где восстановлено загл. Авториз. машинопись — с вар.

Летописец. ЭЛ-46. Беловой автограф — под загл. «Букинист», др. ред. В одном из крупных сел севернее Омска на Иртыше жил крестьянин, собиратель книг и редкостей, которые он хранил в подвале своего дома. Мартынов бывал у него. *Расстегай* — старинный распашной сарафан. *Даниил Заточник* (настоящее имя не установлено) — автор выдающегося произведения древнерусской литературы XII в. «Слово Даниила Заточника». *Ванька-ключник* — герой лубочного издания песни о слуге, разлучившем князя с женой. *Князь Урусов* — автор «Книги о лошади», выдержавшей до революции несколько изданий. *Граф Толстой* — Лев Николаевич Толстой. *Волюм* (фр.) — том. *Боярка* — народное название дерева (кустарника) боярышника семейства розоцветных, распространено в Сибири. *Поярки* — устаревшее название животноводов-овцеводов.

Река Тишина. Л-45.- ЭЛ-46, без ст. 79—88, с вар.-Л-58, без загл.- Печ. по БСП-61, где автор вернулся к ред. Л-45. Беловой автограф и авториз. машинопись без ст. 80—89. В новелле «Аллея причуд» поэт рассказывает, что замысел этого ст-ния возник у него в начале 1920-х гг.; написано оно в середине того же десятилетия. Появилось в печати ст-ние только лет через двадцать и дало «столько хлеба критикам и литературоведам», вызвало «столько нареканий, восхищения и даже возмущения» (СС-З. С. 125). Некоторые исследователи усматривают в реке Тишине конкретную реку — Омь, Иртыш — и ~~на~~ этом пытаются строить свои умозаключения. Формальный повод для этого имеется: название реки Омь в переводе с татарского означает: Тихая. Некоторые реалии, упомянутые в ст-нии, тоже относятся к реке Оми — предместье *Волчий хвост* расположено на ее берегу, один из мостов через реку Омь в те годы был наплавным и, в отличие от другого моста — железного, назывался *Деревянный мост*. Упоминание об островах и ширине реки можно отнести к Иртышу и т. п. Однако смысл поэтического произведения нельзя выводить из его, пусть даже вполне реалистических, деталей. Ст-ние после публикации вызвало разноречивые суждения критиков (см.: Дементьев В. Леонид Мартынов: Поэт и время: 2-е изд. М., 1986. С. 64—68; Никульков А. Книга о поэтах. Новосибирск, 1972. С. 37; Урбан А. В настоящем времени. Л., 1984. С. 217)..

Май. ЛГ. 1957, 8 июня, с вар.- БСП-61. Шесть автографов: пять черновых, беловой — с вар.

Ермак. СИП-39. *Кольцо* Иван — один из атаманов войска *Ермака* Тимофеевича (ум. 1585).

Подсолнух. ОП. 1936, 18 янв., под загл. «Спор с живописцем» (главы из повести), подпись: Мартын Леонидов, др. ред.- СИП-39, с вар. - Л-45, с вар.- БСП-61. Авториз. машинопись — с вар. (текст СИП-39). Машинопись — др. ред. *Пачули* — здесь: духи с резким запахом, в их состав входит эфирное масло, добываемое из листьев растения пачули, душистого полукустарника сем. губоцветных.

Сон подсолнуха. ЭЛ-46. Беловой автограф — под загл. «Подсолнух», без ст. 30—35, с вар. Авториз. машинопись — без ст. 13—16, с вар.

Рассвет. СИП-39. Верстка СИП-39 с авторской правкой.

Вологда. НМ. 1944, № 11/12, с вар.- СИП-1. Беловой автограф, др. ред. *Алагам* (Алегам) — казанский владыка, взятый в плен войсками Ивана III в 1478 г. и сосланный на заточение в Вологду.

Деревья. Л-45. Беловой автограф.

В мире сорных трав... ЭЛ-46.-Перв-65.- СИП-1. Беловой автограф — под загл. «Древние машины», с вар. *Ойль-Пул* — американский колесный трактор, работавший на керосине, небольшое количество тракторов этой марки было закуплено нашей страной у США в 20-х гг. *Твердь* — здесь: земля.

Утешитель. ЭЛ-46. Машинопись — с вар.

Храм Мельпомены. Г-72. Беловой автограф — с вар. *Кольдкрем* — ароматизированная эмульсия воска, спермацета и миндального масла

с прибавлением воды; употребляется для смягчения кожи. *Папесса* — Иоанна, легендарная личность, дочь английского миссионера, будто бы занимавшая в середине IX в. папский престол под именем Иоанна VIII. «*Мистерия-буфф*» — пьеса В. В. Маяковского, поставленная к первой годовщине Октября в театре музыкальной драмы в Петрограде.

Пленный швед. НМ. 1938, № 7.- -Сип-39. Верстка Сип-39 с авторской правкой. *Пермень* — искаженное: пельмень. *Карлус* — Карл XII (1682—1718), король Швеции, воевавший с Россией, потерпел поражение в Полтавской битве (1709 г.). *Пфенниг* — мелкая германская монета (одна сотая марки). *Тоболка* — дощатая лодка, распространена в среднем течении Иртыша. *Гагарин* Матвей Петрович — князь, сибирский губернатор, в 1721 г. казнен за злоупотребление властью. *Эркегь* (Яр-кент) — город в Средней Азии, близ которого, по ложному донесению джунгарских купцов, имелись большие залежи «песошного золота»; Гагарин, не проверив донесения, сообщил об этом Петру I, по распоряжению которого из Тобольска был отправлен отряд подполковника И. Д. Бухольца (1671—1741) вверх по Иртышу, в джунгарские владения. После неудачной зимовки в районе озера Ямышева (недалеко от нынешнего Павлодара) Бухольц с остатками отряда отступил к устью Оми, где в 1716 г. заложил Омскую крепость. *Цеван Роптан* — джунгарский владыка.

Гиперборея. Л-45, с вар.- -СС-1. Два белых автографа: первый — под загл. «Скоморохи», второй — под загл. «Старый город», оба — др. ред. *Гиперборея* (греч.) — крайний север, в переносном смысле Заполярье. *Плавень* (местн.) — хвост рыбы. *Мангазея* — город на р. Таз, через который в XVII в. (до 1672 г.) осуществлялись крупные торговые операции с северными и южными народами Сибири, отсюда и прозвище — златокипящая.

Нюрнбергский портной. Сип-39. Верстка Сип-39 с авторской правкой, с вар. Стихи, статьи, очерки Мартынова, появившиеся в печати того времени, говорят о том, что он хорошо понимал звериную сущность фашизма и точно выразил ее в таких стихах, как «Нюрнбергский портной», «Муза» и др. Его творчество в предвоенные годы свидетельствует о том, что «внутренне Мартынов был уже отобилизован, был готов к неминуемой схватке с фашизмом» (Дементьев В. Леонид Мартынов: Поэт и время: 2-е изд. М., 1986. С. 133).

* **Наяды.** ОП. 1941, 2 февр., под загл. «Баллада о трехэтажном доме», др. ред.- -СО. 1946, № 3.- -ЭЛ-46.- -Изд-64.- -СС-1. В конце 1930-х гг. в Омске было построено здание Обь-Иртышского пароходства, в ведении которого находились все большие и малые реки бассейна. «Баллада о трехэтажном доме» — доме, в котором и размещалось пароходство, — подверглась незаслуженно разгромной критике: автор обвинялся ею в мистике и искажении действительности. Это одно из первых стихов поэта на тему об ответственности человека за состояние окружающей природы. *Кусок эбенового неба с чешуйчатых джунгарских крыш.* Джунгарское (ойротское) ханство, феодальное государство на территории современного Сев.-Зап. Китая, существовало с 1630-х гг. до середины XVIII в., когда было захвачено империей Цин; для крыш храмов и дворцов в Джунгарии употребляли пластины отполированного эбенового дерева (темно-зеленого или черного цвета). *Тара* — город на Иртыше, южнее Тобольска, основан в 1594 г. *Черные татары* (точнее — черневые

татары) — сибирское название тюркских племен, живших в черни (густых хвойных лесах). *Цейсовской работы*. В 1846 г. в г. Йене оптиком-механиком Карлом Фридрихом Цейсом (1816—1888) была основана фирма по производству оптических приборов (в наст. время «Карл Цейс Йена» в ГДР). *Брем* Альфред Эдмунд (1829—1884) — немецкий зоолог, совершил путешествие по Сибири; в апр. 1876 г. был в Омске. *Камышловка*, *Чаир...* *Атмас* — притоки Иртыша, еще в XVIII в. полноводные, ныне от них остались сухие долины и цепи озер. *Таволга* — многолетнее травянистое растение, распространенное в Сибири по берегам рек.

«Вот лес. Он был густ...». ЭЛ-46. Беловой автограф, др. ред.

«В промежутках Между штормами...». Юн. 1959, № 2, под загл. «В промежутках...».-Сип-1. Три автографа: два черновых и беловой.

Муза. «Огневые дни» (Новосибирск). 1942, кн. 2. Беловой автограф — с вар. Отклик Мартынова на события в Греции — установление в авг. 1936 г. в Греции фашистской диктатуры, вторжение в Грецию фашистской Италии в 1940 г. и фашистской Германии в апр. 1941 г. *Иппокрена* (греч. миф.) — ключ на горе Геликон, появившийся от удара копытом коня Пегаса, источник вдохновения поэтов. *Гиперборейский* — см. с. 668.

Дым отечества. МП-42, др. ред.-Л-45. Беловой автограф — с вар. *Что сладок бывает отечества дым...* — измененная цитата из «Горя от ума» Грибоедова. *Кунцево* — подмосковное селение, известное с XV в., ставшее затем городом, ныне район г. Москвы. В 1920-е гг. Мартынов жил некоторое время в Кунцево, в районе которого находится одно из древних городищ на р. Москве; ранний культурный слой его относится к VI—V вв. до н. э. *Татаровка* — местность на правом берегу р. Москвы в Кунцевском р-не, ранее село Татарово, известное с 1417 г. *Серебряный Лог* — овраг близ Татаровки, глины его берегов насыщены органическими веществами, способны гореть, издавая ароматические запахи. *Юрский слой* — наслоения среднего периода мезозойской эры.

Страна-холодырь. ЭЛ-46. Беловой автограф — под загл. «Так вот ты какая», с вар. *Домострой* — свод правил общественного, религиозного и особенно семейно-бытового поведения, памятник русской литературы XVI в. *Сильвестр* (ум. ок. 1566) — священник Московского Благовещенского собора, автор особой редакции «Домостроя», духовник Ивана IV Грозного. *Шишига* — см. с. 665.

* **Кружева.** «Красный Север» (Вологда). 1935, 24 июня, др. ред.-«Звезда Севера». 1935, № 9, др. ред.-Сип-39, без ст. 27—39, др. ред.-НМ. 1944, № 11/12, с вар.-Л-45.-БСП-61. Беловой автограф — с вар. Работу поэта над ст-нием можно условно разделить на два периода: к первому относятся ред. «Красного Севера» и «Звезды Севера»; ред. Сип-39 как бы промежуточная, она ближе к предыдущим ред., но в ней уже есть элементы последующей ред. НМ. Позже в текст ст-ния вносились лишь незначительные изменения, что дает основание датировать ст-ние двойной датой. С мастерством кружевниц Мартынов познакомился, работая корреспондентом вологодских газет. *Кружевной союз* — артель, объединившая кружевниц-кустарей.

Ключ. НМ. 1945, № 11/12, под загл. «Любовь».-ЭЛ-46.-БСП-61, дата: 1939.-Сип-1, дата: 1946.-СС-1, дата: 1946.

Тоска. НМ. 1945, № 11/12.- -Перв-65.- -ВВВ-72, под загл. «Грусть».- -Печ. по СС-1, где восстановлено загл. НМ. Беловой автографа — с вар. Авториз. машинопись — с вар.

Эрцинский лес. Л-45, без загл., без ст. 27—42, с вар. - -ЛГ. 1945, I дек., с вар.- -ЭЛ-46.- -БСП-61, дата: 1933—1946.- -Изд-64, дата: 1946.- -Сип-1, дата: 1933—1946.- -Изд-67, дата: 1933—1946.- -СС-1, дата: 1933—1946. Дата уточнена по подписанию в печать ЭЛ-46 — 31 дек. 1945 г. Два беловых автографа, оба — с вар. Авториз. машинопись — с вар. *Эрцинский лес.* Спафарий Николай Гаврилович (Милеску Николае Спэтарул) (1636—1708) — молдавский писатель, ученый, дипломат — на пути с русским посольством в Пекин описывал лесные богатства Сибири: «Лесь тоть, который идеть и по Обе реке, и по всему Сибирскому государству до самого Окиянского моря, который лесь преславной есть и превеликой, и именуется оть земнописателей по-еллински «Эркиниось или», а по-латынски «Эрцыниось сильва», се есть Эркинский лесь...» Эта цитата из Спафария предпослана автором к сб. ЭЛ-46. Замысел ст-ния окончательно созрел и оформился после поездки Мартынова осенью 1939 г. из Омска в Тобольск по Иртышу.

* **«Замечали — По городу ходит прохожий?..».** Л-45.- -ЭЛ-46, под загл. «Гость».- -Печ. по Л-58, где автором снято загл. Три автографа: черновой; два беловых: первый — под загл. «Крысолов», др. ред.; второй — с вар. ст. 30, 48, 86—87. Машинопись — под загл. «Гость». Об истории создания этого ст-ния см. новеллу Мартынова «Лукоморье» (СС-3. С. 336—344).

«От печки Я оттер бы Гоголя...». ЗН-76. Беловой автограф — с вар.

Путешественник. ЭЛ-46. Беловой автограф. *Молнирывать* — сообщать телеграммой «молнией».

След. Ок. 1955, № 4. Четыре беловых автографа: один — без загл., с вар. Положено на музыку М. Мильманом (вокальный цикл «Праздник»).

Ночь. Зн. 1945, № 12, др. ред.- -С-55.- -Перв-65, без загл.- -Печ. по Сип-1, где восстановлено загл. Два беловых автографа: первый — др. ред., второй — с датой: 1945. Авториз. машинопись — др. ред.

Правда. Л-45, др. ред.- -ЭЛ-46. Два автографа: правленный — без загл., др. ред; беловой — под загл. «Мы вместе», др. ред. Авториз. машинопись — с вар.

Народ-победитель. ЭЛ-46.- -С-55, без загл., с вар.- -Перв-65. Беловой автограф — без загл., без ст. 13—26, с вар. Авториз. машинопись — с вар.

«Пластинок хриплый крик...». Зн. 1957, № 4, под загл. «После войны».- -БСП-61. Беловой автограф — с вар.

Облака. ЭЛ-46. Беловой автограф — с вар. Авториз. машинопись — с вар. *В карболовом зале.* В годы войны дезинфекция вокзальных помещений производилась раствором карболовой кислоты.

Баллада про Великий путь. ОП. 1945, 2 сент., с вар.- -С-55.- -БСП-61, дата: 1947.- -Изд-64 (возврат к ред. ОП).- -Печ. по Перв-65, где автор вернулся к ред. текста С-55. Черновой автограф. *Отец твой.* Николай Иванович Мартынов (1876?—1943?), отец поэта, техник-строитель железнодорожных сооружений. Поэт писал в своих воспоминаниях: «Я провел первые годы жизни в служебном вагоне отца» (СС-3. С. 12). *Золотой Рог* — бухта, на берегу которой стоит г. Владивосток, конечный пункт Великого сибирского железнодорожного пути. *Сиам* — официальное название Таиланда до 1939 г. и в 1945—1948 гг.

«Мне кажется, что я воскрес...». С-55. Шесть автографов: два черновых; четыре беловых: два — под загл. «Геркулес», с перестановкой ст. 5—6.

Лукоморье. НМ. 1944, № 11/12, под загл. «Дивная страна», с вар.- -Л-45, под загл. «Дивная страна», без ст. 1—19, с вар.- -ЭЛ-46. Беловой автограф — с вар. Тема Лукоморья, сказочной страны, не покидала поэта с детских лет. В одноименной новелле он писал, что в зрелые годы «интерес к Лукоморью, — уже не к сказочному и не журнальному, да и вообще не к далекому, а к близкому, — вернулся ко мне или возник заново в связи с газетной моей работой, помноженной на чтение историко-экономических источников и материалов... Лукоморье новгородских летописных преданий естественно сливалось в моем представлении с рассказами геологов о красотах пьезокварцевого кристаллически мерцающего Приполярного Урала, о старых «чрескаменных» путях с Печоры на Обь, о морских дорогах златокипящей Мангазеи былых времен, то есть о местах деятельности моряков Убекосибири и Карских экспедиций Комсеровопути, хорошо мне знакомых по зимним своим омским квартирам» (СС-3. С. 337). Интерес к северному сибирскому Лукоморью углубился у Мартынова после поездки в 1939 г. в Тобольск и работы над книгой «Повесть о Тобольском воеводстве» (Омск, 1945; второе изд.— Новосибирск, 1970). В военные годы тема Лукоморья как собирательного образа Родины была раскрыта поэтом в ряде ст-ний и в статье «Лукоморье» («Красная звезда», 1942, 16 сент.). Статья получила много откликов и в дополненном виде была издана вместе с письмами фронтовиков отдельной брошюрой (Омск, 1942). *Югра* (Югорская земля) — старинное название Северного Урала и сибирских земель до р. Таз; иногда югрой называли сибирские северные народы. *Дева-идол золотая.* На многих старинных картах северного Приобья указывались владения так назыв. Золотой бабы; она изображалась одетая в меха и с копьём в руке. *Мангазея* — см. с. 668. *Обдорье* — старинное название северной территории, примыкавшей к г. Обдорску (ныне Салехард). *Куракин* Иван Семенович — князь, тобольский воевода, по сообщению которого в 1616 г. был наложен запрет на вывоз пушнины с сибирского морского побережья северным путем.

Царь природы. ЭЛ-46. Беловой автограф — с вар. Авториз. машинопись.

«И, по земле моей кочуя...». ОП. 1945, 23 сент., под загл. «Желанья».- -ЭЛ-46. Два беловых автографа: один — под загл. «Желанья», с вар.

Любовь. ЭЛ-46. без загл.- -С-55. Два беловых автографа: один — под загл. «Ты права», с вар. Авториз. машинопись — под загл. «Ты

жива», с вар. Положено на музыку М. Мильманом (вокальный цикл «Праздник») и С. Касторским. *Покров* — христианский праздник 1 октября (ст. ст.); по народному календарю начало зимы.

Северная сказка. ЭЛ-46, с вар.- -СиП-1, с вар.- -СС-1. Беловой автограф под загл. «Старый город», др. ред. *Гиперборея* — см. с. 668. *Плавень* — см. с. 668. *Кабестан* — судовая лебедка с барабаном на вертикальном валу.

«Еще черны и ус, и бровь...». ЭЛ-46. Беловой автограф. Авториз. машинопись — под загл. «Танцор». Положено на музыку М. Мильманом (вокальный цикл «Праздник»).

Переправа. ЭЛ-46. Беловой автограф — под загл. «Харон», др. ред. Ст-ние было начато поэтом под впечатлением поездки в Тобольск в сент. 1939 г., а окончено в последний год войны. Оно неоднократно привлекало внимание исследователей творчества Мартынова, подвергалось детальному рассмотрению, анализу, толкованиям (см.: Дементьев В. Леонид Мартынов: Поэт и время: 2-е изд. М., 1986. С. 154—158; Павловский А. Советская философская поэзия. Л., 1984. С. 100—107; Утков В. «Где оно, твое Лукоморье?»//ЛЮ. 1981, № 6. С. 95—99). *Харон* (греч. миф.) — перевозчик душ умерших через реки подземного царства. *Стикс* (греч. миф.) — одна из рек подземного царства. *Эреб* (греч. миф.) — олицетворение одного из начал мира: вечного мрака.

Первый снег. С-55. Беловой автограф — с вар. Две авториз. машинописи, обе — с вар. Положено на музыку А. Лепиным.

Слон. Юн. 1961. № 11, с вар.- -СиП-1. Беловой автограф — под загл. «Слоны», с вар.

* **«Уйдя, Вы дверью хлопнули...».** «Смена». 1964, № 15. Семь автографов: два черновых; пять беловых: один — под загл. «Всепрошение», один — под загл. «Да, будет так!», два — с вар., два — др. ред. Две машинописи, одна — под загл. «Апостол», с вар. Положено на музыку А. Лепиным.

Гномы. Перв-65. Два беловых автографа: один — под загл. «Бред», с вар.

Мороз. С-55. Два автографа: черновой и правленийый.

Печаль-путешественница. СиП-1. Беловой автограф — с вар. Авториз. машинопись — с вар.

«Ты Без меня...». С-55. Два автографа: черновой и беловой. Положено на музыку М. Мильманом (вокальный цикл «Праздник») и Л. Афанасьевым.

Вода. Ок. 1955, № 4. Три беловых автографа: один — без загл., два — с вар. *Тал* — кустарниковая ива, тальник. Положено на музыку М. Таривердиевым.

* **Проходные дворы.** Ок. 1956, № 6, без ст. 13—15. — Л-58. — БСП-61 (возврат к ред. Ок.). — Печ. по СС-1, где автор вернулся к ред. текста Л-58.

Три беловых автографа: два — с вар., один — др. ред. Авториз. машинопись — др. ред.

Семнадцатый год. ЛГ. 1957, 27 авг. *Февральская метель.* 23—27 февр. (ст. ст.) в России произошла буржуазно-демократическая революция, свергнувшая царизм. *Март с красным бантом.* После Февральской революции в России установилось своеобразное двоевластие: буржуазного Временного правительства и Советов рабочих и солдатских депутатов. *Место дать апрелю.* Речь идет об «Апрельских тезисах» В. И. Ленина и о массовой демонстрации рабочих и солдат Петрограда 20—21 апр. 1917 г. в знак протеста против империалистической политики Временного правительства. *И августу, когда не от прохлады, А без пощадь листьев пламенили.* После июньской демонстрации революционных масс и событий июльских дней 1917 г. в Петрограде, когда по приказу Временного правительства была расстреляна мирная демонстрация рабочих, солдат и матросов, положение в стране коренным образом изменилось — кончилось двоевластие и установилось единовластие буржуазии. Партия Ленина взяла курс на вооруженное восстание. После разгрома корниловского контрреволюционного мятежа в конце авг. (ст. ст.) произошло нарастание революционного процесса, приведшее в итоге к победе революционного народа.

Кувшинка. НК-62. Три автографа: два черновых; беловой — с вар. Положено на музыку Б. Кравченко.

* «С осторожностью птицелова...». М. 1957, № 1, с вар. -Л-58. Шесть автографов: черновой; пять беловых: три — под загл. «Птичий рынок», все — др. ред.

Даритель счастья. СИП-1. Авториз. машинопись — с вар.

«Я понял!..». С-55. Пять автографов: правленный — под загл. «Я понял», с вар.; четыре беловых: два — под загл. «Мир», один — под загл. «Действительность», все — с вар.

Праздник. ЛГ. 1957, 5 нояб. Беловой автограф — с вар. Авториз. машинопись. Положено на музыку М. Мильманом (вокальный цикл «Праздник») и Т. Коргановым.

Камин. С-55. Два автографа: черновой; правленный — под загл. «Большой богатырь», с вар. *Коломенское* — старинная подмосковная усадьба на берегу р. Москвы, первоначально великокняжеская, затем царская (ныне в черте города), историко-архитектурный заповедник, музей. *Домик Петров* — домик Петра I, перевезенный в Коломенское из Архангельска. *Рублев* Андрей (ок. 1360—1427, по др. источникам ок. 1430) — крупнейший представитель московской школы живописи. *Врубель* Михаил Александрович (1856—1910) — рус. живописец; в Коломенском есть один из вариантов каминна с росписью по эскизу Врубеля на сюжет «Микула Селянинович».

«На черном Красные слова...». Зв. 1966, № 7. Семь автографов: четыре черновых; три беловых: два — под загл. «Выход», один — с вар. Ст-ние написано поэтом в сложный период его творческой жизни, когда несправедливой критике подвергались многие его произведения.

Равносправье. «Сельская молодежь». 1963, № 4. Беловой автограф — с вар.

Пиретрум. Перв-65. Черновой автограф. *Пиретрум* — порошок для уничтожения насекомых, добываемый из некоторых видов ромашек.

«Из смиренья не пишутся стихотворенья...». С-55. Пять автографов: правленный — под загл. «Прозренье», с вар.; четыре беловых: три — под загл. «Прозренье», два — с вар.

Туча. СиП-1. Четыре автографа: черновой; три беловых: один — под загл. «Зной и холод», др. ред., один — с вар.

В цирке. СиП-1. Два автографа: правленный; беловой — под загл. «Представленья», с вар.

«Я вижу твои страдания...». НК-62. Два беловых автографа: оба — под загл. «Зло», с вар.

«Ты относишься ко мне...». Юн. 1958, № 6, под загл. «Песенка».- НК-62. Пятнадцать автографов: десять черновых; пять беловых: один — под загл. «Идол», четыре — др. ред. Положено на музыку Я. Фрейдлиным.

«Завершился листопад...». ЛГ. 1957, 22 янв. Шесть беловых автографов: три — под загл. «Действующие лица», без ст. 1—14, др. ред., три — с вар.

Балерина. С-55. Четыре автографа: три черновых; беловой — с вар.

*** «В чем убедишь ты стареющих...».** С-55. Шесть автографов: правленный — с вар.; пять беловых: один — под загл. «Мужество», один — под загл. «Зрелость», четыре — др. ред., один — с вар.

Август. СиП-1. Четыре автографа: правленный; три беловых: все — др. ред. *Базилика* — один из главных типов христианского храма: прямоугольное в плане здание, разделенное внутри рядами колонн.

Морское дно. Зн. 1957, № 4. Четыре беловых автографа: все — с вар.

Март. С-55, с вар.- БО-64. Три беловых автографа: все — с вар.

«Мне кажется — стихи твои...». Зн. 1961, № 3, под загл. «Гроза».- СС-1. Четыре автографа: два черновых; два беловых: первый — под загл. «Судьба», без ст. 13—80, др. ред., второй — под загл. «Гроза», без ст. 1—14, др. ред. *С библиотечного холма.* Старое здание Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (бывший дом П. Е. Пашкова) расположено на холме. *Каменный мост* — Большой каменный мост через р. Москву около Боровицких ворот Кремля. *Позлащенный крест Ивана* — крест, венчающий колокольню Ивана Великого в Кремле. *Старый университет* — здания МГУ на проспекте Маркса, построенные в конце XVII — начале XVIII в. *Черторой* (Черторий) — ручей, протекавший вдоль Гоголевского бульвара и впадавший в р. Москву в районе Соимонова проезда, в конце XIX в. взят в подземную трубу.

«Из года в год...». Зн. 1957, № 4, под загл. «В век атома».- БСП-61. Правленный автограф — с вар.

Солнце и художник. «Лит. Москва». Два автографа, оба — под загл. «Солнце»: правленный — с вар.; белой.

Чары. Юн. 1964, № 3. Беловой автограф и авториз. машинопись.

Ива. Юн. 1957, № 1. Семь автографов: три черновых; четыре белых: один — под загл. «Апрель», второй — под загл. «Эва», третий — под загл. «Ева», все — др. ред. Положено на музыку М. Мильманом (вокальный цикл «Праздник») и В. Баснером (входит в ораторию «Весна, Песни, Волнения»).

Костер. Юн. 1957, № 1, без ст. 17—24.-Сип-1. Пять автографов: четыре черновых; белой — без ст. 21—24. *Перепалкино, Елкино, Палкино, Колкино-Иголкино* — вымышленные названия селений.

* **«И вскользь мне бросила змея...».** С-55. Два белых автографа: первый — с вар., второй — др. ред.

* **«В эту душную ночь...».** Перв-65. Пять автографов: три черновых; правленный — др. ред.; белой — под загл. «Беседа с богом», др. ред.

Богатый нищий. «Лит. Москва». Шесть белых автографов: четыре — под загл. «Нищий», один — без загл., пять — с вар.

Переходное мгновенье. ДП. 1967, под загл. «Ноль часов». - - ЛИ-69. Три автографа: правленный — под загл. «Ноль часов», с вар.; два белых: оба — под загл. «Ноль часов», один — с вар. *Фраза музыкальная над башней* — звук курантов на Спасской башне Кремля. *На плечах Василия* — храм Василия Блаженного на Красной площади (Покровский собор).

Ночью по Замоскворечью. «Смена». 1970, № 6.- ВМ. 1973, 9 июня, под загл. «Замоскворечье», без ст. 1 и строф 3 и 4.- Печ. по Г-78, где автор вернулся к ред. «Смены». Тридцать один автограф: двадцать девять черновых; два белых: один — под загл. «Замоскворечье», др. ред. *Якиманка* — улица в Замоскворечье, с 1957 г. носит имя Дмитрова. *Тепловозная Коломна, Циолковская Калуга.* В подмосковном г. Коломне имеется тепловозостроительный завод; в Калуге жил (с 1892 г.) и скончался сов. ученый, основоположник современной космонавтики Константин Эдуардович Циолковский (1857—1935). *И ружейная планета, в золотых медалях Тула.* Тула с XVII в. известна как центр оружейного производства, на выставках неоднократно получала медали за свою продукцию. *В небе внуковского гула.* Подразумевается аэропорт Внуково. *В ржавом сквере на Болоте* — низменная местность в Замоскворечье, против Кремлевского холма, в XV—XIX вв. называлась Болото, часть ее ныне застроена, на другой части разбит сквер.

Удача. С-55. Три автографа: черновой; два белых: оба — с вар. Положено на музыку М. Мильманом (вокальный цикл «Праздник»).

Усталость. С-55. Два автографа: правленный; белой — с вар.

* **«Такие звуки есть вокруг...».** С-55. Два автографа: правленный — с вар; белой — под загл. «Совершенство», др. ред.

«Мы — как мы!..». С-55. Два белых автографа: один — с вар.

31 декабря 1950 года. С-55.-Л-58, без загл.-Печ. по СИП-1, где восстановлено загл. Пять беловых автографов: два — под загл. «Наступление», один — под загл. «Перелом», один — с вар.

Ночные звуки. С-55.

«У ночи — мрак...». С-55. Беловой автограф.

«Это — Не по моей и не по вашей вине...». Юн. 1962, № 4. Беловой автограф.

«Ночь Становилась Холодна...». С-55. Правленный автограф — с вар.

Листья. С-55. Два беловых автографа. Положено на музыку М. Таривердиевым и Е. Адлером.

Ложь. МГв. 1963, № 7, дата: 1949.- -СИП-1, дата: 1951.- -СС-1, дата: 1951. Пять автографов: правленный — без загл., с вар.; четыре беловых: один — без загл., два — с вар.

Песня. Ог. 1951, № 16.- -С-55. Четыре автографа: три черновых: два — под загл. «Певец», с вар.; правленный. Ст-ние было прочитано Мартыновым на встрече с П. Нерудой в окт. 1961 г. *Неруда* Пабло (наст. имя Нефтали Рикардо Рейес Басуальто, 1904—1973) — чилийский поэт, прогрессивный общественный деятель, лауреат Международной премии Всемирного Совета Мира (1950), Международной Ленинской премии (1953), Нобелевской премии (1971).

«Ночь. Где-то там, на страшной высоте...». Ок. 1956, № 12. Три черновых автографа: один — под загл. «Сон», с вар.

Птицы. МГв. 1964, № 4. Правленный автограф.

«И снова осень...». ДП. 1962. Беловой автограф, с вар. *И девушка, которая в кино Играла чеховскую Анну* — артистка А. Д. Ларнонова, исполнительница роли Анны в кинофильме «Анна на шее» по одноименному рассказу А. П. Чехова.

«Я опять тебя обидел...». МГв. 1964, № 4. Черновой автограф.

«Кто следующий?..». Юн. 1957, № 1. Авториз. машинопись — с вар.

* «Никого, Ничего...». Юн. 1956, № 6. Восемь автографов: три черновых; два правленных: оба — др. ред.; три беловых: один — под загл. «Никого, ничего...», второй — др. ред.

«Примерзло яблоко...». С-55. Беловой автограф — с вар.

Седьмое чувство. Ок. 1955, № 11. Три беловых автографа: два — с вар. Ст-ние Мартынова послужило своеобразным толчком Н. Н. Асееву для создания следующей строфы в его «Звездных стихах» (1958—1959):

Шестое? Девятое чувство?
Двенадцатое? Не запомнишь!
Подай же нам руку, Искусство,
приди нам скорее на помощь.

(Асеев Н. Собр. соч.: В 5-ти т. М., 1964. Т. 4. С. 211).

«Событие свершилось...». С-55.

«Я помню: Целый день...». «Лит. Москва». Три автографа: два черновых; белой — с вар. Авториз. машинопись. *Спаская башня* — главная башня Московского Кремля на восточной стене, выходит на Красную площадь, в 1625 г. на ней смонтированы часы — кремлевские куранты.

Мир. С-55. Два автографа: черновой и белой.

«Что-то Новое в мире...». С-55.- -БСП-61, дата: 1954.- -СИП-1, дата: 1948—1954.- -Изд-67, дата: 1948—1954.- -СС-1, дата: 1948—1954. Черновой автограф. Авториз. машинопись — с вар. Положено на музыку В. Баснером (входит в состав оратории «Весна, Песни, Волнения»).

Страусы. С-55.

Двадцатые годы. Ок. 1955, № 11. Беловой автограф — под загл. «Помню двадцатые годы», с вар. *Китайская стена*. Московский посад, примыкавший с востока к Кремлю, назывался Китай-город, от слова «кита» — связка жердей, применяемая при укреплении, — в 1535—1538 гг. деревянная изгородь была заменена каменной стеной, получившей название Китайской. *Конструктивная сцена* — направление в театральном искусстве 20-х гг., стремившееся сблизить искусство с производством по чисто формальным признакам. *Мутность прудов Патриарших*. В Москве в районе бывш. Патриаршей слободы (М. Бронная ул. и М. Козихинский пер.) существовали три пруда, называвшиеся Патриаршими, два из них засыпаны в конце XIX в., а третий остался и переименован в 1932 г. в Пионерский. *И богатырские шлемы*. Приказом Реввоенсовета Республики в янв. 1919 г. был учрежден головной убор для красноармейцев, получивший неофициальное название «богатырка».

«Звонят в Елоховском соборе...». ЛР. 1965, 21 мая. Четыре автографа: черновой; три белых: первый — под загл. «Птицы», второй — под загл. «Продавщица птичек», все — др. ред. *Елоховский собор* — патриарший собор в Москве на площади Баумана (бывш. Елоховской).

Музыкальный ящик. С-55.- -БСП-61, дата: 1952.- -СС-1, дата: 1954. Два правленных автографа: оба — под загл. «Песня», с вар. Ст-ние написано в начале 50-х гг. после прогулки Мартынова по Лефортовскому району и посещения Бауманского рынка, который в то время своими очертаниями напоминал неравнобедренный треугольник — *косой треух*; в комиссионном магазине рынка поэт обратил внимание на старинный музыкальный ящик, неясно исполнявший различные мелодии. Ст-ние было высоко оценено Н. Асеевым, который давно внимательно следил за творчеством Мартынова, а в 50-е и 60-е гг. часто общался с ним. Асеев в своем ст-нии «К другу-стихотворцу», обращенном к Мартынову, писал:

Вы самый удивительный рассказчик;
мы помним все ваш «Музыкальный ящик»,
в котором вы восстановили время,
осуществив былое в близкой теме.

ЦАГИ — Центральный аэрогидродинамический институт им. Н. Е. Жуковского. *Золотой Рожок* — ручей, правый приток р. Яузы, ныне заклю-

чен в трубу. *Фанданго* — испанский народный танец. *Лефорт* Франц Яковлевич (1655/56—1699) — адмирал, швейцарец; с 1678 г. на русской службе, сподвижник Петра I, полк его был расквартирован за р. Яузой (отсюда и название района — Лефортовский). *Полонез, менуэт, гавот* — старинные (XVII в.) бальные танцы, возникшие на народной основе. *«Во саду ли, в огороде»* — плясовая народная песня.

«Закрывались магазины...». Ок. 1955, № 11. Два автографа: черновой; правленный — др. ред.

Голоса. Зн. 1957, № 4, с подзаг.: «(Зарубежным радиоклеветникам)», с вар. - -Сип-1.- -ВВВ-72 (возврат к ред. Перв-65).- -Печ. по СС-1, где автор вернулся к ред. Сип-1. Семь автографов: шесть черновых; белой — с вар. (текст Перв-65).

«По существу ли Эти споры?..». С-55. Положено на музыку В. Баснером (входит в состав оратории «Весна, Песни, Волнения»).

Никогда. С-55.- -Перв-65. *Вавилонская башня.* По библейской легенде, после всемирного потопа жители Вавилона пытались построить башню до небес, однако бог разгневался на них, «смешал языки», и люди, перестав понимать друг друга, рассеялись по земле.

Градус тепла. С-55. Три автографа: два правленных: первый — с вар., второй — др. ред.; белой.

Снег тает... С-55. Два правленных автографа, оба — с вар. Положено на музыку Е. Адлером.

«Вечерело... Луч закатный...». С-55. Шесть автографов: пять черновых и белой. Положено на музыку М. Таривердиевым и Е. Адлером.

Сон женщины. Ок. 1955, № 11.

Художник. Юн. 1957, № 1, без загл. - -Сип-1. Пять автографов: два правленных: один — др. ред.; три белых: все — с вар.

Вьюги. М. 1957, № 1. В загл. ст-ния исправлена по автографу опечатка СС-1. Пять автографов: три черновых; два белых: один — с вар. Положено на музыку М. Мильманом (вокальный цикл «Праздник»).

«Хочется Сосредоточиться...». Ок. 1956, № 12. Четыре черновых автографа.

«Да, Многое исчезло без следов...». ЛГ. 1957, 22 янв.- -БСП-61, дата: 1953.- -СС-1, дата: 1955. Три белых автографа: два — без загл., один — под загл. «Памятник», один — с вар., два — др. ред.

Нагая истина. Зн. 1957, № 4. Два белых автографа: один — с вар.

Шквал. С-55. Два автографа: белой и черновой.

* **Заводы.** «Лит. Москва». Четыре автографа: два черновых; правленный — без загл., др. ред.; белой — без загл., с вар.

Первооткрыватель. ЛиЖ. 1959, 25 марта. - Изд-64, под загл. «Подземные моря». - Печ. по Перв-65, где восстановлено загл. ЛиЖ. Четыре автографа: черновой; правленный — под загл. «Подземные моря», с вар.; два беловых: оба — под загл. «Подземные моря», с вар. Содержание ст-ния переключается с ранними произведениями поэта («Море было», «Путь революционера», «Корреспондент» и др.), навеянными его поездками по Сибири и Казахстану.

Дедал. Ок. 1956, № 9. - НК-62. Черновой автограф. *Я лабиринт воздвиг на Крите Неблагодарному царю.* Дедал (греч. миф.) по поручению Миноса, царя Крита, построил на острове для чудовища Минотавра лабиринт, в который Минос заключил Дедала с сыном.

Ночью. ДП. 1956.

«Нет, Тени За людьми не гонятся!..». НМ. 1957, № 4. Шестнадцать автографов: четырнадцать черновых; два беловых: оба — с вар.

«Будто Впрямь по чью-то душу...». С-55. Два автографа: черновой; белой — без строф 5 и 8.

«О, годовщины, Годовщины...». С-55. - КПр. 1973, 1 янв., без ст. 1—12. - «Книжное обозрение». 1975, 1 янв., под загл. «Грядущим днем», без ст. 1—12. - Печ. по СС-1, где автор вернулся к ред. текста С-55. Четыре автографа: три черновых; белой — под загл. «Вчерашний день», др. ред.

«В белый шелк по-летнему одета...». С-55. Правленный автограф — под загл. «Полночь», с вар. *Садовая* — общее название Садового кольца в Москве, проложенного на месте Земляного вала и рва, окружавших ранее город; делится на ряд улиц: Большая Садовая, Садово-Каретная, Садово-Кудринская и т. п. Положено на музыку В. Баснером (входит в состав оратории «Весна, Песни, Волнения»).

Неподвижность. ДП. 1956. - СиП-1. Шесть автографов: два черновых; три правленных: все — с вар.; белой.

Эхо. С-55. - БСП-61, дата: 1956. - СиП-1, дата: 1955. - СС-1, дата: 1955. Пять автографов: два правленных: оба — с вар.; три беловых: все — с вар.

«Всё Обрело Первичный вес...». «Лит. Москва», под загл. «На ВСХВ». - Л-58. - БСП-61, под загл. «На выставке», дата: 1954. - Перв-65, где вновь снято загл. - СС-1, дата: 1956.

Дуб. ДП. 1956. Два автографа: правленный — с вар.; белой.

«Троллейбус рванулся из мрака...». Ок. 1956, № 12. Два автографа: черновой; белой — с вар.

«Будьте Любезны...». ДП. 1956.

Чистое небо. Л-58. - Перв-65, дата: 1947. - СиП-1, дата: 1945—1956. - СС-1, дата: 1945—1956. Два беловых автографа: один — др. ред. Авториз. машинопись — др. ред.

Первородство. Ок. 1956, № 12.- «Журналист». 1967, № 11, без загл.- Печ. по ВВВ-72, где восстановлено загл. Четыре автографа: три черновых и беловой.

«Как всё это случилось, в самом деле?..». НМ. 1957, № 4, под загл. «Начало».- Л-58, под загл. «Начало века».- Перв-65. Четыре автографа: два черновых; два беловых: один — под загл. «Начало века».

Самокатная. Юн. 1957, № 10. Девятнадцать черновых автографов. *Самокатная* — бывшая улица Новоблагославленная, названа в 1922 г. в честь батальона самокатчиков, участников боев с контрреволюционерами в 1917 г. *Яуза* — левый приток р. Москвы, большая часть его протекает по г. Москве. *Елисавета* (1709—1761/62) — императрица с 1741 г., дочь Петра I. *Екатерина II* (1729—1796) — императрица с 1762 г. *Брандмауэр* — противопожарная огнестойкая стена, разделяющая строения. *Устьинский мост* — мост через р. Яузу близ впадения ее в Москву-реку.

Итоги дня. ДП. 1956, без строф 10, 11, 13, с вар.- -Сип-1. Беловой автограф, др. ред. *Фата-моргана* — мираж с искаженными, быстро меняющимися изображениями предметов.

Время. М. 1960, № 1.

«Короче, Короче, короче!..». Юн. 1961, № 11.- Перв-65. Три автографа: два черновых и беловой.

* **«Забыто Суеверие былое...».** М. 1957, № 1. Четырнадцать автографов: тринадцать черновых: один — др. ред.; один беловой.

Олива. Юн. 1957, № 10, с вар.- Л-58, с вар.- БСП-61. В ст. 44 исправлена по автографу опечатка. Три автографа: два черновых и беловой. Положено на музыку В. Баснером (входит в состав оратории «Весна, Песни, Волнения»). *Петролеум* — нефть.

* **Антарктида.** Ок. 1956, № 6.- БСП-61, дата: 1955.- СС-1, дата: 1956. Беловой автограф — без загл., с вар. *Базилика* — см. с. 674. *Спермацет* — воскоподобное вещество, содержащееся в полостях головы кашалота, используется как основа для кремов и мазей. *Антикит.* Французский утопический социалист Шарль *Фурье* (1772—1837) в своем капитальном труде «Теория четырех движений» говорит, что человечество просуществует 80 000 лет и за это время переживет 32 периода. В восьмом периоде родится Северное светило, благодаря которому в северных землях установится благоприятный климат и наступит «зarya счастья», при которой все враждебные человеку природные силы приобретут противоположные качества. Так, вместо кита появится антикит, который станет помогать человеку в движении кораблей по морям, вместо льва будет антилев, мирное животное, которое добровольно предложит человеку свои услуги для верховой езды, и т. п.

«В темноте Притаился злодей...». Зн. 1957, № 4, под загл. «Люди».- Л-58. Шесть автографов: два черновых; четыре беловых: все — с вар. Авториз. машинопись — с вар.

«О вы, которые уснули...». ДП. 1957, под загл. «Поэт», с вар.- Перв-65. Семь автографов: шесть правленных: два — под загл.

«Старшинство», с вар.; белойой — под загл. «Старшинство». Авториз. машинопись — с вар. *Шелли* Перси Биш (1792—1822) — английский поэт. *Сирано де Бержерак* Савиньен (1619—1655) — французский писатель. Публий *Вергилий* Марон (70—19 до н. э.) — римский поэт.

Дрема луговая. Юн. 1961, № 4, без ст. 1—2. -БСП-61. Семь автографов: пять черновых; два беловых: один — без ст. 1—2 (текст Юн. 1961). *Дрема луговая* — растение сем. гвоздичных. *Руза* — районный центр на р. Рузе, притоке Москвы-реки. *Таруса* — районный центр Калужской обл. на берегу р. Оки. *Белокрыльник* — корневищное растение сем. ароидных.

«Отцокало Пегасово копыто...». ЛГ. 1957, 8 июня, под загл. «Вдохновенье». -Л-58. Три беловых автографа: один — под загл. «Вдохновенье».

Свобода. Ок. 1957, № 9. -СС-1, дата: 1948—1958. Правленный автограф — с вар.

«Душа беспокоится...». Юн. 1957, № 1. -БСП-61, дата: 1953. -СС-1, дата: 1957. Три автографа: два черновых; белойой — с вар.

«Есть стихи, Что тотчас увядают...». Зн. 1962, № 1, под загл. «Это я...», с вар. -НК-62.

«Я знаю, чем была...». Юн. 1961, № 11. Двадцать один автограф: девятнадцать черновых; два беловых: один — под загл. «Россия», с вар. *Скетинг-ринг* — площадка с асфальтовым или деревянным покрытием для катания на роликовых коньках. *Страстная* — площадь в Москве (ныне Пушкинская).

Вас не было еще... ЛГ. 1957, 5 нояб. Девятнадцать автографов: восемнадцать черновых; белойой — под загл. «Мы знаем не из книг», без ст. 36—37, др. ред. *Керенка* — бумажный денежный знак, выпускавшийся при Временном правительстве Керенского.

«Кругом Звучали выхлопы...». БСП-61. Три автографа: черновой; два беловых: первый — без ст. 21—25, с вар., второй — др. ред.

Рыбинское море. Ок. 1957, № 4, с вар. -БСП-61. Два автографа: черновой; правленный — с вар. *Рыбинское море* — водохранилище на Волге, образованное плотинной Рыбинского гидроузла.

Дети. ЛГ. 1957, 27 авг. -Л-58, без загл. -Печ. по ИЛ-73, где восстановлено загл. Три автографа: два черновых; правленный — без загл., с вар.

Шаг. НМ. 1957, № 4. Три автографа: два черновых и правленный. *Стадий* — древнегреч. мера длины, колебавшаяся от 150 до 190 м. *Ли* — мера длины в Китае; большое ли — от 576 до 664 м, малое ли — от 0,32 до 0,35 мм.

«Я вспоминаю Средние века...». «Неделя». 1962, 26 авг.— 1 сент. Семь автографов: три черновых; два правленных: один — под загл. «Средние века», с вар.; два беловых: оба — с вар.

«О, земля моя!...». Сб. «День русской поэзии». М., 1958. Двадцать пять автографов: двадцать четыре черновых; белойой — с вар.

«Тень Телевизорной Антенны...». ЛГ. 1965, 2 февр. Два автографа: черновой; правленный — с вар. *Крест соборный*. Вблизи станции метрополитена «Бауманская» находится Елоховский собор.

Птенец. НМ. 1957, № 9, под загл. «Птенец голубки».-БСП-61. Правленный автограф — под загл. «Птенец голубки», с вар.

Шаги. Юн. 1965, № 7. Беловой автограф, с вар.

* **Новое поколение.** Зв. 1968, № 1. Три автографа: черновой; два беловых: один — под загл. «Увлеченье», др. ред.

* **«Еще Боятся Высоты...».** Зн. 1961, № 3. Одиннадцать автографов: девять черновых; два беловых: первый — с вар., второй — др. ред.

«Что делается В механике...». ЛГ. 1959, 9 апр. Четырнадцать черновых автографов.

Люди. Юн. 1959, № 10. Пятнадцать черновых автографов. *Пентаграмма* — пятиугольник, на каждой стороне которого построены равные по высоте равнобедренные треугольники; в средние века использовался как магический знак.

«Когда раскапывали Помпею...». МГв. 1960, № 5, под загл. «Пустота», с вар.- НК-62, без загл., с вар.- СиП-1.- ВВВ-72 (возврат к ред. НК-62).- Печ. по ИЛ-73, где автор вернулся к ред. текста СиП-1. *Помпея* — античный город в окрестностях Неаполя, засыпанный пеплом при извержении Везувия в 79 г. н. э.

«Да здравствуют Искатели дорог!...». ЛГ. 1959, 24 окт., под загл. «Дороги», с вар.- НК-62.- СС-1. Двенадцать автографов: одиннадцать черновых и беловой. *Лютеция* — поселок до IV в. н. э., из которого вырос Париж. *Урга* — до 1924 г. название Улан-Батора. *Христиания* — так до 1924 г. называлась столица Норвегии. *Новый Амстердам* — первоначальное, до 1664 г., название Нью-Йорка. *Геркулесовы столбы* — древнее название Гибралтарского пролива; дойти до Геркулесовых столбов — в переносном смысле: дойти до предела.

«Невозможно Жить на белом свете...». Пр. 1965, 23 мая, под загл. «Невозможно...».- ГП-66. Четыре автографа: два черновых; два беловых: один — с вар. Авториз. машинопись.

Песни. Юн. 1962, № 2, без ст. 3—5, с вар.- НК-62, без ст. 3—5.- СиП-1.- ВВВ-72 (возврат к ред. НК-62).- Печ. по СС-1, где автор вернулся к ред. СиП-1. Три черновых автографа.

Весна. Зн. 1961, № 3.-СС-1. Три автографа: два черновых; беловой — с вар. *На циклопической арене* — на громадном пространстве.

Граница. ЛГ. 1960, 18 окт. Пять автографов: четыре черновых и беловой. *«Цепелины»* — дирижабли жесткой конструкции.

Небо и земля. М. 1960, № 1. Восемь автографов: семь черновых и один правленный. *Расширяющаяся Вселенная* — следствие нестационарности Вселенной, проявляющееся в увеличении расстояния между двумя ее «точками» (скоплениями галактик). *Красное смещение* — сме-

щение линий спектра источника излучения в сторону его красной части, при астрономических наблюдениях рассматривается как следствие космологического расширения Вселенной. *Разбегание галактик* — эффект, вытекающий из космологического расширения Вселенной.

«Он Перед нами Открывает душу...». Пр. 1960, 19 июня, под загл. «Поэт».- - БСП-61.

* **Ленинские горы.** М. 1960, № 1. Девять автографов: пять черновых; четыре беловых: один — без загл., др. ред., один — под загл. «Лазоревая станция», др. ред., три — с вар. *Ленинские горы* — здесь: станция Московского метрополитена, представляющая собой остекленный каркас из дюрала, без каких-либо украшений.

«Намеренья. Легко ли разгадать их!...». М. 1960, № 1.- -СиП-2. Правленный автограф — под загл. «Среди потока», с вар.

Пан. МК. 1963, 31 дек., с вар.- -ДП. 1964. Два автографа: черновой; правленный — с вар. *Демокрит* (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — древнегреч. философ-материалист, один из основателей античной атомистики. *Эпикур* (341—270 до н. э.) — древнегреч. философ-материалист, последователь атомистики Демокрита. *Лукреций* (ок. 99—55 до н. э.) — римский поэт и философ, сторонник атомистического материализма Демокрита и Эпикура, автор поэмы «О природе вещей», в которой излагал материалистическую философию древности. *Архипелаг.* Речь идет о Греческом архипелаге в Эгейском море. *Пан* (греч. миф.) — божество стад, лесов, полей; обычно изображался покрытым шерстью, с рогами и козлиными копытами. Выражение «Умер великий Пан!», восходящее к древнеримской легенде I в., употребляется иносказательно: оно означает и смерть великого человека, и конец целой эпохи. *Терем на земле Замоскворечья* — фасад старого здания Третьяковской галереи, сооруженной по проекту В. М. Васнецова, напоминает сказочный терем. *Врубель* — см. с. 673. Картина Врубеля «Пан» находится в Третьяковской галерее.

* **В девятьсот девяносто седьмом.** ДП. 1967. Три беловых автографа: первый — под загл. «Скупая запись», без ст. 30—34, др. ред., второй — др. ред. Авториз. машинопись — с вар. *Второе пришествие.* По христианской мифологии, со вторым пришествием Христа на землю настанет время *Страшного суда.*

Тоху-во-боху. ВЛ. 1966, № 6. Одиннадцать автографов: девять черновых, два беловых: первый — с вар., второй — без ст. 27—32. *Ноев ковчег.* По библейской легенде, праведник Ной спасся во время всемирного потопа в построенном им ковчеге. *Буги-вуги* — современный американский танец свободной композиции. *Енох* — по Библии, легендарный потомок Адама, живым взятый на небо. *Циклотрон* — ускоритель элементарных частиц, используется для изучения ядерных реакций. *Голубка Пикассо* — рисунок художника Пабло Пикассо (1881—1973) «Голубь мира» (1947), ставший эмблемой борьбы за мир.

* «Трава Никудышная, сорная...». ЛГ. 1963, 23 мая, под загл. «Разговор с небесами», др. ред.- -ВВВ-72. Правленный автограф — под загл. «Разговор с небесами», др. ред. (текст ЛГ).

* **Воспомязья.** Юн. 1962, № 4. Беловой автограф — др. ред.

Гора. ЛГ. 1962, 23 окт., с вар.-Перв-65, без загл.-Сип-1. Два правленных автографа: один — под загл. «Черновики», с вар.

Обвал. Юн. 1963, № 3. Черновой автограф. Авториз. машинопись.

* **Корень зла.** ДП. 1962. Четыре беловых автографа: три — с вар., четвертый — без загл., др. ред. Авториз. машинопись — с вар.

Лжете. ДП. 1962.

«**Сколько ты ни шевелился там...**». Сип-2. Семь автографов: четыре черновых; правленный; два беловых: оба — с вар. Авториз. машинопись — с вар. В ст-нии преломились впечатления детства поэта, проведенного в Омске, который «представлял собой скопище людей не двух, но по крайней мере двенадцати национальностей» (СС-3. С. 8—9). *Фата-моргана* — см. с. 680. *Датский телеграф.* До революции от Владивостока до зап. границы России вдоль линии железной дороги существовала международная телеграфная линия, принадлежавшая датской компании, в просторечии называемая «Датский телеграф». *Тито* — Иосиф Броз-Тито (1892—1980) — деятель югославского и международного коммунистического движения, с 1915 г. по 1920 г. был в России как военнопленный, участвовал в гражданской войне. *Кун Бела* (1886—1939) — венгерский интернационалист, во время первой мировой войны попал в русский плен, был отправлен в Сибирь, участвовал в гражданской войне на Восточном фронте, был в Омске.

Декабрь. ЛГ. 1960, 18 окт. Четыре автографа: три черновых и правленный.

«**Я разговаривал С одним врачом...**». ДП. 1966. Беловой автограф — с вар.

«**Я провожал Учительницу средней...**». «Смена». 1963, № 1. - Сип-2. Три автографа: черновой; правленный — др. ред.; беловой — с вар.

«**Стихотворцы Говорят стихами...**». Пр. 1967, 22 мая, под загл. «Поэт».- - ЛИ-69. Беловой автограф — с вар.

«**Рукава, Острова...**». Юн. 1962, № 4. -Сип-2. Пять автографов: три черновых; правленный — др. ред., беловой — с вар. Авториз. машинопись — с вар.

Ленинский проспект. Зн. 1961, № 3. - Перв-65, без загл.- - Печ. по Сип-2, где восстановлено загл. Три автографа: черновой; два беловых: один — без загл. *В магазине изотопов.* В начале 60-х гг. на Ленинском проспекте, недалеко от дома, где жил Мартынов, был открыт магазин «Изотопы».

«**Отмечали Вы, схоласты...**». Юн. 1962, № 4. Три автографа: черновой; два беловых: оба — под загл. «Схоласты», один — с вар., второй — др. ред. *Птолемей* Клавдий (ок. 90 — ок. 160) — древнегреч. астроном, создатель геоцентрической системы мира. *Галилей* Галилео (1564—1642) — итальянский ученый, активно защищавший гелиоцентрическую систему мира, был предан суду инквизиции.

«**Где-то там Испортился реактор...**». НК-62. Черновой автограф.

«Я видел, Как он борется со львом!..». ЛР. 1964, 10 янв. Три автографа: два черновых; один правленный.

«Мы Правдой Мир вооружаем...». Зн. 1962, № 1.

Вознесся в космос человек. Зв. 1961, № 5. Три автографа: правленный — с вар.; два беловых: один — без загл., с вар.

Курский выступ. ВЛ. 1966, № 6. *Курский выступ* (Курская дуга) — расположение в районе Курска и Белгорода советских войск зимой и летом 1942—1943 гг., создавших на линии фронта глубокий выступ. Немецкое командование планировало ударами с севера и юга окружить и уничтожить советские войска. В развернувшейся битве 5 июля — 23 авг. 1943 г. войска вермахта потерпели поражение. Курская битва знаменовала собой коренной перелом в ходе войны. *Орел.* В честь освобождения 5 авг. 1943 г. Орла и Белгорода в Москве был дан первый победный артиллерийский салют. *Бежин луг* — место, описанное Тургеневым в одноименном рассказе, оно находилось в тринадцати верстах от Спаского-Лутовинова, бывшей усадьбы матери писателя, где Тургенев провел детство и бывал в зрелые годы. *Ясная Поляна* — музей-усадьба Л. Н. Толстого в 14 км от Тулы, была захвачена немецко-фашистскими войсками с 30 окт. по 15 дек. 1941 г.

Неуязвимость. Г-72. Двадцать шесть автографов: двадцать четыре черновых; два беловых: один — без загл., с вар.

«Я с Музюю Глубокой ночью...». ДП. 1961, под загл. «Белый диск», с вар. - - НК-62. - - Перв-65 (возврат к загл. ДП). - - Печ. по СС-1, где автор вернулся к загл. НК-62. Шесть автографов: два черновых; два правленных: первый — под загл. «Белый диск», с вар. (текст ДП), второй — др. ред.; два беловых, оба — под загл. «Барометр»: первый — др. ред., второй — без ст. 1—13, др. ред. Две авториз. машинописи. «*Националь*» — гостиница на проспекте Маркса в Москве. *Блеснул из мрака диск, повисший На стенке университета.* На здании Московского университета, выходящем на проспект Маркса, установлен барометр.

Во-первых, во-вторых и в-третьих. Юн. 1962, № 4. Три автографа: два черновых и правленный. *Всё это началось тогда.* Поэт говорит о 12 апр. 1961 г., когда Ю. А. Гагарин (1934—1968) впервые в истории человечества совершил полет в космос.

Весна. МК. 1965, 28 марта. Правленный автограф. *Норд-Кап* — скалистый мыс на севере Европы (в Норвегии).

Терриконы. ЛР. 1963, 1 янв.

Проблема перевода. Юн. 1963, № 3. - - СС-1. Беловой автограф (текст Юн). *Вийон* Франсуа (1431? — год смерти неизвестен) — французский поэт, проживший бурную, полную приключений жизнь; был приговорен к повешению за убийство, помилован и изгнан из Парижа. Мартынов перевел ряд ст-ний Вийона. *Нордау* Макс (1849—1923) — псевдоним немецкого писателя Макса Зидфельда. *Верлен* Поль (1844—1896) — французский поэт-символист, участник Парижской коммуны; подвергался преследованиям реакции, сидел в тюрьме. Под влиянием тюремного священника написал книгу религиозных стихов. Умер в глубокой нищете. *Рембо* Артюр (1854—1891) — французский поэт, обличал

в стихах мещанство, религию, режим Второй империи; сочувствовал Парижской коммуне, посвятил ей стихи, после ее поражения отошел к символизму. Последние годы жизни был агентом торговой фирмы в Абиссинии. Мартыновым переведены некоторые стихи Рембо. *Большая Марго* — вставная баллада в «Большом завещании» Ф. Вийона. *Данс-макабр* — пляска мертвецов. *Контрданс* (фр.) — искаженное английское: сельский танец (country-dance), в XIX в. бальный танец, слился с кадрилию. *Какаду* — вид австралийских попугаев. *Антокольский* Павел Григорьевич (1896—1978) — сов. поэт, переводил на русский язык стихи многих поэтов советских республик.

«Я куплю себе усы и бороду...». Перв-65. Черновой автограф.

Томленье. «Неделя». 1963, 6—12 окт. - БО-64.

Круги по воде. СИП-2.

* **Над философским словарем.** Зн. 1964, № 9. Беловой автограф — без загл., с вар.

«Мир, Тот, которым мы владеем...». ЛГ. 1963, 14 нояб. Три автографа: черновой; два беловых: один — с вар.

«Много еще неясности...». ЛГ. 1963, 24 янв. Авториз. машинопись.

Настоящее мгновенье. ЛГ. 1962, 23 окт. Беловой автограф.

«Знаешь, Почему мне удаются...». Зн. 1964, № 9. - Перв-65, с вар. - Печ. по СИП-2, где автор вернулся к ред. Зн. Двадцать девять автографов: двадцать семь черновых; правленный — с вар., беловой — с вар. В стихе поэт обращается к воспоминаниям своего детства, проведенного в Омске (см. новеллу «Детские грезы»//СС-3. С. 7—17). *Словацкий* Юлиуш (1809—1849) — польский поэт, переводы стихов которого, сделанные Мартыновым, признаны одними из лучших. *Город азиатский* — Омск.

Небесный купол. ЛГ. 1963, 14 нояб. Четыре автографа: три черновых и беловой.

Простота. ГП-66. Беловой автограф — с вар.

Старые времена. Ог. 1965, № 20. Правленный автограф — без загл. *Феокрит* (конец IV — первая половина III в. до н. э.) — древнегреч. поэт, известный своими идиллиями — стихотворными описаниями сельской природы, на фоне которой изображаются идеализированные образы пастухов и пастушек. *Дафнис* и *Хлоя* — персонажи одноименного любовно-буколического романа древнегреч. писателя *Лонга* (II—III вв. н. э.). *Шатобриановские дикари* — персонажи повести «Атала, или Любовь двух дикарей» французского писателя Франсуа Рене де Шатобриана (1768—1848), недолгое время жившего в Америке.

«Сначала В облачный сосок...». СИП-2. Три автографа: два черновых; правленный — с вар.

«Одни Ворчат мне...». «Смена». 1963, № 1. Правленный автограф.

В ядре. УГ. 1966, 1 янв., под загл. «Земля».- - ГП-66.- - ВВВ-72 (возврат к загл. УГ).- - Печ. по СС-1, где восстановлено загл. ГП-66. Беловой автограф.

Успокоился воздух. Зн. 1963, № 12, с вар.- - СиП-2. Три автографа: черновой; два беловых: один — без загл., с вар.

Сила тяжести. МГв. 1963, № 7, без ст. 16—20, дата: 1963.- - Перв-65, без ст. 16—20.- - СиП-2, дата: 1962.- - ВВВ-72 (возврат к ред. Перв-65).- - ИЛ-73 (возврат к ред. СиП-2).- - СС-1, дата: 1962. Черновой автограф. *Архимед* (ок. 287—212 до н. э.) — древнегреч. ученый, известно его выражение: «Дайте мне, где стоять, и я сдвину землю».

Взрыв. «Смена». 1953, № 1. Правленный автограф. «*Взрыв*» — картина «Взрыв турецкого корабля» Ивана Константиновича Айвазовского (1817—1900) осталась незавершенной. В г. *Феодосия* (на Крымском берегу) находится картинная галерея Айвазовского.

Камни. Зн. 1963, № 12, под загл. «Поле».- - ГП-66. Авториз. машинопись. *Рублево, Барвиха, Петрово, Петрово-Дальнее* — подмосковные селения, к западу от Москвы.

«Мои Товарищи, Поэты...». ЛГ. 1963, 14 нояб. *Разлив* — поселок в 34 км от Ленинграда, в районе которого летом 1917 г. скрывался В. И. Ленин от преследований буржуазного Временного правительства.

Стикс. ЛГ. 1964, 29 авг. Беловой автограф. *Стикс, Харон* — см. с. 672. *Рубикон* — река, в древности служившая границей между Римом и его провинцией — Цизальпинской Галлией; в переносном значении — важный рубеж.

На берегу. Юн. 1964, № 3. Беловой автограф.

Перевод с греческого. МГв. 1964, № 4, с вар.- - Перв-65.- - СиП-2. Правленный автограф — с вар. *Перикл* (ок. 490—429 до н. э.) — вождь афинской демократии в период ее расцвета. *Рушилась Империя.* Наибольшего развития Византийская империя достигла к VI в., став могущественной средиземноморской державой, в состав которой входили Балканский полуостров, Малая Азия, юго-вост. Средиземноморье. Захваты ее земель в VII—IX вв. арабами, славянами, лангобардами свели территорию империи к части Балканского полуострова и Малой Азии. В 1204 г. крестоносцы захватили Константинополь, что привело к падению Византийской империи и к образованию Латинской империи, а на не завоеванной крестоносцами территории — греческих государств. *Себаст* (греч.) — почтенный, уважаемый. *Акоминат* Михаил (ок. 1140—1220) — византийский писатель, автор гимна Афинам, архиепископ Афинский. *Акрополь* — укрепленная часть древнегреч. города, располагавшаяся на возвышенности; особенно известен акрополь Афин, где находились важнейшие общественные здания и храмы. *Зон* (греч.) — персонификация времени. *Иксион* (греч. миф.) — царь лапифов, мифического племени, обитавшего в горах и лесах; добывался любви Геры, супруги Зевса; Зевс создал призрак Геры, от которого рождались кентавры. Иксион был наказан Зевсом — прикован к вечно вращающемуся огненному колесу. *Лен* — земельный надел, пожалованный королем вассалу в пожизненное владение. *Оттон де ля Рош* — представитель бургундской фамилии,

владевший афинским герцогством во время господства в Греции франков (с 1205 г.). *Неопатры, Коринф и Фивы* — города и местности Византийской империи, отошедшие к франкам после завоевания Византии крестоносцами во время четвертого похода.

«Тысяча девятьсот пятый...». Юн. 1963, № 3, под загл. «Год рождения моего», с вар. - - ГП-66. Два черновых автографа. *Ленин целился в махистов*. Сочинение В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», направленное против субъективно-идеалистической философии Э. Маха и Р. Авенариуса, вышло в мае 1909 г. *Пикассо* — см. примеч. к ст-нию «Тоху-во-боху», с. 683. *Циолковский вычислял ракету*. В начале 900-х гг. Циолковский работал над трудом «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1-я часть работы опубликована в 1903 г., 2-я — в 1911 г.). *Эйнштейн* Альберт (1879—1955) — один из основателей современной физики, создатель теории относительности.

Абрамцево. «Неделя». 1963, 15—21 дек. *Абрамцево* — усадьба близ Загорска (Моск. обл.). С 1843 г. принадлежало Аксаковым, с 1870 г. — С. И. Мамонтову, с 1918 г. — музей. В Абрамцево у писателя С. Т. Аксакова гостили Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Ф. И. Тютчев, В. Г. Белинский, Г. Н. Грановский и др. В конце XIX в. здесь возник центр русской художественной жизни, с которым связаны имена многих крупных художников и артистов — В. Д. Поленова, В. А. Серова, В. М. и А. М. Васнецовых, И. Е. Репина, М. В. Нестерова, И. И. Левитана, М. А. Врубеля, Ф. И. Шалюпина, К. С. Станиславского и др. С 1882 г. в Абрамцево существовала мастерская художественной резьбы по дереву. *Славянофилы* — представители одного из направлений рус. общественной мысли XIX в., которые доказывали исключительную самобытность исторического пути России, противопоставляемого ими капиталистическому развитию Запада; идеализировали патриархальные обычаи старины и православие. *Западники* — оппозиционное славянофильству направление рус. общественной мысли, приверженцы которого признавали необходимость развития России по западноевропейскому капиталистическому пути. *Майолики Врубеля*. Врубелем были изготовлены в Абрамцево замечательные образцы майоликовых скульптур (Мизгирь, Купава, Весна и др.). *Ольга* — дочь писателя В. Г. Уткова, друга поэта.

«Не грозят мне Ни топор, ни плаха...». ЛР. 1964, 10 янв.

Деревня. ДП. 1965. *Глаголица* — одна из двух древних славянских азбук с более сложным начертанием букв, чем в кириллице.

«Я, конечно, тоже недоволен...». УГ. 1964, 28 июля. Два беловых автографа: один — под загл. «Недовольство», с вар.

«Накапливается масса дел...». НК-62. Девятнадцать автографов: восемнадцать черновых; правленный — под загл. «Труд», с вар.

Я поднял стихотворную волну. МГв. 1963, № 7, без загл., с вар. - - СиП-2. - - ВВВ-72 (возврат к ред. МГв). - - Печ. по СС-1, где автор вернулся к ред. СиП-2. Шесть автографов: черновой; три правленных: все — без загл., один — с вар., два — др. ред.; два беловых: первый — без загл., с вар. (текст МГв), второй — с вар. Авториз. машинопись — без загл., с вар. (текст МГв).

Великие. Юн. 1964, № 3, под загл. «Богомазы».-Перв-65, без загл.- -Сип-2.

Старые поэты. ДП. 1965.

«**Есть горы, Что остались до сих пор...**». ЛР. 1964, 10 янв., под загл. «Горы».-Перв-65. Два автографа: черновой и правленный.

Не по прописи. ЛР. 1964, 10 янв. Пять автографов: четыре черновых и белойой.

«**Я Тебя Не умею беречь...**». Сип-2. Три автографа: два черновых и белойой.

«**Был Дождь как дождь...**». ЛГ. 1965, 2 февр.-Г-72, без ст. 1—21.-Печ. по Г-78, где автор вернулся к ред. ЛГ.

Время. Сип-2. Пять автографов: четыре черновых; белойой — с вар.

Ровесник. УГ. 1964, 28 июля. Беловой автограф.

Спиной к спине. ВЛ. 1966, № 6.-Г-72. Шесть автографов: четыре черновых; два белových: первый — текст ВЛ, второй — без загл., с вар.

Доклад. Сип-2. *Кювье Жорж* (1769—1832) — выдающийся французский ученый, зоолог, известный трудами в области палеонтологии и систематики животных. *О состоянии наук Пришел докладывать Наполеону.* В 1808 г. Кювье докладывал Наполеону о прогрессе наук с 1789 до 1808 г. *Давид Жак Луи* (1748—1825) — французский художник. *Фуше Жозеф* (1759—1820) — министр полиции Франции в 1799—1802, 1804—1810 и 1815 гг., беспринципный карьерист. *Рекамье Жюли* (1777—1849) — хозяйка модного в Париже политического и литературного салона. *Вселенная вихреобразна.* Речь идет о так назыв. теории катастроф, изложенной Кювье в его сочинении «Исследование ископаемых костей у четвероногих» (Париж, 1812). Согласно этой гипотезе, в «геологических катастрофах» гибнет вся наличная фауна, заменяемая в дальнейшем новой. *Вандомская колонна* — установлена в Париже в 1806—1810 гг. в честь побед Наполеона; в 1871 г. по декрету Парижской коммуны разрушена; восстановлена в 1875 г.

Двенадцать цезарей. ЛГ. 1964, 19 дек. Три автографа: два черновых; белойой — с вар. «Жизнь двенадцати цезарей», сочинение Гая Транквилла Светония (ок. 70—ок. 140), римского историка, было издано в 1964 г. в серии «Литературные памятники». Некоторое время издание плохо раскупалось. *Проскрипции* — список лиц, объявленных вне закона (в Древнем Риме). *Не выскочит в наполеоны Артиллерийский лейтенант.* Наполеон начал службу в чине мл. лейтенанта артиллерии.

Мать математика. ЛИ-69. Правленный автограф. *Бионика* — наука, изучающая структуры и функции живых организмов с целью воспроизведения этих структур и функций техническими средствами для создания новых приборов. *Книжечка о бионике.* Авторы этой книги: В. Я. Долятовский и И. Д. Пономарева. Ее название: «От живых организмов к автоматам» (Киев, 1967); цитата воспроизводится в ст-нии дословно. *Гаусс Карл Фридрих* (1777—1855) — немецкий ученый, математик, физик, астроном.

«Чувствую я, Что творится...». ЛГ. 1965, 2 февр.

* **Поэты.** ЛГ. 1965, 2 февр. Три автографа: черновой; правленный; белой — без загл., др. ред.

Сухие крылья. Зн. 1965, № 7. Черновой автограф.

«Кто вы, Сочинители былин?..». Зн. 1965, № 7.

* **Закат.** ЛГ. 1965, 27 мая. Пятнадцать автографов: одиннадцать черновых; четыре правленных: все — под загл. «Метаморфозы заката», др. ред. *Конфедераты* — участники конфедераций, временных оппозиционных сообществ польского дворянства — шляхты. *Багратион* Петр Иванович (1765—1812) — генерал рус. армии, происходивший из княжеского грузинского рода Багратиони, герой Отечественной войны 1812 г. *Павел I* (1754—1801) — русский император.

* **На фоне облаков.** «Смена». 1965, № 22. Три автографа: два черновых; белой — под загл. «Челнок», др. ред.

«Империю, Я видел твой закат!..». ЗН-76. Шесть автографов: три черновых; три правленных: первый — под загл. «Сонет», второй — др. ред. *Распутин* (Новых) Григорий Ефимович (1872—1916) — авантюрист, фаворит Николая II и его жены Александры, из крестьян Тобольской губернии; имел неограниченное влияние на царя, царицу и их окружение. Убит в дек. 1916 г. монархистами. «Распутинщина» — синоним крайнего разложения правящих верхов царской России. *Иловайский* Дмитрий Иванович (1832—1920) — автор учебников по истории для гимназий.

Видимое и невидимое. Зв. 1966, № 1. Правленный автограф — под загл. «Чудеса», с вар.

«Мы С Минского шоссе...». ЛР. 1965, 21 мая, под загл. «Чудесное местечко», с вар. - -ГП-66. Ст-ние навеяно впечатлениями поездки летом 1964 г. на дачу к знакомой Мартыновых, профессору-психологу Марии Семеновне Певзнер-Рейснер.

Лунный внук. МК. 1965, 27 июня. Черновой автограф.

* «**Месяц-Отрок Льет...**». Ог. 1965, № 20, под загл. «Месяц-отрок из старых есенинских строк».- -ЛИ-69. Четыре автографа: два черновых; правленный; белой — др. ред.

Башкирская пещера. ЛГ. 1964, 29 авг., без ст. 23—32.- -СиП-2. Черновой автограф. *Кроманьонец* — человек эпохи позднего палеолита, относящийся к европеоидной расе современного вида человека.

«О, если бы писали мы...». ЛГ. 1965, 2 февр. Правленный автограф.

Хлебников и черти. Зв. 1965, № 1.- -СиП-2. В 20-е гг. Мартынов некоторое время жил в Москве, надеясь поступить в Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС), недавно организованные в Москве. Первое время он остановился у своего друга художника Николая Мамонтова (1897—1963) в общежитии на Мясницкой (ныне ул. Кирова). В этом доме жил и поэт В. Хлебников (1885—1922). Об эпизоде,

рассказанном в ст-нии, Мартынов упоминает в новелле «Маски по-вхуте-масски» (СС-3. С. 284). *Катехизис* — изложение основ христианского вероучения в форме вопросов и ответов. *Требник* — книга, содержащая тексты церковных служб и изложение порядка совершения треб — богослужебных обрядов (крестины, венчание, панихида и пр.).

«Наступает Утро с ветром...». СИП-2. Четыре автографа: три черновых; белой — под загл. «Утро», с вар.

Мемуары. «Кругозор». 1964, № 5. Шесть автографов: три черновых; три правленных: один — без загл., два — др. ред. *Ольга Сократовна Чернышевская* (урожденная Васильева) (1833—1918) — жена (с 1853 г.) Н. Г. Чернышевского, умерла в Саратове. *Ненюфара* (фр.) — кувшинка. *Воронеж, ты снова Кольцова хоронишь.* Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) родился и умер в Воронеже. *Тверская-Ямская* — улица в Москве, с 1932 г. носит имя Горького. *Боливар* — широкополая шляпа, модная в 1820-х гг.

Оборотная сторона. ЛГ. 1965, 2 февр. Два автографа: правленный; белой — без загл., др. ред.

Надежда. Зв. 1965. № 1. Беловой автограф.

Какие вам стихи прочесть? СИП-2. Правленный автограф.

Петербургская баллада. Зв. 1965, № 1. Авториз. машинопись. *Филиппов* Михаил Михайлович (1858—1903) — ученый, писатель, журналист, изобретатель, основатель и первый редактор-издатель журнала «*Научное обозрение*», изд. в Петербурге с янв. 1894 по май 1903 г. В журнале сотрудничали В. И. Ленин, Д. И. Менделеев, К. Э. Циолковский, Г. В. Плеханов. *Другой Филиппов* — известный в дореволюционной Москве владелец пекарен, булочных и кондитерских И. М. Филиппов (1824—1878). *Измышлял он генератор света.* М. М. Филиппов работал над проблемой передачи электротока на расстоянии и достиг в этом успеха — зажег из Петербурга люстру в Царском Селе. Изобретения Филиппова остались нереализованными, так как после смерти его архив исчез. *Романов* — царь Николай II. *Лазер* — оптический квантовый генератор, источник излучения, обладающий направленностью и большой плотностью энергии. *Мазер* — квантовый усилитель, используется в физических исследованиях, технике и космической связи.

У трамплина. ДП. 1965. Черновой автограф. Авториз. машинопись, с вар. *Трамплин* — речь идет о трамплине на Ленинских (бывш. Воробьевых) горах, сооруженном в 1953 г. *Университет* — высотное здание Московского гос. университета, построенное на Ленинских горах в 1949—1953 гг. *Воробьевское шоссе* — ныне улица А. Н. Косыгина. «*Былое и думы*» — книга мемуаров А. И. Герцена. *Он здесь бродил с Огаревым.* Юные Герцен и Огарев, как рассказывается в «*Былом и думах*», на Воробьевых горах поклялись посвятить свою жизнь борьбе против самодержавия. *Витберг* Александр Лаврентьевич (1787—1855) — русский архитектор, автор неосуществленного проекта грандиозного памятника-ансамбля на Воробьевых горах в честь победы России в Отечественной войне 1812 г.; одной из главных частей его был храм Христа Спасителя. Впоследствии по проекту архитектора К. А. Тона в память Отечественной войны 1812 г. был возведен храм Христа Спасителя на берегу р. Москвы

в районе современной Кропоткинской набережной; в 30-х гг. взорван и разобран для строительства на этом месте Дворца Советов; оно было прервано Великой Отечественной войной. Ныне здесь находится плавательный бассейн «Москва».

«Я брежу Только тем...». СиП-2. Правленный автограф — с вар.

Ленин. Изд-67. Беловой автограф — без загл., с вар. Положено на музыку А. П. Петровым, входит в шестую часть патетической поэмы «Бессмертие правды».

«Воспоминания зловещи...». Юн. 1969, № 3. Шесть автографов: пять черновых и беловой.

* **Ушедший в землю.** «Смена». 1969, № 12, под загл. «Древний океан», с вар.- - ЛИ-69. Пятнадцать автографов: одиннадцать черновых; два правленных: первый — с вар., второй — без загл., др. ред.; два белových: первый — под загл. «Древний океан», с вар. (текст «Смены»), второй — под загл. «Недра», др. ред.

Силуэты пней. ЛР. 1966, 21 окт. Четыре автографа: два черновых; два правленных: один — без загл., с вар. *Эрьзя* (наст. фамилия Нефедов) Степан Дмитриевич (1876—1959) — сов. скульптор, в 1906—1914 и 1925—1950 гг. жил и работал за рубежом, часто использовал для своих произведений редкие породы деревьев (квебрахо и альгароббо из тропических лесов Аргентины), живописные наросты, наплывы, пни.

Мягкая рухлядь. Юн. 1966, № 11. Три автографа: два правленных, оба — с вар., и беловой.

Виденья Босха. ДН. 1976, № 1. Тринадцать автографов: одиннадцать черновых; два правленных: один — без загл., оба — др. ред. Авториз. машинопись. *Босх* Иеронимус (ок. 1460—1516) — нидерландский живописец. *Триптих* — три произведения искусства (здесь: ст-ния), объединенные общим замыслом. «*Мир искусства*» — рус. художественное объединение, существовавшее в 1898—1924 гг. *МОСХ* — Московское отделение Союза художников РСФСР.

Голос природы. ГП-66. Два автографа: правленный; беловой — без загл.

«Мир не до конца досоздан...». НиЖ. 1966, № 3, под загл. «Если бы открыл звезду я...».- - ГП-66. Две авториз. машинописи: первая — под загл. «Если бы открыл звезду я...» (текст НиЖ), вторая — под загл. «Плāнета Фридман». *Фридман* Александр Александрович (1888—1925) — сов. математик и геофизик, один из основателей современной космологии. *Эйнштейн* — см. с. 688.

Венера. «Моск. правда». 1966, 28 янв. Правленный автограф.

В Париже. Зн. 1966, № 2. В Париж Мартынов ездил с делегациями советских поэтов в 1964 и 1965 гг. «*Каравелла*» — пассажирский самолет, выпускаемый во Франции с 1958 г.

Подмосковье. Зн. 1965, № 7. Восемь автографов: пять черновых; два правленных: оба — с вар.; беловой — под загл. «Деревня», др. ред. Авто-

риз. машинопись. *Глаголица, кириллица* — см. с. 688. *Нестор* — рус. летописец XI — нач. XII в. *Полустав* — графическая разновидность письма в греческих и славянских рукописях, обеспечивающая большую скоропись. *Пьеха* Эдита Станиславовна — певица, народная артистка РСФСР.

Внутренний мир. ЛР. 1965, 21 мая. Три автографа: два черновых; белой — без загл., др. ред.

Верви. «Смена». 1965, № 22. Авториз. машинопись.

«В метрополитене, В универмаге...». Зв. 1966, № 7.

«О, Россия!..». ЛР. 1966, 21 окт., под загл. «Русь».--ЛИ-69.--ЗН-76 (возврат к загл. ЛР).- -Печ. по СС-2. *Исполать* — слава, хвала.

Два облика. Зв. 1966, № 7. Беловой автограф.

Черные тучи. Зв. 1973, № 12, под загл. «Тучи».- -ЗН-76.

«Есть люди: Обо мне забыли...». Юн. 1966, № 1, с вар.--СС-2. Два автографа: правленный — с вар.; белой. *Древлянский князь* — глава союза восточнославянских племен в VI—X вв., обитавших к северу до р. Припяти, между реками Случь и Тетерев.

Идиллия. Зв. 1966, № 1. Черновой автограф — под загл. «Блеск росы». *Эльф* (герм.-скандин. миф.) — дух природы, благожелательный к людям.

Библиотека Грозного. ВЛ. 1966, № 6. *Библиотеку Ивана IV* ищут многие годы в Москве, в г. Александрове (Владимирской обл.) и других местах, поиски пока не дали результата.

«Небо Вновь набито сероватой...». Зв. 1966, № 7. Черновой автограф.

Много прежде. Зн. 1966, № 2. Двадцать шесть автографов: двадцать пять черновых; белой — без загл., др. ред. *Пяндж* — река в Азии, по которой проходит граница СССР с Афганистаном. *Зороастр* (Заратуштра) — пророк и реформатор древнеиранской религии, живший ок. X—VI вв. до н. э., основатель зороастризма. *Ницше* Фридрих (1844—1900) — немецкий философ, поэт, автор книги «Так говорил Заратустра» (1883—1884); проповедовал культ сильной личности — «сверхчеловека»; с 1889 г. душевнобольной. *Эдды* — Эдда Младшая и Эдда Старшая — древнеисландские и скандинавские мифические сказания и героические песни. *Кьеркегор* Серен (1813—1855) — датский теолог, философ, писатель, один из предшественников экзистенциализма.

Чет и нечет. Юн. 1971, № 4.--Г-72. Правленный автограф.

Отчизна. «Пионер». 1966, № 9, с вар.--Г-72.

Воры времени. МК. 1966, 22 июня. Пять автографов: два черновых; два правленных: один — под загл. «Воры», оба — с вар.; белой.

Сверлящий взор. «Смена». 1969, № 2, без загл.--ЛИ-69. Два правленных автографа: один — без загл., с вар. *Китеж* — легендарный город. Согласно народной легенде, он находился в районе озера Светло-

яр (ныне Семеновский район Горьковской обл.), был захвачен Батыем и с тех пор стал невидим. По другой версии, Китеж непокоренным погрузился на дно озера Светлояр. *Номады* — кочевники.

Дневники. Юн. 1968, № 5. Два автографа: правленный — под загл. «Дневник», с вар.; белой.

Алтай. «Смена». 1969, № 12. Три автографа: черновой; правленный — под загл. «Алтайская явь», с вар.; белой.

«Я осенью Немного раздражен...». Зв. 1968, 1, под загл. «Осень».—ЛИ-69. Беловой автограф — под загл. «Осень».

Погасшая молния. Юн. 1966, № 11. Два черновых автографа.

Я научился сочинять стихи. ЛИ-69. Правленный автограф.

* **Вечный путь.** ДП. 1966. Два автографа: правленный — без загл., др. ред.; белой.

* **Ошибка Гершеля.** МК. 1966, 22 июня. Семь автографов: пять черновых; два белых: один — с вар. Авториз. машинопись — под загл. «Ошибка», др. ред. *Гершель Уильям (1738—1822)* — английский астроном. Гершель считал, что Солнце состоит из темного холодного ядра, на котором обитают живые существа; ядро окружено двумя оболочками — внешней (раскаленной) и внутренней (малопрозрачной), защищающей солнечных жителей от нестерпимого жара первой оболочки. *Саламандра* — хвостатое земноводное, по средневековым поверьям, не сгорала, так как являлась духом огня.

«Какого цвета Ранняя весна?..». Юн. 1967, № 7, под загл. «Какого цвета ранняя весна».— ЛИ-69.

Черно-бурая жертва. ВЛ. 1966, № 6. Правленный автограф, с вар. Авториз. машинопись.

Проза Есенина. ГП-66.- СС-2. Авториз. машинопись. Мартынов первым из поэтов обратил внимание на космические мотивы в статье-трактате С. Есенина «Ключи Марии» (Собр. соч. М., 1979. Т. 5. С. 167—191). Кроме процитированных Мартыновым в ст-нии отрывков С. Есенин пророчески писал: «Пространство будет побеждено... Воздушные рифы глазам воздушных корабельщиков будут видимы так же, как рифы водные... человечество будет переключаться с Земли не только с близкими ему по планетам спутниками, а со всем миром в его необъятности» (Там же. С. 182). *Чагин* (наст. фамилия Болдовкин) Петр Иванович (1898—1967) — сов. литературный деятель, издатель, близкий знакомый Есенина. *Дункан Айседора (1878—1927)* — американская танцовщица; в 1921—1924 гг. жила в Советском Союзе, в 1922 г. вступила в брак с Есениным.

Случается. Зв. 1966, № 7. Два белых автографа: один — без загл., с вар.

Классики. ДП. 1967. *Как Добролюбов с Герценом, И поспорить.* В конце 1850-х гг. вспыхнула полемика между А. И. Герценом, с одной стороны, и Н. А. Добролюбовым и Н. Г. Чернышевским, — с другой, по поводу оценки «лишних» людей. Революционные демократы подчеркивали пассивность этого типа русской жизни, широко отразившегося в лите-

ратуре. Герцен же указывал на исторические заслуги «лишних» людей в мрачную эпоху последекабрьской реакции, видя в них предшественников революционных деятелей современности. *Точно Гончаров с Тургеневым, преищрается*. Причиной натянутых отношений И. А. Гончарова и И. С. Тургенева была мнительность первого, подозревавшего Тургенева в том, что он использует в своем творчестве темы и мотивы романа «Обрыв».

Встреча с Таном. ДП. 1967. В середине 20-х гг. Мартынов вместе с писателем В. А. Итиным поехал в Ленинград, где встретился с профессором Ленинградского университета Владимиром Германовичем *Таном-Богоразом* (1865—1936), этнографом и писателем. Мартынов пытался поступить на географический факультет, но Тан отказал ему, посоветовав продолжать писать стихи. Об этой встрече Мартынов рассказывает в новелле «Как я начал печататься в „Сибирских огнях“» (СС-3. С. 165). *Я написал стихотворение И, напечатав его в «Звезде»*. См. примеч. к ст-нию «Корреспондент», с. 666.

Во дни переворота. Пр. 1967, 9 нояб., вместе со ст-нием «Октябрь был подобен не только бойцу...», под общим загл. «Октябрь».- - ЛИ-69. Беловой автограф — с вар.

Тетрадь. Юн. 1968, № 5. Два правленных автографа.

Тяга к солнцу. Пр. 1967, 22 мая. Правленный автограф.

Баллада о композиторе Виссарионе Шебалине. В. Я. Шебалин. Статьи. Воспоминания. Материалы. М., 1970, под загл. «Музыка», с посвящением А. М. Шебалиной, с вар., дата: 1965, Москва.- - Г-72. Двенадцать автографов: одиннадцать черновых; беловой. Авториз. машинопись — под загл. «Музыка». Композитора Виссариона Яковлевича *Шебалина* (1902—1963) Мартынов знал еще в юные годы, в Омске (см. новеллу «Омские озорники»//СС-3. С. 104—112). *Алеша* — жена Шебалина, Алиса Максимовна, которую близкие люди звали Алешей. *Рона* — уменьшительное от Виссариона. *И собор — наискосок костела, возвышавшийся вблизи мечети*. Здесь и далее реалии старого Омска. *Кирка* (кирха) — лютеранский храм. *Скетинг-ринг* — см. с. 681. *Ремингтон* — марка пишущей машинки, распространенная с 1874 г. по нач. XX в.

«Не будь Увядшим гладиолусом...». Зв. 1968, № 1, с вар.- - Г-72. Черновой автограф.

«Он залатан, Мой косматый парус...». Изв. 1967, 20 мая, под загл. «Парус», с вар.- - Г-72.

* **Лета.** Юн. 1969, № 3, с вар.- - СС-2. Два автографа: правленный — др. ред.; беловой — с вар. (текст Юн). *Истра* — левый приток Москвы-реки. *Неопалимая купина* — по библейской легенде, горящий, но не сгорающий куст терновника. *Новый Иерусалим*. Новоиерусалимский (Воскресенский) монастырь под г. Истра, основан в XVII в. патриархом Никоном; в дек. 1941 г. разрушен немецко-фашистскими захватчиками.

Вятчи. «Смена». 1971, № 2, с вар.- - Г-72.

Лето. «Смена». 1969, № 12. Беловой автограф — под загл. «Мирный гул», с вар.

Еще не всё я понимал глубоко. ЛГ. 1967, 1 мая. Мартынов высоко ценил творчество В. В. Маяковского: «С помощью Маяковского,— писал он,— я понял, что такое поэзия вообще» (СС-3. С. 27). *Бурлюк* Давид Давидович (1882—1967) — рус. поэт и художник, один из основателей русского футуризма, с 1920 г. в эмиграции. *На Польшу пал шрапнельный град*. Речь идет о начале первой мировой войны 1914—1918 гг.; шрапнель — снаряд, корпус которого заполнялся свинцовыми сферическими пулями. *Северянин* (наст. фамилия Лотарев) Игорь Васильевич (1887—1941) — рус. поэт; с 1918 г. жил в буржуазной Эстонии, в 1940 г. стал советским гражданином. *И Питер превратился в Петроград*. После начала войны Петербург был переименован в Петроград. *Георгиевский крест* — знак военного ордена, которым награждались в дореволюционной рус. армии военнослужащие за выдающуюся храбрость, имел 4 степени. *Грин* (наст. фамилия Гриневский) Александр Степанович (1880—1932) — рус. сов. писатель. *Гимназический мундирчик жал*. В начале 1920 г. Мартынов ушел из 4-го класса Омской мужской 1-й гимназии, на чем и закончилось его школьное образование. *В тревожном взоре Александра Блока*. Мартынов писал: «Блока я называю своей второй, после Маяковского, любовью... Блок как бы приобщил меня к ощущению России, многое прибавив к моему представлению о ней, которую, в сущности, я так мало знал из своего зауральского далека. Блок дал мне ощущение Куликова поля, ощущение Руси. Он одарил меня, пожалуй, не меньше, чем Маяковский, и предчувствием надвигающихся событий, и — я не преувеличу, сказав,— предощущением близкой революции» (СС-3. С. 31—32).

Прятки. ДП. 1968. Правленный автограф.

Евразийская баллада. Юн. 1967, № 7. Два правленных автографа: один — с вар. *Мадьяры* — венгры. *Буда* — часть Будапешта на правом берегу Дуная. *Юлиуш* (Юлиан) — монах, проповедовавший христианство венграм в начале монголо-татарского нашествия на Русь. *Пешт* — низменная часть Будапешта на левом берегу Дуная. *Анонимус* (Аноним) — летописец XIII в., автор труда «Деяния венгров»; его статуя работы Миклоша Лигети (1903 г.) находится во дворе крепости Вайдахуняд. В знак того, что имя его осталось неизвестным, его лицо скрыто капюшоном. *Вамбери* Арминий (1832—1913) — венгерский тюрколог и путешественник; в 1864 г., переодетый дервишем, он путешествовал по Средней Азии, побывал в Хиве, Бухаре, Самарканде. *Слил Секешфехервар с Ханты-Мансийском*. Речь идет о лингвистических изысканиях Вамбери; языки ханты, манси и венгров относятся к финно-угорской группе языков. *Боляй Янош* (1802—1860) — венгерский математик, самостоятельно пришедший к основам неэвклидовой геометрии. *Лобачевский* Николай Иванович (1792—1856) — рус. математик, создатель неэвклидовой геометрии. *Темешвар* (Тимишоара) — город на западе Румынии. *Эвклид* — древнегреч. математик (III в. до н. э.), создатель основ античной математики. *Кошут* Лайош (1802—1894) — организатор борьбы венгерского народа за независимость в 1848—1849 гг., был дружен с Герценом. *Кун* Бела — см. с. 684. *Петефи* Шандор (1823—1849) — венгерский поэт, революционный демократ, его отец, родом серб, носил фамилию *Петрович*.

Поэзия. Юн. 1967, № 7, под загл. «Мед Одина». - - ЛИ-69. Девять автографов: шесть черновых; два правленных: оба — др. ред.; белой —

с вар. Ст-ние представляет собой вольный пересказ легенды об *Одине* — верховном боге скандинавского пантеона. *Асгард* (скандин. миф.) — небесное селение, крепость богов. *Асы* — основная группа богов, возглавляемая *Одином* (отцом большинства асов). *Сменил он глаз на внутреннее зрение*. В одной из легенд *Один* отдает свой глаз великану *Мимиру*, хозяину источника мудрости, текущего у корней Мирового Древа. *И, жертвенно пронизав себя копьем*. *Один* приносит себя в жертву, пронзая себя копьем, и девять дней висит на Мировом Древе, после чего утоляет жажду священным медом и получает руны — носители мудрости (по другим данным, утоляет жажду из источника мудрости). *Древо Мировое* — характерный для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальное единство мира.

Дневник Шевченко. Зн. 1968, № 1. Два черновых автографа. *Шевченко* Тарас Григорьевич (1814—1861), освобожденный благодаря настойчивым хлопотам друзей из Новопетровского укрепления (ныне г. Форт-Шевченко), где он отбывал ссылку, 22 авг. 1857 г. выехал на пароходе «*Князь Пожарский*» из Астрахани в Нижний Новгород. В «Дневнике» он подробно описывает этот путь и своих спутников (*Шевченко* Т. Собр. соч. М., 1956. Т. 5.). *Хомяков* Алексей Степанович (1804—1860) — рус. поэт и публицист, славянофил. Его ст-ние «Россия» (в «Дневнике» Шевченко оно названо «Кающаяся Россия») написано в 1854 г. и распространялось в списках; напечатано после смерти поэта. *Бенедиктов* Владимир Григорьевич (1807—1873) — поэт и переводчик. *Певец кудряшек*. В «Дневнике» Шевченко называет Бенедиктова «поэтом кудрей», имея в виду его ст-ние «Кудри». «*Собачий пир*» *Барбье*. *Барбье* Огюст (1805—1882) — фр. поэт, автор революционных стихов, его ст-ние «Собачий пир» получило широкое распространение в списках, в переводе Бенедиктова, о котором с похвалой отзывался Шевченко. *Не стало Тормоза*. Тормозом называл Николая I Герцен. *И в Пиуну Катеньку влюбился*. Екатерина Борисовна Пиунова, в замужестве Шмидтгоф (1843—1909) — актриса, которой увлекся в Нижнем Новгороде Шевченко.

Имена мастеров. ЛИ-69. Правленный автограф. Аториз. машинопись — без. ст. 18—21, с вар. *Баженов* Василий Иванович (1737 или 1738—1799) — рус. архитектор. *Веснины* — сов. архитекторы, братья: Леонид (1880—1933), Виктор (1882—1950) и Александр (1883—1959) Александровичи.

Птица Сирин. ДП. 1968. - ЛИ-69. Два автографа: правленный — под загл. «Русский стих», с вар.; белой (текст ДП). *Сирин* — птица-дева, традиционный сказочный образ в русском искусстве.

Драгоценный камень. ЛГ. 1968, 6 нояб. Правленный автограф. В основе ст-ния — реальное событие: в окрестностях села Степановское, близ впадения Истры в Москва-реку, где Мартынов начиная с конца 60-х гг. проводил каждое лето, поэт нашел камень, удивительно напоминающий голову быка. Камень хранится в московской квартире Мартынова. *Древней глыбе придал вид Европы И украсившего ее быка*. Европа (греч. миф.) — дочь финикийского царя, была похищена Зевсом, превратившись в быка.

Двенадцатое колено. «Журналист». 1967, № 4, с вар. - ЛИ-69. *Колено* — поколение, род. *Хлыстовская богородица* — праведная сектантка в секте хлыстов (духовных христиан), в которую во время радений якобы воплощается бог.

«Обращаются, Как с пятилетним...». ЛИ-69. Два автографа: правленный — с вар.; белойой.

Яблоко. ЛГ. 1968, 5 июня. Беловой автограф.

Когда стихотворенье не выходит. ЛГ. 1967, 1 мая.

Печать молчанья. ЛИ-69. Правленный автограф.

У телевизора. ЛГ. 1967, 1 мая. Девять автографов: семь черновых; два правленных: первый — под загл. «Телевидение», др. ред., второй — под загл. «Интервиденье», др. ред. Машинопись — др. ред.

* **Чувство полета.** ЛИ-69. Беловой автограф — без загл., др. ред. *Лициенталь Отто* (1848—1896) — немецкий инженер, изобретатель планера.

Диодор Сицилийский. УГ. 1968, 9 янв. Два беловых автографа: один — др. ред. *Диодор Сицилийский* (ок. 90—21 до н. э.) — древнегреч. историк, автор «Исторической библиотеки» в 40 томах, частично дошедшей до наших дней. *Цезарь Кай Юлий* (102 или 100—44 до н. э.) — римский диктатор, полководец.

Вчерашний дождь. Зв. 1968, № 1.

«В садах За университетом...». «Смена». 1968, № 3.

«Незаменимых нет?..». «Сельская молодежь». 1966, № 4. - ЛИ-69. Беловой автограф (текст «Сельской молодежи»).

«Весна, Как незримая птица...». ЛГ. 1969, 1 янв., под загл. «Любовь», с вар. - ЛИ-69. Два правленных автографа.

Письмо. «Филателия». 1968, № 2. Правленный автограф.

Среди редющего леса. ЛГ. 1968, 24 апр. Два автографа: черновой; белойой — с вар.

Черт Багрянич. ЛГ. 1968, 24 апр. Три автографа: правленный — с вар.; два беловых: один — без загл., др. ред. *Вайгач* — остров на границе Баренцева и Карского морей. *Коч* — морское однопалубное парусно-гребное судно, применялось в XVI—XVII вв. на севере России. *Галич* — город в Костромской обл. *Котельнич* — город в Кировской обл. *Свечка* — поселок городского типа в Кировской обл. *Свислочь* — поселок городского типа в Гродненской обл. *Птичь* — река в Белоруссии, левый приток Припяти. *Маныч* — общее название озер и рек Кумо-Манычской впадины в Предкавказье.

«Год Двадцатый был...». Юн. 1969, № 3. Четыре автографа: два черновых; правленный — под загл. «В красных красках», с вар.; белойой. *Остоженка* — улица в Москве.

Ленин и Вселенная. Зн. 1969, № 5. Два автографа: черновой; белойой — с вар.

Гиперболы. АП. 1968, вып. 1, с вар.--Г-72. Беловой автограф.

Красота. Юн. 1969, № 3. Правленный автограф — с вар.

Земные блага. ДП. 1969, с вар.--Г-72. Правленный автограф.

* **С пути на путь.** «Смена». 1970, № 6.- Г-72. Три автографа: черновой — под загл. «Стрелочник ты сам»; правленный — без загл., с вар.; белой — под загл. «Старый стрелочник», др. ред.

«На одном Конце Москвы...». Юн. 1969, № 3.- Г-72. Положено на музыку Е. Адлером.

«Где-то, Может быть, во Мстере...». Зн. 1970, № 9. Два автографа: черновой и белой. *Мстера* (Владимирская обл.) и *Хохлома* (Горьковская обл.) — селения, известные художественными промыслами.

«Виджу: Подымающийся выше всё...». ДП. 1969, под загл. «Как ты пишешься».- Г-72. Правленный автограф, под загл. «Как ты пишешься» (текст ДП).

Насильно мил не будешь. Юн. 1970, № 3. Беловой автограф.

Есенин. Ог. 1973, 1 янв., с вар.--ЗН-76. Беловой автограф.

Келья летописца. «Смена». 1969, № 2.-СС-2. Беловой автограф. *Нестор* — летописец XI — нач. XII в., монах Киево-Печерского монастыря, считается автором первой ред. «Повести временных лет».

Я знаю, какова Любовь. ЛР. 1969, 27 июня. Пять автографов: три черновых; два белых: один — под загл. «Любовь», с вар.

Капля крови. Юн. 1969, № 10. Четыре автографа: черновой; правленный — без загл., с вар.; два белых: один — без загл., др. ред.

«Лесной Массив Красив...» ЛГ. 1969, 15 окт. Пять автографов: три черновых; правленный — под загл. «Сонет с кодой», с вар.; белой.

Натура. ЛГ. 1969, 15 окт., под загл. «Жизнь».- Г-72. Шесть автографов: три черновых; правленный — под загл. «Портрет», др. ред.; два белых: один — под загл. «Жизнь», др. ред.

* **Знак.** «Сельская молодежь». 1970, № 1. Четыре автографа: черновой; три белых: два — под загл. «Запятая», оба — др. ред., третий — под загл. «Знак», с вар. Авториз. машинопись — под загл. «Запятая», др. ред.

* **Двойник.** «Смена». 1970, № 6. Четыре автографа: два черновых; правленный — с вар.; белой — без загл., др. ред. Авториз. машинопись. *Нарцисс* (греч. миф.) — прекрасный юноша, отвергший любовь нимфы Эхо, за что был наказан Афродитой — влюбился в собственное отражение в воде и умер от неразделенной страсти.

Забывтый цветок. «Памир». 1971, № 4.

Полет над Барабой. Юн. 1969, № 3. Правленный автограф. *Бараба* — местное название Барабинской степи к югу от железной дороги. В одноименной новелле (СС-3. С. 207—212) Мартынов рассказывает об агитационном полете по маршруту Омск — Новосибирск на самолете «Юнкерс» под управлением летчика Н. М. *Иеске*, который он совершил в середине 20-х гг.

* **От жажды к песням.** ДП. 1971, без загл. - ВВВ-72. Четыре автографа: черновой; три правленных: первый — с вар., второй — под загл. «Когда я вижу, как взбухают тучи», др. ред., третий — под загл. «Когда я вижу тучи в небе ясном», др. ред. *Речь Посполита* — старинное название объединенного польско-литовского государства (1569—1795). *Святой Витт* — точнее Вит; собор его имени находится в Праге (в Пражском граде). *Траттория* (ит.) — ресторан, трактир. *Рубикон* — см. с. 687. *Равенна* — город и порт в Сев. Италии на берегу Адриатического моря, славится памятниками искусства V—XV вв. *Химеры Нотр-Дама*. Нотр-Дам — собор Парижской богородицы, богато украшенный скульптурными изображениями, среди которых различные фантастические чудища, в частности химеры. *А над Дунаем с круч паннонской Буды*. Буда — правобережная часть Будапешта — ранее (в VIII в.) входила в римскую провинцию Паннонию, занимавшую частично территорию современных Венгрии, Югославии и Австрии. *Юлиуш* — см. с. 696.

Пегас. Юн. 1970, № 3. Четыре автографа: черновой; три правленных: два — с вар. *Еще копытами о камень он не бил, Чтоб опьяняющий забубеивал поток*. Источник поэтического вдохновения — Иппокрена (греч. миф.) образовался после удара копытом коня Пегаса на горе Геликон.

«**И спросил я у кукушки...**». Юн. 1969, № 3. Беловой автограф.

Ревность. Зн. 1970, № 9. Два автографа: черновой и правленный.

Сон. Юн. 1970, № 3. - Г-72. Три автографа: черновой; два правленных: один — с вар.

Творчество. Юн. 1970, № 3, с вар. - Г-72. Четыре автографа: три черновых; правленный — с вар.

Волнение. ЛР. 1969, 27 июня. Два автографа: черновой; правленный — под загл. «Сердечное волнение», без ст. 6, др. ред.

«**Я как будто несколько столетий...**». Зн. 1970, № 9. Три автографа: два черновых и беловой.

Бессилье стариков. «Сельская молодежь». 1970, № 1. Беловой автограф.

«**Свои стихи Я узнаю...**». НМ. 1971, № 7, под загл. «Бард».- - Г-72.- - ВВВ-72, под загл. «Старый бард».- - Печ. по Г-78, где автором снято загл. Правленный автограф — под загл. «Старый бард».

* **Хваткий черт.** «Памир». 1971, № 4. Четыре автографа: черновой; три белových: один — под загл. «Черт», с вар.

«**Ты видишь? Через реку вброд...**». Зн. 1971, № 7.

Конверт. ЛГ. 1971, 28 апр.

Судьба. Зв. 1971, № 1, с вар. - Г-72. Авториз. машинопись — с вар. (текст Зв.).

Вечерняя звезда. Г-72. Два автографа: черновой и беловой.

* «Поэзия Отчаянно сложна...». Зв. 1971, № 1, под загл. «Поэзия».--СС-2. Десять автографов: семь черновых; правленный — под загл. «Поэзия»; два белых: оба — под загл. «Поэзия», др. ред. *Эребус* — действующий вулкан в Антарктиде, высота 3794 м.

Часы и весы. Г-72.

Книги. Зн. 1971, № 7. Правленный автограф — без загл., с вар.

Ангелы спора. Юн. 1971, № 4. Беловой автограф.

Воспоминанье. Зв. 1971, № 1. Беловой автограф. О поездке молодого Мартынова в Ленинград см. примеч. к ст-ниям «Корреспондент», с. 666, и «Встреча с Таном», с. 695. *Всадник на коне* — памятник Петру I (Медный всадник) на площади Декабристов (бывш. Сенатской). *Тихонов Николай Семенович* (1896—1979) — рус. сов. писатель, во второй половине 20-х гг. был заведующим отделом поэзии в ленинградском журнале «Звезда». *Году в двадцать шестом*. Даты в ст-нии указаны неточно: поэт был в Ленинграде в 1927 г., когда ему шел 23-й год.

* **Бык воспоминаний.** Зн. 1970, № 9. Пять автографов: три правленных: все — с вар.; два белых: один — с вар.

Слова. НМ. 1971, № 7. Три черновых автографа.

Две тени. ЛГ. 1971, 1 янв. Беловой автограф.

«Букет Валялся посреди стола...». Зв. 1971, № 1.- Г-72. Авториз. машинопись — под загл. «Наивная пчела», с вар.

Дети природы. «Смена». 1971, № 2.

* **Лисенок.** Зн. 1971, № 7, под загл. «Ребенок».--Г-72. Семь автографов: два черновых; два правленных; один — без загл., оба — др. ред.; три белых: два — др. ред.

Изобразительные средства. Зн. 1970, № 9, с вар.--Г-72.

«Еще шалят, По-летнему одеты...». ЛГ. 1974, 1 мая. Два автографа: черновой и беловой.

«Решение Уйти в монахи...». СС-2. Правленный автограф — под загл. «Решение».

Завет Верлена. Юн. 1973, № 4, с вар.- ЗН-76. Пять автографов: четыре черновых и беловой. Последняя строфа ст-ния — сжатый вольный пересказ известного ст-ния П. Верлена «Искусство поэзии». *Верлен* — см. с. 685.

Явление Тютчева. ВЛ. 1972, № 9, без ст. 13—16, с вар.- СС-2. Первый сборник ст-ний Тютчева вышел только в 1854 г., когда Федору Ивановичу *Тютчеву* (1803—1873) исполнился 51 год; за четыре года до этого в «Современнике» выступил Н. А. *Некрасов* (1821—1877/78) с первой развернутой оценкой творчества Тютчева-поэта, однако это было

признанием таланта Тютчева только в литературных кругах, более широкий интерес к поэзии Тютчева начался с середины 90-х гг.

* **Баллада о Федоре Достоевском.** «Кодры» (Кишинев). 1972, № 6. Семнадцать автографов: пятнадцать черновых; два беловых: первый — под загл. «У черта в турках», без ст. 19—32, второй — под загл. «Гость», др. ред. Авториз. машинопись — под загл. «Возможный разговор», без ст. 12 и 26—32, др. ред. Федор Михайлович *Достоевский* (1821—1881) был приговорен по делу петрашевцев в 1849 г. к четырехлетней каторге, которую отбывал в Омском остроге, после чего был зачислен солдатом в Сибирский линейный батальон. В 1859 г. уехал из Сибири в Тверь. *Валиханов* Чокан Чингисович (1835—1865) — казах, просветитель-демограф, этнограф, исследователь истории и культуры народов Средней Азии, Казахстана. Был дружен с Достоевским, встречался с ним в Омске после освобождения Достоевского из каторги, а затем в Семипалатинске, где писатель служил солдатом. В Петербурге Валиханов побывал только в 60-х гг.

* **Дар воображенья.** Юн. 1973, № 4, с вар.- - ЗН-76. Два автографа: правленный — без загл., с вар.; белой — без загл., др. ред. Мартынов начинал литературную деятельность и продолжал ее, уже будучи известным поэтом, как очеркист и репортер газет. В середине 30-х гг. в Омске он готовит сб. автобиографий орденосцев сельского хозяйства и работает вместе со старым коммунистом П. А. Россомахиным (1886—?) над книгой воспоминаний о гражданской войне на Северном Урале. Обе книги, законченные Мартыновым, к сожалению, не увидели света. *Нонпарель* — один из самых мелких типографских шрифтов. *Турксиб* — железная дорога, соединяющая Среднюю Азию с Сибирью, идет от Семипалатинска через Алма-Ату до станции Луговая. Одна из крупных строек Первой пятилетки (1929—1932). Мартынов неоднократно бывал на Турксибе как корреспондент; он напечатал в журналах и газетах ряд очерков о строительстве дороги, некоторые из которых вошли в его первую книгу очерков «Грубый корм» (М., 1930).

Мы с тобой. ЗН-76.

«**Лечу во времени...**». НС. 1974, № 9. - ЗН-76, с вар.- - Печ. по СС-2, где автор вернулся к ред. НС. Беловой автограф — с вар. (текст ЗН-76).

Прошлое. НМ. 1971, № 7, с вар.- - ЗН-76. Два беловых автографа: один — др. ред. *Стожары* — ряд шестов или кольев, поставленных конусообразно или клеткой для просушки сена; второе значение — народное наименование созвездия Плеяд.

«**А, это ты, В мечтах своих витатель...**». ЛР. 1971, 16 июля. Два автографа: черновой и правленный. Авториз. машинопись. *В тоске по галактическому млеку.* В данном случае речь идет о просторах Млечного Пути, представляющих собой собственно галактику.

Безбожница. Юн. 1971, № 4. *Кто был Христос, кто Савл, кто Павел.* По библейской легенде, иудей Савл был яростным противником христианства, но после того, как услышал с неба голос Христа, стал проповедником его учения — апостолом Павлом. *И кто во храме торговал.* Согласно евангельскому рассказу, Иисус, увидев однажды в храме толпу торговцев, покупателей и менял денег, изгнал их оттуда бичом.

Газетная тема. Юн. 1972, № 6. - СС-2. Два автографа: правленный — без загл., с вар.; беловой. *Ганди* Индира (1917—1985) — прогрессивный гос. деятель Индии, дочь Джавахарлала Неру (1889—1964).

Тайный друг. ДП. 1973, без загл. - СС-2. Беловой автограф — с вар.

* **Вообразить себя созвездьем.** Зн. 1972, № 7. Одиннадцать автографов: четыре черновых; семь белowych: три — под загл. «Созвездья», один — под загл. «Одиночки», два — др. ред., пять — с вар.

* **Земная ноша.** Зн. 1972, № 7. Беловой автограф — без загл., с вар.

«Со смерти Всё и начинается...». Г-72. Два автографа: правленный — с вар.; беловой.

Будничность. НМ. 1971, № 7. Беловой автограф — с вар.

Эфир. НМ. 1971, № 7. Два автографа: правленный — с вар.; беловой. *Эйнштейн* — см. с. 688. Работы Эйнштейна опровергали теорию эфира — универсальной сплошной среды, заполняющей мировое пространство, которую долгое время разделяли многие ученые.

Король. НМ. 1971, № 7, с вар. - Г-72. Черновой автограф, под загл. «Король писательский». *Сорокин* Антон Семенович (1884—1928) — рус. сов. писатель, один из близких знакомых молодого Мартынова. Ему посвящено немало строк в новеллах Мартынова, в частности в новелле «Омские озорники» (СС-3. С. 104—112). В 1926 г. Мартынов напечатал в новосибирской газете очерк о Сорокине «Дон Кихот сибирской литературы» («Сов. Сибирь». 1926, 23 мая). Сорокин называл себя королем писателей. В компании *Уфимцева*, *Жезлова*, *Шебалина*. Члены омских творческих групп в начале 20-х гг. «Червонная тройка» и «Артель поэтов и писателей», друзья молодого Мартынова: художник *Уфимцев* Виктор Иванович (1899—1964), впоследствии Народный художник Узбекской ССР (о нем см. примеч. к ст-нию «Мы — футуристы невольные...», с. 664), поэт *Жезлов* Борис Павлович (1904—1963) и музыкант *Шебалин* (см. о нем на с. 695).

Старый грех. НМ. 1971, № 7. Восемь автографов: семь черновых; правленный — с вар. *Пьер Мартин де ла Мартиньер* — французский врач, в 1653 г. совершил путешествие на корабле Датского торгового общества судовым врачом вдоль сев. берегов Европы до Новой Земли, а затем до Гренландии (описание экспедиции издано в 1671 г., рус. перевод — в 1911 г.). *Лапландия* — название природной области, в которую включается север Швеции, Норвегии, Финляндии и Мурманской обл. СССР. *Кола* — древнее селенье в устье одноименной реки (Мурманская обл.). *Вайгач* — см. с. 698. *Увезли Аборигенов захваченных*. Книга ла Мартиньера много раз переиздавалась с многочисленными вставками, дополнениями, нелепыми выдумками о северных народах. Эти дополнения, как пишет М. П. Алексеев, «принадлежат не автору, а издателем, искажившим первоначальный текст, или же переводчикам, не понявшим подлинника» (Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII—XVII вв. Иркутск, 1941. С. 315). История с увезенными аборигенами одна из таких выдумок.

«Ветер С юга на север...». НМ. 1971, № 7. Три автографа: правленный — с вар.; два белowych: один — с вар.

Семь пар. НС. 1974, № 9. - СС-2.

Орех. СС-2.

«Дождь Подкрался неожиданно...». АП. 1974, вып. 11. Два автографа: черновой и белой.

«Снежинка-горожанка...». Зв. 1973, № 7, под загл. «Мерцающее тельце».- - ЗН-76. Два автографа: черновой и белой.

Моховая. Ог. 1973, № 1. Пять автографов: три черновых; правленный — под загл. «Баллада о Моховой», др. ред.; белой. Две авториз. машинописи: одна — под загл. «Баллада о Моховой», др. ред. *Моховая и Охотный ряд* — прежние названия улиц до 1961 г., составивших ныне проспект Маркса. *Библиотечный холм* — см. примеч. к ст-нию «Мне кажется — стихи твои...», с. 674. *Громадой Университета Взбираясь к Ленинским горам*. См. примеч. к ст-нию «У трамплина», с. 691. *С высот библиотечной крыши Идут философы толпой*. На крыше нового корпуса Библиотеки им. В. И. Ленина установлены скульптуры философов и ученых.

Стоглав. СС-2. Четыре автографа: черновой; правленный — др. ред.; два белых: один — без загл., др. ред. *Стоглав* — сборник решений Стоглавого собора 1551 г., состоящий из ста глав. *Благоочиния устав* — основные нормы церковного культа и обрядности на Руси, утвержденные Стоглавым собором. *Третий Рим*. Старец Филофей, монах Псково-Печерского монастыря, около 1524 г. написал «Послание на звездочетцев», в котором говорил о греховности католического мира и о том, что «первый Рим» и «второй Рим» (Константинополь) перестали быть центрами христианского мира, на смену им приходит «третий Рим» — Русское государство. *Новгород не господин*. Господин Великий Новгород — так называли столицу феодальной новгородской республики (1136—1478 гг.).

Стихи и проза. ЛГ. 1973, 21 нояб., с вар.- - ЗН-76. Черновой автограф.

Гусенок. «Смена». 1973, № 2, с вар.- - СС-2. Четыре автографа: три черновых; белой — с вар. *Окарина* — род свистковой флейты, обычно из керамики.

* **Гром и молния.** МК. 1972, 1 сент. Семь автографов: четыре черновых; два правленных: один — с вар.; белой — без загл., др. ред.

Борьба. ВЛ. 1972, № 9. Четыре автографа: два черновых; два правленных: один — без загл., с вар.

Ветви. Юн. 1973, № 4.- - ЗН-76, под загл. «Голые ветви», с вар.- - Печ. по СС-2, где автор вернулся к ред. текста Юн. Три автографа: два черновых; белой — под загл. «Голые ветви», с вар. (текст ЗН-76).

Пошлость. Ог. 1973, № 1. Два белых автографа: один — с вар. Авториз. машинопись — с вар.

* **Автопортрет.** «Смена». 1973, № 2. Девять автографов: семь черно-

вых; два правленных: первый — под загл. «Слезы бусин», второй — под загл. «Охранный пояс», оба — др. ред.

Встану рано. АП. 1974, вып. 11. Беловой автограф.

«Ты у меня, Я у тебя в объятьях...». Зв. 1973, № 7.

Сугробы. НС. 1974, № 9. - ЗН-76, с вар. - - Печ. по СС-2, где автор вернулся к ред. текста НС. 1974. Черновой автограф.

Клонятся деревья. НС. 1974, № 9. Беловой автограф.

Вступившему в литературу. ЛГ. 1974, 1 мая. Девять автографов: восемь черновых; беловой — под загл. «Умильность».

Бакены. Юн. 1974, № 3. Черновой автограф.

Элегия. Юн. 1974, № 3.

«На детские твои нападки...». Юн. 1974, № 3.

Зори. Юн. 1974, № 3. Правленный автограф.

Белый сад. Юн. 1974, № 3. *Верлибр* — свободный стих, характерный отсутствием регулярной стопной основы в строках, необязательностью рифмы. *Белый стих* — стих без рифм.

Черный шар. Юн. 1974, № 3. *Митридат* Евпатор (132—63 до н. э.) — царь Понта, прозванный Великим, в его государство входили берега Черного моря, часть Крымского полуострова. *Понт* — Понт Эвксинский, т. е. Черное море.

Ноктюрн. НС. 1974, № 4. Беловой автограф.

Уменье. АП. 1974, вып. 11. Правленный автограф — с вар.

Содержимое того или иного ящика. ЗН-76.

Классика. НМ. 1974, № 6. Беловой автограф. Две авториз. машинописи, обе — с вар.

Бой колоколов. Юн. 1973, № 4, без загл., с вар. - - СС-2. Два автографа: черновой и правленный. Авториз. машинопись — с вар.

Пастораль. НС. 1974, № 4. - - ЗН-76, с вар. - - Печ. по СС-2, где автор вернулся к ред. текста НС. Четыре автографа: три черновых; беловой.

Дом отчий. Зв. 1973, № 7. Беловой автограф. *Бон Фрязин* — итальянский архитектор, один из строителей в 1505—1508 гг. колокольни Ивана Великого в Московском Кремле.

Дух творчества. «Смена». 1972, № 2. - - ЗН-76. Два правленных автографа: один — др. ред. А. А. Блок записал 4 янв. 1918 г. в дневнике о посещении его С. Есениным и о разговоре с ним. Речь шла о судьбах

интеллигенции в новых революционных условиях: «Интеллигент — как птица в клетке; к нему протягивается рука здоровая, жилистая (народ); он бьется, кричит от страха. А его возьмут... и выпустят...» (Блок А. Собр. соч.: В 6-ти томах. Л., 1982. Т. 5. С. 229).

На смерть Пикассо. Тр. 1973, 29 апр. Черновой автограф. В ст-нии перечислены действительные события, происходившие в день смерти испанского художника Пабло Пикассо (1881—1973), Михаила Юрьевича Лермонтова (1814—1841) и Алексея Максимовича Горького (1868—1936).

Новости. СС-2. Три беловых автографа: один — др. ред. Авториз. машинопись — без ст. 13, с вар. *Голгофа* — возвышенность вблизи Иерусалима, где будто бы был распят Христос. *Колизей* — амфитеатр, служивший для гладиаторских боев и других зрелищ в древнем Риме. *Ганзейский союз* — торговое и политическое объединение немецких городов в XIV—XVI вв. *Ост-Зее* — немецкое название Балтийского моря. *Мангазея* — см. с. 668. *Британский музей* — Британский национальный музей в Лондоне, один из крупнейших музеев мира, основан в 1753 г.

«О, Сибирь, В летах своих и зимах...». Зн. 1973, № 7, с вар.- - ЗН-76. Правленный автограф — с вар. *Васюганье* — таежно-болотистая местность в Обь-Иртышском междуречье, к северу от Барабинской степи.

Перчатка. Зв. 1973, № 7. Беловой автограф.

Плащ. НМ. 1974, № 6, с вар.- - ЗН-76. Беловой автограф — под загл. «Дождевой плащ», с вар.

Узел бурь. НМ. 1974, № 6, с вар.- СС-2. Семь автографов: шесть черновых; беловой — с вар. Авториз. машинопись — др. ред. *Понт* — Черное море. *И бури царств и королевств В лазури александроневств Бесследно тонут* — сложный поэтический образ, весьма характерный для творчества Мартынова, построенный на конкретной основе — месте захоронения крупных государственных деятелей на кладбищах Александроневской лавры в Ленинграде.

Секрет пустот. НМ. 1974, № 6. Восемь автографов: семь черновых; правленный — под загл. [«Косарь»], др. ред. *Пестерь* — лубяная, плетеная или шитая из бересты корзина, которую носят обычно на спине.

Кусок небес. ЛГ. 1974, 1 мая.

«К чему Глубокое молчание...». НМ. 1974, № 6.

Полярная ночь. ЛР. 1974, 7 июня. Семь автографов: шесть черновых; беловой.

Пан. ЛР. 1974, 7 июня. Четыре автографа: три черновых и правленный. Две авториз. машинописи: одна — с вар. *Фавн* (рим. миф.) — бог лесов и полей, покровитель стад и пастухов. *Пан* — см. с. 683.

Глаза юнцов. «Пионер». 1973, № 4, с вар.- - СС-2. *Демокрит* — см. с. 683. *Асмус* Валентин Фердинандович (1894—1975) — рус. сов. философ.

«Ненаписанное мной...». ЛР. 1974, 7 июня. Правленный автограф.

Завещание. СС-2.- - ЗЗап-81. Семь автографов: шесть черновых; белойой. *Ряжевые гидробыки* — срубы из бревен, заполненные камнями или песком, устанавливаемые на реке перед мостом для предохранения его от льдин во время ледохода.

Рисунок на бересте. Зв. 1973, № 7. Два правленных автографа: один — с вар.

С некоторых пор. НС. 1974, № 9.

«Я писал, переводил...». НС. 1974, № 9. Беловой автограф.

Явления людей. Пр. 1975, 26 февр. Беловой автограф.

Исказители. ДН. 1975, № 1. Три автографа: два черновых; правленный — с вар. Опечатка в загл. СС-2 исправлена по автографу. *Александр III* (1845—1894) — император (с 1881 г.).

* **Старый Пушкин.** Зв. 1974, № 6. Три автографа: два черновых; правленный — без загл., др. ред.

Дублон. НС. 1974, № 9. *Дублон* — старинная золотая монета, чеканилась в Испании, Швейцарии и Италии.

Рисунок пером. Спец. выпуск ЛГ и ЛР, посвященный восьмому Всесоюзному Пушкинскому празднику поэзии. 1974. 30 мая — 6 июня.- - ЗН-76. Шесть автографов: четыре черновых; два белowych: один — др. ред.

Притязанья. СС-2. Правленный автограф.

«А многие В первые годы бессмертия...». СС-2, под загл. «Одиночество».- - ЗЗап-81. Авториз. машинопись — под загл. «Одиночество» (текст СС-2), дата: 1974. Работы Н. И. *Лобачевского* (см. с. 696) не получили признания современников и были оценены значительно позже.

Тибетская медицина. ДН. 1976, № 1. Шесть автографов: два черновых; три правленных: первый — с вар., второй — без загл., др. ред.; белойой — др. ред. Авториз. машинопись. *Тибетская медицина* — древняя отрасль народной медицины, истоки которой находятся среди коренного населения Тибета.

Узел бурь. СС-2, под загл. «Предсказанья», без эпиграфа, без ст. 18, 28, 29.- - УБ-79. Авториз. машинопись — под загл. «Узел». Эпиграф взят автором в несколько измененном виде из одноименного стихотворения (ЗН-76. С. 170).

Радужность. СС-2. Три автографа: черновой; два белowych: один — с вар.

Баллада о Николае Рерихе. Зв. 1975, № 1. Три автографа: два черновых; белойой — с вар. Авториз. машинопись — с вар. *Рерих* Николай Константинович (1874—1947) — рус. живописец, археолог, писатель. С 1923 г. жил в Индии. В 1923—1928 гг. вместе с женой и сыном Юрием

совершил большое путешествие по Центральной Азии и через Синьцзян приехал в Советский Союз. На пути в Москву побывал в Омске (с 8 по 10 июня 1926 г.). В Москве встречался с народным комиссаром иностранных дел Георгием Васильевичем *Чичериным* (1872—1936) и с народным комиссаром просвещения Анатолием Васильевичем *Луначарским* (1875—1933). *Гоа* — до 1961 г. португальская колония, с 1962 г. союзная территория в составе Индии на зап. побережье Индостанского полуострова. *Каракал* — вероятно, описка автора, подразумевавшего Карашар: оазис и населенный пункт на северо-восточной окраине пустыни Такла-Макан, у южного подножья Тянь-Шаня; Рерих побывал в Карашаре на пути из Аксу в Урумчи. *Урумчи* — главный город Синьцзянской провинции, резиденция китайского генерал-губернатора. В Урумчи пришла телеграмма Г. В. Чичерина, разрешающая Рерихам посещение СССР.

Я не говорю про цветы. Зв. 1975, № 1.

«Одни стихи Приходят за другими...». ЛР. 1975, 3 янв., под загл. «Стихи». - СС-2. Беловой автограф — др. ред. Авториз. машинопись — с вар.

Даты. ДН. 1975, № 1. Правленный автограф — с вар. Авториз. машинопись.

Душа. НС. 1975, № 6. Авториз. машинопись.

Мартынов день. ДН. 1975, № 1. - СС-2. Беловой автограф — с вар. Авториз. машинопись. *Турский Мартин* (336—401) — французский епископ в г. Туре, канонизирован святым. В конце осени проводится праздник, посвященный ему. В празднике сохранилось много обрядов языческого происхождения, превративших его из религиозного торжества в народный праздник. *Лютер Мартин* (1483—1546) — деятель Реформации в Германии, основатель лютеранства. *Юлианский календарь* — существовал с 45 г. до н. э. (ст. ст.). *Григорианский календарь* — введен папой Григорием XIII в 1582 г., более точный, чем юлианский; в нашей стране введен с 14 февр. 1918 г. (новый ст.). *Эстонцы, переселенцы.* Близ Омска, по р. Оми есть несколько сел эстонских переселенцев; Мартынов в молодости бывал у них.

* **Мир рифм.** ДН. 1975, № 1. Два беловых автографа: первый — под загл. «Белый гриф», второй — под загл. «Писать без рифм», оба — др. ред. Авториз. машинопись. *Белые стихи* — стихи без рифм.

Историк. Ог. 1975, № 21.

Рубикон. НС. 1974, № 9. - СС-2. Двадцать два автографа: двадцать черновых; два правленных: первый — под загл. «Окрестности Китежа», второй — с вар. *Китеж* — см. с. 693. *Стекольный* — так в старину на Руси называли Стокгольм. *Рубикон* — см. с. 687.

Намедни. ДП. 1975. *Фасмер* Макс (1886—1962) и *Преображенский* Александр Григорьевич (1850—1918) — лингвисты, создатели этимологических словарей русского языка. *Даль* Владимир Иванович (1801—1872) — создатель «Толкового словаря живого великорусского языка». *Намедни* — это слово имеет много вариаций: намеднись, намеднича, на-

дысь, анадьсь, ономя, онамедни и т. д.— все они означают: недавно, незадолго, считая не часами, а днями (оними днями).

* «**Всё происходит лишь однажды!..**». НС. 1974, № 9. Два правленных автографа: один — под загл. «Рука творца», др. ред.

Честь. СС-2. Черновой автограф.

Певец. Ог. 1975, № 21. Авториз. машинопись.

Небо. СС-2.

Венок. НС. 1975, № 6. Авториз. машинопись.

Туманы и туманности. Ог. 1975, № 21.

«**Демоны! А из чего они сделаны?..**». ЛР. 1975, 21 нояб., под загл. «Демоны».-СС-2. Беловой автограф — под загл. «Ангелы и демоны», с вар.

Дымы. ДН. 1976, № 1. Авториз. машинопись.

* **Рождение дня.** Пр. 1975, 26 февр. Пять автографов: два черновых; два правленных: оба — без загл., первый — с вар., второй — без ст. 1—5, др. ред.; беловой — под загл. «Тьма вопросов», без ст. 1—5, др. ред.

«**До повторения охочи...**». Ог. 1975, № 21. Авториз. машинопись.

Турбулентность. «Сельская молодежь». 1976, № 8. *Турбулентность* — состояние жидкости или газа, характеризующееся хаотическим движением частиц вещества по сложным траекториям.

Смысл слов. МК. 1976, 18 июня. Пять автографов: два черновых; правлений — с вар.; два белowych: оба — с вар. *Стоглав* — см. с. 704. *Часослов* — богослужбная книга у православных, содержащая молитвы и песнопения суточного круга, в т. ч. служб, называемых «Часами».

Преображенья. МК. 1976, 18 июня.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВХОДИВШИЕ В ПРИЖИЗНЕННОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Суббота. ДП. 1981, дата: 1919. Три белowych автографа: один — с вар.

* «**Бегут вассалы Колчака...**». «Искусство» (Омск). 1922, № 2, третьи ст-ния из цикла «Мулен руж» (первые два: «Это начало поэмы...» и «Мы — футуристы невольные...»), с вар.- ДП. 1980, дата: 1919. Беловой автограф — без ст. 1—13, др. ред. Две авториз. машинописи: первая — под загл. «В иной стране», дата: 1920, вторая — без ст. 1—13, с перестановкой ст. 18—19, др. ред., дата: 1921. В основе ст-ния впечатления молодого Мартынова от изгнания колчаковцев из Омска Красной Армией в нояб. 1919 г. Впоследствии первое четверостишие ст-ния вошло в заключительную часть поэмы «Адмиральский час» (см. с. 529). *Максим* — название станкового пулемета по имени его конструктора Хайрема

Максима (1840—1916). *Арлекин* — традиционный персонаж итальянской комедии масок, слуга-шут.

«**Ты — нерва спутанный комок...**». Зн. 1983, № 2. Беловой автограф — дата: 1921.

* «**Сахарин — Это горькие слезы...**». Зн. 1983, № 2. Беловой автограф — др. ред., дата: 15 сент. 1921. Машинопись.

«**Как много странного, как много пестрого...**». РП. 1922, 26 марта, под загл. «Цирк».—РТ-83. Два беловых автографа: один — под загл. «Марионетки», оба — с вар., в одном дата: 1921. *Ундервуд* — конторская пишущая машинка американского производства.

«**Дебатам, прениям, стычкам...**». ЗЗап-81. Беловой автограф — с вар., дата: 13 нояб. 1922.

Ревматизм. «Сов. Сибирь». 1926, 20 июня, с вар.- -ДП. 1981, дата: 1922. *Ульгень* — верховное божество у алтайцев и шорцев.

Бросьте! «Сов. Сибирь». 1927, 1 янв.--РТ-83. Два беловых автографа: один — с вар., второй — др. ред. Газетная вырезка с авторской правкой. Дата: «1922» взята из авторского наброска содержания книги ранних ст-ний. В новелле «Дом на Почтовой» Мартынов писал, что эти «насмешливые стихи» были написаны по случаю того, что его знакомая Галина Хлебникова, «к ужасу больной матери своей, задумала покончить с пыльной омской житейской прозой, уехать на работу в экзотически-сказочное царство Комсевморпути в Арктику» (СС-3. С. 143).

«**Всё это было так знакомо...**». РТ-83. Черновой автограф. Машинопись с датой: 1922.

Мартыны. РТ-83. Четыре беловых автографа: один — без загл., три — с вар. Дата: нач. 20-х гг. взята из авторского наброска содержания книги ранних ст-ний. *Мартын* — название крупной чайки на Иртыше.

«**Нешаден Для усталых и отсталых...**». Зн. 1983, № 2. Машинопись. Дата: нач. 20-х гг. взята из авторского наброска содержания книги ранних ст-ний. *Поволжский голод.* В 1921 г. от засухи пострадали Поволжье, юг Украины и Северный Кавказ; в результате этого стихийного бедствия голод охватил территорию с населением свыше 25 млн. человек. *Держинский* Феликс Эдмундович (1877—1926), будучи народным комиссаром внутренних дел (с 1919 по 1923 г.), являлся и председателем Комиссии по улучшению жизни детей (с 1921 г.).

«**О неведомом и о таинственном...**». СИП-39, др. ред.- -РТ-83. Правленный автограф — под загл. «Воспоминанье», с вар. Машинопись. Дата: сер. 20-х гг. взята из авторского наброска содержания книги ранних ст-ний. *Мангазeya* — см. с. 668. *Березово* — поселок городского типа на р. Сосьве, притоке Оби.

«**На берегу под плакучими ивами...**». Зн. 1983, № 2. Два беловых автографа: один — с посвящением Вс. Ив(анову), с вар. Дата: конец 20-х гг. взята из авторского наброска содержания книги ранних ст-ний. *Тополев мыс* (точнее — Топольный) — на южной оконечности озера Зайсан.

«Чему грозят Сухие днища...». Ок. 1980, № 4. Три автографа: черновой; правленный — под загл. «Былые места», с вар.; белой. Авториз. машинопись с датой: «1929».

Сомнения гоня. ЛГ. 1975, 8 окт., без ст. 18, с вар.- -ЗЗп.-81. Три автографа: два черновых; правленный — под загл. «Время», без ст. 16—20, с вар. Дата: «1930» взята из авторского наброска содержания книги ранних ст-ний.

Старая Русь. ЛГ. 1978, 25 янв., под загл. «В те времена...».- -УБ-79. Семь черновых автографов. Два авториз. машинописи: одна — под загл. «В те времена...», дата: 1933. *К подножью той горы*. Речь идет о горе Машук под Пятигорском, где Лермонтов был убит на дуэли.

«Из молодца синеокого...». УБ-79. Авториз. машинопись с датой: 1945.

«Я Вас Люблю!..». ДП. 1956, с вар.- -НК-62.- -СпП-1, дата: 1953. Четыре автографа: черновой; два правленных: один — под загл. «Сотворение мира», др. ред.; белой — под загл. «Сотворение мира», с вар.

«Я С классикой...». Зн. 1962, № 1, с вар.- -Перв-65. Три черновых автографа. *Родитель Времени Уран*. Сыном Урана (греч. миф.) и Геи был титан Крон (Кронос), имя которого народная этимология сблизилась с наименованием времени — Хроносом. *Сатурн* — один из древнейших римских богов, впоследствии стал отождествляться с Кроносом — пожирателем своих детей.

«Искусство часто путают с искусственностью...». ЛГ. 1963, 5 дек. Беловой автограф — с вар.

Я не прощаюсь. ЛГ. 1963, 14 нояб. Авториз. машинопись.

Людские имена. ГП-66. Авторская дата на экземпляре книги: 1965. Четыре автографа: три черновых; белой — с вар.

Любовь. Юн. 1966, № 11. Два автографа: правленный — без загл., др. ред.; белой — с вар.

* «Не Пожаловал Деревни мне...». «Смена». 1966, № 21, под загл. «Новости и древности», др. ред.- -ЗН-76. Два черновых автографа. Авториз. машинопись — под загл. «Новости и древности», др. ред. (текст «Смены»).

Единая стезя. Юн. 1966, № 1. Три черновых автографа. *Ван-Гог* Винсент (1853—1890) — голландский живописец, представитель постимпрессионизма. *Уитмен* Уолт (1819—1892) — американский поэт.

Стачка. Зв. 1966, № 7. Два автографа: черновой; белой — под загл. «Переворот», др. ред.

«О, великие начала Десятилетия XIX века!..». ДП. 1966.- -ЗЗп.-81. Семь автографов: пять черновых; два правленных, оба — под загл. «Старая библиотека», др. ред. *Кант* Иммануил (1724—1804); *Гегель* Георг Вильгельм (1770—1831); *Шеллинг* Фридрих Вильгельм (1775—1854) — крупнейшие представители немецкой классической идеалистической фи-

лософии. *Фурье Шарль* — см. примеч. к ст-нию «Антарктида», с. 680. *Кропоткин Петр Алексеевич* (1842—1921) — князь, революционер, теоретик анархизма, географ, геолог. *Петел* (уст.) — петух. *Федоров Николай Федорович* (1828—1903) — рус. мыслитель-утопист, выдвинул «проект» всеобщего воскрешения умерших, преодоления смерти средствами современной науки; автор труда «Философия общего дела» (1913).

Жили-были. ВЛ. 1966, № 6, под загл. «Близость», др. ред. - ЗЗап-81. Четыре автографа: два черновых; два беловых: первый — под загл. «Близость», др. ред. (текст ВЛ.), второй — под загл. «На одной планете», с вар. Две авториз. машинописи: одна — под загл. «На одной планете», с вар. *Ван-Гог* — см. выше примеч. к ст-нию «Единая стезя», с. 711.

«Язычники, христиане...». Юн. 1968, № 5. Пять автографов: два черновых; два правленных: один — др. ред.; белой — др. ред.

Чужая душа. Зв. 1968, № 1. Авториз. машинопись.

«Чего Вам надо От меня!..». «Смена». 1968, № 3. Два беловых автографа: один — с вар.

Девушка и охотник. Юн. 1969, № 3. Беловой автограф — с вар. *Кургальджин-Тенис* — соединенное название двух озер в Центральном Казахстане: Кургальджин (пресное) и Тениз (соленое), северная граница обитания фламинго.

Ленин. Зн. 1970, № 3. *Уэллс Герберт* (1866—1946) — английский писатель, в 1920 г. встретился в Москве с В. И. Лениным. «*Философские тетради*» — конспекты и выписки, сделанные Лениным в 1914—1916 гг. из философских и других работ, содержат ценнейшие мысли по различным проблемам философии.

Нахал. Юн. 1970, № 3, под загл. «Звонок из юности».- Г-72. Четыре автографа: три правленных; два — с вар.; белой — с вар. *Селенит* — обитатель луны в научно-фантастической литературе.

Ночные птицы. ДН. 1975, № 1. Два черновых автографа. Авториз. машинопись с датой: 1970. *Гамаюн* — сказочная птица-вещунья с человеческим лицом. *Алконост* — райская птица в русских и византийских легендах.

Если слепо верить Геродоту. ЛР. 1971, 16 июля. Три автографа: правленный — с вар.; два беловых: один — под загл. «Скифские бани», с вар. *Геродот* (между 490 и 480 — ок. 425 до н. э.) — древнегреч. историк, прозванный «отцом истории». *Меотийское болото* (Меотиды) — мелководное Азовское море, которое Геродот представлял уходящим далеко на север.

«Это верно?..». НМ. 1971, № 7. Правленный автограф — с вар. *Женева* — город в Швейцарии, в котором проходили многие международные совещания по различным вопросам, касающимся мирных взаимоотношений народов.

«Как разгадаешь — кто вокруг?..». ЗЗап-81. Беловой автограф — под загл. «Нет, погоди!», др. ред. Четыре авториз. машинописи: две — под

загл. «Нет, погоди!», др. ред., одна — под загл. «В ответ на крик», др. ред., одна — с датой: 1971.

* **Эолова арфа.** Зн. 1972, № 7, др. ред.-ЗН-76. Пятнадцать автографов: двенадцать черновых; два правленных: первый — под загл. «Мир песен», др. ред., второй — под загл. «Песни», без ст. 7—9, др. ред.; белой — с вар. *Эолова арфа* (древнегреч.) — струнный музыкальный инструмент, звучащий от дуновения ветра. *Дайна* — литовская народная песня. *Руны* — народные карельские, финские и эстонские эпические песни. *Элён* — от имени Элёна (греч. миф.), сына Приама и Гекубы, обладавшего даром пророчества.

Дар Прометея. ЛГ. 1972, 26 апр. Машинопись — под загл. «Аргонавты», др. ред.

Сирень. ЛГ. 1972, 26 апр., с вар.-ЗН-76. Три автографа: правленный — с вар.; два белых: первый — с вар. (текст ЛГ), второй — с вар.

«Что-то Крикнули Вещие птицы...». УБ-79. Черновой автограф. Авториз. машинопись с датой: 1972.

«Безголовый мальчик: Только два крыла...». Ог. 1973, № 1, под загл. «Эрот», др. ред.-ЗЗап-81. Два автографа: правленный — под загл. «Эрот», др. ред. (текст Ог); белой.

А может быть... Ог. 1973, № 1. Беловой автограф.

Ответ. Зв. 1973, № 7. Беловой автограф.

Старый театр. Юн. 1973, № 4, с вар.-ЗН-76. Девять автографов: два правленных: оба — с вар.; семь белых: все — с вар.

При жизни Ленина. «Смена». 1973, № 1, с вар.-ЗН-76. Два правленных автографа: оба — с вар. Авториз. машинопись — с вар.

Облик народа. Ог. 1973, № 1. Шесть автографов: четыре черновых; правленный; белой — без загл.

Старые вопросы. Зв. 1973, № 7. Четыре черновых автографа.

Ледяная свирель. «Смена». 1973, № 2. Три автографа: черновой; правленный — под загл. «Зимняя свирель», с вар.; белой.

Ледниковое озеро. Зв. 1973, № 7. Беловой автограф — с вар. Авториз. машинопись — с вар.

Две тучи. ДН. 1975, № 1. Авториз. машинопись — дата: 1973.

Баллада о Северной Пальмире. НС. 1974, № 9. Двенадцать автографов: девять черновых; два правленных: один — под загл. «Баллада», др. ред.; белой — без загл., др. ред. Авториз. машинопись — др. ред. *Северная Пальмира* — поэтическое название Петербурга, появившееся в рус. литературе с конца XVIII в. (Пальмира — богатый и красивый город в древней Сирии, крупный центр торговли и ремесел). *За далеким Енисеем Ленин отповедь готовил.* В авг. 1899 г. В. И. Ленин, находясь в сибирской ссылке, собрал в присаянском селе Ермаковском на нелегаль-

ное совещание семнадцать своих соратников. На этом совещании был принят документ, известный под названием «Протест российских социал-демократов», представляющий собой отповедь вредным и ошибочным взглядам «экономистов».

Преддверье дня. ЗЗап-81. Шесть автографов: черновой; два правленных: один — с вар.; три беловых: все — без загл.; один — с вар., два — др. ред. Авториз. машинопись — под загл. «Вопрос», др. ред., дата: 1974.

За языческим бугром. НС. 1975, № 6, без ст. 4.--ДП. 1976, без загл., без ст. 4.-ЗЗап-81. Три автографа: два черновых; правленный — с вар. Две авториз. машинописи: одна — с вар., дата: 1974.

* **«Конечно. При первом знакомстве...».** Зн. 1975, № 11, без ст. 10, с вар.-УБ-79. Три автографа: черновой; два правленных: один — под загл. «При первом знакомстве», др. ред.

Открытие. Зв. 1975, № 1. Восемь автографов: шесть черновых; два беловых: первый — под загл. «Баллада», с вар., второй — без загл., др. ред. Авториз. машинопись. *Изабелла* (1451—1504) — королева Кастильская, утвердившая вместе со своим мужем королем Арагонским Фердинандом проект морского путешествия Колумба для открытия новых земель (договор в Санта-Фе в апр. 1492 г.). *Генуэзец.* Колумб родился в Генуе, в семье небогатого шерстяника Доменико. *Антиподы* — обитатели диаметрально противоположных пунктов поверхности земного шара.

Мгновенье. ЛР. 1975, 21 нояб. Беловой автограф и авториз. машинопись.

* **«Старость Восседала молодая...».** ЛР. 1975, 21 нояб. Правленный автограф — под загл. «Старость», др. ред. Авториз. машинопись.

Цветочек. ЛГ. 1975, 8 окт.-Ок. 1980, № 4, с вар.-Печ. по ЗЗап-81, где автор вернулся к ред. ЛГ. Два беловых автографа: первый — без ст. 1—2, второй — без ст. 1—3, с вар.

«Как Тихо, чинно, постепенно...». ЛР. 1975, 21 нояб., с вар.-ЗЗап-81. Три автографа: два черновых; беловой — с вар.

«Галилей Ослеп от старости...». ЗН-76. Беловой автограф — с вар. Астроном *Галилей* Галилео (1564—1642) — сторонник гелиоцентрической системы Коперника, был подвергнут церковному суду и объявлен «узником инквизиции», ему было запрещено вести беседы о движении Земли и печататься; в 1637 г. Галилей ослеп.

Латынь. ЗН-76. Беловой автограф. *Летальный* — смертельный.

«Под старость Все становимся мы странными...». ЗН-76. Правленный автограф.

Вдохновенный слепец. «Аврора». 1976, № 11. Беловой автограф и авториз. машинопись. *Мильтон Джон* (1608—1674) — английский поэт, автор монументальных поэм «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671). Находясь на государственной службе, составил компилятивный труд «Краткая история Московии и других малоизвестных стран к востоку от России до Китая», изданный уже после смерти Мильтона.

Царь Иоанн — Иван IV Грозный (1530—1584), установивший торговые связи с Англией. *Ченслер* Ричард (ум. 1556) — английский мореплаватель, в поисках северо-восточного прохода достиг устья Сев. Двины, был принят Иваном IV, оставил записки о Московском государстве. *Бойс* Иеронимус — глава английского посольства в России во второй половине XVI в. *Флетчер* Джэильс (ок. 1549—1611) — английский дипломат, посол в Москве (1588—1589), автор книги «О государстве русском...» (1591). *Демон, летящий по меридиану*. В девятой песне «Потерянного рая» Милтон, описывая странствия Сатаны, изгнанного из рая, говорит о его полетах от Эдема до низовий Оби и далее к Северному полюсу.

Страна Лебедия. ЛГ. 1976, 26 мая, с вар. - -УБ-79. Два правленных автографа. *Лебедия* (Леведия) — территория в низовьях рек Дона и Днепра в IX—X вв. *Ийеш* Дьюла (р. 1902) — венгерский поэт. *Царевна-Лебедь*. На одноименной картине М. А. Врубеля изображена сказочная девушка-птица с загадочными прекрасными глазами. *Левада* — лиственный лес из ольхи, вербы, тополя, вяза в сырых поймах рек юга Украины. *Ливадия* — поселок и курорт на Южном берегу Крыма.

Маркиз и матрос. «Аврора». 1976, № 11. Двенадцать черновых автографов. Авториз. машинопись. *Маркизова лужа* — часть Финского залива от Кронштадта до устья Невы, это ироническое название она получила в 1811—1828 гг., когда морским министром был маркиз Жан-Франсуа (Иван Иванович) Траверсе. *Акмола* — местность на правом высоком берегу р. Ишим, где находилась старинная казахская могила (ак — белый, мола — могила), в 1830 г. здесь возник торговый форпост, ставший затем г. Акмолинском (с 1961 г. — Целиноград). *Бадя* — Мария Васильевна Збарская, бабушка Л. Н. Мартынова с материнской стороны, урожденная Васильева (см. новеллу «Семейные предания» в СС-3. С. 18—26). *Адмиралтейская игла* — позолоченный шпиль, венчающий Главное здание Адмиралтейства в Ленинграде. *Гавань* — часть Петербурга — Ленинграда на Васильевском острове, прилегающая к морской гавани. *Брыжжи* (брыжи, брызжи) — воротник или выпуск на груди в сборках, манжеты (уст.).

Белая ночь. ЛГ. 1976, 26 мая, № 21. Одиннадцать автографов; десять черновых; белой — др. ред. *Седов* Георгий Яковлевич (1877—1914) — рус. гидрограф, полярный исследователь, организовал экспедицию к Северному полюсу на судне «Св. Фока» (1912), умер близ острова Рудольфа (архипелаг Земля Франца-Иосифа). *Мелвилл* Герман (1819—1891) — американский писатель, автор социально-философского романа «Моби Дик, или Белый кит» (1851) и др. произведений.

Смысл сна. «Сельская молодежь». 1976, № 8, с вар. - -ЗЗап-81. Авториз. машинопись.

На моей планете. ДП. 1977, под загл. «Боги металлургии». - -УБ-79. Машинопись — под загл. «Боги металлургии», с вар.

Закат. ЛГ. 1977, 16 февр. - -«Сельская молодежь». 1978, № 6, с вар. - -Печ. по УБ-79, где автор вернулся к ред. текста ЛГ.

Не за помыслы меня вини. ЛР. 1977, 29 апр., с вар. - -УБ-79. Два автографа: черновой; белой — с вар.

На лайнере благоразумия. Зн. 1977, № 6. Черновой автограф. Авториз. машинопись. *Витрувий* — римский зодчий второй половины I в. до н. э., автор труда «Десять книг об архитектуре». *Райт Франк Ллойд* (1869—1959) — американский архитектор. *Корбюзье Шарль Эдуард* (1887—1965) — французский архитектор. *Эмпедокл* (ок. 490—430 до н. э.) — древнегреч. философ, врач, поэт, политический деятель; по одной из версий Диогена Лаэртского, Эмпедокл покончил с собой, бросившись в кратер Этны, чтобы убедить современников в том, будто он сделался богом. *Архимед* (ок. 287—212 до н. э.) — древнегреч. ученый; существует легенда о его смерти от меча римского воина.

«Но если бы вы все-таки спросили...». ДН. 1977, № 1. Четыре автографа: два черновых; два белых: один — с вар.

Оборона. ЛГ. 1977, 16 февр., № 7, без загл., с вар.- -УБ-79. Авториз. машинопись.

«Есть книги...». ДН. 1977, № 1. Два автографа: черновой и белой.

Млечный Путь. Зн. 1977, № 6. Три черновых автографа. *Млечный Путь* — название неярко светящейся полосы, пересекающей звездное небо, древние греки считали ее следом от пролившегося молока Геры, супруги Зевса. *Аркадия* (греч.) — легендарная страна патриархальной простоты нравов и мирного счастья.

Богоборец. «Нева». 1977, № 4, под загл. «Смерть Зевеса».- -УБ-79. Авториз. машинопись.

Тьма-вопросов. АП. 1977, вып. 20, без ст. 17, с вар.- -УБ-79. Черновой автограф — под загл. «Под сводом хладного покоя». Авториз. машинопись.

Естественность. ДН. 1977, № 1. Четыре автографа: два черновых; правленный; белой — под загл. «Мощь», с вар.

Ночь звездочетства. «Сельская молодежь». 1978, № 6. Беловой автограф.

«Холодный ум Одолевают думы...». ЛР. 1978, 3 марта. Беловой автограф — под загл. «Зов звезд». Авториз. машинопись — под загл. «Зов звезд».

«Я побывал У смерти в лапах...». ЛГ. 1978, 25 янв. Два правленных автографа: оба — под загл. «Испарина», один — с вар.

«А, собственно говоря...». ЛГ. 1978, 25 янв. Черновой автограф. Авториз. машинопись — под загл. «Наперекор».

Спротивляемость. ЛГ. 1978, 12 июля. Черновой автограф — под загл. «Силач».

«В тот день Работал я давно...». Зв. 1978, № 6.

«Где мы находимся?..». ЛР. 1978, 3 марта. Беловой автограф и авториз. машинопись.

Он и Елена. «Смена». 1978, № 19, под загл. «Наполеон и Елена».- -УБ-79. Шесть автографов: пять черновых: два — под загл. «Сумма углов», третий — под загл. «Беседа с Еленой», четвертый — без загл.; правленный — под загл. «Мемуары Елены», с вар. Речь идет о сосланном на остров Св. Елены Наполеоне Бонапарте.

Зять и тесть. «Смена». 1978, № 19. Два правленных автографа: один — под загл. «Семья», др. ред. *Менделеева* Любовь Дмитриевна (1882—1939), дочь Д. И. Менделеева, стала в 1903 г. женой поэта А. Блока.

Мачты. «Смена». 1978, № 19. Два автографа: правленный и белой: оба — без загл., с вар. Авториз. машинопись — с вар.

«Давным-давно уж ясных дней нет...». АП. 1978, вып. 22. Три автографа: черновой; правленный — с вар.; белой.

«Обманутый, Не мысля об обмане...». Зв. 1978, № 6.

У дверей вечности. ЛР. 1978, 3 марта.

Поздний час. «Смена». 1978, № 19, с вар.- -УБ-79.

Крест. ЛР. 1978, 3 марта, без загл.- -УБ-79. Два белых автографа: один — без загл., др. ред.

«Грибы мигрируют...». Зв. 1978, № 6. Белой автограф, под загл. «Грибы», др. ред. Авториз. машинопись.

Страж. ДП. 1978. Две авториз. машинописи: одна — др. ред.

«Люди ревнивы...». ЛГ. 1978, 25 янв. Правленный автограф — под загл. «Всюду огни», др. ред.

Мнимая незавершенность. АП. 1978, вып. 22, без ст. 17.- -УБ-79. Три автографа: два черновых; белой — с вар. Поэт высказывает здесь свой взгляд на движение искусства во времени, на взаимосвязанность стилей художников различных эпох. *Микеланджело* Буонарроти (1475—1564) — итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт. *Хронос* (римск. миф.) — олицетворение времени. *Роден* Огюст (1840—1917) — французский скульптор. *Мур* Генри (р. 1898) — английский скульптор.

Вне себя. Зв. 1978, № 6, под загл. «Юность».- -УБ-79, под загл. «Ясность белого дня».- -ЗЗап-81. Опечатки в УБ-79 и ЗЗап-81 исправлены по беловому автографу. Две авториз. машинописи: первая — под загл. «Ясность белого дня», вторая — под загл. «Вне себя».

«Нередко Бессмертия ищем...». Зв. 1978, № 6. Авториз. машинопись — под загл. «Калитки», др. ред.

«Эй, старик, Ты можешь петь...». ЛР. 1978, 6 окт., с вар.- -ЗЗап-81. *Гомер* — легендарный древнегреч. поэт, которому приписывается авторство «Илиады», «Одиссеи» и др. произведений.

Дальние звезды. ЛР. 1978, 3 марта, Правленный автограф и авториз. машинопись.

«Овидий В Рим писал в тоске...». ЛГ. 1978, 12 июля, с вар.--33ап-81. Правленный автограф и авториз. машинопись. Публий *Овидий* Назон (43 до н. э.— 18 н. э.) — римский поэт, автор поэм «Метаморфозы», «Наука любви» и др. В конце 8 г. был сослан императором Августом в г. Томи (порт Констанца в Румынии), где в то время обитали фракийские племена — *геты*.

Шостакович. ЛО. 1978, № 11. Три автографа: правленный — под загл. «Смелое виденье», с вар.; два беловых: первый — под загл. «Виденье», с вар., второй — под загл. «Виденье Шостаковича». Авториз. машинопись — под загл. «Виденье», с вар.

Золотой запас. ЛО. 1978, № 11. Два черновых автографа.

Луч. ЛР. 1978, 3 марта. Два автографа: правленный и беловой.

* **Пловец.** «Сов. Сибирь». 1926, 11 июля, под загл. «Спортсмен», др. ред.-Зн. 1979, № 4. Дата: «1923» взята из авторского наброска содержания книги ранних ст-ний. Два беловых автографа: один — под загл. «Спортсмен», др. ред.

Считайте: это — я! Ог. 1975, № 21, без загл., др. ред.-Зн. 1979, № 4, с вар.-З3ап-81. Семь автографов: шесть черновых; правленный — под загл. «Это — я», с вар. Две авториз. машинописи: одна — без загл., с вар.

Гонец. УБ-79. Три черновых автографа.

Небесные письма. УБ-79. Две авториз. машинописи: одна — с вар. *Кирилл* (ок. 827—869) и *Мифодий* (ок. 815—885) — братья, создатели славянской азбуки. *Над третьим Этим Римом.* См. с. 704.

Таится смысл во всем. УБ-79. Беловой автограф.

В старом отеле. УБ-79. Беловой автограф. Ст-ние навеяно впечатлениями поездки Мартынова в Италию в составе делегации советских писателей в 1957 и 1958 гг.

Чернильница Лютера. УБ-79. Три автографа: два черновых и беловой. *Лютер* — см. с. 708. *Чернильница, Которой Лютер в черта Швырнул.* После осуждения Лютера в мае 1521 г. папой римским как еретика он пробыл полтора года в Вартбурге, уединенном замке немецкого князя (ныне в ГДР, близ г. Эйзенаха). Лютер занимался переводом Библии на немецкий язык и писал воззвания и памфлеты. Напряженная работа довела его до галлюцинаций. На этой основе и существует предание о чернильнице, брошенной Лютером в дьявола, искушавшего его. Посетителям Вартбурга еще в прошлом веке показывали в одной из комнат замка чернильное пятно на стене, якобы оставшееся после этого случая. Сам Лютер нигде не упоминал об этом.

Профили. УБ-79. Правленный автограф.

Второе бытие. Зв. 1979, № 1. Правленный автограф.

Халкидский лев. УБ-79. Черновой автограф и авториз. машинопись. *Иероним* (330—419) — церковный деятель, автор многих религиозных

сочинений и канонизированного перевода Библии, некоторое время жил в Халкидской пустыне, по преданию, вместе со львом.

Художник Милашевский. УБ-79. Правленный автограф и авториз. машинопись — под загл. «Милашевский», с вар. *Милашевский* Владимир Алексеевич (1893—1976) — рус. сов. художник, знакомый Мартынова, талантливый иллюстратор многих книг, известны также портреты писателей, рисованные им; часть из них опубликована в книге воспоминаний художника «Вчера, позавчера» (Л., 1972), экземпляр которой с дарственной надписью автора имеется в библиотеке Мартынова. Портрет поэта работы Милашевского см. на с. 503. *Бабель* Исаак Эммануилович (1894—1941) — рус. сов. писатель. *Клюев* Николай Алексеевич (1887—1937) — рус. сов. поэт. *Грин* Александр Степанович — см. с. 696. *Мандельштам* Осип Эмильевич (1891—1938) — рус. сов. поэт. *Барбюс* Анри (1873—1935) — французский писатель и общественный деятель. *Гидаш* Антал (1899—1980) — венгерский писатель, близкий знакомый Мартынова. *Сейфуллина* Лидия Николаевна (1889—1954) — рус. сов. писательница. *Анна А.* — Ахматова Анна Андреевна (1889—1966).

* **Университет.** УБ-79. Три беловых автографа: все — без загл.; первый — с вар., второй — др. ред. Авториз. машинопись. *Сетунь* — правый приток р. Москвы. *Honoris causa* — ученая степень, присуждаемая без защиты за научные и другие заслуги.

Елей. УБ-79. Два черновых автографа.

«Мне чудилось, Что все дороги...». УБ-79. Черновой автограф и авториз. машинопись. *Антиподы* — см. с. 714.

«Снег Идет за туманами вслед...». УБ-79. Авториз. машинопись.

Эпilog. УБ-79. Пять автографов: четыре черновых; правленный.

«Надоели Эти примитивы...». «Сельская молодежь». 1979, № 11. Авториз. машинопись.

«От соприкосновения Художника с Жизнью...». «Смена». 1979, № 11. Два правленных автографа: оба — под загл. «Образы», с вар.

Приходит время. ЛР. 1979, 6 июля, без загл. - З3ап-81. Четыре автографа: три черновых и белой. В З3ап-81 в ст. 1 опечатка. Исправлена по автографу.

«Кому останутся Колдобины и пни...». Зн. 1979, № 4. Три автографа: черновой; правленный — под загл. «Наследство», с вар.; белой — с вар. Авториз. машинопись. *Блюз* — песенно-танцевальная негритянская музыка, обычно грустного содержания, сложилась в XIX в.; один из жанров джазовой музыки в XX в.

Оглядываясь на былое. Ок. 1979, № 8.

«Я думаю, Что на Земле...». Зн. 1979, № 4. Правленный автограф — под загл. «Четыре-пять миллиардов», с вар.

Поля у дороги. Зн. 1979, № 4. Шесть черновых автографов.

* «Ты пишешь так мелко о том, что прошло...». Юн. 1972, № 6, под загл. «Процесс письма», др. ред. - ДН. 1980, № 10. Беловой автограф — под загл. «Волшба букв».

* «И вдруг Затихли Лир бряцанья...». Ог. 1980, № 1. Семь автографов: пять черновых; правленный — под загл. «Дух утверждения», др. ред.; беловой — под загл. «Дух споров», др. ред. Три авториз. машинописи: одна — под загл. «Пресвятая троица», две — под загл. «Дух споров», обе — др. ред. Опечатка в ЗЗап-81 исправлена по автографу.

«На прозу навалился я, кляня...». Ог. 1980, № 1.

«Ну, вот И снова я в унынье...». Ог. 1980, № 1.

Знаки препинания. Ок. 1980, № 4.

«Есть поэмы, не закончены...». Ог. 1980, № 1.

«О, литература Осьмнадцатого столетья...». Зв. 1980, № 2.-ЗЗап-81. Холмогоры — село, районный центр Архангельской обл.; близ Холмогор в деревне Денисовка родился Ломоносов.

«О ты, Бумага несмятая...». Ог. 1980, № 1. Правленный автограф — с вар.

Всё чаще и чаще. Ог. 1980, № 1. Четыре автографа: три черновых; беловой. Авториз. машинопись. *Шапка Мономаха* — отделанный золотом и украшенный драгоценностями головной убор с собольей опушкой, регалия русских великих князей и царей.

«Это я, может быть, превращусь в горстку пепла...». Ог. 1980, № 1. Два автографа: черновой и беловой. Это ст-ние и ст-ние «Прилетел в окошко мотылек...» написаны поэтом в дни после смерти первой жены, Нины Анатольевны Поповой (1902—1979).

«Прилетел в окошко мотылек...». Ок. 1980, № 4. Два черновых автографа. Машинопись.

С улыбкой на устах. Зв. 1980, № 2. Два автографа: правленный; беловой — с вар. Авториз. машинопись.

Оглянувшись назад. Ок. 1980, № 4. Три автографа: черновой; правленный — с вар.; беловой.

«Весною ранней Смутно раздраженный...». ДН. 1980, № 10, под загл. «Снег».-ЗЗап-81.

Сатир и нимфа. ЗЗап-81. Авториз. машинопись.

Мир искусства. ЗЗап-81. Четыре автографа: черновой; два правленные: первый — без загл., второй — с вар.; беловой — без загл., др. ред.

«Из мира Облачных Страниц...». ЗЗап-81. Шесть автографов: пять черновых; правленный — под загл. «Друг», др. ред.

«Такое иногда бросишь...». ЗЗап-81.

«Кто нынче читает Парни?..». Зн. 1980, № 7, под загл. «Вы их встречали?». - ЗЗап-81. Два черновых автографа. *Парни* Эварист (1753—1814) — французский поэт, популярный в России первой трети XIX в. *Шатобриан* Франсуа Рене де (1768—1848) — французский писатель, защищал богословие от научной критики, см. также примеч. к ст-нию «Старые времена», с. 686. *Смит* Адам (1723—1790) — шотландский экономист, философ, виднейший представитель буржуазной классической экономии. В «Евгении Онегине» Пушкина есть строки, иронически характеризующие героя: «Бранил Гомера, Феокрита, зато читал Адама Смита и был глубокий эконом...»

Невзгоды. ЗЗап-81. Два автографа: правленный — под загл. «Закон природы», с вар.; белой — под загл. «Свобода», с вар. Авториз. машинопись.

«Кто Сроду Сочинял за одой оду...». ЗЗап-81. Три правленных автографа: один — под загл. «Лирика», др. ред., два — с вар.

Королевна. ЗЗап-81. Две авториз. машинописи: одна — под загл. «Ея высочество». Машинопись — с вар.

«Разрешаю одиночеству...». ЗЗап-81. Три автографа: два черновых и правленный.

«Зачем тайник?..». ЗЗап-81. Два белых автографа: один — с вар.

«Я покупал газеты и журналы...». Зн. 1980, № 7.

«Увы, отнюдь не вся Вселенная...». ЗЗап-81.

За исключением исключений. ДН. 1980, № 10. Два автографа: черновой и белой. Опечатка в ЗЗап-81 исправлена по автографу.

* **Нечто третье.** ЗЗап-81. Четырнадцать автографов: одиннадцать черновых; три белых: первый — с вар., второй — без загл., др. ред. Две авториз. машинописи: одна — с вар. Две опечатки в ЗЗап-81 исправлены по автографу.

ПОЭМЫ

Адмиральский час. СО. 1924, № 5. В неопубликованной новелле «Домик на колесах» Мартынов пишет, что поэма «Адмиральский час» «формировалась у меня в сознании летом 1920 года». Одним из этапов ее созревания явилась юношеская неопубликованная поэма «Арлекинада» (1920—1922), авторизованная машинопись которой хранится в домашнем архиве поэта. Строки из этой поэмы вошли в «Адмиральский час», а также публиковались как отдельные ст-ния.

1. *Бомонд* — здесь иронически: вышний свет. *Шканцы* — часть верхней палубы, где на военных судах совершались официальные церемонии — встречи почетных гостей, парады и т. д. *Лети, оружие золотое, Лети, блестящее, на дно!* Колчак А. В. (1873—1920) за участие в обороне Порт-Артура был награжден золотым оружием; сторонники Колчака

сочинили легенду о том, что во время разоружения революционными матросами командного состава Черноморского флота он будто бы бросил золотое оружие в море, говоря: «Море мне его дало — морю я его и отдаю»; очевидцы не подтверждают это (см: Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новосибирск, 1925. С. 515—516). *Самарцы*. После занятия белочехами 8 июля 1918 г. Самары, эсерами был организован «Комитет членов учредительного собрания» (сокращенно Комуч) — антисоветское эсеровское правительство; в сент. Красная Армия заняла Казань, а вскоре Симбирск и Самару, власть Комуча прекратилась, но остатки организованной им т. н. «Народной армии», получив ироническое название «самарцы», бежали на восток. *Шарабан* — шансонетка, распевашаяся отступавшими белогвардейцами от Волги до Владивостока.

2. *Нулланс Жозеф* (1864—1939) — посол Франции при Временном правительстве, один из организаторов борьбы против Советской власти. *Кагал* — здесь: шумное крикливое сборище.

3. «*Люкс*», «*Буффало*», «*Казбек*» — названия ресторанов, открывшихся в Омске во время колчаковщины. *Хлоя* — героиня пастушеского романа древнегреч. писателя Лонга «*Дафнис и Хлоя*», образ чистой девушки. *Мессалина* — жена римского императора Клавдия (10 до н. э.— 54 н. э.), в переносном смысле — распутная женщина.

4. *Чека Московская*. В 1917—1922 гг. существовала Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) — специальный орган по борьбе с контрреволюцией и саботажем. До янв. 1919 г. существовали губернские и уездные Чрезвычайные комиссии, в просторечии называемые Чека.

5. *Куломзино* — станция и рабочий поселок на левом берегу Иртыша, пригород Омска, где началось в дек. 1918 г. восстание рабочих, жестоко подавленное колчаковцами.

6. *И боя не произошло*. Омск был занят на рассвете 14 нояб. 1919 г. 27-й дивизией 5-й Красной Армии. Остатки колчаковских войск не оказали серьезного сопротивления.

Правдивая история об Увенькае, воспитаннике азиатской школы толмачей в городе Омске. СО. 1937, № 4, без ст. 783—835, с вар. - ПО-40, с вар. - П-40. - Изд. 64. - СС-2. В поэме преломились впечатления молодого Мартынова от общения с казаками, жившими в ауле Каржас на левом берегу Иртыша, против Омска. Родиной жителей Каржаса считались Баянаульские горы, к югу от Омска, где они проводили зимовки, на лето откочевывая по левобережью Иртыша к Омску. В заметке Мартынова, посвященной классовой борьбе в ауле Каржас, «*Братья Байбатыровы*» (РП. 1927, 16 февр.) впервые появляется имя казахского юноши с трагической судьбой — Увинькай (в поэме Мартынов изменил имя на Увенькай). Изучение истории Омска, Омской крепости, Казахстана, извлечение из нее конкретных эпизодов и событий позволили создать поэму на реальной основе, сюжет которой сплавился воедино с судьбами декабристов в Западной Сибири, столетием открытия первой типографии в Омске (1837 г.), гибелью Пушкина.

Часть первая. 1. Азиатская школа толмачей. В 1789 г. в Омске было открыто «азиатское училище» для подготовки переводчиков с восточных языков (татарского, монгольского, маньчжурского), просуществовавшее до 1836 г. *Джунгарской свиток чесуци*. Джунгария — см. с. 668. Чесуча — плотная шелковая ткань. *Джелалабадские шелка*. Джелалабад — город в Афганистане, известный шелковыми тканями и другой текстильной продукцией. *Элефантус, сиречь — слон*. В 1831 г. кокандский хан Мадали направил в Россию посольство с дарами

для царя, в числе даров был слон. Посольство было выслано из пределов Западной Сибири, так как хан вел двуличную политику, затеяв интригу против России. 3. *Джалдас* (жолдас) — товарищ (казахск.). *Ялutorовск* — город в Зап. Сибири на р. Тобол. *Бухтарма* — Бухтарминская крепость, основанная в устье р. Бухтармы, правого притока Иртыша. 5. «*В ауле на своих порогах*» и т. д. Начало первой части «Кавказского пленника» Пушкина. 7. *Карагач* — буквально: черное дерево, вид вяза (ильма). *Тайманов* Исатай (1791—1838) и *Утемисов* Мохамбет (1803—1846) — вожди антифеодального восстания казахов Букеевского ханства (междуречье Урала и Волги) в 1833—1838 гг. *Каратау* — южная оконечность Мугоджарских гор (продолжение Урала). *Кайсак* (устар.) — казах. 8. *Клыч* (кльч) — сабля. *Коканд* — город в Средней Азии, центр Кокандского ханства (1710—1876). *Кашгар* — город в Зап. Китае, центр провинции Синьцзян. *Айналаин* (казахск.) — ласковое обращение к девушке, молодой женщине. 9. *Тара* — см. с. 668. *Камча* — нагайка, плеть.

Часть вторая. 1. *Сары-Ишик-Отрау* — песчаная пустыня к югу от Балхаша. 3. *Шумит базар казачий*. Название Казачий базар (рынок) сохранилось в Омске до настоящего времени, оно происходит от слова «казак», ибо торговлю там осуществляли преимущественно степные казахи. Мартынов в Омске жил недалеко от этого базара. *Сырым-Батыр в степи явился снова*. В конце XVIII в. восстание казахов против царизма, хана и султанов в приуральских степях возглавлял Срым Датов (ум. 1802), которого в народе звали Сырым-Батыр. *Орда Букея* (Внутренняя орда) — казахское ханство (1801—1876) на территории между реками Уралом и Волгой, названо по имени султана Букея Нуралимова. *Джангир* — сын Букея, возглавлял ханство с 1824 по 1845 г. 4. *Страна киргизская*. В царское время казахов называли киргизами. *Карала* — условный топоним, не имеющий реальной привязки. 5. *Некролог прочтете в «Русском инвалиде»*. Единственное сообщение о смерти Пушкина появилось в газете «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“». *Натали* — Наталья Николаевна Пушкина. *Кавалергард* — Дантес. *Калбит* — слово, оскорбительное для казахов.

Часть третья. 1. *Рцы* — старинное название буквы «р». «*Редел на небе мрак глубокой...*» — начало последней строфы «Кавказского пленника» (перед Эпилогом). 3. *Фабрика сукна*. В 1822 г. в Омске была построена суконная фабрика, вырабатывавшая сукно для сибирского казачества. Были в Омске и другие мелкие предприятия, перечисленные в поэме, как правило на них работали провинившиеся солдаты. 4. *Сары*. Гидроним, часто встречающийся в Казахстане, в переводе означает «желтый», «желтая». Здесь речь идет скорее всего о реке Сары-Тургай, которая находилась юго-западнее Атбасара, на пути к южной части Мугоджарских гор. *Барантач* — разбойник, точнее: угонщик скота. *Кат* (уст.) — палач. *Успел наш лекарь прошлый год в Ялutorовске побывать*. В ялutorовской ссылке (Тобольская губ.) было девять декабристов, в том числе упомянутые в поэме; они находились под особо строгим надзором полиции. *Муравьев-Апостол* Матвей Иванович (1793—1886), *Якушкин* Иван Дмитриевич (1793—1857), *Пушкин* Иван Иванович (1798—1859) — декабристы, отбывавшие ссылку (поселение) в Ялutorовске и других городах Зап. Сибири. *Ентальцев пушечный лафет в заводе прячет за дрова*. А. И. Дмитриев-Мамонов в своей книге «Декабристы в Западной Сибири» (Спб., 1905. С. 85) приводит донос губернского секретаря Портнягина на декабриста Ентальцева Андрея Васильевича (1788—1845): «У государственного преступника Ентальцева хранятся

в завозне четыре пушечных лафета, а в амбаре, в который вход запрещен..., должно полагать, есть спрятанные пушки и порох...» Донос оказался ложным, автор его был наказан. Завозня (сибир.) — сарай для экипажей. 6. *Баранта* — уворованная добыча (казахск.). *Баян-Аул* — селение, основанное у подножья красивейших, поросших сосновым лесом, гранитных гор (ныне райцентр Павлодарской обл.). В данном тексте речь идет о территории Баянаульских гор, где находились казахские аулы. 7. *Омбы* — казахское название г. Омска. *Торговать людьми, Мы слышали, давным-давно правительством запрещено*. В 1825 г. был принят закон, запрещающий покупать или выменивать детей кочующих народов.

Рассказ о русском инженере. ОА. 1939, кн. 1, под загл. «Баллада о русском инженере», с вар. - -П-40.- -Изд-64 (частичный возврат к ред. СиП-39), дата: 1932.- -Печ. по СиП-2, где автор вернулся к ред. П-40, дата: 1936. В поэме много точных деталей из быта, социальной обстановки, служебных взаимоотношений деятелей Семиречья конца XIX в., почерпнутых автором из семейных воспоминаний и литературных источников. Существует взгляд, что основой поэмы явилось строительство Алма-Атинского деревянного собора, существующего и в наше время, а прототипом инженера-строителя — архитектор Андрей Павлович Зенков, строивший этот собор (см.: Боровкова Г. Две поэмы Леонида Мартынова // «Труды кафедры русской и зарубежной литературы Казахского гос. университета им. С. М. Кирова». Алма-Ата, 1961. Вып. 3. С. 24—42). В новелле «Семейные предания» Мартынов опровергает эту версию. Он пишет, что в основу поэмы легли воспоминания его бабушки, Марии Васильевны Збарской, о ее муже, военном инженере, Григории Збарском, который строил госпиталь, вел предварительные работы по постройке собора, замышлял орошение степи каналами: «Вступив при строительстве госпиталя в борьбу с лихоимцами-интендантами, он не то был отравлен каким-то медленно действующим азиатским ядом, не то просто впал в тяжелое нервное расстройство. Перед смертью своей он бредил звоном колокольчика фельдьегерской тройки, которая несется с курьером, везущим из столичной правительственной указ разоблачить воров и лихоимцев... Как бы там ни было, но я писал поэму по семейным преданиям...» (СС-3. С. 19—20).

1. *В центре города Знойного, в Александровском сквере, Храм огромный стоит.* Эти и дальнейшие строки позволяли отдельным исследователям творчества Мартынова совместить действие «Рассказа о русском инженере» со строительством собора в Алма-Ате, не учитывая времени действия поэмы. В Алма-Ате (ранее г. Верный) в Центральном парке им. 28 гвардейцев-панфиловцев стоит деревянный храм, построенный инженером А. П. Зенковым в 1904—1907 гг. в ознаменование победы русского оружия над Хивой и Кокандом. По величине и сейсмоустойчивости (выдержало катастрофическое девятибалльное землетрясение 1910 г.) это строение является уникальным. Сейчас в нем размещен Республиканский музей. Дело о строительстве этого храма началось еще при Александре II (император с 1855 по 1881 г.). *Хива* — центр феодального государства в Средней Азии, в 1873 г. признало протекторат России, сохранив внутреннюю автономию. *Коканд* — см. примеч. к предыдущей поэме. С 1876 г. Кокандское ханство вошло в состав Российской империи в качестве Ферганской обл. 2. *Вицмундир* — в дореволюционной России форменный фрак чиновника. 3. *Кашгар* — см. примеч. к предыдущей поэме. 4. *Аксакал* (казахск.) — буквально: белобородый; в переносном значении: старый, уважаемый, мудрый человек. 5. *Джунгарский* (джун-

гарский) — см. с. 668. 7. *Каракольские люди* — жители города Каракол, расположенного на вост. берегу озера Иссык-Куль, с 1889 г. по 1921 г. и с 1939 г. — г. Пржевальск. 9. *В кантонистской, в суровой учился я школе.* В России с 1805 по 1856 г. существовали низшие военно-учебные заведения для солдатских детей — кантонистские школы (от нем. слова *Kantpnist* — новобранец). Дед Мартынова Г. Збарский был кантонистом (СС-3. С. 19). *В горах Алатава.* Речь идет о горах Заилийского Алатау, района повышенной сейсмичности.

Тобольский летописец. СО. 1939, № 3, под загл. «Рассказ про Федьку-варнака и про Ильюшку-ямщика», с вар. - П-40. - Изд-64 (частичный возврат к ред. СО). - Печ. по СиП-2, где автор вернулся к ред. П-40. Первоначальный вар. поэмы был создан Мартыновым в 1937 г., о чем он поведал в интервью (ЛГ. 1974, 1 янв.). Автор остался неудовлетворен этим вар. текста и продолжал работать над накоплением фактического материала и более глубоким осмыслением исторических событий, затронутых в поэме. В местной печати он публиковал отдельные историко-краеведческие заметки о прошлом Омской обл. (до 1944 г. в ее состав входила и территория нынешней Тюменской обл.), тематически связанные с поэмой, привлекал дополнительные материалы о времени, отраженном в ней, о ее исторических персонажах. Богатейшие фонды библиотеки Омского краеведческого музея предоставляли ему для этого большие возможности. (Об источниках, послуживших Мартынову для создания поэмы, см.: Петрова З. А. Исторические источники поэмы Леонида Мартынова «Тобольский летописец» // «Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России». Новосибирск, 1983. С. 149—163). Когда после опубликования поэмы Мартынов впервые побывал в Тобольске (сент. 1939), он не нашел каких-либо погрешностей в своем описании города. Ознакомление с редкими печатными и рукописными материалами Тобольского архива и музея помогли ему при переиздании поэмы (1940 г.) внести в нее некоторые изменения, уточняющие обрисовку основных героев — Ф. И. Соймонова и ямщика Черепанова, переработать ряд ее мест, изменить концовку.

1. *Соймонов Федор Иванович* (1692—1780) — гос. деятель, соратник Петра I, гидрограф, исследователь Каспийского и Балтийского морей, автор трудов по истории, экономике, географии Сибири. При Анне Иоанновне (императрица с 1730 по 1740 г.) был осужден по «делу» А. П. Вольнского, приговорен к смертной казни, замененной лишением всех чинов и привилегий, наказанием плетью и ссылкой в Охотский острог. В 1740 г. освобожден Елизаветой Петровной (императрица с 1741 по 1761/62 г.). С 1757 по 1763 г. Соймонов — сибирский губернатор, с 1763 по 1766 г. — сенатор. *Ялуторовск* — см. с. 723. *Тавда* — селение в вост. Приуралье, с 1937 г. — город, райцентр Свердловской обл. 2. *Джунгарец* (джунгарец) — см. с. 668. *Кашкарлык* — самоназвание среднеазиатских тюрок по городу, где они живут. *Каракиргиз* — старое название киргиза, коренного жителя Киргизской ССР, в отличие от казаха, которого неправильно называли киргизом. 4. *Ям* — ямская часть города (улица), где жили ямщики. *Пласт назьма* (сиб.) — навоза. *А ниже, выстроены в ряд, на полках книжицы стоят. Их много. До четырехсот.* Путешественник И. П. Фальк (1727—1774), посетивший в 1772 г. Тобольск, писал, что у тобольского ямщика Кузьмы Леонтьевича Черепанова он видел библиотеку из 400 книг по математике, механике, истории и др. наукам (см.: Записки путешествия академика Фалька. Спб., 1824. С. 402). 5. *Илья! Готова рукопись твоя?* В конце XVIII в. в Тобольске

жила семья ямщиков Черепановых — Илья, Иван и Кузьма Леонтьевичи. Один из них, Иван, был автором «Летописи Сибирской», существующей в нескольких списках (ГБЛ, ЦГАДА). Мартынов познакомился с рукописью «Летописи» в Тобольском музее. Она была «в деревянном, обтянутом кожей переплете, с металлическими застежками» (Мартынов Л. Труд ямщика Ильи Черепанова // «Омская область» (Омск), 1939, № 11/12 С. 102). Мартынов в поэме переадресовывает авторство рукописи Илье Черепанову. *Фрауэндорф* Карл Львович — генерал-майор, командир Омской крепости. Инженерный капитан, один из строителей Омской крепости, И. Г. Андреев так писал о нем: «Он, Фрауэндорф, столько был жесток и немилосерд, а лучше сказать мучитель, что не устыдился одного дня до обеда пересечь плетью, кошками при своем присутствии, где должен был слушать вопль и невинных, до 110 человек. Ходя за ним, ординарцы всегда имели с собой кошки, плетки, палки, грабли, вилы и тому подобное нелепое» (Домовая летопись, писанная Иваном Андреевым в 1789 году // «Чтения Общества истории и древностей российских». 1870, кн. 1. С. 77—78). 6. *Кучум* (ум. ок. 1598) — степной феодал, временно захвативший в 1563 г. власть над частью Зап. Сибири. *Ермак мне говорит: «Зерно посеял я!»* — см. ст-ние «Ермак», с. 60. *Форштадт* — поселение, находящееся вне крепости, но примыкающее к ней. 8. *Жил небогатый дворянин*. Гл. поэмы повествует о судьбе Ф. Соймонова на основании различных лит. источников, данные которых в настоящее время уточнены и дополнены другими. В рассказе о жизни Соймонова имеются авторские домыслы, оправданные особенностями жанра, но всегда основанные на исторически точных сведениях. В частности, упоминание о «рваных ноздрях» Соймонова и о поисках его по каторжным местам офицером, посланным Елизаветой Петровной, восходят к преданиям тоболяков, записанным сибирским историком Н. А. Абрамовым (1812—1870). *Сухарева башня* находилась в Москве на Садовом кольце при пересечении его с улицей Сретенкой, в ней помещалась (с 1701 г.) созданная Петром I Школа математических и навигацких наук, в которой обучался Соймонов (с 1711 г.) около трех лет. *Гардемарин* — в данном случае чин в русском флоте (ниже мичмана); мичманом Соймонов стал в начале 1716 г. *Варяжское море* — Балтийское море. *Хвалыньское море* — старинное название Каспийского моря. В 1719—1720 гг. Соймонов вместе с капитан-лейтенантом К. П. Верденом составил карту Каспийского моря. «*Светильник*». До 1730-х гг. не существовало русской лоции Балтийского моря. Моряки пользовались голландской публикацией шведского атласа. В 1738—1739 гг. выходит «Светильник морской» («Светильник моря») — атлас и лоция Балтийского моря на русском языке, составителем и редактором был Соймонов. *И моря Белого чертеж*. В 1713 и 1714 гг. Соймонов совершал рейсы в Голландию и оттуда через Архангельск плавал по Белому морю. *Кригс-комиссар*. Полное наименование высокого административного звания, полученного Соймоновым в начале 1733 г., — обер-штер-кригс-комиссар, в его обязанности входило инспектирование флотских экипажей и портов, руководство финансированием морских учреждений, укомплектование штатов. *Бирон* Эрнест Иоганн (1690—1772), граф, фаворит императрицы Анны Иоанновны, инициатор реакционного режима, известного под названием «бионовщина» (засилье иностранцев, жестокое преследование недовольных и пр.); Бирон был фактическим правителем страны. *В Охотске, в каторге где был, морскую школу он открыл*. Сведения о том, что Соймонов остался добровольно в Охотске после ссылки, ошибочны. Освобожденный из ссылки в 1741 г. и сразу увезенный из Охотска, он в конце февр. 1742 г. приехал в свою деревню под Москвой, где жил до 1753 г. В дек. 1753 г. Соймонов получил от Сената поручение

продолжить работу Камчатской экспедиции, возглавив Нерчинскую экспедицию. Соймонов проделал большую работу в Вост. Сибири по картографированию и описанию рек, земель, организовал поиски железных руд, руководил составлением планов устья Амура и устья Аргуни и т. п. К середине 1755 г. осложнившаяся дипломатическая обстановка приостановила работу Нерчинской экспедиции. *Бараба* — см. с. 699. *Киндерман Х. Х.* (ум. 1752) — генерал-майор, командующий войсками вновь организуемой сибирской линии укреплений для отпора агрессии маньчжурских феодалов. Линия намечалась от Омска до станицы Звериноголовской (т. н. Горькая линия). Пытался начать земледелие силами казаков и солдат линии. 10. *Миллер Герард Фридрих* (1705—1783) — рус. историк, академик, уроженец Вестфалии; с 1725 г. жил в России. Совершил в 1733—1743 гг. путешествие по Сибири, автор «Истории Сибири». Соймонов был в дружеских отношениях с ним, посылал ему свои рукописи для публикации, выполнял просьбы ученого. «*Сибирь есть золотое дно*». С помощью Г. Ф. Миллера Соймонов опубликовал в 1761 г. в «Ежемесячных Сочинениях, к пользе и увеселению служащих» начало своей статьи «Древняя пословица: Сибирь — золотое дно», в которой говорил о природных богатствах края и хозяйственной деятельности его жителей. 11. *То дочь Петра... А где же внук?* После смерти Елизаветы Петровны императором стал внук Петра I, немецкий принц Карл Петр Ульрих (1728—1762), сын герцога голштейн-готторпского Карла Фридриха и Анны Петровны, царствовавший под именем Петра III. *Шпирутены* (нем.) — длинные прутья для телесных наказаний в армии. 13. *Целовальник* — продавец вина в питейном заведении, в кабаке. *Студенты школьные*. В XVIII в. в Тобольске существовали различные специальные военные и духовные школы, учащихся в них обычно называли школярами, студюзами. 16. *Аннал строчит твоя рука*. Анналы (от лат. *annus*, т. е. год) — погодная запись наиболее значительных событий, летопись. 17. *Тал* — см. с. 672. 19. *Кунгур* — город на Урале, где заканчивался сибирский тракт, ныне в Пермской обл.

Домотканая Венера. ПО-40, с вар.- -СИП-2. Написана после поездки Мартынова в сент. 1939 г. в Тобольск. Однако замысел поэмы созрел у автора ранее — в ходе изучения литературы по истории Сибири, особенно тех лет, когда в Тобольске губернатором был Ф. И. Соймонов (см. примеч. к предыдущей поэме), знакомства с сочинением Екатерины II «Антидот» (противоядие), направленным против книги аббата Шаппа д'Отероша «Путешествие в Сибирь» (Париж, 1768), розысков редких изд. о тюменском ковороткачестве и пр. Конкретными источниками отдельных эпизодов поэмы послужили рисунки художника Ж. Лепренса, опубликованные в парижской книге Шаппа д'Отероша; с двумя из них — «Публичная баня в Сибири» и «Внутренность сибирской избы ночью» — Мартынов познакомился задолго до начала работы над поэмой по публикации их в первом томе «Сибирской Советской энциклопедии» (М., 1929. Стб. 729 и 730). Большое значение для насыщения поэмы историко-бытовыми реалиями имели знакомство Мартынова с Тобольском, в котором он ранее не бывал, с материалами тобольского краеведческого музея, поездка из Тобольска в Тюмень по старинному сибирскому тракту. Поэма «Домотканая Венера» — последнее крупное стихотворное произведение Мартынова, посвященное прошлому Сибири.

1. *Елена Прекрасная* (греч. миф.) — дочь Зевса и Леды, жена Менелая, царя Спарты, необыкновенная красавица. *Венус* (рим. миф.) — Венера. *Сафо* (Сапфо) — древнегреч. поэтесса (VI в. до н. э.), писавшая о женской красоте, о любви. *Кладбище Завальное* — старинное тоболь-

ское кладбище на окраине верхнего города за оборонительным валом, возведенным в XVII в. *Ропот шведов пленных*. С 1711 г. по разным городам Сибири, преимущественно Западной, стали расселять пленных шведов. В 1722 г. им было разрешено вернуться на родину. *Магистрат* — судебно-административное учреждение, введенное в городах России Петром I в начале XVIII в., ведало преимущественно торгово-промышленным и гражданским населением города. *Принцессы ангальт-цербтски*. Речь идет о дочерях правителей Ангальт-Цербтского герцогства в Германии, откуда была родом и Екатерина II. *Ратман* — член городского магистрата или ратуши. *Язычески соблазны* — здесь: искусство и мифология древних греков. *Схизма* — термин, обозначающий раскол в христианской церкви. *Архиепископ наш митрополит и сам из поляков*. Главой сибирской церкви с 1758 по 1768 г. был Павел II Конюшкович (Конюшкович). *В Кракове учен*. Речь идет об одном из старейших польских университетов в г. Кракове. *Мечтает некую открыть мануфактуру*. В данном случае речь идет о передовом для того времени предприятии, основанном на разделении труда и ручной ремесленной технике. *Униат* — сторонник объединенной католической и протестантской церкви, возникшей вследствие Брестской унии 1596 г. *Грек* — здесь: приверженец православной церкви. *Рухлядь мягкая* — пушнина, меха. *Ял-Мал* — старинное наименование полуострова Ямал. *Татарска бабушка, сама падера вьюга* — сибирские выражения, означающие ненастье, бурю со снегом, с дождем; падера — вьюга при сильном ветре, буря с вихрем. *Господин Павлуцкий, тот вовсе ждет беду*. Речь идет об одном из братьев Павлуцких, военных деятелей Сибири XVIII в., к тому времени вышедшем в отставку. *Антихриста приход пророчит нынче летом*. Слухи о пришествии антихриста, врага Христа и христианства, появлялись в разное время по самым различным поводам. Так, приход антихриста ожидали в 1000 г. (круглая цифра), в годах кратных т. н. «звериному числу» — 666, антихриста видели в Нероне и в Наполеоне и т. п. Возникали слухи о приходе антихриста и при различных небесных явлениях — появлении кометы, климатических перепадах и пр. В данном случае пророчество о приходе антихриста было вызвано слухами о прохождении планеты Венеры через диск солнца в 1761 г. *Мних* — монах. *Нечисть банная* — общее название темных сил, обитавших, по народным поверьям, в банях, устраивающих разные мелкие пакости людям. *Горацій* — Квинт Горацій Флакк (65 до н. э.— 8 до н. э.) — римский поэт. *Назон* — см. с. 718. «*Венус пройдет... — Сказал он, — меж Землей и Гелиоса диском*». В 1761 г. наблюдалось редкое астрономическое явление — прохождение планеты Венеры перед диском Солнца, предсказанное астрономом Галлеем (1656—1742) и важное для уточнения расстояния от Солнца до Земли. 2. *Магус* — маг, чародей. *Зовется Дотерош он*. Член Парижской академии астроном Шапп д'Отерош (1722—1769) принял поручение поехать в Тобольск, где имелись наиболее благоприятные условия для наблюдения прохождения планеты Венеры через диск Солнца. *Регалии* — знаки отличия (ордена, медали). *Каталажка* — место заключения. *Профос* — армейская должность; на профоса возлагались наблюдения за чистотой и порядком в расположении войск, полицейские функции, исполнение телесных наказаний и пр. В русской армии введена Петром I, упразднена в 1868 г. *Гостинный двор* — комплекс строений, предназначенный для торговли и хранения товаров. В Тобольске каменный Гостинный двор был построен по проекту С. У. Ремезова (1642— после 1720) в 1703—1706 гг. *Бухарцы*. Тобольск в те годы был крупным торговым центром, куда приезжали купцы из Средней Азии, в городе имелась колония бухарских жителей. *Обское Лукоморье* — старинное название местности, прилегающей к низовьям

Оби. Там молятся, мол, бабе золотой — см. примеч. к ст-нию «Луко-морье», с. 671. *Град чуден ваш Тобольск*. Основанный в 1587 г., Тобольск длительное время был центром рус. государственности, экономики и культуры на востоке страны. В XVII—XVIII вв. в городе было построено много каменных строений, в том числе первый в Сибири каменный кремль. *Бухарские ковры и наши из Тюмени*. Тюмень и ее окрестные деревни издавна славились в Сибири своими коврами. *Папаша Гобелен*. Красильщик шерсти Жилл Гобелен основал в XVI в. близ Парижа красильню, ставшую впоследствии ковровой ткацкой, изготавливающей тканые ковры ручной работы, по имени основателя фабрики их называли гобелены. *Магометанский стиль*. Вост. ковры, изготовленные в мусульманских странах, лишены изображений людей, т. к. это запрещалось религией ислама. *Ягушка* — женская шуба, сшитая из шкур мехом наружу. *Туюсок* — берестяной круглый короб с тугой крышкой, предназначен для переноса ягод. *Рампоно* — популярный кабачок в Париже, названный по имени хозяина Жана Рампоно (ум. 1765). *Поле Марса* — в Париже плац для учений и парадов воспитанников Военной школы. *Сорбонна* — с XVII в. распространенное название Парижского университета. *Король Луи* — король Франции Людовик XV (1710—1774). *Гравюру закажу*. Шаппа д'Отероша сопровождал в поездке художник Жан Лепренс (1734—1781), живший с 1758 по 1762 г. в России. «Алла! — кричат. — Алла!» — призыв мусульман к богу — Аллаху. *Гурии* — девы, услаждающие правоверных мусульман в раю. *Апокалипсис* — одна из книг Нового завета, содержащая пророчества о «конце света». *Женщины, вразнос торгующие репой*. Бытовая деталь, весьма характерная для старого Тобольска. *Из городовых он родом казаков*. Городовые казаки несли гарнизонную службу и получали от государства денежное и хлебное жалованье. *Брюнн* — ныне Брно, город в Чехословакии. *Никольсбург* — город в Юж. Моравии. *Фридек* — точнее Фридек-Мистек — город в Чехословакии. «*Киприпедиум*» или «*Башмачок Венерин*» — растение сем. орхидных, распространенное в Сибири. 3. *Труд аббата Дотерош*. Шапп д'Отерош, вернувшись в Париж из Сибири, издал в 1768 г. книгу о своем путешествии с богатыми иллюстрациями художников Ж. Лепренса и Жан-Мишеля Моро (Младшего) (1741—1814), французского рисовальщика, гравера, живописца. В книге д'Отероша рус. действительность была представлена в мрачных тонах; с целью парализовать влияние книги Екатерина II издала «Антидот» (противоядие). *Дебюр* Гильом Франсуа (1731—1782) — французский издатель. *Изображение бань, Каких в Сибири мы не видали сроду*. Одна из гравюр в книге д'Отероша изображала «публичную баню», в которой моются вместе мужчины, женщины и дети. *Солнца параллакс* — видимое изменение положения Солнца вследствие перемещения наблюдателя. *В монастырь, на Конду*. В низовьях Оби, почти в тысяче километров от Тобольска, был основан в 1657 г. Кондский, или Кондинский, монастырь, в просторечии — Конда. *Урман* (сиб.) — темнохвойный лес (пихта, кедр, ель) в Зап. и Средней Сибири. *Княгиня Дашкова* Екатерина Романовна (1744—1810) — с 1783 по 1794 г. директор Академии наук и президент Российской академии, объединявшей тогда крупные лит. силы страны. *Великий князь* — наследник престола, сын Петра III и Екатерины II, будущий император Павел I (1754—1801). *Заплот* (обл.) — забор из досок или плах. *Парки* (рим. миф.) — богини судьбы, прядущие нить жизни.

Поэзия как волшебство. П-40. Поэт К. Д. Бальмонт (1867—1942), в 1915 г. вернувшись на родину после более чем семилетнего вояжа по заграничным странам, совершил поездки по России, выступая в городах

с чтением доклада «Поэзия как волшебство». Судя по газетным сообщениям, омская публика принимала его весьма сдержанно. Мартынов не был на выступлениях Бальмонта, ему шел всего одиннадцатый год, он знал о них со слов своих знакомых и родных, скорее всего от своего старшего брата Николая Николаевича Мартынова (1899—1966), который в эти годы начинал пробовать свои силы в лит. творчестве.

1. *Омб* — см. с. 724. *Губернаторский дворец* — в центре Омска стоит дом генерал-губернатора, построенный в 1859—1862 гг., теперь в нем размещается Омский музей (краеведческий и картинная галерея). *Волчий Лог* — имеется в виду омское предместье Волчий Хвост, см. примеч. к ст-нию «Река Тишина», с. 667. *Ремингтон* — см. с. 695. *Гекатомбы*. В Древней Греции так называлось жертвоприношение, первоначально состоящее из 100 быков (*hecaton* — сто, *bus* — бык); в переносном значении — любое общественное жертвоприношение. 2. *Эльфы* — по немецким народным поверьям, духи природы, благожелательные к людям. *Глаголом жечь сердца людей*. Измененные слова А. С. Пушкина из ст-ния «Пророк»: «Глаголом жги сердца людей». *Любить! Убить! Дерзать! Терзать!* Пародируются известные ст. Бальмонта из сб. «Будем как солнце» (1903): «Хочу быть дерзким, хочу быть смелым, Из сочных гроздий венки свивать. Хочу упиться роскошным телом, Хочу одежды с тебя срывать!» 4. *Кто же наш отец?* Бальмонт родился в деревне Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губ. в семье небогатого помещика, полвека прослужившего в шуйском земстве, на различных должностях. *В Шуе, городе родном*. В городке Шуя Бальмонт учился в гимназии и потом был исключен из нее за принадлежность к кружку, распространявшему нелегальную литературу. Впоследствии, уже будучи студентом Московского университета, он был выслан в Шую за участие в студенческих беспорядках. *Я эмигрировал*. Революционные события 1905 г. в Москве захватили Бальмонта. Он писал обличающие самодержавие стихи, сотрудничал в большевистской газете «Новая жизнь», участвовал в митингах. Избегая нависшей над ним угрозы расправы, он уехал за границу, где пробыл семь с лишним лет. *Шелли* — см. с. 681. *Руставели*. Бальмонту принадлежит первый неполный перевод на рус. язык поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». *Данте Алигьери* (1265—1321) — итальянский поэт, автор «Божественной комедии». *Уайльд Оскар* (1854—1900) — английский писатель, поэт, критик; по обвинению в безнравственности был осужден на два года тюремного заключения (1895—1897). 5. *Лель М. И.* — владелец колбасной и большого колбасного магазина в дореволюционном Омске.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Л. Н. Мартынов. Фотография 1975 г. (Москва).
2. С. 130. Беловой автограф стихотворения Л. Мартынова «На черном красные слова...» (1947).
3. С. 192. Беловой автограф стихотворения Л. Мартынова «Чистое небо» (1945, 1956), другая редакция.
4. С. 221. Черновой автограф стихотворения Л. Мартынова «Невозможно Жить на белом свете...» (1959).
- 5—8. *Между с. 384 и с. 385*.
Фотография начала 1920-х гг.
Фотография 1925 г. (Омск).
Фотография конца 1950-х гг. (Москва).
Фотография 1961 г. (Москва).
- 9—12. *Между с. 416 и с. 417*.
Фотография 1962 г. (Москва).
Фотография 1965 г. (Паланга).
Фотография 1971 г. (Москва).
Фотография 1972 г. (с. Степановское).
13. С. 503. Портрет работы В. А. Милашевского 1967 г. (с. Степановское).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- «А всё же Есть небесный купол...» (Небесный купол) 255
«А если бы историк наших дней...» (Историк) 430
«А если вновь восторжествует пошлость?..» (Пошлость) 400
«А как тут зимой?..» (Элегия) 403
«А кому какое дело...» (Мир искусства) 517
«А красноречивей всех молчат...» (Книги) 375
«А многие В первые годы бессмертия...» 423
А может быть... («А может быть, всё позади...») 464
«А можно ли Хотеть зимы...» (Ледяная свирель) 467
«А птицей стать я не хотел бы...» (Птицы) 156
«А, собственно говоря...» 486
«А ты? Входя в дома любые...» (След) 99
«А что Так медово...» (Намедни) 432
«А, это ты, В мечтах своих витатель...» 386
Абрамцево («Мы, Ольга...») 268
Август («Я помню Сдержанную наглость...») 136
Автопортрет («Мне Мечталось...») 400
Адмиральский час («Парад. Толпы нестройный гул...») 525
Алла («Вы уедете скоро. У платформы вокзала...») 41
Алтай («Ко мне Алтаец подошел...») 321
«Ангел мира есть...» (Ангелы спора) 376
Ангелы спора («Ангел мира есть...») 376
Антарктида («Ни господ...») 200
«Арфу слышали Эолову?...» (Эолова арфа) 462
- «Багровеет солнце на закат...» (Море было) 52
Бакены («Дни Всё короче...») 403
Балерина («Ночь шуршит в канаве желтым листом...») 134
Баллада о композиторе Виссарионе Шебалине («Что, Алеша...») 331
Баллада о Николае Рерихе («Я думаю О Рерихе...») 426
Баллада о Северной Пальмире («В гордой Северной Пальмире...») 470

- Баллада о Федоре Достоевском («Невский Остается просто Невским...») 383
- Баллада про Великий путь («Великий путь!...») 103
- Балхаш («Я помню зной того степного края...») 44
- Башкирская пещера («Что знаете вы О башкирской пещере?...») 291
- «Бегут вассалы Колчака...» 439
- Безбожница («Сегодня вечером, как дьявол...») 387
- «Безголовый мальчик: Только два крыла...» 464
- Белая ночь («В белую ночь...») 479
- Белый сад («И снова Эти споры о верлибре...») 405
- Бессилье стариков («Да, Это, разумеется...») 371
- Библиотека Грозного («Неужели думаете серьезно вы...») 316
- Богатый нищий («От города на отгороженное...») 145
- Богоборец («И в гнев...») 484
- Бой колоколов («Читатели Моих трудов...») 408
- Борьба («Сколько раз я говорил себе...») 399
- Бросьте! («Я противник лютых зим...») 442
- Будничность («О, Будничность...») 389
- «Будто Впрямь по чью-то душу...» 184
- «Будьте Любезны...» 190
- «Букет Валялся посреди стола...» 379
- «Бывает, Сердце так колотится...» (Сопротивляемость) 487
- «Бывают такие весенние вьюги...» (Вьюги) 176
- Бык воспоминаний («Где-то Крикнул петел...») 377
- «Был Безмятежен...» (Обвал) 232
- «Был Дождь как дождь...» 276
- «Был Огонь Прометеем...» (Дар Прометея) 462
- «Была программа интересной...» (В цирке) 132
- «Быстро несется время...» (Время) 197
- «В белую ночь...» (Белая ночь) 479
- «В белый шелк по-летнему одета...» 186
- «В белых яблонях сокрыт ваш дом...» (Рассмейтесь) 43
- «В гордой Северной Пальмире...» (Баллада о Северной Пальмире) 470
- В девятьсот девяносто седьмом («В девятьсот девяносто седьмом...») 227
- «В Китеже я взошел...» (Рубикон) 431
- «В крошечной тьме...» (Вообразить себя созвездьем) 388
- «В магазине...» (Верви) 311
- «В метрополитене, В универмаге...» 312
- В мире сорных трав... («За горизонтом...») 72
- «В области сердечного волнения...» (Волнение) 370
- В Париже («В Париже...») 309
- «В Перми есть пермень. В Златоусте есть злато...» (Пленный швед) 75
- «В потемках...» (Чужая душа) 457
- «В промежутках Между штормами...» 85
- «В пространстве есть пустоты...» (Секрет пустот) 414
- «В равнинах Востока, багряных от зноя...» (Правда) 100
- «В расширяющейся Вселенной...» (Небо и земля) 225
- «В роще, Где туристами...» (Вятчи) 335
- «В садах За университетом...» 351
- В старом отеле («В старом римском отеле...») 499
- «В темноте Притаился злодей...» 201
- «В тот день Работал я давно...» 487
- В цирке («Была программа интересной...») 132
- «В центре города Знойного...» (Рассказ о русском инженере) 554

- «В час ночи...» (Итоги дня) 195
«В чем смысл вечерних передач?...» (За исключением исключений) 521
«В чем убедишь ты стареющих...» 135
«В эти годы...» (Орех) 394
«В этом Старом...» (Старый театр) 465
«В эту душную ночь...» 145
В ядре («Ты Хороша...») 259
Вас не было еще... («Вы Видели ее...») 208
Вдохновенный слепец («Возле устья Двины...») 476
«Вдруг Он стал горячиться...» (Он и Елена) 488
«Вдруг Что-то случилось...» (Круги по воде) 251
Великие («О, крохотные бюстики великих...») 273
«Великий путь!..» (Баллада про Великий путь) 103
Венера («Зал опустел...») 308
Венок («Снова С неба...») 434
Верви («В магазине...») 311
«Вершители...» (Двенадцать цезарей) 281
Весна («Весна Стояла затяжная...») 221
Весна («Он всю Европу Взял в объятья...») 247
«Весна, Как незримая птица...» 352
«Весной, Особенно при свете...» (У дверей вечности) 490
«Весною ранней...» 516
Ветви («Эти ветви...») 399
«Ветер С юга на север...» 392
«Ветер — звать его Мефодий...» (Небесные письма) 498
«Ветер с далекого моря...» (Оттепель) 51
«Вечерело... Луч закатный...» 175
Вечерняя звезда («Я видел Много звезд...») 374
«Вечером, Как только шум уляжется...» (Естественность) 485
Вечный путь («Сегодня ночью...») 323
«Взвыл ветер...» (Уменье) 407
Взрыв («Мне, По существу, у Айвазовского...») 262
Виденья Босха («Мне чудится, что жив художник Босх...») 306
«Видеть время...» (Лжете) 234
Видимое и невидимое («Ты говоришь: „Я это видел сам!“...») 287
«Вижу: Подымающийся выше всё...» 359
Вне себя («Когда мне было восемнадцать...») 494
«Внезапно...» (Вчерашний дождь) 350
«Вновь Адский гром...» (Чернильница Лютера) 500
Внутренний мир («Вы Во внутреннем мире...») 310
Во дни переворота («Вообразите Оторопь всеильных...») 329
«Во мгле ночей...» (Двойник) 364
Вода («Вода Благоволила Литься!..») 122
«Возвращались солдаты с войны...» (Народ-победитель) 101
Воздушные фрегаты («Померк багряный свет заката...») 42
«Возле устья Двины...» (Вдохновенный слепец) 476
Вознесся в космос человек («Всё — Как он набирался сил...») 242
Волнение («В области сердечного волнения...») 370
Вологда («На заре розовела от холода...») 69
«Воображение бастует...» (Стачка) 454
«Вообразите Оторопь всеильных...» (Во дни переворота) 329
Вообразить себя созвездием («В крошечной тьме...») 388
Во-первых, во-вторых и в-третьих («Всего Еще понять не можем...») 246
Воры времени («Всё Острее...») 319
«Воспоминания зловещи...» 303

- Воспоминанье («Юнец, Недели две...») 376
 Воспоминанья («Надоело! Хватит! Откажусь...») 230
 «Вот ведь, поди, разберись ты...» (Гусенок) 397
 «Вот видишь: Он — Слон...» (Слон) 117
 «Вот И лето на пороге...» (Лето) 336
 «Вот Идешь ты...» (Ленинский проспект) 239
 «Вот лес. Он был густ...» 84
 «Вот он, корень...» (Корень зла) 234
 «Вот скачет гонец...» (Гонец) 498
 «Вот Тает снег...» (Снег тает...) 174
 «Враги Или друзья?..» (Шаги) 215
 Время («Быстро несется время...») 197
 Время («Чар Потерянного времени...») 277
 «Все исходы...» (Латынь) 475
 «Всё — Как он набирался сил...» (Вознесся в космос человек) 242
 «Всё Обрело Первичный вес...» 188
 «Всё Острее...» (Воры времени) 319
 «Всё происходит лишь однажды!..» 432
 «Всё реже и реже...» (Всё чаще и чаще) 513
 «Всё решено...» (Сон) 369
 Всё чаще и чаще («Всё реже и реже...») 513
 «Всё это было так знакомо...» 442
 «Всего Еще понять не можем...» (Во-первых, во-вторых и в-третьих) 246
 «Все-таки Разршилась...» (Градус тепла) 173
 Встану рано («Встану рано...») 400
 Встреча с Таном («Расскажу О Тане-Богоразе я...») 329
 Вступившему в литературу («Ты с умилением читаешь...») 402
 «Всю страсть, которая имелась...» (Пиретрум) 131
 Второе бытие («Я к жизни возвратил немало мертвецов...») 501
 Вчерашний дождь («Внезапно...») 350
 «Вы Видели ее...» (Вас не было еще...) 208
 «Вы Во внутреннем мире...» (Внутренний мир) 310
 «Вы знаете, что в Омске жил король...» (Король) 390
 «Вы знаете, Что значит быть поэтом...» (Дар воображенья) 384
 «Вы Много Толковали мне...» (Оборотная сторона) 296
 «Вы поблекли. Я — странник, коричневый весь...» (Нежность) 45
 «Вы, Степные исполины...» (Терриконы) 247
 «Вы уедете скоро. У платформы вокзала...» (Алла) 41
 «Выдвинутые подбородки...» 39
 Вьюги («Бывают такие весенние вьюги...») 176
 Вятчи («В роще, Где туристами...») 335
- Газетная тема («Газетных тем...») 387
 «Газетных тем...» (Газетная тема) 387
 «Галилей Ослеп от старости...» 475
 «Где книги наши?..» (Летописец) 56
 «Где когда-то...» (Рыбинское море) 210
 «Где Ленин?..» (Ленин) 302
 «Где мы находимся?..» 487
 «Где она — Грань между прозой, поэзией...» (Мать математика) 282
 «Где Шубы русские...» (Мягкая рухлядь) 305
 «Где-то Крикнул петел...» (Бык воспоминаний) 377
 «Где-то, Может быть, во Мстере...» 358
 «Где-то там Испортился реактор...» 241
 «Гении Старого зодчества...» (Имена мастеров) 342

«Гидролог...» (Первооткрыватель) 180
Гиперболы («Что говорить! Конечно, жизнь сложна...») 356
Гиперборея («Ты детских не ценил воспоминаний...») 78
Гипнотизер («Кто зовет меня...») 48
Глаза юнцов («Глаза юнцов...») 417
Гномы («Нас ссорят гномы...») 119
«Год Двадцатый был...» 354
Голос природы («Слышу я Природы голос...») 307
Голоса («Мне Не дает уснуть...») 170
Голый странник («О, знаю я, что постепенно...») 47
Гонец («Вот скачет гонец!...») 498
Гора («Так Велика Гора черновиков...») 231
«Господи Иисусе, чудно под Москвой...» (Дрема луговая) 202
Градус тепла («Все-таки Разрешилась...») 173
Граница («Ты Не почитай...») 223
«Грибы мигрируют...» 492
«Гроза Гуляла по лесам...» (Плащ) 413
Гром и молния («О, только в молодости снится...») 398
Грусть («Ночь. Чужой вокзал...») 48
Гусенок («Вот ведь, поди, разберись ты...») 397
«Гусиное перо подайте, — я шепчу...» (Домотканая Венера) 578

«Да здравствуют Искатели дорог!...» 219
«Да, Многое исчезло без следов...» 177
«Да, Это, разумеется...» (Бессилье стариков) 371
«Давно Окаменела Афродита...» (Пан) 227
«Давным-давно уж ясных дней нет...» 489
Дальние звезды («Как ни давно...») 495
Дар воображенья («Вы знаете, Что значит быть поэтом...») 384
Дар Прометея («Был Огонь Прометеем...») 462
Даритель счастья («Когда б затеял написать я пьесу...») 125
Даты («Даты Расставляются...») 428
«Два облака пронеслись...» (Два облика) 313
Два облика («Два облака пронеслись...») 313
Двадцатые годы («Помню Двадцатые годы...») 165
Две тени («Две тени...») 379
Две тучи («Две тучи Заприметил я...») 469
Двенадцатое колено («О, Былое...») 345
Двенадцать цезарей («Вершители...») 281
Двойник («Во мгле ночей...») 364
«Дебатам, прениям, стычкам...» 441
Девушка и охотник («Старую песню спой ты мне...») 458
Дедал («И вот В ночном Людском потоке...») 180
«Действительность...» (Ушедший в землю) 304
Декабрь («Кто там Возле университета?...») 236
«Делали одно...» (Нечто третье) 521
«Демоны! А из чего они сделаны?...» 435
«День кончился...» (Ключ) 92
Деревня («Сто тысяч окон...») 270
Деревья («Как ваше здоровье,— спросил я,— деревья?...») 70
Дети («Какие Хорошие Выросли дети!...») 211
Дети природы («Природа Нам родная мать...») 379
Диодор Сицилийский («Меня Привыкли...») 349
Дневник Шевченко («Теперь, когда столь много новых книг...») 340

- Дневники («Не странно ли...») 321
 «Дни Всё короче...» (Бакены) 403
 «До повторения охочи...» 436
 «До чего мы стандартному рады...» (Семь пар) 393
 «Добрая женщина...» (Сон женщины) 175
 «Довольно Необычную программу...» (У телевизора) 348
 «Дождь Подкрался неожиданно...» 394
 Доклад («Придворные...») 279
 Дом отчий («Строительства...») 409
 Домотканая Венера («Гусиное перо подайте, — я шепчу...») 578
 «Допустимо ли...» (Не за помыслы меня вини) 481
 «Допытывал я у шаманов...» (Ревматизм) 441
 Драгоценный камень («Отыскал В тиши я деревенской...») 344
 Дрема луговая («Господи Иисусе, чудно под Москвой...») 202
 «Друзья меня провожали...» (Путешественник) 98
 Дуб («Когда с полей пустых и голых...») 188
 Дублон («Среди хоромов-теремов...») 422
 «Думаешь — Раньше...» (Старые времена) 256
 Дух творчества («Есенин Беседовал с Блоком...») 410
 Душа («И далекого и близкого...») 428
 «Душа беспокоится...» 204
 Дым отчества («Ты знаешь пословицу: мы говорим...») 87
 Дымы («Едучи мимо...») 435
- Евразийская баллада («О, Венгрия...») 339
 Единая стезя («Что говорить, Я видел города...») 453
 «Едучи мимо...» (Дымы) 435
 Елей («Я шел по аллее...») 504
 Ермак («Еще торчит татарская стрела...») 60
 Есенин («Москва Еще вовсе была...») 360
 «Есенин Беседовал с Блоком...» (Дух творчества) 410
 «Если б в платье твоём прошлогоднем...» (Черно-бурая жертва) 325
 «Если Пушкин вообразим...» (Старый Пушкин) 421
 Если слепо верить Геродоту («Если слепо верить Геродоту...») 460
 Естественность («Вечером, Как только шум уляжется...») 485
 «Есть горы, Что остались до сих пор...» 274
 «Есть книги...» 483
 «Есть люди: Обо мне забыли...» 314
 «Есть на земле высокое искусство...» (Скоморох) 55
 «Есть поэмы, не закончены...» 512
 «Есть стихи, Что тотчас увядают...» 206
 «Еще Боятся высоты...» 216
 Еще не всё я понимал глубоко («Еще существовал...») 336
 «Еще существовал...» (Еще не всё я понимал глубоко) 336
 «Еще торчит татарская стрела...» (Ермак) 60
 «Еще черны и ус, и бровь...» 114
 «Еще шалят. По-летнему одеты...» 381
- «Жалко, что кончается...» (Тетрадь) 330
 «Жизнь моя всё короче, короче...» (Удача) 147
 «Жил на свете я до сорока лет...» (Тоска) 93
 Жили-были («Жили-были...») 455

«За горизонтом...» (В мире сорных трав...) 72
За исключением исключений («В чем смысл вечерних передач?..») 521
«За ночь Черт Багряныч...» (Черт Багряныч) 354
«За окнами...» (Знак) 364
«За Университетом...» (У трамплина) 299
За языческим бугром («За языческим бугром...») 472
«Заблуждаюсь Я всё реже...» (Пан) 416
«Забыто Суеверие былое...» 197
Забывтый цветок («О чем Ты плачешь, подоконник?..») 365
«Завершился листопад...» 133
Завет Верлена («Мне На заре...») 382
Завещание («Мы, Отстранившие...») 418
Заводы («Похолоданье...») 179
Закат («Когда В лесу уже темно...») 480
Закат («Я видел Картину такую...») 285
«Закрывались магазины...» 169
«Зал опустел...» (Венера) 308
«Замечали — По городу ходит прохожий?..» 95
«Зачем тайник?..» 520
«Звонят в Елоховском соборе...» 166
Земная ноша («Пронзят Меня лучами...») 388
Земные блага («Земные блага!..») 357
«Зима. Снежинка на реснице...» (31 декабря 1950 года) 150
«Знаете, Каков был Хлебников?..» (Хлебников и черти) 293
«Знаете ли вы...» (Тоху-во-боху) 228
«Знаешь, Не жду я ответа...» (Ответ) 464
«Знаешь, Почему мне удаются...» 254
Знак («За окнами...») 364
Знаки препинания («Я старых записей густую вязь...») 512
Золотой запас («Свои виденья записать...») 496
Зори («Так медленно...») 404
Зять и тесть («О ветер...») 488

«И брожу я меж соленых луж...» (На моей планете) 480
«И в гнев...» (Богоборец) 484
«И в Коломенском осень...» (Камин) 128
«И вдруг Затихли Лир бряцанья...» 510
«И вдруг мне вспомнилось...» (Царь природы) 108
«И вдруг Раздался треск яйца...» (Птенец) 214
«И вот В ночном Людском потоке...» (Дедал) 180
«И всё, о чем мечталось...» (Усталость) 148
«И вскользь мне бросила змея...» 145
«И далекого, и близкого...» (Душа) 428
«И если Видится...» (Перевод с греческого) 265
«И если Никому не нужный...» (Тьма вопросов) 484
«И не теоретические споры...» (Путь революционера) 53
«И нынче В книжных лавках...» (Сухие крылья) 284
«И, по земле моей кочуя...» 111
«И пришло Подходящее время...» (Сомненья гоня) 446
«И снова Мир...» (Шквал) 179
«И снова осень...» 157
«И снова Эти споры о верлибре...» (Белый сад) 405
«И спросил я у кукушки...» 368

- Ива («Как сильно Изменилась ива...») 143
Идиллия («Лес Был как лес...») 315
«Из года в год...» 141
«Из Ледникового озера...» (Ледниковое озеро) 468
«Из мира Облачных Страниц...» 517
«Из молодца синеокого...» 447
«Из смиренности не пишутся стихотворенья...» 131
«Известно, что в краю степном...» (Поэзия как волшебство) 606
Изобразительные средства («Изобразительные средства...») 380
Имена мастеров («Гении Старого зодчества...») 342
«Империя, Я видел твой закат!..» 287
«Инфузорно Мы пылаем...» (Капля крови) 362
Исказители («Подобно тому, как Александр Третий...») 421
«Искусство часто путают с искусственностью...» 450
Историк («А если бы историк наших дней...») 430
Итоги дня («В час ночи...») 195
«Ищут Медвежьих берлог...» (Эпилег) 506
- «К вопросу о пейзаже наших дней...» (Силуэты пней) 305
«К чему Глубокое молчание...» 415
«Как будто Бухту в час отлива...» (Пловец) 497
«Как ваше здоровье, — спросил я, — деревья?...» (Деревья) 70
«Как всё это случилось, в самом деле?...» 193
«Как королева...» (Королева) 519
«Как мне уверить вас...» (Рисунок на бересте) 419
«Как много странного, как много пестрого...» 440
«Как ни давно...» (Дальние звезды) 495
«Как разгадаешь, кто вокруг?...» 461
«Как с Голгофы...» (Новости) 411
«Как сильно Изменилась ива...» (Ива) 143
«Как сосны...» (Мачты) 489
«Как Тихо, чинно, постепенно...» 475
«Как ты любишь писать мой закат...» (Солнце и художник) 142
«Как чужды...» (Ночь звездочетства) 485
Какие вам стихи прочесть? («Какие вам стихи прочесть?...») 298
«Какие Хорошие Выросли дети!..» (Дети) 211
«Какого цвета Ранняя весна?...» 325
«Какое Спокойствие...» (Небо) 434
Камин («И в Коломенском осень...») 128
Камни («После Сумрачной полночи...») 262
Капля крови («Инфузорно Мы пылаем...») 362
Келья летописца («Ночью Блещут, точно многоточья...») 361
Классика («Я вторгся в чужой мирок...») 408
Классики («Редко Перечитываем классиков...») 328
Клонятся деревья («Не понять...») 402
«Клювы острые...» (Ночные птицы) 459
Ключ («День кончился...») 92
Книги («А красноречивей всех молчат...») 375
«Ко мне Алтаец подошел...» (Алтай) 321
«Когда б затеял написать я пьесу...» (Даритель счастья) 125
«Когда Брожу с тобой в лесу я...» (Ревность) 368
«Когда В лесу уже темно...» (Закат) 480
«Когда, вставая солнцем ясным...» (Полярная ночь) 416
«Когда Казалось...» (Яблоко) 346

- «Когда луна...» (Над философским словарем) 251
 «Когда мне было восемнадцать...» (Вне себя) 494
 «Когда Пахнёт...» (Страусы) 164
 «Когда раскапывали Помпею...» 219
 «Когда с полей пустых и голых...» (Дуб) 188
 «Когда создаются...» (Творчество) 369
 Когда стихотворенье не выходит («Когда стихотворенье не выходит...») 347
 «Когда Твердят заученно...» (Явление Тютчева) 382
 «Когда Того или иного...» (Поэты) 283
 «Кому останутся Колдобины и пни...» 507
 Конверт («Я стихи писал...») 373
 «Конечно, При первом знакомстве...» 473
 «Копал я землю...» (Тяга к солнцу) 331
 Корень зла («Вот он, корень...») 234
 Королевна («Как королевна...») 519
 Король («Вы знаете, что в Омске жил король...») 390
 «Короче, Короче, короче!..» 197
 Корреспондент («Приятель, отдал молодость свою...») 54
 «Корявая сирень...» (Сирень) 463
 Костер («Чего только не копится...») 144
 «Краски Являются элементарными...» (Радужность) 425
 Красота («Мир завистников и злыдней...») 356
 Крест («Я на многом ставлю крест...») 492
 «Круги по воде («Вдруг Что-то случилось...») 251
 «Кругом Звучали выхлопы...» 209
 Кружева («Я не знаю — она жива или в северный ветер ушла...») 91
 «Кто вы, Сочинители былин?...» 285
 «Кто дал тебе совет, закончив счет побед...» (Ночь) 99
 «Кто зовет меня...» (Гипнотизер) 48
 «Кто нынче читает Парни?...» 518
 «Кто ответит — где она...» (Лукоморье) 106
 «Кто следующий?...» 159
 «Кто Сроду Сочинял за одой оду...» 519
 «Кто такой Филиппов?...» (Петербургская баллада) 298
 «Кто там Возле университета?...» (Декабрь) 236
 Кувшинка («Цвела кувшинка на Руси...») 124
 Курский выступ («Помню Над тобой, Орел...») 244
 Кусок небес («Меня томили Сложные вопросы...») 415

 «Лазоревая станция...» (Ленинские горы) 226
 Латынь («Все Исходы...») 475
 Ледниковое озеро («Из Ледникового озера...») 468
 Ледяная свирель («А можно ли Хотеть зимы...») 467
 Ленин («Льстецы изображать его готовы...») 458
 Ленин («Где Ленин?...») 302
 Ленин и Вселенная («Многое Связано...») 355
 Ленинские горы («Лазоревая станция...») 226
 Ленинский проспект («Вот Идешь ты...») 239
 «Лес Был как лес...» (Идиллия) 315
 «Лесной Массив Красив...» 363
 «Лет через сто...» (Честь) 433
 Лёта («Ночь. Отмыкается плотина...») 334
 Лето («Вот И лето на пороге...») 336

Летописец («Где книги наши?») 56
 «Лечу во времени...» 385
 Лжете («Видеть время...») 234
 Лисенок («Не то ребенок, а не то бесенок...») 380
 Листья («Они Лежали на панели...») 153
 Ложь («Ложь Поначалу в самых мелочах...») 154
 Лукоморье («Кто ответит — где она...») 106
 Лунный внук («Этой старой деревни фактически нет...») 289
 Луч («Нет, Не горячный баламутчик...») 496
 «Льстецы изображать его готовы...» (Ленин) 458
 Любовь («Она заблудилась...») 452
 Любовь («Ты жива...») 111
 Люди («Люди, В общем, Мало просят...») 218
 «Люди ревнивы...» 493
 Людские имена («Сыпучее песка...») 451

Май («Я родился в начале мая...») 60
 Маркиз и матрос («Ужас Что за стужа...») 477
 Март («Я чую наступленье марта...») 138
 Мартынов день («Нет, это не день моего рожденья!...») 429
 Мартыны («Черные воды пустыни...») 443
 Мать математика («Где она — Грань между прозой, поэзией...») 282
 Мачты («Как сосны...») 489
 Мгновенье («О, не зевай!...») 473
 «Между домами старыми...» 42
 Мемуары («Мемуары...») 295
 «Меня Привыкли...» (Диодор Сицилийский) 349
 «Меня томили Сложные вопросы...» (Кусок небес) 415
 «Месяц-Отрок Льет...» 290
 «Мечется Человечество...» (Неуязвимость) 244
 «Милостивый государь...» (Рисунок пером) 423
 Мир («Мир велик!...») 162
 «Мир завистников и злыдней...» (Красота) 356
 Мир искусства («А кому какое дело...») 517
 «Мир не до конца досоздан...» 308
 Мир рифм («Рифм изобилие...») 430
 «Мир, Тот, которым мы владеем...» 252
 Млечный Путь («Пусть не обсохло молоко еще...») 483
 «Мне зимою легче пишется...» (Сугробы) 401
 «Мне кажется — стихи твои...» 139
 «Мне кажется, что я воскрес...» 105
 «Мне Мечталось...» (Автопортрет) 400
 «Мне На заре...» (Завет Верлена) 382
 «Мне Не дает уснуть...» (Голоса) 170
 «Мне, По существу, у Айвазовского...» (Взрыв) 262
 «Мне под гипнозом не бывать!...» (Чары) 142
 «Мне Хочется, чтоб ты оделась лучше...» (Отчизна) 319
 «Мне чудилось, Что все дороги...» 505
 «Мне чудится, что жив художник Босх...» (Виденья Босха) 306
 Мнимая незавершенность («Нет предела...») 493
 «Много еще неясности...» 253
 Много прежде («Что я пишу?») 318
 «Многое Связано...» (Ленин и Вселенная) 355
 «Мои Товарищи, Поэты...» 264

Море было («Багровеет солнце на закат...») 52
Мороз («Мороз был — сорок! Город был как ночью...») 120
Морское дно («Я шел ко дну...») 137
«Москва Еще вовсе была...» (Есенин) 360
Моховая («Тебя Я помню...») 396
«Моя художественная мастерская...» (Натура) 363
Муза («Ночь была, мгла легла...») 85
Музыкальный ящик («Что песня?...») 167
«Мы были Точно свет с небес...» (Мы с тобой) 385
«Мы Дружно...» (Смысл слов) 437
«Мы знаем цену каждому мгновенью...» (Торговцы тенью) 51
«Мы — как мы!..» 149
«Мы, Ольга...» (Абрамцево) 268
«Мы, Отстранившие...» (Завещание) 418
«Мы плыли по отчаянным волнам...» (Спиной к спине) 279
«Мы Правдой Мир вооружаем...» 242
«Мы С Минского шоссе...» 289
Мы с тобой («Мы были Точно свет с небес...») 385
«Мы снялись...» (На фоне облаков) 286
«Мы Старые поэты...» (Старые поэты) 273
«Мы — футуристы невольные...» 40
Мягкая рухлядь («Где Шубы русские...») 305

На берегу («На берегу...») 265
«На берегу под плакучими ивами...» 445
«На детские твои нападки...» 404
«На заре розовела от холода...» (Вологда) 69
На лайнере благоразумия («На лайнере благоразумия...») 481
На моей планете («И брожу я меж соленых луж...») 480
«На наших улицах...» (Таится смысл во всем) 499
«На одном Конце Москвы...» 358
«На прозу навалился я, кляня...» 511
На смерть Пикассо («Не солнечными ли протуберанцами...») 411
На фоне облаков («Мы Снялись...») 286
«На хруст песка...» (Преображенья) 438
«На черном Красные слова...» 129
«На Черном море...» (Черный шар) 405
«На Язуе...» (Самокатная) 193
Нагая истина («Не правы те, кто истину нагую...») 178
Над философским словарем («Когда луна...») 251
Надежда («Со старым, Кажется, покончено!..») 297
«Надоели Эти примитивы...» 506
«Надоело! Хватит! Откажусь...» (Воспоминанья) 230
«Накапливается масса дел...» 272
Намедни («А что Так медово...») 432
«Намеренья. Легко ли разгадать их!..» 226
Народ-победитель («Возвращались солдаты с войны...») 101
«Нас ссорят гномы...» (Гномы) 119
Насильно мил не будешь («Насильно мил не будешь!..») 359
Настоящее мгновенье («Нет Ничего Тебя виднее...») 253
«Наступает Утро с ветром...» 294
Натура («Моя художественная мастерская...») 363
Нахал («Не трогайте меня, не торопите...») 459
«Наш путь в тайгу...» 46

- Наяды («Ты видел этот новый дом...») 81
 «Не будь Увядшим гладиолусом...» 333
 «Не грозят мне Ни топор, ни плаха...» 269
 «Не грезится...» (Сила тяжести) 260
 Не за помыслы меня вини («Допустимо ли...») 481
 «Не надо Забираться даже в поезд...» (Подмосковье) 309
 Не по прописи («Не по прописи...») 274
 «Не Пожаловал Деревни мне...» 453
 «Не понять...» (Клонятся деревья) 402
 «Не правы те, кто истину нагую...» (Нагая истина) 178
 «Не солнечными ли протуберанцами...» (На смерть Пикассо) 411
 «Не странно ли...» (Дневники) 321
 «Не тайна...» (Ошибка Гершеля) 324
 «Не то ребенок, а не то бесенок...» (Лисенок) 380
 «Не то чтобы мой карандаш онемел...» (Письмо) 353
 «Не трогайте меня, не горопите...» (Нахал) 459
 «Не ювелирные изделия...» (Чистое небо) 191
 Небесные письма («Ветер — звать его Мефодий...») 498
 Небесный купол («А всё же Есть небесный купол...») 255
 Небо («Какое Спокойствие...») 434
 «Небо Вновь набито сероватой...» 317
 Небо и земля («В расширяющейся Вселенной...») 225
 Невзгоды («Неспокойно Доживаю...») 518
 «Невозможно Жить на белом свете...» 220
 «Невский Остается просто Невским...» (Баллада о Федоре Достоевском)
 383
 Нежность («Вы поблекли. Я — странник, коричневый весь...») 45
 «Незаменимых нет?...» 351
 «Нелюдима моя...» (Рассвет) 67
 «Ненаписанное мной...» 418
 Неподвижность («Неподвижность...») 187
 «Нередко Бессмертия ищем...» 494
 «Неспокойно Доживаю...» (Невзгоды) 518
 «Нет! Картина для меня ясна...» (Старая Русь) 447
 «Нет, Не горячий баламутчик...» (Луч) 496
 «Нет Ничего Тебя виднее...» (Настоящее мгновенье) 253
 «Нет предела...» (Мнимая незавершенность) 493
 «Нет, Тени За людьми не гонятся!..» 183
 «Нет, это не день моего рожденья!..» (Мартынов день) 429
 «Неужели думаете серьезно вы...» (Библиотека Грозного) 316
 Неувязимость («Мечется Человечество...») 244
 Нечто третье («Делали одно...») 521
 «Нешаден Для усталых и отсталых...» 444
 «Ни господ...» (Антарктида) 200
 Никогда («Никогда...») 172
 «Никого, Ничего...» 159
 «Но если бы вы все-таки спросили...» 482
 Новое поколение («Новое поколение...») 216
 Новости («Как с Голгофы...») 411
 Ноктюрн («Я темноты ишу...») 406
 Норд-ост («Я, норд-ост, родился в тундре...») 50
 Ночные звуки («Ночные звуки — вороватый свист...») 150
 Ночные птицы («Клювы острые...») 459
 Ночь («Кто дал тебе совет, закончив счет побед...») 99
 «Ночь. Где-то там, на страшной высоте...» 156

- «Ночь была, мгла легла...» (Муза) 85
 Ночь звездочетства («Как чужды...») 485
 «Ночь. Отмыкается плотина...» (Лета) 334
 «Ночь Становилась Холодна...» 152
 «Ночь. Станция. Откуда-то подходит...» (С пути на путь) 357
 «Ночь. Чужой вокзал...» (Грусть) 48
 «Ночь шуршит в канаве желтым листом...» (Балерина) 134
 Ночью («Этой ночью...») 182
 «Ночью Блещут, точно многоточья...» (Келья летописца) 361
 Ночью по Замоскворечью («Ночью По Замоскворечью...») 146
 «Ну, вот И снова я в унынье...» 511
 Нюрнбергский портной («Сама Зима с улыбкой колдовской...») 79
- «О Будничность...» (Будничность) 389
 «О Былое...» (Двенадцатое колено) 345
 «О, великие начала Десятилетия!...» 455
 «О Венгрия...» (Евразийская баллада) 339
 «О ветер...» (Зять и тесть) 488
 «О вы, которые уснули...» 202
 «О годовщины, Годовщины...» 185
 «О, если бы писали мы...» 292
 «О земля моя!...» 212
 «О, знаю я, что постепенно...» (Голый странник) 47
 «О, крохотные бюстики великих...» (Великие) 273
 «О, литература Осьмнадцатого столетия...» 513
 «О, люди, Ваши темные дела...» 52
 «О Милашевском: знайте, это был...» (Художник Милашевский) 502
 «О, не в тайгу б пошел искать я рай...» (Элегия) 45
 «О, не зевай!...» (Мгновенье) 473
 «О, нет, Я не принадлежу к числу их...» (Рождение дня) 436
 «О неведомом и о таинственном...» 444
 «О, Прошлое...» (Прошлое) 386
 «О Россия!...» 313
 «О Сибирь, В летах своих и зимах...» 412
 «О тибетской медицине...» (Тибетская медицина) 424
 «О, только в молодости снится...» (Гром и молния) 398
 «О ты, Бумага несмятая...» 513
 «О чем Ты плачешь, подоконник?...» (Забытый цветок) 365
 Обвал («Был Безмятежен...») 232
 Облака («Облака! Не достать вас руками...») 102
 Облик народа («Я знал в лицо землевладельца...») 466
 «Обманутый, Не мысля об обмане...» 490
 «Обманывают невольно...» (Часы и весы) 375
 Оборона («Я не ласточка...») 482
 Обратная сторона («Вы Много Толковали мне...») 296
 «Обращаются, Как с пятилетним...» 346
 «Овидий В Рим писал в тоске...» 495
 Оглядываясь на былое («Оглядываясь на былое...») 508
 Оглянувшись назад («Хватит перья кусать!...») 515
 «Одни Ворчат мне...» 258
 «Одни стихи Приходят за другими...» 427
 «Околдованная его дудой...» (Сатир и нимфа) 516
 Олива («Олива...») 198
 «Он Всю Европу Взял в объятья...» (Весна) 247

«Он залатан, Мой косматый парус...» 333
 Он и Елена («Вдруг Он стал горячиться...») 488
 «Он Перед нами Открывает душу...» 225
 «Она заблудилась...» (Любовь) 452
 «Они лежали на панели...» (Листья) 153
 «Опять вода идет на прибыль...» (Сирены) 46
 «Опять Вокруг меня летает...» (Хваткий черт) 372
 Орех («В эти годы...») 394
 «От города не отгороженное...» (Богатый нищий) 145
 От жажды к песням («Через вечерние летел я зори...») 367
 «От соприкосновения Художника с Жизнью...» 507
 «От печки Я оттер бы Гоголя...» 98
 Ответ («Знаешь, Не жду я ответа...») 464
 Открытие («Парусная каравелла...») 473
 «Отмечали Вы, схоласты...» 240
 Оттепель («Ветер с далекого моря...») 51
 «Отцокало Пегасово копыто...» 203
 Отчизна («Мне Хочется, Чтоб ты оделась лучше...») 319
 «Отыскал В тиши я деревенской...» (Драгоценный камень) 344
 Ошибка Гершеля («Не тайна...») 324

Пан («Давно Окаменела Афродита...») 227
 Пан («Заблуждаюсь Я всё реже...») 416
 «Парад. Толпы нестройный гул...» (Адмиральский час) 525
 «Парусная каравелла...» (Открытие) 473
 Пастораль («Я думаю О молодых талантах...») 409
 Пегас («Пегас Когда-то был...») 368
 Певец («Перепевая самого себя...») 433
 Первооткрыватель («Гидролог...») 180
 Первородство («По мнению бедноты...») 191
 Первый снег («Ушел он рано вечером...») 116
 Перевод с греческого («И если Видится...») 265
 «Перепевая самого себя...» (Певец) 433
 Переправа («Туман. Река. Клубятся облака...») 114
 Переходное мгновение («Эту вы заметили минуту?...») 146
 Перчатка («Сперва Бросается намек...») 412
 Песни («Пришел и требует...») 221
 Песня («Этой песне внимали Стокгольм и Марсель...») 154
 Петербургская баллада («Кто такой Филиппов?...») 298
 Печаль-путешественница («Та река широка была...») 121
 Печать молчанья («Я вас зову...») 347
 «Пещера Закоптела от свечей...» (Стикс) 264
 Пиретрум («Всю страсть, которая имелась...») 131
 «Писатель слов и сочинитель фраз...» 54
 Письмо («Не то чтобы мой карандаш онемел...») 353
 «Пластинок хриплый крик...» 102
 Плащ («Гроза Гуляла по лесам...») 413
 Пленный швед («В Перми есть пермень. В Златоусте есть злато...») 75
 Пловец («Как будто Бухту в час отлива...») 497
 «По мнению бедноты...» (Первородство) 191
 «По существу ли Эти споры?...» 171
 Погасшая молния («Там, В лесу...») 323
 «Под старость Все становимся мы странными...» 476
 Подмосковье («Не надо Забираться даже в поезд...») 309
 «Подобно тому, как Александр Третий...» (Исказители) 421

- «Подпирал своей я головой...» (Полет над Барабой) 365
 Подсолнух («Сонм мотыльков вокруг домовладенья...») 61
 «Поезд Мчался и мчался...» (Поля у дороги) 509
 «Позднею ночью город пустынный...» 41
 Поздний час («Рабочий день...») 491
 Полет над Барабой («Подпирал своей я головой...») 365
 Поля у дороги («Поезд Мчался и мчался...») 509
 Полярная ночь («Когда, вставая солнцем ясным...») 416
 «Померк багряный свет заката...» (Воздушные фрегаты) 42
 «Помню Двадцатые годы...» (Двадцатые годы) 165
 «Помню Над тобой, Орел...» (Курский выступ) 244
 «Попробуешь Слова сличить...» (Чет и нечет) 318
 «Поручик отставной Петров...» (Правдивая история об Увенькае) 530
 «После Сумрачной полночи...» (Камни) 262
 «Похолоданье...» (Заводы) 179
 «Почему изогнут рог маралий...» (Турбулентность) 437
 «Почему На западе Востока...» (Профили) 500
 Пошлость («А если вновь восторжествует пошлость?..») 400
 Поэзия («Поэзия — мед Одина! — вешали...») 340
 Поэзия как волшебство («Известно, что в краю степном...») 606
 «Поэзия Отчаянно сложна...» 374
 Поэты («Когда Того или иного...») 283
 Правда («В равнинах Востока, багряных от зноя...») 100
 Правдивая история об Увенькае («Поручик отставной Петров...») 530
 Праздник («Я слышу — Вы славите будни...») 127
 Преддверье дня («Преддверье дня. Трава в росе...») 472
 «Предсказательницы погоды...» (Узел бурь) 425
 Преображенья («На хруст песка...») 438
 При жизни Ленина («Я еще при жизни Ленина...») 465
 «При немеркнувшей луне...» (Шостакович) 496
 «Придворные...» (Доклад) 279
 «Прилетел в окошко мотылек...» 514
 «Примерзло яблоко...» 160
 «Природа Нам родная мать...» (Дети природы) 379
 Притязанья («Я не спал...») 423
 Приходит время («Проходит время уверять...») 507
 «Пришел и требует...» (Песни) 221
 «Приятель, отдал молодость свою...» (Корреспондент) 54
 Проблема перевода («Я вспомнил их, и вот они пришли...») 248
 Провинциальный бульвар («Провинциальный бульвар. Извозчики балагурят...») 39
 Проза Есенина («Я перечел Сергея Есенина...») 326
 «Пронзят Меня лучами...» (Земная ноша) 388
 Простота («Ты От меня Желаеть простоты...») 256
 Профили («Почему На западе Востока...») 500
 «Проходит время уверять...» (Приходит время) 507
 Проходные дворы («Проходные дворы...») 123
 Прошлое («О, Прошлое...») 386
 Прятки («Трудолюбив...») 338
 Птенец («И вдруг Раздался треск яйца...») 214
 Птица Сирип («Слышу Киновари крик...») 343
 Птицы («А птицей стать я не хотел бы...») 156
 «Пусть не обсохло молоко еще...» (Млечный Путь) 483
 Путешественник («Друзья меня провожали...») 98
 Путь революционера («И не теоретические споры...») 53

«Пьер Мартин де ля Мартиньер...» (Старый грех) 391

«Рабочий день...» (Поздний час) 491
Равноправье («Я знаю, Что женщины...») 129
Радужность («Краски Являются элементарными...») 425
«Разрешаю одиночеству...» 519
Рассвет («Нелюдима моя...») 67
«Расскажу О Тане-Богоразе я...» (Встреча с Таном) 329
Рассказ о русском инженере («В центре города Знойного..») 554
Рассмейтесь («В белых яблонях сокрыт ваш дом...») 43
Ревматизм («Допытывал я у шаманов...») 441
Ревность («Когда Брожу с тобой в лесу я...») 368
«Редко Перечитывасм классиков...» (Классики) 328
Река Тишина («Ты хотел бы вернуться на реку Тишину?...») 58
«Решение Уйти в монахи...» 381
Рисунок на бересте («Как мне уверить вас...») 419
Рисунок пером («Милостивый государь...») 423
«Рифм изобилие...» (Мир рифм) 430
Ровесник («Я жил Во времена Шекспира...») 278
Рождение дня («О, нет, Я не принадлежу к числу их...») 436
Рубикон («В Китеже я взошел...») 431
«Рукава, Острова...» 239
Рыбинское море («Где когда-то...») 210

«С гор, где шиповник турецкий расцвел...» (Сахар был сладок...) 49
С некоторых пор («С некоторых пор...») 419
«С осторожностью птицелова...» 125
С пути на путь («Ночь. Станция. От куда-то подходит...») 357
С улыбкой на устах («Унылые места...») 515
«Сама Зима с улыбкой колдовской...» (Нюренбергский портной) 79
Самокатная («На Яузе...») 193
Сатир и нимфа («Околдованная его дудой...») 516
Сахар был сладок... («С гор, где шиповник турецкий расцвел...») 49
«Сахарин — Это горькие слезы...» 440
Сверлящий взор («Я стар...») 320
Свобода («Я уяснил, Что значит быть свободным...») 203
«Свободные в суждениях своих...» (Утешитель) 73
«Свои виденья записать...» (Золотой запас) 496
«Свои стихи Я узнаю...» 371
«Сделан шаг...» (Шаг) 211
Северная сказка («Ты был на рубеже Гиперборей...») 112
«Сегодня вечером, как дьявол...» (Безбожница) 387
«Сегодня ночью...» (Вечный путь) 323
«Сегодня туча приходила...» (Туча) 131
Седьмое чувство («Строятся разные небоскребы...») 160
Секрет пустот («В пространстве есть пустоты...») 414
Семнадцатый год («Хотя Ничто Былое Не вернется...») 124
Семь пар («До чего мы стандартному рады...») 393
Серый час («Серый час был мутен и обманчив...») 42
Сила тяжести («Не грезится...») 260
Силуэты пней («К вопросу о пейзаже наших дней...») 305
Сирены («Опять вода идет на прибыль...») 46
Сирень («Корявая сирень...») 463

- «Сквозь Северо-восточный день...» (Узел бурь) 414
 «Сколько раз я говорил себе...» (Борьба) 399
 «Сколько ты ни шевелись там...» 235
 Скоморох («Есть на земле высокое искусство...») 55
 След («А ты? Входя в дома любые...») 99
 Слова («Слова!..») 378
 Слон («Вот видишь: Он — Слон...») 117
 Случается («Смеркается...») 328
 «Слышу Киновари крик...» (Птица Сирин) 343
 «Слышу я Природы голос...» (Голос природы) 307
 «Смеркается...» (Случается) 328
 Смысл слов («Мы Дружно...») 437
 Смысл сна («Я видел сон...») 479
 «Сначала В облачный сосок...» 257
 «Снег Идет за туманами вслед...» 505
 Снег тает... («Вот Тает снег...») 174
 «Снежинка-горожанка...» 395
 «Снова С неба...» (Венок) 434
 «Со смерти Всё и начинается...» 389
 «Со старым, Кажется, покончено!..» (Надежда) 297
 «Событие Свершилось...» 161
 Содержимое того или иного ящика («Содержимое...») 407
 «Соймонов тосковал с утра...» (Тобольский летописец) 560
 Солнце и художник («Как ты любишь писать мой закат...») 142
 Сомнения гоня («И пришло Подходящее время...») 446
 Сон («Всё решено...») 369
 Сон женщины («Добрая женщина...») 175
 Сон подсолнуха («Старый хрен растет со мною рядом...») 66
 Сонет («Я шел по лысынам и спинам горным...») 44
 «Сонм мотыльков вокруг домовладенья...» (Подсолнух) 61
 Сопrotивляемость («Бывает, Сердце так колотится...») 487
 «Сперва Бросается намек...» (Перчатка) 412
 Спinoй к спине («Мы плыли по отчаянным волнам...») 279
 Среди редющего леса («Среди Трескучих...») 353
 «Среди Трескучих...» (Среди редющего леса) 353
 «Среди хоромов-теремов...» (Дублон) 422
 «Становятся Совсем бессвязны...» (Стихи и проза) 397
 Старая Русь («Нет! Картина для меня ясна...») 447
 «Старость Восседала молодая...» 474
 «Старую песню спой ты мне...» (Девушка и охотник) 458
 Старый грех («Пьер Мартин де ля Мартиньер...») 391
 Старый Пушкин («Если Пушкина вообразим...») 421
 Старый театр («В этом Старом...») 465
 «Старый хрен растет со мною рядом...» (Сон подсолнуха) 66
 Старые вопросы («Старые колеса...») 467
 Старые времена («Думаешь — Раньше...») 256
 «Старые колеса...» (Старые вопросы) 467
 Старые поэты («Мы Старые поэты...») 273
 Стачка («Воображение бастует...») 454
 Стикс («Пещера Закоптела от свечей...») 264
 Стихи и проза («Становятся Совсем бессвязны...») 397
 «Стихотворцы Говорят стихами...» 238
 «Сто тысяч окон...» (Деревня) 270
 Стоглав («Стоглав...») 396
 «Строятся разные небоскребы...» (Седьмое чувство) 160

- Страж («Я, когда ~~нахожу~~ черепки чаш...») 492
 Страна Лебедия («Страна Лебедия, о коей сведения почти потеряны...») 477
 Страна-холодырь («Так вот ты какая, страна-холодырь!...») 88
 Страусы («Когда Пахнет...») 164
 «Строительства...» (Дом отчий) 409
 Суббота («Суббота бегала на босу ногу...») 439
 Сугробы («Мне зимою легче пишется...») 401
 Судьба («Я о тебе Гораздо больше знаю...») 373
 Сухие крылья («И нынче В книжных лавках...») 284
 Читайте: это — я! («Я виноват...») 497
 «Сыпучее песка...» (Людские имена) 451
- «Та река широка была...» (Печаль-путешественница) 121
 Таится смысл во всем («На наших улицах...») 499
 Тайный друг («Ты, мой друг...») 387
 Так Велика Гора черновиков...» (Гора) 231
 «Так вот ты какая, страна-холодырь!...» (Страна-холодырь) 88
 «Так медленно...» (Зори) 404
 «Такие звуки есть вокруг...» 149
 «Такое иногда бросишь...» 518
 «Там, В лесу...» (Погасшая молния) 323
 Творчество («Когда создаются...») 369
 «Тебя Я помню...» (Моховая) 396
 «Тень Телевизорной Антенны...» 213
 «Теперь, Когда столь много новых книг...» (Дневник Шевченко) 340
 Терриконы («Вы, Степные исполины...») 247
 Тетрадь («Жалко, что кончается...») 330
 Тибетская медицина («О тибетской медицине...») 424
 Тобольский летописец («Соймонов тосковал с утра...») 560
 Томленье («Томленье...») 250
 Торговцы тенью («Мы знаем цену каждому мгновенью...») 51
 Тоска («Жил на свете я до сорока лет...») 93
 Тоху-во-боху («Знаете ли вы...») 228
 «Трава Никудышная, сорная...» 230
 31 декабря 1950 года («Зима. Снежинка на реснице...») 150
 «Троллейбус рванулся из мрака...» 189
 «Трудолюбив...» (Прятки) 338
 «Туман. Река. Клубятся облака...» (Переправа) 114
 «Туманы В мантиях...» (Туманы и туманности) 434
 Туманы и туманности («Туманы В мантиях...») 434
 Турбулентность («Почему изогнут рог маралий...») 437
 Туча («Сегодня туча приходила...») 131
 «Тучи Чуть ли не с целого белого света...» (Черные тучи) 314
 «Ты Без меня...» 121
 «Ты был на рубеже Гиперборей...» (Северная сказка) 112
 «Ты видел этот новый дом...» (Наяды) 81
 «Ты видишь? Через реку вброд...» 372
 «Ты говоришь: «„Я это видел сам!“...» (Видимое и невидимое) 287
 «Ты детских не ценил воспоминаний...» (Гиперборей) 78
 «Ты жива...» (Любовь) 111
 «Ты знаешь пословицу: мы говорим...» (Дым отечества) 87
 «Ты, мой друг...» (Тайный друг) 387
 «Ты Не почитай...» (Граница) 223

«Ты — нерва спутанный комок...» 440
«Ты От меня Желаешь простоты...» (Простота) 256
«Ты относишься ко мне...» 133
«Ты пишешь так мелко о том, что прошло...» 510
«Ты с умилением читаешь...» (Вступившему в литературу) 402
«Ты у меня, Я у тебя в объятьях...» 401
«Ты Хмуришься...» (Я не говорю про цветы) 427
«Ты Хороша...» (В ядре) 259
«Ты хотел бы вернуться на реку Тишину?...» (Река Тишина) 58
«Тысяча девятьсот пятый...» 267
Тьма вопросов («И если Никому не нужный...») 484
Тяга к солнцу («Копал я землю...») 331

«У блаженного Иеронима...» (Халкидский лев) 501
У дверей вечности («Весной, Особенно при свете...») 490
«У ночи — мрак...» 151
У телевизора («Довольно Необычную программу...») 348
У трамплина («За Университетом...») 299
«Увы, отнюдь не вся Вселенная...» 521
Удача («Жизнь моя всё короче, короче...») 147
«Ужас Что за стужа...» (Маркиз и матрос) 477
Узел бурь («Предсказательницы погоды...») 425
Узел бурь («Сквозь Северо-восточный день...») 414
«Уйдя, Вы дверью хлопнули...» 119
Уменье («Взвыл ветер...») 407
Университет («Университет...») 502
«Унылые места...» (С улыбкой на устах) 515
Успокоился воздух («Успокоился воздух...») 260
Усталость («И всё, о чем мечталось...») 148
Утешитель («Свободные в суждениях своих...») 73
Ушедший в землю («Действительность...») 304
«Ушел он рано вечером...» (Первый снег) 116

Халкидский лев («У блаженного Иеронима...») 501
«Хватит Перья кусать!..» (Оглянувшись назад) 515
Хваткий черт («Опять Вокруг меня летает...») 372
Хлебников и черти («Знаете, Каков был Хлебников?...») 293
«Холодный ум Одолевают думы...» 486
«Хотя Ничто Былое Не вернется...» (Семнадцатый год) 124
«Хочется Сосредоточиться...» 177
Храм Мельпомены («Это недавно случилось. Вчера. Ночью...») 74
Художник («Художник Писал свою дочь...») 176
Художник Милашевский («О Милашевском: знайте, это был...») 502

Царь природы («И вдруг мне вспомнилось...») 108
«Цвела кувшинка на Руси...» (Кувшинка) 124
Цветочек («Цветочек!..») 474

«Чар Потерянного времени...» (Время) 277
Чары («Мне под гипнозом не бывать!..») 142
Часы и весы («Обманывают невольно...») 375
«Чего Вам надо От меня...» 457
«Чего только не копится...» (Костер) 144
«Чему грозят Сухие днища...» 446

«Через вечерние летел я зори...» (От жажды к песням) 367
Чернильница Лютера («Вновь Адский гром...») 500
Черно-бурая жертва («Если б в платье твоём прошлогоднем...») 325
«Черные воды пустыни...» (Мартины) 443
Черные тучи («Тучи Чуть ли не с целого белого света...») 314
Черный шар («На Черном море...») 405
Черт Багряныч («За ночь Черт Багряныч...») 354
Честь («Лет через сто...») 433
Чет и нечет («Попробуешь Слова сличить...») 318
Чистое небо («Не ювелирные изделия...») 191
«Читатели Моих трудов...» (Бой колоколов) 408
«Что, Алеша...» (Баллада о композиторе Виссарйоне Шебалине) 331
«Что говорить! Конечно, жизнь сложна...» (Гиперболы) 356
«Что говорить, Я видел города...» (Единая стезя) 453
«Что делается В механике...» 217
«Что знаете вы О башкирской пещере?...» (Башкирская пещера) 291
«Что песня?...» (Музыкальный ящик) 167
«Что такое случилось со мною?...» (Эхо) 187
«Что я пишу...» (Много прежде) 318
«Что-то Крикнули Вещие птицы...» 463
«Что-то Новое в мире...» 163
Чувство полета («Это Чувство полета...») 349
«Чувствую я, Что творится...» 283
Чужая душа («В потемках...») 457

Шаг («Сделан шаг...») 211
Шаги («Враги Или друзья?...») 215
Шквал («И снова Мир...») 179
Шостакович («При немеркнувшей луне...») 496

«Эй, старик, Ты можешь петь...» 495
Элегия («А как тут зимой?...») 403
Элегия («О, не в тайгу б пошел искать я рай...») 45
Эолова арфа («Арфу слышали Эолову?...») 462
Эпилог («Ищут Медвежьих берлог...») 506
Эрцинский лес («Я не таил от вас...») 94
«Эти ветви...» (Ветви) 399
«Это верно?...» 461
«Это — Не по моей и не по вашей вине...» 152
«Это недавно случилось. Вчера. Ночью...» (Храм Мельпомены) 74
«Это Чувство полета...» (Чувство полета) 349
«Это я, может быть, превращусь в горстку пера...» 514
«Этой ночью...» (Ночью) 182
«Этой песне внимали Стокгольм и Марсель...» (Песня) 154
«Этой старой деревни фактически нет...» (Лунный внук) 289
«Эту вы заметили минуту?...» (Переходное мгновение) 146
Эфир («Я был В эфире...») 390
Эхо («Что такое случилось со мною?...») 187

«Юнец, Недели две...» (Воспоминанье) 376

«Я брежу Только тем...» 301
«Я был В эфире...» (Эфир) 390
«Я вас зову...» (Печать молчанья) 347
«Я Вас Люблю!...» 447

- «Я видел, Как он борется со львом!..» 241
 «Я видел Картину такую...» (Закат) 285
 «Я видел Много звезд...» (Вечерняя звезда) 374
 «Я видел сон...» (Смысл сна) 479
 «Я вижу твои страдания...» 132
 «Я виноват...» (Считайте: это — я!) 497
 «Я вспоминаю Средние века...» 212
 «Я вспомнил их, и вот они пришли...» (Проблема перевода) 248
 «Я вторгся в чужой мирок...» (Классика) 408
 «Я думаю О молодых талантах...» (Пастораль) 409
 «Я думаю О Рерихе...» (Баллада о Николае Рерихе) 426
 «Я думаю, Что на Земле...» 509
 «Я еще при жизни Ленина...» (При жизни Ленина) 465
 «Я жил Во времена Шекспира...» (Ровесник) 278
 «Я знал в лицо землевладельца...» (Облик народа) 466
 Я знаю, какова Любовь («Я знаю, Какова Любовь...») 361
 «Я знаю, чем была...» 207
 «Я знаю, Что женщины...» (Равноправье) 129
 «Я к жизни возвратил немало мертвецов...» (Второе бытие) 501
 «Я как будто несколько столетий...» 370
 «Я, когда нахожу черепки чаш...» (Страж) 492
 «Я, конечно, тоже недоволен...» 271
 «Я куплю себе усы и бороду...» 250
 «Я людям внимаю...» (Явление людей) 420
 «Я на многом ставлю крест...» (Крест) 492
 Я научился сочинять стихи («Я разучился сочинять стихи...») 323
 Я не говорю про цветы («Ты Хмуришься...») 427
 «Я не знаю — она жива или в северный ветер ушла...» (Кружева) 91
 «Я не ласточка...» (Оборона) 482
 Я не прощаюсь («Я не прощаюсь...») 450
 «Я не спал...» (Притязанья) 423
 «Я не таил от вас...» (Эрцинский лес) 94
 «Я, норд-ост, родился в тундре...» (Норд-ост) 50
 «Я о тебе Гораздо больше знаю...» (Судьба) 373
 «Я опять тебя обидел...» 158
 «Я осенью Немного раздражен...» 322
 «Я перечел Сергея Есенина...» (Проза Есенина) 326
 «Я писал, переводил...» 420
 «Я побывал У смерти в лапах...» 486
 Я поднял стихотворную волну («Я поднял стихотворную волну...») 272
 «Я покупал газеты и журналы...» 520
 «Я помню зной того степного края...» (Балхаш) 44
 «Я помню Сдержанную наглость...» (Август) 136
 «Я помню: Целый день...» 161
 «Я понял! И ясней и резче...» 126
 «Я провожал Учительницу средней...» 237
 «Я противник лютых зим...» (Бросьте!) 442
 «Я разговаривал С одним врачом...» 237
 «Я разучился сочинять стихи...» (Я научился сочинять стихи) 323
 «Я родился в начале мая...» (Май) 60
 «Я С классикой...» 448
 «Я с Музой Глубокой ночью...» 245
 «Я Слышу — Вы славите будни...» (Праздник) 127
 «Я стар...» (Сверлящий взор) 320
 «Я старых записей густую вязь...» (Знаки препинания) 512

- «Я стихи писал...» (Конверт) 373
«Я Тебя Не умею беречь...» 275
«Я темноты ищущу...» (Ноктюрн) 406
«Я уяснил, Что значит быть свободным...» (Свобода) 203
«Я чую наступленье марта...» (Март) 138
«Я шел ко дну...» (Морское дно) 137
«Я шел по аллею...» (Елей) 504
«Я шел по лысынам и спинам горным...» (Сонет) 44
Яблоко («Когда Казалось...») 346
Явленье Тютчева («Когда Твердят заученно...») 382
Явленья людей («Я людям внимаю...») 420
«Язычники, христиане...» 456

СОДЕРЖАНИЕ¹

Поэзия Леонида Мартынова. *Вступительная статья В. В. Дементьева* 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ВОШЕДШИЕ В ПРИЖИЗНЕННОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

«Выдвинутые подбородки...»	39	<i>663</i>
Провинциальный бульвар	39	<i>663</i>
«Мы — футуристы невольные...»	40	<i>664</i>
Алла	41	<i>664</i>
«Позднею ночью город пустынный...»	41	<i>664</i>
Серый час	42	<i>664</i>
«Между домами старыми...»	42	<i>664</i>
Воздушные фрегаты	42	<i>664</i>
Рассмейтесь	43	<i>664</i>
Сонет	44	<i>664</i>
Балхаш («Я помню зной того степного края...»)	44	<i>665</i>
Нежность	45	<i>665</i>
Элегия («О, не в тайгу б пошел искать я рай...»)	45	<i>665</i>
Сирены	46	<i>665</i>
«Наш путь в тайгу. И этот дальний путь...»	46	<i>665</i>
Голый странник	47	<i>665</i>
Грусть	48	<i>665</i>
Гипнотизер	48	<i>665</i>
Сахар был сладок...	49	<i>665</i>

¹ Цифры в левой колонке указывают страницы текста, в правой (курсивом) — страницы примечаний.

Норд-ост	50	666
Торговцы тенью	51	666
Оттепель	51	666
«О, люди, Ваши темные дела...»	52	666
Море было	52	666
Путь революционера	53	666
«Писатель слов и сочинитель фраз...»	54	666
Корреспондент	54	666
Скоморох	55	666
Летописец	56	666
Река Тишина	58	667
Май	60	667
Ермак	60	667
Подсолнух	61	667
Сон подсолнуха	66	667
Рассвет	67	667
Вологда	69	667
Деревья	70	667
В мире сорных трав...	72	667
Утешитель	73	667
Храм Мельпомены	74	667
Пленный швед	75	668
Гиперборея	78	668
Нюрнбергский портной	79	668
Наяды	81	668
«Вот лес. Он был густ...»	84	669
«В промежутках Между шторами...»	85	669
Муза	85	669
Дым отечества	87	669
Страна-холодырь	88	669
Кружева	91	669
Ключ	92	669
Тоска	93	670
Эрцинский лес	94	670
«Замечали — По городу ходит прохожий?...»	95	670
«От печки Я оттер бы Гоголя...»	98	670
Путешественник	98	670
След	99	670
Ночь	99	670
Правда	100	670
Народ-победитель	101	670
«Пластинок хриплый крик...»	102	670
Облака	102	670
Баллада про Великий путь	103	671
«Мне кажется, что я воскрес...»	105	671
Лукоморье	106	671
Царь природы	108	671
«И, по земле моей кочуя...»	111	671
Любовь («Ты жива...»)	111	671
Северная сказка	112	672
«Еще черны и ус, и бровь...»	114	672
Переправа	114	672
Первый снег	116	672
Слон	117	672
«Уйдя, Вы дверью хлопнули...»	119	672

Гномы	119	672
Мороз	120	672
Печаль-путешественница	121	672
«Ты Без меня...»	121	672
Вода	122	672
Проходные дворы	123	672
Семнадцатый год («Хотя Ничто Былое Не вернется »)	124	673
Кувшинка	124	673
«С осторожностью птицелова...»	125	673
Даритель счастья	125	673
«Я понял! И ясней и резче...»	126	673
Праздник	127	673
Камин	128	673
«На черном Красные слова...»	129	673
Равноправье	129	674
Пиретрум	131	674
«Из смиренья не пишутся стихотворенья. . .»	131	674
Туча	131	674
В цирке	132	674
«Я вижу твои страданья...»	132	674
«Ты относишься ко мне...»	133	674
«Завершился листопад...»	133	674
Балерина	134	674
«В чем убедишь ты стареющих...»	135	674
Август	136	674
Морское дно	137	674
Март («Я чую наступленье марта...»)	138	674
«Мне кажется — стихи твои...»	139	674
«Из года в год...»	141	674
Солнце и художник	142	675
Чары	142	675
Ива	143	675
Костер	144	675
«И вскользь мне бросила змея...»	145	675
«В эту душную ночь...»	145	675
Богатый нищий	145	675
Переходное мгновение	146	675
Ночью по Замоскворечью	146	675
Удача	147	675
Усталость	148	675
«Такие звуки есть вокруг...»	149	675
«Мы — как мы!...»	149	675
31 декабря 1950 года	150	676
Ночные звуки	150	676
«У ночи — мрак...»	151	676
«Это — Не по моей и не по вашей вине...»	152	676
«Ночь Становилась Холодна...»	152	676
Листья	153	676
Ложь	154	676
Песня	154	676
«Ночь. Где-то там, на страшной высоте...»	156	676
Птицы	156	676
«И снова осень...»	157	676
«Я опять тебя обидел...»	158	676
«Кто следующий?...»	159	676

«Никого, Ничего...»	159	676
«Примерзло яблоко...»	160	676
Седьмое чувство	160	676
«Событие Свершилось...»	161	677
«Я помню: Целый день...»	161	677
Мир	162	677
«Что-то Новое в мире...»	163	677
Страусы	164	677
Двадцатые годы	165	677
«Звонят в Елоховском соборе...»	166	677
Музыкальный ящик	167	677
«Закрывались магазины...»	169	678
Голоса	170	678
«По существу ли Эти споры?...»	171	678
Никогда	172	678
Градус тепла	173	678
Снег тает...	174	678
«Вечерело... Луч закатный...»	175	678
Сон женщины	175	678
Художник	176	678
Вьюги	176	678
«Хочется Сосредоточиться...»	177	678
«Да, Многое исчезло без следов...»	177	678
Нагая истина	178	678
Шквал	179	678
Заводы	179	678
Первооткрыватель	180	679
Дедал	180	679
Ночью	182	679
«Нет, Тени За людьми не гонятся!...»	183	679
«Будто Впрямь по чью-то душу...»	184	679
«О, годовщины, Годовщины...»	185	679
«В белый шелк по-летнему одета...»	186	679
Неподвижность	187	679
Эхо	187	679
«Всё Обрело Первичный вес...»	188	679
Дуб	188	679
«Троллейбус рванулся из мрака...»	189	679
«Будьте Любезны...»	190	679
Чистое небо	191	679
Первородство	191	680
«Как всё это случилось, в самом деле?...»	193	680
Самокатная	193	680
Итоги дня	195	680
Время («Быстро несется время...»)	197	680
«Короче, Короче, короче!...»	197	680
«Забыто Суеверие былое...»	197	680
Олива	198	680
Антарктида	200	680
«В темноте Притаился злодей...»	201	680
«О вы, которые уснули...»	202	680
Дрема луговая	202	681
«Отцокало Пегасово копыто...»	203	681
Свобода	203	681
«Душа беспокоится...»	204	681

«Есть стихи, Что тотчас увядают...»	206	681
«Я знаю, чем была...»	207	681
Вас не было еще...	208	681
«Кругом Звучали выхлопы...»	209	681
Рыбинское море	210	681
Дети	211	681
Шаг	211	681
«Я вспоминаю Средние века...»	212	681
«О, земля моя!..»	212	681
«Тень Телевизорной Антенны...»	213	682
Птенец	214	682
Шаги	215	682
Новое поколение	216	682
«Еще Боятся Высоты...»	216	682
«Что делается В механике...»	217	682
Люди	218	682
«Когда раскапывали Помпею...»	219	682
«Да здравствуют Искатели дорог!..»	219	682
«Невозможно Жить на белом свете...»	220	682
Песни	221	682
Весна («Весна Стояла затяжная...»)	221	682
Граница	223	682
Небо и земля	225	682
«Он Перед нами Открывает душу...»	225	683
Ленинские горы	226	683
«Намеренья. Легко ли разгадать их!..»	226	683
Пан («Давно Окаменела Афродита...»)	227	683
В девятьсот девяносто седьмом	227	683
Тоху-во-боху	228	683
«Трава Никудышная, сорная...»	230	683
Воспоминанья	230	683
Гора	231	684
Обвал	232	684
Корень зла	234	684
Лжете	234	684
«Сколько ты ни шевелись там...»	235	684
Декабрь	236	684
«Я разговаривал С одним врачом...»	237	684
«Я провожал Учительницу средней...»	237	684
«Стихотворцы Говорят стихами...»	238	684
«Рукава, Острова...»	239	684
Ленинский проспект	239	684
«Отмечали Вы, схоласты...»	240	684
«Где-то там Испортился реактор...»	241	684
«Я видел, Как он борется со львом!..»	241	685
«Мы Правдой Мир вооружаем...»	242	685
Вознесся в космос человек	242	685
Курский выступ	244	685
Неуязвимость	244	685
«Я.с Музою Глубокой ночью...»	245	685
Во-первых, во-вторых и в-третьих	246	685
Весна («Он Всю Европу Взял в объятия...»)	247	685
Терриконы	247	685
Проблема перевода	248	685
«Я куплю себе усы и бороду...»	250	686

Томленье	250	686
Круги по воде	251	686
Над философским словарем	251	686
«Мир, Тот, которым мы владеем...»	252	686
«Много еще неясности...»	253	686
Настоящее мгновенье	253	686
«Знаешь, Почему мне удаются...»	254	686
Небесный купол	255	686
Простота	256	686
Старые времена	256	686
«Сначала В облачный сосок...»	257	686
«Одни Ворчат мне...»	258	686
В ядре	259	687
Успокоился воздух	260	687
Сила тяжести	260	687
Взрыв	262	687
Камни	262	687
«Мои Товарищи, Поэты...»	264	687
Стикс	264	687
На берегу	265	687
Перевод с греческого	265	687
«Тысяча девятьсот пятый...»	267	688
Абрамцево	268	688
«Не грозят мне Ни топор, ни плаха...»	269	688
Деревня	270	688
«Я, конечно, тоже недоволен...»	271	688
«Накапливается масса дел...»	272	688
Я поднял стихотворную волну	272	688
Великие	273	689
Старые поэты	273	689
«Есть горы, Что остались до сих пор...»	274	689
Не по прописи	274	689
«Я Тебя Не умею беречь...»	275	689
«Был Дождь как дождь...»	276	689
Время («Чар Потерянного времени...»)	277	689
Ровесник	278	689
Спиной к спине	279	689
Доклад	279	689
Двенадцать цезарей	281	689
Мать математика	282	689
«Чувствую я, Что творится...»	283	690
Поэты («Когда Того или иного...»)	283	690
Сухие крылья	284	690
«Кто вы, Сочинители былин?...»	285	690
Закат («Я видел Картину такую...»)	285	690
На фоне облаков	286	690
«Империя, Я видел твой закат!...»	287	690
Видимое и невидимое	287	690
«Мы С Минского шоссе...»	289	690
Лунный внук	289	690
«Месяц-Отрок Лет...»	290	690
Башкирская пещера	291	690
«О, если бы писали мы...»	292	690
Хлебников и черти	293	690
«Наступает Утро с ветром...»	294	691

Мемуары	295	691
Оборотная сторона	296	691
Надежда	297	691
Какие вам стихи прочесть?	298	691
Петербургская баллада	298	691
У трамплина	299	691
«Я брежу Только тем...»	301	692
Ленин («Где Ленин?...»)	302	692
«Воспоминания зловещи...»	303	692
Ушедший в землю	304	692
Силуэты пней	305	692
Мягкая рухлядь	305	692
Виденья Босха (<i>Триптих</i>)	306	692
Голос природы («Слышу я Природы голос...»)	307	692
«Мир не до конца досоздан...»	308	692
Венера	308	692
В Париже	309	692
Подмосковье	309	692
Внутренний мир	310	693
Верви	311	693
«В метрополитене, В универмаге...»	312	693
«О, Россия! Издревле живу на Руси я...»	313	693
Два облика	313	693
Черные тучи	314	693
«Есть люди: Обо мне забыли...»	314	693
Идиллия	315	693
Библиотека Грозного	316	693
«Небо Вновь набито сероватой...»	317	693
Много прежде	318	693
Чет и нечет	318	693
Отчизна	319	693
Воры времени	319	693
Сверлящий взор	320	693
Дневники	321	694
Алтай	321	694
«Я осенью Немного раздражен...»	322	694
Погасшая молния	323	694
Я научился сочинять стихи	323	694
Вечный путь	323	694
Ошибка Гершеля	324	694
«Какого цвета Ранняя весна?...»	325	694
Черно-бурая жертва	325	694
Проза Есенина	326	694
Случается	328	694
Классики	328	694
Встреча с Таном	329	695
Во дни переворота	329	695
Тетрадь	330	695
Тяга к солнцу	331	695
Баллада о композиторе Виссарионе Шебалине	331	695
«Не будь Увядшим гладнолуcom...»	333	695
«Он залатан, Мой косматый парус...»	333	695
Лёта	334	695
Вятичи	335	695
Лето	336	695

Еще не всё я понимал глубоко	336	696
Прятки	338	696
Евразийская баллада	339	696
Поэзия	340	696
Дневник Шевченко	340	697
Имена мастеров	342	697
Птица Сирич	343	697
Драгоценный камень	344	697
Двенадцатое колено	345	697
«Обращаются, Как с пятилетним...»	346	698
Яблоко	346	698
Когда стихотворенье не выходит	347	698
Печать молчанья	347	698
У телевизора	348	698
Чувство полета	349	698
Диодор Сицилийский	349	698
Вчерашний дождь	350	698
«В садах За университетом...»	351	698
«Незаменимых нет?...»	351	698
«Весна, Как незримая птица...»	352	698
Письмо	353	698
Среди рedeющего леса	353	698
Черт Багрянич	354	698
«Год Двадцатый был...»	354	698
Ленин и Вселенная	355	698
Гиперболы	356	698
Красота	356	699
Земные блага	357	699
С пути на путь	357	699
«На одном Конце Москвы...»	358	699
«Где-то, Может быть, во Мстере...»	358	699
«Вижу: Подымающийся выше всё...»	359	699
Насильно мил не будешь	359	699
Есенин	360	699
Келья летописца	361	699
Я знаю, какова Любовь	361	699
Капля крови	362	699
«Лесной Массив Красив...»	363	699
Натура	363	699
Знак	364	699
Двойник	364	699
Забывтый цветок	365	699
Полет над Барабой	365	699
От жажды к песням	367	700
Пегас	368	700
«И спросил я у кукушки...»	368	700
Ревность	368	700
Сон	369	700
Творчество («Когда создаются...»)	369	700
Волнение	370	700
«Я как будто несколько столетий...»	370	700
Бессилье стариков	371	700
«Свои стихи Я узнаю...»	371	700
Хваткий черт	372	700
«Ты видишь? Через реку вброд...»	372	700

Конверт	373	700
Судьба	373	700
Вечерняя звезда	374	700
«Поэзия Отчаянно сложна...»	374	701
Часы и весы	375	701
Книги	375	701
Ангелы спора	376	701
Воспоминанье	376	701
Бык воспоминаний	377	701
Слова	378	701
Две тени	379	701
«Букет Валялся посреди стола...»	379	701
Дети природы	379	701
Лисенок	380	701
Изобразительные средства	380	701
«Еще шалят, По-летнему одеты...»	381	701
«Решение Уйти в монахи...»	381	701
Завет Верлена	382	701
Явление Тютчева	382	701
Баллада о Федоре Достоевском	383	702
Дар воображенья	384	702
Мы с тобой	385	702
«Лечу во времени...»	385	702
Прошлое	386	702
«А, это ты, В мечтах своих витатель...»	386	702
Безбожница	387	702
Газетная тема	387	703
Тайный друг	387	703
Вообразить себя созвездьем	388	703
Земная ноша	388	703
«Со смерти Всё и начинается...»	389	703
Будничность	389	703
Эфир	390	703
Король	390	703
Старый грех	391	703
«Ветер С юга на север...»	392	703
Семь пар	393	704
Орех	394	704
«Дождь Подкрался неожиданно...»	394	704
«Снежинка-горожанка...»	395	704
Моховая	396	704
Стоглав	396	704
Стихи и проза	397	704
Гусенок	397	704
Гром и молния	398	704
Борьба («Сколько раз я говорил себе...»)	399	704
Ветви	399	704
Пошлость	400	704
Автопортрет («Мне Мечталось...»)	400	704
Встану рано	400	705
«Ты у меня, Я у тебя в объятьях...»	401	705
Сугробы	401	705
Клонятся деревья	402	705
Вступившему в литературу	402	705
Бакены	403	705

Элегия («А как тут зимой?..»)	403	705
«На детские твои нападки...»	404	705
Зори	404	705
Белый сад	405	705
Черный шар	405	705
Ноктюрн	406	705
Уменье	407	705
Содержимое того или иного ящика	407	705
Классика	408	705
Бой колоколов	408	705
Пастораль	409	705
Дом отчий	409	705
Дух творчества	410	705
На смерть Пикассо	411	706
Новости	411	706
«О, Сибирь, В летах своих и зимах...»	412	706
Перчатка	412	706
Плащ	413	706
Узел бурь («Сквозь Северо-восточный день...»)	414	706
Секрет пустот	414	706
Кусок небес	415	706
«К чему Глубокое молчание...»	415	706
Полярная ночь	416	706
Пан («Заблуждаюсь Я всё реже...»)	416	706
Глаза юнцов	417	706
«Ненаписанное мной...»	418	706
Завещание	418	707
Рисунок на бересте	419	707
С некоторых пор	419	707
«Я писал, переводил...»	420	707
Явленья людей	420	707
Исказители	421	707
Старый Пушкин	421	707
Дублон	422	707
Рисунок пером	423	707
Притязанья	423	707
«А многие В первые годы бессмертия...»	423	707
Тибетская медицина	424	707
Узел бурь («Предсказательницы погоды...»)	425	707
Радужность	425	707
Баллада о Николае Рерихе	426	707
Я не говорю про цветы	427	708
«Одни стихи Приходят за другими...»	427	708
Даты	428	708
Душа	428	708
Мартынов день	429	708
Мир рифм	430	708
Историк	430	708
Рубикон	431	708
Намедни	432	708
«Всё происходит лишь однажды!..»	432	709
Честь	433	709
Певец	433	709
Небо	434	709
Венок	434	709

Туманы и туманности	434	709
«Демоны! А из чего они сделаны?..»	435	709
Дымы	435	709
Рождение дня	436	709
«До повторения охочи...»	436	709
Турбулентность	437	709
Смысл слов	437	709
Преображенья	438	709

**СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОХОДИВШИЕ
В ПРИЖИЗНЕННОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЯ**

Суббота	439	709
«Бегут вассалы Колчака...»	439	709
«Ты — нерва спутанный комок...»	440	710
«Сахарин — Это горькие слезы...»	440	710
«Как много странного, как много пестрого...»	440	710
«Дебатам, прениям, стычкам...»	441	710
Ревматизм	441	710
Бросьте! («Я противник лютых зим...»)	442	710
«Всё это было так знакомо...»	442	710
Мартыны	443	710
«Нещаден Для усталых и отсталых...»	444	710
«О неведомом и о таинственном...»	444	710
«На берегу под плакучими ивами...»	445	710
«Чему грозят Сухие днища...»	446	711
Сомненья гоня	446	711
Старая Русь	447	711
«Из молодца синеокого...»	447	711
«Я Вас Люблю!..»	447	711
«Я С классикой...»	448	711
«Искусство часто путают с искусственностью...»	450	711
Я не прощаюсь	450	711
Людские имена	451	711
Любовь («Она заблудилась...»)	452	711
«Не Пожаловал Деревни мне...»	453	711
Единая стезя	453	711
Стачка	454	711
«О, великие начала Девятнадцатого века!..»	455	711
Жили-были	455	712
«Язычники, христиане...»	456	712
Чужая душа	457	712
«Чего Вам надо От меня!..»	457	712
Девушка и охотник	458	712
Ленин («Льстецы изображать его готовы...»)	458	712
Нахал	459	712
Ночные птицы	459	712
Если слепо верить Геродоту	460	712
«Это верно?..»	461	712
«Как разгадаешь — кто вокруг?..»	461	712
Эолова арфа	462	713
Дар Прометея	462	713
Сирень	463	713
«Что-то Крикнули Вещие птицы...»	463	713
«Безголовый мальчик: Только два крыла...»	464	713

А может быть...	464	713
Ответ	464	713
Старый театр	465	713
При жизни Ленина	465	713
Облик народа	466	713
Старые вопросы	467	713
Ледяная свирель	467	713
Ледниковое озеро	468	713
Две тучи	469	713
Баллада о Северной Пальмире	470	713
Преддверье дня	472	714
За языческим бугром	472	714
«Конечно, При первом знакомстве...»	473	714
Открытие	473	714
Мгновенье	473	714
«Старость Восседала молодая...»	474	714
Цветочек	474	714
«Как Тихо, чинно, постепенно...»	475	714
«Галилей Ослеп от старости...»	475	714
Латынь	475	714
«Под старость Все становимся мы странными...»	476	714
Вдохновенный слепец	476	714
Страна Лебедя	477	715
Маркиз и матрос	477	715
Белая ночь	479	715
Смысл сна	479	715
На моей планете	480	715
Закат («Когда В лесу уже темно...»)	480	715
Не за помыслы меня вини	481	715
На лайнере благоразумия	481	716
«Но если бы вы все-таки спросили...»	482	716
Оборона	482	716
«Есть книги...»	483	716
Млечный Путь	483	716
Богоборец	484	716
Тьма вопросов	484	716
Естественность	485	716
Ночь звездочетства	485	716
«Холодный ум Одолевают думы...»	486	716
«Я побывал У смерти в лапах...»	486	716
«А, собственно говоря...»	486	716
Сопротивляемость	487	716
«В тот день Работал я давно...»	487	716
«Где мы находимся?...»	487	716
Он и Елена	488	717
Зять и тесть	488	717
Мачты	489	717
«Давным-давно уж ясных дней нет...»	489	717
«Обманутый, Не мысля об обмане...»	490	717
У дверей вечности	490	717
Поздний час	491	717
Крест	492	717
«Грибы мигрируют...»	492	717
Страж	492	717
«Люди ревнивы...»	493	717

Мнимая незавершенность	493	717
Вне себя	494	717
«Нередко Бессмертия ищем...»	494	717
«Эй, старик, Ты можешь петь...»	495	717
Дальние звезды	495	717
«Овидий В Рим писал в тоске...»	495	718
Шостакович	496	718
Золотой запас	496	718
Луч	496	718
Пловец	497	718
Считайте: это — я!	497	718
Гонец	498	718
Небесные письмена	498	718
Таится смысл во всем	499	718
В старом отеле	499	718
Чернильница Лютера	500	718
Профили	500	718
Второе бытие	501	718
Халкидский лев	501	718
Художник Милашевский	502	719
Университет	502	719
Елей	504	719
«Мне чудилось, Что все дороги...»	505	719
«Снег Идет за туманами вслед...»	505	719
Эпилог	506	719
«Надоели Эти примитивы...»	506	719
«От соприкосновения Художника с Жизнью...»	507	719
Приходит время	507	719
«Кому останутся Колдобины и пни...»	507	719
Оглядываясь на бывшее	508	719
«Я думаю, Что на Земле...»	509	719
Поля у дороги	509	720
«Ты пишешь так мелко о том, что прошло...»	510	720
«И вдруг Затихли Лир бряцанья...»	510	720
«На прозу навалился я, кляня...»	511	720
«Ну, вот И снова я в унынье...»	511	720
Знаки препинания	512	720
«Есть поэмы, не закончены...»	512	720
«О, литература Осьмнадцатого столетья...»	513	720
«О ты, Бумага несмятая...»	513	720
Всё чаще и чаще	513	720
«Это я, может быть, превращусь в горстку пепла...»	514	720
«Прилетел в окошко мотылек...»	514	720
С улыбкой на устах	515	720
Оглянувшись назад	515	720
«Весною ранней Смутно раздраженный...»	516	720
Сатир и нимфа	516	720
Мир искусства	517	720
«Из мира Облачных Страниц...»	517	720
«Такое иногда бросишь...»	518	721
«Кто нынче читает Парнй?...»	518	721
Невзгоды	518	721
«Кто Сроду Сочинял за одой оду...»	519	721
Королевна	519	721
«Разрешаю одиночеству...»	519	721

«Зачем тайник?..»	520	721
«Я покупал газеты и журналы...»	520	721
«Увы, отнюдь не вся Вселенная...»	521	721
За исключением исключений	521	721
Нечто третье	521	721

П О Э М Ы

Адмиральский час	525	721
Правдивая история об Увенькае, воспитаннике азиатской школы толмачей в городе Омске	530	722
Рассказ о русском инженере	554	724
Тобольский летописец	560	725
Домотканая Венера	578	727
Поэзия как волшебство	606	729
Другие редакции и варианты	615	
Примечания	657	
К иллюстрациям	731	
Алфавитный указатель произведений	732	

Мартынов Л.

М29 Стихотворения и поэмы/Вступ. ст. В. В. Дементьева, сост., подг. текста и примеч. Г. А. Суховой-Мартыновой, Л. В. Суховой, В. Г. Уткова.— Л., Сов. писатель, 1986.— 768 с., 8 ил., 1 л. портр (Б-ка поэта. Большая сер.).

Настоящий сборник — первое научно комментированное издание стихов Л. Н. Мартынова (1905—1980), в которое вошли лучшие, показательные и наиболее яркие образцы творчества выдающегося советского поэта. В книге два раздела: 1) Стихотворения; 2) Поэмы, — внутри которых материал расположен в хронологической последовательности. Имеется раздел «Другие редакции и варианты», наглядно демонстрирующий своеобразную творческую лабораторию Л. Мартынова.

М $\frac{4702010200-398}{083(02)-86}$ 430—86

ББК 84. Р7.

Леонид Николаевич Мартынов

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1986, 768 стр.

План выпуска 1986 г. № 430

Художник В. В. Еремин
Худож. редактор А. С. Орлов
Техн. редактор Л. П. Полякова

Корректоры Ф. Н. Аврунина и Е. Я. Лапинь

ИБ № 5150

Сдано в набор 17.04.86. Подписано к печати 27.11.86. Формат 84×
× 108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать.
Усл. печ. л. 40,84. Уч.-изд. л. 41,51. Тираж 50 000 экз. Заказ № 354.
Цена 4 р.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.